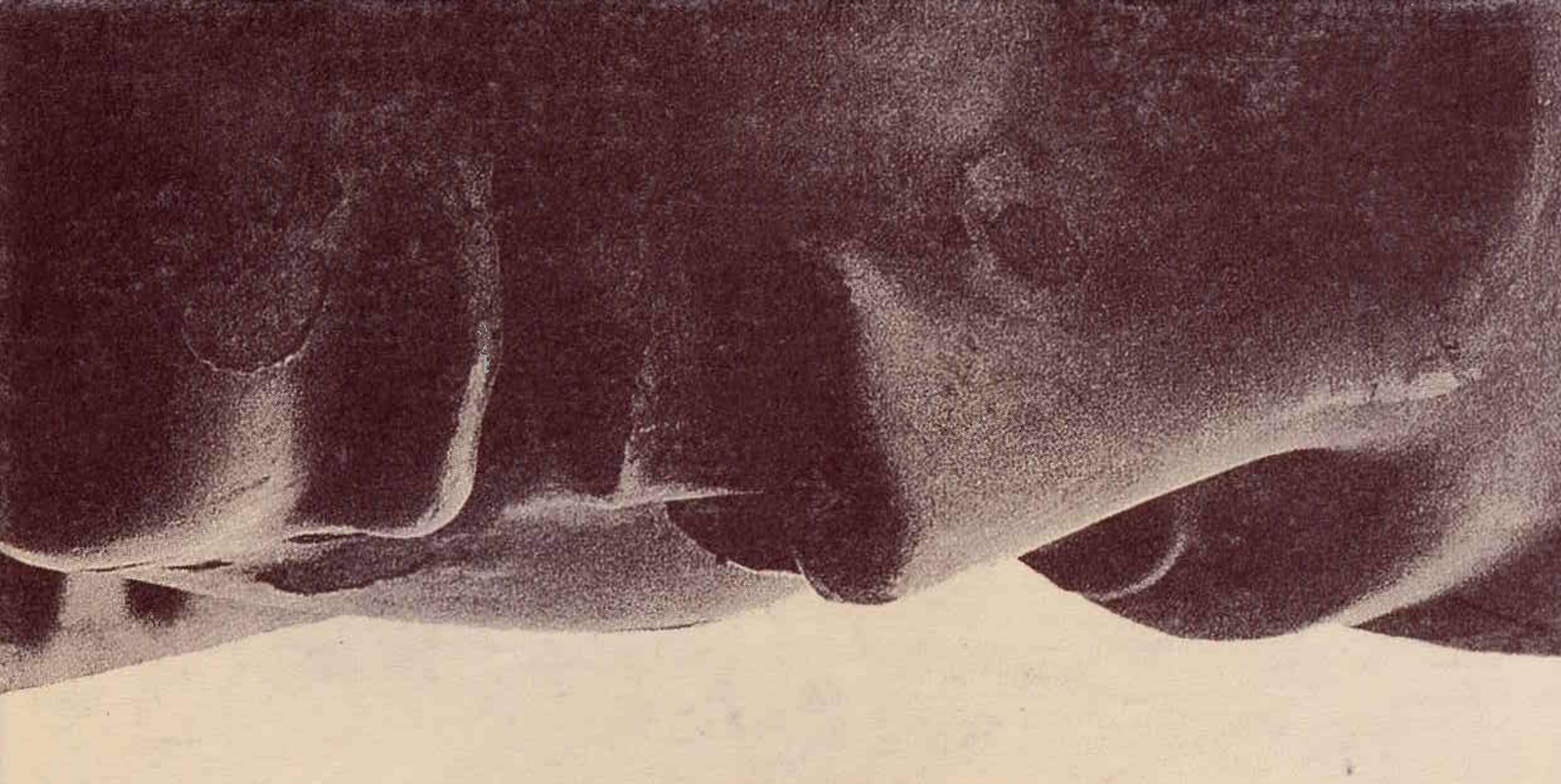
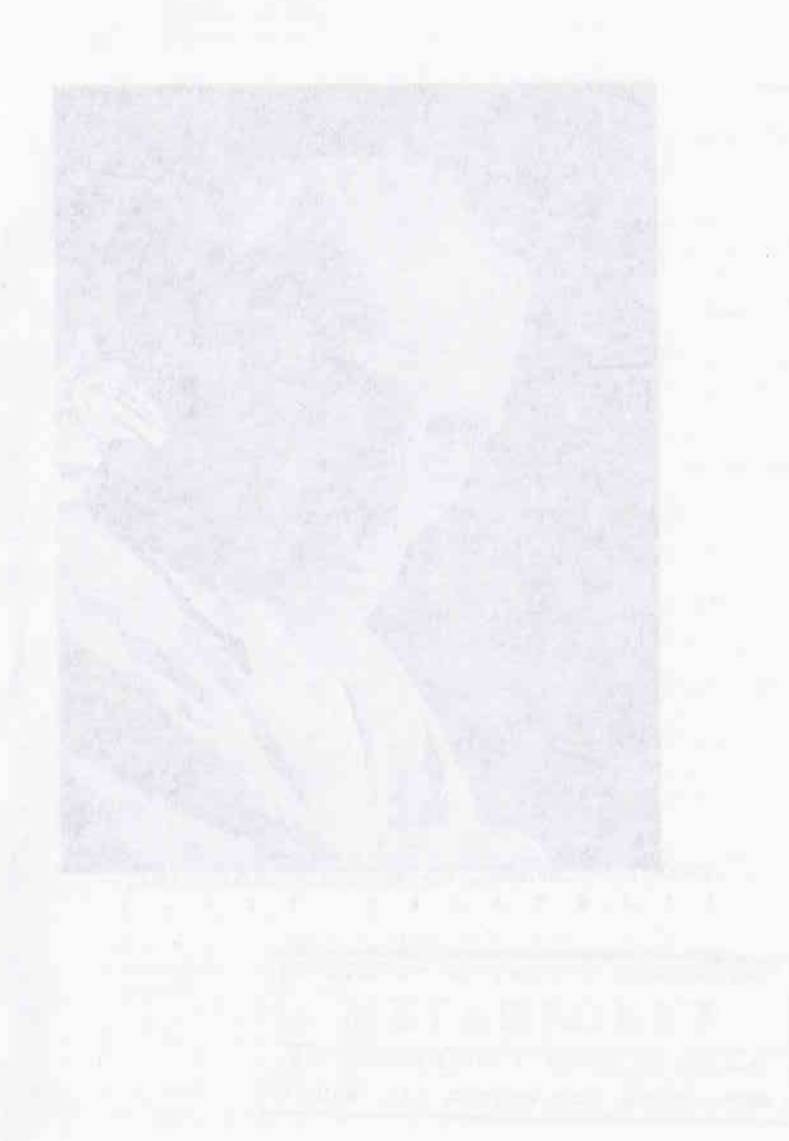

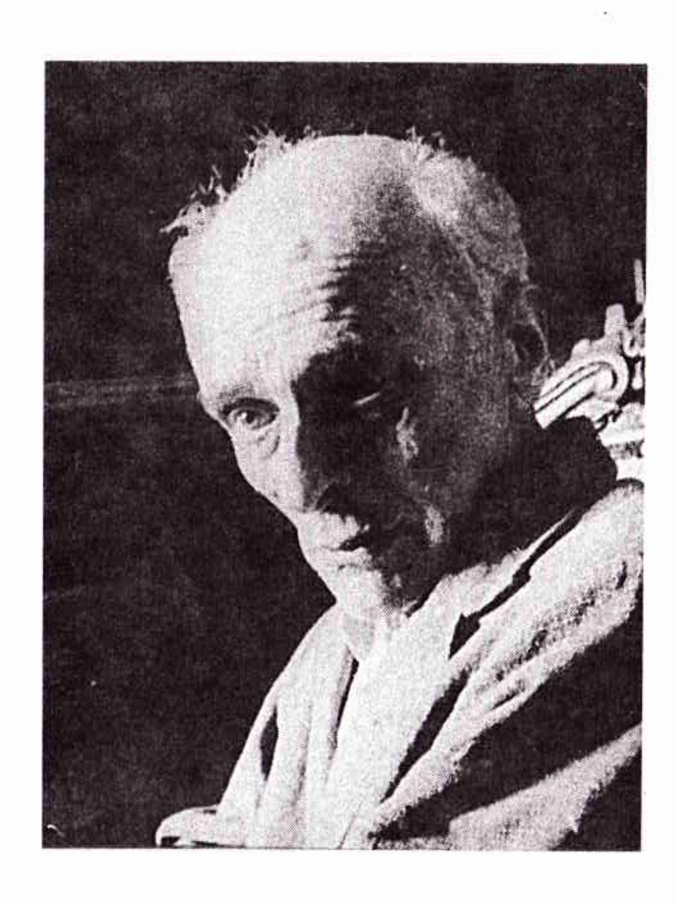
Яков Друскин

ДНЕВНИКИ

Яков Друскин

ДНЕВНИКИ

Яков Друскин

ДНЕВНИКИ

ГУМАНИТАРНОЕ АГЕНТСТВО «АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1999

Издание осуществлено при поддержке фонда
PRO HELVETIA,
Échanges culturels Est-Ouest

Составление, подготовка текста, примечания
Л. С. Друскиной

Редактор
С. С. Полигнотова

В оформлении использованы
фотографии работы
М. Лемхина (переплет), *М. Шемякина* (фронтиспис)

ISBN 5-7331-0149-0

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Яков Семенович Друскин (1902—1980) — один из интереснейших философов-экзистенциалистов нашего времени. Ученик Н. О. Лосского, получивший университетский диплом философа через год после изгнания учителя из страны — в 1923 году (позднее еще два диплома: университетский — математика, консерваторский — пианиста), несмотря на молодые годы, совершает мудрый поступок, сохранивший ему жизнь и возможность свободного творчества. Яков Семенович полностью порывает с философской средой (хотя ему было предложено остаться на кафедре философии) и избирает неприметную должность учителя литературы, позднее математики, как внеидеологической дисциплины, в вечерних и заочных школах Ленинграда.

Чувствуя себя инородным телом (по собственному выражению) в системе, переламывающей человеческие судьбы, он резко разграничивает **дело**, которому будет посвящена вся жизнь, и службу для заработка.

Анонимность защищала от внешней агрессии и была ширмой, за которой протекала интенсивная творческая жизнь.

И тем не менее он не был одинок. В 1918 году сближается с соучеником, будущим философом Леонидом Липавским, а в 1922 году — с поэтом Александром Введенским, двумя годами позже закончившим ту же школу. В 1925 году к ним присоединяются поэты Даниил Хармс и Николай Олейников.

Это была не просто дружба, но эзотерическое содружество людей с общими взглядами на жизнь и искусство, осуществлявших в своем творчестве единение философской поэзии и поэтической философии, — «чинарей», как они себя называли.

Яков Семенович Друскин оставил обширный архив, содержащий философско-религиозные и философско-поэтические трактаты и исследования, многочисленные эссе, посвященные различным аспектам религиозной мысли, литературоведческие и музыковедческие работы, а также дневники за полвека, раскрывающие мир идей мыслителя с поэтическим строем души.

Эссе Я. Друскина публикуются в художественных и философских журналах, в том числе зарубежных, с 1989 года. В 1995 году вышли из печати два фундаментальных исследования, излагающие основные принципы философско-религиозного учения автора, — под общим на-

званием «Видение невидения». И, наконец, работы, вошедшие в двухтомник произведений чинарей, раскрывающие многогранный талант автора.

Выход в свет первой части Дневников (1933—1962) — событие, думаю, не ординарное. В своих дневниковых записях Яков Семенович размышляет о духовных ценностях, определяющих его жизнь, о противоречиях между Провидением и абсолютной свободой человека, между философией и наукой, верой и разумом, мгновением и временем, высказывается о конкретных произведениях литературы, музыки, живописи. Размышления сменяются небольшими эссе — тематика разнообразна, кругозор необыкновенно широк. В целом же Дневник подтверждает изречение автора: «Я жизнь свою продумал, а мысли пережил».

В заключение считаю своим приятным долгом выразить глубокую признательность Швейцарскому фонду PRO HELVETIA и лично госпоже Анн-Шанталь Петтцер, Жану-Филиппу Жаккару и Валерию Николаевичу Сажину за активное содействие в осуществлении этого издания. Благодарю также Людмилу Григорьевну Ковнацкую за помощь и ценные советы в процессе работы над книгой.

Михаил Друскин

КАКИМ ЕГО ЗНАЮ

Моей сестре

I

Надолго мы не расставались: за всю жизнь в длительной разлуке находились дважды — в 1930—1932 (я в Германии) и около трех лет в годы войны; в счет не идут летние месяцы, мои отъезды на непродолжительный срок в другие города и страны и т. д. С детства до зимы 1924—1925 года (я женился) жили в одной комнате (ему тогда было двадцать два с половиной года, мне двадцать). Затем непрекращающиеся частые встречи, в повоенные годы обычно еженедельные (иногда реже), ежедневные телефонные разговоры (либо с сестрой о нем или с ним — обо мне), при моих отъездах — переписка. Интерес друг к другу, то более интенсивный, то менее, сохранялся, что объясняется не только братской приязнью, но и духовным сродством. Но была и преграда этому: каждый избрал свой модус жизни. И строй мысли, не говоря о характерах, был иной. При всей близости мы очень разные.

По классификации Юнга, брат может быть отнесен к интровертивному типу, я скорее к экстравертивному. Как личность он целен, я поливалентен. Еще не достигнув девятилетнего возраста (в 1911 году), он осознал *личностное* в себе; во мне много обличий, ибо создан из разнородного материала. Он прожил целеустремленно единую жизнь, я — будто несколько жизней и в каждой (так мне кажется) личностный облик другой. Он жил мыслью, я более делами. Он, как Авраам, «верою повиновался призванию», в моей биографии много случайного. Библейское сравнение уместно: он одержим истовостью в поисках истинного, что мне — не дано.

Прочел у Фолкнера: в судьбе человека заключено нечто, заставляющее ее прилаживаться к нему так, как одежда, рассчитанная на многих, приобретает форму того, кто ее носит.

Он одолел судьбу, овладел ею; я, обороняясь, плыл по течению.

Есть и общие черты (не дифференцирую различия): интенсивность духа, любознательность (именно любовь к знаниям), потребность в письменном изложении мыслей при литературной одаренности, систематичность и упорядоченность в работе, художественные склонности,

где на первом месте — музыка. Но общие черты, если таковые я верно отметил, разнонаправленны. Поясню примером: он жил герметично и писал потому, что не мог не писать, писал для себя — в просторе мысли; я же писал для печати, учитывая оковы, накладываемые обществом, в котором функционируешь (жил открыто). Это кардинальное различие наших жизненных позиций.

Он нередко спрашивал: чувствуешь ли ты себя в жизни как дома? Сам он так не чувствовал. Любил пользоваться терминами «боль бытия», «тоска по Абсолюту» (последний — Л. Липавского). Он, вероятно, ощущал себя против воли заброшенным в этот мир. (Я позволил себе употребить терминологию Хайдеггера, которую он не любил.)

Его герметичность как бы включала в себя несколько обручей. Центральный — энтелехия (цель осуществления; то, что заложено в душе); доступ туда закрыт всем, кроме одного-двух самых близких людей (на первом месте мать). Второй обруч — члены семьи и очень узкий круг друзей. Все остальное — внешний мир. Полагаю, что я находился на обочине второго круга как перемычка с внешним миром (или, если угодно, окошко в этот мир). Во всяком случае, так было в последние десятилетия.

Ему доставляло удовольствие общение со мной, и думаю, не только из родственных чувств, возможно, ощущал во мне прочность, надежность, которых так не хватало ему в решении повседневных дел: в беззащитности перед внешним миром ему требовалась опора. Не лишено вероятия, что ему нравилась моя манера речи, способность суждения. Темы бесед — неограниченные.

Он жил в разладе с миром. Прежде всего — это мир вещей, которые, попав в его руки, приобретали свойство ломаться, теряться и т. п. Он носил сорочки большего размера или более широкие брюки, дабы они поменьше прикасались к телу. Вещный мир враждебен ему. Ему чужда и природа: «Все это покрывало Майи». Если бы не вынужденная в годы войны эвакуация, он не выезжал бы из родного города; после детства посещал окрестности только потому, что там жили родные. Noli me tangere (не прикасайся ко мне) относилось ко всему внешнему миру, к которому относится то, что вне души. Он жил в разладе и с собственным телом; вслед за Франциском Ассизским называл его «мой брат осел». (Когда заболевал, говорил — «от глупости», то есть не совладал со своим «ослом».) Не тело, а комната, в которой жил, размышлял, писал, — обиталище его души. Но и тут разлад — осуждение своей греховности.

В попытке оградить себя и близких от угроз внешнего мира разработал собственную систему примет как соблюдение норм и законов

поведения, себе поставленных. Среди ритуальных знаков есть нормативные: например, если что-либо забыл взять с собой, не возвращаться домой, сакральные числа и т. п. Из индивидуальных, ему присущих, — касания (Христос исцелял прикосновением). Еще в молодости — перед сном — он начал двуперстно касаться дверного крюка, причем известное число раз (в зависимости от конкретного случая число касаний менялось). При длительном или дальнем отъезде близких — то же двуперстное касание предплечья отъезжающего. При прощании — магическое слово «осторожно» (в письмах — его аббревиатура). Он не любил предзакатные часы, говорил, что душа томится, стремился уйти до наступления сумерек, если был не дома. (Не потому ли, что Христос на Голгофе испустил дух перед закатом?) Невыполнение ритуальных знаков могло, в его представлении, грозить бедой.

В применении к нему привычное выражение «он жил вне времени и пространства» требует уточнения. Пространство, как сказано, — его комната, от всего внешнего замкнутая; остальное — видимость, кажущесть, к чему он безразличен; пространство же души не имеет границ. А время разомкнуто — это время его мысли; тут нет отсчета. Характерно, что подавляющее большинство написанных им вещей не датировано: время будто остановилось когда продуманное он начал записывать. Осталось *сейчас*, и это *сейчас* длилось десятилетиями.

Когда начал писать, не знаю. Надо полагать, с ранних лет, но точно: с середины двадцатых годов. Писал непрестанно. Написанное, вне зависимости от объема, часто заново переписывал (изменяя, дополняя), иногда по пять и более раз. Писал ночами, за исключением последних лет.

Для него писание не потребность — необходимость.

Известно, что некоторые врачи, изготовляя новые вакцины или другие лекарственные средства, прежде всего опробовали их на себе. (Так, если не ошибаюсь, поступил Пастер; А. Богданов умер, на пробу сделав себе переливание крови.)

Брата интересовала работа мысли — в бесчисленных вариантах он проверял ее на себе, являлся для себя объектом исследования. Возникало суждение, рассматривались его возможности. Высказывалось антиномичное суждение. Из их сопоставления рождался *ход* мысли. Он наблюдал ее течение. Мыслил и думал о мысли. Не писал — *само* писалось, будто кто-то водил его рукой.

Он обладал исключительной мыслительной способностью, которая открывала ему доступ к любым сферам знаний, будь то математическая

логика, физика, психология или лингвистика, не говоря об основных для него сферах — философии и теологии.

Поражает литературная форма личного высказывания: его слог безупречен.

Мне кажется, в его литературной манере можно обнаружить две антиномичные тенденции: одной свойственна поэтичность, другой — формульность. В иносказании характеризуется суть предмета, а в формуле — его структура. В первом роде его вещи сближаются с художественной прозой, во втором — с математической логикой.

Он начисто лишен догматизма. Манера письма свободная, ненавязчивая, и чтение его работ (и беседа с ним) требует соучастия, совместного рассуждения, потому что вывод не декларируется — ход мысли подводит к нему без заранее заданного решения. Важнее даже не столько самый вывод, сколько оттенки мыслей, процесс мышления.

Он говорил: в формулу Декарта cogito, ergo sum (мыслю, значит существую) надо внести поправку — не cogito, a dubito (сомневаюсь...). Подлинная вера, говорил он, — с сомнением: «Верую, Господи, помоги моему неверию». Однако сомнение никак не исключает убежденности. Он нерушимо убежден в Главном. (Сомнение и убежденность — еще одна антиномия.)

Воспользовавшись известным изречением, скажу: в том, что делал, как жил, он либо горяч, либо холоден — теплым он не мог быть.

Преклонения перед общепризнанными авторитетами не приемлет — важно не *кто* сказал, а *что* сказано. Эрудицией не прикроешь отсутствие мысли. Он ценит независимость суждений, их нонконформизм. Но: суждение высказывается не для утверждения себя, а в поисках истины. Он отвергает самодовольство в любых формах — и в поступках и в мысли. Самодовольство и глупость — две стороны одной медали.

Главное (и самое трудное, недоступное, но к чему надо стремиться) — отказ от самого себя.

Он сказал мне однажды (до смерти матери): хотел бы работать медицинским братом или санитаром в больнице. Это — не по-швейцеровски, не из миссионерских побуждений, не ради осуществления долга. Служение другим — одна из возможных форм отказа от себя.

Служение — его жизненная миссия.

Служил после смерти отца — матери, сестре, друзьям (их памяти), самому близкому себе человеку.

Он слуга своей мысли.

Его мучила дилемма: тот, кто (как утверждает) любит все человечество, реально, в действительности, никого не любит (кроме себя); тот, кто хочет следовать завету «люби ближнего своего, как самого себя», не может любить всех «ближних», кого встретил (или не встретил) на своем пути. Выход из дилеммы — *не* любить себя. И все же это не есть позитивное решение евангельского завета. (Вкратце записываю по памяти одну из бесед.)

Поступок, свершенный из чувства долга — без любви, — не заслуживает поощрения. Оппозиции «долг — совесть» он противопоставлял «грех — святость», автономной морали — теономную. Надо поступать так или иначе не потому, что так принято, а потому, что так *надо*, исходя из оппозиции «грех — святость».

Он ограничил круг потребностей, желаний, и чем становился старше, тем больше (аскетом все же не был). Ограничил — в той же последовательности — круг людей, с которыми встречался (либо которых допускал к себе). Ограничивалось и число ближних, кого любил, — в это число включались и ушедшие. Постоянство — одна из важнейших черт его характера.

С молодых лет, когда окончательно определился инвариант его личности, избрал жизненный модус. Он — вне социальной системы, и служба резко отграничена от дела, которому себя посвятил. На вопрос: ты работаешь? следовал ответ: нет, пишу. Работа — это служба («потный» труд).

Он построил свою жизнь так, чтобы иметь возможность сосредоточиться на мысли. (Его слова: «Жизнь продумал, а мысли пережил».)

Где-то я вычитал (не знаю, как бы он отнесся к тому, что сейчас пишу), что апофатической (мистической) теологии противопоставляется катафатическая (рационалистическая). Мне кажется, он, как враг рационализма, был склонен к мистицизму. Его жизнь — цепь мистических откровений.

Мистическое — единичное, личное, чуждое соборности.

Не этим ли вызвана самоизоляция (то есть не только ради сосредоточения на мысли)?

Не потому ли был скрытным, не допускал близких к тому, что являлось для него сокровенным, потайным?

Он не вмешивался в чужую жизнь, не поучал. Старался других не осуждать (порой срывался — был вспыльчив, но с годами такие вспышки утихли). Не любил, в частности, когда в его присутствии называли кого-либо дураком; резких выражений не употреблял. Но, естественно,

не мог не обличить нечестный поступок, неряшливость в отношениях. Потом, остыв, осуждал *себя* за то, что осудил других.

Несмотря на присущую ему замкнутость, к тем, кто вне его круга, когда встречался с ними, относился обычно благожелательно (если они не досаждали ему, не утомляли). Я бы сказал (обидного значения этому определению не придаю): равнодушно-благожелательно. К судьбам посторонних людей интереса не проявлял. Чужие беды не волновали его. Ему важна суть человеческого, а не отдельно взятые случаи из жизни людей.

Был ли он добрым? Доброжелательным, несомненно. И, конечно, не злым, не злопамятным. Не злословил. Не показывал превосходства над собеседником (если тот не нравился, отмалчивался). Высокомерие ему начисто чуждо, тем более — тщеславие.

Однако что такое доброта — не знаю. Бескорыстная помощь другим? Помощь в ущерб себе, в ущемление своих интересов? Но, во-первых, нельзя всем помогать, а во-вторых, нет ли в такой помощи оттенка самолюбования? (Это — из бесед с ним.)

Сосредоточенный человек, избравший свою мыслительную деятельность объектом анализа, не способен быть, на мой взгляд, добрым в общепринятом смысле этого неопределенного понятия. Он может излучать благость, но не активно творить добро. (Речь идет об отношении к посторонним, а не к близким.)

Он замкнут, но в общении не суров. Любил не только серьезные разговоры, но и шутливые. Юмор мягкий, не саркастический, шутка беззлобна. Подшучивал и над собой. Шутка могла быть печальной (в данном случае оказалась пророческой).

Когда подъехали к больнице, которую ему не суждено было покинуть, и вошли в помещение, именуемое «Приемный покой», он сказал: в переводе на латинский — requiem aeternam.

Его внешнему облику присуща естественная элегантность. Это ощущалось в полупоклоне, когда встречал или провожал гостей, в непринужденной позе за столом или в кресле, которое бережно сохранялось десятилетиями (в нем сидела мать). В том, как держался, — вне зависимости от того, как одет и какого социального ранга посетитель, — было нечто старомодно-барское (или аристократическое).

С детских лет он худощав. С годами все более худел, под старость — аскетически худ.

Глаза большие, светлые, ясные. Длинные пальцы, узкая кисть. Жест скуп.

Он фотогеничен.

Есть два рода фотографий: на одних он восторженный, на других покорный.

В изображениях — антиномия его души.

Он предстает в двух ипостасях: то как пророк, то как агнец.

II

У меня плохая память.

Прошлое предстает в смутных очертаниях, как обрывки воспоминаний — преимущественно зрительные, подобно кадрам в кино, описать которые трудно.

Я вижу его в разные годы в различных ситуациях, но целостной картины не удается воссоздать, ибо ускользает главное — его духовная эволюция, умственная деятельность.

Если мышление — «диалог души с самой собой» (Платон), то содержание, смысл его биографии в этом диалоге.

Диалог отмечен вехами. Он сам определил их:

1911 — ему девять лет; прикосновение к тайне бытия (или она коснулась его) — он осознал себя как личность;

1934 — смерть отца;

1963 — смерть матери.

Добавлю дополнительные вехи:

1941 — война (гибель друзей, слом в жизненном укладе);

1968 — перелом в личной жизни, начало позднего периода.

Наши отношения приобретали различные оттенки в разных периодах и ситуациях, внешних и внутренних. (Возможно, менялись не только оттенки, но и суть отношений.)

В детстве мы неразлучны.

Пора высшей близости — начало двадцатых годов.

С второй половины двадцатых — постепенное отчуждение.

По возвращении моем из Германии в 1932 году еще резче обозначилось расхождение. Разумею под расхождением взаимное непонимание образа жизни и образа мыслей, что, однако, никак не отразилось на братской приязни, а также на общении — через музыку (особенно в конце тридцатых годов).

Военные годы территориально нас временно разъединили, усилив семейные заботы и тревоги. Послевоенное десятилетие — снова духовное разобщение.

С середины пятидесятых годов — сближение. Как и прежде, главный посредник — музыка. Были и другие художественные впечатления, совместно пережитые, и другие темы бесед.

Вторая высшая пора близости — последние примерно пятнадцать лет.

В эти две поры близости (ранней и поздней) я испытал сильное воздействие его духовности. Тогда, быть может, это осознавал не так ясно, как теперь.

Оказывал ли я на него какое-либо влияние и когда именно — не знаю. Однако полагаю, что без моей помощи он не мог бы ознакомиться с современной музыкой и кое с чем другим.

Я отвожу себе роль возбудителя некоторых его художественных и интеллектуальных (гуманитарных) интересов. Он беседовал со мной и на эти и на иные темы и, вероятно, испытывал потребность в таком общении. Поэтому, думаю, смею утверждать: мы прожили долгую совместную жизнь.

Постараюсь немного рассказать об этой жизни; из-за несовершенства памяти, к сожалению, более о внешних ее чертах, чем о внутренней сути. Рассказ доведу до военных лет. О дальнейших десятилетиях должна была бы рассказать сестра, жизнь которой преисполнена заботой о нем.[1]

Боюсь только, что, касаясь нашей совместной с ним жизни, не слишком ли много буду говорить о себе?..

* * *

Мы мало интересовались своими далекими предками, да и не только предками — дальними родственниками. Поэтому останется неизвестным, насколько разветвлено наше генеалогическое древо.

Отец из бедной семьи, мать из более зажиточной. Оба родом из Вильно, у обоих тяжелое детство.

Фамилия отца редкая. Корень литовский: drusca — соль. (Ср.: Друскеники ⟨Друскининкай⟩, в Петербурге — Друскеникский переулок.) Вероятно, все, кто носят эту фамилию, находятся друг с другом и с нами в каком-то родстве. (Среди них, как некогда слышал, и адвокат в Петербурге, и некий врач в Ялте, снискавший там добрую славу, и музыковед из Ростова-на-Дону — он окончил, как экстерн, Ленинградскую консерваторию в том же году, что и мой брат, и был также наречен Яковом, из-за чего возникли мелкие недоразумения; однако степень их родства с нами мне неизвестна.)

Девичья фамилия матери — Гельфанд — очень распространенная. О ее ближайших родственниках (как и отцовских) скажу дальше. О дальних ничего не знаю.

Согласно семейному преданию, дедушка (по отцовской линии) работал сначала банщиком, потом содержал нечто вроде постоялого двора или меблированных комнат, но был неудачником — вечно проиграл. На моей памяти (может быть, я ошибаюсь), он жил одиноким в Вильно, у одной из дочерей (Рахили), а бабушка — в Петербурге, у другой, замужней дочери ⟨Надежды⟩; иногда приезжал к нам. Я боялся его: вижу, как он, с всклокоченной бородой и пейсами, в особом наряде (талесе), молится у окна. Мне казался он злым, брат же позднее утверждал, что он добрый. Бил ли он бабушку или бабушка била его (оба низкорослые) — где правда, не знаю, но жили они недружно. Дедушка любил моего брата (не меня) и очень скорбел, что тот не был подвергнут обряду обрезания (в угоду дедушке этой операции был подвергнут я).

Народил он с бабушкой (не считая умерших) шесть детей: трех дочерей (две потом работали в аптеке) и трех сыновей. Забота об этой большой семье легла на плечи отца, как старшего; один из братьев стал аптекарем (младший — Шеель — Савелий), другой (Лазарь) — врачом. Как он единолично мог поддерживать такую большую семью (Шеель одно время даже жил у нас, он — отец поэта Льва), вывести в люди братьев — остается загадкой. Я бы не сказал, что он делал это из любви к ним: любил он только ⟨нашу⟩ мать и нас, детей; возможно, именно она настаивала на необходимости такой помощи. С тетками я мало общался, ничего о них сказать не могу; Шеель — добрый, Лазарь — угрюмый нелюдим с странными причудами.

Мать с своими прямыми родственниками находилась в контакте. Брат Макс — богатый лесопромышленник, расцвел в годы нэпа. Его дом — буржуазно-артистический — мы с братом редко посещали, чувствовали себя там париями. Наша кузина Женя (единственная дочь дяди Макса) стала актрисой (посредственной) в театре Радлова. Замужем она была за даровитым химиком Либерманом, в середине тридцатых годов арестованным. Другой брат матери, двоюродный, — Рубинович (дядя Саша), дантист, к нам хорошо относился. Он был женат на родственнице (близость родства не помню) известного в свое время литературно-общественного деятеля Острогорского, редактора (если не ошибаюсь) журнала «Мир Божий». Тетя Лена — так звали ее — в пенсне, хрупкая, картавящая, читала французские романы (это запомнилось!) и как будто занималась переводами. Их сын Лева (была еще дочь Маруся) вскоре прославился как адвокат, но почему-то карьера его сорвалась; выступил затем как писатель (псевдоним — Рубинов). Была еще у мамы племянница (дочь родной сестры) Дуся, которая жила в Москве, иногда приезжала к нам. Ее муж — доктор Аким — крупный специалист по санитарной гигиене. Они имели сына. Уже в зрелом возрасте, посещая Москву, я бывал у них — до середины тридцатых годов, когда Аким был арестован. Вообще, к этому времени связи с нашими родственниками-сверстниками порвались. Исключения: поэт Лева, больной полиомиэлитом (брат навещал его, когда тот был ребенком, и занимался с ним литературой и математи-

кой, я же свиделся только раз — в начале шестидесятых годов), и кузина Женя (после войны устроил ее на работу в библиотеку консерватории; брат дежурил у постели ее, одинокой, находившейся при смерти).

Наши родители — разносторонне одаренные люди. Мне представляется, что они не развили свои таланты, пожертвовав всем ради детей. Или, чтобы сказать точнее, — ради семьи, понимаемой как герметично замкнутый круг. В этом смысле брат прямой их наследник, а я — отщепенец.

Мать рано потеряла родителей, жила в семье своей старшей сестры, но хотела быть самостоятельной (в этом — я в мать) и потому, не закончив пятиклассного училища, стала фабричной работницей. В виленском революционном кружке она познакомилась с своим будущим мужем — нашим отцом, который с шестого класса гимназии являлся там активным участником. В восемнадцать лет мама выступила на первомайском митинге — ее темпераментная речь была опубликована за границей. Вскоре они отправились в Казань. Поступив на естественный факультет университета, отец продолжал вместе с мамой вести интенсивную революционную работу[2]. Уцелев после разгрома казанской социал-демократической организации, они переехали в Киев, где отец закончил медицинский и естественный факультеты университета. Революционная работа ныне осуществлялась в рамках еврейской социал-демократической организации «Бунд», примкнувшей затем к меньшевикам. (В то время партия не была разъединена и именовалась «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».) Когда была разгромлена и киевская организация, отец как врач поступил на службу к генералу Синельникову — в его имение в селе Михайловка Херсонской губернии, но фактически выполнял там функции земского врача. Его помощницей была мама, которая к тому времени закончила акушерские курсы. В Михайловке, отстранившись от революционной деятельности, они прожили более пяти лет.

В 1902 году родился брат (в Екатеринославе).[3] Вероятно, думая о его будущем, родители переехали в 1904 году в Петербург. Спустя два с половиной года родился я (мать гостила у своего брата в Киеве и там разрешилась от бремени), а много позже (уже в Петербурге) родилась долгожданная дочь, любимица отца.

Отец избрал специальность венеролога-дерматолога, так как по тому времени она была в материальном отношении наиболее выгодной. Мечта родителей: накопив деньги, уехать в Швейцарию. Все — ради семьи (с революционными иллюзиями покончено), ради будущего детей, чтобы они не испытывали гнета царизма (и антисемитизма). Отсюда — самоограничение родителей в развитии врожденных способностей.

У отца были несомненные данные для научной работы (знания, почерпнутые на двух факультетах университета, которые он закончил, плюс дисциплина ума), возможно, педагогической (чем он недолго — уже в советское время — занимался в Технологическом институте), либо организационной, что явно обозначилось после революции, когда он заведовал основанной им амбулаторией, находившейся на пересечении Большой Пушкарской и Введенской.

Мать — художественная натура с богатым воображением. С каким увлечением — до глубокой старости — она читала не только классику, но и современную литературу, вплоть до Хемингуэя! У нее также были незаурядные организаторские способности, а художественные задатки, подавленные здравым смыслом, так и не развились. (От матери — мой артистизм.)

Отец сдержан, подтянут и, если можно так выразиться, упорядочен (это я унаследовал от него), не повышает голоса, мало жестикулирует. Он застенчив с чужими людьми, избегает встреч с ними, хотя ко всем доброжелателен (на службах его почитали и любили), но замкнут кру́гом семьи; он излучает неподдельную, истинную нравственность, он сам был *истинный* (унаследовал брат).

Мать, экспансивная и деятельная, в эмоциональном отношении неустойчива; амбивалентна ее склонность то к подвижничеству (жертвенности), то к активному волеизъявлению (властности); первая склонность перешла к брату, вторая ко мне. И в личных отношениях она антиномична: кого невзлюбит — предельно, кого любит — беззаветно. В отличие от папы, мама могла быть и несдержанной — в ней была истовость (унаследовал брат).

Оба они красивые люди. Отдельные черты мы заимствовали. Прежде говорили, что брат лицом похож на отца, а я на мать. Сейчас говорят, будто в старости я стал походить на брата. В лице сестры сохранились некоторые отцовские черты.

Что же касается родительских свойств характера, то они модифицировались в нас, братьях, представ в смешанном, ином качестве, в ином, индивидуальном контексте; поэтому «наследственные» признаки намечены мною только приблизительно, их пересчет не полон и схематично дифференцирован.

ДЕТСТВО

Брак родителей представляется идеальным — не припомню не только разногласий между ними, но даже невольно прорывающихся ноток раздражения, когда люди живут вместе, не расставаясь, более четырех десятилетий. Могло создаться впечатление, будто в семье главенствует

властная мать, но на деле все осуществлялось с одобрения (или по предначертанию) мягкого в обращении отца. Они жили, что называется, душа в душу. Это счастливая предпосылка для дружбы детей.

Мы действительно очень дружили; нам не надо было иметь приятелей — достаточным являлось общение друг с другом. Появилась сестра, и мы сердечно опекали ее и, поддразнивая, звали «злючкой».

Мальчики, естественно, не могли не ссориться. (Например, брат любил проветривать комнаты, а я форточки закрывал.) Тогда, имитируя драку, мы подымали истошный крик, чтобы прибежала мама и разняла нас. (Нередко разгоняла, размахивая полотенцем.) Брат более вспыльчив, чем я, скорее меланхоличный. Мы характерами словно дополняли друг друга. (А драться и потом, в школе, не научились.)

Озорниками мы не были — были послушными детьми. И все же воспитывали нас в строгости. Правда, наказывая, мать иногда не столько хлестала, сколько размахивала полотенцем. (Отец никогда не бил.) В угол, лицом к стене, редко ставили. Самое суровое наказание — пока не осознаешь вину и не попросишь прощения — молчание родителей. Длилось оно недолго.

Нравы пуританские: надо уметь ограничиваться малым — тем, что утилитарно необходимо. (Детей, разумеется, отлично питали, они хорошо обуты, одеты, мальчики — в модные тогда матросские костюмчики.) Все остальное — мещанство и впасть в него стыдно — так втолковывала мать, когда мы немного подросли. Мещанство — это культ вещей, светских условностей, комфорта, короче говоря, — всего того, что считается общепринятым в буржуазных семьях.

(Одна из предпосылок аскетизма брата, его безразличия к своему внешнему облику восходит, быть может, к годам детства, к материнскому воспитанию; он, подобно сестре, и позднее пользовался ⟨как⟩ негативным термином «мещанство» при осуждении «светского» образа жизни, но ввел более широкое понятие — «провинциализм» — как определение самоуверенного конформизма, преклонения перед общепризнанными авторитетами и т. д.)

Мне кажется, источник родительского пуританизма двоякий: пролетарско-революционная «бундовская» закваска — с одной стороны, а с другой — тяжелый путь личного интеллектуального совершенствования. Причем достигнуто это без какой-либо подмоги, собственным трудом и самосовершенствованием, а переход от одной социальной ступени к другой осуществлен не для материального обогащения как такового, но из внутренних побуждений, где главный стимул — воспитание детей. Поэтому у родителей выработалась своя шкала ценностей, отличная от той, которая обычно свойственна благополучным, средне-зажиточным семьям. Этот антибуржуазный иммунитет был привит нам. У брата он навечно остался в крови.

Требование — умей ограничиваться малым — вызывалось и чисто практическими соображениями: бережливостью.

Надо полагать, отец неплохо зарабатывал частной практикой на протяжении 10—12 лет, то есть в годы нашего детства. Он открыл, как в то время называлось, «лечебницу», лечил на дому. Квартира (на Большом проспекте Петроградской стороны, д. 17) имела шесть комнат: три жилых и три под лечебницу (вход туда нам запрещен, дверь в коридор плотно закрыта), где просторная приемная, внушительный отцовский кабинет с кожаной мебелью и большой медицинской библиотекой, темная «процедурная». Жилые комнаты, как и приемная, обращены окнами на улицу: столовая, наша с братом детская и родительская.

Ни в театр, ни на концерты нас не водили. Детей-сверстников в гости к себе обычно не звали. Отмечался широко, с приглашенными, только один праздник — Новый год (что совпадало с моим днем рождения) — с обязательной елкой и не менее обязательным маковым пирогом, который мама отлично пекла. Все остальное праздничное — летом на даче, о чем скажу дальше. Конечно, и в городе бывали развлечения — о них вкратце также позже — сейчас хочу подчеркнуть скромность нашего повседневного детского быта.

Напомню догмат: никаких излишеств. Его подоплека и идейная и практическая — надо экономить ради того, чтобы обеспечить жизнь в Швейцарии, куда переедем на постоянное жительство. Далекая, несбывшаяся мечта! Деньги откладывались в Немецкий банк. Точно сумму не припомню, она была значительной; когда же приехал в Германию в 1930 году, имея на руках свидетельство на счет в банке, зашел справиться в Deutsche Bank — инфляция и девальвация марки в послевоенные годы превратили с таким трудом добытые деньги в дым.

(До 1914 года мы дважды на лето ездили в Швейцарию, поездка обходилась дешевле, чем жизнь на даче под Петербургом. Во второй раз — это было в 1912 или 1913 году — отец проходил какие-то испытания в Берне, чтобы обеспечить себе там практику: очевидно, переезд намечался на ближайшее время...)

Несмотря на бережливость, в чем мать как хозяйка дома проявляла исключительные способности, уклад жизни детей немногим отличался от обычного, принятого в русских интеллигентных семьях: бонны обучали иностранным языкам (французский, немецкий), были и учительницы музыки, отец надзирал за другими предметами. Но и бонны, и эти учительницы мало чему нас научили. (Я не случайно сравнил с *русскими* семьями: русский язык — наш родной язык, при детях родители говорили только по-русски, причем чисто, без акцента; еврейские нравы и обычаи нам не прививали.)

Существенное влияние оказало воспитание трудом: мы занимались вместе с отцом переплетным делом, выпиливали лобзиком, научились с ранних лет заправлять свои постели (игра: наперегонки — кто рань-

ше заправит), подметать комнаты (ссоры: «Сегодня твоя очередь. — Нет, твоя»), на даче вскапывали грядки, окучивали картошку, выпалывали сорняки и т. п.

(Я благодарен родителям за трудовое воспитание — оно много позднее помогло мне просуществовать; брату же физический труд, как любое телесное движение, был в тягость. Однако оба мы не приобрели технических навыков — ими овладела сестра.)

Спорт у нас не был в чести. (Не только у нас — во многих других интеллигентных семьях.) Гимнастикой («по Мюллеру») почти не занимались. На даче играли в лапту, в ныне забытое серсо, но особенно — в крокет (даже отец волновался, когда надо было бить по шару с далекого расстояния или проходить «мышеловку»). Но: мы плохо катались на коньках, велосипед, не говоря о лыжах, не освоили, нас не учили ни плаванию, ни гребле (я стал плавать только в двадцать лет — самоучкой, а брат так и не научился).

Чем объясняется пренебрежение к тому, что ныне обозначается нелепым словообразованием «физкультура»? Думаю, хилым здоровьем брата, а коли ему это вредно, то — дабы не ранить его — не следовало и мне заниматься спортом.

Брат нехотя явился на этот свет — роды были тяжелыми, накладывались щипцы. (Я родился, по выражению акушерок, «в сорочке», роды легкие.) Он, по словам матери, был трудным младенцем, захлебывался в плаче, с ним случались «родимчики». (Я — тихий ребенок.) Он и рос трудно, скачками. Болели ноги, из-за чего даже летом носил гамаши. На молебнах в дореволюционной гимназии — от долгого стояния — внезапно падал в обморок. Тем не менее, будучи хилым, тяжело не болел до 1941 года, если не считать дизентерии в 1920 году, я же, будучи здоровее его, в детстве перенес скарлатину с осложнениями (был отправлен в больницу), а в 1920—1930 годах страдал от высокотемпературных желудочных заболеваний и ангин (одна из них привела к коллапсу, из которого чудом выбрался).

Он и духовно развивался стремительно, скачками. Но об этом мне, младшему брату, да еще с моей плохой памятью, судить трудно. Однако вижу: на прогулке отец в оживленной с ним беседе, я плетусь где-то сбоку или позади... Вообще, мне кажется, я был пассивным ребенком, медитативным, а он, с восторженно горящими глазами, инициативным и активным. В чертах его лица есть угловатость, я миловиднее, даже на девочку похож (сохранились фото в семейном альбоме). Но, быть может, все это домыслы или отзвуки воспоминаний о материнских рассказах.

Реально: то, что делал он, то делал и я. Мы вместе летом собирали гербарий, ловили жуков и сачком бабочек, затем в банке с эфиром их усыпляли, а усыпив, накалывали на булавки (какая радость, когда словишь бабочку-траурницу или махаона!) Добыча сохранялась в коробках.

Ловили и головастиков (содержались в банках), и ящериц, и кузнечиков, и лягушек (взяв на ладошку, поглаживали их вздымавшееся со страху брюшко; жаб не боялись, хотя нам говорили, что от них бородавки). В каких только болотах мы не перебывали, в какой грязи не копошились (в коровьих лепешках искали навозных жуков — потомков скарабея, в болотах — плавунцов). Мы, городские дети, были лишены ложной брезгливости (как это потом пригодилось нам!) и сентиментальной жалостливости, но животных любили (однажды все лето прожил у нас еж, в другое — выхаживали птенца, и т. д.).

Летние месяцы (с мая до сентября) — треть года, и возможно, лучшее его время. Сейчас мне, во всяком случае, так представляется. Начиналось это со сборов. Вещи отправлялись телегой; возбужденные споры, кто поедет с ними. Обычный клич: «Я поеду *в на возе*!» А там, на даче (уже и сестра подросла), мы постоянно вместе — и мама не должна отлучаться по хозяйству, и отец не уходит в кабинет, плотно закрыв за собой дверь в лечебницу...

Зимой другие игры — «умственные»: шашки, шахматы, трик-трак. (Имели оловянных солдатиков, но игр с ними не любили.) Музыкой нас не баловали, хотя в столовой стоял граммофон с блестящей трубой-раструбом; прокручивались всего две пластинки: одна с Шаляпиным — «Блоха» и «Как король шел на войну» (музыка Ф. Кенемана, о чем узнал значительно позднее. — *М. Д.*), последняя производила на меня сильное впечатление, а в первой — только «ха-ха», на другой пластинке — «Ах вы, сени» и еще что-то. Когда мы подросли, разыгрывали шарады. Домашних спектаклей, как это было принято в других семьях, не ставили. Декламировать стихи нас не заставляли, чтение вслух не практиковалось. Вообще, нашему гуманитарному развитию уделялось мало внимания. Тем, чего мы добились в этом отношении, обязаны не столько воспитанию, сколько самим себе. Но разве тесная дружеская сплоченность семьи и царившая в ней чистота нравственной атмосферы не могла служить основанием для позднейших размышлений о судьбах человеческих отношений, об отношении человека к миру?..

РЕВОЛЮЦИЯ. ВОЛОГДА

Февральскую революцию вспоминаю как праздник. Толпы гуляющих с красным бантом в петлице, сверкают медные трубы оркестров, колышутся алые полотнища. С весны нам разрешено самостоятельно гулять. Водит брат (ему вскоре исполнится пятнадцать, мне двенадцать). Если память не изменяет, он сторонник газеты «Новая жизнь», то есть не большевик, но с явственным левым уклоном, я же за меньшевиков, лидеры которых имеют ласкающие мой слух фамилии: Чхеидзе, Церетели. Посещаем митинги в Народном доме, в цирке «Модерн» (напро-

тив мечети, здание потом снесли); однажды там нас пленил Радек, который говорил не с трибуны, как все, а расхаживая по эстраде и раскуривая трубку. Брат (без меня) был и среди тех, кто толпился у дворца Кшесинской, а за кулисами зала Народного дома видел Ленина. Возможно именно в это время у него наметился интерес к марксизму, за изучение которого ревностно принялся. Увлечение продолжалось дватри года — штудировал «Капитал», чему я восхищенным свидетелем был. (Потом говорил: «Марксизмом, как скарлатиной, надо переболеть в детстве».)

В свои поздние годы он не отрицал телеологическую необходимость революции — не ради социального переустройства, а как очистительного огня для духовного обновления, для зарождения нового отношения к жизни.

Осенью 1917 года отца мобилизовали, как врача, и направили в Вологду.[4] Мы выехали всей семьей в ночь на 25 октября (по старому стилю) и из Петрограда Керенского прибыли в город, где уже правила советская власть.

Остановились в старинном подворье у Софийского собора. Началась трудовая и трудная жизнь.

Вологодская казенная гимназия, в которую нас определили, сохранилась такой же, что и при царском режиме, — с обязательной латынью, Законом Божьим, с педагогами в вицмундирах, с нравами и обычаями, описанными в «Бурсе» Помяловского, с дюжими второгодниками, которые держали в кулаке весь класс, выкручивая руки и ноги («салазками»), и проч. Меня особенно преследовал некий караим (караимы обычно ярые юдофобы) — втируша и подхалим второгодников; от него узнал, что я жид (что еврей, знал, но слова этого не знал). Досаждал сосед по парте (по фамилии Львов). Учил сквернословию, давал исчерпывающую информацию по сексуальным вопросам с наглядным пособием — порнографическими картинками; звал к себе, чтобы через дырку, которую просверлил в стене комнаты, посмотреть, как *это* делается. О *стыдном* брату не рассказывал, на такие темы мы не разговаривали — ни тогда, ни позже. Убежден, что, в отличие от меня, каким был целомудренным, таким и остался. Он обладал редкой способностью: умел ограждать себя от ненужных (ему ненужных) впечатлений — отстранял их.

Я учился из рук вон плохо (на уроках читал дешевые выпуски детектива «Ник Картер», которые подсовывал мне Львов).

Дома — в очередь — опекали сестру (родители были очень заняты), занимались уборкой комнат, иногда кухонными делами, но главное — пилкой бревен (не без ссор), колкой дров, топкой печей. Занятость родителей была вызвана не только служебными обязанностями (где работала мать, не припомню), но снова пробудившейся у них страстью к революционной деятельности.

Как получилось, что в заштатной Вологде оказалась довольно значительная организация Бунда, не знаю. Запомнил клуб, куда вечерами сопровождал маму и в чем-то ей там помогал. Пытался даже освоить алфавит идиш (там же, в клубе, находился печатный станок, набирались листовки), но то, что усвоил, начисто забыл. (Брат этим, по-моему, не интересовался.) Очень гордился отцом, который стал одним из лидеров вологодских бундовцев. Помню, что он выступал в помещении театра на большом митинге, полемизируя с Коллонтай — отличным оратором — и, судя по аплодисментам, одержал над ней верх. Так и стоит перед глазами (либо мне представляется, будто помню это), как из-за кулис любуюсь отцом — стройным, в военном кителе.

Весной или летом 1918 года началось наступление белых. В Вологде возникла опасная ситуация; отцу угрожал арест, о чем предупредил хорошо относившийся к нему влиятельный большевик Элиава. Ночью, на задворках железнодорожных путей, он посадил нас в поезд, следовавший в Петроград. Мы вернулись в свою прежнюю квартиру и — в ту же школу, куда вскоре начали ходить вместе с сестрой, приводить которую и отводить домой являлось, на первых порах, моей обязанностью.

...Но брата я теряю из виду года на два.

ГИМНАЗИЯ ИМЕНИ Л. Д. ЛЕНТОВСКОЙ

До революции наряду с казенными гимназиями существовали частные, в которых не соблюдалась двухпроцентная норма для евреев. (Казенные давали какое-то преимущество при поступлении в университет. Возможно, поэтому меня хотели сначала определить в Славянскую гимназию, находившуюся наискосок от нашего дома, но на экзаменах я не набрал нужных баллов и поступил в гимназию имени Л. Д. Лентовской, где уже учился брат.) Среди частных гимназий, которые назывались по имени их меценатов (например, известное в Петербурге Тенишевское училище) или создателей, наша являлась одной из лучших. Каждый учебный год открывался молебном, а затем следовала речь директора. (Он — небольшого роста, тучный, с окладистой черной бородой и красным круглым лицом, за что школьники прозвали его «помидором».) В своей речи директор прославлял Лидию Даниловну Лентовскую (ее большой портрет висел в актовом зале) — за что прославлял, не припомню. Не помню (до 1918 года), и как занимался, как относился к школе; исключение составляет один факт: мне лет 10—11, вместе с приятелем я обливал чернилами из окна прохожих, за что подвергся выдворению (временному) из гимназии. (В моей школьной эпопее это только цветочки, ягодки впереди! Такие проделки брату никак не свойственны.)

По возвращении из Вологды мы обучались уже не в гимназии Лентовской, хоть остался тот же директор и примерно тот же состав педагогов, а в «единой трудовой школе» под номером таким-то[5], и переведена она недалеко — с Большого проспекта в более просторное помещение на Плуталовой улице. Наступает важный этап в становлении личности брата и формировании — моей.

В юношеские годы возрастная разница очень ощутима. Если прежде, в детских играх, она не замечалась, то теперь различие уже определившихся индивидуальностей, у каждого со своей направленностью интересов, резко обозначилось. Вот почему я в ближайшие два-три года теряю из виду брата.

Интеллект мой дремал примерно до пятнадцатилетнего возраста. Знания посредственные или, скажем мягче, в рамках школы ординарные. Правда, классный наставник — преподаватель истории А. Ю. Якубовский (позднее известный востоковед) — поощрял меня, принимал на дому. Не под его ли влиянием я потом стал историком?

Школа была по преимуществу гуманитарной. (Ее с теплотой поминали и Вадим Андреев — Вадька, мой соученик по классу, сын писателя и сам писатель, и Д. С. Лихачев, который был моложе меня класса на два.) Среди лучших учителей-гуманитариев наряду с Якубовским — словесник Леонид Владимирович Георг. Его метод обучения наглядный — он не столько преподавал (разъяснял) историю отечественной литературы, сколько на слух знакомил с лучшими ее произведениями. До сих пор не забыть его исполнения «Вишневого сада», причем читал он подряд, всю пьесу целиком, за всех персонажей! Георг — постановщик школьных спектаклей («Плоды просвещения», «Ревизор»), инициатор внеклассных (вечерних) литературных встреч, да и не только литературных; он беседовал с школьниками, тем более старшеклассниками, как с равными. Леонид Владимирович — классный наставник брата — любил его, и тот отвечал ему взаимностью, чтил его память. И не под влиянием ли Георга сформировался превосходный литературный слог брата?

(Среди других педагогов вспоминаю страстного любителя музыки — математика П. Ю. Германовича, обладавшего приятным баритоном, его коронный номер — песнь Веденецкого гостя из «Садко»; учителя рисования, добрейшего П. Н. Андреева, брата писателя. В соревновании с Германовичем и я стал музицировать на школьных вечеринках, а Андреев, со своей стороны, поддерживал художественные склонности.)

Гуманитарии — прежде всего Георг — способствовали тому, что школьники стали завзятыми «альманашниками», авторами-сочинителями (преимущественно поэтами) рукописных сборников. Наиболее рьяный альманашник Л. Липавский вскоре близко сошелся с братом; был классом моложе его и соответственно классом старше меня. Другой альманашник — А. Введенский, мой сосед по парте; года через три он также тесно сблизился с братом. (К ним в 1925 году примкнул Д. Хармс, а позднее Н. Олейников.)

Альманашники — школьная элита, я же убежденный демократ. То ли еще были живы вологодские впечатления («бундовские»), то ли «эстеты» не приняли меня в свой круг — так или иначе, я с «плебсом». Как «демократ», стал старостой класса, а затем, если не ошибаюсь, чуть ли не председателем существовавшего, но бездействующего совета школьников — старостата. (В 1919 или 1920 году Введенский, поздравив меня с днем рождения, предрек, что я буду вторым Плехановым, чем я был очень польщен.)

Два года мы ходили с братом в одну и ту же школу, встречались на переменках, но жили розно, в разных мирах, и вряд ли делились дома всем пережитым за день. К тому же вскоре (чуть ли не с зимы 1919 года) началось совместное обучение и — любовные увлечения. Он далек от этого. (Правда, в его, старший, класс девушек не приняли.) В отличие от меня, в школьных спектаклях и вечеринках не принимал участия. Насколько сейчас понимаю, он находился в стадии интенсивного *внутреннего* роста, я же был распахнут любым *внешним* впечатлениям.

Надо, наконец, помнить, что эти годы (1918—1921) — время голода, сыпняка и холода (в комнатах стоят «буржуйки»). Мы жили бедно, дни — вне школы — заполнены тревогой и заботой. (Я начал с пятнадцати лет подрабатывать как репетитор отстающих учеников, причем не только нашей школы.) В семье установлен строгий обычай: регулярное взвешивание детей и родителей, дабы подкармливать того, кто за это время похудел. Помню, как мама однажды встала на весы, запрятав в платье топор, — она сильно отощала и боялась, как бы не заметил этого отец, всех взвешивавший...

В виде интермеццо упомяну эпизод, лишь косвенно относящийся к брату.

Летом 1920 года, за год до моего окончания (брат закончил обучение в 1919 году), нас, школьников, послали на работу (школы ведь именовались «трудовыми»!) куда-то за больницу Фореля — помогать «сбирать» овощи. Срок двухмесячный. У меня перед глазами стоит двухэтажная с антресолями деревянная дача. Я с братом в небольшой комнате на втором этаже; оттуда ведет лестница на антресоли: там, непосредственно над нами, живет Липавский с другим «эстетом», сокурсником Литвером (они закончили в этом году школу). Педагоги, завезя нас, отбыли. Нам надлежит «самоуправляться», я — в руководстве самоуправления. Едим баланду, голодаем, подкармливаемся сырыми овощами. Брат заболел дизентерией в очень тяжелой форме; кто отвез его в город, не помню (не я ли?); он не вернулся на дачу.

От работы отлыниваем, но лениво бредем на огородные поля. Не работаем — воруем: едим сырые овощи. Как потом обнаружилось, некоторые школьники ворованные овощи отвозили втихаря в город на

черный рынок. Я именовался «завограбом» — заведовал *системой* ограбления. Приближались осенние месяцы. Стало не только голодно, но и холодно. Вверенный нам инвентарь (лопаты и проч.), частично мебель, половицы сожжены. Что делать? Грозит возмездие. Собралось руководство и порешило: чтобы замести следы, дачу сжечь. Подвернулся случай: «стоюнинки» (девушки из бывшей Стоюнинской гимназии), которые находились поблизости на аналогичных трудовых работах, устраивают прощальный вечер. Мы, руководство, сказались больными. Среди руководителей — мой приятель Федька Кнорре (будущий писатель), Чеботарев (в школьном спектакле «Ревизор» играл Городничего, Введенский — Хлестакова, я — Осипа), старшеклассник (окончивший школу вместе с братом) Мошкович, других не помню. Весь скарб школьников вынесен на лужайку, в комнатах расстелена солома, облита керосином, зажжена и — дача запылала. Мы с Федькой — одни из лучших бегунов в школе — устремляемся к расположенной вдали пожарной каланче (ради alibi); там угрюмо ответили: сами подожгли. Когда возвратились, увидели: вместо дачи пепелище, а в пепле... картошка. Как завограб, возмущен: воришки хранили в подвале — на продажу — мешки с картофелем. Его было много, мы славно поели. До сих пор у меня на языке вкус той запеченной в углях картошки.

Утром, спозаранку, с суковатой дубинкой в руке отправился в школу, чтобы доложить о случившейся беде — дача *сама* сгорела. Вряд ли педагоги мне поверили, но дело замяли, так как у самих было рыльце в пушку — за все лето ни разу нас не посетили. Тем не менее, если не сейчас, то спустя некоторое время меня исключили: войдя в помещение школы, я не снял шапку, небрежно кивнув нелюбимому педагогу, а в ответ на его требование снять головной убор — надерзил. Вскоре, однако, меня восстановили.

ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

1921 год обозначил сильный сдвиг в моем сознании. Я склонен объяснить внезапность взрыва окрепшим духовным контактом с братом: нас объединила — уже не существенно, кто старше и кто моложе! — увлеченность музыкой, а также другие художественные впечатления.

По окончании школы я осенью поступил в университет на математический факультет и одновременно в Российский институт истории искусств на Исаакиевской площади — на словесный разряд. ⟨...⟩ И только в январе 1922-го поступил в консерваторию. ⟨...⟩

Брат к тому времени перешел с исторического факультета Педагогического института имени А. И. Герцена на философское отделение факультета общественных наук университета (окончил в 1923 году). Разумеется, он несравненно развитее меня, но пианистически

я более продвинут, бойчее читаю с листа, имею и некоторый опыт выступлений на школьных вечеринках (чаще всего играл по клавирам популярные арии из опер), но как *музыкант* был ли я более чуток, чем он? Или он своей духовностью опережал меня, вел за собой? Кто был ведущий и кто ведомый? Скорее всего, увлекались на *равных* основаниях. Вот когда комплементарность наших характеров оказалась насущно необходимой: в ближайшие три-четыре года мы остро нуждались во взаимном общении.

Всюду ходили вместе. С безоглядной страстью посещали концерты, ухитряясь проникать в залы «зайцами» (были бедны). Одно из первых очень сильных впечатлений — исполнение в Капелле Кусевицким «Поэмы экстаза». Скрябин, особенно позднего периода, являлся сначала нашим кумиром. Лишь потом пришло знакомство с симфониями Бетховена и с Шопеном (восхищались Горовицем). Старались не пропускать ни одного симфонического концерта — притягательная сила Филармонии никогда не была столь велика, как именно в это время.

Затем, при нэпе, несмотря на скудные заработки, приобретали ноты новой музыки, хлынувшей с Запада. Мы стали «леваками», причем не только в музыке, — это и Хлебников, Кручёных, ранний Маяковский, и Филонов, Малевич, спектакли Б. Терентьева, талант которого брат высоко ценил, и ФЭКСа[6]. На стенах нашей комнаты (бывшей приемной) развешаны разрисованные мною плакаты с футуристическими лозунгами. У одной стены (слева) пианино, на котором играет то он, то я. В центре большой общий стол для занятий. Поодаль кресло, в котором он постоянно с книгой (иногда ночи напролет). У другой стены (напротив окон) стоят рядом две постели. Дымит буржуйка...

Не помню, кто первым предался композиторской самодеятельности. Сочиняли — опять же, на равных основаниях! — фортепианные пьесы. Брат показал свои опусы Асафьеву, тот одобрил. Я не решился показать, хотя часто с ним встречался, перейдя с словесного разряда Института на музыкальный.

Другое *совместное* увлечение — кино. На первом месте немецкие экспрессионистские фильмы («Кабинет доктора Калигари», «Голем», «Доктор Мабузе»), отдаем дань и голливудским. Брат — поклонник Лилиан Гиш. Наши общие любимцы: Конрад Фейдт (брат похож на него), Чарли Чаплин, Аста Нильсен.

Еще одно увлечение: современная зарубежная (в переводах) литература, которой при нэпе был наводнен книжный рынок. Читали все подряд. Избирательная способность еще недостаточно выработалась, и среди любимых (*совместно* любимых) оказались, например, столь неравноценные «Атлантида» Пьера Бенуа и «Местечко Сегельфос» Гамсуна.

Наконец, Зигмунд Фрейд. Перечли все, что к тому времени оказалось переведенным. Как смерч, обрушился на нас Фрейд. (Позднее брат

относился к нему резко отрицательно — не как к психиатру, а как к дилетантски философствующему атеисту.)

Многое пережито вместе, но духовные запросы далеко не во всем совпадали. Я еще связан с Введенским некоторыми нитями, но вскоре они порвались, с Липавским не виделся, а у брата как раз в те годы крепла дружба с ними; были у него и чисто философские интересы, мне ⟨от меня⟩ далекие, я все глубже проникал в профессионально-музыкантскую среду. Трещина образовалась, когда я отделился от дома — переехал в квартиру родителей жены, что произошло зимой 1924—1925 года. Началось раздельное существование: изменился и образ жизни, и образ мыслей. Но не подготавливались ли изменения исподволь? В наших отношениях, при всей близости, была преграда. Даже тогда, тем более позднее, не заходила речь о сокровенном: исповедальный тон чужд нашему общению. У него интенсивная, глубокая, скрытая от посторонних глаз, в том числе моих, *внутренняя* жизнь, у меня — также интенсивная, но она требует *внешнего* проявления — деятельности концертной, научной, общественной, к тому же ограничена *только* музыкой (его духовные интересы значительно шире). Со второй половины двадцатых годов эти различия (расхождения) все резче проявлялись.

В те годы, о которых шла речь, облик брата отличался от того, каким стал после войны, и не только потому, что он был молод. Худобой всегда отличался, но не аскетической, да и аскетом не выглядел; больше (даже по сравнению с тридцатыми годами) обращал внимания на то, как выглядит, как одет. Сравнительно длинные волосы, пышная шевелюра (короткая стрижка не в моде). Манера поведения не скованная, а небрежно естественная. Чаще меня ходит в гости, причем не только к своим друзьям, но и к моим соученикам и соученицам по консерватории (и без меня, один — я вскоре прекратил эти визиты, он продолжал). У него появилась потребность в общении с консерваторцами. Появилась же она, как мне кажется, потому, что он увлекся пианизмом.

До сих пор не могу уяснить себе, зачем ему понадобилось закончить консерваторию экстерном. На мои вопросы (беседовали стариками) кратко отвечал: «Так мама хотела». Я действительно поступил в консерваторию по настоянию родителей (почему они настаивали, не припомню), но был ведь юнцом, которому открыты все дороги! Он же начал готовиться к выполнению столь нелегкой задачи в возрасте двадцати трех лет, притом занятый утомительной службой в школах и фабзавучах — преподавал словесность. Иное дело еще один свершенный им героический акт — окончание экстерном математического факультета университета в 1938 году (без сдачи госэкзаменов): ему надоело преподавание словесности, математика — внеидеологическая дисциплина. Так зачем же он кончал консерваторию? Не пойму, потому что дипломом он не воспользовался: не работал в музыкальной школе, не давал

даже частных уроков, не концертировал, не выступал аккомпаниатором, вообще никогда (кроме выпускного экзамена) публично не выступал — играл только в кругу друзей. Неужто поначалу пример моей карьеры привлек его?

Он брал частные уроки у О. К. Калантаровой, у которой я до того занимался, то есть следовал по моим стопам. (И в программе выпускного экзамена — пьесы Шумана и Стравинского, мною игранные.) Он занимался истово — так, как обычно все делал. До сих пор вижу и слышу, как он часами учит «с задержкой», по-есиповски, Токкату Шумана или Шестую рапсодию Листа (октавы!). Программу он выбрал трудную: среди прочего прелюдия и фуга си минор Баха из первого тома «Хорошо темперированного клавира», Тридцать вторая соната Бетховена, его же Пятый концерт. Разумеется, я, как «старший», неоднократно прослушивал эту обширную программу на дому (для занятий приобретен рояль, который он потом подарил мне) и, пожалуй, так не волновался на собственных концертах, как на его выпускном экзамене в январе 1929 года. А через полтора года я отбыл в Германию.

ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ

По возвращении в 1932 году мне показалось, что облик брата както потускнел. Я ничего не знал о свершившемся в нем духовном перевороте — обращении к вере. Разговоры на эти темы не возникали — вероятно, по моей вине, так как я был очень занят собой и тем, что он уничижительно называл переживаниями. Будь я более внимателен, мог бы задуматься о многом при совместной работе над Бахом в конце тридцатых годов: он в совершенстве знал и Ветхий и Новый завет; Евангелие всегда было под рукой. Мне представлялось, однако, что он более склонен к мистицизму, — не приметил силы его веры. Полностью не ощутил и в послевоенные десятилетия, когда он хотел пробудить во мне интерес к богословским вопросам, к которым, начиная с шестидесятых годов, все чаще обращался в беседах со мной. (Я познал силу этой веры по трудам его, когда его не стало.)

Показался же он мне в 1932 году после долгой разлуки поблекшим (или потускневшим) потому, что в облике его уже не было прежнего оттенка артистизма. (Действительно ли так было или в ретроспекции сейчас так примыслил, не берусь утверждать.) Возможно, и во мне, овеянном ветрами Запада, многое показалось ему чуждым, ложным.

Не сблизила нас и смерть отца.

В то лето мы жили с женой под Воронежем, в глуши. До ближайшей почты несколько километров, к Воронежу — на попутной телеге до полустанка. Телеграмму, извещавшую о тяжелой болезни отца (инфаркт; до того серьезных заболеваний не знал), получили 11 августа. В Пуш-

кин, где разразилась катастрофа, прибыл 15-го, за полтора дня до кончины. Он лежал без сознания. Проблеск — перед самой смертью.

Гроб с останками был отправлен в город на открытой грузовой машине. Во время всего пути на гробу лежал плашмя брат. Я рядом, придерживал его.

Как объяснить, что в то тяжелое время мы не искали друг у друга утешения? Может быть, полагал он, я недостаточно глубоко воспринял горе (не изменил свой образ жизни), и потому отвернулся от меня? А вернее всего, он попросту не нуждался в таком утешении. Главная забота — мать, и заботой о ней он жил последующие тридцать лет. У меня же помимо этой, на первых порах действительно главной, были и другие заботы. Ни понять, ни принять их он не мог.

(Во второй половине тридцатых годов наступила у меня полоса кризиса и в профессиональных, и в личных делах. Следует также помнить об оголтелой травле так называемых формалистов, лжи, предательстве, терроре — снаряды ложились рядом...)

Надо полагать, брат не одобрял моей дружбы с Соллертинским, оказывавшим на меня сильное влияние, не одобрял, вероятно, и деятельности, которой я предался, — за исключением пианизма, но как раз с 1935 года я перестал концертировать. (Таковы догадки, со мной об этом не беседовал — поучительных советов не давал.) Со своей стороны, я не принимал (как личностей, творчеством не интересовался) ни Введенского, ни Хармса, которых изредка встречал у Липавского, — мы жили с ним в соседних домах, часто по вечерам к нему заходил, играл в шахматы, другие контакты не возникали. (Олейникова там не встречал и знаком с ним не был.) Я винил Хармса и Введенского, с их богемными, как мне представлялось, замашками, в том, что они вовлекли брата в неустойчивый образ жизни. Имею в виду ночные бдения, частые выпивки и поздние возвращения домой.

Я не был ханжой и тем более врагом бутылки: редко кто в нашем кругу не пил водки в то страшное время. Но у брата слабое здоровье, и то, что я позволял себе, для него считал вредным, в чем разделял тревогу и матери, и сестры.

Почему он пил, с его высокими нравственными требованиями, непрестанной аналитической самопроверкой, осуждением греховности?

Опьянение по-разному воздействует: у одних пробуждает подспудные звериные инстинкты, у других утончает восприимчивость. Будучи скованным, скрытным, он, общаясь с другими, нуждался, очевидно, в раскрепощении — ради обострения восприимчивости. К тому же душа его находилась в разладе с телесной оболочкой, а опьянение освобождает душу от этих оков, рождает ощущение парения. (Не потому ли в двадцатых годах он пробовал у Липавского нюхать эфир, что, по его словам, приводило к смещению временных и пространственных представлений?)

...Так мы и жили — во взаимном непонимании. Я знал (хотя бы со слов матери), что ночами он пишет, но о чем — не знал (полагал: философские трактаты, в которых не смогу разобраться и потому ими не интересовался), а он не читал того, что я печатал.

И снова музыка стала нитью, связавшей нас под конец тридцатых годов. На сей раз то был Бах.

В мои консерваторские обязанности входила, среди прочего, выборка для перевода отрывков из зарубежных книг по истории музыки. Переводы служили дополнительным учебным пособием для студентов и скудно, но все же оплачивались. Я привлек брата к этой работе. Он перевел, в частности, отдельные фрагменты из трактатов по старинной музыке. К тому времени я перешел с кафедры истории зарубежной музыки на кафедру игры на органе, которую возглавлял И. А. Браудо. По его инициативе при кафедре был с моим участием организован баховский кружок. Брат уже зарекомендовал себя как переводчик, который хорошо ориентирован в вопросах старинной музыки. Другой переводчик по тем же вопросам — Н. Бертенсон, мой сокурсник по классу Калантаровой. И наконец, ученик Браудо М. Шахин. Таков состав баховского кружка, в задачу которого входила подготовка сборников, намечавшихся к изданию совместно с Институтом истории искусств. Подготавливаемые статьи, их тезисы или планы обсуждались на непериодических заседаниях кружка (он просуществовал около двух лет). Брат написал тогда работу о мессе h-moll, оставшуюся в рукописи (имела три редакции), брошюру (в соавторстве со мной) «„Страсти по Матфею" И. С. Баха», изданную в 1941 году Ленинградской филармонией, и работу «О риторических приемах в музыке И. С. Баха». В расширенном и углубленном виде книга под тем же названием издана в 1972 году в киевском издательстве «Музична Україна» на украинском и в 1987 году в Софии — на болгарском языке[7].

Итак, спустя примерно пятнадцать лет мы снова совместно работали, но сейчас объединяла только поставленная перед собой задача, а не, как прежде, широкая общность интересов. Тем не менее это способствовало нашему сближению. Оглядываясь в прошлое, скажу: он глубже меня знал и чувствовал баховскую музыку, я же был лучше ориентирован в вопросах истории — трактовки творчества Баха, его современников и предшественников. Как видно, и на данном этапе мы представали в комплементарном единстве.

Предполагалось, что работа над Бахом будет еще шире развернута и тем самым наши контакты углубятся. (Это осуществилось только в конце пятидесятых годов — при переводе монографии Швейцера.)[8] Но вторглась война. Осенью 1941 года, в блокаду, жена, используя связи в Интуристе, добилась для нас комнаты в гостинице «Астория»: там электрический свет и в кранах вода, нет забот о топливе. Мать, брат и сес-

тра перебрались в нашу квартиру на Гатчинской улице. У них, на Староневском, четвертый этаж и вблизи Московский вокзал (объект для бомбардировки и артобстрела), у нас, на Гатчинской, второй этаж и тихое место.

Брат сначала держался, а потом сильно сдал — опухли ноги. Все тяготы быта пали на плечи сестры.

В феврале 1942-го жена и я вместе с Театральным институтом, где заведовал кафедрой, эвакуировались из Ленинграда. Прощание с родными было тяжелым.

На этом прерву свой рассказ.

То, о чем писал в первой части записок, — штрихи к его портрету повоенных десятилетий. Детали жизни и быта не так существенны. Но требуется еще один дополнительный штрих. Вряд ли кто-нибудь, кроме меня, сможет его воссоздать во всей полноте. Речь пойдет именно о последних десятилетиях.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СКЛОННОСТИ

Когда встречаешься с таким редким по глубине мысли и своеобразию феноменом, каким является мой брат, то задаешься вопросом: как соотносится избирательная способность его оригинального художественного вкуса с установившимися у него воззрениями, с характером и, я бы сказал, *стилем* мышления? Что является первичным: воззрения управляют избирательной способностью в подходе к явлениям искусства или интуитивное их познание вносит коррекцию в систему мышления?

Он говорил, что музыка Баха пробудила в нем религиозное сознание (указывал точную дату: 1928 год). В дальнейшем не было ли, однако, обратной связи: не определялся ли обретенным религиозным сознанием его художественный вкус? Но как установить грань, отделяющую в восприятии искусства интуитивное от умозрительного? Она подвижна и у каждого воспринимающего индивидуальна. В случае же с братом, как мне представляется, велика умозрительная роль в избирательной предрасположенности, и велика она именно из-за его поразительной мыслительной организации. Этим никоим образом не хочу сказать, будто он не постигал искусство интуитивно, наоборот — с удивительной чуткостью проникал в суть его. И будь то музыка Баха или Шёнберга, либо поэзия Введенского, добивался такой полноты постижения, которая доступна далеко не каждому, даже незаурядному профессионалу-исследователю. Интуитивно, исходя из *собственной* системы мышления, он разрабатывал *свои* методы анализа, отличающиеся от нормативных (не интересовался ими) и по технике, и по характеру изложения. (Как не любил он quasi-научные труды с обширными комментариями и ссылочным аппаратом, за которыми скрывается безличная индивидуальность автора!)

Поэтому, когда я указал на роль умозрительного начала, то имел в виду его воздействие не на *восприятие* конкретного, признанного им произведения, а на *аксиологический* подход, то есть: почему одного автора принимал, а другого, общепринятого, отвергал. Не берусь дать тому объяснение — повторяю, это удастся только при условии, если во всем комплексе будет понята *системность* его мышления.

Он часто цитировал слова Введенского: к произведению искусства неприменимы определения «красиво» или «некрасиво», надо говорить — «правильно» или «неправильно». Правильное и есть истинное. А истина цельна, неделима, и этой истине... должно было соответствовать представление об эстетическом идеале. Отсюда, на мой взгляд, проистекает его строгая и очень индивидуальная избирательность в отношении к художественным произведениям.

(Он говорил: восприятие искусства можно сравнить с конусом. Его основанием служат годы юности, когда множатся художественные впечатления, а избирательная способность еще не выработана. В старости, по мере приближения к вершине — к концу жизни — лишнее отпадает, остается только насущно важное. А затем остается единственно необходимое: Евангелие.)

В ранние годы я не наблюдал у него особого интереса к живописи, который пробудился в послевоенные годы благодаря встречам с художниками, в первую очередь с В. Стерлиговым.

Брат категорически отвергал Пикассо, снисходительно отзывался о Матиссе. Отрицал Гогена, уважительно относился к Ван Гогу, но более ценил Сезанна. ⟨Феофана Грека предпочитал Рублеву.⟩ Восхищался Рембрандтом, его офортами. (Обрадовался, когда, вернувшись с зарубежной поездки, подарил ему небольшую книжку с хорошими копиями гравюр Рембрандта.)

Осуждал Леонардо да Винчи за открытие им — ложное и вредное, по мнению брата, — перспективы в живописи. Мы нередко делились мыслями об эвентуальном соответствии тонального движения в музыке живописной («прямой») перспективе. Разграничивал, в согласии с Стерлиговым, понятия «беспредметная живопись», которую приветствовал, и «абстрактная», которую отвергал. Вообще, как мне кажется, суждения брата об изобразительном искусстве во многом стимулированы Стерлиговым, картины которого он высоко ценил, а тот, в свою очередь (равно как и его жена, художница Т. Глебова), чутко реагировал на его замечания. К его мнению прислушивались и другие художники, с которыми он встречался в пятидесятых—шестидесятых годах (В. ⟨П.⟩ Траугот, М. Шемякин).

Он всегда много читал — без книги в руках сидящего в кресле трудно себе представить его. Читал книги по философии (под конец жизни

тра перебрались в нашу квартиру на Гатчинской улице. У них, на Староневском, четвертый этаж и вблизи Московский вокзал (объект для бомбардировки и артобстрела), у нас, на Гатчинской, второй этаж и тихое место.

Брат сначала держался, а потом сильно сдал — опухли ноги. Все тяготы быта пали на плечи сестры.

В феврале 1942-го жена и я вместе с Театральным институтом, где заведовал кафедрой, эвакуировались из Ленинграда. Прощание с родными было тяжелым.

На этом прерву свой рассказ.

То, о чем писал в первой части записок, — штрихи к его портрету повоенных десятилетий. Детали жизни и быта не так существенны. Но требуется еще один дополнительный штрих. Вряд ли кто-нибудь, кроме меня, сможет его воссоздать во всей полноте. Речь пойдет именно о последних десятилетиях.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СКЛОННОСТИ

Когда встречаешься с таким редким по глубине мысли и своеобразию феноменом, каким является мой брат, то задаешься вопросом: как соотносится избирательная способность его оригинального художественного вкуса с установившимися у него воззрениями, с характером и, я бы сказал, *стилем* мышления? Что является первичным: воззрения управляют избирательной способностью в подходе к явлениям искусства или интуитивное их познание вносит коррекцию в систему мышления?

Он говорил, что музыка Баха пробудила в нем религиозное сознание (указывал точную дату: 1928 год). В дальнейшем не было ли, однако, обратной связи: не определялся ли обретенным религиозным сознанием его художественный вкус? Но как установить грань, отделяющую в восприятии искусства интуитивное от умозрительного? Она подвижна и у каждого воспринимающего индивидуальна. В случае же с братом, как мне представляется, велика умозрительная роль в избирательной предрасположенности, и велика она именно из-за его поразительной мыслительной организации. Этим никоим образом не хочу сказать, будто он не постигал искусство интуитивно, наоборот — с удивительной чуткостью проникал в суть его. И будь то музыка Баха или Шёнберга, либо поэзия Введенского, добивался такой полноты постижения, которая доступна далеко не каждому, даже незаурядному профессионалу-исследователю. Интуитивно, исходя из *собственной* системы мышления, он разрабатывал *свои* методы анализа, отличающиеся от нормативных (не интересовался ими) и по технике, и по характеру изложения. (Как не любил он quasi-научные труды с обширными комментариями и ссылочным аппаратом, за которыми скрывается безличная индивидуальность автора!)

Поэтому, когда я указал на роль умозрительного начала, то имел в виду его воздействие не на *восприятие* конкретного, признанного им произведения, а на *аксиологический* подход, то есть: почему одного автора принимал, а другого, общепринятого, отвергал. Не берусь дать тому объяснение — повторяю, это удастся только при условии, если во всем комплексе будет понята *системность* его мышления.

Он часто цитировал слова Введенского: к произведению искусства неприменимы определения «красиво» или «некрасиво», надо говорить — «правильно» или «неправильно». Правильное и есть истинное. А истина цельна, неделима, и этой истине... должно было соответствовать представление об эстетическом идеале. Отсюда, на мой взгляд, проистекает его строгая и очень индивидуальная избирательность в отношении к художественным произведениям.

(Он говорил: восприятие искусства можно сравнить с конусом. Его основанием служат годы юности, когда множатся художественные впечатления, а избирательная способность еще не выработана. В старости, по мере приближения к вершине — к концу жизни — лишнее отпадает, остается только насущно важное. А затем остается единственно необходимое: Евангелие.)

В ранние годы я не наблюдал у него особого интереса к живописи, который пробудился в послевоенные годы благодаря встречам с художниками, в первую очередь с В. Стерлиговым.

Брат категорически отвергал Пикассо, снисходительно отзывался о Матиссе. Отрицал Гогена, уважительно относился к Ван Гогу, но более ценил Сезанна. ⟨Феофана Грека предпочитал Рублеву.⟩ Восхищался Рембрандтом, его офортами. (Обрадовался, когда, вернувшись с зарубежной поездки, подарил ему небольшую книжку с хорошими копиями гравюр Рембрандта.)

Осуждал Леонардо да Винчи за открытие им — ложное и вредное, по мнению брата, — перспективы в живописи. Мы нередко делились мыслями об эвентуальном соответствии тонального движения в музыке живописной («прямой») перспективе. Разграничивал, в согласии с Стерлиговым, понятия «беспредметная живопись», которую приветствовал, и «абстрактная», которую отвергал. Вообще, как мне кажется, суждения брата об изобразительном искусстве во многом стимулированы Стерлиговым, картины которого он высоко ценил, а тот, в свою очередь (равно как и его жена, художница Т. Глебова), чутко реагировал на его замечания. К его мнению прислушивались и другие художники, с которыми он встречался в пятидесятых—шестидесятых годах (В. ⟨П.⟩ Траугот, М. Шемякин).

Он всегда много читал — без книги в руках сидящего в кресле трудно себе представить его. Читал книги по философии (под конец жизни

2 Зак. 3244

меньше), теологии, естественным наукам, психологии, лингвистике; в отличие от меня книги по истории, равно как мемуарная литература, его не волновали, но старые авторы, например Светоний, привлекали; трудами по истории любых родов искусств не интересовался. На протяжении всей сознательной жизни читал художественную литературу; к зарубежной (если отбросить ранние годы) относился в общем прохладно, отечественную оценивал несравненно выше.

Зарубежную поэзию, в том числе современную, знал плохо. К признанным авторитетам — будь то Шекспир или Гете — был равнодушен. В поздние годы разочаровался в Диккенсе, которого раньше любил. О Бальзаке говорил в уничижительном тоне, о Золя — тем более. Вообще, к французской литературе относился скептически, за исключением, быть может, Вольтера, а много раньше — Мопассана; о «Мадам Бовари» Флобера отзывался крайне пренебрежительно. Терпеть не мог драматургию Сартра, знакомство с пьесами которого вызвало у него чувство омерзения; «Чуму» Камю отверг, терпимее отнесся к «Носорогам».

Он не поддался всеобщему увлечению Хемингуэем, не принял и Фолкнера. Зато сохранил любовь к Гамсуну — автору «Местечка Сегельфос», «Санатории Тарахус», трилогии об Августе[9].

В шестидесятые годы открытием для нас обоих явился Кафка. Мы основательно потрудились, составив и переведя (не для печати — для себя) выборку из его дневниковых записей.

Из русских классиков на первом месте Пушкин, но только поэзия, не проза («Историю Пугачева» ставил выше «Капитанской дочки»). К Пушкину все время возвращался, цитировал по памяти его стихи. Высоко ценил Лермонтова (в ранние годы увлекся им), Тютчева. Была и полоса сильного увлечения Гоголем — в тридцатые годы; очень чтил его и позднее. Много раз перечитывал Достоевского, восхищался им, но вместе с тем спорил по религиозным вопросам. Задолго до того как советским литературоведением был «реабилитирован» Лесков, с наслаждением читал его рассказы, очерки, повести — «Соборян» перечитывал неоднократно. Не мог спокойно говорить о Толстом, настолько не любил его за рационализм, себялюбие («смотрите, какой я умный»), за подмену христианского учения деизмом, за высокомерное отношение к читателю («всё разжевывает, разъясняет») и т.п. Толстому противопоставлял Чехова, который, повествуя о путанице жизни (мое выражение — часто им пользовался), не поучал, никого не осуждал; называл его смиренномудрым; полагал, что скромность не позволила Чехову осознать свою гениальность; восхищался «Степью», «Душечкой» (опять же: из скромности сам не понял, что создал шедевр) и др., в первую же очередь рассказом «Студент» (никому из писателей не удалось в пересказе так просто и хорошо передать смысл События Евангелия; в этой связи возмущался пересказами из Евангелия в стихах Пастернака); восхищался и перепиской, но не нравились письма к жене; не принимал

чеховскую драматургию (следует иметь в виду, что вообще пьесы неохотно читал), хотя соглашался, что можно усмотреть в ней зачатки театра абсурда. К Бунину отношение настороженное; выделял «Человека из Сан-Франциско». Роман «Петербург» Андрея Белого определял как почти гениальный. Ценил «Мелкого беса» Сологуба. Из советских прозаиков в поздние годы заинтересовал только Булгаков (в ранние — Бабель, Зощенко; к последнему потом начисто охладел). Однако в «Мастере и Маргарите» его шокировали «евангельские» сцены — их трактовка (переосмысление) и, возможно, обилие внешне-декоративных моментов. Не любил Ахматову, активно — Блока и особенно Пастернака; снисходительнее, но равнодушно относился к Мандельштаму. Интерес к Хлебникову с годами остыл; Маяковского — даже раннего — не выносил. О том, как был предан Введенскому и Хармсу, говорить не приходится. Брат собрал, сохранил их художественное наследие, сберег в блокаду, в эвакуации... Считал Введенского крупнейшим поэтом XX века. К сожалению, не счел необходимым записать все, что думал о творчестве друзей (включая Олейникова), и щедро раздаривал свои мысли другим...

Его суждения о литературе продуманны, аргументированно обоснованы. Он не мог бездумно перелистнуть книгу — должен вчитаться в нее. Даже когда вещь ему не нравилась, он не откладывал ее в сторону, а дочитывал до конца — несмотря на то, что от знакомства с плохой вещью у него портилось настроение (сам сознавался в этом).

И еще одна характерная деталь: в прозе (в меньшей степени в поэзии) его более интересовало то, *что* хотел сказать автор, а не то, *как* он это сказал. Звучит, казалось бы, парадоксально: будучи прекрасным стилистом, он словно не фиксировал внимания на стилистике прочитанного произведения. Помнится, я его упрекал за это. Он отмахнулся: если мысль выражена автором правильно, значит, таков его стиль. «Правильность мысли» в подобном толковании приобретает значение эстетической категории. Досадно, что в своих теоретических трудах он не развил этот тезис, но практически соизмерял им произведения разных видов искусства.

Как пианиста я более не слышал его после выпускного консерваторского экзамена: при мне он не играл. Когда вместе занимались Бахом, за рояль садился я, он порой подыгрывал вокальную партию, но ансамбль не получался — не совпадали темпераменты.

На Староневском он имел в тридцатых годах пианино. После реэвакуации лишился его — мои родные вернулись из собственной четырехкомнатной квартиры в коммунальную, получив только две комнаты (он с матерью в одной, сестра — в другой, маленькой), — пианино некуда было ставить. Без инструмента он прожил около сорока лет (считая годы эвакуации). Сначала приходил ко мне, чтобы поиграть (тогда

я уходил), затем, в пятидесятых и с конца шестидесятых годов, снимая на лето квартиры в Пушкине, музицировал, если там был инструмент (что редко случалось).

Следовательно, мог знакомиться с музыкой, либо слушая магнитофонную пленку, реже — диски (в пятидесятых годах их было мало), либо просматривая ноты, на концерты все реже ходил и перестал их посещать к началу шестидесятых. Иногда (у меня на дому) просил, чтобы я что-нибудь сыграл (любил слушать Куперена, а также некоторые арии Баха, подпевая, — имел бас, которым, однако, плохо владел).

Музыкальный театр посетил всего один раз в жизни, будучи школьником (с классом). Оперной литературой не интересовался. Балета не видел; телевизора не имел; радио не слушал.

К традиционному музыковедению относился скептически и знаний по этой специальности не приобрел. Если по работе нуждался в книгах (или, сказать точнее, я настаивал на этом), знакомился с ними без особой охоты, за исключением книг по додекафонии, работ о Шёнберге или Веберне. Литературой о Бахе не интересовался, кроме, естественно, Швейцера, которого перевел; для хронографа, отлично им составленного и приложенного к русскому изданию, в поисках справочных сведений переворошил немало материала; так же поступил, когда в послевоенные годы разработал две большие иконографические выставки в Филармонии: о Бетховене и о симфонической культуре Петербурга—Петрограда (с 1802 года).

Можно ли в таком случае назвать его музыкантом-профессионалом? Нет: в обычные нормы он не укладывается — это не его профессия. Однако к разряду любителей (или дилетантов) тем более его не отнесешь. Он *философ-музыкант*, который вживался в музыку так, как это недоступно многим специалистам-музыковедам, и трактовал ее иначе, чем они, — в соответствии с своей системой взглядов. Этой системой в конечном итоге определяется его избирательный подход к творчеству композиторов прошлого и современности.

Прежде всего Бах, который сопутствовал жизни брата на протяжении более пяти десятилетий.

Он очень хорошо знал и понимал баховскую музыку: клавирную — лучше сюиты, партиты, нежели W. K.[10] (восхищался Гленом Гульдом[11], но критиковал его за преднамеренно стаккатную игру; признавал авторитет Браудо; Юдину с Бахом не пришлось слушать), сольную скрипичную и виолончельную, «Страсти», Мессу ⟨h-moll⟩ (отвергал трактовку Караяна, знакомую по диску), кантаты (разыскал все клавиры, что имелись в ленинградских библиотеках; с партитурами не удалось ознакомиться, равно как с их реальным звучанием; проделал значительную работу по выявлению в них текстов из Священного Писания и псалмов; к сожалению, до него работа эта была уже проделана Ф. Смендом, В. Нойманом и А. Дюрром, труды которых нам еще не были знакомы).

Он преклонялся перед Бахом, но и полемизировал с ним, исходя из своих общих (религиозных) воззрений, — в первую очередь из-за Jesusschwärmärei* — сладостно-чувственного тона отдельных арий (число их не мало), но, когда играл, наслаждаясь, забывал о критике. Сравнивая «Страсти» Баха, с присущей ему Schwülstigkeit** (чувственной насыщенностью, порой тяжеловесной), и «Страсти» Шюца ⟨Schütz⟩, отдавал предпочтение последним за естественную простоту, ясность и чистоту в передаче евангельского текста. Но делал это, думается, скорее из рационалистических соображений — из пиетета к слову Евангелия, ибо музыка баховских «Страстей», чем больше вживался в нее, тем более его потрясала.

Обладая такими обширными познаниями, он мог стать крупным баховедом. Собирался написать труд (не думая о его публикации) под названием «Формула Баха», но оставил только две упомянутые работы, в которых многое заново открыл и объяснил.

Моцарт (как и Гайдн) не попал в поле его зрения.[12]

С Бетховеном у него сложные отношения. Конечно, он не ставил под сомнение гениальность музыки, а в тридцатые годы увлекался поздним периодом творчества (в том числе квартетами: хотел изучить содержащийся в них иероглиф, как он выражался, однако не осуществил этого). Тем не менее критические замечания усиливались с годами, особенно в тот, последний период, когда уверовал в додекафонию.

Субъективность его замечаний отдает известным догматизмом, о чем мы неоднократно спорили, — и мне не хотелось бы подробнее на них останавливаться: тут главенствовала умозрительность, подавлявшая непосредственность восприятия. Бетховен осуждался за многие грехи: закрепил приоритет тонально-гармонического мышления, ввел «квадратность» в музыкальное изложение, «вдалбливал» (выражение брата) кадансовые формулы, — короче говоря, если обратиться к более общим категориям, — у Бетховена свершилась смена религиозного сознания самоутверждением, своеволием (передаю не текстуально, а по смыслу); отсюда и началось грехопадение в музыке XIX века. (Из бетховенских симфоний сильнее всего не любил Седьмую.)

Шуберта он не принимал.

К Шуману относился снисходительно, хоть его творчество, даже фортепианное, знал недостаточно.

Шопена уважал, но феномен его не смог разгадать (иногда говорил об этом) и не играл.

Листа, Вагнера отвергал. (Когда еще посещал концерты, про вагнеровскую симфоническую музыку говорил, что «она приятно заполняет уши».)

---

* Иисус сладчайший (*нем.*).

** Высокопарность, напыщенность (*нем.*).

О Брамсе не высказывался (очевидно, из симпатии ко мне — «брамсианцу»). К Брукнеру, Малеру был равнодушен, да, впрочем, и не знал их (равно как и Брамса).

Он чувствовал себя причастным к стволу немецкой музыки и другими национальными школами, особенно XIX века, не интересовался. С романтизмом, возможно, вообще не имел контакта. Преклоняясь перед отечественной литературой, о русской музыке отзывался пренебрежительно, как о «провинциальной» (исключение делал для Глинки за чистоту стиля, отчасти для Мусоргского, но тот писал оперы — жанр, чуждый брату). Центром нападок служил Чайковский — это, по его мнению, «музыка переживаний» и в таком своем качестве в принципе не отличается от «цыганщины» (призвана исторгать слезы — *себя* жалко). Он отвергал «переживенческую» музыку (его терминология) вместе с «переживаниями» в жизни, так как это выражение только душевного (преходящего) — без духовного (истинного).

В пятидесятых годах, наряду с Кафкой (и, может быть, еще сильнее) — увлечение Шёнбергом и Веберном (ограничительно — Бергом). Я уже сказал: он *уверовал* в додекафонию, другого слова не подберу. Опять же: эту веру надо рассматривать в контексте его общих философско-теологических воззрений.

«Нет ни верха, ни низа, ни справа, ни слева» (серия и ее обращения), нет тональных тяготений (а тяготение — проявление душевных переживаний), «абсолютная субъективность» (понятие, введенное, если не ошибаюсь, Кьеркегором и развитое братом) и т. д. — таковы вкратце философско-эстетические предпосылки, на которых зиждилось возвеличение музыки нововенцев.

С каким энтузиазмом он десятки раз прокручивал магнитофонные пленки (дисков еще не было) с записями произведений Шёнберга и Веберна, сколько часов и усилий он затратил на анализ (с участием моего ученика Белецкого) додекафонной техники!..

В заключение упомяну, что Стравинского признал. (Не потому ли, что тот в поздний период обратился к додекафонии? Или — опять же из симпатии ко мне, «стравинскианцу»?) Естественно, не раннего; из неоклассицистских произведений выделял «Дамбартон-Окс». Интересовался авангардистами (Булез, Штокхаузен), но затем, внимательно ознакомившись, то есть по многу раз прослушав, разочаровался в них. Шостаковича сначала жалел (или: сочувствовал, не без моего влияния), но потом резко отверг: не верит ни в Бога, ни в черта, все дозволено, *себя* жалеет. Музыку Уствольской и Сильвестрова ценил, Прокофьевым не интересовался.

Хочу добавить: не поразительно ли, что на пороге шестидесятилетия он с такой страстью отдался постижению новой музыки, которая тогда не была знакома нашим специалистам-музыковедам и подавляющей части (во всяком случае, в Ленинграде) композиторов. Неудивительно, что наиболее чуткие музыканты тянулись к брату, прислушивались к его суждениям. Правда, немногие: он не стремился расширить круг знакомств, наоборот — ограничивал его.

Я не ставил себе задачей проанализировать художественные склонности брата. Дал справочные сведения. Отдельные его суждения могут показаться парадоксальными. Не время и не место здесь вступать в полемику с ним.

Он жил в своем миру, границы которого четко очертил. Что не попадало в его мир, отстранял. Я не в состоянии охарактеризовать эти границы, пытался только наметить их.

Для него в вере — истинность существования.

Сообразно своим убеждениям он искал истинное в искусстве. И искал это с такой же истовостью, с какой искал истину — в мысли.

4—13 августа 1981 года

P. S. Эти заметки задуманы еще в 1980 году — я считал своим долгом написать воспоминания о Я. С. Однако длительное время был очень занят (кончал книгу о Бахе, были и другие дела). Тем не менее все время обдумывал план, делал наброски, которые в августе 1981 года свел воедино. Тогда не имел представления о том, сколь обширно рукописное наследие Я. С. (Разумеется, знал его музыковедческие работы; из других своих трудов он дал мне прочесть только фрагменты «Вестников» и «Звезду бессмыслицы»[13].) Поэтому мои заметки следует рассматривать скорее как взгляд *извне* на Я. С., чем как попытку проникнуть в *суть* его духовного мира.

К ранее написанному хочу добавить следующие соображения.

Французский математик Адамар утверждал: «Слово полностью отсутствует в моем уме, когда я думаю: вместо слов „пятна неопределенной формы“». (Другой известный французский математик Пуанкаре такие «пятна» сравнивал с неподвижными «атомами», из динамичного сцепления которых рождается ход мысли.)

В развитие наблюдений Адамара представляется целесообразным разграничить понятия «думать» и «мыслить»: в первом отсутствует слово — процесс «думания» подсознательный, мышление же протекает в сфере сознания, оно нуждается в слове. Более того, если личность творческая — возникает неодолимая потребность в письменной фиксации мысли.

Я. С. непрестанно думал и с поразительной неутомимостью писал. «Думать» и «мыслить» — нераздельные для него категории. Так стал он писателем с огромным религиозным, философским и художественным опытом.

Далее Адамар отмечал, что переключение из сферы подсознательной в сознательную осуществляется в результате «озарения» (Пуанкаре называл это «импульсом»).

Насколько сейчас понимаю, эволюция духовной жизни Я. С. зиждилась на подобного рода озарениях или, точнее сказать, откровениях.

Вероятно, есть две формы религиозного откровения:

1. Мистическая (ее можно определить как статичную).

2. Через Слово (динамичная форма).

Не отвергая полностью первую форму, Я. С., как мне кажется, относился к ней недоверчиво. Второй же формой обусловлена его неутолимая жажда фиксации продуманного.

При фиксации, то есть пробуждении и развитии мысли, определяющим фактором являлась интуиция, тогда как при письменном изложении важное значение приобретала убедительность, системность мышления, так свойственная складу ума Я. С.

Стравинский однажды сказал: «Я сосуд, в который излилась музыка «Весны священной»». Пользуясь той же метафорой, желательно уточнить: если «сосуд» не был бы отмечен индивидуальным своеобразием гения, не излилась бы именно эта музыка, не была бы создана ее партитура.

В ином контексте и с другим смыслом я позволю себе применить сказанное к Я. С.

Он «сосуд» откровений. Вместе с тем энергия мысли и литературный дар являются неотъемлемыми качествами его личностной индивидуальности.

14 октября 1983 года

Перед принадлежностями чего-либо

Д Н Е В Н И К И

1928

ДУШЕВНЫЙ ПРАЗДНИК

12 сентября. «На что человеку целый мир, если он повредит своей душе?»[1]

Я жил много лет, что-то делал, думал, писал и вдруг увидел: меня не было. Где я? Где моя душа?

Я увидел что-то простое, настолько простое, ясное, очевидное, что сейчас я не могу даже понять, как я не видел этого раньше, как я мог жить, не видя этого. Это простое, ясное, очевидное все время передо мною — это моя душа. И это чудо: чудо — душа; чудо, что я столько лет не видел этого чуда, чудо, что я мог жить, не видя этого чуда; чудо, что я увидел чудо.

Это так просто: надо подумать о своей душе.

Это так просто, важно и хорошо: не думать, почему, зачем, только исполнять повеленное нам. А то, что я раньше думал: «Закон и первоначальное»[2]? То же самое. А может, и нет.

Я не оправдываюсь: если и не брошу курить и все прочее, то не потому, что у меня есть сомнения, а по слабости.

Это тяжело и все же радостно, как будто нашел что-то хорошее, самое хорошее.

Я боюсь, что самое важное, что я сегодня нашел, я забуду.

Иерография,[3] Закон... все это представляется мне сейчас очень сложной, ненужной, ничтожной постройкой. Зачем все это, когда сказано так ясно, просто и хорошо:

ПОДУМАЙ О СВОЕЙ ДУШЕ

Когда я пошел на кухню мыть руки, я вспомнил, как еще совсем недавно медленно и спокойно ходил на кухню, за окном брал что-нибудь поесть[4], потом не торопясь ходил в коридоре, касался дверного крючка 4, 8 или 16 раз[5], я любил ночь, тишину, медленность и неторопливость. Я тот же и уже не тот.

Я уже, кажется, забыл то, что понял.

Когда есть важное и главное, то одно, а тут в множестве одно, но одного-то, кажется, и нет.

Какой-то круг: то, что я прежде думал, — инвариантная система в множестве состояний, то есть одно в множестве, но сегодня увидел:

одного-то у меня и не было, я нашел его только сегодня. Но есть и другое — то, что раньше видел; тогда одно и другое, и снова инвариантная система — одно в одном и другом. Но сегодня увидел: одного-то и не было, только сегодня нашел его. Но есть и другое...

13 сентября. Если приму целиком то, что увидел вчера, мне будет жалко прежнего — философии, если придется от нее отказаться. И снова круг: видя Его волю, зачем рассуждать о другом? Но, видя другое, не могу о нем не рассуждать.

Но это уловка: если я брошу курить и прочее, если я приму все и не будет дурных мыслей, помешает ли мне это заниматься «Законом и первоначальным», иерографией, философией? Да, помешает.

Иерографический релятивизм, инвариантность, несовпадение — извращение, изменение причинных отношений, наркотики, *это*[6]. Шурин[7] пример с чудом*, глупые положения, неумение вести себя в обществе, правила поведения, нарушения их.

14 сентября. Как будто бы и раньше все это я знал, так казалось мне: Бог, бессмертие, примат практического разума. И это было не отвлеченное знание, а вполне конкретное. Но сейчас узнал еще более конкретное. Раньше был я и было мое поведение. И хотя я всегда знал то, что я знал, вернее, понимал, чувствовал, ощущал, все же отделял себя от себя, от своего поведения. Оказалось, что я все же другое, чем то, что я думал и понимал. Я думал, что моя философия и я — одно и то же. И вдруг я увидел, что не одно и то же.

Приятное примешивается к ложному и принимаешь его за истинное.

Я думаю, я решаю, я оправдываю и думаю, что мои мысли, мое решение, мое самооправдывание и есть **я**. Но оказалось, что это не-я. Выходит, что я не понимал примата практического разума.

Я отвергал человека. Нет, я ушел так далеко от человеческого, что, когда оглянулся и увидел человеческое, оно оказалось так далеко от меня и показалось мне близким, нужным, и я стал отрицать то, что знал раньше.

Если Бог в том, чтобы думать о своей душе и любить ближнего, то я не знал Бога.

Но не только в этом; и я думал о Боге и не думал о душе. И мне казалось, а может, и действительно было понимание, и откровение, и великая радость, когда я сливался с Первоначальным. Иногда и люди служили поводом этого слияния. Но не было любви к людям, но к Первоначальному и закону в людях.

* Не установлено, о чем идет речь.

Тот мир открывался мне и в иных формах, когда земные причинные связи тускнели и обыкновенные предметы становились новыми и прекрасными: они сохраняли то, что у нас всегда теряется, — постоянную новизну, они всегда были и оставались новыми. И это было реально, как стол, за которым я сейчас сижу, и еще во много раз реальнее.

Тот мир со всеми его предметами, людьми, со всем, что невозможно и назвать, был во мне, это был истинный реальный мир. Гуляя, бывая в гостях, разговаривая с людьми, исполняя неприятные, тяжелые обязанности, находясь с самим собою, я был в **том**, в том мире, **то** было во мне. И когда Бог послал мне Второй мир[8], и он был во мне и я в нем, хотя и в отдаленном от меня пространстве, потому что пространства не стало.

Я созерцал тот мир, я был в нем, я был им, и он во мне. Я был, как в стеклянном корабле.

Но я был один, пока Бог не дал мне Второго мира, но я не знал, чем он был, чтó он был. Он был далеким и чужим и стал жалким и близким. Но и во Втором мире я не вышел из себя, из своих границ, оставался один. И душа моя наполнилась печалью и плакала и жаждала близкого и жалкого. И я подумал о своей душе, о добре и зле, о людях, стал сомневаться, потерял дорогу, стою на распутье и не знаю, куда мне идти.

В трамвае поругались пьяные рабочие. Вагон остановили, одного из пьяных толкнули, и он вылетел на улицу. Он поднялся и стал жаловаться, убеждать: он чувствовал себя несправедливо обиженным, он без конца повторял, что второго пьяного тоже надо выбросить из вагона, как и его. И так он был мне противен, этот дурак с его обидой — человек.

16 сентября. Я связан со всем, нет меня отдельного. Я часть всего и я же — все.

А моя душа? Ее нет, потому что все одно, и я — все. Снова я выскочил из мира, и поэтому нет моей души: я часть всего, и я — все.

Хорошо найти свою душу, и хорошо потерять ее.

17 сентября. По понедельникам и по четвергам я еду в фабзавуч утром в 7 часов в автобусе. Большей частью встречаю тех же людей.

У Штаба садится молодая женщина лет 23—24. Ее провожает муж или, скорее, любовник лет на 10—15 старше ее, аккуратный размеренный чиновник. Он подводит ее к автобусу, усаживает, целует руку, потом, наклонив голову на бок, как Менжу[9], уходит, помахивая тросточкой. Всю дорогу она сидит, не двигаясь, грустная. И я проникся уважением к греху. Или к грешнику, к слабости грешника, который не может устоять перед грехом.

Кончился мой душевный праздник

1933 — ИЮЛЬ 1934

ОБ ИМЕЮЩЕМ И ОТСУТСТВУЮЩЕМ

Я стою на своем месте твердо и прочно, я нашел некоторое твердое и прочное основание. Я видел очертания твердых предметов, но не находил своего места, у меня не было прочного положения. Очертания твердых предметов — это определенные взгляды и убеждения. У меня не было взглядов и убеждений. Очертания твердых предметов — это решительность в поступках, широта взглядов, интерес к общему порядку событий. У меня нет решительности в поступках, нет широты взглядов, меня интересует только то, что имеет ко мне отношение[1].

Я нашел твердое и прочное основание между очертаниями твердых предметов. Рядом со мной была граница, которой я не мог переступить. Что мне мешало? Я чувствовал отвращение к отсутствию. Я разделил два смежных предмета так, чтобы границы их, приближаясь одна к другой, не совпали. Между ними я нашел точку, не принадлежащую к очертаниям того или другого. Это было моим местом. Найдя эту точку, я остановился. Эта точка — то, что имеет ко мне отношение.[2] Я начинал с **этого** и **того**[3], с чего-либо[4], с его принадлежностей. Я начинал с числа и с деревьев[5]. Но теперь я нашел твердое и прочное основание: то, что имеет ко мне отношение, есть начало.

Имеющее ко мне отношение есть некоторое отсутствие. События не имеют ко мне отношения, я их избегаю. Продолжительное существование потеряло для меня прочность и твердость, я не вижу того, что соединяется. Взгляды и убеждения меня не интересуют, у меня нет мыслей.

Некоторое отсутствие есть правило и закон поведения. Когда я остановился между приближающимися границами двух предметов, вокруг меня ничего не оказалось. Мое место твердо и прочно, название ему: имеющее ко мне отношение. Границы предметов ко мне приближались, но не могли слиться, между ними оставалась точка. Между ними оставалась не одна точка. Имеющее ко мне отношение — название места, на котором я стоял, границы не имели ко мне отношения, и что бы ни случилось, не имело ко мне отношения. Этого не было, и границы не могли сомкнуться. Было множество точек, множество пустых мест, нельзя было определить их число. Было некоторое отсутствие. Некоторое отсутствие было правилом и законом поведения, потому что я знал, как посмотреть на другую точку, как повернуть голову, поднять руку.

Некоторое отсутствие есть определенное место. Между двумя очертаниями, когда границы сходятся, но не совпадают, есть определенное место. Некоторое равновесие, которое не может долго установиться, есть определенное равновесие. Некоторое волнение, которое не может долго успокоиться[6], есть определенное успокоение. Поэтому отсутствие есть определенное место. Я стою на своем месте, я могу поднять руку, повернуть голову, не сдвигаясь. На своем месте я заметил качества и состояния. Я не различал очертаний предметов, но там были соседние миры[7].

Правило и закон поведения есть определенный предмет. То, что я могу сделать, не сдвигаясь со своего места, я видел, также это было предметом моих ощущений. Я осязал движение руки, слышал поворот головы. Движение руки, поворот головы были соседним миром. Как это происходило? В повороте головы я заметил законы поведения. Движение руки, сгибание колена было правилом и законом поведения. Этот соседний мир и был определенным местом, определенной точкой, определенным предметом.

Точки не были соединены. Я не мог сказать, сколько их. Число их мне неизвестно. Я соединил две точки, я соединил эту с этой. Соединение точек произошло без особого усилия: одна точка не нуждалась в другой, она даже не знала о существовании другой. Соединение точек имело ко мне отношение. Как назвать это соединение без особого усилия? Сколько соединенных точек? Между двумя точками ничего не было. Я не мог определить порядка. Таким образом я заметил некоторое отсутствие.

Если две точки соединены, то я знаю одну. Это второе разделение точек.

Я предполагал, что нет имеющего. Никто ничего не имеет, предполагал я. Сейчас я заметил имеющего: это некоторое отсутствие.

Я был как имеющий, и я понимал значение прикасаний.[8] Когда же я обратил на это внимание, я ничего не имел. Я хотел знать: есть ли носитель? Я предполагал, что его нет. Я говорил: Бог дальше. Бог не имеет расстояний, Он не есть имеющий. Как носитель Он дальше всякого определенного места. Но недалеко от себя, на своем месте я заметил носителя: это некоторое отсутствие.

Если переходить от одного к двум или от двух к одному и при этом место освобождается, или обнаруживается место пустого, или значения совпадают, — это призрак не **того**. Если же некоторые значения не совпадают, тогда место принадлежит **этому**. Я заметил две вещи: имеющее

ко мне отношение и другое, что не представляло для меня интереса. Я предполагал, что его нет. Оно имеет значение, и есть его возможность. Таким образом, при переходе от одного к двум обнаружилось место пустого. Также можно найти одинаковые значения для **этого** и **того**, например существование и несуществование, когда не определен порядок и степень. Это будет при переходе от двух к одному.

Помимо этих вещей я заметил еще границу между ними. То было границей между этим и тем, между этим и тем и тем. Таким образом, граница не была третьей вещью и место пустого обнаружилось при переходе от двух к одному.

Можно найти соответствие между местом пустым и определенным, между этим и тем, между заполнением и отсутствием встреч. Но эти три пары различны. Можно соединить это и границу, отсутствие и прикасание, одно и место. Эти три пары тоже различны.

Если это изменило значение, я скажу, что оно сдвинулось. На этом месте была обнаружена неточность, небольшая ошибка. Если существование отделить от способа, это будет неточностью. Если о способе говорить как о существовании, это тоже будет неточностью. Также об ошибке можно говорить как о существовании. Таким образом, в небольшой погрешности, или неточности, я нашел новое место. Место, откуда можно наблюдать, также принадлежит к этому месту. Между этим и тем есть место, откуда можно наблюдать это и то.

Я нашел точку между границами двух предметов. Я нашел границу между этим и тем, здесь место пустого, здесь мое место. Надо было определить место последнего имеющего. Я нашел его недалеко от себя — это некоторое отсутствие, но я не нашел второго места. Между тем, когда есть имеющий, есть два места. Я не нашел второго, я не мог перейти границу, отделяющую это от того. Это и то стоят рядом и почти касаются. Вот два места. Вот третье место — граница, отделяющая это от того. Это мое место, я назвал его: имеющее ко мне отношение. Но вот еще место: я обратил внимание на то, что не представляло для меня интереса, на не имеющее ко мне отношения. Место отсутствующего — вот последнее место, здесь — место, где имеющий касается, но здесь нет прикасания и нет имеющего. Имеющий касается на месте отсутствующего, но здесь нет прикасания. Это стало моим местом, я обратил внимание на то, что не представляло для меня интереса, и это стало моим местом. Но я не нашел второго места. Это последнее место — место некоторого отсутствия.

Место пустого: граница, отделяющая это от того. На месте пустого, между границами двух предметов, определенное место — имеющее ко мне отношение. Это мое место, там было начало.

Одно не знает другого, но они существуют вместе. Есть правила и законы поведения, каждый знает их только для себя и не знает никого другого,* но при этом нет столкновений.

Есть небольшая погрешность в соединении с е й ч а с и с е й ч а с: я стоял перед несуществующим, но с другой стороны тоже ничего не было. Я соединил с е й ч а с и с е й ч а с, и мое место между ними, но это место пустого и отдаленного.

Не больше чем на мгновение, я установил соответствие между жизнью природы и собой. Я наблюдал соединение этого и того, их значения почти совпадали, я знал правила и законы поведения. Это прошло, потому что нельзя было назвать соединение, дать имя соответствию.

Отдельные места имеют значения, некоторые из них совпадают. Но если и совпадают, все равно одно не знает другого: на месте того — это. Не сходя с своего места, оно не знает того. Но если сойдет, тоже не знает.

Я искал перехода от этого к тому. Если есть прикасание или я что-либо имею, то éсть два. Мое место между этим и тем, здесь то, что имеет ко мне отношение. Но здесь граница — пустое место, место отсутствующего, здесь я ничего не имею и нет второго. Это место того, что не имеет ко мне отношения.

Я нашел два места: имеющее ко мне отношение и не имеющее, и второе — это место отсутствующего. Если я стою на втором месте, я ничего не имею. Но и на первом я ничего не имею.

Присутствие, прикасание, близкое, иметь — эти слова обозначают существование. Я устанавливаю между ними различное соответствие. Я имею что-либо, но, установив соответствие, прихожу к отсутствующему, отдаленному, не имеющему и пустому. Таким образом, я остаюсь между этим и тем, я остаюсь на пустом месте один. Как перейти границу, отделяющую это от того?

Погрешность, место, близкое и отдаленное, имеющее ко мне отношение и то, что не представляет для меня интереса, — эти способы и свойства существования стали существующим. Я нашел определенное место, определенное существование — имеющее ко мне отношение. Но затем я обратил внимание на то, что не представляло для меня интереса. Оно было несуществующим, но теперь оно стало.

О СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНИ

Л.[9] говорил о счастливой жизни: спокойная жизнь в комнате, когда не можешь выйти, счастье ли это? Нет, остается незаполненное время. Также на полустанке, когда поезд стоит долго, — спокойная

* Так в рукописи.

жизнь. Счастье ли это? Но перед отходом поезда, когда остается полчаса, зайти, не торопясь, на станцию и выпить рюмку водки — это счастье. Счастье — когда имеешь паузу в общей спешке, когда все торопятся.

Вот две окрестности[10] смерти: конец, «окончательность» (В.)[11] и вторая: спокойная жизнь и счастье. Вот окрестности спокойной и неспокойной жизни: незаполненное время, тяжесть усилий, одиночество.

Некоторые удобства, отсутствие необходимости торопиться, развлечения, свободомыслие — вот что называли красивой жизнью. Когда же жизнь потеряла удобства и все, что с этим связано, остался скелет жизни: страх смерти и времени.

Считать преобладающим и нормальным в порядке событий, имеющих ко мне отношение, неприятное, также отсутствие и пустоту — вот условие спокойной жизни. Но это не счастье.

Считать нормальным ощущение тяжести усилий и незаполненного времени.

Счастливая жизнь — это жизнь прибрежных жителей.

Я не люблю спать в чужом месте, потому что в чужом месте замечаю продолжение, не имеющее конца, то есть размеры. Например, новые звуки. В своей комнате я привык к звукам, и они имеют определенные размеры. На своей кровати, в комнате, к которой я привык, размеры меньше. Большие размеры вызывают ужас, это граница, которой я не могу достичь. Наибольший размер имеет смерть.

Расстояние в пространстве измеряют временем, сказал В. Я спросил его: как измерить расстояние между двумя стихотворениями? Расстояние между двумя значениями этого и того? Между двумя значениями есть не только различие, но и расстояние, его можно измерить. Меня интересует число расстояний между двумя значениями, расстояние между распусканием цветка и деревом, их числа. Меня интересует пустое расстояние и отсутствие между двумя значениями.

Мне снился переход от этого к тому. Я истекал кровью и через несколько минут должен был умереть. Страха не было, но я немного пожалел чего-то. Затем я сразу проснулся. Не было промежуточного состояния между сном и бодрствованием. Проснувшись, я подумал: состоялся переход от этого к тому.

О.[12] тоже несколько раз видел во сне, что умирал, и говорит, что приближение смерти страшно, когда же кровь начинает вытекать из вен, уже не страшно и умереть легко.

Когда говорят: смерть — это как сон, то думают о смерти другого человека. Между тем смерть — это или мой сон, или отсутствие моего сна. Кажется, мой сон даже без сновидений я чувствую как мой сон, но сон другого человека мне безразличен.

Непонятно отсутствие меня. Когда я сплю, отсутствует **я**, но **мое** не отсутствует. Может быть, смерть — это граница между одним моим и другим моим. Было мое **я**, но теперь будет другое мое.

Самый глубокий сон без сновидений ближе ясного, но достаточно удаленного воспоминания.

Ужас от отсутствия и от переполнения, например система лунного света, система пузырей и жаркий летний полдень.[13]

В детстве у меня было два кошмара. Они повторялись и позже. Сейчас бывает один из них, и я даже нахожу удовольствие от него. Происходит это между засыпанием и сном. Это ощущение, в котором принимают участие: число пять, ощущение, которое испытывает язык, приближаясь к зубам, когда произносится слово «пять», небольшой груз, подвешенный на нитке, или зуб, уже почти выпавший, и некоторое равновесие, которое сейчас будет нарушено.

Л.: может быть, все пространство ограничивается землей, а все время — небольшим промежутком, например временем человеческой жизни; все же, что происходит в этих границах, только проецируется в воображаемое бесконечное время и пространство.

Счастье в освобождении от торопливости. Когда я, придя из школы, ложусь на диван, это счастье? Но, может быть, здесь присутствуют еще другие условия. Возможно, счастье в напряжении всех сил? Но это, скорее, может иногда дать удовольствие, а не счастье. Но все это не определяет счастья. Счастье, быть может, в том, чтобы не ощущать больших размеров. Затем, ощущение пустоты — это ощущение расстояния между двумя предметами или событиями, причем небольшие расстояния ощущаются как очень большие, бесконечные. Это и есть пустота, скука, тяжесть времени, и это нарушает счастье. Может, счастье не в определенных событиях, а в отношении к расстояниям — это умение сокращать расстояния.

Сокращение расстояний или размеров достигается различными путями. Например, вся жизнь — один промежуток; можно ощущать это

расстояние как небольшое — это святость. Но можно разбить его на множество маленьких интервалов и в каждом сокращать расстояния — такова, должно быть, жизнь прибрежных жителей. Ограничение времени, дробление на интервалы, сужение или растягивание времени — вот что отличает счастливую жизнь от несчастливой. Еще для счастья необходимо некоторое понимание. Я здесь имею в виду отношение к другим. Для счастья не так важно, как ко мне относятся, а как я отношусь к другим. Некоторое непонимание нарушает счастье.

Л. говорил о науке радости. Он думает, что радость может стать обычным состоянием, для этого надо скинуть привычки, мешающие этому. Современный святой будет всегда радостный, хотя и не веселый. И даже боль тут не препятствие. Л. пробовал стать таким святым, но не получилось. О. добавил: «Разве боль от одеколона после бритья не одна из самых острых болей, а мы ее не замечаем, так как знаем, что на нее не надо обращать внимания».

Я хотел иметь различные вещи и чувствовал себя несчастным, потому что их не было. Когда же получил одну из них, я удовольствовался этим и мне больше не надо было. Но и эта одна вещь перестала представлять для меня интерес, когда я получил ее. Я спутал удовольствие с счастьем. Удовлетворение желания — это только удовольствие. Но обычно оно приходит с опозданием, и удовольствие не так велико. Но это не имеет отношения к счастью.

Не курить, вообще не иметь привычки, которая считается приятной, не увеличит тяжести усилий и незаполненного времени. Какую бы я жизнь ни вел, это войдет в привычку. По этому поводу правильно замечали, что путешествия развлекают. Но так же правильно замечали, что и путешествия здесь не могут помочь. Остается время, которое я ощущаю как внешний предмет, перед ним бессильно всякое напряжение, направленное на изменение порядка событий, имеющих ко мне отношение.

В некотором равновесии в порядке событий, имеющих ко мне отношение, также есть небольшая погрешность. Когда я отказываюсь от какой-либо привычки, я ощущаю в течение какого-то времени большой недостаток. Но так как потом наступает снова равновесие, не отличающееся от прежнего, то этот промежуток следует считать небольшой погрешностью.

Дается ли счастливая жизнь даром или ей можно обучиться?

Никто не имеет в виду общий порядок событий.

Одна из ошибок — разделение на тело и душу. В Евангелии: «Я скажу своей душе: ешь, пей, веселись» (Лк. 12, 19).

⟨Сон⟩ В ночь, когда мне исполнилось 30 лет[14], ко мне пришел ⟨во сне⟩ покойный Георг[15]. Он показал мне смерть.[16] Я не поверил и сподличал[17], но затем увидел его товарища, и он, тоже умерший, смотрел на смерть. Это было страшно и убедительно.

После этого Георг много раз являлся мне во сне. Однажды он учил меня ходить по времени. Во сне это было просто. В другой раз он явился мне каким-то просветленным, но неинтересным. Встреча произошла на железнодорожных путях, были рельсы и провода. Я просил его подбросить меня вверх, это было испытанием на чудо. Я боялся, чтобы он не догадался. Но он не догадался и подбросил высоко, но все же это можно было объяснить и естественно. Я попросил его снова подбросить. Он подбросил меня на этот раз выше телеграфных столбов. Значит, чудо. И сразу же Георг и само чудо стали мне неинтересными. В представлении о чуде есть погрешность: осуществленное чудо неинтересно. Л. думает, что чудо не в факте, а в стиле. Это мало что объясняет. Я хотел чуда и в то же время во сне немного боялся, что Георг покажет мне чудо. Я просил одно, а он должен был сделать что-то совсем другое, может быть, тогда бы это было настоящим чудом.

Где бы я ни был, я всегда думаю: мне предстоит удовольствие вернуться домой в свою комнату. Может быть, это некоторое счастье: ночью, один в своей комнате Это освобождение от торопливости, хотя бы она и доставляла удовольствие.

Прежде говорили: жалко умереть в 18 лет. Чего жалко и почему жалко в 18 лет, а в 80 не жалко или не так жалко? Жалели, верно, красивой жизни, чтения газет по утрам, посещения театра, комфорта, знакомства с женщинами. Умер молодым, а мог бы еще столько раз пойти в театр, узнать столько новостей, которые будут напечатаны в газетах. Все это нелепо. Красивой жизни нет. Внешним признаком этого служит отсутствие интереса к женщине. Сейчас даже непонятно, как это было вокруг женщины столько насочинено.

З.[18]: «Мне кажется, что все люди, неудачники и удачники, в глубине души чувствуют себя несчастными».

Разговор с Л.: меня интересует счастье. Помнишь, у Пушкина: «С богом, в дальнюю дорогу»[19]. Что там? Один убит, другой пропал без вести, «жив иль нет, — узнаешь сам», дочь живет где-то в Лизгоре, но «с мужем ей не скучно там». И тот мир, в который они провожают убитого, похож на мир теней, неизвестно, что хорошего там. Все же ясно, эти

люди счастливы. Им не страшно большое пространство, им не может быть скучно, и нет у них чувства ничтожества, которое понятно нам. Л.: да, у них невеселое счастье, но это счастье. Я: кто же эти люди? Моряки или рыбаки, прибрежные жители. Это не случайно. У Гамсуна тоже действие происходит в прибрежном поселке. Или в лесу. Но лес, в конце концов, тоже море. И люди у Гамсуна в большей или меньшей степени счастливы. В чем же счастье? Как ответить на это точно, исследовать счастье, как Гете исследовал цвета? Л.: есть один признак, по которому счастье можно отличить от удовольствия. Когда удовольствие минет, оно становится безразличным, его не стоит вспоминать. А счастье трогает и в старости, уже не существуя. Л. говорил о неувядаемости счастья.

Бывает ли непонимание у деревьев и вестников?[20] Если те и другие неподвижны, то у них не может быть непонимания окрестностей. Прикрепленные к своему месту, они живут спокойно и все знают. Они не нуждаются в обозначении, и равновесия с небольшой погрешностью они достигли. Они разговаривают медленно, с трудом выговаривая слова, не запоминают сказанного и как будто никого не знают. Они счастливы.

Я совершил ошибку. Но если бы я сейчас и мог избрать другую жизнь, я бы этого не сделал, так как боюсь жить во второй раз, даже если не ошибусь, и еще больше — самой перемены, изменения судьбы. Это ощущение единственности жизни и счастья.

Условия счастья — уменьшение расстояний, стягивание времени. Но теперь, как ни дробится время, и самые малые интервалы растягиваются бесконечно. Остаешься один: до ближайшего предмета, до ближайшего человека — бесконечность. Осталось: я, время и смерть.

Передо мной непонятные фигуры, случайные расположения. Я должен найти их знаки. Это подобно наложению некоторой печати. Я свободен в выборе знаков, в наложении печати, но, когда печать наложена, я вижу, что был зна́ком одной из фигур. Смерть — последний знак: чувств не осталось, память все потеряла. Осталась пустота, и страх, и система знаков, печать, почти наложенная.

АВГУСТ 1934 — АВГУСТ 1935

СМЕРТЬ

Когда перед смертью он[1] говорил: «Больно», то выходило так: «Ему больно». Когда на лице появлялась гримаса, то это было, как рефлекс, и ясно было, что душе не больно. За сутки же перед смертью он отвечал на все вопросы: «Хорошо», и еще сказал: «И рукам хорошо, и ногам хорошо, и в земле хорошо».

Он натянул простыню на лицо, когда же спросили, зачем, он сказал: «Для настроения». Простыню отодвинули, тогда он закрылся руками.

За две недели он умирал четыре раза. Первая смерть с виду была совсем мудрая, тогда он сказал: «Плечо устало, рука устала, все устало». Вторая смерть — в полном молчании, он слабел и холодел. Третья смерть наступила за сутки, он говорил: «Все хорошо», и сказал: «Теперь я буду спать». После этого заснул, а затем лежал в беспамятстве с открытыми глазами. Четвертая смерть была самая страшная и непонятная и, кажется, в полном сознании.

Когда он умирал в четвертый раз, может быть, за два часа до последней смерти наступило понимание: не было произнесено ни слова, он не мог говорить, но передал мне наследие и старшинство в роде. Я видел, что он знал это так же, как и я. Это было как оправдание и передача наследия и старшинства в роде, как предвестие последнего часа и наложение печати. Большего понимания у меня не было в жизни.

Он умирал четыре раза, он искал наиболее благоприятного способа смерти и выбрал наиболее непонятный и страшный: клокотание в груди и изливание пены. Может быть, здесь была наименьшая погрешность.

Когда смерть подходила в первый раз, он смотрел прямо перед собой, ничего не замечая, и молчал. Что он видел? Может быть, все силы были направлены на излечение сердца? В четвертый раз он тоже смотрел, ничего не замечая, но это было иначе, кажется, был ужас, или мне было страшно. Но вдруг он посмотрел на меня, это было, когда он передал мне старшинство в роде. Взгляд был ясный и сознательный, одним глазом, другой был парализован.

Когда делалось немного лучше, он беспокоился, просил позвать врача. Когда же бывало совсем плохо и чувствовалась близость смер-

ти, он был спокоен, равнодушен к приходу врачей и говорил, что ему хорошо, хотя знал, что умирает.

Может быть, раньше было то, что я назвал второй смертью, а потом первая?

3 августа он заболел. Ночью с Лидой[2] к медсестре через поле, под проливным дождем к Козмину ⟨врачу?⟩; в больнице в поисках врача.

4-го. До 6 часов сильные боли. С 6 часов боли прошли, ночью довольно спокойно, но все время кидался.

5-го. Кажется, снова ухудшение, а вечером холодеет, без пульса, ночью горячие бутылки. Кажется, первая смерть.

6-го. Вторая смерть. Вечером улучшение, ночью кошмары.

9-го. Кажется, стало лучше.

С 10-го по 13-е — постепенное ухудшение.

14-го. Днем уехал в город. Перед тем, как я уезжал, он жаловался, что выздоровление идет очень медленно. Вечером, когда я приехал, было совсем плохо. Всю ночь бегал за кислородом (когда в первый раз, не помню). Первый припадок. Утром как будто заснул с открытыми глазами.

15-го. Весь день с открытыми глазами, спит или в забытьи. Узнает только по слуху. Говорит очень мало, с трудом и невнятно. Ночью в 3 или 4 часа второй припадок. После — полное сознание, но говорит так же невнятно, прощался. Затем сказал, что будет спать, и заснул или впал в беспамятство с открытыми глазами. Так до утра; кажется, в это время отнялась левая сторона.

16-го. Снова появился пульс, довольно хороший, пришел в сознание, спрашивал, кто у него. Больше не говорил, говорить трудно, но указывал. Кажется, тогда же попросил поднять занавес и открыть окно. А может быть, и раньше, не помню. Глаза стали стекленеть, в особенности парализованный. Днем или под вечер — третий припадок, не один, а несколько сразу. С вечера не мог уже двигаться. С 11 или 12 часов вечера началось клокотание — отек легких, я почти уверен, что с этого времени он был в полном сознании. Около четырех посмотрел на меня. В половине шестого последний припадок. Во время припадка дыхание останавливалось, он задыхался, взгляд сознательный и виден ужас. После последнего припадка сердце остановилось, но еще было два или три вздоха, причем взгляд снова стал спокойным.

Я стою перед событием, реальность которого наибольшая, поэтому я боюсь сказать что-либо, перед этим событием все сомнительно и ничтожно.

Вечером второго дня болезни ему стало лучше. Я уходил ненадолго. Возвращаясь на извозчике, я увидел пожилого мужчину с палкой. Он шел с женой. Это было, как знак чего-то старого, некоторой порядочности, которой уже нет. Это счастье — встречать родителей, пожилых людей, занимающих небольшое место; счастье было, например, когда они провожали или встречали меня в Пушкине[3], — я приезжал к ним на несколько часов из города. Тогда я понял, что счастья больше не будет.

Но ведь некоторого благополучия и спокойствия не стало уже раньше. Ужас его смерти объединился с ужасом перед современным Левиафаном.

Как всякое действительное направление — прямое, а обратное — только возможное, так, может быть, и счастье и счастливая жизнь — это то, что было.

До 1917 года жизнь с каждым годом становилась как будто бы лучше. Это называлось прогрессом, при этом терялось что-то глубокое и важное. После нескольких тяжелых послевоенных лет жизнь стала легкой и пустой, как жизнь бабочек-однодневок, но сопровождалось это ощущением талантливости и гениальности. Но затем сразу все это рушилось. И теперь уже нет и не может быть ощущения покоя и улучшения. Разница между новым и старым существенная, и это так же, как его смерть.

В некоторых случаях нельзя сказать: есть Бог и нет богов и демонов. В некоторых случаях нельзя сказать: есть боги и демоны. В некоторых случаях нельзя сказать: есть приметы, следование им создает благоприятные условия. В некоторых случаях нельзя сказать: нет примет. Я принес жертву богу. Через некоторое время я понял: бог принял мою жертву, условия благоприятствовали. Это был бог здоровья, счастливой жизни и семейного очага, бог встречи родителей с взрослым сыном.

Я потерял чувство осторожности. Я часто не соблюдаю примет, нарушаю правила осторожности. Признаки спутаны.

Если я скажу: бог принял мою жертву, я был в сношениях с богами и демонами, — это знаки. Так же Бог, бессмертие — тоже знаки. Надо выбрать знак с наименьшей погрешностью.

Случайна ли смерть? Умер бы он сейчас, при других условиях?

Когда у меня раз была какая-то неприятность, я подумал: это горе. Это продолжалось несколько дней. Но затем я уехал в Детское[4]. Проснувшись утром, я увидел в окне деревья и солнце и подумал: как хорошо. Ни горя, ни неприятностей не было. Семнадцатого после его смерти был яркий солнечный день, но мне казалось, что солнечный свет потерял свою силу. И я боюсь, что уже никогда солнце не будет светить так, как раньше.

Я все время думаю о нем, когда хожу, читаю, бываю где-нибудь, и я все время вижу последние два часа и то мгновение, когда он передал мне наследие и старшинство в роде. Но сегодня, возвращаясь домой, я подумал: не может быть, чтобы я не увидел его больше, я увижу его через три года или через тридцать лет; как это глупо, что я раньше не вспомнил об этом. Это — твердая уверенность в личном бессмертии.

Если же эта уверенность только начало забвения, хитрость чувства и влечение к жизни, то жизнь бессмысленна и отвратительна.

Смерть должна найти место в некоторой системе. Эта система — я сам, а смерть не вообще, но определенная. Забвение состоит не в том, что забываешь человека, но забываешь горе. Во-первых, я должен привыкнуть к тому, что множество случайностей, случайных событий изменилось. Когда я подхожу заводить часы, я вспоминаю, как он заводил, когда я подхожу к окну, я вспоминаю, как он стоял у окна. Я должен вспомнить и, может быть, проделать все, что он делал. Но есть еще и другое: я никогда его больше не увижу и это никогда — страшно. Бессмертие должно быть.

У Тютчева: есть близнецы — смерть и сон, и еще близнецы — самоубийство и любовь[5]. Вот еще близнецы: привычка и забвение.

Если забвение не уверенность в личном бессмертии и будущей встрече, то эта хитрость влечения к жизни омерзительна.

Когда я раньше слышал, что умер человек, даже чужой мне, на несколько секунд меня охватывала тоска. Смерть — это мерзость запустения. Теперь это всегда, и всегда я буду помнить, как в последнюю минуту он сжал зубы и в глазах был ужас. Затем сердце остановилось и он вздохнул несколько раз свободно и спокойно. Мерзость запустения после его смерти — это как щупальцы с того света.

Единственная, неповторимая вещь — цветок был прекрасен. Но он увял и сгнил, мерзость запустения не уменьшается от того, что остались другие, еще более прекрасные цветы, этого уже нет. Можно ли сказать, что прекрасно целое? Что целое? Этот цветок, это поле сейчас. Но целое во времени непонятно. Время несет смерть.

Я нахожу прекрасное, расположенное в пространстве, но не во времени. А в музыке? Если один звук следует за другим, я нахожу здесь некоторую систему частного, я не воспринимаю один звук за другим, но в последнем, который прозвучал сейчас, я нахожу предыдущие. Но другое — соединение мгновений, которое несет время. Продолжительность пьесы принадлежит к небольшой погрешности, пьеса уже написана и существует как целое, я могу воспринять ее всю, даже заучить на память. Я вижу ее, как Бог. Но жизнь цветка я не вижу, и себя не воспринимаю во времени, но только в мгновении. Но если Бог видит всю мою жизнь, то сразу, то есть не во времени. Бог не видит времени, я же чувствую время как некоторый недостаток. Сравнение с пьесой нельзя проводить до конца, ведь пьеса не воспринимает себя ни целиком, ни в каждой ноте, а я воспринимаю себя, но только в мгновении.

Прекрасен полет чайки. Это движение и во времени, но, может быть, это прекрасно потому, что воспринимается как неподвижная линия в пространстве? Также в таких вещах, как быстрая езда, плаванье, может быть, меньше всего чувствуется время и изменение. Прибой и отбой, шум моря или леса, периодичность природы — все это вызывает некоторый ужас. Может быть, время совсем даже не непрерывно. Когда мы говорим о непрерывности времени, мы сразу же обращаемся к линии, чтобы объяснить непрерывность времени. Значит, непрерывность времени совсем не очевидна.

Можно сказать, чего нет во времени. Но как сказать, что́ есть время? К нему нельзя применять ни одно из тех слов, которые применяются к существующему, и можно сказать даже, что его нет. Но это несуществующее — самая страшная сила, и лучше всего, когда не чувствуешь ее.

Я не понимаю также, когда говорят, что что-либо существует во времени. Что-либо существует в мгновении, во времени же уничтожается и перестает существовать.

Затем говорят еще о длительности. Это порождение времени уже совсем лишено реальности. Она существует только для того, чтобы быть остановленной мгновением.

Из того, что расположение в пространстве я могу находить прекрасным, время же несет только смерть и разложение, хотя само неуловимо и даже не существует и не допускает существование во времени, следует несводимость одного на другое.

Единственная реальность — это мгновение. Затем есть еще память, воображение, рассуждение. Все это можно объединить под именем идей. Это знаки мгновений. Они останавливают, разрезают длительность. Когда я нахожу правильный знак, называю мгновение, движение и длительность останавливаются, они перестают существовать, делаются ничем, то есть тем, что они есть. Ведь в мгновении их нет, помимо же мгновения тоже ничего нет.

В начале Бог сотворил небо и землю. Начало — это некоторая остановка, разрез, знак, это прообраз мгновения.

Шум волн или леса, хотя и вызывает некоторый ужас периодичностью, но тоже воспринимается не как временно́е явление. Постоянное повторение одного и того же создает ощущение неподвижности. Вначале кажется, что это увеличивает расстояния, но затем создает определенные границы.

Счастливая жизнь отличается от несчастливой не главными событиями, а второстепенными, еле заметным оттенком.

Я стал ощущать некоторую свободу: я не всегда принимаю меры предосторожности, если же принимаю их, то без интереса. Эта свобода, которая могла бы дать некоторый покой, создает только отвратительную пустоту. Я был запутан в сетях примет и признаков. Бывал страх, но было и спокойствие и радость. Я ощущал некоторую связь с существующим. Теперь же все порвалось.

У Л. Андреева: перед тем как воскреснуть, Лазарь несколько дней пролежал в склепе и распух.[6] Таким же он воскрес и оставался все время, и на кого он ни посмотрит, тому делается скучно и пусто. От его взгляда человек начинал сохнуть.

Сны.

Он начинает поправляться, ходит, для полной поправки его отправляют в Финляндию. — Но как же его можно отправить одного, ведь он болен. Я иду на вокзал, купить билет и себе, и вдруг останавливаюсь. — Поздно, все равно его не удастся спасти, он умрет так же, как умер в первый раз. Я почувствовал неизбежность.

Мы в комнате вчетвером. Я выхожу, иду в мертвецкую и ищу там его, но вижу два трупа — мальчики; один лежит скорчившись, животом на сундуке, ноги касаются пола. Вдруг я вспоминаю: но ведь он был жив еще, когда мама уехала два дня назад, она поручила мне следить за ним, а я забыл. Может, он умер в одиночестве, и я вспоминаю, как он был похож на личинку или полосатую гусеницу. Я побежал, а позади меня я чувствовал, как мальчик-мертвец гонится за мной. Он бежал согнувшись, так же, как и лежал.

Он начинает поправляться, даже встает. Я думаю: теперь уж не допустим того, что было раньше, то есть смерти. Все же какая-то мысль тревожит меня, но это не мысль о его смерти, так как я знаю, что он уже раз умер, хотя сейчас жив. Постепенно мысль проясняется, и я вспоминаю, что его похоронили, закопали в землю и что поэтому он уже никогда не сможет быть живым, даже если я его увижу собственными глазами.

Когда мне что-то снится, то, чтобы проверить, не сон ли это все и бред и не обманывает ли меня чувство реальности, я начинаю вспоминать прошлое и соединять события. Во сне вспоминаемое событие снова переживается, то есть нет времени, наяву же есть события закончившиеся, не существующие, уничтоженные временем. Во сне наиболее реально просыпание — когда снится, что просыпаюсь, я вспоминаю первый сон как событие, которое окончилось.

Я провел вокруг себя черту, у меня были слова, которые я повторял постоянно, и я знал, что, соблюдая приметы и находясь в этом круге, я могу быть спокоен. Этот круг уменьшает расстояния, создает некоторый порядок и благополучие в жизни. Во время его болезни одно важно было: только бы не умер. Но теперь круг нарушен.

Бывают сны настолько простые и ясные, что, просыпаясь, думаешь, стоит ли делать усилие, чтобы запомнить, и наутро забываешь. Между тем среди таких снов бывают интересные, некоторые по содержанию, другие по оттенку. Как и сон, мысль имеет содержание и

оттенок, и некоторые мысли интересны по оттенку, но такие труднее всего записать.

Хула на Святого Духа — это отсутствие радости от существования, ведь Бог, сотворив небо и землю, сказал: хорошо. Хула на Святого Духа не простится.

Сон. После того случая (то есть болезни и смерти) он стал поправляться. Я спросил его: может ли быть, чтобы человек умер, его закопали в землю, а он стал поправляться и вернулся? Он не ответил, но стал исчезать на моих глазах. Я делал невероятные усилия, чтобы удержать его, не поворачивая головы, не мигая глазами, но все было напрасно.

Каждый день я жду чуда, и особенно перед сном, и ночью прошу у Бога чуда. Чудо должно быть.

Вот уж два с половиной месяца, как Бог покинул меня. Бог покинул меня за сутки до его смерти.

Я сидел у открытого окна ночью, плакал и думал, что ничего не выполнил из того, что он хотел: не бросил курить, не кончил университета[7], не создал себе определенного места в жизни, и в это время я почувствовал, как Бог меня оставил. Это действительно было, как дуновение ветерка.

День смерти случаен, он мог наступить раньше или позже. Как это понимать? Я введу термин. Он мало что объясняет, но, может быть, он укажет путь для некоторого понимания. Если мгновенное существование распространить по неподвижному времени, то некоторые события можно назвать характерами жизни. Преждевременное приближение смерти один из них, слишком поздний приход ее — другой.

Может быть, существуют различные времена. Есть время размышления и время жизни, время участника жизни и время того, кто стоит в стороне. Есть время сознания себя — оно не больше мгновения, и время воспоминания, когда совмещаются два времени.

Время не длится и не продолжается, оно оостоит из мгновений и пустых промежутков.

Я беру отрезок времени. Это время я был в дороге — прошел некоторое расстояние. В то время, когда я ходил, я заметил некоторое однообразие этой части пути, другую часть пути я отнес к другому отрезку времени. Я отличил первый отрезок времени от второго. Это бывает, когда много раз проходишь тот же путь, когда ту же дорогу совершаешь по многу раз в день, много дней. Этот отрезок времени я назову большим мгновением. Времени здесь уже не будет.

Если есть некоторый целесообразный порядок и благополучие и это равносильно тому, что есть Бог, то критерием может быть только мое благополучие — некоторый целесообразный порядок того, что имеет ко мне отношение.

Я представляю себе три системы вещей. Первая основана на доверии. Но если я сомневаюсь и у меня нет доверия, что мне делать? Вторая основана на рассуждении. Но если я слаб и мои способности ограниченны, я могу совершить непоправимую ошибку. Я осужден по первой, я осужден по второй.

В третьей системе всякий осужден.

Умерший на берегу реки забвения говорит[8]: я умер только что, я умер вчера, я умер тысячу лет тому назад. Когда сердце остановилось, я вздохнул раз или два. Я вздохнул в последний раз. Между двумя вздохами душа отделилась от тела. Душа умершего на берегу реки забвения говорит: меня обмывают, меня хоронят. Проходит мгновение, проходит год, проходит тысяча лет. Я обозреваю распростертое время, случайно разбросанные на нем события. Меня давит прошлое, как неподвижное сейчас стоит оно передо мною, как большое мгновение, здесь пустынно и холодно. Умерший на берегу реки забвения оплакивает свое тело: рука была прекрасна, теплая, белая. Живот был прекрасен, округлый, мягкий. Грудь и шея были прекрасны. Он жалеет, что не может поднять головы, двинуть рукой.

Нет свежести чувств.

Если есть система — некоторый порядок и соответствие, — в которой я не могу рассматривать себя как цель, то такая система безнравственна. То есть я не должен быть средством. Если есть вечное осуждение — исключение из некоторой системы, — это трудно понять, например, если у меня нет доверия.

Л. придумал формулу непонимания: отец не понимает сына. Но что касается ужаса смерти, то есть холодения руки, окоченения, увядания, то сын не понимает отца.

Как душа, может быть, на некоторое время переживает тело, так и душа удовольствия отделяется от удовольствия. Но может быть и так, что в течение долгого времени, может быть, навсегда, душа удовольствия умерла или спит. Тогда удовольствие ничтожно.

Меня интересует умерший человек в могиле, как он там лежит и где его душа.

Есть ошибка правильного рассуждения и правильного вывода.

Если бы можно было хотя бы один шаг в жизни, уже сделанный, взять назад, то при прочих неизменившихся условиях это казалось бы не большим чудом, чем раскрывание почки, рост дерева или сила политической власти. Между тем было бы больше серьезности и ответственности.

Чуду противополагается не естественная необходимость, но принуждение. Чудо непредставимо, и его нельзя исследовать. Совершённое чудо в результате исследования потеряет все чудесное. Исследование не сможет его удержать.

Две ошибки: ошибка неопределенности происходит оттого, что забывают о некоторой внешней силе, которая противостоит твоим желаниям. Другая ошибка, близкая к ошибке правильного рассуждения, происходит оттого, что эту силу делают законом природы, естественной необходимостью.

Гераклит говорит: старость покупает что-то ценой жизни. Должно быть, мудрость.

Каждый раз начинать сначала, как если бы я ничего не понимал вчера или вчера не было бы.

Сон. Он быстро бежал по лестнице, перескакивая через две и три ступеньки. Я испугался: что ты делаешь, тебе нельзя быстро подыматься по лестнице, ты опять заболеешь и умрешь. Он весь изменился, уменьшился, а я опять почувствовал неизбежность.

В последнюю ночь на 17 августа напротив в доме отдыха был вечер, играла музыка. Она слышна была и у нас.

Существующее разложилось для меня на последние элементы, и эти элементы: холодение руки, неподвижность тела, молчание, смерть.

Я искал того, что остается всегда новым. Вот что остается всегда новым: смерть.

Что мне с того, глуп я или мудр, если нет счастья.

Однажды я написал: «Даже на всеобщих развалинах и обломках...», я думал таким способом доказать существование Бога. Но вот теперь всеобщие развалины и обломки[9] и я ничего не вижу.

Истина нулевой степени. Это должна быть уже самая последняя истина, когда нет никаких желаний, стремлений, вкусов, склонностей. Но, кажется, тогда уже ничего нет.

У постели умирающего я увидел, что жизнь сама по себе величайшее благо и холодение руки, увядание, смерть есть мерзость. Но теперь я не чувствую этого блага, я не чувствую, что моя жизнь — благо.

Когда умерла душа удовольствия[10] и жизнь перестала меня интересовать, я увидел, что жизнь есть благо сама по себе, величайшее благо.

Удовольствия можно классифицировать: удовольствие от еды, сна и т. д., можно определить, но счастье — это единичное, поэтому не определяется и не классифицируется. Оно приходит случайно, различное для каждого. Если я сказал: счастливая жизнь — это жизнь прибрежных жителей, — это не определение счастья, это одно из его имен. Счастье может быть невеселым, удовольствие интересно. Если есть счастье, есть интерес в жизни, а при удовольствии без счастья — нет.

Мудрость — это думать о счастливой жизни, утерянной безвозвратно, и искусство жить без счастья.

Есть твердое основание в том, что стоит. Это надо понимать так: жизнь вестников[11] не более призрачна, чем естественная необходимость. Отсутствие не более призрачно, чем присутствие. И еще так: некоторое движение, некоторое удовлетворенное желание, некоторая мысль, доведенная до конца, — вот что призрачно. И все это одно — некоторое мгновение, когда оно кончается.

Признак сновидения — отсутствие твердого и прочного. К твердому и прочному относятся: своя постель, комната, знакомые голоса и звуки, предметы. После самого хорошего сна просыпаешься с удовлетворением, чувствуя возвращение к твердому и прочному, если только не утеряна всякая твердость и прочность — наименьшее необходимое для жизни количество счастья.

Л. спросил: «Чувствуешь, что перевалило за половину жизни?» Я сказал: «Чувствую, что перевалило за жизнь». Л.: «Не пора ли подумать о душе?» Я: «Может быть, не о чем подумать». Л.: «Теперь, когда бессмертие показалось лишним, может быть, увидим, что оно есть».

Нельзя молиться бесстрастному Богу.

Случайность не создает никакого порядка, это безразличная печать на времени. Кто ее ставит? Не знаю. Это было предусмотрено Богом в начале, но она не ставится совсем без моего участия. Но я не могу предусмотреть далеко вперед и бываю неосмотрителен. Если же есть что-либо твердое и прочное, то события ничего не меняют, оно лежит вне событий.

Небольшая погрешность выросла в большую ложь.

Вот четыре правила:

1. Делать наименьшее количество усилий.
2. Поддерживать однообразие моей жизни.
3. Соблюдать серьезность, то есть по возможности избегать событий, решений, поступков, сношений с людьми.
4. Избегать удовольствий, требующих усилий.

Сон. Мне снилось: я на кладбище, подхожу к могиле, поднял голову и со страхом увидел, что памятника на могиле нет. Он исчез.

Через несколько дней я был на кладбище (наяву). Подходя к могиле, вспомнил сон, меня охватил тот же страх. Я поднял голову и увидел, что памятника на месте нет. Он исчез.

Сон. Опять ночью приходил Г. и учил меня ходить по времени вперед и назад, и это было просто, как переход из одной комнаты в другую.

Из этого сна я что-то понял. Он был как бы не под своим именем. Во сне строго и неопровержимо было доказано: он не умер. И тем не менее он умер. Это неопределенный знак неопровержимого, очевидного доказательства, бесплодного и негодного.

Нулевая истина вне системы, вне системы нет ничего твердого и прочного. Осуждение — исключение из системы. Но всякая другая истина требует некоторого доверия.

Когда несколько раз приходит какое-нибудь ощущение или чувство, достаточно сильное, в то мгновение, когда оно приходит, нельзя сказать, как часто оно приходило, то есть место событий на времени не постоянно.

Надо различать удовольствие, счастье и душу удовольствия. Если ощущение удовольствия на некоторое время переживает удовольствие, то есть душа удовольствия. Для этого необходимо среднее между удовольствием и его душой — счастье, хотя бы наименьшее необходимое для жизни количество счастья.

Вот некоторые большие мгновения. По многу раз в день я не ходил, а бегал в аптеку за кислородом. Дорога шла по прямой линии до большого здания. Этот промежуток стал для меня большим мгновением. Дальше надо было завернуть несколько раз. Против аптеки был кабак, там играла музыка и слышались пьяные голоса до поздней ночи. Ночью мимо этого кабака — большое мгновение. Лестница, по которой

3 Зак. 3244

я подымался, не зная, найду ли его в живых, — большое мгновение. Ночью у окна, когда Бог покинул меня, — большое мгновение. В один из первых дней, когда ему стало лучше, я пошел гулять. Это последняя прогулка, когда солнце светило еще с прежней силой, — большое мгновение. После этого две недели я, может быть, вообще не замечал, как светит солнце. Семнадцатого же августа солнечный свет показался мне совсем не ярким, впервые он потерял свою силу, и это тоже большое мгновение.

(17 августа 1935)

Прошел год. Я потерял наименьшее необходимое для жизни количество счастья. Но если я и получу его еще и если есть в этом какой-либо разумный порядок, то что́ может вознаградить за потерянный год жизни? Помимо того, я не предполагаю, что следующий год будет лучше.

1936—1937

О БАНКРОТСТВЕ

1936

Что меня интересует сейчас? Во-первых, способы смерти. Затем — как я жил. Я не вижу ничего впереди, поэтому меня интересует прошлое — как я жил и зачем. Затем меня интересует некоторая пустота: мне нечего сказать.

Термин — это недоказанная теорема, новая точка зрения, отношение к существующему. Например: представление и понятие, время и пространство, категорический императив. Если бы я должен был определить Канта двумя словами, я сказал бы: категорический императив.

Такой термин у меня: некоторое равновесие с небольшой погрешностью[1].

Точная идея, например апории Евклида или категорический императив Канта. Но она может быть и неопределенной. Некоторое равновесие — это точная идея. У меня была другая идея, тайная, я назову ее нескромной: соседний мир[2]. Это тоже термин. Соседний мир — это уверенность в том, что есть различные способы существования, я хотел подсмотреть не-то. Еще была у меня идея, я назову ее дерзкой, — идея вавилонской башни. Я хотел узнать все и изложить по порядку. Других идей я сейчас не помню, меня интересуют две названные. Что касается дерзкой идеи, то здесь я полный банкрот. У меня была смелость, но я не уверен, что по отрывкам, которые сохранились, кто-нибудь другой поймет это. Между тем сохранилось, должно быть, лучшее. Затем я открыл метод — метод **этого** и **того**[3]. С его помощью исследовал соседний мир и некоторое равновесие.

Мне нечего сказать, я банкрот. В чем здесь дело? Во-первых, в том, что даже то, что я открыл и исследовал, — метод **этого** и **того**, соседний мир, некоторое равновесие и другое — даже это я сделал не так, как хотел, то есть я отказался от системы или ⟨вернее⟩ от ⟨ее⟩ полноты[4]. Но это банкротство, по-видимому, неизбежное для человека. Помимо того, в этом и заключалось открытие: небольшая погрешность, ошибка принадлежит к существующему. Я впервые понял значение неточности. Во-вторых, я потерял точность. Я запутался в не-

точности, которую открыл, не вижу различия между небольшой и большой погрешностью. Когда я стремился к точности, я строил вавилонскую башню и она рухнула. Я открыл некоторую неточность и первое время пользовался ею, как надо, но теперь потерял критерий неточности. Таким образом, сейчас нет точных идей, допускающих необходимую неточность. В-третьих, раньше я писал плохо, потом стал писать хорошо. Я имею в виду стиль или слог, но затем я приобрел некоторые приемы и тогда кончил писать: не стало мыслей. Меня удивляло, с каким упорством месяцами, годами я искал нужный термин, не пренебрегая и плохими. Я хотел найти термин, не думая о том, хорошо ли это будет изложено или плохо, и в конце концов находил и излагал хорошо. Но плохое изложение меня не останавливало, я удовлетворился бы и плохим, если бы нашел его правильным. Когда же нашел правильное изложение, оно оказалось и хорошим. Теперь же, уже два года пытаясь писать, я вижу, что стремлюсь не к правильному изложению, но к хорошему или красивому и не нахожу ни правильного, ни хорошего. Наконец я пришел к такому состоянию, когда у меня нет ничего, никаких мыслей, полная пустота. Это состояние я назвал когда-то нулевой истиной, истиной нулевой степени. Много раз я обнаруживал ошибку в своих рассуждениях. Когда у меня не будет склонностей и желаний, когда будет совсем пусто, тогда я начну правильно рассуждать, думал я. Но что же я скажу теперь? Что мне сказать об истине нулевой степени?

Я открыл старые тетради: «Непосредственное и его основание»[5] — это общее название семи или восьми исследований — страниц двести. Я не мог прочесть и нескольких строк. Можно представить себе философию скопца: бесцветный мир. Эти люди были названы людьми лунного света. «Непосредственное и его основание» — скопческая философия. Это никому не нужно и непонятно, писал ее человек с Марса. Но меня удивляет их тонкость, возвышенность и благородство.

Путь моего банкротства: высокие предметы — высокий стиль — банкротство. Высокие предметы — это те, что за смертью. Но затем пришел Георг, показал мне смерть, и я подумал: что мне до того, что за смертью, это не имеет ко мне отношения. Меня интересует, как придет смерть, как я буду перед смертью. До прихода Георга я не думал о себе, также не думал о себе после смерти. Но позже это стало лицемерием. Я хотел думать, что все благополучно и есть бессмертие. Все же в этом было благородство: не думать о себе, но о том, что за смертью. С одним я говорю иначе, чем с другим, с женщиной иначе, чем с мужчиной. Я писал как бы перед лицом смерти, это и есть высокий стиль. Теперь я пишу, как говорю, и в этом банкротство.

Бывает сомнение и уныние. Я могу записать то, что я думал тогда, и это может сохраниться. Если будет записано плохо, хуже, чем прежде, это не имеет значения — погрешность небольшая. Но если

то, что я сейчас пишу, закончу, и оно окажется лучше того, что я писал, — это будет банкротством.

Когда я нахожу что-нибудь новое — Щель[6] или то, что я узнал от Г.[7], я знаю это точно и некоторое время излагаю точно, но не могу сделать из этого благоприятных выводов. Но затем нахожу все же некоторое благополучие. Новое — это новые термины и, значит, новая система, затем появляются приемы, но мысли теряют необходимую определенность или возрастает неточность и я теряю критерий неточности. Неопределенные мысли важнее определенных, но и в неопределенных мыслях есть некоторая точность, их неточность — небольшая погрешность, эта неточность ограниченна. Поэтому неопределенную мысль нельзя пересказать своими словами, ее надо передать точно, например: «блаженны нищие духом». Поэтому неопределенная мысль требует большей точности. Некоторая неточность ее — небольшая погрешность — происходит оттого, что неопределенная мысль — из соседнего мира. Но бывает другая неопределенность, когда мысль не имеет значения, потому что применима ко всему, здесь совсем нет точности. В начале я не нахожу благоприятного мне, но начало — неопределенная мысль с некоторой неточностью или почти точная. Когда же нахожу некоторое благополучие — нет необходимой точности, и тут вторая неопределенность — когда мысль не имеет значения.

Некоторое равновесие с небольшой погрешностью — это нарушение и восстановление равновесия. Это нарушение и восстановление равновесия есть с е й ч а с и с е й ч а с, всегда с е й ч а с. Но когда равновесие восстанавливается — это неопределенно вторым родом неопределенности, как то — то[8]. Нарушение и восстановление равновесия — это только способ понять некоторое равновесие с небольшой погрешностью, мы замечаем его только что нарушенным или восстановленным.

Что же сказать тогда о банкротстве и отсутствии мыслей? Если так замечаем мы восстановление равновесия, то я не вижу благоприятствующего мне. Я исследовал степень высоты и повороты[9] и нашел здесь некоторое равновесие, когда оно нарушалось — это равновесие с небольшой погрешностью. Но как понимать восстановление равновесия, откуда вторая неопределенность? Слово нарушило равновесие. Это определенное слово, знак, в нем есть необходимая неточность. Но вот любое слово восстанавливает равновесие, и оно неопределенно и пусто, как то — то. Нет двух равновесий, нет нарушения или восстановления равновесия. Оно всегда есть как некоторое равновесие с небольшой погрешностью, я же замечаю его так или иначе. Но, замечая его как восстановленное, я ничего не вижу. Я замечаю только нарушение равновесия.

Последнее место — место последнего отсутствия — это некоторое равновесие с небольшой погрешностью, только что восстановленное.

Я думал о том, что у меня нет мыслей и что мне не о чем думать. Таким образом, я дошел до последнего места — места последнего отсутствия.

Некоторое равновесие не происходит и не возникает, не нарушается и не восстанавливается. Некоторое равновесие с небольшой погрешностью есть в видимом, в том, что происходит, небольшая погрешность равновесия есть видимость происхождения и времени, но само равновесие не во времени. Я же замечаю его как нарушение и восстановление, я замечаю небольшую погрешность. Оно открывается мне в нарушении, когда же восстанавливается, но только в видимости, потому что само не нарушается и не восстанавливается, но есть, тогда я ничего не вижу. Я наблюдаю восстановление равновесия как пустое, незаполненное время без событий.[10] Это время не движется, не проходит, оно просто есть. Но равновесие также не возникает, не нарушается и не восстанавливается, но есть. Время — это форма некоторого восстановленного равновесия с небольшой погрешностью. Это время пустоты и скуки. Другое время — время событий — это небольшая погрешность в некотором равновесии.

Что меня интересует сейчас во времени? Если я говорю, что время — это форма некоторого равновесия, только что восстановленного, это надо понимать так: если времени не существует, если время только видимость, то я воспринимаю время в некотором равновесии, когда оно восстанавливается. Таким образом, время пустоты и скуки — это форма небольшой погрешности в некотором равновесии, когда оно восстанавливается. Но сейчас меня интересует другое: если времени не существует, то нет изменения. Я представляю себе вечность как мгновение, все же, что было до этого мгновения, уже не существует, это относится к состояниям или возможностям мгновения. Но в мгновении я не нахожу благоприятствующего мне. В мгновении я нахожу чужое. Меня это пугает, и я хотел бы другой вечности, которая дала бы мне успокоение; с вечностью связывается идея вознаграждения, таким образом — будущее, то есть вносится время. Но это неверно.

Как понимать начало времени? Оно бесконечно по своей природе. Но может ли оно быть вечным? Оно имеет начало. Когда некоторое равновесие нарушается, возникает время. Время — это небольшая погрешность. Но я замечаю время, когда некоторое равновесие восстанавливается, время — это пустота и скука. Таким образом, оно всегда начинается, всегда есть в возможности. Возможность времени — это и есть его начало, ведь время начинается не во времени, но в вечности время тоже не начинается. Если же всегда есть небольшая погрешность, то всегда есть возможность времени или чего-либо подобного ему, то есть какая-либо форма небольшой погрешности. Не время есть, но возможность времени или чего-либо подобного ему. Но как здесь найти благоприятствующее мне? Если я — только переход от возможности к существованию, то, мне кажется, в существующем меня не сохранится. Может быть другое предположение: есть вечный переход и колебание и случай может дать соединение, но здесь нет уверенности, и при этом возможно возвращение из существующего в возможное, и это совсем безнадежно. Третье предположение: я осужден на вечный переход. Я хотел бы быть уверенным в уничтожении перехода, но для этого необходима реальность времени; это невозможно.

Возможность есть начало времени, если время не существует, так как тогда его можно предполагать бесконечным: оно не существовало раньше и в бесконечности, так же как и теперь. Время даже нельзя предполагать небесконечным, потому что бесконечное продолжение и есть время, но время не существует вечно, так как не существует вообще.

Невозможно понять вечность, вечное осуждение и т. д., поэтому говорим о времени. Я не наблюдаю изменения в мгновении, но в мгновении нет благоприятствующего мне и, может быть, тогда я создаю время.

Что отличает время от вечности? Возможно ли существование того или другого? Я могу предположить мир без вечности, и в начале моих рассуждений не будет ошибки, кроме, может быть, небольшой погрешности. Но затем я увижу, что время непонятно и должна существовать вечность. Я могу предположить и мир без времени — некоторое мгновение и его состояния — прошлое, которого нет и не было, и здесь также не будет ошибки, кроме небольшой погрешности, но это мгновение пройдет.

Таким образом, и вечность непонятна без времени. Но я не смогу соединить время и вечность.

Почему прибрежные жители счастливы? Они слышат шум моря и живут согласно природе. Их жизнь зависит от прилива и отлива, от бури и погоды. Это дает серьезность, желание и уверенность в правильной жизни. Они не знают времени, прилив и отлив определяют их жизнь, сказал Л. В связи с этим я думал: наблюдая прилив и отлив, снегопад, огонь в камине, я не замечаю времени. Это подобно мгновению, в нем есть однообразие и порядок. Что объединяет эти состояния? Их объединяет отсутствие интереса к себе.

Задача Л. В течение некоторого времени, меньше одной секунды, дрожала натянутая струна. Множество колебаний за этот короткий промежуток времени я воспринял как качество — звук. Колебания струны столь незначительны и скоры в отношении к тем расстояниям в пространстве, которые я могу видеть, и к тем промежуткам во времени, которые могу различить, что я принял их за равные. Промежуток времени, в течение которого я воспринял множество колебаний как одно состояние или качество, я назову мгновением. Может ли мгновение растянуться на час, на год, на всю жизнь? Что я

увижу в этом растянутом на год мгновении? Когда увижу его — в начале, в середине или в конце? Какое оно создаст новое качество?

Всуе мятется всяк земнородный.

Что лучшее у Канта? Трансцендентальная дедукция категорий и учение о трансцендентальном характере, причем и сам Кант сознавал, что это самое важное: трансцендентальная дедукция во втором издании написана заново. Но это и самое неопределенное. Также и у Аристотеля самое главное — это потенция и акт, материя и форма, и также это неопределенно. Вообще у всех философов то, что ясно и определено, или относится ко второй философии, или неверно. Но это неопределенное можно формулировать так: как понимать небольшую погрешность в некотором равновесии? Эта формулировка дает определенный путь к решению.

Если я называю несказанное, даю ему имя, и это имя — его имя, не сказанное, но пользующееся моим и сказанным, то вот существуют вестники и все, что должно быть. Но, может быть, это только мое имя, а то, другое, неизвестно, и может быть, и нет его? Тогда как определить мое место, как найти место всего другого?

Отношение Творца к сотворенному (или Несотворенного к сотворенному) названо Отцом, отношение сотворенного к Творцу — Сыном, их общая сущность — Святым Духом (Эриугена).

Л. сказал, что мышление — это поступок. Он понимал это так: есть рисунки, на которые смотришь и не можешь понять: выпуклые они или вогнутые. Пусть всем казался он выпуклым. Но вот пришел человек, внимательно посмотрел и увидал, что он вогнутый. Мышление — это работа, сказал Л. Игра в шахматы и на бильярде — одинаково физическая работа или мышление. Открытия нельзя доказать. Человек иначе посмотрел и увидел другое.

Л. спросил: «Что такое Reiz*, или приятность, у женщины?» Приятность в соединении стихии с индивидуальностью — это соединение неустойчиво и преобладание индивидуальности небольшое. Л. спросил: «Что раньше — существование в одно время, как открытый веер, или существование одного за другим?» Но что существует в одно время? Если, например, зрительные ощущения, цвет, то цвет видим, как протяженный, можно ли видеть его непротяженным? Л. думает поэтому, что существование одного за другим раньше существования в одно время, ведь в одно время существует сложное, а не простое. Также последовательность двух звуков раньше аккорда.

* Приятность, привлекательность (*нем.*).

Я решил начать новую жизнь. Меня спросили: — Надолго ли? — Не надолго. До смерти.

Я никогда не покончу с собой. Но лечь на подоконник и выпасть в окно — разве это значит покончить с собой? Вопрос теперь: не как жить, а как дожить?

Может быть, я напоминаю сейчас человека, который, собираясь в дальнюю дорогу, готовится, приводит в порядок свои вещи. Но вещей много, и беспорядок большой, он суетится, торопится и неизвестно, успеет ли уложить все вовремя.

Искали первое, что не выводится из другого, но предполагается как очевидное. Но первым будет не то, что предполагается, а что случайно находится. Но то, что я нахожу как необходимое, уже будет предполагаемым, так как необходимость предполагается.

Философия начинается с сомнения.[11] Затем находится что-либо, что кажется очевидным, и возникает теория, причем всегда ошибочная. Где здесь ошибка, в признании чего-либо очевидным или в дальнейшем построении? Теория первой ошибки — это наука об **этом** и **том**.

Явление и вещь в себе — одно и то же до разделения: во мне и вне меня даже представление и вещь — это одно и то же. Но затем разделение на внешнее и внутреннее разделяет представление и вещь. Тожество это надо понимать так: то, что я вижу с е й ч а с и з д е с ь до рефлексии, — это и есть реальность, и ни о какой другой реальности говорить нельзя. Видеть и чувствовать и значит существовать, и существующее только то, что вижу и чувствую до рефлексии, следовательно, не материальное. Но это не солипсизм, то есть реальность несуществующего выше. Но нельзя сводить это несуществующее к возможному существующему.

В квантовой механике соответствие между математическими операторами и физическими явлениями. Соответствие между принципами квантовой механики и философии. Вообще, есть какие-то основные инварианты или характеры, которые можно обнаружить в самых различных явлениях. Надо искать не законы, но характеры преобразований[12].

1. Вещь в себе и явление или существующее и видимость. Сюда же: чистое восприятие и рефлексия. То, что обычно считается непосредственно данным, — уже результат рефлексии. Реально — чистое восприятие до рефлексии, видимость — результат деятельности рефлексии по поводу чистого восприятия. Но чистая чувственность и чистые изолированные ощущения — тоже результат рефлексии. Но реальность в видимости — это чувство присутствия или обладания — иметь. Форма рефлексии — отношение и субстанциальность.

2. Существующее (название), несуществующее нижнее и верхнее. Реальность не названного вообще и меньшая реальность, чем назван-

ного, того, что только может быть названо и не названо случайно. Постулаты существования:

а. Есть несуществующее верхнее, которое не названо и не может быть названо.

б. Существующее единично и случайно. Существующим могло быть и другое, то есть и другое можно было назвать. То, что можно назвать и случайно не названо, — несуществующее нижнее.

3. Существование как степень высоты. Прежняя и новая системы. Несуществующее верхнее и нижнее — не субстанции, а постулаты, или даже методы. В каждом отдельнем случае есть свое несуществующее, верхнее и нижнее.

4. Теория среднего принципа.[13]

5. Мгновенность и длительность. Есть ли какое-либо изменение, развитие или длительность в существующем либо оно неизменно? Если второе, то мгновение — временной образ вечности. Я имею в виду здесь не несуществующее верхнее, о котором ничего нельзя сказать, и не видимость — результат рефлексии, но реальность (названное). Время — как признак двух первых несоответствий.

6. Относительность знания. Я определяю что-либо не прямо, но называя его **этим** в отличие от **того**. Я определяю одно только относительно другого и не имею непосредственного знания.

7. Список первых несоответствий. Он покажет, что надо постулировать при исследовании *первой разности* (термин Л. Липавского). Но сама первая разность не постулат. Исследование об **этом** и **том** [14] — исследование первой разности.

8. а. Надо исследовать не способность познания, а способ обозначения, так же как квантовая механика исследует операторы.

б. Мгновенную небольшую погрешность в некотором равновесии надо исследовать как преобразование. Если можно исследовать реальность, то надо построить схемы преобразований. Это в науке, в общественных науках или в истории: главным образом характеры преобразований. В философии, может быть, есть одно только преобразование — **это** и **то**, главное — характеры преобразований.

Предполагается, что направление во времени — от предыдущего к последующему. Каждое с е й ч а с станет предыдущим, и наступит новое с е й ч а с. Но может быть направление обратное. От настоящего мгновения я иду назад, подыскивая ему обоснования, и этот ряд назад бесконечен. Следующее мгновение — и снова я стараюсь обосновать и опять иду назад. Последовательности, идущие назад, налагаются одна на другую, и тогда возникает ощущение реальности времени. Но что значит следующее мгновение?

Можно понять направление от настоящего к предыдущему, то есть назад, а не вперед. Но время я представляю, скорее, как прямое направление, а не обратное, это и значит, что время течет. Может быть, время — это проекция обратного направления, но трудно сказать, на что, так как ощущение движения времени вперед — это уже результат проекции, причем при этой проекции направление меняется, то есть возникает представление о течении времени вместо обоснования настоящего, вместо ряда воображаемых предположений. Существует мгновение — некоторый промежуток. Я ищу обоснование — предположение. Затем другое предположение для обоснования первого, и т. д. — ряд назад. Затем я проецирую этот ряд на некоторую реальность. Тогда возникает представление времени, или, что то же, время. В предположениях нет реальности, то есть это только предположения, но проекция реальна. Это различие предполагаемого и реального создает различие направлений, и затем уже я представляю это как прошлое и будущее.

1. Не только движение бывает как бы неподвижное, но и время как бы непроходящее.

2. Имеет ли время качественные различия или качественные различия принадлежат тому, что во времени?

3. Если время не существует как сосуд, то ты определишь его как деятельность или что-либо подобное деятельности; или мгновение как деятельность, а время как некоторое отсутствие.

4. Мгновение возникает, когда я обращаю внимание на то, что его нет, то есть когда замечаю время или отличие времени от мгновения.

5. По всей вероятности, измеряется не мгновение, а некоторое истощение мгновения, когда еще сохранилась память о нем.

6. Где искать начало времени? Во времени время не начинается, но в вечности оно тоже не начинается. Возможность времени — это и есть его начало. Также существует не время, но возможность времени.

7. Можно предположить мир без времени — некоторое мгновение — и вечность без времени, но как соединить время и вечность?

1936—1937

20 августа (1936). Возвращались ночью с Х.[15] от Т.[16] Всю дорогу разговор о том, у кого меньше мыслей осталось. Но, может быть, нет мыслей, потому что потерян способ обозначения или названия мыслей? Может быть, надо сказать так: нет мыслей, потому что я не записываю их. Конечно, это все равно: записать, запомнить или сказать, надо уметь удержать их, то есть назвать, уметь назвать некоторые ощущения или наблюдения.

Почему интересно прикасание?[17] Христос исцелял прикасанием. Фома неверующий должен был коснуться ран Христа. Лепесток цветка хочется осязать, то есть прикоснуться. Прикасание к женщине. Мгновение подобно прикасанию. Творение мира я представляю себе как прикасание.

Когда я начинаю отделять время от того, что происходит во времени, время отделяется от времени. Я нахожу время, медленное и скорое. Различие медленного и скорого для времени будет качественным. Я нахожу различные времена, но затем вспоминаю время часов, в нем содержится качественное время. Если же качественное время — это ощущение времени, то ощущение времени находится во времени? Но ведь ощущение времени — это время, как-то окрашенное. Затем я нахожу время наблюдателя, время наблюдателя цветка, время наблюдателя за полетом мухи. Это не время цветка или мухи, но время наблюдателя, только зависящее не от наблюдателя, а от других предметов. Как оно соотносится с временем часов? Неясность времени оттого, что помимо одного времени часов есть еще различные качественные времена. Но если бы были только различные качественные времена, то время было бы конечным, притом это не было бы даже временем, но поступком или действием. При одном же для всех времени тоже не было бы времени, но вневременный порядок или последовательность. Если бы не было времени, прикасание не казалось бы интересным. Прикасание — это прекращение времени, некоторый разрез, начало. Но если не было бы времени, не было бы и прекращения времени. Прикасание останавливает время.

Различные виды возникновения и прекращения: начало и конец, рождение и смерть. Пробуждение от сна, внезапная мысль или наблюдение. Начало мгновения, вообще обращение внимания на что-либо. Истощение мгновения — мгновение кончается незаметно, засыпание. Обморок, постепенное ослабевание, головокружение. Внезапная тошнота — мутит. Смерть от вскрытия вен, истекание кровью. Событие, окончательность, агония, предсмертная мысль, смерть.

Сон. Я шел по дороге. Мне хотелось скорее прийти в какой-то сад в конце дороги, но вдруг я вспомнил, что надо проходить мимо знакомого дома и что это страшно, но почему страшно, я не помнил. Когда же проснулся, то вспомнил, что уже был в этом доме, но тоже во сне, и вспомнил, отчего страшно. Затем я вспомнил, что уже проходил по этой дороге не раз: однажды я встретил там мужчину и женщину — пожилых людей, в другой раз я переходил полотно железной дороги, пересекавшее эту дорогу, в третий раз я прошел всю дорогу и, завернув направо и пройдя сад или парк, подошел к этому же железнодорожному полотну. И я вспоминал все новые и новые случаи, когда я проходил по этой дороге, но каждый раз это было во сне, так как ни этого дома, ни дороги никогда не существовало. До этого дня я не думал ни о дороге, ни о доме, в котором мне стало страшно, и, кажется, в эту ночь мне снилось это впервые.

Каким образом во сне я не помнил того, что вспомнил днем, но чего не было до этого дня, а, как мне казалось, было в предыдущие? Днем,

в 5 часов, я снова внезапно ощутил реальность этой дороги, одно и то же время было сейчас и тогда во сне.

Предполагая какое-либо начало, основание или принцип, я необходимо должен буду предположить другой, более высокий принцип, а ко второму третий и т.д. Начинать надо с среднего[18], связывающего частный случай с общим принципом, который может остаться неизвестным. В «Некотором волнении и некотором спокойствии» за среднее я взял **то**, потом средним стало некоторое сомнение. Обладание, прикасание — эти ощущения тоже могут быть средними. Среднее — это случайное и находится случайно.

Прикасание — соединение с чем-либо. Прикасание — критерий существования. Имеющий — тот, кто касается чего-либо. Непрерывность и длительность или мгновенность существования — вот что говорят эти термины. Существующее могло бы быть непрерывным и длительным, если бы не было одного общего для всех времени. Существование качественных времен создает видимость непрерывности.

Закон неоднородности. В исследовании не должно быть одной непрерывной линии. Рассуждение местами должно прекращаться, в определенном месте цепь выводов должна быть оборвана. Мысль не должна быть доведена до конца, стать вполне ясной. Система не должна объяснять всего, что-либо должно остаться вне системы — это последний остаток. Такая система будет неоднородной. Однородная же система, объясняющая все, пригодна ко всем случаям, неопределенна — это пустая система, она не имеет отношения к прикасанию. Прикасание — это начало. Там, где рассуждение обрывается, где замечается последний остаток, нарушающий систему, там есть прикасание. Поэтому в исследовании должно быть несколько начал и концов[19], то есть должны быть паузы или остановки. Так же и в искусстве, например в алемандах Баха.

Я прикасаюсь не ко всему, а только к тому, что мне интересно, что имеет ко мне отношение. Прикасание предполагает некоторый выбор. Имеющее ко мне отношение, прикасание, неоднородное создают вместе среднее, связывающее частный случай с общим. Также они присутствуют в том, что Л. назвал первой разностью.

Д. И., Вы предложили написать о голом человеке[20]: как он одевается, что ест, каких женщин любит. Когда Вы это предложили, я подумал: голый человек ничего не хочет. Вот что я думал: существует ли вообще абсолютное желание или желание относительно? Засыпая, я чувствую, как постепенно нарушается порядок моих мыслей. Некоторое время я еще могу восстановить его, но затем появляются новые мысли, я уже не думаю, я вижу, и сам делаюсь участником каких-то непонятных

странных событий. Это приятное состояние. Мне не надо делать усилий, не надо ни говорить, ни думать, я нахожусь в стороне от всего. И самое главное: нет ощущения времени и скуки. Я чувствую себя вестником. Причем все это происходит со мной и для меня. Бывают сны, в которых сам как будто не участвуешь. Но даже и в таких снах ощущаешь большую связь с тем, что происходит, чем наяву. То же самое, что и при засыпании, было сегодня днем. Я шел по улице и думал о чем-то приятном. И вдруг я заметил: вот сейчас я могу сделать так, что то, что я нахожу приятным, станет безразличным, но пройдет мгновение и я буду во власти этих мыслей или представлений. Приятное, о чем я думал, было связано с желанием.[21] Я думаю, желание можно выключить. Желание является, когда хочешь желать. Но можно ли его выключить навсегда? И не является ли оно иногда непроизвольно?

О множественности. Во сне бывает, что определенный известный мне человек раздваивается, я вижу его как двух. Бывает, что и я сам раздваиваюсь и вижу себя. Иногда повторяется то же самое время, также один сон снится несколько раз. Это бывает и наяву: прошедшее мгновение через некоторое время повторяется снова, и, когда повторяется, его нельзя отличить от того, что было. Это пример к апории начала и начал. Часто то, что мы называем многим, — одно и, наоборот, одно может быть многим.

О понятиях. Общим понятием называется понятие, то есть слово, которое относится к нескольким предметам. Можно ли иметь общее понятие, то есть, сказав одно слово, сразу же подумать о множестве предметов, или же можно только думать об общем понятии, то есть, сказав одно слово, иметь в виду множество предметов? Что значит думать? Значит ли это представлять себе что-либо или только иметь его в виду? Если думать значит представлять себе что-либо, то общие понятия нельзя иметь и множество предметов можно только иметь в виду. Если же думать значит иметь в виду, то общие понятия можно иметь.

О названиях и знаках. Увидев что-либо, я назвал его и оно стало. Название не обязательно произносится. Достаточно обратить внимание, повернуть голову, это тоже название. Я могу смотреть и не видеть, причем я смогу даже повторить все, что я видел, и все же не видеть, если не было названия. Например, однажды я слышал, что били часы, но думал о чем-то другом и не сосчитал, сколько раз они били. Когда же они кончили, я захотел вспомнить, сколько раз они били, и по воспоминанию сосчитал. В первый раз я слышал, но не назвал, во второй — назвал, хотя не слышал. Здесь что-либо отделилось от названия.

Умирающий все видит и все же не может соединить свои ощущения, он не может назвать те предметы, которые видит; может быть, он

должен дать название чему-то другому, что ближе ему, чем окружающие предметы. Название — это некоторое действие, может быть, творение. Если я вижу дерево и говорю: это цветные пятна, — это тоже название; но более сложное название, если я скажу: дерево, — и еще более сложное, когда увижу здесь и вестников. Название невозможно без знаков и без некоторой определенности мгновения. Некоторая определенность мгновения остается, когда мгновение проходит, мгновение же начинает проходить сразу же после названия. Тогда сразу же появляется воспоминание о некоторой определенности мгновения. Первое воспоминание появляется сразу же с названием. Но затем оно повторяется во втором воспоминании, когда мгновение прошло. Назвав что-либо, я дал ему знак — это первый знак. Затем он повторяется — это второй знак. Но от него должен остаться след — например, запись на бумаге, — это третий знак. Третий знак — понятие или общее представление, второй знак — единичное представление во втором воспоминании, когда нет восприятия, первый знак — мгновенен. Во сне есть только первые знаки, во сне все, что я вспоминаю, — вижу.

Существует что-либо и именно сейчас, в это мгновение, но все остальное, даже другое мгновение, только предполагается. Это мгновение, которое есть сейчас, есть всегда, и я не могу даже сказать, что оно прошло. Я забыл о нем, но вот я снова обратил на него внимание, и оно есть. Оно не было другим и не стало другим, потому что другое только предполагается. Так же все, что уже записано, относится к прошлому и к тому, что предполагается. Но иногда мне кажется, что это мгновение не новое, что оно повторилось. Это значит, что я не знаю всего мгновения и различно соединяю другое, то, что предполагается, с тем, что есть. Но вопрос: «существует ли что-либо вне меня и независимо от меня?» — лишен смысла. Если бы не было меня, что-либо осталось бы, но оно не было бы названо и не стало бы существующим.

Если что-либо существует, когда названо, то и желание должно быть названо, то есть я должен обратить на него внимание, чтобы оно стало.

Различные виды названий: непроизвольное, когда мгновение расширяется и его почти не видишь, название больших мгновений, название с выбором, сосредоточенное название, рассеянное название, двойное, когда, например, сосредоточенное название совмещается с рассеянным, и другие.

Чтобы понять мир, я наложил на него некоторую сетку. Но теперь эта сетка скрывает от меня мир. Тогда я должен найти другую сетку, потому что без сетки я его не вижу, во всяком случае, не понимаю. Но прежняя сетка создала некоторую определенность — установившиеся термины, предположения, которые кажутся очевидными. Я здесь не касаюсь истории или истории философии. Последние

принадлежат к вещам сомнительным. В каждом мгновении я имею старую сетку, я должен снять ее и построить новую, то есть отказаться от установившихся терминов. Я должен каждый раз начинать сначала. Когда я говорю: каждый раз, каждое начало, каждое мгновение, — в этом есть погрешность: ведь начало и мгновение только одно и нет «каждый раз», а только один раз. Но иначе я не могу передать разнообразие мгновения. Снятие старой сетки, начало новой — рождение души.

Я должен снять старую сетку и построить новую. Какое между ними отношение? Если я оставлю те же границы между предметами, то это не будет новой сеткой. В новой сетке я должен найти новые предметы. То, что в старой сетке было способом, свойством, отношением или признаком, в новой может стать предметом; также предмет может оказаться отношением или свойством. Я наложил некоторую сетку на мир или, лучше, на мое отношение к миру. В результате этого наложения что-либо, что я имел непосредственно, разделилось. Одно я назвал предметом, другое свойством, третье отношением. Новая сетка изменит отношение не между предметами, а между предметом, свойством, способом, отношением. Например, сейчас я сижу за столом. Я слышу шорохи и шумы — это относится к изменениям и происходит во времени. Но сейчас я не воспринимаю времени, и, например, шум уходящего трамвая я ощущаю как неподвижную линию. Я заменил одну сетку другой, и звук и движение стали предметом. Сколько раз это происходит? Только один, это происходит с е й ч а с. Но мне будет казаться, что это уже происходило.

Таким образом, различие между старой и новой сеткой существенное. Старая сетка всегда ложная. Она необходима только для того, чтобы было что снять и заменить новой. Заменить старую, всегда ложную сетку новой — это и значит почувствовать мир. Что мешает этому? Во-первых, вера в старую сетку. Затем вера в существование времени, пространства и движения. Например, время — это некоторая сила, которая противостоит моим желаниям. Но это не что-либо существующее, скорее, время — это некоторый недостаток, отсутствие, неумение видеть. Эта сила отрицательная, сила отсутствия. Затем вера в существование целого, то есть чего-то, чего нет в мгновении, но предполагается где-то существующим.

Теперь я перехожу к некоторым предположениям. Положим, я снял старую сетку и наложил новую. Я исследую новую сетку. Я заменил одну сетку другой раньше, теперь же в этом мгновении у меня уже снова есть сетка. Какая? У меня всегда есть только одна — старая, ложная сетка, и всегда я заменяю только одной, новой. Всякая сетка, которая есть, — целое, но целого нет, есть только одно это мгновение. Я должен был ввести это предположение, потому что в мгновении кажется, что уже были другие мгновения, хотя мгновение

одно. Замена одной сетки другой — это и есть мгновение, и оно подобно сотворению мира. Всегда это происходит с е й ч а с, и каждый раз, когда происходит, это происходит только один раз. Здесь есть некоторая неточность речи: я говорю «каждый раз», хотя происходит только один раз. Говоря «каждый раз», я имею в виду не число, а только мое отношение к мгновению.

Замена одной сетки другой — это мгновенное название чего-либо. Что-либо, еще не названное, не существует. Но также нельзя сказать, что его нет. Оно не существует, потому что изменится отношение между способом, предметом и существованием, между существованием и несуществованием. До названия еще не определено само существование. Нельзя сказать, что его нет, потому что в нем есть некоторое существование, только еще неопределенное; существующим в чем-либо неназванном может стать одно, а может и другое. В чем-либо неназванном и несуществующем существование переходит с одного места на другое. И в этом есть некоторая неточность. Переход предполагает какое-то движение, но нет никакого движения. Что-либо начнет существовать, когда я назову его или прикоснусь к нему, и существует только в это мгновение.

Два отношения к существующему: длительность и мгновенность. Первое предполагает существование каких-то способностей: понимания, познания и т. д. Если же существование мгновенно, тогда есть знаки, названия, способы обозначения. В квантовой механике — операторы, соответствие между математическими операторами и физическими явлениями, в философии исследуются знаки, способы обозначения, соединение знаков с чем-либо.

Может быть, есть способность обозначения? Нет, так как и я сам называю себя, существую как знак чего-либо.

Если одна сетка заменяется другой, если то, что было способом или отношением в одной сетке, станет существованием в другой и что-либо несуществующее, получив название, существует, то нельзя уже говорить, что несуществующего нет, граница между существованием и несуществованием непостоянна. Что-либо из несуществующего существует, что-либо может существовать, и другое не существует и не может существовать. Таким образом, несуществующее шире существующего и есть как существующее, так и несуществующее.

В отношении к чему-либо, в прикасании, в снах, в больших мгновениях, в ограничении чего-либо, в переходе от способа к существованию я встречаюсь с несуществующим.

О несуществующем можно говорить только как о границе существования, эта граница переменная, она переходит с одного места на другое, то расширяясь, то сужаясь. Несуществующее — это не то к любому тому. Поэтому всякое несуществующее, о котором говорим, может стать существующим. Но тогда какое-либо существующее станет несу-

ществующим. Но есть несуществующее, которое никогда не станет существующим, какой-то источник несуществования, о котором ничего нельзя сказать. [Это как черная дыра в физике.]*

Кант наложил запрещение на некоторые предметы. Но нет постоянной границы между предметами, способом и обозначением. Надо воздерживаться от суждений о неназванном несуществующем. Но если оно не названо, то о нем и невозможно рассуждать; если же я назову его, то оно перестанет быть неназванным, это не то несуществующее, о котором запрещается рассуждать. Таким образом, запрещение не может быть нарушено и при желании.

Определенное, что дала философия за 2000 лет, — это только один вопрос: как понимать небольшую погрешность в некотором равновесии? Но ответа не дала. Ответы, которые она дает, например Кант в трансцендентальной дедукции категорий или Аристотель в потенции и акте, недостаточны. Но еще раньше в Библии: вначале Бог сотворил небо и землю. Один философ отличается от другого только формулировкой этого вопроса; потому что ответ уже заранее предустановлен формулировкой вопроса, часто даже одним термином. Термин — это недоказанная теорема. Но все предложенные доказательства несостоятельны. Ответ дается отрицанием доказательства.

Сон. Пришли покойники. Живых они узнавали, а друг друга нет, хотя при жизни были знакомы. Я спросил, почему они не знают друг друга. Один из них сказал: «Нас распределяют по роду смерти, кто умер от чумы — в одном месте, кто по другой причине — в другом. Мы из разных мест».

Дорогой Д. И. Вестники покинули меня.[22] Я не могу даже рассказать Вам, как это случилось. Я сидел ночью[23] у открытого окна и вестники еще были со мной, а затем их не стало. Вот уже три года, как их нет. Иногда я чувствую приближение вестников, но что-то мешает мне увидеть их, а может быть, они боятся меня. Мне кажется, надо сделать какое-то усилие, может быть, небольшое, но при этом солгать, и вестники снова будут со мной. Но это отвратительно: лгать перед собой и перед вестниками.

Раньше я думал: может, вдохновение обманывает меня. Ведь я философ, надо писать, когда спокоен и нет желаний. Я думал написать словарь или собрание исследований, и каждое начиналось бы так: «Вот что сказал ученик Фалеса, когда учитель замолчал, так как вдохновение покинуло его»[24]. Теперь, когда нет желаний, нет вдохновения и вестники

---

* Здесь и далее в квадратных скобках — добавления поздних лет, сделанные автором при переписывании черновиков.

покинули меня, я вижу, что писать и думать не о чем. Но может быть, я не прав, может быть, сегодня день такой — я чувствую близость вестников и не могу увидеть их.

Сон.

I. Лежа в постели, я вспомнил, как проходил по улице, выходящей на набережную. Внезапно воспоминание стало настолько ясным, что мне показалось, что и сейчас я прохожу там.

II. Когда я вышел к набережной и собирался перейти дорогу, чтобы подойти к трамвайной остановке, я заметил, что вся дорога и все предметы быстро проносятся мимо меня налево. Я тоже должен был ехать налево. Это напоминало сильный ветер или бурю, так летят пыль и бумажки. Я не ощущал ветра, и буря не причиняла мне неудобства, но я знал, что это движение связано с чем-то важным для меня, я должен был разрешить какой-то вопрос или задачу, связанную с движением дороги.

III. Когда я перешел дорогу, я увидел, что панель у самой набережной поднимается круто вверх. Я сделал несколько шагов и панель поднялась еще выше. Я стал беспокоиться, мне казалось, что я никогда не подымусь наверх. Тут я заметил, что и перил нет. Я проходил у самого края набережной, мне стало страшно, я вскрикнул и проснулся.

Это было неудачное засыпание. Проснувшись же, я стал вспоминать переход от бодрствования к сну. Воспоминание длилось меньше секунды. Мне удалось запомнить только начало (I), середину (II) и конец (III). Начало мне легко было запомнить, так как перед сном я решил запомнить переход. Чтобы запомнить, я снова повторил его, причем очень торопился, потому что видел, как отдельные части исчезают из моей памяти. В частях I и II я находился между сном и бодрствованием, в III я уже спал. Может быть, переход был непрерывным, при просыпании эта непрерывность раздробляется и я видел множество картин, но я запомнил только три из них. Чтобы запомнить, я назвал их и затем повторил эти три названия и заснул снова. Сейчас я не помню этих названий. Засыпая, я, кажется, решил в эту ночь больше не запоминать перехода от бодрствования к сну. Еще помню, что меня поразило множество воспоминаний или картин, потому что непрерывность перехода распалась сразу же, затем быстрота, с которой мне удалось повторить хотя бы три воспоминания, но больше всего — исчезновение или бегство воспоминаний.

1. Если переход от бодрствования к сну некоторая система, то существует удачная и неудачная реализация системы. Удачная — когда наступит сон. Может быть, уже в части I или II удастся найти признаки, указывающие на реализацию системы.

2. Непрерывен ли переход от бодрствования к сну? Может быть, нет непрерывности и в мыслях, и в воспоминаниях? Может быть, неделимые части мыслей, представлений, ощущений так незначительны, что

в обычном состоянии бодрствования их нельзя различить? Если они есть, то не длятся во времени, они мгновенны.

На следующую ночь я хотел повторить тот же переход. Я вспомнил улицу, по которой старался проходить, и старался думать только об этом. Но внезапно увидал какой-то дом — это было непроизвольное воспоминание или представление, но очень ясное — с этого начинается засыпание. Как и вчера, оно пришло внезапно, во всяком случае, внезапно делалось ясным. Но я хотел повторить вчерашний переход, поэтому старался не думать о доме, вернее, не видеть его. Это было трудно, пришлось открыть глаза и выбиться из сна. Хотя я старался думать о вчерашнем переходе, непроизвольные воспоминания мешали мне и во время одного из них я заснул, не запомнив перехода. Прежде чем я заснул, было, кажется, два неудачных засыпания.

Три признака сна:

1. Незаинтересованность, или объективность. Если во сне я подумаю о чем-либо, то оно станет. Но во сне я не пользуюсь этим правом, я подчиняюсь закону сна. Хотя во сне я вижу только то, что имеет ко мне ближайшее отношение, но я сам чувствую себя принадлежностью чего-то другого и иногда наблюдаю за собой и даже совсем не принимаю участия в сне. Как только я нарушу закон сна и стану представлять себе что-либо, что мне приятно, вспомнив, что это только сон, или просто подумав, что обладаю такой силой, я просыпаюсь. Незаинтересованность, непроизвольность воспоминаний, чувство подчинения или связи и некоторое благородство — первый признак сна.

2. Отсутствие ощущений. Обычно во сне я не чувствую вкуса, не слышу и, может, даже не вижу. По всей вероятности, я настолько ясно представляю себе что-либо, что кажется, что я вижу или слышу. Во всяком случае, когда во сне появляется ощущение, я просыпаюсь.

3. Отсутствие подробностей. Во сне я не вижу лишних подробностей. Возможно, что я бы проснулся, если бы стал пристально рассматривать что-либо во сне.

Сон напоминает чтение книги, которой я настолько увлекся, что почти представляю себе то, что там происходит, испытываю страх, когда герой находится в опасности, и радуюсь вместе с ним. Что это за книга, которой я увлекаюсь во сне? Может быть, она интереснее и важнее того, что происходит наяву?

Меня интересует реальность сна, степени реальности различных состояний бодрствования, сонные состояния наяву, наложение сонных состояний на бодрственные. Меня интересуют повторяющиеся сны, прерванные и продолжающиеся, сон во сне.

1939 — ИЮЛЬ 1940

Есть ли во сне действие? Может быть, весь сон снится сразу? Когда мне снилась дорога, я видел сразу и всю дорогу, и дом, мимо которого должен был пройти, и сад или парк, куда я шел. Сон напоминает задачу, которую некоторое время обдумываешь, прежде чем решить. И во сне, как и в задаче, от последующего снова возвращаешься к предыдущему: во сне время обратимо, скорее, вообще нет времени.

Я шел в школу и вдруг заметил: от трамвайной остановки недалеко, а я иду долго, совсем как во сне, не сплю ли я?

Инстинктом называли различие пространств, например муравья или человека.

Вечером и ночью с 10 на 11 июня в первый раз тени на потолке. Когда они явились во второй раз, я, почувствовав приближение страха, сказал: чего же я боюсь, ведь я философ, — и страх прошел. Потом я смотрел на них без страха. В последний раз они были с 6 на 7 июля. Когда я их увидел, то подумал: ну вас, скучно. С тех пор они пропали совсем. Если это только галлюцинация, то я прекратил ее усилием воли. Мне кажется, я не мог бы сойти с ума. Х. — тоже, а Л. может. Некоторые числа: 8, 12, $\overset{\text{О}}{14}$, $\overset{\text{А}}{28}$, 30, 8.

Стремление к смерти так же естественно, как и страх смерти, — гробополагатели, самосожжение, удовольствие от боли: например, когда зуб шатается и болит, но не сильно, приятно надавить и ощутить боль, которая при этом усиливается, так же чесание при зуде.

Днем иногда бывает, что несколько секунд, а иногда и дольше не можешь отличить, сон ли это или нет.

В искусстве мне нравится то, что красиво [то есть правильно, как говорил В.], в природе же красиво то, что мне нравится, и я не требую, чтобы все это признавали. Абсолютность критерия в искусстве и субъективность — в природе. Может быть, мне нравится в природе то, что устанавливает некоторую связь между мной и природой.

В саду на высоком столбе стоит фонарь. Вечером на фонарь летели какие-то насекомые, вроде маленьких стрекоз, и сгорали. Земля вокруг фонаря наутро была белой от них. Должно быть, их смерть была приятной, как припадок эпилептика.

Въезд в город в «Мертвых душах» или сороки в «Местечке Сегельфос» Гамсуна — иероглиф (термин Л.). У Баха иероглиф — мотив и тема, вернее, идея мотива, потому что интервалы могут изменяться, сохраняется только направление вверх или вниз.

Когда человек умирает медленно и перед этим долго болеет, вот что страшно: каждый день ухудшение небольшое, и поэтому даже кажется, что становится лучше; но вдруг вспоминаешь: неделю назад он мог подняться, а теперь — только повернуться. Но затем забываешь, а через некоторое время с ужасом замечаешь, что уже и повернуться человек не может, только голову приподнять. И уже в первый раз видишь неизбежность.

Так же и конец мира[1].

Может быть, он будет приближаться год и обязательно ⟨наступит⟩ в жаркое время: начнется в июле и кончится в июле. Начнется, может быть, так: из окна или на улице я увижу человека, который ничем не отличается от других, кроме походки, — он идет немного медленнее и сосредоточеннее других. На таких людей всегда обращаешь внимание и сразу же забываешь об этом. Так будет и тогда. Другие его тоже увидят и обратят внимание и сразу же забудут, причем здесь не будет никакого чуда, потому что в разных местах он будет появляться в разное время. Когда я увижу его во второй раз, я не удивлюсь, может, даже не вспомню, что уже видел его. Но через несколько дней я увижу его в третий раз, и тогда, может быть, мелькнет мысль, что этого человека я уже видел, но затем снова забуду. Такие встречи будут повторяться две недели с первого по 15 июля. После последней встречи возникнет смутное беспокойство, но затем встречи прекратятся на две недели. В первых числах августа его увидят снова. Первая встреча вызовет некоторое удивление и даже радость, как это бывает, когда возвращается что-либо привычное, но при следующих встречах беспокойство будет расти, и оно перешло бы в страх, если бы 15 августа встречи не прекратились. Бывают такие ощущения, что, как только сосредоточишься на них, они пропадают, но только перестанешь думать о них, они снова есть. Так будет с ощущением страха в это время. Говорить об этом человеке не будут, потому что такие разговоры покажутся глупыми, как глупо бывает говорить о слишком смутных предчувствиях и ощущениях. Но по выражению лиц, когда его будут встречать при мне другие, — может быть, его будут стараться обходить, не задев, — или, когда речь зайдет о людях, боящихся пространства, мне вдруг покажется, что и другие обеспокоены этими встречами. Но никто не спросит другого, потому что глупо спрашивать, когда для этого нет никаких оснований: нет ли у вас предчувствия, причем даже неизвестно чего. 15 августа встречи прекратятся, и через несколько дней все успокоятся, только останется некоторая сосредоточенность, немного больше обычной. Но в первых числах сентября встречи снова возобновятся, и при первой встрече появится страх. Но и это еще предчувствие настоящего страха. После нескольких встреч, где-нибудь, где соберется много людей, а может быть, и в каждом доме кто-то случайно скажет, вспоминая какое-либо событие: это было, когда появился человек, идущий медленно. И вот это будет страх. Человек, который это скажет, остановится, и все поймут, что случилось что-то страшное и непоправимое и что все это уже знают. Но затем перейдут к обычным делам и разговор на эту тему будет считаться неприличным, но постоянный страх уже не будет покидать людей. Дальше заметят, что появилось уже много людей, идущих медленно, и будет казаться, что некоторые из знакомых тоже стали ходить медленнее. Может быть, заметят, что и трамваи и поезда идут медленнее и день стал длиннее. Об этом нельзя будет говорить, но власти, желая успокоить население, будто бы случайно будут сообщать в газетах скорости трамваев, поездов и аэропланов, которые будто бы даже немного увеличились, также астрономические факты, чтобы доказать, что длина суток не изменилась. Это будет просто останавливание движения, но никакая наука не сможет подтвердить это, потому что и часы будут идти медленнее. Затем станут появляться приметы, но опять без всякого чуда и такие, что их даже нельзя принять за приметы, например вода в Неве иногда опускается ниже среднего уровня, но затем возвращается к среднему уровню, теперь же не вернется или вернется, но на несколько сантиметров ниже. Или вечером выпадет сильный снег, а за ночь весь стает. Тут уж будет такое состояние, что малейшая, хотя бы и естественная, неожиданность будет страшной. Весна наступит очень рано, и погода будет хорошая. Март, апрель, май будет яркое солнце, иногда же дожди, но непродолжительные, пасмурных дней не будет. Но все уже видят, что движение замедлилось, даже птицы летают медленнее, и некоторое благополучие в природе и неблагополучие у людей еще больше увеличит страх: сильнее почувствуется неизбежность. Помимо того, будет пугать предчувствие жаркого солнечного дня и синего неба. Страх дойдет до такой степени, что уже перестанут отличать естественное от неестественного. Затем, уже в начале июня, утром все вдруг увидят, что солнце стало больше. И весь июнь будут стоять жаркие солнечные дни, и если и будут дожди, то только для того, чтобы люди не умерли раньше времени. А в июле случится светопреставление.

Страшно постепенное ускорение, особенно же замедление, то есть когда что-либо происходит со временем, причем когда это происходит почти естественно, то это страшнее неестественного.

Сон о смерти. Это был сон-рассуждение. Я понимал, что это еще не смерть, но все, что я думал, — происходило. Если бы я подумал, что умираю, то умер бы. Мне показалась особенно страшной смерть от водяной собаки, стаи которых появились в Ленинграде; они плавали по Неве, выходили на берег и бросались на людей. Я сидел на столбе на Неве, довольно высоко, и думал, что я в безопасности от собак. Но за-

тем я увидел, что собаки заметили меня и подплывают. И вдруг понял: подпрыгнув, собака схватит меня за ногу, и тут был страх падения и неизбежной смерти.

Я ощущаю, как болезнь бросается во мне, то в голову, то в сердце, сейчас в ноги. Болеет не нога, не голова, а весь человек, и это уже последняя стадия, когда болезнь локализуется в определенном месте. Но и тогда еще некоторое время, а может, и всегда надо лечить не одно место, а все тело. У некоторых болезнь локализуется быстрее и имеет излюбленные места, у других она долго не находит себе места — эти люди кажутся болезненными или слабыми, но живут дольше.

Гамма. Имеются основные звуковые ряды. Этот ряд может состоять из периодических повторений некоторых интервалов, может быть вращением вокруг одной ноты, но может быть и свободным, например песнь Селифана[2]. В естественном ряду не должно быть скачков, так как он возникает из стремления голоса проявить себя, а голос непрерывен. Но могут быть и искусственные ряды со скачками. Начатый, этот ряд может продолжаться бесконечно, если не встретит препятствия. Первое препятствие создает цель и тонику[3]. Цель: преодоление препятствия. Тоника: покой после преодоления препятствия, и это не обязательно первая ступень гаммы. Как без закона не было бы греха, так и в простом звукоряде без препятствия тоника безразлична, тоникой может быть любая ступень. Препятствие — остановка звукоряда, например последняя нота перед тем, как мелодия впервые меняет направление или делает скачок. Это препятствие вызывает нарушение плавности еще до препятствия, чтобы препятствие не показалось случайным. Так что три элемента музыки: препятствие, цель, тоника.

С конца XVIII века наступает время талантливости, дилетантизма и несерьезности. До XVIII века ораторское искусство сдерживало этот дилетантизм, а также и религиозность препятствовала несерьезности.

Красивое в природе я воспринимаю всеми чувствами. Например, цветок я вижу, обоняю, осязаю.

Тяжесть усилий — ощущение тяготения — это дает время. Природа освобождает от тяготения, поэтому прибрежные жители счастливы. Если мне что-либо нравится в природе — это ощущение эстетическое, но субъективное; приятно же потому, что освобождает от тяготения.

Прелюдия E-dur[4] из W. Kl. I[5] — прибрежная[6]. Фуга — морской прибой.

Хармс: «Счастлив человек, которому Бог дал жизнь как совершенный подарок, то есть красивый и бесполезный, с которым не жалко расстаться».

2 ноября 1939 г. Генрих Шюц ⟨Schütz⟩. Страсти по Матфею и Иоанну.

Я назову слоями различные состояния наяву и во сне. В каждом состоянии всегда имеется несколько слоев, и явных, и сонных. Можно ли найти простые слои, инварианты отношений между событиями, действиями и впечатлениями каждого слоя?

История небольшой погрешности. Раньше небольшая погрешность была действительно недостатком в некотором равновесии и случайно этот недостаток благоприятствовал исследованию. Небольшая погрешность — это уступка, некоторое отступление. Но затем погрешность возведена была в достоинство. Небольшая погрешность материализовалась. Философы, делавшие открытия, опровергают естественный материализм, их ученики снова восстанавливают его с помощью терминов учителя, заканчивая его систему. Завершенная система — это материализм.

Закон неоднородности в музыке: у Баха почти в любом такте ноты различного характера (логический акцент, эмфазис[7] и т. д.), пересечение нескольких линий, два конца. У Бетховена же однородные ноты на протяжении нескольких тактов, например при нарастании. Нарушение некоторого плана создает неоднородность, а сложный план (например, сложный модуляционный план у Бетховена) только усиливает логичность.

В литературе: «И купите ему сосновый гроб, потому что дубовый будет для него слишком дорог»[8]. Здесь неоднородность в изменении направления, мы ожидаем: потому что он умрет. Это было бы прямое направление.

В «Воображаемом собеседнике»[9] Петр Петрович умирал несколько месяцев. Умирание заключалось в том, что он стал думать о смерти. Первая стадия умирания — до прихода воображаемого собеседника. Вторая — разговоры с воображаемым собеседником. Это оказалось интересным и приятным. — Но затем показалось все неинтересным. Признак третьей стадии — отсутствие обид и злобы. Это уже не живой человек, когда не трогает.

Тридцать лет тому назад на окраине города ходили автобусы или омнибусы и паровики. В городе они не ходили, в городе ходили трамваи и конки. Была граница города с определенным признаком: паровики. За этой границей начиналась природа. Пятьдесят лет назад была

другая граница, но тоже была. Сейчас город не отличается так от окраины и природа не чувствуется.

Против меня сидит сумасшедший. Он не владеет движениями головы, рук и туловища. Возможно, что каждая мысль не доводится до конца, но заканчивается неопределенным, бессмысленным движением. Законченная мысль вызывает какое-либо разумное действие, у него же смутные обрывки мыслей заканчиваются неопределенными движениями.

Из четырех стихий вода — это мудрость и это стихия Баха. Например, Crucifixus[10]. Почти в каждой вещи есть несколько тактов с волнообразным ритмом.

Одну и ту же арию Бах повторяет в различных вещах. Она имеет различное значение. Это ощущение целого. Иногда неважно, что вставить, надо между двумя кусками вставить третий. Я это понял, когда вставил отдельные части из «Критерия» в «Принадлежности». При этом небольшие изменения совершенно меняют вставленные части.

В «Критерии» правильно поставлены некоторые апории. Но к концу каждой — разрешение, этим уничтожается смысл апории. Так, композитор, сочинив хорошую мелодию, может быть, тем и хорошую, что она не укладывается в четырех тактах, неожиданно к концу четвертого такта обрезает ее.

В речитативах Шюца не указана длительность нот. Но это и не надо, в особенности в «Страстях по Иоанну». Длительность указывается произношением, эмфазис же к концу — нарушение плавной речи, и опять здесь не так важен способ нарушения, важно само нарушение. Если речитатив большой, то он разбивается на части, и снова внутри части ничего не происходит, важен конец. У Баха более мелкие куски и связь между отдельными кусками больше, но соотношение частей и значение конца еще напоминают отношение Шюца к речитативу.

Сон о чуде: как чудо бежало и я скрыл его от властей, которые хотели уничтожить его.

Просматривая дневник: с чего началось банкротство? С усиления одиночества или солипсизма, причем солипсизм и смерть оказались близнецами. Если бы смерть не наступила, все равно было бы банкротство. Вторая часть — это первая попытка собрать обломки. Собирание начинается в третьей части, но затем снова все распадается. Четвертая часть так неприятна, потому что это еще большее разложение, чем было раньше. Там распадение потому, что я дошел до какого-то предела — солипсизма, здесь же уже полное распадение и ничего объединяющего не видно.

Счастье, время, сон, смерть и еще чудо — вот темы этого дневника.

АВГУСТ 1940 — СЕНТЯБРЬ 1941

1940

[Тетрадь 1940—1941 вызывает у меня сейчас какую-то симпатическую антипатию или антипатическую симпатию. Но именно в том, что там неприятно, глупо и даже пошло, я вижу Провидение, руководившее мною все время, несмотря на мою глупость, пошлость и жестоковыйность. И все же я хочу переписать ее, частью выкинуть и частью исправить. Почему и зачем? Может быть, здесь есть и мелкие, тщеславные мотивы — не знаю, но главное, мне кажется, не это: я хочу освободиться от неизвестного мне беса, мучающего меня уже больше месяца, сдвинуться с какой-то мертвой точки; это значит: что-то понять, понять себя, понять Провидение, руководящее мною. К тому же в июне-июле 1941 года произошел очень существенный для меня сдвиг. Исправлять я буду очень мало, в некоторых рассуждениях, очень неприятных мне сейчас, слово **ты** заменю словом **я** или безличной формой, некоторые слишком личные, причем не ноуменально личные, а феноменально личные, то есть не абсолютно-субъективные, а субъективистские, выброшу. Дополнения или возражения себе самому буду заключать в квадратные скобки.

14. III. 1967.]

Август 1940

Последние годы каникулы проходят быстро и незаметно, а удовольствия нет. Раньше прелесть их была в неторопливости, лени, покое и в ночных писаниях. Сейчас этого не было. В первой половине июля еще надо было бывать в техникуме, что омерзительно, а затем заболел. Да и все равно не было бы прежней прелести, что-то ушло. Зато был пересмотр — генеральное очищение, а теперь в Келомякках[1] почувствовал природу и снова писал: «Рассуждать — не рассуждать» и «О состояниях жизни»[2].

Последний мой припадок у Д. И. закончился довольно глупо: скорая помощь, больница. Д. И. говорит, что я ходил на четвереньках, ста-

раясь запрятать голову под стол, под фисгармонию, под подушку, и напоминал одержимого бесом. Я ничего не помню.

Вдохновение пришло после болезни, когда я был еще слаб, здоровье — после природы и двух дней у Нади[3] с Т., при этом вдохновение ослабело. Теперь же проходит и то, и другое, но я продолжаю разыгрывать из себя здоровяка.

Я был с Д. И. в Эрмитаже, он говорил, что теперь, когда пришло вдохновение и здоровье и начало сделано («Рассуждать — не рассуждать»), ответственность лежит на мне и я сам буду виноват, если ничего не выйдет. Кажется, ничего не выйдет.

Великий классификатор.

Был у Л. Он без воротничка, приятен, в нем есть и мужественность, и некоторая трогательная детскость — качества, привлекающие женщин. И у Д. И. это есть, а у меня — ни того, ни другого.

Встречи с...* по-прежнему несуразны и глупы.

В августе, уже после каникул и после вдохновения, были две недели покоя: чувство, женщина, природа; море, волны, прибой, ночь, птица с сломанной ногой, лошадь, заглянувшая к нам в окно, Нерка и Иван Иванович[4], страх природы.
Три состояния жизни:
Первое: Бог, смерть, бессмертие, время, я.
Второе: человек.
Третье: природа.
Второе [у меня] нечисто и пусто.
К состояниям природы и жизни относится и смерть животных и ужас природы. Но, может, каждое состояние жизни ведет к состоянию смерти [или в первом, в глубине, заключено второе], например состояние молчания, состояние прибрежных жителей («С богом, в дальнюю дорогу»[5]). Состояния жизни стоят перед состояниями смерти, создается недоумение. И такие состояния, как состояния молчания, дыхания и воды, ближе к состояниям смерти, чем смерть животных и тихое угасание в природе. Эти — естественные, а те — на границе, за которой состояние смерти.

Ш.[6] рассказывал мне, как Д. И. передал ему историю с Неркой и Иваном Ивановичем: стая одичавших собак терроризировала Келомякки. Друскины пошли в лес, усмирили стаю собак и привели ее домой.

В Вырице[7] в ожидании поезда: среди белых и серых облаков проходило красное, напоминавшее птицу вроде пеликана, и это было интереснее того, что говорил П. Я.* о человеческих взаимоотношениях.

Глупость Сократа: деревья ничему не могут научить меня, а люди могут. Так ответил он на вопрос, почему всегда живет в городе.

Келомякки ночью: ошибочность или неопределенность разделения всего на две категории. [Взаимность: **все** и определенное противоположение, то есть если исходить из понятия всего, то дихотомическое разделение — контрарное, и если исходить из контрарного дихотомического разделения, то придем к воображаемому понятию **всего**.]

Келомякки в лесу: в «Разговорах вестников»[8] я писал, что меня интересуют деревья, их ствол, корень, расположение, сад, дождь. Теперь я написал бы: меня интересуют грибы, вереск, древесные лишаи.

Келомякки на пляже: сумерки, ветер, волны. Море, как свинец, и вообще противно, но ночью снова хорошо.

Сумерки и вечер в природе тоскливы, но ночь спокойна и даже не страшна. Сон деревьев.

Классификация состояний жизни[9].

До Георга[10] искусство мысленных опытов. Апории. После Георга нечистый стиль.

Некоторый порядок моей жизни — 4 состояния: мама; Т.; философия; некоторое удобство [под этим я понимал не комфорт, а некоторый покой, бездействие, неторопливость].

В Розанове хорошо некоторое совмещение ума и чувства: ум, доброта, мелочность, приятность или очарование, хитрость, человечность, понимание, особый взгляд, направление ума и интерес: бабочка — энтелехия гусеницы и куколки; мумии египтян — куколки — погребальный обряд. Его книги — не философия, не искусство, а он сам, изменчивый, то один, то другой.

---

* Имя в рукописи зачеркнуто.

* Личность не установлена.

Декабрь 1940

Некоторые события, положения и связанные с ними поступки повторяются периодически с такой точностью, что действуешь, как автомат. Когда же усилием воли [скорее, воздержанием от воли] прервешь автоматизм действия, говорят: это глупо, бестактно, грубо.

Я знаю приметы — это приметы примет. Другой говорит: я не знаю примет, нет примет. Он верит в отсутствие примет, и это тоже примета примет.

Некоторое правило поведения: критерий — не ум и не чувство, а состояние жизни и смерти, граница между ними. Соединение некоторых, не вполне определенных чувств, с ощущениями и видимыми предметами, ситуациями и состояниями — вот что создает состояние жизни, состояние жизни и смерти, границу между ними.

Убедительность непонятных и неубедительных доводов.

Я не знаю, когда сесть, когда встать, что сказать; глупое поведение, неуверенность; мелочность. Но это спасает от уверенного поведения, скрывающего состояния жизни.

⟨...⟩

[1941?]

Сентиментальность — от избытка и от недостатка чувств; у меня от недостатка. Я даже не всегда понимаю, глядя на что-либо, радостно это или печально. Чувства перепутались.

О чувстве. Что чисто, что нечисто? Некоторое чувство, некоторое отношение к предмету, погрешность, ее размер.

Небольшое отклонение сильнее нарушает созвучие, чем большое. Но большая погрешность создает новую систему и новое созвучие. [Возражения: 1. Большая септима сильнее нарушает созвучие, чем малая секунда. 2. Некоторое равновесие с небольшой погрешностью — истинное, живое, а не абстрактное равновесие. Возражения на возражения: 1. Оба возражения в другом плане в сравнении с тезисом, поэтому не опровергают его. 2. Большая секунда тоже небольшое отклонение и, может быть, даже меньшее, чем малая секунда, — отклонение от октавы. 3. Небольшое отклонение, может, и есть то самое большое отклонение, которое создает новое созвучие и новую систему, — Веберн. 4. И оба возражения разного порядка.]

Слоновая кость, черное дерево, камень, янтарь — вот что приятно на ощупь и зрению из твердых веществ; песок, древесная труха, опилки — из полутвердых. Из полужидких приятна мягкая глина, тесто и хорошо смешанная грязь средней густоты. Из жидких приятнее всего на ощупь вода. Эти вещества чистые. Меньше приятности в металле и стекле. Искусственные же вещества неприятны. Из полутвердых неприятны солома, сор, но опавшие листья и сено приятны. Есть приятность в увядании, но в некоторых отбросах и там, где уже нет следа жизни, нет и удовольствия. Из полужидких неприятны на ощупь слишком жидкая грязь и слишком густая жидкость, неприятно масло, неприятна кожа, покрытая слизью и изрытая язвами. Из жидких неприятна нефть, все липкое и загрязняющее руки. Эти не чисты. Вот некоторые приятные на ощупь и для зрения покровы: мхи и древесные лишаи, меха и шерсть, кожа ящерицы и человека. Но что сказать о грибах? Эти странные полужидкие, полутвердые, полусухие, полусклизкие существа приятны зрению. Но их кожа покрыта бородавками и язвами, из пор течет слизь, неопределенность формы вызывает отвращение. Но они нашли некоторую наиболее благоприятную степень мягкости. Эти странные полужидкие, полутвердые, полусухие, полусклизкие существа непонятны. В них есть сила питания, роста и размножения.

Некоторые перечисления: рыбы без глаз в подземных реках, водяные ежи на морском дне, слепые змеи и кроты в норах, черви, не видящие дневного света, мухи, лишенные слуха, птицы, равнодушные к запахам, тритоны, пожирающие свои лапы[11]...

Некоторые перечисления: море и волны, подземные удары, смена времен года — это одна жизнь. Другая жизнь: просыпание утром, первая любовь, тени мыслей; или: увядание, падающие листья, печаль и некоторое непонимание. Другая жизнь: летний полдень, небо, солнце и страх[12]. Внутриутробная жизнь: состояние моря и состояние полдня. Другая жизнь: запахов, звуков, цветов. Другая жизнь: состояние опустошения, мыслей, теней. Другая жизнь: обрывающееся, незаконченное движение, незаконченное действие, промежутки, начало без продолжения, неожиданные концы.

Состояние мыслей: одиночество, убедительность и неубедительность, принципиальность и беспринципность, определенные взгляды и отсутствие определенных взглядов, тени, системы теней, падение системы теней. Круг знания и круг сомнения. Истина и небольшая погрешность к ней.

Что значит исследовать что-либо? Соединить несколько предметов, придумать им названия, найти новый предмет, который может быть

поставлен в соответствие каждому из прежних, и назвать его. [Предмет, о котором здесь говорится, это как бы беспредметный предмет, то есть им может быть и любое чувство и ощущение. В сущности это обеспредмечивание предмета.] В названиях я свободен, в выборе нового предмета моя свобода ограниченна, в выборе предметов, которые должны быть соединены, я подчинен некоторой необходимости: я не могу соединить любое с любым.

О чувстве. Вот один из предметов, заслуживающих внимания: сильное чувство. Но когда я начинаю думать о чувстве, я заменяю его случайностью встреч и положений, неумением вести себя; неловкость, неудачи, отвращение, стыд вытесняют чувство. Ощущение преобладает над чувством. Остается тоска по чувству.

Чувство ли — ощущение удачи и неудачи, неловкости глупого положения; ощущения снов? Вот сны: вторичная смерть умершего. Некто рвал свой член, быстро отраставший после этого, и пожирал его по многу раз. Некто перед смертью забрался в часы и умер там назло своим родственникам. Чудо бежало в виде человека, скрываясь от властей, и некто спас его, укрыв от преследователей.

Вот соседний мир: чужая печаль и радость, мир чувства.

Для чего я пишу сейчас, или зачем я сейчас пишу? Это поиски чувства. Я существовал, но меня как бы не было. Я начал существовать. Но я начал существовать взрослым. Я опоздал. Теперь время размышления. У меня нет мыслей, нет знаний, нет чувств, я подобен идиоту, у меня нет опыта; но поэтому я могу размышлять. Что значит размышлять? Обращать внимание на ощущения, располагать их в порядке или беспорядке, искать чувство.

Я рассуждал, как посторонний наблюдатель. Но теперь, после второго рождения[13], я приблизился к наблюдаемому, вошел в круг наблюдаемого и наблюдения.

Я сам. Но что — я сам? Соприкосновения с предметами. Мои соприкосновения лишены чувства. Но будет ли без чувства соприкосновение? Лишенный чувства, я теряю себя. [Предметы, о которых я говорю здесь, — беспредметные предметы; чувство — возможно, аналогично бесконечной заинтересованности Кьеркегора? В то время я еще не знал его.]

О завершении дела. Может быть, на Страшном суде одно только важно: завершил ли дело, довел ли его до конца. Я небрежен в соблюдении примет, ошибаюсь в поисках правил поведения, не нашел удовольствий, и поиски счастья были напрасны. Опыты не удались, размышление не было доведено до конца, и я не жил согласно природе. Вещи не закончены, дело не завершено.

Есть разные пути: путь одиночества и путь встреч, путь опытов и путь размышлений. Путь наблюдений, путь удовольствий, путь семейной жизни, путь удач, путь правил и законов поведения, путь счастья и путь природы. Я сошел с одного пути и не вступил на другой, изменял делу и путям. Может быть, путь нарушения правил и познания законов, путь бесполезных поисков и блужданий, незавершенных дел и незаконченных вещей, путь погрешности, измены делу и путям — тоже путь? — Исполнено дело, закончена вещь, доведено до конца размышление. Вот путь: измена делу и путям.

Я нашел слова, определил предмет, завершил дело. Что мне до этого? Дело осталось неисполненным, вещь — незавершенной, пути нет. [Аналогия с концом первого заключения «Ви́дения невидения»[14].]

Мои способности ограниченны, в делах я неуверен, в рассуждениях медлителен. Я тяну слова. Слово тянется за словом, слова тяжелы и располагаются в хорошем или нехорошем порядке. Расположенные в порядке слова составляют некоторую часть, некоторое состояние жизни. Надо найти характер расположения частей, порядок некоторых состояний жизни.

Раньше были личные дела и рассуждения. Теперь рассуждение стало личным делом и всякое личное дело — предметом рассуждения.

Мне снилась музыка; порядок вступления голосов[15] страшен: вот начинается действие, вступает первый голос. Вот вступил второй голос. Вступит третий голос, и я умру. Усилием воли я прекращал музыку. Музыка снова начиналась. Вступает первый голос, вступает второй, вступит третий, и я умру. Я был внутри беспощадной системы. Эта система — завершение мысли, осмысление бессмысленного взгляда, смерть. Бог Саваоф.

Отдых от усилий и ожидание будущего, где же настоящее — сейчас? А сны? Жизнь будущего, еще не ставшего прошлым? Или возобновленная жизнь прошлого? Но где? Не в будущем? Снова: настоящего нет.

Настоящее — начало, конец же его утерян, оно — всегда начало, второй же границы — смерти — в настоящем нет, поэтому радость и счастье. Удовольствие же без счастья не имеет первой радостной границы: начала; и всегда имеет вторую границу: конец и смерть.

Начало — творение. Я создаю мгновение, при этом отделяю от себя начало мгновения [вернее, себя от начала мгновения] и, создавая мгновение, оставляю себя, ушедшего в прошлое, и перехожу в настоящее. Но конец мгновения утерян, обнаружив его — вторую границу мгновения, я умер бы, умер в мгновении[16], в настоящем [может, это и есть вечная жизнь?]; но ушедший в прошлое уже не существует, он

4 Зак. 3244

без души. Но если бы конца мгновения совсем не было, если бы он не терялся, а просто отсутствовал и мгновение было бы бесконечным — indefinitum, — я умер бы в прошлом. [Потому что эта бесконечность не infinitum, а indefinitum, то есть увековечивание первого момента времени без второго — ожидания, увековечивание прошлого, того, чего уже нет.]

Вот жизнь, я стою в стороне. Я хочу принять в ней участие. Граница, отделяющая меня от жизни: я и чувство, я и мгновение, я и Бог. Я перешел границу мгновения, оставив себя, ушедшего в прошлое. Я перешел границу чувства, пожелав чистоты. Граница жизни нарушена тоской по счастью. Я смотрю на мир, как новорожденный. Я рождаюсь все время, но время меня убивает, уносит в прошлое. Я хочу жить сейчас, но сейчас я могу только возникнуть, возникнув же, перестаю существовать, так как время уносит меня в прошлое. Я буду обвинять время: время создало границу, время отделило меня от жизни, время уничтожило чувство, время несет смерть. Но время только признак некоторого другого существования, некоторой погрешности в нем, признак некоторого прикосновения, отношения чего-либо к чему-либо. В нем нет вины, оно только знак вины.

О различных путях: путь долга[17] далек от сочувствия; путь чистого безразличного сочувствия далек от любви. Каждый из них — мир невидимых предметов. Путь равнодушия к своему безразличию, и это тоже автономный мир невидимых предметов и радость освобождения от своих мыслей, чувств, ощущений, от себя самого. И четвертый путь — смирения. Четыре автономных мира. А также и другие.

Некоторая имманентная необходимость последовательности понятий: долг — гордость — смирение — сочувствие [от первого ко второму и от третьего к четвертому — импликация, от второго к третьему — отрицание].

Два пути рассуждения, то есть связи понятий: необходимость и не необходимость, но совпадение.

О пространстве жизни

[Это рассуждение, во всяком случае по методу и терминологии, имплицировано Лёней.]

Представь себе простейшее существо: полужидкую амебу или гидру, полип, размножающийся почкованием, кусочек живого студня. Где здесь границы тела, границы души? Когда умирает старое существо, когда рождается новое? Так вот и жизнь. Она истекает из одного существа в другое, почти не ограниченная смертью. Эта жизнь не ограничена индивидуальностью. Таким образом смерть объединяется с индивидуальностью. Ты скажешь: ночью интересы дня потеряли свое значение, и то, что днем трогало, сейчас безразлично. Я почувствовал в себе истекание жизни, душа стала неиндивидуальной, душа стала, как амеба, как гидра, как полип, размножающийся почкованием, как кусочек живого студня. С чем сравнить жизнь? С чем сравнить душу жизни? Дневные поступки, как умершая поверхность кожи, скрывают душу жизни; но, чем больше в них чувства, тем сильнее действие смерти. Сок ствола, скрытого корой, — вот что душа жизни, но, чем больше в ней чувства, тем сильнее действие смерти. Сок ствола, скрытого корой, — вот что душа жизни, подземный ручей, проходящий через мертвый песок и камни. Когда же наступает смерть? Когда высыхает поток жизни? Или прекращаются дневные поступки? Ведь может быть и так, что подземный поток прорвет заграждений и затопит всю поверхность земли?

В амебе жизнь ограничена материей — живым пространством, у амебы нет поступков, она переносится течением, пропуская сквозь себя воду, я же ограничен нематериальными поступками и временем. Это и создает индивидуальность. Пространство существует для всех, и необходимость его тем сильнее, чем меньше индивидуальности, время же только для тех, у кого есть индивидуальность. Как песок шлифует камень и камень приобретает индивидуальные очертания, так и время: чувство смерти, ограничение силы жизни — эти условия индивидуальности — признаки времени. Некоторое состояние, некоторую материю, с помощью которой я возникаю по многу раз в день, я называю временем. Воспользовавшись им, я бросаю его и называю прошлым. Я сказал: время — это некоторая материя; я сравнил ее с материей амебы. Эта материя сильнее и быстрее убивает жизнь, чем материя амебы.

Индивидуальность, рост, а не расплывание, воля и смерть — вот определение времени.

Амеба не растет, а расплывается, расплывшись же слишком далеко, не умирает, но разделяется. Здесь почти нет времени.

К окружению времени можно еще добавить: самоубийство — это от воли; так что индивидуальность, рост, воля, самоубийство, смерть. Но затем надо будет вставить еще некоторые слова: чувство, желание, любовь. И так будет расти система слов, окружающих время, пока не заполнит всего пространства жизни — пространства смерти. Граница же между этими двумя пространствами — в каждом месте, в каждой части, потому что пространство смерти проникает в пространство жизни, пространство смерти заполняет все пространство жизни; оно вошло как чуждый организм, разрослось и все заполнило, граница же между двумя пространствами в каждом месте, в каждой части — время. Ты думаешь, время — непрерывная линия, нигде не обрывающаяся, не имеющая ни начала, ни конца? Оно проходит между двумя пространствами, — заполняет невидимые промежутки, затыкает невидимые щели, кое-где обрывается, возвращается назад, замы-

кается в круг, делает петли и скачки. Обрывки разных времен располагаются между двумя пространствами там, где соприкосновение их неплотно, в каждом мгновении проходит между жизнью и смертью, ограничивает жизнь, создает индивидуальность. Обрывки времен, узоры и петли времени — только граница двух пространств. Поэтому время неуловимо — его нет, оно не существует, как не существует геометрическая линия — граница некоторой поверхности, как не существует поверхность — граница тела.

Время — это некоторое соотношение между жизнью и смертью, некоторое соотношение, определяющее индивидуальность, у амебы это соотношение определяется материей — живым пространством. Но время переживаемое и время движения — это только состояния жизни.

Но если у амебы почти нет времени, то не будет ли вся ее жизнь одним мгновением — вечностью? Если же будет, то это материальное мгновение, пространственная вечность.

Время только некоторый признак, некоторое следствие, несуществующее состояние — проявление основного соотношения. Это время само по себе, но другое — его явления: переживаемые времена и времена движения. В двучленном отношении двух пространств время — граница. Но есть другое двучленное отношение: одно пространство жизни-смерти и время, в нем ⟨в отношении⟩ второй член не равноправен с первым, но подчинен ему. В третьем же двучленном отношении: индивидуальность — время, индивидуальность — результат действия времени, но душа жизни, скрытая за индивидуальностью и ограниченная временем, — некоторое существование, тогда как время — ничто. Таким образом, индивидуальность, созданная временем из жизни, есть некоторое существование, а создавшее его время — ничто.

Способ смерти определяет характер жизни,[18] как концы в музыке Баха.

Характер жизни определяют не путь долга, не путь удовольствий, не какой-либо другой путь, но некоторое сожаление, печаль и легкая радость, незаконченные мысли и не слишком сильные ощущения; в них есть некоторая музыкальность, ее не было бы, если бы не было смерти. Позади слабых чувств — Бог, но сильные чувства не выводят дальше себя самого. [В какой-то степени это верно. В какой? Как некоторая равнодействующая между моей жизнью тогда и оттенком жизни, который я чувствовал. Но слабость моего чувства сейчас, уже второй месяц, не выводит меня из меня самого, сейчас это погрешность больше необходимой.]

Признак доисторической эпохи — полезность, засилие дельцов, например при Петре. Скорее, это не прошлое, а страх перед будущим

(Д. Д.[19]). Длится не больше одного поколения. Синклер Льюис, «Бэббит» — разговор отца с сыном: начало истории связано с появлением некоторой печали.

Теория времени Л.: разность — условие времени.

Новая теория — возможность чуда. Если же я, почувствовав возможность чуда, не совершил его, то только потому, что почувствовать возможность чуда стало более важным, чем совершить его, второе — вопрос техники, тогда уже не чудо.

Смерть, может быть, наиболее сильное утверждение индивидуальности. А самоубийство? Это принадлежит к удовольствиям.

Ощущение целого, соотношение частей. К этому имеет отношение пауза, промежуток между двумя ударами сердца (Л.), оцепенение (Х.), мгновение.

29 апреля ⟨1941 г.⟩. Завтра я еду в Келомякки и останусь там ночевать, и это почти страшно. Во-первых, то, что я буду один, во-вторых, то, что я буду спать не в своей комнате, и, в-третьих, природа. У прибрежных жителей небольшие расстояния, но для меня переход к ним через бесконечность. Ритм природы ограничивает расстояния, я же вижу здесь только бесконечность ударов: прибоя и отбоя. Страх перед завтрашней ночью — это страх смерти. Страх смерти может освободиться от некоторой определенности, то есть я могу и не думать, что сейчас умру, но страх, который у меня есть, — страх ночи в чужом доме и в природе, — это тот же страх, что будет при смерти. Элементы страха смерти присутствуют всюду, не связанные уже непосредственно со смертью. Природа уменьшает этот страх, но до этого должно произойти какое-то перемещение — сдвиг, должен быть преодолен страх смерти. Может, природа не уменьшает страха смерти, а только отвлекает, подчиняя своему ритму? Но я не могу ему подчиниться, и для меня получается круг: природа уменьшает страх смерти, но для этого должно что-то произойти, чтобы она не увеличила его.

Сегодня я прочел: когда не любишь, но воображаешь, что любишь, то уже любишь. Когда любишь, но воображаешь, что не любишь, — любишь меньше. Так вот: ритм природы, уменьшающий страх смерти, — это не зависит от меня. И если он увеличивается, потому что я вижу бесконечность периодических ударов, то это уже абсолютное. Если же все зависит от перемещения — сдвига и если этот сдвиг возможен в обе стороны, а не только в одну, от ощущения ритма природы к потере его — к ощущению бесконечности периодических ударов, то это личное — механика ощущений, чувств, страстей. Сдвиг,

возможный в обе стороны, — это обратимость движения. Вот страшное: если *A*, то *B*, если *B*, то *C*, — пример некоторого рассуждения. Событие *C* вызвано событием *B*, событие *B* — событием *A*. Установив это, я нахожу некоторое удовлетворение. Но затем оказывается, что возможно и наоборот: если *C*, то *B*, если *B*, то *A*. Здесь страшно не то, что я не знаю, а именно то, что я знаю, что может быть и так, и иначе. В смерти и в событии страшна необратимость, здесь же уже другая область, как бы после смерти, и после смерти страшна обратимость. То есть страшно воскреснуть, когда умер совсем. Какое-то непонятное направление к ужасной цели, оно страшно своей необратимостью, но после достижения цели страшна обратимость. Когда я представляю себе воскресение, всегда думаю о некотором возвращении — это страшно, не страшно было бы совершенно новое воскресение. Задача религии: найти принципы нестрашного воскресения. [Оно уже найдено: Христос.] Такой же страх, как при мысли о воскресении, бывает при некоторых воспоминаниях, причем страшны те воспоминания, которые сейчас не связаны со мною, например воспоминание о женщине, которую любил очень давно. Здесь уже теперь есть границы, это воспоминания после смерти. Но можно предположить и другое: воскресение — как в моем сне о смерти. Тогда после воскресения меня не будет трогать жизнь до смерти. Но и это воскресение чуждо мне. Может быть, самое страшное — это представить себе, что все, что сейчас происходит, — это сон.

30 апреля. В Келомякках так и не остался ночевать, но днем было хорошо: лежал на пляже на солнце. Пока лежишь — тепло, но приподымешься — ветер, холодно. Лед и снег, умывался снегом, который пахнет морем. Вернулся рано, зашел к Л.

Некоторая печаль, задумчивость, сосредоточенность, затем некоторая замкнутость в себе, то есть одиночество, — вот что делает человека приятным. У меня был С.* У него это есть, так же как и у Башилова[20]. У С. больше 100 тетрадей и каждая вещь обозначена двумя числами, например 93-1. Он их все время переделывает, пока дошел до 1911 года. Он чувствует мелодию, и у него есть ощущение некоторой формы, то есть целого; если бы он писал левую музыку, то был бы неудавшимся гением — предшественником, а пока даже до этого не дошел, хотя он, может, даже талантлив. Его система обозначения (нумерации) вещей типичная для неудавшегося гения. Какой-нибудь Дзержинский[21] или Желобинский[22] оставит после себя что-то, хотя и дрянь, а С. талантливее их, но ничего не оставит. Это закон: беспощадность к неудачникам.

* Композитор. Личность не установлена.

В моих припадках три стадии: 1. Озноб, потягивание (томление). К концу — головная боль. 2. Жар. 3. Пот. Первая стадия начинается незаметно. Чуть знобит, но это бывает и без припадков. И затем вдруг я замечаю, что потягиваюсь. Это значит: томит и уже припадок. После одного из наиболее сильных приступов томления и последующего потягивания внезапно томление пропадает и появляется жар. Иногда бывает один или два рецидива томления, но всегда после них внезапный переход ко второй стадии — жару. Во второй стадии жар, головная боль и легкая тошнота или просто странное ощущение во рту и желудке. Обычно это состояние приятно, вчера же тошнота была сильнее и это было мучительно. В этом состоянии я засыпаю и просыпаюсь в третьем — от обильного пота. Обычно второе состояние бывает недолгим, я скоро засыпаю, вчера же оно было продолжительным, а третье — пот — недолгим и слабым.

Томление и резкая грань в переходе к приятному жару — вот главное в моем припадке.

Все события можно разделить на две группы так:

1. Незаметное, постепенное начало — внезапное узнавание обреченности — смерть.

2. Внезапное свободное усилие — мгновение — постепенное исчезание.

Смерть и мгновение.

Томление и резкий переход к приятному жару, так же как мой сон о смерти, принадлежат к явлениям типа смерти, и оба имеют вторую часть — после резкой грани — ту, которая в случае смерти неизвестна.

Смерть — непрерывное движение до смерти, обреченность, неизбежность; ослабление сил; распуститься — вот цель в смерти, сама смерть; цель — в конце.

Мгновение — разрыв непрерывности в начале, свободное начало — соединить, сжать; цель — в начале.

Судороги в горле, или спазмы, — какого типа?

Что-то подступает к горлу, сжимает, мешает мне играть. Когда это бывает в более сильной форме — в слабой почти всегда — я почти теряю ощущение ритма и времени — играю неровно. Пение во время игры помогает избежать этих состояний, также некоторое расслабление — смотришь вперед или вверх. Это тип смерти.

Но в смерти самый последний миг подобен мгновению: внезапность, начало. Если же оба типа вполне подобны, то éсть бессмертие.[23]

мгновение | после
смерть | смерти

Два конца у Баха:

тип мгновения: *E*; *N* — *P*;
тип смерти: *P* — *K*; *K* — *𝒫*

Перечисление удовольствий

Удовольствия от размышления, от искусства, от природы. Эти три никто не может от меня отнять.

Удовольствие от силы и здоровья, от тела и удовольствие от слабости, от ощущения бестелесности. При этом не должно быть ощущения одного какого-нибудь органа. В обоих случаях должна быть гармония всех ощущений, равновесие без всякой погрешности.

Удовольствие от ощущения твердых границ, некоторой устойчивости. Это удовольствие от близости границ, охраняющих от неожиданных событий, удовольствие от примет, удаляющих несчастье. Удовольствие от сознания границ, от ограничения происходит от проецирования смерти в бесконечность.

Удовольствие от сознания себя, от силы ума, от одиночества, от власти, пренебрегающей реализацией. Это самая сильная власть — та, которая не нуждается в других для своего проявления.

Удовольствия от деятельности: от деятельности чувств — любви, ненависти, печали; от деятельности отдельных органов — от еды, от сношений с женщиной, от плавания и полета, от смеха и плача; от участия в некоторых событиях, от занимаемой должности, от общественных обязанностей, от участия в государственных делах; от разговоров.

Удовольствия от унижения, от безответственности — пусть будет не так, как я хочу, а как Ты хочешь.

Удовольствие от бездеятельности. А также и другие удовольствия.

Если мне надо будет сказать что-либо хорошее о некоторых людях, то я скажу: в этом есть приятность, большая, чем в других; этот — хороший собеседник, превосходный слушатель; этот — не лишен некоторого очарования. Если мне надо будет сказать о них плохое, я скажу о первом: в нем есть назойливость, он раздражает; о втором: этот господин неприятен, особенно в своих добродетелях; о третьем: здесь индивидуальность распалась на свои составные части, это омерзительно.

Есть некоторые вещи, от которых мутит, сказал Л., например червь, разрезанный пополам, продолжает жить в двух своих половинках: из одной индивидуальности стало две, это не уничтожение индивидуальности, а осквернение ее. Вот еще от чего мутит: все состояния увядания, все космологические теории, все равно, признают ли они ограниченность или бесконечность мира, постоянный мир или расширяющийся. Особенно мутит от всякой новой космологической теории, даже если неожиданно подумать: вот восходит солнце, на самом же деле солнце неподвижно, а земля движется вокруг солнца. Только от религиозных космологических теорий не мутит. Может быть, вообще мутит от науки.

О некоторых состояниях сознания

Я могу сидеть, ничего не делая и почти не думая, часами, но сосредоточиться на чем-либо и долго думать трудно. Вот несколько состояний: распущенность, обрывки мыслей и воспоминаний, ослабление сознания самого себя. В этом состоянии ослабленного сознания нет ни идеи, ни формы, почти нет даже постоянного фона смены ощущений и чувств. Другое состояние ослабленного сознания — это расслабленность при лежании на солнце или на берегу моря. Солнце или море будет фоном, этот фон дает некоторое единство — форму и идею. Но в первом состоянии фоном может стать ночь, небо и этот фон может оказаться более сильным, дать единство — форму и идею. Фон — это окраска ощущений и чувств, сами по себе они бессмысленны: не неприятны и даже не скучны — не скучно сидеть и ничего не делать, но в этом мало приятности. Первая окраска придает им бóльшую приятность. При этом появляется предчувствие некоторого знания. Вторая окраска сильнее соединяет их, причем что-либо обращает на себя внимание и появляется некоторое знание. Здесь уже проходит расслабленность, наступает сосредоточенность. Причем первое состояние полной распущенности, с трудом поддающееся первой окраске, получив ее, легче достигает второй, чем второе состояние, почти всегда окрашенное уже с самого начала. Затем есть еще третье состояние распущенности, связанное с ходьбой. Оно тоже почти всегда окрашено — ощущением ходьбы, неба, солнца или дождя, но тоже труднее доходит до второй окраски, чем первое. Затем есть еще состояние молитвы — уже сразу начинающееся со второго состояния. Оно отличается от первых трех, может быть, тем, что здесь сильнее всего сознание себя, а в тех трех я начинаю с ослабления сознания себя самого и затем сосредоточиваюсь не на себе, а на другом. В молитве, во всяком случае как это обычно понимается, главное я сам — моя связь ⟨с другим⟩ или мое отношение к другому и я могу начинать с сосредоточения на нем, но это другой случай.

Разложение сознания и затем соединение — вот что происходит в первых трех состояниях, причем здесь происходит некий сдвиг: существовало некоторое единство сознания. Особенности этого единства — сопутствовавшие ему ощущения и чувства — пусть будут местом этого единства. Затем наступает разложение сознания — потеря единства. Новое соединение происходит уже в другом месте: новые сопутствующие ощущения и чувства, новые предметы наблюдения и иногда некоторое знание. Может быть, главное в этом сдвиге — переход от себя к некоторому предмету.

Некоторая печаль, удовольствие и отвращение — вот преобладающие чувства — средний уровень жизни, и отвращение погашает удовольствие. [Если же говорить о моем уровне жизни тогда, то надо

еще добавить: тяжесть от исполнения неприятных усилий[24], игнавию[25] и многие другие. По-видимому, эта запись была сделана в тот день, когда я гулял в Гавани, а потом был у В., а у Д. И. не был.]

Уже несколько лет я живу как на полустанке: жду событий, которых становится все меньше, некоторых опасаюсь, жду решения; я не принял даже решения жить. Может, так вся жизнь пройдет в ожидании решения жить.

Ребенок живет, не принимая решения жить. Но приходит время, когда надо решить: я буду жить. В первый раз это время пришло в 1911 году весной[26], вскоре после этого я почувствовал страх смерти. Но решение пришло лет через девять, десять, когда я поверил. Но через несколько лет я снова должен был принять решение, но прошло пять или шесть лет, пока я снова не принял решение. Это было, по-видимому, в 1928 году[27]. Но через пять лет пришел Г. и снова надо было принимать решение. Решение жить требует какого-то собирания. Надо приостановить распадение сознания, распадение желаний и чувств. Дважды начиналось собирание мыслей и чувств: конец 1939 года (Бах),[28] затем осень 1940 года,[29] но не получилось.

Что делать, если нет вдохновения? Во-первых, можно неторопливо и просто изложить то, что я знаю. Во-вторых, записать некоторое состояние жизни. В-третьих, исследовать что-либо: какое-либо определенное состояние, предмет. В-четвертых, принять некоторое решение, сосредоточиться, ждать, не отвлекаясь воспоминаниями, пока снова не придет состояние плоскости и ночи[30]. Первого я не делаю, так как спокойное, неторопливое изложение — поверхностное, избегающее препятствий, у меня же выходит особенно поверхностно и неопределенно. Писать в этом роде скучно. Второго я не делаю, так как это требует некоторого усилия: сосредоточиться, собрать в себе распадающиеся ощущения и чувства. Третьего я не делаю, так как это требует усилия: я должен вспомнить некоторый предмет, не зная даже какой. Четвертого я не делаю, так как это требует наибольшего сосредоточения и усилия. Лет пятнадцать назад было то же: я как бы спал. Я должен был сделать усилие, чтобы проснуться, уже чувствовал, как буду просыпаться, и снова погружался в сон. [Нигде здесь не упоминается даже слово ignavia, так же как и в бумагах Д. И., потому что она постоянно подразумевалась как само собой разумеющееся.][31]

Классификация удовольствий: одновременное с ощущением, остаточное — после удовольствия, предшествующее — от предвкушения. Вкусна ли водка? Может, самое приятное, даже вкусное, не закуска, а мгновение между выпитой рюмкой и закуской. Предвкушение — остановка мгновения.

У одного — здравый смысл, элегантно банальные теории. Их интересно выслушать, но невозможно повторить. Эти теории — совершенный подарок, красивый и бесполезный, с которым не жалко расстаться. У другого теории неожиданны, необычны и сложны. Но, распутав этот сложный клубок, видишь, что петли не закреплены, остается однообразная ровная нить — общее мнение. Впрочем, он бывает наблюдателен и у него есть способность замечать страшное, от чего мутит. Но это не связано с теориями и является помимо теорий. И у первого есть эта способность наблюдения, воображения и умственных опытов и тоже не связана с теориями. [Но то, что скрывалось за этими теориями, их ноуменальную основу тогда я еще не видел.]

Термин — недоказанная теорема.

Мои старые вещи — формулы и собрания формул, объединенные в формулу. Новые вещи не удаются, так как от формул я отказался, а нового единства не могу найти.

Сейчас у меня формула от игнавии: старуха, пожиратель, чудо, и также мои рисунки или просто: формулы уныния.

Оправдание теории — убедительное нарушение некоторых обычных связей и отношений, то есть старой сетки, наложенной на мир. Теория должна быть новым миром, новым — первое условие, второе — убедительность.

Если математические теоремы аналитически сводятся к аксиомам и определениям и для Бога математика — общее мнение, то это не новый мир и математика для Него — пошлость, то есть ничто. Он не сотворил тогда математику, как сотворил мир, мир и для Него был новым, акт творения — синтетический. Если же теоремы существования и свободные построения абсолютно существенны для математики, то Бог творит теорему, проводя линии и доказывая, как и я, только сразу вне времени. [Теорема Гёделя подтверждает второе.[32] 1977, сентябрь.]

Новизна — свободное личное творение. Практически оно осуществляется различно, например в некотором сдвиге старой сетки, очень часто в небольшом сдвиге. Тогда почти все остается по-прежнему или все остается почти по-прежнему, и все же становится совершенно новым. Но при большем сдвиге может оказаться, что все осталось как было, только переименовано — сдвиг только номинальный.

Июль 1941. Геометрические таблицы-схемы. Кутюра́. «Логика отношений» — читал ее в очереди за противогазами.

Свобода в том, что заранее неизвестно, сумею ли я выйти за свои пределы, то есть осуществить себя. Кто не вышел, может, не получит бессмертия.

Шесть сфер жизни — выхода или распространения за свои пределы, то есть реализация права на бессмертие.

Шесть способов распространения: страсть (Апокалипсис Иоанна: «Горе вам, что вы не горячие и не холодные, а теплые»[33]), чувство, беспристрастие, воля, отсутствие чувств, бесстрастие. Это шесть добродетелей. Им противополагаются шесть пороков: отсутствие интереса («теплый», по Апокалипсису), черствость, пристрастность, или ограниченность, мелочность, то есть мелкий характер, чувствительность, похотливость. [По-видимому, под волей я понимал не свободу воли или свободу выбора, а может быть: «власть имеющий»[34], «Царство Небесное силою берется»[35].] Границы шести способов не вполне совпадают с границами шести сфер. Можно говорить только о преимущественном для данной сферы способе.

Вот седьмая общая добродетель: некоторая нерешительность и бездействие [то есть некоторое сомнение и воздержание от суждения,[36] может быть: пусть будет не как я хочу, а как Ты хочешь[37]]; и седьмой общий порок: распутство — разложение личности.

Классификация

Сферы жизни: пол; искусство; рассуждение.
Добродетели: страсть; чувство; беспристрастие.
Пороки: отсутствие интереса; черствость; пристрастность.

Продолжение, или аналогии

Сферы жизни: власть; мудрость; святость.
Добродетели: воля; отсутствие чувств; бесстрастие.
Пороки: мелочность; чувствительность; похотливость.

Пусть будет четыре состояния или термина, в которые можно вложить любое содержание (например, политическое):

А — сохранение традиций, *В* — нарушение традиций, *С* — нарушение нарушения традиций — смута, *D* — восстановление традиций.

А — некоторый порядок, красивая жизнь, чувства и традиции, способствующие поверхностному исследованию. Определенные реальные состояния обозначаются отвлеченными терминами. Злоупотребление словами: Бог, вера и другими. Красивая жизнь побуждает к благородству, великодушию, достоинству.

В — оголение жизни. Вместо отвлеченных терминов — конкретные. Чувство смерти и чувство Бога реже, но реальнее. Разоблачение красивой лжи. В состоянии *А* — ощущение реальности жизни, несмотря на отвлеченность терминов. Реальность этих терминов оправдывают в состоянии *В*, но только немногие. В состоянии *В* — реальность терминов

и отвлеченный, идеальный строй жизни. Но идеальность его проверяется в следующем состоянии — *С*.

С — животный страх смерти, самосохранение. Немногие сохранят конкретность или реальность состояния *А*, идеальность состояния *В*. В состоянии *В* есть мерзость запустения, тогда немногие найдут идеальность жизни. Но уже после этого, в состоянии *С*: «Находящиеся в Иудее да бегут в горы»[38] и «люди будут издыхать от страха и ожидания бедствий»[39]. *В*: «Военные слухи, но не ужасайтесь, это еще не конец»[40]. *С*: «Тогда будут двое в поле...»[41]

D — цинизм, материальность жизни. [Л. говорил: контрреволюция и реставрация будут бесстыднее и циничнее революции.] Только немногие сохранят реальность состояния *А*, идеальность состояния *В*, апокалипсичность, эсхатологическое очищение состоянием *С*. Три последних состояния по времени короче[42] первого. Я рад, что мне удалось жить в них.

В состоянии *А* легче всего добиться права на бессмертие, но так много соблазнов и украшений жизни, что при проверке немногие получат его. В состоянии *В* труднее добиться этого права, но при проверке останется больше. О состояниях *С* и *D* я пока ничего не могу сказать[43].

Что можно сейчас делать? Во-первых, заботиться о своем спасении, не думая о других. Это умно, но не очень красиво. Во-вторых, заботиться о своем спасении и о спасении других, хотя бы близких. Это умно и красиво. В-третьих, заботиться о спасении других, не думая о себе. Это красиво, но насколько умно — не знаю. Эти три возможности для меня отпадают. Я не могу спасать ни себя, ни других. Остается еще множество возможностей, но реальных для меня, кажется, четыре:

1. Молиться. Но для этого не хватает веры, слабость веры.
2. Жизнь ради удовольствий. Но это измена всему. Я не говорю, что откажусь от удовольствий, если они встретятся на моем пути, для этого не хватит веры, но изменой ⟨это⟩ не будет. Но изменить путь, особенно сейчас, — противно. Это предательство. И не очень умно.
3. Паника. Ужасаться зверствам. Забыться. Это неумно и некрасиво.
4. Писать «Логический трактат»[44]. Это я и делаю.

Вчера был большой налет на Москву. Может, сегодня будет на Ленинград. Поэтому я хочу записать: Т. Всю ночь сны, но логика их обратная. Я жду чуда.

Чуда не было.

Чудо есть, присутствует в мире, все видят, но не хотят замечать, не хотят видеть. [Но ведь это же самое я чувствовал летом ночью 1963

года[45]. Удивительно, как многое, что стало через 20 или 30 лет, было уже тогда и даже в этой симпатически антипатичной мне тетради обнаруживается, хотя еще не очищенным, в какой-то неприятной мне шелухе, в каком-то мусоре.]

Движение руки непрерывно, мысль разбивает его на прерывные части. Но, может быть, движение руки прерывно и состоит из небольших толчков? Это, как мой сон и бегство воспоминаний о нем (прерывность, автоматичность воспоминаний). Может, именно мысль создает непрерывность? Свойственна ли непрерывность пространству? Может быть, пространство непространственно и мысль делает его пространственным, то есть непрерывным? [Квантовое представление пространства? Пространственность — замыкание меня собою, отделение от другого. Тогда функция антисоборности и прерывности. Это от объективирования, значит, от мысли в грехе. Но затем третья функция мысли — гипостазирование, лицемерие и лживость. Тогда лицемерное, лживое преодоление антисоборности в мысли о непрерывности. Мысль разделяет, и мысль лживо соединяет.] Мысли разных порядков, как это понимается в «Логическом трактате», или разные высоты — в «Исследовании о признаках» — вот что создает непрерывность [истинную и ее лживое подобие]. Тогда правильно различать видимое и умопостигаемое пространство.

О прерывности мира. Промежутки между ударами сердца — вот образец прерывности и мгновения. Мысль, как предварение сказуемого, сказанное до сказанного, создает непрерывность [то есть лживое подобие ее].

О геометрии: пирамида мысли — мысли одного порядка — непосредственная связь — обоснование. Аксиомы — обрезание бесконечности [то есть indefinitum]. Термины, построение — актуальная бесконечность.

Плавание, система движений руки при игре на рояле, правый и левый винт — это никогда не забывается, если знаешь. Узнается же внезапно, учение только подготовляет внезапное открытие некоторого телесного, телесно-духовного знания.

Философия

1. Правое и левое искусство: не досидеть или пересидеть.

2. С чего начать?

а. Философия — чудо. Ничего не изменилось, но я могу совершить чудо. Этого достаточно. Если я могу совершить чудо, мне уже не надо совершать его.

б. Радость от философии, удовольствие от фиксации — то есть сделанной вещи. Философия — это арифметика вестников.

в. Небольшая погрешность. Небольшой погрешностью будет уже это начало, как и всякое начало того, что есть.

г. Учение об **этом** и **том**. Но это уже сама философия.

3. Я отвергаю все четыре пути: первый, так как чудо будет видно в конце. Второй, так как радость будет в самом философствовании. Третий, так как погрешность есть уже в самом начале. Четвертый же, как сказано, это уже сама философия. Вместе с тем это будет признанием всех четырех путей. Я начну с последнего. Что **это**? **Это** — название чего-то другого, сказуемое к некоторому подлежащему. Может, это и дает начало философии; исследовать формально, просто технически, каким образом что-либо называется **этим** — задача логическая.

4. Затем второе: радость от философии. Это радость от установления некоторых соотношений, от некоторой устойчивости. Затем еще одна радость, о которой я скажу сравнением. Христос засушил смоковницу за то, что она была бесплодна. Так вот, философия дает радость от некоторого плодородия. Сопоставление некоторых вещей, некоторые неожиданные возможности, вытекающие из этого сопоставления, — это и есть плодородие и радость философии. Если же больше радости даст то, что вначале покажется менее интересным, то и об этом есть в Евангелии: «Блаженны нищие духом».

5. Третье: небольшая погрешность. Об этом я скажу коротко: небольшая погрешность присутствует всюду, как душа в теле, не занимая определенного места.

6. Первое: чудо. Я не буду говорить о таких вещах, как перелет птиц, ум и знание муравьев, инстинкт, я не буду говорить о соответствии некоторых слов реальности, об общем мнении, которое, как сетка, покрывает реальность, чудо же заключается в небольшом сдвиге этой сетки, я буду говорить о чуде мысли и пространства. Мгновенность и непрерывность — сопоставление и совместимость этих двух вещей — вот чудо.

7. Зенон и Бергсон. Бесконечная делимость пространства и времени. Где предел? Предел во мне самом. Я мыслю, следовательно существую, — неверно. Я мыслю, следовательно, есть **мое**. Степени моего: мир, народ, дом, тело с чувствами и ощущениями, мысли-ощущения, состояние плоскости, состояние неба, состояние дыхания. Но здесь я уже перешел предел делимости — предел самого, своего.

8. Установим степени **моего**. Пусть наибольшая степень будет состояние, вмещающее наибольшее число состояний. Мы ищем самое глубокое, близкое мне, **мое**. Отбрасывая внешние состояния, мы приближаемся к нему. Но, переходя от более внешнего состояния, обозначенного бóльшим числом, к более внутреннему, внезапно мы переходим некоторую границу и вступаем в область состояний совсем другого рода. Я отбрасываю все внешнее мне, чтобы дойти до самого себя; но затем внезапно оказываюсь уже по другую сторону себя.

9. **Мое**, то есть **я сам**, — это граница — **мое** нулевой степени, и это действительно некоторая пустота, но затем идут состояния, которые я назову состояниями отрицательной степени. Они обладают объективностью или, лучше, абсолютностью большей, чем положительные степени. Положительные степени — мои, здесь же во мне уже **не мое**.

10. Возникает еще один вопрос: я отбрасываю положительные степени или состояния **моего**, как состояния, не обладающие достаточной достоверностью, убедительностью и абсолютностью. Я сам для себя более достоверен, чем мир. Но в чем состоит достоверность или убедительность? Для этого надо прежде всего исследовать предложение — само название, причем исследовать его просто технически: как я называю что-либо **тем**.

11. Отделяя от себя внешнее, я пришел к некоторой пустоте, к нулю, но затем за этой границей внутри нуля обнаружились новые реальности. Все множество положительных степеней **моего**, да и вообще все множество степеней **моего**, — потенциальная бесконечность, но множество степеней **моего** во мне, то есть отрицательных степеней, — это уже актуальная бесконечность.

Теперь же эту делимость я рассмотрю иначе, приближаясь к нулю, но не переходя его.

12. Мгновение. Начало его и потеря конца. Непрерывность в мгновении и выход из мгновения.

13. Еще более определенно в геометрии: доказательство. Истинность в сопоставлении двух элементов. Пирамида мысли, мысли разных порядков, обрезание бесконечности: определения, аксиомы, построения и пропуски.

Есть жестокий закон: надо вовремя перестроиться, а то останешься позади и погибнешь. Поэтому вовремя разлюбить. Это закон жизни. И второй закон — выключения.

Я занят, у меня дела — в этом есть буржуазность, джентльмен не занят: он перебирает бумаги и еще коллекционирует. В последние годы у ...* появились дела. Часто у них бывал сосредоточенный занятый вид: не от мыслей, а от дел. Наоборот, Х. и я считались бездельниками, легкомысленными, находили в нас ребячество. Но теперь, может быть, окажется, что серьезность у нас. Занятость и дела препятствуют настоящей серьезности.

К делам надо относиться стыдливо, скрывая их.

Отчего плачут? Главная причина: несчастье оттого, что родился.

Во время бомбардировки мул бежал к людям.

---

* Имена в рукописи зачеркнуты.

Л. был очень трогателен. Он неуверен и грустен, его деловитость исчезла.[46]

Ощущение недолговечности, вернее, отсутствие ощущения долговечности у меня давно. Но теперь, когда все почувствовали недолговечность, у меня появилось ощущение некоторой долговечности. Я понимаю, только чудом можно спастись, но надеюсь и верю в чудо. Во-вторых, я вообще не представляю себе промежуток больше нескольких дней. Сейчас же особенно остро ощущается каждый небольшой промежуток времени. Вообще можно ли беспокоиться о том, что будет через месяц? Но так как почти все беспокоятся, значит, можно, но почему я не беспокоюсь? И что требуется для этого?

«Довлеет дневи злоба его».[47]

И еще близко мне: «Высокое у людей — мерзость перед Богом»[48].

Л. говорил раз о воображаемых неприятностях. Настоящие неприятности: боль, голод и другие. Он считал, что настоящие неприятности хуже. Верно ли? Но вот до войны, когда были воображаемые неприятности, мне было хуже, чем сейчас, когда непосредственно угрожают настоящие неприятности. И я думаю, когда они придут, будет не хуже, чем до войны. Сейчас у меня равновесие, которого уже давно не было. Это от твердого отказа от своей воли. Настоящие же неприятности сопровождаются страданием от ощущения своей воли.

У Островского: я празднолюбец. Это то же, что в Евангелии: «Довлеет дневи злоба его». Я немного пожалел сейчас, что не поехал на окопы. Сейчас бы я лежал в лесу, слушал шум деревьев, видел бы небо, чувствовал природу. По Евангелию, празднолюбие лучше трудолюбия. При этом можно даже много работать, даже копать землю, но не ходить в Техникум, вообще на службу. Но, конечно, я рад, что не поехал: это из-за мамы. Два центра: плоскость-природа и мама. Может быть, сейчас дома, когда пишу «Логический трактат», я ощущаю природу лучше, чем там — в природе. И еще сейчас: некоторое равновесие с небольшой погрешностью. Оно во всем — и в том, что пожалел, что не поехал, и в радости оттого, что остался, и в ощущении природы, которой сейчас нет. Главное же, я думаю, хорошо оттого, что я отказался от своей воли. Правда, не совсем, но все же я перешел некоторую грань между своеволием и безволием.

Я снова стал молиться. Для этого не всегда требуется определенное положение, просто я снова почувствовал Бога, Бог — со мною.

У толпы гипноз силы: один с ружьем сильнее ста без ружей.

У женщин — гипноз ума мужа: глупость, которую можно заметить только на своей жене (О.). Но гипноз чувства: нравиться, красива — это женская природа.

Жизнь только ради исполнения долга создает неудовлетворенность, отсюда раздражительность. Категорический императив хорош как идея [неверно], но в жизни он всегда недостаточно чист. Но даже немного нечистый, он лишается смысла, и жизнь по категорическому императиву, не вполне чистому [и еще более по вполне чистому], не только скучна и бесполезна, но и безнравственна. Абсолютная же чистота его почти недостижима [и слава Богу].

Но всякий другой принцип и чувство допускают погрешность, погрешность здесь даже необходима. [Через несколько лет я понял ложь категорического императива, тогда я чувствовал только его практическое несовершенство и дурные следствия из его исполнения, поэтому пытался заменить его тем, что называл границей между состояниями жизни и смерти. В конце сороковых годов я понял, что категорический императив Канта — одна из самых гениальных ошибок в истории философии: принцип именно безнравственности — сама Selbstheit*.]

В логике различать: все существующее и все мыслимое. Но что значит все мыслимое? Может ли **все** быть предметом мысли? Тогда все существующее только условно мыслимое, не на самом деле, пустое понятие без содержания, то есть ничто.

Сентябрь 1941. Первая бомба в Ленинграде: через улицу против нашего дома[49]. Был ли страх? Только один: маминого крика. Я испугался бы, если бы мама закричала. Страшна неожиданность, причем та, которую ждешь и боишься заранее: ее ждешь и она всегда приходит неожиданно. Может, так и смерть: она придет неожиданно. Может, страшно, что я пропущу мгновение смерти. Но к бомбе у меня нет такого страха. Может, реальная возможность смерти уменьшает страх смерти самой по себе.

Когда упала бомба, мама уже спала. В комнате посыпались стекла из разбитого окна, мама проснулась и удивленно спросила: «Что это?» Я, боясь, что мама закричит, успокаивая ее, сказал: «Не бойся, это только бомба».

Марина[50] рассказывала, что накануне ареста Д. И. не хотел передвигать стол в коридор[51], он боялся, что случится несчастье, если стол передвинуть. Я сейчас снова так сильно ощущаю связь людей, вещей, событий, что думаю: может, Д. И. и был прав. Я ощущаю все личные связи и с Т. как некоторую реальность, и Т. — некоторый стержень, в котором все они пересекаются. Я представляю себе некоторую сеть — паутину и я — узлы этой паутины. Эта паутина — я и мир, мои отношения к нему, но отсутствует природа. В этой паутине отношений я снова нахожу себя и, переходя в центр ее, уже отказываюсь от всякого личного отношения, от себя. Я наблюдал связи и отношения незаинтересованно, я над ними, и уже **не-я**. Но я хотел бы иметь сильную связь, быть привязанным к чему-то выходящему из меня; мама — это я, но вне меня — люди, связи, природа и Т. — дверь в мир. И снова: все это — сеть, паутина, узлы которой — я, но я жду более конкретной связи с людьми, миром, землей, природой, через стержень или центр. И это уже другой путь: положивший руку на плуг, не оглядывается назад[52].

У меня сейчас какая-то ясность и спокойствие, которое бывает перед смертью или накануне новой жизни.

* Самость (*нем.*).

СЕНТЯБРЬ 1941 — ИЮНЬ 1942
Ленинград

1941

Лк. 1, 18—22. Чудо — стиль жизни, как сейчас — наука.

2000 лет тому назад иудейство входит в историю арийцев, сейчас изгоняется. Может, после разделения этих двух элементов каждый начнет новую историю, как амеба, которая, когда состарится, делится пополам и так омолаживается. [Это предположение объясняется только крайней напряженностью тогда моего состояния. Исторически и тогда оно было необоснованным: наоборот, иудейство после полуторатысячелетнего разделения со второй половины XIX в. снова соприкасается с арийством, снова начинается конвергенция. — Делич и его институт, взаимодействие иудейских и христианских теологов, Шопс, Коген, Фрейд, Бергсон, Гуссерль, Пикассо (наполовину еврей), Шагал, Кафка, Шёнберг, Эйнштейн, Минковский, Фридман и многие другие. А сейчас это чувствуется еще сильнее. Может, в результате этой конвергенции и возродится христианская церковь и, может быть, именно там, где она и возникла, — в Иерусалиме.]

Люди живут не настоящим, а заботами и страхами, сопровождающими настоящее. Мало кто удивляется движению времени, смене времен, полному изменению; сравнивая то, что было полгода назад и сейчас, замечают только неприятности и опасности, которых тогда не было, и не понимают, что призваны как небожители на пир. Это чудо — такое изменение всей жизни. Время ощущается как то, что задерживает некоторое движение — жизнь. Иногда же, освобожденные от этой задержки, наступают увлечение, вдохновение, одержимость (Хармс), но опять-таки в некотором промежутке времени ничего не произошло. Этот промежуток разрастается до недель, месяцев, лет — когда смотришь назад. И внезапно что-то случается. Жизнь становится другой, и это непонятно. Непонятно, как моя жизнь, определенная, подчиненная каким-то правилам, имеющая некоторую твердость и прочность, хотя бы в ощущении нетвердости и непрочности, вдруг все это теряет и делается другой. Ощущение прочности и беспеременности — это ощущение времени. И вдруг его не стало. Так было семь лет тому назад[1]. Но тогда тяжесть времени возросла неимоверно, возросла интенсивность

времени, а сейчас — различие двух времен. Сейчас совсем другое время, почти нет его.

В чем здесь чудо? Я жил по определенным правилам, и это значит — рассчитывал на неопределенно долго продолжающееся время, на indefinitum*. И тогда бывали ощущения вечности и жизнь была ощущением вечности, но сейчас совсем другое, хотя и сейчас ощущаю жизнь как вечность, вечность — характер жизни. [У меня сказано было очень неопределенно, а смысл такой: до войны преимущественным было ощущение времени как indefinitum, а сейчас преимущественно ощущение вечности — infinitum. В полном, почти катастрофическом изменении жизни, в непрочности, в неизвестности, что будет завтра, что будет сегодня ночью и, может, даже через час, в реальных опасностях я реально ощутил характер вечности. Чудо же в том, что что-либо, имеющее ко мне ближайшее отношение, и я сам, оставаясь теми же, стали совсем другими.] Я тот же и вне времени, я тот же и как тот же я уже совсем другой. Два времени, совсем различных, и оба времени — одно и то же время, определяемое мною. [То есть я почувствовал полноту и исполнение времен, эсхатологичность моего с е й ч а с .]

Лк. 2, 52. «Иисус же преуспевал в **премудрости** и в **возрасте** и **любви** у Бога и человеков».

Раньше, когда смерть непосредственно не угрожала, думал о ней и боялся больше, чем сейчас, когда она реально угрожает.

Во время воздушной тревоги я стоял в парадной и смотрел, как немецкий самолет сбросил две бомбы. Вначале они летели горизонтально, и каждая казалась не длиннее спички. Я не беспокоился за маму и Лиду, за Мишу и Надю, вероятность попадания была невелика, мне казалось, они упадут в Выборгском районе.

Раньше, если я опаздывал на час, два, дома волновались больше, чем сейчас, когда меня нет дома и я задерживаюсь из-за воздушной тревоги.

[№ 1][2]

Я пишу о поисках души, о том, что душа должна покинуть себя, но сам избегаю этого, отвлекаясь то к «Логическому трактату», то к книгам, то к теориям. В результате — мерзости, которые были сегодня. Я сам — мерзость, даже когда прав. Но, кроме того, были мерзости, в которых я не прав. Но и когда я прав — я мерзок, и это первородный грех. Даже если человек прав, но сталкивается с любимыми людьми, которые не правы, и столкновение большое, все равно он, вернее, я, потому что я о себе говорю, я даже если и прав — не прав и мерзок, а неправые ⟨они⟩ не мерзки.[3]

---

* См. авторское пояснение на стр. 98.

Я представляю себе некоторую паутину с узлами. Индивидуальность — пересечение нитей этой паутины в узле. Индивидуальность, во-первых, сама эта точка пересечения нитей, во-вторых, и те нити, которые тянутся к ней от других точек. Я был прав, как изолированная точка, но не прав, так как изолировал себя от других точек, оборвал нити, идущие ко мне. Остальные же точки не были изолированы, у них было согласие, согласие освящало их. Я был мерзок, как изолированная и недовольная своей изоляцией точка. Был же недоволен не потому, что мне надо было что-то, а потому что я считал, что им будет лучше так, как **я считал** это. Вот это «**я считаю**, что так лучше» и сделало меня мерзким, это мой первородный грех, именно мой. Я мог то же сделать не мерзко, фактически же не мог. Это фарисейское ощущение справедливости и своей правоты — вот что противно: я судил и осуждал. Мерзок тот, кто судит. Когда сидят друг против друга правый и неправый и спорят и осуждают друг друга, противен и мерзок правый.

Вот чего у меня не было и отчего я был мерзок: я не понимал, что блаженны те, кого поносят и всячески несправедливо злословят за Меня: радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах[4]. А я, вместо того чтобы радоваться и веселиться, возмущался, был недоволен несправедливостью.

Мне казалось, что этого чувства-ощущения несправедливости в отношении себя у меня уже совсем нет, но вот где-то в глубине оно сохранилось. Справедливость и правота требуют совершенно особого такта, чтобы справедливый и правый не был противен; требуется столько такта, что это принадлежит к вещам невозможным для людей, но возможным для Бога. Это благодать, которая дается даром. Дело не в обиде, у меня, кажется, ее нет, скорее, я обижаю людей своей уверенностью.

Правый и справедливый, если он даже не кичится, как фарисей перед мытарем, исполняя все повеленное ему, если не имеет чего-то положительного сверхдолжного, противен. Это сверхдолжное — любовь. Но ведь все происходило с любимыми людьми, почему же я оказался мерзким? Была только потенциальная любовь, а не актуальная, не в самом акте, помешало ощущение справедливости.

Вот в чем первородный грех: человеку даны достаточно точные нормы и законы поведения. Кто следует им — справедлив и все же не становится от этого хорошим. Даже наоборот. Неправого жалко, и в этом его искупление, а правый получил достаточно от сознания своей правоты: «в Царствии Небесном больше радуются одному грешнику кающемуся (а не покаявшемуся), чем девяноста девяти праведникам...»[5]

Человек сам по себе не может быть правым и справедливым, не становясь при этом хоть немного мерзким. Я имею в виду недоразумения и столкновения, которые бывают в каждой семье; и еще — враги человеку домашние его. И все же без помощи Бога справедливый и праведный хуже домашних его.

Сегодня Т. получила письмо: «Пропал без вести... основание для возбуждения ходатайства о пенсии»[6], — эти мерзкие слова, хотя и не дают ничего нового, все время стоят передо мною.

Разговоры с мамой, подарки, заботы Лиды, ужин, который принес М.[7]

Несколько дней какая-то муть, сегодня разразился кризис. Стало уж совсем плохо, хуже, казалось, не могло быть. Я лег спать. Проснулся и сразу понял: поиски души. Муть была потому, что я потерял свою душу. А сейчас — рождение души [№ 1]: душа оставила свою душу, то есть нашла ее. Я отдалял от себя мгновение — оно могло и не наступить. Все же еще не было полной радости. Я взял Евангелие, и она пришла.

Фрейд поймет каждое состояние души и объяснит научно. Опыты и эксперименты подтвердят. Потом придет другой и опять объяснит научно и опять опыты и эксперименты подтвердят. Но ведь и до Фрейда Месмер, Мэри Беккер, Шарко тоже объясняли, и лечили, и подтверждали опытом. И у Мэри Беккер подтверждений больше, чем у Фрейда, у него одно преимущество — он позже Мэри Беккер. И так в науке всегда: прав последний. Но так как самого последнего нет, то где достоверность? Но вот Евангелие первое и не требует последующего. Не Фрейд, а Евангелие излечило меня от мути.

Множественность причин нарушает необходимость выводов науки. Множественность оснований (из ложного следует и истинное, и ложное; истинное следует не только из истинного, но и из ложного) нарушает достоверность всякого вывода от своего ума.

[№ 2]

Джемс: «Прагматизм обращается к конкретному, к доступному, к фактам, к действию, к власти».[8] Евангелие: «Довлеет дневи злоба его»; бездействие, непрактичность, слабость: «Когда я немощен, я силен» (2 Кор. 12, 10). В сравнении с Евангелием прагматизм — плебейство. Да и вне сравнения — плебейство. [Я и сейчас еще помню это состояние после чтения Джемса. Стало так же противно и тоскливо, как весной 1917 года после чтения Бебеля «Женщина и социализм» — о коммунизме и о фаланстерах Фурье. То же самое: «своею собственной рукой».]

Я вышел в коридор курить (после чтения Джемса). Заиграло радио, и внезапно я ощутил неимоверную тяжесть, тоску, скорбь бытия. Подобные ощущения бывали, когда я летом ночевал в чужой комнате на даче, и в детстве по вечерам, когда я не мог заснуть от страха смерти. Но сей-

час это было сильнее, обнаженнее — сама боль опустошенного бытия. Это — ощущение точки, затерянной в бесконечном пространстве; эта точка — я сам. Ощущение шло волнами: и на вершине волны оно было совсем невыносимым, и если бы волны не спадали, не знаю, что стало бы со мною. Это уже не состояние души, а состояние мира, другого мира, в который я проник, в этом состоянии все живое умирает, опустошаясь в абсолютном одиночестве. Как совместить его со вчерашней радостью очищения и рождения души? Оно — это состояние точки, затерянной в бесконечном пространстве, — осталось еще в глубине меня, я отвернулся от него, чтобы не видеть, оно мучительно притягивает и убивает. Это не «Логический трактат», не мысль, не теория, а сама реальность, как и вчерашнее состояние рождения души, это я сам, проникший в глубину мира, в его тайну, слившийся с нею. И вчера в рождении души — это был я, переставший быть собою, я в Боге. Может, и это какая-то глубина в Боге, в которую страшно заглянуть? Вот уже я пытаюсь строить теорию, оправдывать бытие, доказывать, что все к лучшему, но к чему это? — Тогда теряю то, что было. И отчего такая боль на вершине волны, ощущение полной несовместимости со всяким другим состоянием, уничтожение всего, страшное ничто? Может, всякое состояние автономно и, когда есть, не допускает другого? Но если рождение души ⟨состояние № 1⟩ — завершение, то это в некоторой иерархии состояний в глубине, в основе, болезненность бытия, разъедающая и разрушающая всякое состояние; еще сейчас остались его следы. Если же я располагаю оба состояния в каком-то пространственном порядке, то не результат ли это привычки отводить злу нижнее место, а добру верхнее?

Состояние № 2 — разрушительная система болезненности бытия. Это не соблазн, смотреть на него страшно, но что же? Может, этот вопрос — уже соблазн, как вкушение от древа познания? Тогда это соблазн ума, а состояние № 1 может стать соблазном чувства и третий соблазн — соблазн схемы, соединения двух состояний системы. [Я думаю, каждое из этих двух состояний не соблазн, а реальность, может быть, даже автономные реальности, соблазном же становятся, когда я хочу разделить — ε-соблазн или соединить их — ι-соблазн[9]. При этом ε-соблазн, именно как экстенсивный, раздваивается: соблазн отделить № 1 от № 2 и второй, ι-соблазн, — отделить № 2 от № 1. Потому что отделение — тоже соединение: соединение отделением. Может быть, оба состояния автономны, как два замкнутых мира на одном месте, — они и не знают о существовании друг друга. Когда же я отделяю один от другого, одно состояние уже знает другое, нарушается их автономность. Тогда возникает соблазн, само состояние становится соблазном. Это рассуждение о двух автономных состояниях правильное, но в применении к состояниям № 1 и № 2 — не знаю, правильно ли: чтобы не стало манихейского[10] дуализма, состояние № 2 надо как-то углубить и понять.] Я постараюсь воздерживаться от своих суждений, от схем; вчерашнее состояние, которое часто поддерживало меня уже около пятнадцати лет, я буду обозначать № 1, сегодняшнее, которое тоже и раньше бывало, — № 2. Я боюсь его, боюсь даже взглянуть на него, оно сжигает и уничтожает меня.

Есть некоторые мировые константы, к ним принадлежит и слово «душа» [№ 1]. Исторические эпохи определяются отношением к этой константе: Платон, Евангелие, Августин, Декарт — вот некоторые вехи.

Вторая константа [№ 2] не имеет таких определенных разделов и совершенных выражений, как первая. Может быть, полное и совершенное выражение этого состояния уничтожило бы того, кто попытался бы выразить его. Может, это некоторая глубина в Боге, в которую недозволено даже заглянуть. Только намеки на нее возможны, и они есть в Евангелии. Может, еще в «Тимее» или «Законах» Платона, у Гоголя и Достоевского. Это как смерть души. Но если нет души, нет и смерти души.

Я люблю быть один и боюсь быть один. Я люблю быть один, если в соседней комнате кто-то есть, и лучше всего, если мама. Я боюсь встреч с людьми и не хочу встреч, кроме четырех[11]. И еще Т. Сейчас Т. — дверь в мир.

Лк. 5, 39. «И никто, пив старое вино, не захочет тотчас молодое; ибо говорит: старое лучше». Это ведь о Евангелии. Евангелие — молодое вино.

Лк. 8, 24. «Кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее» — № 1.

Лк. 11, 17. «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет». — Это о состоянии № 2 и некоторое указание на онтологическое преимущество состояния № 1, некоторое благоприятствование, потому что есть какая-то противоречивость в утверждении зла и разрушения. Но это благоприятствование как бы беспредметно, и именно беспредметность благоприятствования дает некоторую надежду.

Может, состояние № 1 — ответ на состояние № 2? Каждое состояние простое, как всякое состояние души, но при каждом воспоминании обнаруживаются различные направления и линии. Каждое воспоминание состояния — один из прошедших через мысль вариантов одного инварианта, и № 2 — смерть или одно из ее окружений.

[№ 3]

Вялость и уныние, желание деятельности и отсутствие соответствующей деятельности. Ввели меня в это состояние или поводом были Джозайя Ройс, Джемс и прочие.

Главная деятельность сейчас — «Логический трактат». К нему же боюсь притронуться — хочу и боюсь. Боюсь же потому, что требует усилия. Чувство жизни: интерес и усилие, и второго боюсь. В первом — в интересе — тоже усилие, но исходит не из меня, и я не могу не подчиниться ему, когда оно есть. Во втором — я сам создаю себе своим усилием интерес, и это только дело рук человеческих.

Интуиции души. Я наблюдаю некоторые состояния души, начинаю с одного, перехожу к другому, но и оно ведет к другому состоянию. В каждой интуиции души несколько состояний. Закончив список состояний души в определенной интуиции, я перехожу к другой интуиции души, составляю новый список состояний, новую классификацию. Какую из них предпочесть? Совместны ли они? Я думаю, несовместны, и именно в несовместности совместны.

Сейчас я подумал о списке или классификации, которая будет начинаться с телесного состояния, хотя бы вкусового, и дойдет до высшего, как это бывало у Д. И.

Нормально человек не ощущает своих органов. В общем ощущении тела и здоровья каждый орган имеет одинаковый вес. Пусть он будет принят за нуль. Тогда болезнь не только то, что выше нуля, как, например, боль, но и то, что ниже. Сейчас у меня в левой половине груди отрицательный вес.

Обычно Евангелие трактуют, морализируя, но нравственность сама по себе эгоистична: цель — **я**; так же эгоистичен категорический императив Канта. Категорический императив — высшая идеализированная форма безнравственности.

Сегодня, 25 ноября, начинаю новую жизнь. [Сколько раз я начинал ее, пока 16. X. 63[12] не я, а Ты заставил меня начать новую жизнь и дал мне два устоя: в страдании и в радости страдания.]

Во-первых, я постараюсь отбросить все мысли и разговоры, связанные с удовлетворением голода, который я ощущаю сейчас нередко очень сильно.

Во-вторых, постараюсь подавить в себе само ощущение голода. Для этого просто надо до и после еды думать не о ней, а или о других людях, заботиться о них, или думать о «Логическом трактате», или о Боге. Но, когда я буду есть, я ведь могу ощущать ее вкус?

В-третьих, постараюсь всегда быть радостным, не возвышать голоса, не сердиться.

В-четвертых, не обижаться и не считать несправедливым в отношении себя, если другие будут говорить и поступать не так, как мне бы казалось правильным. Тем более, что они могут быть правы и могут

понять мои мысли лучше меня. Я буду соглашаться с ними, когда они будут осуждать меня, даже если вначале мне покажется это неправильным и несправедливым. Но это трудно.

В-пятых, если же не удастся, или меня будут несправедливо осуждать, или мне покажется, что меня несправедливо осуждают, то я постараюсь найти в этом радость и радоваться. Ведь это одно из блаженств.

В-шестых, я постараюсь понять мысли и чувства близких мне людей, с которыми я сталкиваюсь, чтобы не говорить и не делать того, что им неприятно, если только это не противоречит моей совести. Я буду стараться развивать в себе деликатность и такт.

В-седьмых, если мне вообще чего-либо захочется или придет в голову какая-либо прихоть, то я не буду огорчаться, если придется отказаться от нее, в особенности если это делается ради других. Это значит: во-первых, понять, что все хорошо — и прихоть, и отказ от нее; во-вторых, понять радость жертвы.

Это только начало. Здесь ничего не сказано о других людях, и не надо мне уходить из дома, если я и дома могу сделать так много и избавиться от стольких мерзостей. Мысли об уходе из дома часто вызываются отсутствием смирения и непониманием, что это хорошо, если меня несправедливо осуждают: начинаешь с Евангелия, а кончаешь собою; начинаешь сердиться и возмущаться не потому, что другие люди не понимают и не следуют Евангелию, но потому, что они не хотят понять **меня** и следовать **мне**, проповедующему Евангелие. И здесь они правы. Как они могут поверить Евангелию, когда я сам, проповедующий Его, поступаю не по Евангелию. И этого во мне очень много. В таких случаях я постараюсь искать ошибки не у других, а у себя. Если же я почувствую, что не могу найти правильного выхода, или стану обижаться, или находить несправедливости в отношении себя, то лучше буду молчать, чем оправдываться, разъяснять, спорить. Вообще постараюсь: когда твердо не знаю, как или что сказать, — молчать; когда чувствую, что начинаю сердиться, или обижаться, или мне кажется, что меня несправедливо осуждают, или знаю, что разговор будет все равно напрасным, и вообще, когда нет обязательной необходимости говорить, — молчать. [Могу ли я сказать, что сейчас хотя бы приблизился к исполнению этих правил? Нет, только одно: Бог поставил меня в такое положение, что мне редко приходится нарушать их.] Вчера были безобразные сцены, виноват я и вот записал семь правил — это и вылечило меня.

Хлебников. «Да, я прожил какой-то путь и теперь озираю себя: мне кажется, что прожитые мною дни — мои перья, в которых я буду летать, такой или иной, всю мою жизнь. Я определился. Я закончен. Но где же то озеро, где бы я увидел себя? Нагнулся в его глубину золотистым или темносиним глазом и понял: я тот. Клянусь, что, кроме памяти, у меня нет озера, озера-зеркала...»[13]

Это озеро все-таки Бог. И в этом озере я нахожу свою душу и говорю: я тот. Душа осматривает свои богатства. Но затем приходит к себе самой.

Больше всего, может быть, всегда меня интересовала магия. Л. называл мои вещи тайнописью. В Бахе меня интересовали пересечения каких-то линий, давно мне казалась его музыка задачей или загадкой, которую надо разрешить. Это я и делал в своей работе над Бахом. То же самое я ищу теперь у Хлебникова. Некоторые линии я нашел в стихотворении «В этот день голубых медведей». Скрытый смысл я искал в «Разговорах» Платона. И то, что я тогда нашел, — тайную жизнь отвлеченных, почти ничего не обозначающих слов-знаков, снова нахожу сейчас, читая «Федона»[14]. Такой же тайнописью была и иерография, которой мы занимались с Лёней и из которой затем возникла моя «Тайнопись знаков» и Лёнина «Теория слов»[15]. Раймунд Луллий, Лейбниц — тоже интересовались магической наукой: непонятными соотношениями бессмысленных знаков. Они чувствовали их реальность.

Может быть, эта магия лежит в основе мысли. Мысль — чудо: бессмысленный знак получил значение. Это по содержанию. При совершении этого чуда рождается душа.

Это чудо творения мира: пустой, ничего не обозначающий знак стал реальностью. И одновременно: из содержаний сознания возникла душа. Содержание души — не душа. Она возникла в своем содержании, но из ничего, как Бог сотворил из ничего небо и землю.

Монады Лейбница обладают только двумя способностями: представления и влечения. Может быть, это самое правильное — двойственное деление души. Душа возникает, покидая себя, оставляя свои представления, то есть увлекаясь, и в этом увлечении только существует. Оттенки же и характеры этого влечения называются чувством, желанием, волей, мышлением и т. д. Всех этих оттенков все равно не перечислить. Уже мышление различается: смутное, непроизвольное — предтеча мысли — и ясное, и иногда трудно найти в них что-либо общее. Иногда непроизвольное мышление ближе к чувству или желанию, чем к ясному мышлению. Здесь не может быть точного разделения, и теория трех способностей очень грубо искажает душу.

В первый же день сегодня нарушил 1, 4 и 7-е правила. Поэтому возникло некоторое уныние: от омерзения к себе. Может, это главный источник уныния. Как излечиться от него?

— «Нагнуться в глубину золотистым или темносиним глазом и понять: я тот».

У Введенского есть поиски души: почему я не орел, почему не ковер Гортензия[16]. Хлебников нашел бы, что он и орел, и ковер Гортензия. Его заполняет содержание души. Может быть, поэтому и необходимо соединять возвышенное с низким (Гаусс: теория чисел и землемерие). Поэтому у него нет самóй души, только ее содержание.

Хлебников: «Я, тать небесных прав для человека,
Запрятал мысль под слов туманных веко...»[17]

Три чуда:[18]

1. Бессмысленные звуки или знаки получают значение: день, голубой, медведи.

2. Затемнение первого смысла, обнаруживающее тайный смысл: в этот день голубых медведей. Но в словах «в этот день я увидел голубых медведей» нет ни затемнения первого смысла, ни обнаружения тайного. И так же в музыке: мелодия, о которой можно сказать только — печальная она или радостная, не имеет еще тайного смысла.

3. Рациональный смысл настолько затемнен, что появляется тайнопись. — Это третье чудо. В музыке: Бах — пересечение линий, прямолинейное и круговое движение, препятствия, pp* и т. д.

Второе чудо — только затемнение первого смысла и смысла первого чуда, то есть обозначение, третье чудо — нарушение первого. Все три чуда — тайнопись, магия, но подлинная магия — только в третьем. Здесь сразу возникает подозрение: загадка, тайна — ее надо раскрыть, разгадать. Разгадывая, приходишь к чистым, ничего не обозначающим знакам. Смысл их соединений интуитивно понятен, но выражается ничего не обозначающими знаками. Так получаются порядки ничего не обозначающих знаков и система этих знаков и порядков. Это тайнопись. Два пути: от конкретных знаков в их бессмысленности к абстрактной бессмысленной формуле и вниз от формулы к конкретному выражению знаков.

Я читал «Многообразие религиозного опыта» Джемса и внезапно заметил, что лампа светит тускло, ощутил, как протягиваются щупальцы с того света и сейчас они захватят меня и станут душить и в груди будет стеснение и тоска. Я закурил: выходить в коридор курить не буду, там станет еще страшнее. Надо читать Евангелие, лучше молиться, но как молиться в этом состоянии? Ничтожество всего, всех дел, мировой космический провинциализм.

Евангелие от Матфея, 22, 2—13. У Матфея нет последнего заключения: на пир пришел человек не в праздничной одежде и за это был отдан на истязание.

Евангелие не признает справедливости, абстрактного равенства: Марфа и Мария, работники на винограднике, блудный и добрый сын. Поэтому и надо радоваться, когда меня осуждают.

* Pianissimo — очень тихо (*ит., муз.*).

Бессмертие надо заслужить. Как? Найти свою душу, чтобы вернуть*
отдать ее Богу.

Пять или шесть лет у меня было сомнение (с августа 1934 года[19]). Я знал, надо немного слицемерить, сказать себе: я верю, и вера вернулась бы. Но вера, основанная на лицемерии и лжи, хуже неверия. Надо было ждать или стараться что-то делать. Я старался, но, по-видимому, не так, как надо, и мало, я больше ждал. И она вернулась, пришла сама.[20]

[Скорее, так: как Гоголь, я мог сказать: в Христе такая мудрость, что умом я понимаю: так мог говорить только Богочеловек, но веры нет. И еще: в ночь на 17 августа 1934 г. вестники улетели, через семь лет вернулись. Был ли я эти семь лет **не** верующим? Во всяком случае, неверующим[21] я не был. Я искал, ждал и иногда чувствовал: как бы скрытый от меня или за моей спиной, но Он есть.

По-настоящему, то есть для Бога, человек или верит, или не верит. Но так как бывает, что человек воображает, что верит, хотя и не верит, а только желает желать верить, или желает не верить, или думает, что не верит, хотя верит, то есть верит, но не знает, что верит, то у людей есть четыре категории: верующий, **не** неверующий, **не** верующий, неверующий. До некоторой степени эта классификация совпадает с следующей: активно верующий, пассивно верующий, адиафора в отношении веры или пассивно неверующий, активно неверующий. Самая худшая категория, может, даже не четвертая, а третья; активно неверующий может стать активно верующим, а пассивно неверующий ничем не станет. Так вот, к последним двум категориям я никогда не принадлежал, во всяком случае, с весны 1911 года[22]. Различие же первой и второй категории можно определить так: чувствую я или не чувствую присутствие вестников. В ночь на 17 августа 34 года вестники меня покинули, через семь лет вернулись.

Затем, второе: и у активно, и у пассивно верующего бывают состояния актуальной и неактуальной веры. Но и в неактуальной пассивной вере сохраняется ощущение моей абсолютной инвариантности и дает ее — Бог. У пассивно верующего бывают актуальные состояния веры, но реже, чем у активно верующего. Они были у меня, хотя и не часто, и после того, как вестники меня покинули. И последнее: в наиболее актуальном состоянии веры часто кажется, что уже давно, может, никогда еще не было такой сильной веры; может даже показаться, что я вообще впервые узнал, что такое вера. В то время — в самом конце ноября или в декабре 1941 у меня было актуальное состояние веры. Поэтому я и написал: вернулась вера.]

---

* Так — слово над словом — в рукописи.

Почему я не крещусь? Потому что мне нравятся храмы, обряды, традиции. Крестившись, я бы потерял чистоту веры. Было бы больше радости и молитвы, но к истине затесалась бы фальшь.

Положивший руку на плуг и оглядывающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия.[23] Я не могу не оглядываться назад и не представляю себе, что когда-либо смогу не оглядываться назад. Я могу день, месяц, год не оглядываться назад, но на всю жизнь отказаться не могу. Это последняя степень, и Евангелие не говорит, что она обязательна. Все, что сотворил Бог, хорошо: и еда, и питье, и водка, и празднолюбие. Но если бы я достиг и предпоследней степени, но подумал: вот есть для меня еще последняя степень, и не постарался бы достичь ее, то в этом уже был бы грех. Греха нет в том, чтобы любить поесть и выпить, даже напиться, если это не делается непреодолимой страстью. Грех состоит в том, что, подумав: в этом нет греха и это даже хорошо, но было бы еще лучше не делать его, — и подумав так, не постараться исполнить. Я не знаю, большой ли это грех или нет, но если в чем-либо хорошем явилась мысль о лучшем, то не последовать этому все же будет грехом и, по-моему, большим. Потому что в этой мысли я и есть я, и здесь я не хочу отдать себя самого Богу. Я согласен отдать все: и работу, и душу, и мысли, но не себя самого — это большой грех. Причем я знаю и верю, что в этом и есть высшее блаженство, вернее, не верю, а, как сказано в символе веры, чаю. Потому что если бы я точно знал и верил, а не только чаял, то это было бы простым расчетом и, следовательно, не имело цены. Всякая другая религия устанавливает только обряды и требует часть души. Только Евангелие требует всю душу и, я чаю, дает больше всех. Оно уже и сейчас дает не как залог будущего, но даром, по благодати.

Если бы я сейчас отказался навсегда или на время от водки, от некоторых удовольствий, но не отказался бы от «Логического трактата», я получил бы некоторые неприятности, но приобрел бы очень мало, может, даже ничего. Возможно даже, что потерял бы, так как появились бы соблазны. Но отказ от трактата во славу Божию — это было бы и отказом от удовольствий, то есть при этом удовольствия стали бы грешными, — этот отказ от Бога ради Бога я не могу сейчас совершить — это значит не оглядываться назад.

Отказ от менее дорогого ради сохранения самого дорогого иногда может быть полезен как предварительное упражнение, вообще же есть некоторое лицемерие: нá Тебе, Боже, что мне не гоже. Мне кажется, к этому очень часто сводится аскетизм.

Вообще, грех не в удовольствии и не в том, что мне доставляет удовольствие или наслаждение, но в самом большем наслаждении. Если расположить все блага по силе удовольствия их для меня, то ни в одном нет греха, кроме того, которое будет для меня высшим. Если составить абсолютную шкалу благ: $A - B - C - \ldots$ то для одного грехом

будет A, для другого B, для третьего C и т. д., если они соответственно высшие. И даже не это грех. Если я наслаждаюсь всеми благами вплоть до того, которое высшее для меня, то в этом еще нет греха. Но если я подумал: пусть у меня будут семь благ, все они невинны и хороши, но вот есть восьмое благо, и оно еще лучше, но ради него надо отказаться от всех других, и главное от седьмого, которое казалось мне высшим, — подумать так и не сделать сразу же — это грех.

Когда говорят «мышление необходимо», «воля свободна» или наоборот, то высказывание о частном переносят на общее. Между A и B существует определенная необходимая связь: если A, то B. Или между A и B нет необходимой связи: если A, то $\overline{B}$*. Когда же говорят «мышление необходимо», то подразумевают, что мышление есть такая связь: если A, то B, и эта связь необходима. То есть говорят: если связь необходима, то она необходима, назовем это мышлением. Но мышление больше, чем эта связь. И так же относительно свободы воли. Я могу быть абсолютно детерминирован в поисках какого-нибудь высшего блага в аскетических, мистических и каких угодно актах и в то же время свободен, решая, поесть или выпить. И эта свобода в самых элементарных решениях будет не трансцендентальной, а имманентной. Я выпил не потому, что жаждал, и не для того, чтобы получить удовольствие, а потому что захотел. *Представление удовольствия не предопределяет* волю, во всяком случае не всегда, но *совпадает* с решением выпить. Я колебался, выпить или нет, но, решив выпить, я представил себе удовольствие: решение и представление удовольствия *почти* совпали, и первым будет решение. Также и мышление свободно. Если A, то B, — это не мышление, мышлением будет наблюдение, исследование этой связи, согласие. Первое свободно — я могу не наблюдать. Второе — тоже свободно, если выделить из него элементы согласия. Что же касается согласия, то согласие в частных вопросах обладает некоторой принудительностью, но это предварительная условная принудительность. Я говорю: положим, что так. Что из этого следует? Окончательное же общее согласие имеется в смутном виде заранее, еще до того как я начал исследовать. И если согласие в частных вопросах приведет к окончательному ответу, не совпадающему с первоначальным смутным согласием, то я отвергну этот ответ. Начиная размышлять, я заранее предчувствую окончательный результат, и согласие на него будет получено не потом, но имеется заранее. Я согласился с окончательным выводом не потому, что он меня убедил, но потому что я заранее решил согласиться. Все исследование имело целью не найти решение, но разъяснить его, свести к некоторой логической форме. Я решил, затем я осуществил это решение. Это и есть доказательство. Оно ничего не доказывает, даже не убеждает, только разъясняет и осуществляет то, что я решил доказать. То же самое относится к слушателю. Убедить никого нельзя. Человек соглашается, если он верит авторитету, или верит из сочувствия, или — из склонности. Я же сам решаю и доказываю тоже только потому, что верю в доказываемое. Но почему я верю? Верю, потому что верю. Никаких оснований нет. Все же бывает, что человек убеждается, не имея симпатии, и бывает, что меняют свои убеждения после прочитанной книги. Как это объяснить? — Это чудо. Я хотел одно, потом захотел другое. Книга оказалась поводом, а не причиной перемены желания. Во мне заложено несколько основных желаний или тенденций. Я могу перейти от одной к другой без прочитанной книги. Я смутно представлял себе некоторое решение или согласие, может быть, решение изменить свое решение; книга явилась поводом: она разъяснила мое решение. Все же есть некоторое чудо в подчинении одной воли другой, в отречении и в принятии новой веры.

* Черта над буквой означает отрицание, т. е. «не B» (символика математической логики).

Первое — не воля, а вера: верю, а потому так решаю. Затем после решения следует осуществление. Это осуществление имеет силу только для того, кто верит. Но здесь есть небольшая погрешность. От качества решения иногда зависит изменение веры у другого и еще реже — у себя самого. Если осуществление никак не удается, я могу переменить веру. Но это очень редко. Изменить веру значит изменить индивидуальность.

Осуществление состоит из элементов: если A, то B; они обладают очевидностью и убедительностью, то есть принудительностью. Самые первоначальные элементы, например $MAN < MPAN$, абсолютно необходимы, но их общая принудительность, то есть в общей связи, ничтожна. То есть A, следовательно, B, следовательно, C, следовательно, D,..., M, следовательно, N. Но затем обнаруживается: все это верно, но все же из A не следует N. Где здесь прорыв необходимости? Может быть, в самом первоначальном элементе уже: $MAN < MPAN$ необходимо, если верно $MAN \vee M = M\hat{P}$. То есть логич.⟨ески?еские?⟩ сложение и умножение обладают только условной необходимостью, в них надо поверить. Предполагается, что $M\hat{P}$ есть часть M. Но все ли делится на части и может ли что-либо вообще или определенное это быть частью чего-либо определенного или какого угодно?

Принудительность должна быть в переходе, но логические формы по всеобщем определении связаны между собой как данные, уничтожается переход, дана некоторая пустая сетка. Эта сеть в конечном результате логического исследования должна быть стянута в одну мгновенную точку, то есть я решил, или решил и осуществил, или еще так: поверил, решил, осуществил. Многообразие форм, обладающих каждая в отдельности некоторой принудительностью, — только леса этой постройки, осуществляющей решение, в которое я поверил без всякого основания.

3 Зак. 3244

Сама таблица логических форм, их родословные деревья — это осуществление одного из свободных решений.

Существует буддийская логика, которая строит логические формы, исходя из признания необходимости для всего причинной связи, затем — аристотелева логика — на основе учения о материи и форме. Наконец, в XIX веке появились всякие теоретико-познавательные логики, которые, почти не изменяя аристотелеву логику, давали ей только другое истолкование. Но не было логики, которая в своей основе находила бы нелогическое, причем не в общих рассуждениях или истолкованиях, а в самих логических формах, не было фидеистической[24] логики. Но для этого надо пересмотреть предмет логики — логические формы.

То же самое относится и ко всякой непосредственности. Если сказать: ощущения непосредственны, они прямо существуют в душе, мысль не непосредственна, она доходит до предмета через понятие, то можно возразить: непосредственно **кому** и в отношении **чего**? Ощущения непосредственны душе в отношении самих себя, но не того, что за ними предполагается, то есть предмета. Но можно постулировать: ощущения непосредственны и в отношении предмета, то есть качества таковы и там, куда я их отношу, то есть белизна в снеге, а не в душе. Затем, мышление не непосредственно, если предмет только во мне. Но если ощущение не непосредственно в отношении к предмету, то мышление всегда непосредственно: оно непосредственно воспринимает качества, то есть ощущения, и также то, что предполагается за ним, — некоторые физические явления — общее.

Если ощущение, представление, чувство, страсть, мышление считать равноправными и самостоятельными состояниями души, то есть не считать, что мышление только знак представления, то необходимо ли только мышлению приписывать объективирующую роль? То есть необходимо ли только для мышления разделять его содержание и предмет? Почему не считать, что в ощущении содержанием будет само ощущение, а предметом — то, что за ним предполагается? Но кто предполагает? Я, верующий в это, не мое мышление, но я весь — душа. Далее, мышление будто бы может быть направлено на что угодно, а ощущение — нет. Но разве мысль не ощущается?

Все состояния души одинаково непосредственны в отношении их самих и станут ненепосредственными, если я их отнесу к чему-либо вне меня. Кто относит? Не мысль, не чувство, не воля — я, верующий в это, отношу. Но затем я могу понятие, мысль, ощущение, даже чувство постулировать лежащими вне меня, то есть проецировать их. Не мысль, а я сам проецирую состояние души вовне. Я протягиваю руку к чернильнице и этим своей волей постулирую трансцендентность чернильницы, при этом мышлением ⟨мысленно⟩ я могу считать и руку, и чернильницу состояниями души, а ощущением ⟨чувственно⟩ признаю единым состоянием души напряжение, которое складывается из многих элементов: рука — протягивание руки — усилие — чернильница. Я могу также считать этот единый предмет трансцендентным, хотя и непосредственно данным душе.

Так же как нет чего-либо необходимого или произвольного, но только сама идея необходимости и свободы, прилагаемая к вещам без всякого основания, только по вере, так же нет чего-либо непосредственного или ненепосредственного. Это такие же две не зависящие от самих вещей сущности. И здесь также: берется какое-либо одно непосредственное состояние души при определенных условиях, затем оно расширяется допущением и других условий или к нему присоединяются и другие состояния и признак частного, вернее, — сущность частного переносится на общее.

Совместим ли категорический императив и теория Дунса Скота, что добро потому добро, что Бог его велел? Можно предположить, что человек поступает по категорическому императиву, то есть следует норме, не одобряемой Богом. Тогда Бог не будет постулатом и только. Или Богом называлось бы другое существо, может быть, дьявол. Постулат требует только авторитета для категорического императива, то есть для нормы. Если же норма, следующая из категорического императива, и норма, установленная Богом, совпадают, то это случайность.

«ТНЗ».[25] Из двух различных направлений исходят две системы. Вероятность, что они встретятся и совпадут, ничтожна. Тем не менее они совпали. Эта трансцендентальная случайность — небольшая погрешность в бесконечном несуществовании — есть начало жизни.

Случайное совпадение как закон реализации — «ТНЗ».

Случайное совпадение предохраняет от неразличимости, может, это принцип индивидуализации. Случайное совпадение, в результате которого возникло существование, будет случайным несовпадением для несуществующего.

[№ 4]

Бог ночного бдения

Когда говорят: Бог, то имеют в виду не одно и то же, и это можно назвать состояниями Бога. Например, Бог моральный, Бог своей души, Бог ночного бдения.

Состояние № 4 — это Бог ночного бдения.

Для некоторых состояний существуют некоторые координаты, например сон и время суток. Тогда для состояния № 4: вечерний сон — пробуждение ночью и ночное бдение. В этом состоянии Бог лишен уже всех человеческих свойств, и такие слова, как: отдать себя Богу, — из-

лишни здесь, — уже отдано все Богу и все человеческое, что у меня было, уничтожено в Боге. При этом совершенно теряется некоторый неприятный моральный привкус слова Бог. Это и есть настоящее возвышение к Богу.

Бог моральный.
Бог своей души.
Бог норма.
Бог ничто.
Бог ночного бдения.
Бог всеобщего определения.
У Хармса — Бог смеха.

Первые две или три недели войны — некоторая растерянность — алгебраические логики Кутюра́.

II период: ухудшение питания — Логические трактаты (I—IV)[26] — июль, август, сентябрь.

III период: недоедание — добавления к IV трактату[27] — сентябрь, октябрь.

IV период: недоедание — голод — добавления к V трактату[28]. «О душе» и «Тайнопись». Стихи — октябрь, ноябрь, декабрь.

В первый период работал мало.

Во втором — довольно много.

В третьем — перемена места[29] в первое время помешала работе. Но затем стал работать больше.

В четвертом — подъем и увлечение, которого никогда в жизни не было.

Но теперь боюсь пятого периода, когда не смогу уже так работать. Слишком много начинаю думать о голоде, он дает себя знать часто слишком сильно. Но я хотел бы успеть закончить первую часть «Логического трактата» до вакаций, которые устрою себе после этого, и отделать «О душе» и «Тайнопись» уже сразу же после вакаций.

1942

10 февраля. 3-го или 4-го умер Д. И. Так мне сказали вчера[30], и если это правда, то ушла часть жизни, часть мира. Ночью несколько раз снилось. Сны ищут оправдания смерти, и этой ночью смерть Д. И. была как-то объяснена, но я не помню как, помню только переломленный пучок прутьев.

В последнее время Д. И. говорил о жертве. Если его смерть — жертва, то слишком большая. Сейчас она обязывает.

Первым ушел Д. Д.[31] в конце декабря. Его смерть была такой же несуразной, как и он сам и вся его жизнь. Но в этой несуразности был стиль. Нелепой была вторая женитьба, кошки, которых он ел, разговоры о силе, которую он чувствовал и все же не работал, и внезапная смерть. Эта нелепость была и в прошлой его жизни, и в совращении его Леной, и в жизни его в Крыму. Эта нелепость не была надуманной, она была естественной — это как бы трансцендентальный характер Д. Д., и в этом была некоторая красота и приятность. Эту стильную нелепость Д. Д. довел до конца. Смерть его не успокоила, не было обычного для мертвых благообразия, скорее — недоумение. Затем — большой кадык. Смерть ему не сказала:

Зачем он шел долиной чудной слез,
Страдал, рыдал, терпел, исчез.[32]

То, что к нему так легко подходит цитата, немного смешно, но тоже естественно: Д. Д. — тема для рассказа или повести.

Со смертью Д. Д. совпало начало моего растянувшегося отдыха и провал наступления. Затем — холод, истощение. Казалось, что уже конец всему. Ходить, во всяком случае, далеко я уже не могу почти два месяца. Евангелие не читал или очень редко. Но все же я начал работать, хотя еще не по-настоящему. «Логический трактат». Когда я его писал, было так холодно и я так слаб, что больше получаса писать трудно было. Затем мы переехали в одну комнату.[33] Становилось все хуже, писать перестал.

Большое мгновение: утро, полутьма, грязь. Лида встает, я еще лежу, трудно встать, хотя хочется — от лежания болят кости, но страшно холода и движений. Это уже не жизнь, а полужизнь — двигаются тени в подземном царстве. Неделю или полторы назад стало совсем плохо, и я думал, что близок конец. Меня стали еще усиленнее подкармливать.[34]

Самое сильное ощущение голода было перед моим отдыхом, то есть в декабре. Когда перестал работать и писать стало хуже, росла жадность. Я чувствовал, как сохнут желания и чувства. Сейчас уже не хожу. Снова осложнение: возможен Лидин, может быть, и мамин отъезд. Наконец, смерть Д. И. — уже незаменимая жертва. Чтобы она не была такой бессмысленной и ужасной, я снова должен начать писать. Но я надеюсь, может, все же Д. И. жив?

[«О состояниях души» я закончил в последних числах декабря. В январе, а может, и в феврале 1942 — «ТНЗ» и «Царство». Тогда же «Тайнопись, дважды сокрытая»[35]. В апреле или мае — «Формула чего-либо». С 14 марта до 6 апреля — стационар[36]. Немного поправился, стал ходить. Что писал там (в стационаре), не помню, в записной книжке до 3 мая —

ничего. В стационар меня привезла Лида на санях. А, кажется, через несколько дней я пешком — трамваи не ходили — пришел к вечеру домой и дома переночевал. Не стационар, а только желание видеть маму дало мне силы.]

3 мая. Физиологический период после стационара прошел. Я как-то почувствовал святость пищи, например: грех катать шарики из хлеба. Январь — февраль: умирание, полусмерть, подземные тени, как в аду у Гомера. Категории-соблазны философии — тоже неуловимый мир теней. «Царство».

Об ощущении голода. Три периода: нисходящая линия — все чаще непроизвольные мысли о еде, которые трудно подавить. Но до января все же как-то держался. В десять-одиннадцать часов вечера мама и Лида ложились спать, а я, выпив несколько чашек кофе, после чего во мне что-то как бы проваливалось, ложился на полчаса-час отдохнуть, а потом писал часов до четырех. Эти четыре часа совершенно не чувствовал голода. В январе падение — плоть победила, но, победив, пала — потеряла силу. Это второй период, ощущение голода слабеет, даже не хочется вставать, чтобы поесть, иногда только вдруг отвратительная вспышка жадности, а потом снова безразличие. И в философии какие-то тени и вдруг подъем — «Царство». [Уже потом мне казалось: если бы не поехал в стационар, может быть, и закончил бы «Царство» и умер. Смысл «Царства» — кеносис[37] — Флп. 4, 12, 13.] Третий период. Ощущения голода при выздоровлении снова возрастают, но их можно подавить настолько, что не чувствуешь голода. Голод в первом периоде — ослабление духа из-за ослабления плоти. Аскетизм — в третьем периоде — подавление плоти. Настоящий аскетизм возможен только тогда, когда поймешь святость пищи, а для этого надо пройти первый и второй периоды. Надо почти умереть физически, чтобы понять, что нет греха в том, чтобы есть, но что лучше — не есть. [Насколько верно это — не знаю, во всяком случае, слишком схематично: сентябрь — декабрь — написано очень много, не упадок, а подъем; январь — февраль: «Царство» и, по-видимому, начаты «Соблазны».

По-видимому, и до мая читал снова Евангелие от Иоанна, Матфея, Марка и Луки: потому что следующая запись: Лука.]

Лк. 4, 6. Дьяволу передана **власть** над всеми царствами. — Кесарю кесарево — высокое у людей мерзость перед Богом. Христос говорил как **власть** имущий: Ему одному служи, а кесарю — работай. Можно работать в Госиздате, а служить Ему одному.

С 26 апреля — сторож при разрушенных яслях, неделя питания (жена Лазаря[38]). Еще до этого приходила Т. Н.[39] Вначале мне казалось, что она безнадежна, но теперь поправляется. Но свойственный ей

(и Люсине[40]) натурализм возрос. Затем был в больнице у Вс. Николаевича[41]. Он возмужал и огрубел. Затем у О. Н. Верховской[42], вчера у С. Н.[43] — она в унынии после смерти своих друзей.

Некоторые разговоры бестактны, бестактно говорить о своем превосходстве или возмущаться, что попадаешь в общее русло. Настоящее сознание превосходства не возмущается этим, наоборот, стремится к нему — **быть как все**; хотя и не удается.

18 мая. На подоконнике против заколоченной квартиры[44] Д. И.

Квартира и все, что с ней связано, — целый мир: распадение, разрушение, обнажение — тела, чувств, мира. Помоги, Господи.

19 мая. Лк. 11, 24—26. За эти четыре месяца что-то вышло из меня, из всех нас, С. Н. права, и теперь, когда дом выметен и убран, возвращается. «И бывает для человека того последнее хуже первого».

Вышла некоторая конкретность, конкретность связей людей; мы заглянули по ту сторону жизни и, вернувшись в эту, не можем забыть ту, тени с того света уже здесь. Помоги, Господи.

26 мая. Переписываю и исправляю последний предвоенный дневник. По этому поводу: во всем я вижу отдельные слои, состояния, части, их наложения, соединения. В музыке — Бах, еще раньше, в двадцатые годы, — баллада Шопена в 24 эпизодах.

Два способа видеть:

1. Непрерывность и развитие во времени, обоснование, доказательство.

2. Раздельность, вневременное наложение, аналогия, совпадение.

Так и жизнь: или непрерывное изменение, или одно неизменное состояние — с е й ч а с , разлагаемое на вневременные слои. Прошлое только потому прошлое, что я воспринимаю его потенциально, но я могу воспринять его актуально, тогда оно настоящее. Если некоторое состояние, потенциально прошлое, освободить от несущественных признаков, оно станет настоящим.

Сейчас я сижу на камне во дворе у яслей, но я освободил это состояние от фиксирования его 26 мая 1942 года. Тогда оно отожествляется с подобным же по существу состоянием 1940 или 1941 года.

Надо различать реальность состояния и фиксирование его на определенном участке времени. В каждом состоянии есть слои, но нет времени. Фиксирование с помощью некоторых несущественных подробностей вносит время, тогда разделяет одно состояние на два, отделяя их (друг от друга) промежутком времени.

Какие-то петли, извилины, знаки, нанесенные неизвестной мне рукой на неподвижные слои жизни, раздвинули их и создали видимость времени и индивидуальности.

15 июня. Закончил дневник, доведенный до этой записной книжки. Он все же неприятен (кроме конца), как и первый, может, еще неприятнее. Но в том, что пишу сейчас, кажется, нет этой неприятности. Потому что вернулись вестники. Вернулся Бог.

19 июня. Лк. 11, 8 — неотступность. Д. И. говорил об одержимости. Это было у меня с начала войны до января 1942 года. А сейчас — неотступность.

Лк. 12, 21. «...Кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет».

Лк. 12, 35. «Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи».

Лк. 12, 37. «Блаженны рабы те, которых господин, пришед, найдет бодрствующими».

27 июня. Вот чресла уже препоясаны. Мы эвакуируемся.[45] Вышло это совсем неожиданно. Т. осталась. Я должен был уехать — мама, Лида. А уезжать не хотел не только из-за Т.

Лк. 12, 49. «Огонь пришел Я низвесть на землю: и как желал бы, чтобы он уже возгорелся. Крещением должен Я креститься: и как Я томлюсь, пока сие совершится». Вот почему не хочу уезжать из Ленинграда.

26 июня в семь часов отошел поезд в Борисову Гриву. Хорошо было в поле. Двадцать седьмого ночь и утро на берегу Ладоги. Узнал места, где жил летом двадцать лет назад (Надя, Лёня, Хлебников, Краснуха[46]). Восход солнца. Катер — тревога, укачало. После переезда через Ладогу все стало мерзким. Прежде всего поразила быстрота движений у людей, ведь в Ленинграде все мы от истощения ходили медленно. Быстрота движений напоминала кино, когда вертят быстрее ⟨медленнее⟩, чем надо.

Узкая насыпь с железнодорожными рельсами на берегу Ладоги, вагонетки, быстрое движение, очереди беженцев, автобусы, пустынная дорога — все это кажется нереальным, как плохой, нудный сон.

В Лаврово нас свалили в пустынном поле. Когда летают немецкие самолеты, милиционеры нас гонят, но куда идти — неизвестно — всюду пусто, деревьев нет. Днем под палящим солнцем, ночью дождь и комары.

29 июня. Встал рано, пошел за крапивой — будем варить щи. Возвращаясь, снова встретил Т. Н. Ей нравится, мне все противно, поссорились. После завтрака (щи) снова лег спать.

Мне снилось, что я должен пойти на то место, где встретил Т. Н., и лечь там на спину, раскинув руки. Проснувшись, не отличая сна от бодрствования, я сделал то, что надо было сделать во сне, то есть перешел на другое место, лег на спину, раскинув руки, и снова заснул. Прежний сон продолжался. Проснувшись, я был удивлен, оказавшись на

другом месте, не там, где заснул в первый раз. В кармане я нашел какую-то грязную бутылочку: я вспомнил, что захватил ее во сне, когда переходил (уже бодрствуя) с одного места на другое — это тоже входило в порядок сна. Тогда вспомнил сон и как бодрствование вклинилось в сон и сон подчинил его. Степень реальности промежутка бодрствования между двумя снами оказалась меньше степени реальности сна.

Тихвин. Череповец. Вологда.

1 июля. Вчера в Вологде была пересадка. В вагоне все ссорятся. Мы втроем сидим на вещах, молчим. Полная темнота. Похоже на рассказ, о котором говорил Шура: люди едут на пароходе. Через день-два некоторая тревога. И вдруг вспоминают: они уже умерли, едут на тот свет.

Понос. Я в санитарном вагоне (тоже товарный — теплушка). Конечно, никаких санитаров, все лежат на досках и делают под себя, так как двигаться не могут, да и некуда, уборной нет.

2 июля. 4 часа утра. Восход солнца: избыток цвета и оттенков.

3 июля. Котельническое озеро.

4 июля. В вагоне мальчик, еще не говорит, придумал несколько слов: ин — дя; ба; иногда: ин — ба. «Дя» обозначает всякое желание, просьбу, требование, при соответствующей интонации также согласие или несогласие, одобрение или неодобрение. «Дя», прежде всего, всякий глагол, то есть выражает действие, затем наречие как ответ на действие. «Ин» — вспомогательное слово, вроде члена, но перед глаголом. «Ба» он произносит реже, и не совсем ясно, что это значит. По-видимому, «ба» служит для усиления, обращения внимания, среднее между междометием и наречием.

Из трех изобретенных им слов одно имеет реальное, практическое значение — «дя»; «ин» — член, лишенный смысла; «ба» — может, эстетического порядка. Тогда: «дя» — действие — смысл; «ин» — бессмыслица; «ба» — оценка, скорее, незаинтересованная — эстетического порядка.

5 июля. Рано утром сильнее всего чувствуется избыток красоты: красная земля, красные деревья и различные оттенки зеленого.

Чем больше сейчас неудобств и неинтересных приключений, тем сильнее я чувствую устойчивость существования, неизменность **я**.

17 июля. Курган. Ночевали между железнодорожными путями. Чуть не попали под поезд. Комары. [В Кургане, по-видимому, мама и получила малярию.] Целую неделю здесь. Комары. Наконец, в настоящем поезде, а не в теплушке, едем в Кособродск[47], где нас будут встречать.

ИЮЛЬ 1942 — ОКТЯБРЬ 1943
Чаша[1]

1942

21 июля. Позавчера вечером приехали в Чашу. Окончание этой проклятой эвакуации бездарно растягивается, как концы Бетховенских симфоний. Два дня в грязи без своего угла в Кособродске. Да и здесь: хаты нет, вещи не разобраны, какая-то унылость во всем. Встречи с людьми (простыми). В связи с этим: может, Россия вообще еще не начинала жить, — гениальные начала без продолжения.

22 июля. Думаю сейчас, кажется, только ночью во сне. Утром, просыпаясь, нахожу какие-то мысли или обрывки мыслей, которые быстро забываются. Днем я ощущаю, как весь погружаюсь в землю: голова — в живот, живот — в ноги, ноги — в траву и землю. Состояние без головы.

Я представляю себе некоторую сферу, разделенную экватором на две части. В верхней части — голова, в нижней — живот и ноги. Верхний свод — небо, нижний — земля. Затем происходит некоторое опустошение верхней полусферы, она уходит в нижнюю, нижняя — в нижний свод, в землю. Осталось: верхний свод — небо, верхний полушар пуст, нижний — земля. Я — в нижнем полушаре, погружаюсь в нижний и по своду перехожу на небо. Между землей же и небом, там, где голова, — пусто.

23 июля. Мы всё в таком же положении: эвакуация не может закончиться.

Когда мы приехали в Кособродск, меня удивило вот что: впервые после начала войны я увидел нормальные здоровые человеческие лица; жизнь, не порвавшую с природой, с естественностью. Это обрадовало меня и было особенно удивительно в сравнении с противоестественностью и безобразием эвакуационной жизни.

Могут быть какие угодно способы жизни: и жизнь в своем доме, и без дома, и в путешествиях и разъездах, даже в теплушках, но жизнь под железнодорожные гудки на железнодорожных путях, как в Челябинске и Кургане, — это уже слишком противоестественно и бездарно. Железнодорожный путь может быть красив, как и паровоз и поезд, но сортировочные, депо, разъезды, гудки — это уж слишком фабричное и безобразно.[2]

В Ленинграде я чувствовал голод меньше, чем здесь. Во-первых, у меня была комната и занятие. Во-вторых, естественность, природа, к которой здесь я ближе.

Здесь — жизнь ощущений, чувств, погружения в землю. Но вот она обдумана и записана, тогда стала отвлеченной жизнью. В Ленинграде была отвлеченная жизнь и мысли. Но она переходила в пространство мысли — в ночном бдении, в плоскости от земли до неба, и вот она ощущается.

24 июля. Ощущение или чувство становится мыслью, переходя в воспоминание (Эриугена). Если этот переход сознается, то это называется мышлением. Но что значит сознается? Душа отделяет от себя то, что имеет, покидает себя и, покидая, находит.

25 июля. Лида в связи с определенным фактом в эвакуации сказала (не обо мне): человек — функция живота. Это неверно и сказано было в связи с определенным случаем, хотя сейчас я, кажется, подтверждаю это: столкновение двух систем — беспечности и благоразумия. Во время голода в Ленинграде я часто думал, особенно до января, о приятности первых насыщений. Что же оказалось? По дороге — наполнение до изжоги невкусной холодной пищей, чередующееся с голодом, если поезда запаздывали к эвакопунктам; затем — система благоразумия. Мне казалось, ничего не было бы плохого даже в культе еды в первое время: «Умею жить в скудости, умею жить и в изобилии» (Флп. 4, 12).

26 июля. Сегодня месяц, как мы выехали, и сегодня, наконец, Лида наняла комнату, и кажется, хорошую. Если опять что-нибудь не случится, то Лида блестяще завершила эвакуацию — вообще этот год был для нее самым тяжелым.

Месяц тому назад — 26 июня в три часа дня выехали на грузовике к Финляндскому вокзалу. В семь часов поезд отошел. Вагон переполнен, духота, воды нет. — Ладога — Тихвин — Череповец — Вологда — Вятка — Пермь — Свердловск: снова пересадка — Курган. Двое суток под открытым небом. Здесь мне исполнилось 40 лет[3] — между железнодорожными путями. Городок Курган мне понравился. В Кособродск ехали в настоящем пассажирском вагоне — 600 км.

Моя абстрактная любовь к путешествиям[4] реализовалась, и даже в теплушке езда мне часто нравилась: некоторая устойчивость и постоянство в неустойчивости.

10 августа. Чаша опротивела мне, здесь хуже, чем в дороге, вернее, я сам себе опротивел: мерзость запустения.

⟨Сон.⟩ Я на Петроградской, недалеко от Липавских. Я думаю: через пять минут я буду у них и увижу Т. и Л. Это реально, абсолютно достоверная реальность. Но произойдет какое-то не зависящее от меня преобразование системы координат, и я буду считать эту реальность сном, а мерзкий сон о какой-то «Чаше» — реальностью. Я мучился всю ночь: как остановить ход времени? Как предотвратить непонятное, неизбежное преобразование системы координат?

13 августа. У крестьян здесь хорошие лица, особенно в старообрядческой деревне.

Вчера, как только вышел в поле, сняло всю муть. Ночью сны: боязнь благополучия.

18 августа. Нет писем ни от М—Н[5], ни от Т., мерзость запустения, боязнь благополучия, какая-то адская бездна.

31 августа. Косвенное доказательство интереснее прямого, в прямом я не выхожу из своей собственной мысли. Косвенное доказательство — намек на что-то более важное. Косвенным доказательством был мой сон о смерти. И так же сейчас: мерзко как никогда и я вспомнил, что раз я выпил виноградной водки — она вкуснее обычной — и, выпив, подумал: обыкновенная водка противнее, поэтому приятнее. Так и сейчас.

11 сентября. Антирелигиозность комфорта — это европейское, вспомнил Мюнцев[6], гурманство — тоже европейское, обжорство — русское, последнее — невинно.

В стационаре и здесь, в Чаше, я ел сытнее, чем дома, но это самые мерзкие периоды, и писать не могу.

Я поздно встал и по дороге
засТи́гнуТ нóЧью Ри́ма был[7]
Т‿н Т‿н Ч   Р‿м Б‿л
└────┘→└┘ ←└────┘

Устанавливается некоторое равенство (**Тн** — **Тн**) = (**Рм** — **Бл**) через посредство **Ч**. Играют роль и гласные **Тин** — **Рим**.
у   **ы**

Некоторое равновесие на **Ч**. Небольшая погрешность: **Ч** тяготеет к **Т**, обрывает сферу **Т** и меняет ее на сферу **РБ**, причем **Ч** закрывает замкнутый промежуток **Т**. Сфера же **РБ** открыта:

Ти́ ну нó Ч Ри́ Бы́.

19 сентября. Когда хорошо — все хорошо: ночью просыпаешься, рад, что еще ночь и можно поспать, днем — рад, что день. Когда плохо — все плохо: ночью ждешь дня, днем — ночи.

Омраченность всякого торжества, тень на всякой радости, ощущение суетности при окончании дела — все это проклятие за первородный грех.

19 ноября. Я в больнице в большой светлой палате, один. Дома, в нашей полутемной, закопченной избушке,[8] — теснота, я, больной, в углу — не ад ли это? Нет, ад — здесь: пустота, а там — любовь.

В чем моя болезнь? — Я предпочитаю сидеть, а не стоять, лежать, а не сидеть и совсем не выношу хождений. Затем постоянная напряженность и внимание к своему дыханию, я все время чувствую, как дышу.

Больного положили на обследование в больницу. В истории болезни каждый день одна запись: состояние больного удовлетворительное, жалоб нет, больной поправляется. И, наконец, последняя: больной умер.

20 ноября. «И с отвращением читая жизнь мою...»[9] — может быть, это обязательное чувство при воспоминании, во всяком случае, у меня сейчас. Когда становится плохо или наступает соответствующий возраст, или существенное изменение жизни, или остаешься один, то с омерзением вспоминаешь свою прошлую жизнь. Омерзительно не то, что я писал, и не люди, с которыми встречался, а мое поведение при встречах. Чем омерзительно? Глупостью или актерством. Глупое актерство, что-то не настоящее. Чувство омерзения возрастает при взгляде назад пропорционально времени до какого-то мгновения, а затем снова убывает. Может, потому что чем дальше в прошлое, тем я глупее и дальше от себя сейчас, то есть какой я есть сейчас, более чужой себе. Эта глупость — только моя глупость. Не совсем верно называть это глупостью, ведь тогда я писал трактаты, а сейчас не пишу. Сейчас я не мудрее, а умудреннее, ближе к некоторой зрелости или совершеннолетию. Ближе к смерти.

21 ноября. Отвращение к себе и своей жизни надо дать формулой. Поэтому упоминание года неуместно, надо сказать: возраст. В этой формуле будет выражено, во-первых, отвращение к себе, во-вторых, некоторая проекция назад, в-третьих, ощущение уменьшения степени самочувствия, в-четвертых, двойное отношение отвращения к длине проекции: чем дальше в прошлое, тем больше отвращение. Почему? Я, тот же самый, чем дальше прошлое, тем дальше от себя сейчас. Отвращение увеличивается пропорционально длине проекции. С другой же стороны, чем больше длина, тем я уже дальше от себя и откинул часть себя, переставшую быть мною. Так как от меня осталось меньше, то и отвращение будет меньше. Так что в оставшейся части отвращение возрастет, но сама часть будет меньше. С увеличением длины проекции возрастает интенсивность ощущения и уменьшается часть меня, на ко-

торую оно направлено. Общее ощущение складывается из этих двух движений, и вначале отвращение увеличивается, так как интенсивность перевешивает, но затем убывает, так как начинает преобладать уменьшающаяся экстенсивность.

Это общая формула отвращения к себе. В различных случаях точка поворота от увеличения отвращения к уменьшению занимает различное положение, то есть место на проекции, оно может меняться и зависит от данного состояния сейчас и от характера воспоминания. Область изменения места точки поворота — величина непостоянная: от нуля (то есть первого воспоминания) до настоящего мгновения, но обычно границы значительно уже. Для меня сейчас верхняя граница, то есть конец прошлого, — начало войны, а нижняя, или точка поворота, — 1928—1929 год. История с С.[10] лежит ниже точки поворота, моя глупость тогда — сейчас меня не трогает, тот **я** — уже не **я** [то есть тот **я** во внешних отношениях, в внутреннем же — тот же].

Отвращение к себе происходит, по-видимому, от раздвоения меня. Я нахожу себя, отбрасывая часть себя от себя. И здесь две ступени: на первой — отвращение, на второй — безразличие к тому, что отброшено. Или: отвращение к непосредственно отбрасываемому прошлому и безразличие к позапрошлому. Во-вторых, проекция себя на воображаемую ось — время, которого уже нет, воображение оси проекции — времени. Есть граница между **я** сейчас и **я** полтора года тому назад, вернее: я — сейчас и я, который мог бы быть сейчас, если бы остался тем, которым был до этой границы, то есть до войны. Мне противен тот **я**, которым я мог бы быть сейчас [даже не тот **я**, которым я был, а тот **я**, которым я **мог бы** быть сейчас, если бы остался тем же; именно если бы я остался тем же, то не был бы тем же, то есть собою, каким я есть сейчас]. Отсюда воображение оси проекции — времени.

Когда почему-либо сосредоточишься на смерти, то наступает это раздвоение, потому что все другое, что бы я мог сделать в это время, если бы не сосредоточился на мысли о смерти, будет ничтожным в сравнении с этим.

Во-первых, смерть, во-вторых, некоторая погрешность — отклонение от нее, в-третьих, снова возвращение к ней — вот что определяет жизнь и время.

23 ноября. Формула отвращения к себе определяет жизнь и время смертью. Переход же — разделение себя, потому что сосредоточенный на себе, я должен был бы не отклоняться от мысли о смерти. Что здесь явное? Отвращение к себе. Что явление? Разделение себя — первое явление. Смерть и погрешность, жизнь и время — второе. Что будет определением? Формула. Здесь есть движение мысли. Отвращение будет чем-либо. Формула — замыканием [этот термин я намеренно взял из топологии]. Во-вторых. Отвращение будет одним, погрешность и от-

клонение — другим, ведь это и вызывает отвращение. В-третьих. Смерть будет одним, жизнь и время — результаты погрешности — будут другим. В-четвертых. Отвращение будет одним. Смерть, жизнь и время — другим. В-пятых. Смерть, жизнь и время — одним, погрешность и раздвоение — другим. В-шестых. Смерть будет одним, отвращение — другим. В-седьмых. Жизнь и время — одним, отвращение — другим.

2—7. Замыкание отвращения.

2. Одно непосредственно другому без перехода.
3. Одно и другое — оба замкнуты.
4. Что-либо открытое замкнулось.
5. Одно будет другим. Переход — погрешность. Или: что-либо замкнутое открылось в переходе.

6 и 7. Замкнутая часть открылась непосредственно.

Если же взять обратные отношения, то что-либо открытое замкнулось в части.

Значит, такие отношения:

1. Одно и другое (3).
2. Одно есть другое (5).
3. Одно имеет другое (2).
4. Открытое замкнулось (4).
5. Замкнутое открылось (5).
6. Открытое замкнулось в части (6, 7).
7. Замкнутая часть открылась (6, 7).

Если открытое замкнулось, то будет одно и некоторое удвоение его — другое и оба замкнуты: одно и другое.

Если замкнутое открылось, то одно есть другое.

Если открытое замкнулось в части или замкнутая часть открылась, то одно имеет другое.

Все это — замыкание чего-либо: одна семичленная формула. [О самой диалектике одного и другого без применения к отвращению я писал, кажется, еще в декабре 41 — январе 42 и еще раньше, когда занимался Платоном, — двадцатые и начало тридцатых годов.]

24 ноября. Телесные инварианты: например, мои кошмары — п я т ь, либо, скрежет; вкус сладковатой каши, вроде «Нестле»[11]. Затем — «мировоззрение в носу». Затем — сейчас, когда лежал на спине вытянувшись, а казалось, что лежу согнувшись, ощущение неравновесия. Эти ощущения часто почти неуловимы, но всегда абсолютно реальны. Я называю их телесными инвариантами, так как они повторяются неизменными при самых различных обстоятельствах. Эти ощущения телесные, но совсем другого рода, чем ощущения боли, голода и другие [потому что они телесно-душевные, может, даже телесно-духовные], которые различны в зависимости от условий, а эти, если только появляются, вернее, когда имеются или **есть**, неизменны при

всех условиях. Иногда они очень смутны и проясняются, когда сосредоточишься на них, например пять: когда сосредоточишься на грузе, привешенном на нити, числе пять и особом ощущении языка, касающегося зубов и нёба, это ощущение некоторого равновесия целиком вытесняет все другие ощущения. Иногда же они являются самопроизвольно, до всякого сосредоточения, вытесняют остальные или накладывают на них некоторую тень, тень на весь мир, но, как только сосредоточишься на таком ощущении, оно быстро улетучивается, как, например, «мировоззрение в носу». В первом случае сосредоточение обнаруживает его, во втором — изгоняет: как будто оно боится внимания, внимательного взгляда на него. Общий признак их: неизменность при любых обстоятельствах, автономность и вытеснение всех других ощущений, абсолютная непроизвольность их — их нельзя подавить. Сосредоточение во втором случае только на недолгое время изгоняет его, избегая внимательного взгляда, оно через несколько минут, как только я рассредоточусь, снова возвращается; их нельзя и искусственно вызвать по желанию: сосредоточение на том, что **уже есть**, делает его более явным и ясным — это о первом случае. Наконец, их иррациональность: смутность и неопределенность, непонятность, но только для ума. Непосредственно они вполне определенны, неопределенность появляется, когда я хочу понять и описать.

О семичленной формуле.[12] Начало: непосредственное ощущение-чувство, то есть отвращение к себе. Конец: раздвоение, время, жизнь, смерть, формула — движение мысли. Каким образом реальное ощущение уложилось в схемы мысли? Формула отвращения стала формулой движения мысли. Но в нее входит смерть и жизнь. Смерть и жизнь определились тремя основными категориями:

1) **и** (также: **или**) — единство, соединение, разделение;
2) **есть** — совпадение, наложение, тожество, различие;
3) **иметь** — отношение, непосредственность.

Эти три категории независимы. Хотя первая — абсолютность [то есть отраженное абсолютное], а последняя — относительность, но они не противополагаются: одно **и** другое — относительны, хотя и абсолютны, последняя же, хотя и относительна, но устанавливает непосредственность. Отношение без соединительного союза — непосредственно, с соединительным — абсолютно. Отсутствие противоположения — независимость. Одно не выводится из другого — это ясно.

25 ноября. Позавчера, когда я еще лежал в больнице, вечером в соседней палате закричал ребенок. Сиделка подошла к нему. Должно быть, взяла его на руки, успокаивала, и, должно быть, это доставляло удовольствие и ей. А мне это было бы противно. И я подумал: если бы гриб обладал сознанием и прилетело бы существо из другого мира и

сравнило бы нас троих — гриба, сиделку и меня, если бы оно сравнивало не по внешним признакам, а по уму, интересам, склонностям, чувствам, то оно, возможно, признало бы гриба и женщину родственными существами, а меня — чуждым им. Я говорю это не в укор сиделке, а (в укор) себе. Я оторван от жизни.

Человек окружает себя или окружен кру́гом меньшего или большего радиуса и интересуется тем, что входит в его круг. Интерес к своему кругу связывает с интересами к другим кругам: интерес к своему кругу понятен каждому, поэтому круги пересекаются. Радиус же моего круга равен нулю. Меня интересует круг деревьев, круг соседнего мира. Таким образом, у меня нет своего круга, я интересуюсь чужими кругами, но чужой всем.

[Помимо «Формулы чего-либо» диалектику одного и другого я или начал писать, или продолжал в апреле—мае—июне. Эвакуация же выбила меня из колеи, только в конце сентября 42 я пришел в себя, тогда и начал писать «Квадрат миров». Возможно, и в декабре 1942 написана «Формула несуществования». Она возникла внезапно: наша изба была дырявая, щели мы затыкали ватой, воробьи вытаскивали ее, дверь на двор плотно не закрывалась, дуло, а морозы бывали и до 50 градусов. Утром вода в ведре замерзала. Писал я поздно вечером в пальто и шапке — так было холодно. Керосина не было, а на скипидаре (кажется) коптилка каждую минуту гаснет, спичек же мало. Поэтому на столе стояли две коптилки: гаснет одна, зажигаю от первой вторую. И вот вечером внезапно что-то пришло мне; кажется, написал все сразу. Я долго сам не мог понять «Формулы несуществования», одно я знал твердо: это не нигилизм, совсем наоборот, наиболее сильное утверждение Бога и Его Провидения, это апофатическая теология. И такое же у меня было ощущение, когда я писал: все кругом трудно, страшно и плохо — и это именно хорошо.

Я хочу записать один случай, это было в январе или в феврале 1943 года. Русская печь в нашей избушке была с дырой, когда ее топили, через дыру виден был огонь. Однажды, когда мне не надо было идти в институт[13], я что-то делал в комнате и вдруг упал и не могу встать — ноги не держат. Лиды не было дома, я лежу на полу — не понимаю, что случилось. Вдруг слышу, в соседней комнате упала мама. Встать я не могу, я пополз, помог маме переползти в мою комнату, чтобы нам быть вместе, мама тоже не могла стоять на ногах. Мы лежим, я на полу, мама — не помню, на полу или на кровати, и разговариваем. Мы думали, что это сердечный припадок и мы умираем. Страха смерти не было, мы только боялись за Лиду, думали, что будет с нею, когда мы умрем. Подробности разговора не помню, но от него осталось очень хорошее чувство-воспоминание. Через некоторое время мы, кажется, уснули и проснулись еще до Лидиного прихода. Мы просто угорели.

После этого решили: надо чинить печь. Это было, как и все у нас, очень трудно: хождение по всяким учреждениям, поиски печника, кирпичи я должен был сам привезти — они лежали где-то далеко в поле. Я уж не буду описывать, как это было все трудно, но когда я наконец привез кирпичи и печник посмотрел их, он сказал: «Это необожженные кирпичи, а надо обожженные, а чинить печь все равно надо, она может обвалиться каждый день». Значит, всю эту волокиту надо было начинать сначала. Мама сказала: «Как будет, так будет, авось печь не обвалится». И печь действительно не обвалилась.

В Чаше и до сентября бывало не только плохое, но и хорошее: разговоры с мамой, разговоры с Лидой во время наших коммерческих прогулок: мы обменивали вещи на продукты в соседних деревнях, потому что по карточкам давали очень мало. И еще хорошее — сами хождения, природа, возвращение домой. Но все же основное состояние — раздражение и уныние от бездарной бестолковости эвакуации и эвакуационной жизни. Я помню, как раз на корове я вез дрова из института домой. Оба мы — и корова, и я — были очень унылы и не понимали, откуда вся эта бестолковость, пошлость и глупость и почему мы должны заниматься делами, абсолютно нам не свойственными, ни корове, ни мне. В сентябре 1942 уныние прошло, я разделился; эвакуационная и прочая суета отделилась от меня, при встречах с внешними людьми еще бывало иногда, что я раздражался, иногда я даже старался казаться раздраженным и заинтересованным только едой, внешними неудобствами и бестолковостью, но это уже была мимикрия — ради самосохранения, чтобы думали, что я просто обыватель: ведь я писал и у меня хранились рукописи[14] — мои, В., и Х., и О.

Записная книжка IV кончается записью 25.XI.1942. Следующая — пятая — начинается 1.I.1943. Перерыв, по-видимому, не от уныния, а потому что много писал.]

1943

1 января. Мф. 1, 23; 2, 6, 15, 18, 23; 3, 3; 4, 4, 7, 10, 15. — Библейские цитаты необходимы не для подтверждения слов и дел Христа, обосновывают и оправдывают не Христа, но историю — саму жизнь. И без цитат слова Христа были бы не менее убедительны и не хуже, но жизнь была бы хуже. Цитаты соединяют Христа с жизнью и историей.

2 января. Мф. 5, 17. Не нарушить закон пришел Я, но исполнить. — Единство жизни.

Мф. 5, 1, 2. Нагорная проповедь

I. 3—10. **Семь блаженств**.
11—16. Заключение: соль земли, свет мира.
II. 17—48. **Закон и его преодоление**.

Мф. 6

III. **Довлеет дневи злоба его**.
Милостыня.
Молитва.
Пост.
Довлеет дневи злоба его.

Мф. 7

IV. **Тесные врата**.
Не судите.
Просите.
Тесные врата.

3 января. Год тому назад, 25 декабря, я потерял часть себя. Следующие три месяца[15] — постепенное умирание — только закончили то, что произошло 25-го. Уже в январе я писал «Политический трактат»[16].

В ноябре — декабре 1942 — «Трактат о мысли». Здесь была в самых сложных соотношениях ясность и чистота, это тоже небо, далеко от земли, но соблазнов не было. Через несколько недель — погрешность: «Политический трактат», соблазны. [А «Царство» ведь предшествовало «Политическому трактату»?] В ноябре — декабре я перешел границу, тогда же от голода стал бесполым. В январе в новый мир вошла погрешность. Здесь прибавление через отнимание: я потерял часть себя и пришел соблазн. Как это случилось? Я видел, как слабеют силы, глохнет звук, гаснет свет, умирает ощущение, отпадают чувства. Я видел покойников на улице, смерть и свою собственную. Я — на границе; и возник соблазн. Появились призраки: люди-призраки и миры-призраки. Они появились в действительности: опухшие или высохшие лица [два способа умирать от голода], жадность, потери чувств, утренняя полутьма и тени людей. Я был наблюдателем подземного мира, в вечерней же полутьме — его участником. Тогда я стал писать о призраках и мирах-призраках.

5 января. Мф. 1—9. Закон — Новый Завет — вера — чудо — власть прощать грехи — Сын Человеческий.

10, 22. «Претерпевший же до конца спасется».

10 января. Снова было так холодно, что вода в тазике после умывания замерзала. Жизнь неудобств.

Записная книжка — поиски себя. Это связано с Евангелием, через Евангелие нахожу себя. Что осталось от меня?

Жизнь неудобств. Я весь день, даже ночью — все время ощущаю неудобства. С утра: холод, уборная на дворе, институт. Затем: холод, неудобное сидение — жесткий табурет без спинки, больно сидеть, картошка, от которой давит, коптилки, которые все время гаснут. Ночью: неудобная постель, холод. Теперь не трудно отказаться от своего. Оглядывающийся назад неблагонадежен для Царствия Небесного. Но уже почти не на что оглядываться, вся жизнь — сплошное неудобство. От этого некоторая отвлеченность, отвлеченность самой жизни — продолжение ленинградской в январе — апреле 1942 — полусмерть.

Ленинград, май — июнь 1942: открыли вторую комнату, вычистили, цветы [принес из ясель[17]]. И вместе с тем невеселое существование — печаль и обреченность, особенно по вечерам. Тогда писал «Формулу чего-либо» и продолжал «Соблазны» — что-либо, одно и другое. Теперь снова жизнь неудобств. — Вот три стадии отвлеченности. Отвлеченность последнего периода в полном разделении: жизнь неудобств, которая и сама отвлеченна, и «Соблазны», которые пишу. Здесь всегда было разделение, но не такое, не полное, сейчас — полное. Раньше, когда писал, сидел на удобном стуле, и когда кончал писать, не чувствовал неудобств и такого сильного разделения, мог думать и говорить о том, что писал. Конечно, и раньше было сильное разделение между жизнью и тем, что писал, но не такое полное, когда даже во время писания сидеть неудобно и холодно. [Сейчас, мне кажется, и эта отвлеченность была мне полезна. Во-первых, запись в больнице 19 ноября, я получил опыт любви, я получил его именно из-за отвлеченности жизни, этот опыт любви — самая высокая конкретность. Во-вторых, соблазн должен войти в мир и «Соблазны», которые я писал, были именно преодолением соблазнов. И так же без отвлеченности жизни я не понял бы их: мелкие соблазны закрыли бы от меня большой соблазн и я соблазнился бы.]

11 января. Сны.

Мама сидит обнявшись с Надей, вынимает изо рта зубы и передает их Наде в рот, Надя, обсосав, возвращает их маме. Я понял: Надя чистит мамины зубы у себя во рту, таким образом мама испытывает Надино отношение к себе. Ну уж это слишком, подумал я.

Пришел Л. Я спросил его: как ты думаешь, Д. И. жив? — Он расстрелян. — Почему? — Было дело преподавателей. — Но он же не преподаватель? — Да, но он неодобрительно относился к Конституции. Потом я намеками старался узнать у него, почему он так давно не появлялся. Он ответил, что бывал. — Тогда отчего же Тамара так огорча-

ется? — Он привел какой-то убедительный довод. Я стал думать, как совместить все эти противоречия, и настолько сосредоточился, что внезапно проснулся, причем снова не было перехода от сна к бодрствованию.

Сон о милиционерах, учивших переходить улицу, о розовом и черном дыме.

Проезжали три повозки: с лондонцами, поляками и евреями. Евреи, хоть и битые, но все же довольны. Я поднял воротник повыше: на всякий случай.

Сон о конце мира. Конец мира должен был произойти на каком-то озере. Там уже все было готово для этого и стоял пустой дом. Я думал, может, в нем можно спастись? Но потом понял: и он погибнет. Я стал искать надежное место и нашел, но, как описать его, не знаю. Я помню это озеро, но не знаю, как назвать координаты этого места, может быть, оно не было в пространстве. Но, находясь в этом месте, я не погиб бы при светопреставлении, но стал бы тучей или цветом тучи.[18]

1 февраля. Сон. Я шел с Лидой по улице, и вдруг мне стало плохо. Идет врач с длинным шприцем, аршина в два. Я хочу сказать, что мне не так плохо, чтобы делать укол, но мне так плохо, что я не могу говорить. Врач приближается ко мне и на ходу делает укол. Меня уносят. Меня несут в какое-то помещение, потом по улице. Тут я понимаю — это сон или инсценировка смерти в лицах. — Но все же, — думаю, — и во сне небезопасно умирать. Но уже поздно — я умер. Меня оставляют лежать на улице, и все уходят. Мне делается так страшно, что я вскакиваю и бегу. По улице скачут лошади, едут автомобили, трамваи, и все это чуть не наезжает на меня. Я думаю: только что чуть не умер и вот, снова на каждом шагу угрожает смерть. Я лезу на какое-то недостроенное здание, проползаю между досками, каждую минуту чувствую: вот сейчас нога подвернется и я полечу в пропасть. Так преследовала меня этой ночью смерть.

15 февраля. Ин. 1, 9. «...Всякого человека, приходящего в мир...» Ослабление реальности жизни: мир — место, через которое я прохожу. Ослабление внешней реальности я почувствовал в снах: то, что во мне, реальнее того, что вне меня. С возрастом не только солнце светит слабее, но уменьшается и реальность мира.

Ин. 1, 12. «...Власть быть чадами Божьими». — Власть быть чем-либо, а не совершать что-либо.

Ин. 1, 29. Грех мира — его внешняя реальность. Она уменьшилась, потому что Христос взял ее на Себя, — тогда увеличилась внутренняя реальность во мне.

После одного случая в техникуме, когда я проявил себя как власть имущий, ученики полюбили меня больше. Я думаю, радость дает не

внешняя власть делать что-либо, а внутренняя — быть чем-то, а она связана с подчинением и авторитетом. Когда я проявил себя как власть имущий, ученики получили власть быть чем-либо. При этом освобождаешься от чего-то лишнего, и тогда наполняешься. Это как чаши весов: когда одна освобождается, другая падает вниз. Радость быть чем-либо. А радость, когда сделал хорошую вещь? Это другое — радость быть власть имущим. Но здесь тоже есть освобождение от чего-то лишнего своего, закончив вещь, я чувствую, что чист и пуст.

Когда я, закончив, перечитываю свою вещь, я удивляюсь: как это я, такой мелкий и неумный, создал такую хорошую вещь? Я смотрю на нее, как на какой-то подарок мне от Бога: не я создал, а она пришла в меня.

17 февраля. Сон. Мы трое в избе. Что-то случилось. Я вспоминаю и, вспоминая, рассказываю: кто-то вошел. Это покойник без головы. Мы все видим — призрак. Он приблизился ко мне, прикоснулся к шее. В груди сдавило, дыхание остановилось. В это время кто-то вошел. Я вспоминаю и, вспоминая, рассказываю: кто-то вошел. Это покойник без головы. Мы все видим — призрак. Он приблизился ко мне, прикоснулся к шее. В груди сдавило, дыхание остановилось.

Был ли этот сон бесконечным круговым или я предвидел события и мой рассказ предшествовал ему?

Записи в дороге, когда возвращался в Чашу.

1. Если нет ничего бесполезного, то колебание некоторой неопределенности равно нулю, тогда нет индивидуальности. Излишек добра и зла, может, и есть бесполезное (не необходимое).

2. Лейбниц: пространство — это порядок и отношение не только между существующими вещами, но и между возможными, как они существовали бы, если бы существовали.

3. Само бытие невоспринимаемо. Но что значит само бытие? Имеется ли в виду **само**? Но тогда заранее утверждается некоторое ограничение и невоспринимаемость. Имеется ли в виду бытие? Тогда утверждается некоторая неограниченность и несознаваемость.

4. Мысль вступает в пространство мысли и воспоминания.

5. Дионисий Ареопагит: Вечное существо знает из опыта то, что временное, — по предвидению.

6. Вещь, ее образ и ее понятие. Понятие вещи, ее образа и ее понятия. Понятие мыслимой вещи.

28 февраля. Грех мира — это его внешняя реальность. Сила быть «чадами Божьими» — это также уменьшение некоторой внешней реальности. Жизнь в Чаше, отвлеченность ее, писание, так резко отделившееся от жизни, — все это — уменьшение силы внешней реальности. Но дает ли это другую силу? Обратный переход есть (не у меня), но прямой?

1 марта. «По-видимому, ничего и не останется» — так кончается мое «Исследование о несуществующем». Как это понимать? Ничего не останется — это можно понимать как уничтожение некоторой внешней реальности — ведь не останется ничего существующего. Затем, это можно понимать как призрачность и недостоверность всего существующего. Затем — как бессмысленность существующего. Затем — как бессмысленность моей жизни, отсутствие радости, печаль. Опять некоторый квадрат:

Несуществующее — призрачность.

Бессмысленность — печаль.

И все это — одно. Ощущение жизни — во мне, и жизнь идет из меня. Это одна реальность: два моря, соединенных проливом. И если во мне жизнь бессмысленна, то и вне меня. Эта бессмысленность жизни ослабляет доверие к ней и делает ее призрачной: я не нахожу в жизни ничего устойчивого. От призрачности жизни я перехожу к несуществующему. Над несуществующим пронеслось облако — на одно мгновение оно закрыло несуществующее и возник призрак жизни. Но вот оно прошло, и снова видно: есть одно несуществующее — безоблачное, пустое.

Это не просто личное ощущение, случайно возникшее, но абсолютное ощущение **реальности, причем пустой, незаполненной** [то есть сама реальность, само бытие].

Раньше часто, засыпая, со страхом внезапно пробуждался: а вдруг засну и не проснусь. То же было и у Шуры, он мне рассказывал. Теперь этого страха нет и это тоже от абсолютного ощущения реальности открывшегося перед нами незатемненного и неприкрытого несуществующего, несуществующего, лишенного всякого смысла и жизни, безоблачного и пустого.

[Из зачеркнутых строк в записной книжке видно, что первое «Исследование о несуществующем» написал не 1 марта, а раньше. А второе — возможно, именно 1 марта. Меня притягивало это ничто — mysterium fascinosum*. Затем: реальность, о которой я говорю здесь, — абсолютная полная реальность, тогда — Бог, а реальность несуществующего — Бог несуществующего; потому что в сравнении с Ним — все несущее, и смысл — бессмыслица, и жизнь — не жизнь. Я пишу, что это не случайное ощущение. Верно, что оно не случайное, а абсолютное, но узнал я его, может быть, случайно — вследствие отвлеченности жизни в Чаше, ослабления внешней реальности и поэтому усиления внутренней. Затем еще: само соединение слов — абсолютная реальность несуществующего — антиномично и для разума противо-

* Притягивающая тайна (*лат.*).

речиво. Может, это Kreaturgefühl* или Majestas Dei**, во всяком случае, — религиозное чувство, прикасание к Богу.]

8 марта. Сны.

Сонные превращения: книга — миска — велосипед. Книга была загажена. Я боялся заразы и думал: жалко, что не сжег. Через некоторое время я обжигал ее, ставшую теперь глиняной миской, в печи, которая была просто кроватью. Дрова не разгорались, и я сомневался, уничтожу ли заразу. В это время кто-то проехал на велосипеде. Это была все та же книга или миска, и я подумал: хорошо, что не сжег. Еще, может, и не заражусь, а теперь какое удовольствие.

Мне снился Л. Просыпаясь, я подумал: вот уже это не сон, сразу видно, что не сон, доводы убедительные... и понял, что это сон. Доводы убедительны, но сама убедительность неубедительна. В снах-рассуждениях испытываешь сон на реальность, бодрствуя, — не испытываешь, сегодня же испытание продолжалось и наяву, но недолго.

Классификация просыпаний

Внезапное, без перехода, в снах-рассуждениях, когда сосредоточишься на доводах, и в снах, когда умираешь: когда умрешь, сразу проснешься.

Повторные пробуждения во сне, когда снится, что проснулся, и это еще сон, и снова проснулся и думаешь: это уж не сон, и снова просыпаешься.

Обычные просыпания, когда между сном и бодрствованием смутные состояния.

И еще сегодня: уже проснулся, но некоторое время наяву продолжал рассуждение сна, доверяя ему.

13 марта. Сон и воспоминания. Я вспомнил, что мне снилось что-то. Когда? Мне показалось, что снилось это сегодня. Я стал вспоминать. Мне показалось, что и раньше мне казалось, что снилось сегодня. Когда же мне снилось это? Передо мною некоторое состояние — сон. Три возможности. Это состояние было некоторой реальностью — переживаемым сном — вчера, или позавчера, или раньше. Или сегодня. Или сейчас — в то мгновение, когда мне это показалось. Сейчас я прошел через состояние, длившееся по внешнему времени одно мгновение и почти незамеченное, но в себе самом оно имело начало и конец и длилось не одно мгновение. То есть то, что называем сном, может, бывает и наяву: некоторая реальность — сон, имеющая свое время, вклинива-

* Чувство тварности (сотворенности) (*нем.*).

** Величие Бога (*лат.*).

ется в реальность явной жизни, и так как там — свое время, то здесь она не занимает и секунды — здесь она между двумя мгновениями. Может быть, сонные состояния проникают в явные так же, как иррациональные числа в множество рациональных, так что, хотя между любыми двумя явными мгновениями всегда найдется третье явное, между ними найдется и множество неявных. Или, может, делимость явного времени не бесконечна, и оно распадается на атомы времени — конечные мгновения, и между ними — сонные состояния со своим временем?

14 марта. Женщина добрее мужчины и скорее готова пожертвовать собой, да почти всегда жертвует, но ⟨она⟩ безнравственнее. Если муж принесет домой половину жалования, то жена скорее простит ему, если он прокутил, но не отдал другому, кто нуждался больше. Вообще она принадлежит к тем, о которых сказано: «Если вы делаете добро тем, кто к вам добр, то не так ли делают язычники? И если вы любите тех, кто вас любит, то чем отличаетесь вы от них?»[19]

Жалость и долг — вот различие. Жалость — аморальная, долг — нравственность. Но теперь представим себе святого, которому жалко всех — за то, что они родились и живые существа. У него нет никакого пристрастия — это ли не нравственно? И затем, представим себе — абсолютный долг и человека, вполне приверженного к нему, лишенного всякой жалости и морального только по долгу — это ли не безнравственно? Вот круг жалости и долга, моральный круг — и это один из кругов сомнения.

17 марта. Магическая философия.

24 фигуры. Знаки восьми состояний. Я пишу Т.: «Когда остался один и обратился к себе, нашел омерзительную пустоту». Что это? — От соблазнов — к магии: квадраты, знаки. Но что было не пустым? Встречи с людьми, удобства. В философии: небольшая погрешность, состояния жизни. Но теперь остались состояния смерти. Если я один и почти вне жизни, то что может быть иное? Могла бы быть природа, но от этого я отвернулся. Так что: природа, люди, смерть. Вот три возможности. Смерть — это то-светное. Но как это можно выразить иначе, чем в знаках — пустых, ничему не соответствующих, потому что всякое соответствие будет с природой, людьми или жизнью. Пустота же эта омерзительна, потому что я, очевидно, еще хочу жить. Она должна быть омерзительна для жизни. Может, так: вот Бог и вот природа, люди, жизнь — погрешность в Боге. И вот еще: схема погрешности, некоторое условие в Боге. И эта схема без Бога неутешительна. Бог — погрешность — жизнь. И здесь жизнь, как отклонение от Бога, — погрешность. Но всякая жизнь — от Бога, и жизнь без Бога — плоха, а погрешность без Бога — пуста.

Жизнь — некоторая погрешность.

Здесь — состояния жизни и природы.

Здесь — некоторая грусть, но и радость.

Затем, схема погрешности. И здесь — пустота, и это неутешительно.

Затем Бог, дающий жизнь и наполняющий пустое.

Все это — различные состояния и не претендуют на полноту. Остается, например, радость философии, схемы или чудо мысли.

27 марта. Пустота оттого, что плохо молюсь. Состояния жизни, люди, природа — в этом есть Бог. Если же лишишься этого, то должна быть молитва. Она должна быть и там, в состояниях жизни, но здесь она просто необходима: я один. В некоторой приятности жизни есть Бог: благодарность за жизнь. Но Бог вполне, Бог целиком, если останешься один. Если же при этом нет Бога, то омерзительная пустота.

Думать значит ничего не делать. А я все время что-нибудь делаю: то математика, то Бах, то философия. Здесь не я думаю, а думается: проходит через меня. Но когда начинаешь думать, то остаются три вещи: Бог, смерть и я. Этому научил меня Розанов. Он действительно ничего не делал, а только думал. Но опять хочется схематизировать. А если через меня проходит Бог? Но когда проходит? Тогда ли, когда писал «Квадрат миров», или когда думаю, или просто: думается. И еще: вот некоторое напряжение и сосредоточение на чем-либо внешнем, или на том, что проходит через меня, или на себе самом, или наконец некоторое рассеяние, ничегонеделание. Когда проходит Бог? Но опять начинаются схемы. Тогда просто так: я соскучился по себе самому. Но что я сам? Розанов пишет о себе самом, но сколько лиц он упоминает. Мне же упоминать сейчас некого. Выходит, что я — это связь с другими людьми. Я — это жизнь. Но я нахожу ее в других или, лучше, в себе через других. Но другой способ непосредственней: Бог и молитва.

Здесь три определенные мысли: думать значит ничего не делать. В жизни, не лишенной приятности, есть Бог: благодарность за жизнь. Я соскучился по себе — что я? Жизнь, которую нахожу в себе через других людей или через природу, или приятную жизнь, если же этого нет, то прямо в Боге и молитве.

«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную».[20]

28 марта. Сейчас шестой час. Это время самое нехорошее для меня, и голубое небо и солнце делают его еще более страшным. Это было и в детстве. Но тогда это время, особенно весной и летом, казалось мне таинственным, а сейчас ощущение пустоты. Вообще страх природы сильнее всего с того времени, как солнце поворачивает на запад, и до захода. Здесь, кажется, не поможет и Бог.

Если есть бессмертие, то, может быть, тот получит его, кто всегда сосредоточен на себе, то есть настороже. Он не прозевает смерти. Живешь так, что бóльшая часть жизни уходит, то есть ее как бы и не было. Были и остались только те мгновения, когда настороже. В этом смысл умной[21] молитвы: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». И тут суетой будет все: и обычные заботы, и Бах, и философия. Нужно ли тогда «регулировать музыку во славу Божию»[22]? Не отвлекает ли и это от себя самого, то есть от того, что найдешь в себе, — от Бога?

Я ищу приятное во внешнем, а не в себе самом. Внешним будет и философия, и писание, то есть то, что я пишу. Это некоторый излишек блага. Приятное я могу найти и вне себя — в людях, в природе, но в этом и погрешность: я должен был искать Бога и только в себе.

9 апреля. Два дня только было непрерывной молитвы (умной), и уже на следующий день иногда вдруг делалось совсем хорошо. И одно из таких мгновений запомнится, должно быть, навсегда: действительно почувствовал, как в меня входит какая-то сила или разливается тепло. И тогда я уже получил или почти получил дар слез, но устыдился — это было по дороге из института домой. Но на следующие дни уже не хватило силы сосредоточиться и повторял молитву, как формулу. Опять заботы века.

Ин. 5, 26. «Ибо как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе».

Жизнь в Самом Себе, если же я ее не имею в себе, то надо добиться.

Какие у меня заботы? Скорее уныние, а не заботы и не добиваюсь не из-за забот, а из-за уныния; легче не добиваться.

10 апреля. В амбулатории, ожидая, читал Хлебникова и, кажется, понял, что в нем плохо или несовершенно. Лучшее стихотворение в моем сборнике — «Тризна». Хорошо: «Семеро», «Мария Вечоре», но «Вила и Леший», «Лесная тоска», «Три сестры», «Горные чары» сейчас мне просто неприятны. Это мелко и слащаво, какая-то игрушечная природа, дешевая олеография. Хлебников идет к природе, но большей частью останавливается на поверхности: цвета, краски, ветер, шорох леса или шум моря, небо, восход или закат солнца — само по себе это неинтересно. Этим противны реалистические картины. Элементы природы: голубой цвет неба, синий или зеленый — воды, природные шумы и шорохи — отвратительны сами по себе, если за ними ничего нет. Также делается мерзко, если потеряется способность видеть в природе что-либо помимо этого. Этим же неприятен импрессионизм. Хлебников в большинстве своих вещей, импрессионизм в живописи, Равель, отчасти Дебюсси в музыке — все это внешность природы, ее элементы, бес-

смысленно разрозненные. Чтобы стало значительным, надо пойти дальше, и здесь возможны два пути: дальнейшее разъединение, затем страх природы, смерть. Или: закон, сила или Бог.

Даже социальные стихи Хлебникова лучше его «Лесной тоски». В. вообще выше Хлебникова, например в «Элегии» или монологе Баньщика[23]. Крымские стихи Хлебникова просто ни к чему — это личное и поверхностное, а «Ковер Гортензия»[24] В. — тоже как будто личное, но идет вглубь.

11 апреля. Сны.

Надо было спускаться с отвесной горы. Посмотрел вниз — неприятно, но все же не так страшно, как это бывает в подобных случаях во сне. Полез, оборвался и полетел. Снова подумал: нехорошо, хотя во сне бывает и хуже, — вспоминая во сне подобные сны, упорно считал этот сон действительностью.

Посмотрел в зеркало: на кончике носа язвочка, идет гной. Надавил — нос провалился. Пожалел, пропал нос; ну, ничего, проснусь, снова будет. Проснулся. Прежде всего — за нос. Нет носа, провалился. — Уж это совсем плохо, если и наяву нет, — подумал я и проснулся, нос цел.

Мы снова были все вместе, и я готовил угощение: газированную воду. Мы посмотрели друг на друга и рассмеялись. На кого мы стали похожи? Вот Л. Он и я — мы сильнее всех изменились. Но вот еще другой Л. — он уже почти совсем не похож на себя. Вот третий Л., и я бы никогда не сказал, что это Л. А Д. И.? Я бы его даже не узнал, может, это и не Д. И., но это должен быть Д. И. Были еще люди, и один из них был Шура, но кто? А еще был Пулканов. У этого даже фамилия изменилась.

30 апреля. Здесь очень настойчивая зима. Весна начиналась несколько раз, недели две тому назад было уже очень тепло и много солнца, а почки на деревьях не раскрылись даже после дождя. И действительно, наступили морозы. А после морозов в первый же день, когда еще было довольно холодно и снег не всюду стаял, почки раскрылись. Деревья почувствовали, что через неделю наступит весна.

1 мая. Ин. 6, 39. «Воля же пославшего Меня Отца есть та, чтобы из того, что он Мне дал, ничего не погубить».

Ин 6, 35. «Я есмь хлеб жизни, приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда».

Страх смерти — это только отрицательное ощущение и может быть преодолено и заполнено не только Евангелием. Но «хлеб жизни», «ничего не погубить» — это уже положительное ощущение жизни, наиболее сильное. Не из страха смерти возникло Евангелие, но из этого ощущения. Все хорошо, если заполнено этим хлебом жизни.

Вот какие-то схемы, теории, пусть квадрат реальностей или что-либо другое. Это скелет жизни, но в нем должно быть оставлено неопределенное место для хлеба жизни, и тогда он заполнится плотью. Всякая система пуста сама по себе, но первый критерий истинности — она не должна быть повсюду плотной, то есть такой, чтобы не оставлять никакого свободного места для заполнения. Повсюду плотная система — самая пустая. Оставить место для Бога — вот что надо, и Он Сам придет туда. Это уже второе: Бог заполнит всякую пустоту, надо только освободить Ему место. И это трудно; тогда — молиться.

7 мая. 〈...〉

Сон. Мы — Т. старшая (T_1), я и Т. младшая (T_2) — перешли из моей комнаты в столовую и легли на диван. Через некоторое время T_2 рассердилась на T_1 и ушла. Остался я и T_1. Вдруг T_1 рассердилась на меня и тоже ушла. Остался я один. Полежал, а потом рассердился и тоже встал с дивана. На диване лежит платье, а под платьем — T_1, ведь она не вся ушла, только душа ушла, а тело осталось. Я взял тело на руки, понес к себе в комнату — там T_1 — ей понадобится ее тело. Мне делают замечание: неприлично носить на руках на виду у всех, а я знаками объясняю, ведь душа ушла, а тело само ходить не может. У меня в комнате были уже T_1, и T_2, и Лида. Кровать стояла у стены, а стена напротив была несплошная, и на стене сидели кузнечик и сверчок. И откуда они берутся, — говорит Лида, — надо их убрать. Кузнечика уберу, — говорю, — а сверчка оставлю, сверчки приносят счастье. Поймал кузнечика и понес его выпустить в окно. А в соседней комнате — в столовой — сидят мама и папа и говорят: силы-то на сто пятьдесят граммов, а живем, как на пятьсот.

Пока я ходил к окну выпустить кузнечика, стена с окном отодвинулась и оказалось, что там пять окон и перед каждым окном оранжерея или сад с цветами. Туда я и пустил кузнечика, последним был его скачок в цветы. Тут я почувствовал, как это все хорошо, и понял, что все сейчас кончится, потому что сон, и проснулся. Это был сон о счастье, когда-то бывшем и безвозвратно минувшем.

19 мая. Когда ехал из Ленинграда, я любил из окна вагона, вернее из двери теплушки, смотреть восход солнца. Я находил избыток красоты. Вчера, возвращаясь из техникума[25], я увидел избыток безобразия и бессмысленности. Это коровы. Они напоминают лунных коров Уэллса. Вследствие какой-то случайной жестокости природа создала существа, предназначенные только для кормления других существ. Что здесь страшно? Что корова для себя только функция желудка, а для меня —

только молока и мяса. Она почти не испытывает радости жизни и не играет, как дикие животные. Я смотрел раз на скворца. Он сидел перед скворечником, махал крыльями, подпрыгивал, кричал, видно было, что ему некуда девать избыток своей радости. Это и есть молитва: радость и благодарность за жизнь. Ведь жизнь — это удивительная случайность.

4 июня. Голод, любовь и игра — вот три признака жизни.

Сон. Я потерял свою палку и ищу новую. Лежат какие-то толстые дубины, или слишком короткие обрубки, или полусгнившие аршины. Вдруг в окне появляется папина голова. Он полез по стене на второй этаж, чтобы позвать меня. Иди скорее, — говорит он, — маме плохо. Я тороплюсь, чтобы захватить хоть какую-нибудь палку. Снова появляется в окне папина голова: иди скорее, прямо через окно, а то будет поздно. Через окно вижу: и Миша, и Надя зовут меня. Они стоят не на земле, а где-то в воздухе. Я подхожу к окну, становлюсь на подоконник. Полечу или разобьюсь, думаю я. Но и разбиться мне кажется не страшным. Я прыгнул и полетел. А внизу все стоят здоровые и поощряют меня знаками. Я летел легко, сделал круг, поднялся и проснулся. Давно уже так не летал. Высота, время и дальность полета с возрастом сильно уменьшились. Раньше летал так высоко, что земли видно не было. Сейчас выше чем на два метра подняться не могу. Только вот когда по лестнице надо спуститься, так во сне я всегда перелетаю ее. Один из последних больших полетов был лет двадцать тому назад. Я шел по железнодорожной насыпи. Слева было море, за море заходило солнце. Я оступился и полетел высоко над морем.

Антиномия. Она определяется словами: святость и мудрость. Евангелие вполне достаточно для жизни, и большего не надо. Затем — жизнь. Здесь закон соединения и разделения, новый порядок и прочее. Это осуществляется средствами далеко не евангельскими. История жестока, как и природа, и свои цели, если она их имеет, осуществляет с излишеством жестокости. Глупо говорить о каком-то равновесии или объединении этих двух тенденций. Они взаимно исключают друг друга, и каждой довольно для жизни. То есть можно жить по Евангелию и нужно, и тогда всякая другая точка зрения только погрешность.

О теократии. Эта идея иудейская и ветхозаветная, Новый Завет — старчество: никакой внешней власти, старец — не чин, это отрицание государственности и всякой власти, основанной на внешнем авторитете. Пусть будет не по-моему, а по-Твоему, причем полная свобода подчинения. Церковь как организация не противоречит Евангелию, но не необходима. «...Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я...» (Мф. 18, 20) — это уже Церковь. Но для этого не надо никакой организации.

Иудейство. 2000 лет тому назад объединилось несколько культур, но только иудейство противоречило римской культуре. Боги других народов вошли в римский храм, но Иегова не вошел и запретил всякое сношение с язычниками. Нетерпимость, вот чего Он требовал. Но и Новый Завет не допускает сношения с язычниками. Тогда иудейство другим путем проникает в европейскую культуру: через христианство — Библию и Евангелие, затем экономически — деньги и их власть. Проникновение иудейства в европейскую культуру интересно было бы посмотреть на Бахе — различить, например, в чувственных ариях Баха семитический и германский характер чувственности. Например, «Am Abend»* из MP** — германский характер, чувственность же многих фигур (петли и другие) — семитический.

Лида: я не понимала спор. Когда один говорит «это было», другой — «этого не было», мне казалось, что спорить не о чем. Первый видел и помнит, а второй или забыл, или не видел.

Но может быть и третий, он говорит: ты видел, но не знаешь, что видел, а ты не видел и не знаешь и все же отрицаешь то, что не видел и не знаешь. Так что преимущество на стороне первого.

Это три системы или три рода отношений. Пусть другое отрицает одно. Тогда или одно оставляет в себе место для другого, или другое не допускает одного, или оба находятся в каком-то удивительном согласии.

Порядок природы. В лесу: срубленные сучья все обвешаны коконами. Очевидно, их слишком много и только небольшая часть вышедших из них бабочек доживет до исполнения своей цели: размножения. Природа щедра и жестока. Но можно и так сказать: первая цель — по необходимости — размножение. Вторая — по случайности — радость жизни и благодарность Богу, и эта вторая цель по случайности станет главной. Иерархия природы.

Смысл молитвы: сосредоточиться, поэтому достаточно хотя бы повторение одного бессмысленного слова. Поэтому же, когда молишься, необходимо сохранять одно и то же положение и, по возможности, даже не дышать. Надо застыть в том положении, в котором начал молиться.

От тоски вначале худеют, но умирают редко, потом же начинают полнеть. И дикие животные в неволе едят и, должно быть, полнеют, но часто не размножаются. Это чувство в неволе и в чужом месте может пропасть, но вкус еды остается.

Кукушка куковала, и я начал считать, и хотя не верю в это, но до трех или четырех считал с некоторым опасением: вдруг остановится,

* Вечером (*нем.*).
** Matheus Passion — «Страсти по Матфею» (*лат.*).

когда же перешло за четыре — успокоился. Но с шести или семи снова появился страх, и он стал возрастать: прожить так долго — страшно.

Два непосредственных ощущения: в нормальном состоянии живешь в расчете на вечность [не на вечность, а на indefinitum, оттого и возникают последующие страхи: не только смерти, но и бессмертия; так как бессмертие понимаешь не как вечность, то есть infinitum, а как indefinitum, то есть снова временность, а именно временность страшна]. Непосредственно кажется, что будешь жить всегда, — смерть непонятна. Никто не верит в смерть. Затем — рассуждения и страх смерти, и затем уже — непосредственная боязнь бессмертия, даже очень долгой жизни. Первое — вера в непрерывность некоторой длительности, наблюдаемая сейчас, второе — страх перед обрыванием этой непрерывности, и третье — тоже страх перед обрывом непрерывности, так как долгую жизнь представляешь себе как другую жизнь, которая прервет эту. То есть представляешь себе некоторый промежуток между жизнью сейчас и какой-то другой, которая названа будет долгой.

Я думал, что лучше знаешь то, чего в тебе нет, чем то, что есть. Например, если во мне нет доброты или зависти, то это я знаю, но редко завистливый признается, что он завистлив, также если добрый или скромный скажет «я добр» или «я скромен», то он не добр и не скромен. И это верно, если отсутствие какого-либо качества не есть присутствие противоположного, но последнее еще неизвестно. Чаще же всего добрый найдет в себе злость, злой же считает себя добрым. Но всякое ли состояние имеет противоположное? Например, зависть? К нему противоположным будет сочувствие и радость чужой удаче. Тогда есть и среднее: я могу не завидовать чужой удаче, но и не испытывать при этом большой радости. Если это верно и для других состояний, то отсутствие какого-либо одного не есть присутствие противоположного.

Этот закон объясняет сущность состояния. Иметь какое-либо чувство или состояние — это значит понимать в нем больше других. Тогда, будучи добрым или завистливым, я имею представление о совершенной доброте или зависти, и отсутствие во мне этого совершенства не безразлично мне, и я считаю это противоположным — злом или сочувствием к чужой радости. Этот закон можно выразить еще так: если имеется какое-либо состояние, то отсутствие его будет определенным отрицанием и, значит, противоположным состоянием, но если этого состояния нет, то нет ни прямого, ни противоположного, и это будет неопределенным отрицанием: некоторым безразличием к тому и другому.

5 июля. В основе даже тех поступков, мотивы которых кажутся моральными, часто лежит только самолюбие. Поэтому часто бывает, что

человек руководствуется как будто бы моральными мотивами, а результат получается безобразным. В этом часто причина всяких некрасивых столкновений, и это и есть первородный грех — самолюбие. Если же говорят: почему Бог сотворил человека таким, что он стал способным к первородному греху, то пусть скажут, каким должно быть существо, не моральный механизм или автоматический ангел, но склонное к нравственности и вместе с тем свободное.

24 июля. Сегодня три раза шел на комиссию. Первый раз с некоторым волнением — комиссия не состоялась. Во второй раз ⟨идя⟩ в военкомат, думал — как будет, если буду призван. В военкомате никого не было. Наконец в третий раз уже ничего не думал, без всякого желания и воли — и получил отсрочку до 31 декабря. Так же, как в Ленинграде было, но тогда сознательно: пусть не по моей воле, но по Твоей будет, а сейчас просто надоело жить по своей воле, вернее, действовать, решать и предполагать. Заслуг же с моей стороны никаких; наоборот, вчера отогнал мальчика от малины, сегодня со злобой думал о девочке-нищей, которая упорно, как будто назло, не закрывает за собой калитку.

Еще неприятные мысли: как М. доехал[26].

25 июля. Беспокойство об отсутствующих ⟨близких⟩ и связанное с этим соблюдение примет — это ощущение некоторой общей связи. Некоторые системы мира:

1. Я сам, выделенный из мира, к которому я вполне безразличен. Здесь я сам буду некоторой замкнутой системой. Замкнутость ее от отсутствия чувства и понимания другого. Все другое будет вне этой системы. Это моральный и эмоциональный солипсизм, границей же замкнутой системы — меня самого — будет непонимание, так что гносеологически — скептицизм.

2. Я сам, включающий в себя мир. Здесь нет места страху или беспокойству за других, основное чувство — радость. При этом есть интерес к другому и некоторое понимание. Это гносеологический солипсизм, при этом морально и эмоционально утверждается некоторая жизнь и через сочувствие — жизнь в другом, что есть во мне. Плоский концентрический мир.

3. Множество самостоятельных, независимых, замкнутых подобно мне систем. Общей связи нет. Этот гносеологический атомизм в отношении чувства и понимания будет догматическим скептицизмом. Уверенность в некотором благополучии, зависящем от воли действующего лица и не зависящем от воли другого, необоснованна. Точечный мир.

4. Множество систем-монад, заключенное в каждой монаде, так что есть сочувствие к другим во мне и некоторое понимание. При этом мир не станет плоским концентрическим и есть основания для страха и бес-

8 Зак. 1244

покойства, так как хотя реально другое во мне, но в возможности и я буду другим в системах другого.

Некоторый страх и беспокойство вносят новое измерение в мир.

Письмо[27] к М. и Н. Вот мы снова одни. Но этот год приучил нас к терпению, и ждать встречи теперь не так трудно. А я по-прежнему верю, что скоро встретимся в Ленинграде или, вернее, по дороге в Ленинград.

По этому поводу М. расскажет Н. теорию двух истин. У нас же все, как и раньше, только вчера я был на комиссии и мне продлили отсрочку, и еще директор сказал, что в Новосибирск ни в коем случае не поедем, а поедем в Москву, то есть институт поедет в Москву, а меня отпустят. Еще вчера мы радовались, получив под вечер письмо от М. из Кособродска, а вечером телеграмму из Свердловска. Вот и все. Встал я сегодня рано, в 4 часа, позаймусь, а потом пойду в институт и в лес за хворостом, и день пройдет, как и все дни, — не слишком интересно, и об этом М. тоже расскажет Н. Еще я собираюсь читать вторую половину «Анны Карениной», а почему вторую, а не первую, и «Анны Карениной», а не «Войны и мира», М. легко поймет и расскажет Н.

26 июля. Сон. Д. И. в офицерской форме и А. А. Башилов переходят улицу. Я обрадовался — это уже не сон. Д. И. сумасшедший или симулирует. Сумасшествие его в том, что он считает себя Башиловым и что зовут его, как и Башилова, Агапа, сокращенно Агаша. Я спросил, почему он так долго не заходил ко мне. Он сказал: так надо было. Вечером, подумал, пойду к Т., скажу: один уже нашелся.

Сон. Облачное небо. Я говорю своим спутникам: смотрите, какое странное облако, оно напоминает человека. Но подул ветер, и облако скрылось за домом. Но вот оно появляется с другой стороны, и все видят: на небе облако в виде человека, курящего трубку. Тучи и облака соединяются в непонятные фигуры, на небе происходят удивительные события, я испытываю необычайную радость, бегу со своей спутницей, куда — не знаю, но это связано с удивительными событиями, происходящими на небе, и вдруг вижу дом и вспоминаю — там я жил, и там что-то случилось, и просыпаюсь от страха и радости.

28 июля. В математике меня интересует не доказательство, но построение, заменяющее доказательство.[28] Построение — это постулирование и разделение того, что возникло путем постулирования (то есть сотворения). Так возникает некоторая иерархия постулируемых, или утверждаемых, состояний. Но обычно одной иерархии и одного постулируемого недостаточно. В этом отличие от рационализма. Если же будет несколько утверждаемых и несколько иерархий, то они пересекаются.

Тогда к постулированию и разделению присоединяются пересечение, совпадение и несовпадение и неполное совпадение. Если они не пересекаются, но соприкасаются, то будет неполное совпадение. Так что добавляется еще прикасание и неприкасание, и если неприкасание, то сходства, различия, подобия и аналогии.

30 июля. Чехов. «Три года». «И почему-то вдруг ей стало казаться, что эти самые облачка, которые протянулись по красной части неба, и лес, и поле она видела уже давно и много раз, она почувствовала себя одинокой, и захотелось ей идти, идти и идти по тропинке; и там, где была вечерняя заря, покоилось отражение чего-то неземного, вечного».

Это интуиция, или понимание, или сочувствие, установление какой-то связи. Помимо разделения геометрических соотношений и соотношений целого в искусстве есть еще одно: я почувствовал не только занимательность, но некоторую близость. Я нашел вне себя то, что есть во мне. В повести найдутся такие вехи: повесть идет сама по себе, в некоторых же местах вдруг соприкасается со мной; в ней есть такие вехи (крестиком обозначены более сильные):

II. — Безразличие после неудачного объяснения в любви.

IV. — Любовное объяснение без любви.

VI. — Беспокойство Лаптева, когда он привел Юлию к отцу, — шокирует.

VIII; IX. — Смерть Нины, и дети у Лаптева.

XI. — Юлия приехала к отцу.

XIII. — Через год в Сокольниках. Счастье без любви (×).

XV. — Юлия успокоилась после смерти ребенка. В кабинете у мужа. Истерика Федора (××).

В XIII—XIV главах повесть могла бы окончиться. Истерика Федора нарушает некоторые естественные размеры. Повесть была бы хороша и тогда, если бы закончилась на этих главах; она была бы даже еще более цельной. Истерика Федора — погрешность. Это шокинг, который чувствовался с самого начала: некоторое непонимание между людьми — объяснения в любви, двойная жизнь Панаурова. Смерть Нины и тоска детей — это кульминация. Затем — счастье без любви. Это заключение основного шокинга. Но благодаря истерике Федора оно неожиданно растягивается. С этого момента меняется и темп действия, напряженность.

XVI. — Болезнь Федора и отца. Серая полужизнь.

XVII. — Початкин.

Отношение Юлии к мужу и в связи с этим соотношения частей повести:

10 страниц — до объяснения.

10 страниц — первое и второе объяснение. До отъезда в Москву.

12 страниц — до смерти Нины.

10 страниц— до поездки к отцу.

6 страниц — возвращение. У отца они прожили только один день. Здесь перелом в отношении к мужу.

8 страниц — счастье без любви. Первый конец.

10 страниц — истерика Федора. Второй конец.

I. Exordium[29] и Narratio. До объяснения.

II. Propositio. 1. До отъезда в Москву.

2. Смерть Нины.

Заключение. Счастье без любви.

III. Confutatio. Истерика. Початкин.

IV. Заключение. Серая полужизнь.

Здесь тема — некоторый шокинг — вошла и в композицию: второй конец.

31 июля. «Трогает», «понятно», «близко» — все это один из видов иероглифа (Л.). Соприкосновение с некоторой реальностью происходит здесь через чувствительность. Во-первых, иероглифы. Во-вторых, композиция или соотношение иероглифов. Но это тоже иероглиф: отдаление и удвоение конца, некоторый рисунок, расположение, знак. Наконец возможны и такие произведения, где иероглифами будут только соотношения, то есть первоначальные иероглифы ⟨нрзб⟩ + иероглифы-элементы или содержания пусты. Две тенденции: иероглифы преимущественно материальные или отвлеченные. Последние в чистом виде уже математика. Так что две деятельности: деятельность материальных иероглифов и отвлеченных, и первое в чистом виде еще не искусство, но область ощущений, область приятного или неприятного, а последнее — область чисел и знаков — математика.

Ощущение и число или знак, из их смешения — искусство и философия.

1 августа. Догадка, изобретение — способность фантазии. Подтверждение, доказательство — способность рассуждения. Последнее разделяется: обзор — перечисление всех возможных случаев, и вывод — заключение, последнее и есть собственно рассуждение. Так что — изобретение, обзор и вывод. В последнем я слабее всего, особенно когда это касается математики.

О чуде. Во-первых, чудо должно быть исключением в общем естественном порядке. Оно всегда будет противоестественным, но не должно быть всеобщим, то есть всегда кто-нибудь найдется, для кого определенное чудо будет естественным. Но для него может быть чудом что-либо, что для другого будет естественным.

То есть первый закон чуда: естественный закон всеобщ и необходим для всех, чудо же всегда для кого-нибудь и не может быть всеобщим и необходимым. Это не значит, что чудо воображается. Оно реально, но не обладает всеобщностью. Чудо индивидуально — это частный случай. Можно представить себе некоторую всеобщую естественную систему и затем частные индивидуальные естественные системы и последние не всюду плотные — в них есть прорывы — места для чудес. Всеобщая естественная система — это просто сама закономерность, естественность частной системы. И это условие для моральной свободы, иначе если бы все исполнялось по желанию и было бы только чудом, то не было бы моральной свободы. Чудо в частной системе не естественно, поэтому не всеобще. Но можно представить себе полный разрыв естественной системы, когда чудо выйдется из мест, предназначенных для него, и станет естественным, уничтожив таким образом всеобщую естественность. Чудо — это прозрение, и не всякому оно дано и не всегда. Но всегда видеть чудо, то есть уничтожить всеобщую естественность, может только святой. Чудо становится естественным, уничтожив естественность. Это и значит: «Смертью смерть поправ». Во-вторых, для чуда необходимо сильное желание, но здесь надо различать необходимое желание и желание, которого можно избежать, и второе может быть даже сильнее первого и все же не необходимо. Но человек часто не знает, что необходимо. В-третьих, для чуда необходима вера, и здесь надо отличать веру от желания. Желание может быть очень сильным, а вера слаба. Вера — некоторая чистота и непредубежденность, сомнение в естественности и отказ от своей воли. Это чистое настроение: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». В-четвертых, чудо бескорыстно и почти бесцельно. Чудо не логический довод и не служит для посрамления кого-либо или для обращения неверующих. Поэтому оно редко приходит, когда его ждешь или оно должно быть по рассуждению. Чудо — это дар и приходит даром. Но некоторая чистота и чистое настроение могут предсказать его. В-пятых, чудо может быть и без желания, и без веры, и без необходимости. Чудо — дар и дается даром по благодати.

2 августа. Хомяков. Сонет.

«В тени садов и стен Эски-Сарая...»[30]

Иероглифы: 1. Двойной: блеск ламп, шум вод живых, толпа красавиц, чинары, алые розы, ветер свеж и тих, рог луны в сонме звезд.

2. Султан, он в думах был и приказал начертать на холмах, что все пройдет.

3. Автор читает надпись «и вся душа невольно тосковала». Игра иероглифов: первый двойной рождает второй. Но здесь еще нет законченного действия, то есть нет еще некоторого оправдания стихотворению, дающего право на существование. Третий иероглиф привлечен извне: из другого времени — настоящего и через второй соединился с

первым. «Душа невольно тосковала» — это явное, и в нем найдено явление: первые два иероглифа. Но здесь нет причинной последовательности. Первые два иероглифа столкнулись как бы случайно с третьим, и возникло искусство. Непреднамеренность этой игры — столкновение иероглифов — вот что хорошо. Игра иероглифов — некоторый геометрический рисунок стихотворения.

«Жаворонок, орел и поэт».[31]

1-й иероглиф — песнь жаворонка.

2-й иероглиф — полет орла.

3-й иероглиф — вопросительный: зачем жаворонок поет?

4-й иероглиф — вопросительный: зачем орел летает?

5-й иероглиф — вопросительный: зачем поэт мечтает?

1 — 2 — — 3 — 4 — 5

Здесь иероглифом будет пропуск в перечислении утвердительных иероглифов. Снова некоторый геометрический рисунок.

Как в природе есть некоторый излишек красоты и жестокости, так и в искусстве. В первом стихотворении таким излишком будет 3-й иероглиф — он установил некоторую связь со мной, и стихотворение стало понятным. Во втором стихотворении — 5-й иероглиф или, вернее, пропуск между 2-м и 3-м.

Геометрический рисунок второго ⟨первого?⟩ стихотворения:

1 — 2 — — 1′ — 2′ — 3′ — 3″ — 1″ — 2″

Иероглифы не просто темы или образы, тема или образ станет иероглифом в определенном столкновении. Так что не может быть один иероглиф. Столкновение двух тем или образов дает им силу стать иероглифами. Если же есть только один иероглиф, то он сложный и элементы, его составляющие, — первичные иероглифы. Чистота заключается в том, что мало вторичных иероглифов; например, Пушкин. У Баха же их очень много.

4 августа. Сон. Я был отдан в собственность старику швейцару. Он душил меня несколько раз: удавит и снова душит...

Сон. Я считал до сорока — располагал числа до сорока в различном порядке, искал подгруппы этой группы чисел, сравнивал их. И постепенно на меня стала надвигаться тоска, так что я испугался, что умру, закричал и проснулся.

5 августа. Философия, искусство, математика — преодоление времени в формуле. Это преодоление естественной причинности.

10 августа. Наложение и разложение состояний.

12 августа. Сон. Я был у кого-то, кто он, я не знаю. У него давно умерла жена. Он показывает мне ее портрет — рисунок, который он сам нарисовал. Это молодой мужчина. Рисунок начинает расти и превращается в труп молодой женщины. Она лежит на полу, а он танцует в честь покойницы фокстрот. Проходя мимо нее, иногда переступает, иногда наступает ей на живот, и тогда она приподымается. Я боюсь: она же мертвая, он надавит на живот, изо рта потечет сукровица.

Я проснулся около четырех, хотел встать и вспомнил, что перед сном забыл прочитать «Отче наш». Тогда решил, не открывая глаз, еще в полусне, прочесть «Отче наш» и все, что полагается. Но никак не мог довести до конца, все появлялись какие-то глупые вставки или изменения вроде «хлеб белый» вместо «хлеб насущный» — как будто кто-то подсовывал вместо настоящих слов какую-то чушь. Это как у Толстого: бес старается соблазнить какими-то пустяками — ничего плохого в них нет, они просто неумны, и грех будет не в них, а в моем отношении к ним. Прошел целый час в этой борьбе с глупыми словами или с неумным бесом.

15 августа. Шесть или семь лет тому назад я написал рассуждение «Чем я противен»[32]. Но как это все было красиво. Может быть, это и было противно — красивое. В. говорил, что это хвастовство. Тогда была некоторая поза, и это стало мне противно. Но от позирования я не смог отказаться и в дальнейшем — до войны. Я хотел отказаться, но не мог. И в начале войны была еще поза... Я не мог, не умел быть искренним, то есть собою. Последние два месяца прошлого года я стал самим собою. Но что тогда было? От меня ничего не осталось, не было личного, только писание. Если бы была хорошая настоящая молитва, но был «Логический трактат», а я ведь не трактат. Потом болезнь, умирание. Потом радость выздоровления и весны. Но меня еще не было, я только начинал находить себя, обнаруживать жизнь. Но вот в Чаше я нашел себя. И какая это некрасивая мерзость. Здесь уж хвастать нечем. Но теперь хочется довести до конца, принять позу. Мне стыдно купаться в озере. Мне кажется, все с отвращением должны отвернуться от меня, противен упитанный дряхлый старик с одутловатым, немного ожиревшим лицом. Это уже поза, я просто не умею сказать, чем я противен, вернее, знаю, но не хочу. Это слишком некрасиво.

В некотором многообразии сделан разрез или сечение — плоскость жизни. Таких сечений-плоскостей жизни может быть множество, и еще могут быть плоскости смерти и умирания и рождения. Я строю множе-

ство плоскостей жизни и смерти, и все они пересекаются в одной точке — во мне. Сейчас я лежу в лесу, и вот некоторая зыбкая плоскость природы: цветов и звуков, лесных шумов, неба и воды, равновесия, не вполне установившегося. До этого — плоскость духов и демонов. Я был в плоскости не естественной, не природной и ощущал себя в середине иерархии нематериальных существ. О. представлял себе вестников в виде бутылей с цветной жидкостью, выставленных в витринах аптек. Действительно, вестники неподвижны и прикреплены к месту, но свободно проникают в тела, пространство, плоскость природы, и их можно представить в виде сосуда, наполненного разумом и чувством и еще, несомненно, ощущением. Ощущение — это некоторое понимание. В иерархии нематериальных существ они выше меня. Ниже меня — демоны и бесы. Это полулюди, хотя и лишенные тела. Их нельзя сравнивать с животными. Животные в плоскости природы, имеют свой ум и в своем роде умнее бесов, бесы же — полуразумные существа, и слабость ума у них не заменяется никаким естественным умом. По схоластической терминологии, в них не хватает сущности или существа — ens. И животные, и люди, и, может быть, даже растения — существа; вестники — сверхсущества, в бесах же — недостаток существа — это бестелесные полулюди.

Еще о телесности. Я имею в виду естественную телесность, но другая телесность заключается, может быть, в некоторой сосредоточенности, сгущении ума, внимании, напряжении чувств, интенсивности ощущения. Тогда и вестники, и бесы имеют тела, но для нас — переменные тела: они исчезают, внезапно появляются, изменяются. Именно потому, что вестники нематериальны, они прикреплены к месту: и растение, и дерево движется, и камень со временем меняет свое место, вестник же, оказавшись в каком-либо месте, при пересечении своей плоскости с плоскостью природы, там и останется. Он находится как бы в одном месте, находясь везде.

Плоскости природы, жизни и смерти, состояния жизни и ощущений — все это **я**, ускользающий от меня.

16 августа.[33] Положим, всем художникам предписывается рисовать портреты в определенных положениях и костюмах, но выражения лиц могут быть какие угодно. Предположим, второй случай: костюмы и положения могут быть любые, но выражение лиц у всех одно. Третий случай — все разрешается. Четвертый случай: и костюм и выражения лиц одинаковые. Первый случай — например, иконопись. Здесь вся сила художника уходит не на изображение внешних деталей, но на выражения лиц. Это наиболее благоприятный случай для искусства, когда есть некоторые ограничения. Второй случай — это у нас. Выражение — казенное, остается только выписывать и разрисовывать костюмы. Не случайно в книжке «Как мы пишем» 20 или

30 советских писателей говорят только о том, как они выписывают, отделывают, бормочут, читают вслух, повторяют по многу раз одну фразу. Это и есть формализм — вырождение искусства. Третий случай — XIX век — приводит к дилетантизму и тоже к вырождению. Четвертый случай — философия у нас. Здесь даже о платье не приходится думать, все готово.

Чем здесь так плохо? Я нахожу множество причин, наконец последняя — я сам плох. Но, придя к этой, уже последней причине, я увидел: я сам плох, потому что здесь плохо. Причина этой мерзости ускользает от меня, как сон при пробуждении. Если же этот круг в цепи причин неизбежен при некотором способе исследования, то где здесь погрешность? И в чем мерзость?

19 августа. Я могу различно составлять цепь причин: плохо, так как есть неудобства. Но если бы не было института, неудобства не так страшны. Но если бы здесь были Т., М. и др., институт не так страшен. Но если бы я хорошо работал, и отсутствие людей не так страшно. Но я плох, потому что здесь плохо — неудобства и пр. — круг замкнулся. Я могу и иначе составлять круги причин. Что же плохо?

Неосуществленные возможности.

Полтретьего ночи я вышел на дежурство[34] и ощутил радость ночного бдения или раннего пробуждения, как это было очень давно, когда я зимой в шесть утра уходил на службу. Это состояние неба, ночи и молитвы.

Недавно утром подумал: неиспытанное и утерянное ощущение прелести женского тела. Я сразу же сформулировал промелькнувшее ощущение, но теперь понял: это ощущение — воспоминание того, что могло быть и не было. Я здесь буду различать: предчувствие того, что может быть, предвкушение, испытание, воспоминание того, что было, и воспоминание того, что могло быть и не было, и последнее не воспоминание того, что было, и не воспоминание предвкушения, но раньшее воспоминания предчувствия. Предчувствие еще не осуществлено, тем более воспоминание его, но здесь есть реализация сейчас: это не сожаление о том, что могло быть и чего не было, но именно ощущение его с е й ч а с как того, что могло быть и не было.

24 августа. Иногда у меня появляется отвращение к вычислениям. И это не потому, что я плохо вычисляю, а потому, что есть что-то неприятное и плоское в числах — скелет мира.

26 августа. Мне нравится сейчас читать стихи Введенского, как раньше играть Баха, — разгадывать иероглифы.

27 августа. Сижу не за столом, а за кроватью на опрокинутом боком табурете, так как стол залило: протекает крыша. Еще обваливается печь, ветки промокли, дров нет, холодно. От всего этого жизнь делается нереальной: не то — тот свет, не то — по дороге на тот свет. Да и тот свет какой-то скучный — ад, который посетил Одиссей. Здесь уж действительно только «сон — дневных трудов награда»[35].

Показал М. — первому[36] — первую часть этого дневника. М. сказал, что дневник будет пользоваться успехом, но мои вещи отталкивают своей убедительностью или деспотичностью.

Я никогда не писал в расчете на читателя, читатель — дурак. Но это его право. Он устал от гнета. Некоторая мудрость дурака: меня и самого иногда раздражает принудительность моих вещей, и уже давно я хотел написать неторопливое, спокойное повествование по философии и назвать его «Перед принадлежностями чего-либо». Что-либо — это некоторый храм, вступая туда, я чувствую свою ничтожность. Но я его создал, и здесь всякий, кто поймет его, будет его творцом. Я играл Баха, разгадывал в его партитах иероглифы и, разгадав, испытывал радость и чувствовал себя их творцом. Читая стихи Введенского, я испытываю то же. Здесь неважно, кто написал. Есть законченные вещи, удивительные построения, соседние миры, и когда я проник в них — я их творец, кто бы их ни создал. Это значит: приходит Бог. Но ты скажешь: меня не стало и пришел Бог. Но теперь я интересуюсь самим собой. Где я, и что во мне **я сам**. И здесь тоже, может быть, я приду к отречению и к Богу, но это уже через себя. Может быть, так: вот соседний мир[37] и Бог, и вот я, и вот еще третье: некоторая погрешность. Некоторую погрешность я увижу и в мире, и в себе, и в отношении: я и Бог. Но вот опять схемы-иероглифы, контрапункт. Остается одно: в убедительности и абсолютности есть погрешность. В личном праве — тоже погрешность, и притом большая, ведь это Чайковский, Бальзак.

В искусстве и философии: пусть эта погрешность будет темой. Она может быть изложена в иероглифах — принудительная необходимость и убедительность отталкивают меня, погрешность станет системой. Некоторая же субъективность — я буду исходить из личного — уничтожит самую погрешность — некоторое неравновесие. Я найду в себе некоторую часть, и она станет целым. Я найду мост от себя к системе. Но, перейдя мост, я остановлюсь в недоумении: система или личное? Остается одно: я ничего не понимаю. Что-либо — некоторый храм. Перед принадлежностями чего-либо — это преддверие храма. Здесь нет еще принудительности: я могу поступить как хочу. Может быть, эти записки и будут Принадлежностями. Они несовершенны, но иными они и не могут быть; преддверие еще не храм.

15 сентября. В детстве, когда мы жили на даче, я очень не любил, когда кто-нибудь проходил через наш сад. Когда мы приехали в Петерс-[illegible]ле*, для меня было большим разочарованием, когда я увидел, что наш сад с одной стороны не обнесен забором и прямо выходит в поле. Это ощущение границы, окружающей меня, спасающей, осталось и сейчас. Боязнь мира или жизни и некоторое отвращение к ней. В отношениях к женщине — некоторая брезгливость. Пристрастие к уборным, может быть, отсюда же. Д. И. заметил раз, что люди, у которых есть приметы, не вполне равнодушны к уборным, с уборной всегда связаны какие-нибудь приметы. В уборной я любил сидеть еще недавно и чувствовал себя там спокойнее и увереннее. Только во время войны я разлюбил уборные, особенно во время тревог: я боялся, что там меня скорее настигнет бомба. Вообще чувство безопасности, то есть страх смерти, проявляется в стремлении к ограничению — материальному — забор в саду, к предосторожностям-приметам, но как это связано с уборными, не понимаю, хотя точно знаю, что это так. Одно время в уборной я чертил на стене гвоздем воображаемый стеклянный корабль, герметически закрытый, в котором предполагал жить. Сама уборная была для меня этим кораблем. Но это относится только к своей убор-

* Место не установлено.

ной. Еще в этом чувстве предосторожности присутствует ощущение своего: свой сад, своя уборная, свои приметы — ведь чужие для меня недействительны. Может быть, понятно, почему уборная относится к этой категории: ведь там я занят делом, абсолютно своим.

16 сентября. Вчера перед сном при произнесении обычной формулы мелькнула мысль о чем-то хорошем, что могло быть и не было и что было, но уже не будет, во всяком случае, в такой же степени, и о страшном. Но сразу же подумал: не так страшно: mors sanat,* то есть смерть избавит. Это, кажется, в первый раз почувствовал смерть как избавительницу. Несмотря на страх смерти, бывало и так, что ощущал ее как облегчение от боли, как успокоение, но сейчас — как какое-то распутывание всех сложностей, устроение, порядок. Я не понимал, как это старики иногда ждут с нетерпением смерти. Но теперь мне представляются две системы: жизнь и смерть, и еще возраст — некоторая равнодействующая между жизнью и смертью. Каждый определенный возраст — равнодействующая с перевесом жизни или смерти, и вот наступает некоторый возраст, когда смерть начинает перевешивать жизнь. Может быть, так: первое совершеннолетие — это 7—10 лет, когда впервые возникает мысль о смерти. Для меня — с 9 до 19 лет — все это время окрашено совершенно безумным страхом смерти. Может быть, я не нашел здесь необходимой равнодействующей. Второе совершеннолетие — под 20 лет. Третье — 30—33, и здесь, может, полное равновесие. Четвертое — под 40 лет, смерть начинает перевешивать жизнь.

Еще снился сон об удаче. У меня было испытание на удачу, и я его выдержал. Испытывавший меня и я были некоторой системой удачи. Испытание удалось. Затем была вторая система удачи. Это тоже было испытанием удачи, но здесь было уже больше вероятности удачи: я был здесь посредником, и моя удача перешла на третьего, он был уже почти гарантирован в удаче, и я сказал ему: у вас возраст удачи, вы нашли совершенную равнодействующую между жизнью и смертью и вам нечего опасаться. Он, этот совершенный удачник, был небольшим бронзовым болванчиком в тележке на рельсах. В каком бы направлении его ни толкнуть, он откатывался на небольшое расстояние и затем возвращался на прежнее место, при этом кланялся и движения его, всегда одинаковые, выражали удовлетворение и благоприятствующую ему судьбу.

17 сентября. Об очевидности. Последняя инстанция для проверки истинности, последний критерий — очевидность, причем очевидность одна и та же и в случае истины, и в погрешности. Очевидность изобретения или озарения доставляет наибольшую радость и чаще других ви-

* Смерть лечит (*лат.*).

дов ее бывает обманчивой. Сама по себе не может быть проверена и нуждается в другой очевидности и в проверке. Но что это? Вдруг все становится ясным и понятным через какую-то подробность в общем. Блеснет истина, ложь ли, но на мгновение все займет свое место и будет небольшая погрешность — некоторая подробность. И это озарение будет одинаковым и в случае истины и лжи. Но что здесь истина и ложь? Очевидность, явившаяся в озарении, дает начало некоторой системе, и если она истинна или не вызывает сомнения, то, по-видимому, все благополучно. Если же найдется ошибка и система будет ложной, причем ошибка именно в том, что казалось раньше очевидностью, как быть с нею ⟨системой⟩? И здесь я вижу две возможности. Первая: истинная система и ложная оказались помимо очевидности озарения. В озарении же была другая система — арациональная[38], истина же и ложь относятся к рационализации этой системы. Вторая: ложная система, основанная на некотором озарении или, лучше, интуиции, ложна только по отношению к другой, истинной, системе в той же интуиции, они обе взаимно ложны, но сами по себе истинны. Различие двух этих возможностей в том, что в первой ложь допускается внутри системы, то есть имманентная, во второй же — внешняя — по отношению к другой системе. Если есть имманентная ложь, то должны быть логические законы имманентной истины, то есть непротиворечивость некоторых положений в одной системе. При внешней лжи придется различать несколько случаев: одна интуиция и несколько систем, удовлетворяющих ей. Здесь несоответствие будет только кажущимся. Одна интуиция и несколько систем, причем в некоторых будет имманентная ложь, то есть они не удовлетворяют своей интуиции. Это близко к первому случаю. Ложь здесь — противоречие своей интуиции. Две интуиции о том же самом и две системы. Здесь тоже несколько случаев: две совместимые интуиции — виды совместимости: иррациональная совместимость интуиций — их различие в индивидуализации одной интуиции. Или же две индивидуальные интуиции, несоединимые, но совместные, как два различных цветка, то есть несравнимые, а потому и совместимые. Или же одна интуиция войдет как часть или некоторый момент в другую. Во всех этих случаях противоречие кажущееся. Если же интуиции несовместимы, то противоречие неустранимо. Противоречие неустранимо и при узких интуициях; интуиция может быть деспотичной в двух отношениях: допускает другие интуиции как свои моменты или же (узкой) — не понимает и не допускает никаких других интуиций. Во всех этих случаях кроме очевидности интуиции предполагается еще другая, более специальная очевидность: проверки, соединения, непротиворечивости.

Первоначальная мысль, которая мне пришла, когда я нес воду: думал о числе возможностей в одном случае, я вдруг все понял, вспомнил об одной подробности. Это была интуиция озарения, когда уви-

дал одну, не замеченную раньше подробность в общем. Но, обдумав, я увидел, еще не дойдя до дома, что допущена ошибка. Тогда я подумал: что же значит эта очевидность? Ведь только что все было ясно. Тогда мне показалось, что так как очевидность — последний критерий, то, может быть, одинаковое право на существование имеют и истинные, и ложные системы и нет никакого, кроме имманентного, различия между истиной и ложью? Может быть, запомнив и обдумав последнюю интуицию, я бы устранил те случаи, которые сейчас считаю истинными и которые противоречили этой интуиции, а оставил бы те, которые сейчас считаю ложными, но соответствующими этой интуиции? Так что нет никакого принципиального различия между истиной и ложью, кроме имманентного.

18 сентября. Недавно встретил Н.И.[39] в институте и сразу же о продуктах — что привезла. Довольно противно. Отчасти это намеренно: я стараюсь изображать больного брюзжащего старика, думающего только о болезни, неудобствах и питании. Иначе кто же я? Это уже больше 25 лет, но в городе моя личная жизнь скрыта, а здесь на виду. Здесь я особенно сильно почувствовал свое положение — инородного тела в системе. Отчасти это будет всегда: о чем мне говорить с Н.И.? Это совсем не от пренебрежения. Это дешевка, считать себя выше других, непонятым, вообще высокомерие. Больше или меньше — все это одного масштаба, а я инородное тело. Может, главное, почему мне неинтересно с Н.И., потому что она неверующая. Может, это главный критерий. Хороши ли они или плохи, умны или глупы, лучше или хуже меня эти неверующие интеллигенты и полуинтеллигенты — все это мне абсолютно безразлично и неинтересно, и уж конечно я предпочту им нашего хозяина, хотя он и удивился, как быстро истлела на нем рубаха: только два месяца, говорит, не менял ее, очевидно и не мылся, а истлела.

Это одна из узких интуиций: неверие. Может быть сильная или слабая вера, может быть сомнение, переходы от веры к неверию, искушения, отчаяние, что угодно, но когда человек определенно решит: никакого Бога нет и думать об этом нечего, и успокоится на этом, то он перестанет даже быть человеком, вообще существом или сущностью в аристотелевом и схоластическом смысле. Я допускаю даже человека, который не верит и не может поверить, но не успокаивается на этом. Наконец просто: интерес к вере, не этнографический или какой-либо другой научный, но личный — хотя бы какое-либо любопытство и самое смутное ощущение чего-то близкого себе во всем, что касается веры и Бога, человека, пусть неверующего, то есть считающего себя неверующим, но который, услышав слово «Бог», насторожится: просто чувствующего, что в этом есть что-то интересное и значительное. Вот это главное: интересоваться и чувствовать значи-

тельность всего, что имеет отношение к вере и Богу, — это уже вера и то, что отличает человека не от животного даже, а вообще от живого существа. Неверующий, то есть не интересующийся верой, ниже не только животного, но даже растения, даже камня, если он имеет какую-либо индивидуальность. Может быть, вера или отношение к вере — это уже вера — и есть индивидуальность. Сомнение отличает человека от животного. Я верю и сомневаюсь, животное просто верит в Бога. Скворец, который пел, кричал, махал крыльями от избытка сил, молился, благодарил Бога за жизнь. Он верил без сомнения. А человеку свойственно верить с сомнением. Степень и качество сомнения отличает одного человека от другого. Так что вера с сомнением — видовое различие человека, а определенная степень и качество сомнения и веры — индивидуальное. Отсюда же следует еще некоторое пренебрежение, иногда же и непроизвольное отвращение к науке. И вот, по полному отсутствию этого отвращения к науке, по научному высокомерию, по некоторой интеллигентности сразу же можно определить неверие и отсутствие интереса к вере. Это только некоторое отвращение к науке, так что можно быть и ученым, и обычно ученые скорее верующие, но в какое-то мгновение вдруг почувствовать первородный грех науки, мерзость всякой научности. И скорее всего, это бывает именно у тех, кто знает свое дело, а не у интеллигентов, полуинтеллигентов и научных работников.

Вера — это стиль человека. Неверующие — люди без стиля, то есть без индивидуальности, то есть просто не люди. Лучше быть гонителем веры, лучше быть мерзавцем и подлецом, для них есть еще какие-то возможности, чем равнодушным к вере, — этим уже ничего не остается. Но может ли нравственность совмещаться с полным равнодушием к вере? Я думаю, нет. Нравственность окажет влияние на характер жизни, направит интерес к оценке, к долгу, к нематериальным ценностям и поневоле — к вере. Но я не смешиваю мораль и веру. Нравственность, может, облегчает путь к вере, но вообще это другое и деление людей на нравственных и безнравственных неинтересно, на верующих же и неверующих — необходимо. Может быть, только случайно нравственность облегчает путь к вере, то есть здесь есть случайное совпадение.

19 сентября. Индивидуальность — различие ли сущности или видовой особенности? Иногда мне кажется, и исторические эпохи, и люди — повторение одного основного прообраза, индивидуальность же — некоторая подробность. Около тысячи лет тому назад Элоиза писала Абеляру и чувствовала так же, как и сейчас чувствуют. Она отличается от какой-либо современной женщины не больше, чем одна современная женщина от другой.

Другой пример: может быть, каждый проходит через болезнь — религиозность, но хорошо тому, кто прошел ее в молодости — до вто-

рого совершеннолетия (19—20 лет), он тогда получит иммунитет на всю жизнь.[40] Но кажется, даже Кант сочувственно относился к Французской революции, значит, он не прошел этого в молодости. Но Платон, может, лучше всех понял революцию: это стоглавая гидра, которая, когда пожрет всех, начинает пожирать себя и так кончается сама собой. Это интуиция революции, нельзя ее так понять извне, только как наблюдатель, если же сам был болен этой болезнью, можешь понять всю ее мерзость. Так что и здесь: различие между людьми — когда́ прошел через эту болезнь, и если до совершеннолетия, то останешься жив и здоров на всю жизнь и получишь прочный иммунитет, но если болезнь затянется и после совершеннолетия, то или станет человек инвалидом на всю жизнь, или оставит она следы и не будет прочного иммунитета. Чтобы понять что-либо, надо самому стать этим, и если это произошло до совершеннолетия, то и стал, и понял, и отверг. В противном случае не могу понять всю эту мерзость, значит, могу заразиться.

Если же во всем один прообраз, тогда соблазны: соседние миры, вестники, контрапункт. Это соблазны. Бог дал мне один прообраз человека или, вернее, Богочеловека, я же проявляю праздное любопытство к соседним мирам и вестникам.

Найдены некоторые отношения. Они будут непосредственными, то есть как бы первые, и названы просто знаками $\begin{matrix} 0 & \infty \\ т & р \end{matrix}$. Затем найдены некоторые свойства этого квадрата отношений и это названо*: $\begin{matrix} \leqq & \geqq \\ ч & п \end{matrix}$. Но затем, если сравнить эти два квадрата, их отношение, то найдется третье, что будет в основе этих двух. Так что первое или что-либо непосредственное, что будет первым и основным, затем — его признаки или свойства, и тогда третье — его сущность, что окончательно и станет первым, а первые два — его схемами или отображениями, и первое названо явным, второе — замыканием и третье — явлением явного. Это некоторый метод исследования, например: склонность к революции — явное, рассматривая же это как болезнь и привлекая возраст, я перехожу к замыканию, прообраз же с индивидуальными подробностями — явление явного.

Может, явное — то, что наблюдалось, замыкание — связь наблюдаемого**, явление явного — причина? Нет, причина не станет наблюдаемой и явной, и здесь что-либо заняло постоянное место, и что-либо придуманное — причина выдается за реальность. Реальность ускользает, как только назовем ее причиной. Там же реальность не названа, и не может быть названа, и недостижима, но присутствует всюду. Также замыкание — не установление связей, но создание некоторых новых

* Знаки в верхних вершинах квадрата воспроизведены по оригиналу.

** Так в рукописи.

отношений. Так что будет цель и творение вместо причины и живое вместо мертвого.

Хотел бы я пользоваться успехом? Во-первых, я хотел бы отдохнуть. 25 лет занимался тем, что мне противно. Сейчас не хочу никакой деятельности, кроме своего писания, книг и музыки, а для этого нужны деньги, значит, успех. Во-вторых, я хотел бы. В-третьих, не хотел бы.

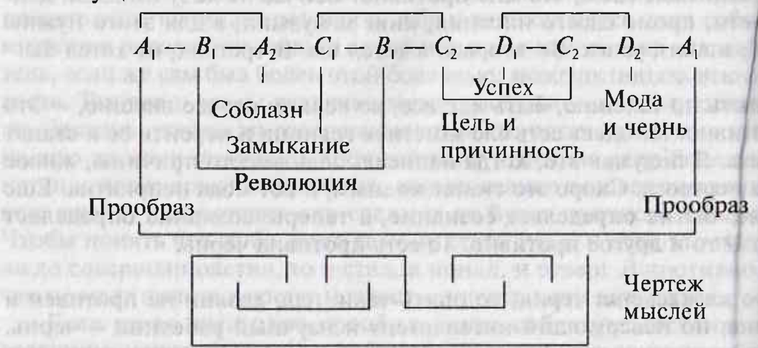
Плыть по течению, быть как все, во всяком случае внешне, — это не противно. Но здесь есть еле заметная граница и перейти ее и станет мерзость. Я подумал это, когда написал: цель вместо причины, живое вместо мертвого. Скоро это станет модным, и вот мода неприятна. Еще недавно: бытие определяет сознание, а теперь: сознание определяет бытие. И то и другое противно. То есть противна чернь.

Что же касается черни, то опять-таки: наш хозяин не противен и не чернь, но неверующий интеллигент и научный работник — чернь. Тот, кто не знает хорошо своего дела, — чернь. Но опять-таки, что значит: не знает хорошо своего дела? Если он не знает никакого дела и презирает дела́, если он празднолюбец — это уже не чернь. Но что значит празднолюбец? Если он не серьезный, убежденный празднолюбец, как в какой-то комедии у Островского, а просто не любит работать, даже думать, просто ограничен, то и это противно и он принадлежит к черни. Но и здесь можно сказать: вот человек — убежденный скептик, и он считает поэтому себя выше других, и он тоже убежденный празднолюбец — и все же это чернь. И вот другой — ограниченный в своих способностях, без всяких претензий, празднолюбивый или нет — все равно, но тихий и незаметный, и это уже не чернь — «блаженны нищие духом».

Установление связи мыслей — не элементарно-логической и не психологической — вот что меня интересует. Не логической значит: не прямой. То есть неприятны убеждения, логические доводы. Не психологической значит: не простая смена мыслей, но некоторый выбор, значит некоторая цель и некоторая убедительность. Пусть будет несколько рядов. Один из них — логическая последовательность. Каждый — психологический ряд: смена мыслей. Но теперь я из всех этих рядов выбираю отдельные подробности и составляю новый ряд и в нем уже будет некоторая убедительность, не логическая и не психологическая. Этот ряд должен быть иррациональным прообразом всех рядов — и логических и нелогических — каждое отдельное рассуждение не будет доведено до конца. Убедительность — в сравнениях и сопоставлениях.

Индивидуальность — сущность или видовая особенность. — Пример: революция. — Если второе, то возможность соблазнов. — Метод

замыкания. — Пример: в исследовании революционных склонностей. — Цель и причинность. — Успех. — Мода: цель или причинность. — Чернь. — Связь мыслей: логическая, психологическая, основная — сущность.

23 сентября. Век демократии: дешевые книги, дешевые мысли, общедоступность. Плохих сапожников заменила машина, но хорошие сапожники остались, их не может заменить машина. Куда же делись плохие сапожники, ведь все они не могли стать рабочими, машина сокращает число людей, занятых физическим трудом? По-видимому, они занялись интеллигентным трудом и стали плохими врачами, плохими математиками, писателями и музыкантами, и это значит — понизили культурный уровень. Плохой сапожник, который раньше между делом сочинял песенки, годные для домашнего употребления, когда его вытеснила машина, пошел в композиторы. Это и есть демократизация.

25 сентября. Снилась Т. Она была жалкой и неприятной, похожей на С.[41] И во сне же подумал: когда снится жалкой и неприятной, значит, любишь, это у меня всегда бывало. При этом, кажется, увидел Т. такой, какая она есть, то есть самой красивой.

28 сентября. Раньше, когда я слышал: вот такой-то настоящий ученый или философ занимается своей наукой и ничего не знает, что кругом происходит, то думал: какой же я философ, все время ненавидел их, вернее, чувствую омерзение и жду. Но, должно быть, так и надо относиться к подлости, низости и глупости — с омерзением. А может, и не так. Ведь тогда и к институтской мрази надо относиться с омерзением, а их надо не замечать, я иногда даже вступаю в пререкания с ними — это глупо и стыдно. Но, вообще, здесь другое: должно ли быть в философии личное или нет? И как совместить «Принадлежности» с «Соблазнами»? «Принадлежности» я не очень уважаю — это низкий стиль, «Соблазны» же не очень люблю.

Я очень много думаю сейчас о Т., и мне неприятно ее последнее письмо. Я не хотел бы, чтобы Т. думала обо мне плохо. Если когда-либо выйдут эти «Принадлежности», я подарю их с надписью: Тамарочке (1) — вдохновителю и участнику этих «Принадлежностей» ее старец и поклонник.

29 сентября. Символы первого и второго рода. Первого рода — крест, прекрасная дама, второго рода — им может стать любое. Например, Чехов — «Три года» — непонимание, шокирует. Символисты не заметили символы второго рода. Символы же первого рода часто искусственны и нарочиты и слишком неопределенны. Символы второго рода лучше называть иероглифами, как предложил Л. Общее между символами и иероглифами: и те и другие предполагают что-то за явным. Различие: первые находят некоторые категориальные отношения между явным и символом: причина, субстанция, цель, но к трансцендентному нельзя применять категории. Иероглиф же вне категорий — это не причина, не цель, не субстанция явного — это само явное, освобожденное от некоторых условий времени и общей связи. Явное и то, что за ним скрыто, — одно; только благодаря времени мы не видим того, что за явным. Небольшой сдвиг соотношений, некоторое нарушение обычных связей и главное — изоляция: вырвать из общей связи явлений и тем самым немного освободить от закона времени — для этого и сдвиг, и нарушение — вот что иероглиф.

Ин. 1, 17. «...Благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа». Высшая мудрость не безлична, поэтому обязательна вера в Христа. Можно ли любить и молиться Богу, если бы одно из Лиц не было бы Лицом?

1, 18. «Бога не видал никто никогда: Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил». То есть Он явил Бога? Сделал Его явным? Если так, то только через Христа можно увидеть Бога.

1, 29. «Берет на Себя грех мира», то есть полную ответственность.

2, 21. «А Он говорил о храме тела Своего». Храм тела.

2, 24. «Но Сам Иисус не вверял Себя им». Может быть, каждый человек, кроме самых ограниченных, может сказать иногда, что никому он не может себя вверить. Некоторое непонимание разграничивает, может быть, все живое, особенно же людей. Это от первородного греха разграничение, непонимание, одиночество.

3, 5. «Если кто не родится от воды и Духа» — почему от воды?

3, 18. «Верующий в Него (Сына) не судится, а неверующий уже осужден».

3, 19. «Суд же состоит в том, что свет пришел в мир». Можно ли верить в Бога, не веря в Христа? Не всякий, считающий, что он верит, — верит, и не всякий, считающий себя неверующим, — не верит. Вера,

может быть, это некоторый оттенок веры или вообще отношения к жизни, и Христос, личное отношение к Нему и есть этот оттенок. Тогда всякий верующий верит и любит Христа, даже не зная Имени Его.

Приход света и есть суд. Это уже иероглиф. Суд — действие, здесь же суд — свет. Освещение, то есть изменение некоторых отношений и связей, — это и есть уже суд.

3, 35, 36. «Отец любит Сына и все дал в руки Его. Верующий в Сына имеет жизнь вечную». Некоторая система: Бог Отец, Сын и Святой Дух. Один Бог Отец не допустил бы ничего конечного и сотворенного. Само же сотворение тоже не причинное, а внекатегориальное, как и суд — приход света. Тогда естественно, что и спасение и жизнь вечная дается тому, кто вошел в эту систему, поэтому не за заслуги, а только по вере.

4, 14. «Вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную».

Первые слова Иисуса: «Что вам надобно?» (Ин. 1, 38). Молчание. Потом странность: просит напиться у Самарянки и Сам предлагает воду живую. Ученики предлагают есть, а Он: у меня есть пища, которой вы не знаете. Нарочитое смешение воды и воды живой. Затем: одна мысль все время, почти как назойливость. Все это сразу же создает представление о некоторой призрачности, которая должна стать и есть величайшая реальность. Ведь если видимая и являющаяся реальность призрачна, то подлинная должна показаться вначале призрачной. Молчание, изолированность, неприятие миром, странность ответов, какое-то упорство в одном — все это делает Христа похожим на призрак. Но затем это упорство, напряжение, одно неизменное направление всех слов Христа и даже несоответствие ответов вопросам реализует этот призрак. Призрак, вошедший в мир, не только получил жизнь, но стал началом и жизнью мира.

30 сентября. Вчера вечером, ложась спать, вспомнил, как в Ленинграде в декабре вечером замечал, как каждый день мне делается все труднее постелить диван: трудно было поднять одеяло и со страхом думал, успею ли кончить «Логический трактат» к тому времени, когда уже не будет сил работать. И все же то время было лучше, чем теперь, и то состояние напряжения и ожидания вспоминаю сейчас со странным чувством: была какая-то страшная радость, то есть было страшно и радостно. Это до 25 декабря, когда одновременно узнал о провале и смерти Д.Д. Сейчас же так тяжело, во-первых, оттого, что ожидание не оправдалось, во-вторых же, оттого, что не знаю, кого еще увижу, и боюсь навсегда остаться один, и может, это главное, и, в-третьих, оттого, что прошел через смерть — три месяца — январь, февраль, март[42]. И следующие за этим два месяца — возвращение к полужизни — тоже очень печальная радость, и затем эта омерзительная эвакуация, и здесь мне иногда кажется, что я теряю всякий человеческий облик. И чтение

Евангелия вчера не успокоило, и в этом было какое-то лицемерие: почему же я не положу руку на плуг и зачем упорно оглядываюсь назад, когда позади уже, может, ничего и нет? Уже почти и соблазнов не осталось, что же удерживает? Только собственная мерзость. Из соблазнов же, во-первых, женщины. Но это для меня сейчас не соблазн. Значит, не удерживает. Во-вторых, еда. Но это не такой уж для меня соблазн, к тому же уже два месяца, как я сыт. В-третьих, питье. Но и это не такой большой грех и не такой большой соблазн, чтобы удерживало. В-четвертых, тщеславие. И об этом я думаю, но удерживает это еще меньше, чем водка. Остается просто некоторая низость: знаю, чтó хорошо, знаю, что надо, но не хочу решить не делать того, чего все равно делать не буду, потому что не хочется, не хочу обязать себя, то есть не хочу стать собою, не хочу думать об одном. То есть просто не хочу положить руку на плуг. Надо твердо и точно сказать себе: вот я умер и родился новый я, а со старым все кончено, — и тогда уже само собою ни о чем другом и не будет думаться и будет хорошо и радостно, но нет силы пожелать и еще чего-то жаль.

1 октября. Мои «Формула чего-либо» и «Формула несуществования» противоречат ли друг другу? И противоречит ли «Формула несуществования» Евангелию? Вот есть мир — некоторая реальность. Но уже, сказав это, я допустил погрешность. Могу ли я утверждать, что есть одна реальность? Поэтому исправлю: есть некоторые реальности. Но и опять найду погрешность: сказав — некоторые реальности — я предполагаю существующее несуществующему. Тогда скажу: есть что-либо. Но, сказав о нем **это** или **то**, снова допущу погрешность: почему **то** лучше **не того**. Тогда я выбираю какое-либо что-либо и иду от него, ограничивая от другого. Я не отрицаю другого, но ищу некоторый частный мир — частную реальность. Найдя какую-либо, я остановлюсь на ней и начну снова. Начну сначала с чего-либо и, идя дальше и ограничивая от другого, приду к другой реальности. Противоречат ли они друг другу? Они несравнимы, каждая будет некоторой полной реальностью. Какое основание предполагать, что моя система будет полной? Хорошо, если мне удастся найти некоторую реальность, но совместить все мне не дано. Что это значит? Внешне они будут противоречить друг другу. Но уже в себе самом я нахожу противоречивые состояния, откуда же мысль о полном совмещении и, значит, понимании всех реальностей? Когда я вижу какую-либо реальность — я вижу ее как всю реальность. Но может ли быть иначе? Это и значит: реальность — полная реальность. Но неполная реальность — вообще не реальность. Но между полными реальностями я все же не могу сделать выбор. Они отличаются не ок.* объемом, но силой. И еще оттенком или качеством — индиви-

* Так в рукописи.

дуальностью. Но и я сам — одна индивидуальность, нахожу в себе различные состояния, почему же реальности, которые я нахожу, должны быть все одинаковы? Они тоже отличаются силой, оттенком, качеством — индивидуальностью. Что значат такие слова, как «время», «смерть» и «бессмертие», «душа», «Бог»? Это знаки каких-то наиболее сильных реальностей. Но, может, иногда ко мне приблизятся эти реальности, если вместо «душа», «Бог» я скажу просто **это**, **то**, **не-то**, **одно** или **другое**? Может, о душе если говорить прямо, она ускользает, и, чтобы увидеть Бога, надо найти Ему другие имена, не прямые, и может быть, самые обыкновенные Ему больше пристали, чем возвышенные? Тогда надо понимать самые простые слова и находить Бога и там, где уже ничего не останется и что называем несуществующим. И где же и является скорее всего Бог, как не там, где уже ничего не осталось? И об этом хорошо говорил уже Майстер Экхарт. Так вот, я не боюсь внешнего противоречия и несовместимости, и, хотя я писал о различном, всегда, пишу об одном, и подхожу к нему с разных сторон, и то ужасаюсь, то радуюсь, трепещу, уничтожаюсь, удивляюсь, возвеличиваюсь, прихожу в отчаяние, восхищаюсь. Вижу его величие и пустоту, богатство и бедность, полноту, жизнь, уничтожение, ничтожество, силу и мощь, вижу его как существующее и несуществующее, и за ним — Бог. Относительность ли это, релятивизм? Признавая различные реальности, признаю ли множественность самостоятельных реальностей, какую-то множественность миров? Нет, за тем, что я вижу, — один Бог. Но что мне сказать о Нем прямо? Что надо было сказать прямо — сказано в Евангелии. Поэтому я ищу Его непрямые имена — знаки, приметы, улики Бога — знаки Его знаков. И то, что мне не совместить, я не стану считать несовместимым для Бога. Я не могу уже совместить некоторые знания с верой, я не могу совместить Бога с человеком, но тем сильнее я верю в Богочеловека, в этом и сила веры — она побеждает рациональную очевидность, но, если бы все было очевидно и понятно, не было бы и веры — мир опустел бы, просто ничего бы не было.

2 октября. Люблю ли я Россию? Вопрос неясен. Я люблю Ленинград. Люблю ли я русских? Опять вопрос неясен. Чашинцев я не люблю. Но, хотя я ждал, я предпочитаю русского полицейского немецкому или английскому, и может быть, даже русского милиционера. Мне неприятно было бы видеть на перекрестке в Ленинграде немецкого или английского, хотя бы он и был вежлив, и я предпочел бы русского, даже если он хам. Люблю ли я русского мужика? Наш хозяин мне нравится, особенно же старик, который к нему приходит, но их свинская жизнь в одной избе, чуть не десять человек, лежащих на печи, фамильярность, влезание в душу, какой-то естественный коммунизм — все на виду у всех, отсутствие потребности в одиночестве — это мне противно. Я не нашел то, что называли русской душой, может быть, то, чем пугали Гоголь, Достоевский, — нелепый бессмысленный хамский бунт — совершилось и ничего больше не осталось. Но может, я не заметил другого. Люблю ли я еврея? Я люблю Библию, люблю некоторых евреев, иногда нахожу в них особое понимание, отличное от русских, так же как русский понимает многое, чего не поймет немец или француз. Но русского предпочту немецкому или английскому еврею. Между русским же и русским евреем выбора сделать заранее не смогу. Люблю ли русский язык? Да. Больше ли других языков? Да. Люблю ли русскую литературу? Да. Больше ли других литератур? Да. Мне кажется даже, что уже сто лет или больше есть только одна литература — русская, на Западе же — отдельные крупные писатели и очень немного гениальных — Гамсун и еще один или два, и еще несколько талантливых. Чего во мне больше — русского или еврейского? Не знаю, самому ответить на это трудно, еврейского языка я не знаю, но, может быть, во мне много даже жидовского, сам я не могу ответить на это. Иногда мне кажется, что еврейское и русское отчасти нейтрализовали друг друга и, особенно из-за изоляции, в которой я нахожусь уже 25 лет, я стал всюду и для всех каким-то инородным телом.

Есть статья, исследование, трактат, записки. Первая мне чужда, это вне стиля и вне индивидуальности. В статье обязательна общедоступность, статья демократична и поэтому скучна или противна. Последние же три — индивидуальны. В исследовании и трактате я буду избегать личного и руководствоваться только индивидуальностью предмета. Если же и обращаюсь иногда к себе, то только как к некоторому объекту, иногда же это прием. Так что всегда здесь индивидуальность предмета, но и в себе я могу найти что-либо предметное или объективное. Еще в исследовании или трактате должен быть высокий стиль. Что же касается записок, то я не знаю ни какими они должны быть, ни нужны ли они вообще. Но уж если писать записки, то личные, то есть не записывать просто «мысли», но сделать себя абсолютным объектом. Ведь трактат пишу я же со всей своей мерзостью. «Мысли» же— это опять что-то безличное и демократичное. Разговоры Гете с Эккерманом скучны, а «Исповедь» Руссо или «Опавшие листья» Розанова — интересны.

Кончается эта записная книжка — «Чаша III» — и скоро кончается жизнь в Чаше. За эти год и два месяца я обнаружил в себе новую мерзость — какой-то неисчерпаемый источник мерзости. Что произошло? Произошло, может быть, полтора года тому назад, когда я прошел через смерть: январь, февраль, март. Я потерял в себе что-то. Что? Я не могу этого назвать, просто я не знаю. Может, это некоторая вера в себя, может, образ и подобие Божие. Что-то случилось, и прошлое невозвратимо. Почувствовал я это не сразу, вернее, сразу, но сейчас — иначе. Я представляю себе это зрительно. Я потерял часть себя, сморщился. Те-

перь я восстановился — тот же объем и внешне я такой же, а сам вижу: внутри половина пустая. Мерзость запустения.

Аксинья* сейчас приятнее обычного. Большинство людей в горе приятнее, чем в радости, только немногие в радости приятнее. Это не значит — лучше, и не нравственная оценка. Это от благодати. А то, что большинство в горе приятнее, — от первородного греха.

5 октября. Сон. К моей старой палке приклеена ручка. Какая красивая палка, говорит кто-то. Я смотрю: ручка в виде головы, на голове шапка. Ну, думаю, за кепку-то держать неудобно будет, и снимаю кепку. Голова лысая — уже в натуральную величину. Кладу руку на голову и отдергиваю: голова горячая — противно. Она кланяется мне и протягивает руки. Руки тоже теплые. Это механизм, думаю я, голова-то ведь неживая, оттого и противно.

6 октября. Сегодня мне снились характеры и склонности из «Соблазнов». Мне часто снятся мысли в виде людей и вещей, некоторые задачи как будто разрешаются во сне, но отвлеченное становится там конкретным. Обычно наутро я помню только факты, но отношение их к отвлеченным вещам забывается.

Сон. Из этого сна я запомнил мало: я иду с какой-то женщиной, молодой, небольшого роста, худой, с ребенком. Проходим мимо какого-то дома. Затем мы на концерте. Д. И. распорядитель. Он усаживает нас, но места неудобные, ничего не видно. Разочарование — важно было самому найти места. Ребенка убрали, моя спутница забывает о нем и заводит флирт с соседями. Получает записки. Один пишет: от 11 час утра до 6 вечера жду вас там-то. Другой: от 6 вечера до 11 утра жду вас там-то и др. В это время нянька подошла к дому, мимо которого мы проходим. Хозяйки (моей спутницы, должно быть) нет. Нянька бежит домой — и дома хозяйки нет. Нянька возвращается — хозяйки нет. Мне это кажется очень смешным. Я просыпаюсь и понимаю, что сон не закончен, но вижу связь его с «Соблазнами», а то, что нянька не находит хозяйки, кажется мне настолько смешным, что я продолжаю смеяться, уже проснувшись.

7 октября. В нравственности есть некоторые положения очевидные, как геометрические аксиомы, и убедительные, как теоремы.

Первое положение. С нравственной точки зрения я могу оценить только свой собственный предполагаемый, а не совершенный поступок. Разобраться правильно в мотивах уже совершенного поступка я не все-

---

* Личность не установлена.

гда могу, но что мне надо сделать сейчас, как поступить, это я знаю. Погрешность: бывают случаи, когда и относительно себя не знаешь, как поступить, например две обязанности или два долга по отношению к двум лицам: исполнение одного нарушит долг по отношению к другому. Случаи сомнения.

Первая аксиома: нравственной оценке подлежит только мое решение и только в тот момент, когда я его принимаю.

Из этого следует:

Второе положение. Совершенные мною поступки принадлежат к прошлому и, значит, не относятся ко мне. Но не прямо: некоторые внешние прошлые события я отношу к себе, и поэтому и они принадлежат, если не прямо, то косвенно, к области нравственного суждения. Пусть это будут приблизительные нравственные суждения, или суждения второго порядка. Здесь не может быть точности, как в нравственных суждениях первого порядка. Погрешность же может быть трех родов: переоценка своих прошлых поступков, равнодушие и недооценка, и найти надлежащий средний путь почти невозможно.

Вторая аксиома: чужие поступки и чужие решения не могут сделать меня ни хуже, ни лучше, не могут оказать влияния на мое нравственное состояние.

Третье положение. Чужие поступки меня не касаются. Но все же я отношу их к себе еще более косвенным образом: ставя себя на место совершающего поступок или на место лица, к которому относится совершенный поступок. И здесь возможны приблизительные нравственные суждения, и они будут третьего или четвертого порядка. Когда я одобрил нравственный поступок и у меня есть сочувствие к пассивной стороне, то, если он не доставит последней удовольствия, порядок суждения будет равен трем, а если доставит — четырем, потому что в этом случае при оценке, может быть, участвовала моя пристрастность — я ставлю себя на место пассивной стороны. И подобно этому, когда есть сочувствие к активной стороне и когда осуждаю: пристрастие уменьшает точность нравственного суждения. И если нет пристрастия ни к той, ни к другой стороне, то точность только третьего порядка, не выше. Погрешность: чрезмерный интерес к нравственной оценке — лицемерие. Недостаток же интереса — формальность. Страсть к осуждению: лицемерие и фарисейство.

Четвертое положение. Чужие поступки, направленные на меня, еще меньше касаются моего нравственного состояния. Поэтому лучше всего не замечать их. Но косвенно я отношу их к себе. Если у меня есть пристрастие к активной стороне, то если поступок доставит мне неудовольствие, то точность нравственного суждения не выше пятого порядка: мне неприятна не сама неприятность, а предполагаемая безнравственность поступка. Если же доставит удовольствие, то шестого — к ступени добавится пристрастие. В случае же неприязни, если будет удо-

вольствие, то оценка шестого порядка, а если не будет, то пятого. В случае же безразличия — всегда шестого. Здесь трудно определить мотивы оценки. Погрешность: обидчивость или равнодушие.

Обе аксиомы, из которых вытекают эти четыре положения, основаны на непосредственном ощущении реальности мгновения: то, что сейчас совершается, — это и есть я сам, все же другое может быть сомнительным. И если я знаю, как поступить: что выбрать и что отвергнуть, то это путь нравственного суждения, но, если я не знаю, что делать, сомневаюсь и нахожусь в некотором созерцании, — это что?

11 октября. Все чаще бывает, что не хочешь личного бессмертия. Я устал от **моего** и не хочу его больше. Значит ли это, что я не боюсь смерти? Нет. Личное бессмертие противоположно безличному или другому неизвестному состоянию. Смерть только противоположна вечной жизни, той, о которой говорит Евангелие. Я хочу освободиться от ощущения **я, свое**, но что получу взамен — не знаю.

Л. сказал раз: теперь, когда бессмертие показалось лишним, может, увидим, что оно есть. Показалось лишним личное бессмертие, безличное же вообще ни к чему, но что будет третьим? Смерть же мерзка, во-первых, своей окончательностью, как говорил В., во-вторых, есть мерзость в уничтожении жизни, в-третьих, мерзость бессмысленности и бесцельности — зачем жил? При некотором среднем нулевом состоянии смерть не такая мерзость, но если некоторое среднее состояние выше нулевого, то смерть — мерзость. Может, это косвенное доказательство, намек на то, что среднее состояние выше нулевого, — этот страх смерти? Ведь если среднее состояние — нулевое, то откуда страх и отвращение к смерти даже тогда, когда в жизни не останется удовольствия и она станет омерзительной, когда хочешь от нее избавиться?

Смерть противоположна не жизни, но вечной жизни. Но наша жизнь — не укороченная вечная жизнь, как время не часть вечности, но просто не та жизнь и скорее смерть, чем жизнь.

Если раньше, когда были Т., Л., В., Д. И., О., — это было примером не вполне определенного отрицания, затем, когда осталась только Т., — пример неопределенного отрицания, то, если не будет и Т., — это уже абсолютное отрицание, и совсем страшно — по поводу отсутствия писем от Т.

12 октября. История наших[43] отношений. Л., В. и я в школе[44] не были еще так близки. Долгое время я был увлечен Л. — возвращение из театра. Затем союз Л. с В. Я — противник их. Затем — университет, ходил вместе с Л. Затем встречи у Л. с Марой[45]. Затем — глупая история[46]. Затем — убили Мару в начале января 1922 года. Надо было по этому поводу зайти к Л. Но что сказать? Соболезновать не умею, умолчать совсем — бестактно. Сказал: хуже, чем потерять хорошее, не добиться и

не иметь его никогда. Я имел в виду известную Л. глупую историю. Через день или два — похороны Мары. — Разговор с В. о курении, об ощущениях, о странных и необычных ощущениях. После этого я примкнул к союзу Л.—В. В. жил на Съезжинской, я — на Большом, Л. — на Гатчинской. Каждый день В. заходил за мной и мы шли к Л. Иногда они заходили ко мне, реже собирались у В. Тогда же появляется Т. Когда В. переехал на Каменноостровский, мы собирались иногда у него и проводили ночь в разговорах, даже без водки — тогда мы не пили еще. Иногда встречали там Т. Через некоторое время В. и я пошли на Васильевский остров к каким-то молодым поэтам[47]. Там встретили Д. И. Возвращались домой уже втроем. Так вошел к нам Д. И. Через некоторое время В. открывает З. Затем — О. Позже Л. знакомится с Д.Д.М⟨ихайловым⟩. Но З. и М. — это уже второй, не самый близкий круг. Уходят же первым — О., за ним — З. Затем арестуют Д. И. и В., нет известий от Л. (он — на фронте), уходит Д.Д., и об этом уже определенно известно, что он умер. Остались Т. в Ленинграде и я за 3000 км в этой проклятой Чаше. Но вот уже больше месяца от Т. нет писем, и это ужасно. З., кажется, в Комсомольске сейчас.

Будут ли возвращения и встречи и кто вернется?

Союзы и группировки. Первый союз — Л. и В. Затем Л., В. и я. Затем В. и X., тогда Л. и я. Союзы наши большей частью носили интеллектуальный характер, только с X. бывала настоящая дружба. В. говорил о X.: X. не создает искусство, а сам — искусство. Д. И. мне раз говорил, какую жизнь считал бы для себя идеальной (разговор в Летнем саду). Я забыл этот разговор, помню только, что на первом месте у него не стихи, но сама жизнь[48].

Но вот первое разделение: В. — X. и Л. — я. Затем В. — З., а X., кажется, с О. Затем: Л. — В. — я и X. — О. — З. Наконец, более позднее: В. — О. и X. — я. При этом настоящая дружба бывала только с X. и с ним союзы бывали, кажется, у всех: у В., З., О. и у меня, и это характерно для X. — только с ним могла быть настоящая дружба. Еще у О. была дружба с художником П. Н. Соколовым, хотя он не входил ни в наш первый, ни даже во второй круг.

Раньше я думал: если отъезд из Чаши отдалится немного — это будет даже приятно, как отдаление удовольствия и предвкушение. Но сейчас уже третья неделя, как Лида уехала[49], и мы не знаем, что будет. К тому же очень холодно. Но самое страшное, что нет известий от Т., и еще какой-то ужас в самой Чаше. Мне кажется, если бы я должен был здесь остаться и переехал бы на новую, теплую квартиру и там бы устроился, то вдруг в тепле и в устройстве стало бы так страшно, что от страха бы умер. Что страшно? — Толстой спросил: сколько земли человеку нужно? И ответил: три аршина. Чехов же возразил: три аршина

надо трупу, а не человеку, человеку нужен весь мир. Чаша — это три аршина. Опять то же самое. Разве не могу я и в Чаше жить и писать? И выходит, что не могу. Жалко жизни, чувств, мира.

Блок: Кант — этот лукавейший и сумасшедший мистик...
«Сижу за ширмой» (1903).[50]

14 октября. Получил вызов[51] и не обрадовался, как думал, а огорчился. Значит, опять служить, а пока ходить в милицию и пр. учреждения. Главное обвинение: все должны быть деловыми людьми. Я не выношу дел: ходить, узнавать, справляться, хлопотать, а сейчас и до войны еще жизнь так устроена, что без этого нельзя. Эта суета возведена в правило и в добродетель даже, и неделовым людям жить нельзя. Я както сказал: джентльмен никогда не бывает занят, в крайнем случае он только перебирает бумаги. А здесь какая-то подлая, не джентльменская, конечно, деловая жизнь. Это гос. принцип. Отвращение и омерзение к суете и делам — основание для неравенства. Ведь есть же люди, которые не имеют этого отвращения к делам и которым это нравится. Это природные организаторы и правители. Пусть же они организуют и управляют, но меня оставят в покое. Это прислуга, правда зарвавшаяся, которая помимо чрезмерного жалования требует еще и почета. Я готов ей и поклониться и уплатить, сколько она хочет, только бы оставила меня в покое. Вот мое отношение к государству и власти: я не хочу управлять, не хочу ничего организовывать, ничего не хочу знать об этом, найдется достаточно дураков и пошляков, которые займутся этим с удовольствием; оставьте меня в покое, за это я буду кланяться вам сколько угодно и платить сколько ни запросите.

Никогда не писал так долго и не думал так много, как сейчас над «Соблазнами», и много раз уже казалось, что не удается. Но сейчас вдруг сдвинулось и каждый день нахожу новые удивительные и прекрасные соотношения и удивляюсь, как это мне, такому мелкому и не очень умному, а сейчас просто омерзительному, дано увидеть столь прекрасное. Но что здесь прекрасно, не могу сказать, и то радуюсь и восхищаюсь этой красотой, то ужасаюсь и отчаиваюсь от открывшейся пустоты. Я вижу некоторую погрешность — небольшую погрешность в некотором равновесии — и в восхищении и ужасе уже не могу сказать, прекрасно ли это или пусто и страшно, потому что не осталось уже ничего моего, не осталось меня. Когда ужасаюсь, то уже не знаю чего: пустоты ли того, что открылось, или опустошения, которое оно произведет во мне. Но может, мне надо опустошиться, чтобы принять **то**? И пройти сквозь страх и ужас к восхищению? И чего пугаюсь? Открывшегося ли передо мною несуществующего, или жалко облачка, закрывавшего его, — моей жизни, меня? Может, это несуществующее — несуществующее в срав-

нении с привычным существованием, может, это вечная жизнь, противоположная смерти — моей жизни, которой жалко? И тогда она необходимо должна представиться как противоположное и несуществующее, ведь существующему одно противоположно — несуществующее. И если это — существующее, тогда **то** — несуществующее? И если в **этом** есть чувство и склонности, то в **том** — нет. Может, это и жалко: уже многого нет и умерло, и другое умрет. Во мне самом умирает и многое умерло, то что было однажды. И если и в **том** будет какое-то вечное однажды, то все же не то. Может, оно и сохранится в **том**, и, может, все прекрасно, но какое-то незначительное, но **мое** мгновение прошло, я сам только какой-то, возможно, знак прекрасной системы, знак знака ее, который должен пройти, и мне жалко, что он должен пройти. Жалко чувств, которые не сохранились, жалко потери свежести первого чувства, жалко солнечного света, который не светит уже так ярко, как десять лет назад, жалко своей молодости и всего, что прошло. И если и все хорошо и прекрасно, то мерзко все же, что что-то, что было **мною** и **моим**, должно умереть, чтобы стало **то**. Для чего бы то ни было, смерть всегда мерзость и мерзость смерть чувств. Пусть их не должно быть, и пусть хорошо, когда их нет, но их смерть — мерзость. Вот что страшно.

16 октября. Некоторое освобождение от чувств — вот общая задача и моя и В. Это условие для некоторого понимания. Освобождение Бога от чувств или извлечение Бога из чувств. Еще Кант: очистить место для веры. Но надо не только от разума, но и от всякой склонности, интеллектуальной и эмоциональной. Это некоторый сдвиг отношений. То, что было умом, пониманием, чувством, после небольшого сдвига исчезнет, и тогда откроется Бог, останется один Бог.

Писать слишком понятно и длинно для понятности — это даже невежливо по отношению к читателю, заранее предполагаешь его дураком. Надо читать и думать. Но есть длинноты из вежливости и длинноты ради стиля — это тоже из вежливости.

Вестники и их разговоры[52]

1. Вестники.
2. Новое исследование об этом и том.
3. Арифметика ангелов.

Диалектические трактаты.
1. Трактат о «Небе и но».[53]
2. О единице.[54]
3. О критерии и др.

Логические трактаты.
Контрапункт.

Сон. Мама готовит к празднику для Лиды сколопендр и уховерток, очищает их от усиков и расчленяет. Предлагает и мне. Я говорю, что не люблю расчленять — анализировать, но вспоминаю, что расчленять понятия люблю. Потом праздник, пью чай. В. тоже хочет. — Подождешь, думаю. Оказывается, чая ему не надо, он обижен, что его не привезли на автомобиле. Иду за автомобилем. Но В. уже здесь. Придется взять машину из гаража, везти к нам, потом взять В. и с ним ехать в гараж и снова к нам. Пришел в лавку, спрашиваю: выдают ли уже спички (автомобили)? Говорят, что до праздников не будут давать. Иду домой, придется В. обойтись без автомобиля. Вдруг вижу, что я без палки; вспоминаю, что оставил дома. Сзади кто-то ударяет меня палкой по ногам. Оборачиваюсь: какой-то плотный господин ходит на корточках, машет палкой. Дурак, говорю, а сам в сторону, боюсь, как бы не побил меня или не наехал. А он идет все на корточках, то машет руками, то делает какие-то знаки, то носом касается пяток. Я понимаю — приметы. Все же мне страшно. Он подошел к луже. По приметам полагается наступить на нее, даже войти в нее. Он так и сделал. И я бы так сделал, подумал я. Но он стал маленьким, тонет в луже. Я прохожу мимо. Два каких-то господина стучат палками по луже: там кто-то утонул. Смотрю за перила: там уже выскочили две женщины. А вдали — тот господин, который ходил на корточках. Зайцев, кричат они ⟨те, что стучали палками по луже⟩, вот он, потонувший.

Это начало сегодняшнего дня. Накануне же ночью — мама. [Лида уехала в Свердловск, я с мамой остался вдвоем. Ночью был разговор с мамой. А может, и никакого разговора не было, а было, как потом ночью в Пушкине на даче у Екатерины Ивановны, то есть где двое или трое собраны во имя Его, там будет и Он. Мы были вдвоем во имя Его.]

Виды любви: к отцу, и Бог — Отец небесный, к матери — чистая любовь a priori, любовь, которая есть форма (eidos) любви, к детям. Но затем: невеста Христова, Се Жених грядет, затем к женщине — выхождение из себя. [Исследования Л.][55]

БОГ

ДОРОГА 21 ОКТЯБРЯ 1943

На машине: дорога и Бог. Дорога — всегда иероглиф, сегодня иероглиф Бога.

[21.X.43 мы выехали на грузовике из Чаши. До станции Кособродск — 30 км.]

ОКТЯБРЬ 1943 — СЕНТЯБРЬ 1944
Свердловск

1943

Чего не было в Чаше? — Людей, книг, природы, последнее я понял, когда проезжали лесом. [Природа все же была, мне чего-то не хватало, чтобы видеть и иметь ее. Или, скорее, было что-то лишнее — соблазны — те, о которых я писал в «Квадрате миров» и «Числах», то есть соблазн отвлеченности; потому, может, и не было у меня природы, а не потому, что лес в Чаше был плохой. Когда летом 1962 г. я сидел в дождь на веранде и смотрел на чахлое деревцо в саду, я подумал: это чахлое деревцо дает мне больше, чем другому поездка по Крыму, Кавказу и Италии. В этом чахлом деревце я ощущал всю природу.]

22 октября. Нестерпимая мерзость. На улице ни одного лица, только страшные рожи.

24 октября. Нет любопытства к новым местам. Я — интерес. Нет еще части меня.

Сон. Различные расположения вещей по две из шести, три существующие вещи и три несуществующие.

Наивность — гениальность. Когда наступает мир? Когда солдаты начинают рассуждать наивно: зачем воевать, сто человек без ружья сильнее одного с ружьем. До последнего солдата не воюют. Когда заключают мир? Когда видят, что солдаты начинают рассуждать наивно, то есть разумно: не хотят воевать.

27 октября. Вечером приходила Вика[1] и рассказала о Т., было письмо.

Бог хранит меня — большое мгновение.

Браудо говорил[2]: мыслитель или борец. Я один, и кругом пусто — с кем бороться? М. Н. Л. Т. [3] — это я, мама, уже совсем я. И вот сейчас, уйдя совсем в себя, я почувствовал себя борцом. Я один — вот сила. Без положения, без места, без друзей, даже без своего угла[4] — это хорошо. Бог — моя сила.

28 октября. В молодости каждый немного шизофреник, например в первой любви, ведь предмет ее воображаемый и вся жизнь — воображение. Потом же глаза начинают открываться: спадают внешние оболочки, мир тускнеет, расползается, остается мерзость запустения, и если не видишь за этим Бога, то и сам мерзость — ничто.

29 октября. Я не хочу никакой должности, никакой обязанности, никакой работы, тогда буду работать. Боюсь должностей, положений, людей, разговоров.

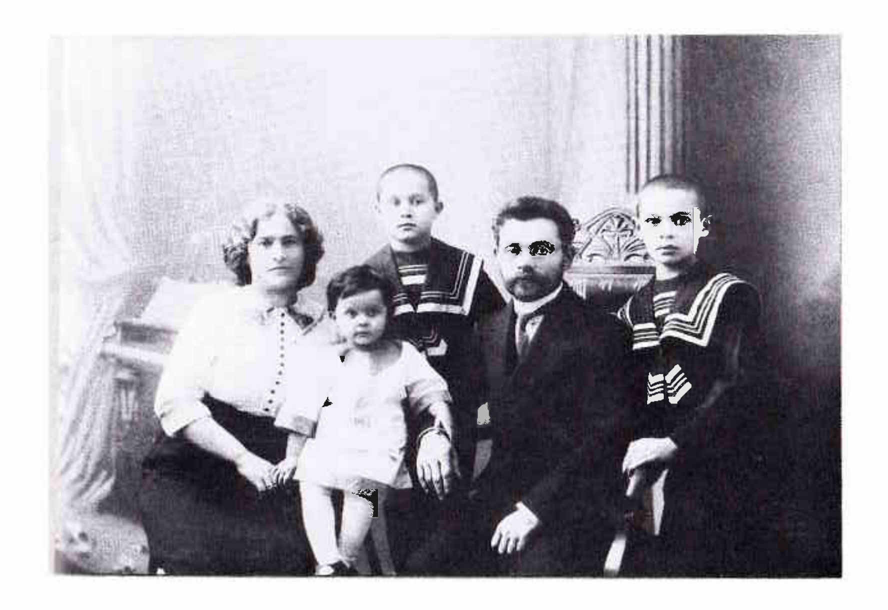
Те, кто выжили, устроились, кто не устроился — не выжил. Я не устроился и выжил. Круг сужается. Страшно подумать, чем кончится.

6 ноября. Искусство можно разделить на бестелесное и телесное, в телесном всегда будет немного Schwülstigkeit*. Чехов — телесный, Бунин — бестелесный [неверно, просто с неприятным душком].

Способ жизни, несвойственный мне. Три возможности: жизнь внешняя, телесная, женщина; жизнь ума — способ знания; жизнь идей — диалектическая. Но тогда еще жизнь переходов, сдвигов, совпадений, наложений, различие жизни внешней и диалектической. Но жизнь ума — непонятна, не лучше внешней [по-видимому, под внешней жизнью я подразумевал конкретность, экзистенциальность, иначе дальнейшее непонятно]. Совпадение внешней и диалектической жизни — они совпали, как **это** и **то**. Тогда и не живя внешней жизнью, в совпадении пережил ее. Тогда и страх или тоска, печаль и безнадежность — все значительно и радостно. Ощущение некоторой реальности, освобожденной от времени. В этом совпадении я ощущаю **есть**. Что бы ни было, **есть** — уже хорошо. **Есть** [то есть сущее и в конце концов — Сущий] противоположно смерти, убивает ее; освобождает от времени, от его тяжести, от самой временности.

Первое понятие онтологии, то есть бытие, определяется совпадением жизни внешней и диалектической, некоторый переход (1), затем — противоположность смерти (2), затем — свобода от времени и его тяжести — необходимости (3). Первое объединяет опыт в целом или лучше: опыт с не-опытом. Второе вносит некоторый **личный** момент, настолько же эмпирический, как и априорный — отвращение к смерти, третье — эстетический: свободу от времени. [Я подчеркнул «личный», то есть экзистенциальный. Объединение опыта с не-опытом, по-видимому, того же порядка: видимого с невидимым. Априорный момент в отвращении к смерти я понимаю так: не биологический страх, но — сверхъестественное. В третьем — эстетический, по-видимому в смысле Кантовой трансцендентальной эстетики.]

* Высокопарность, напыщенность (*нем.*).

Семья Друскиных. Справа Я. Друскин. 1914 г.

Я. Друскин с братом Михаилом. 1908 г.

Я. Друскин. 1920-е гг.

Л. Друскина — сестра Я. Друскина. 1927 г.

Я. Друскин. 1930-е гг.

Я. Друскин. 1940-е гг.

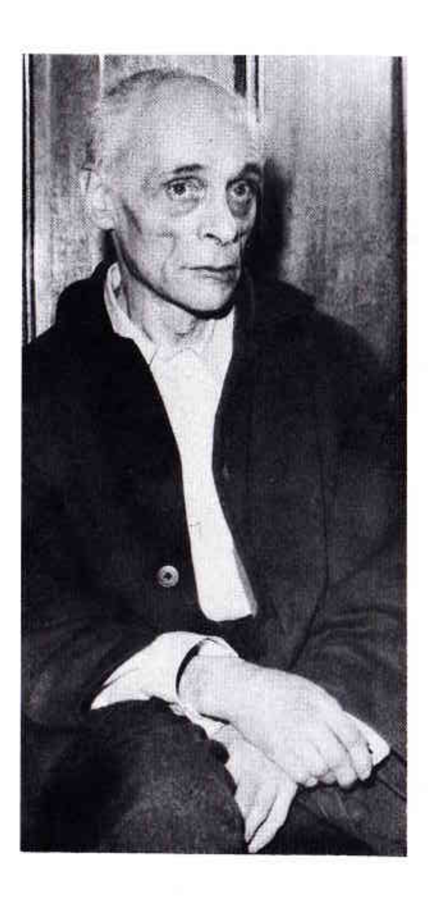

Л. В. Георг. 1921 г.
Л. Липавский. 1938 г.

Д. Хармс. Вторая половина 1930-х гг.
В. В. Стерлигов и Т. Н. Глебова. 1972 г.

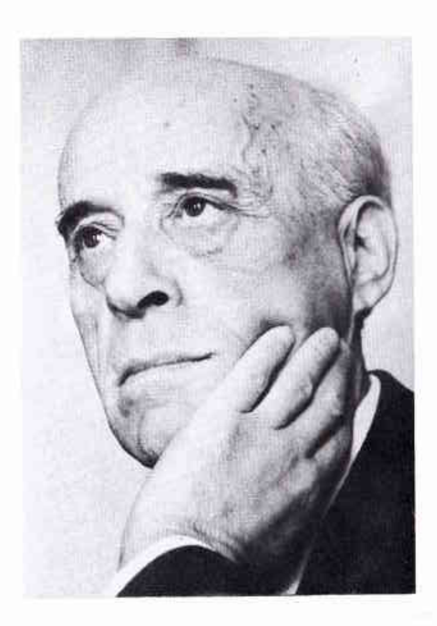

Начало 1970-х гг. Во время беседы с М. Шемякиным

Фото М. Шемякина

Начало 1970-х гг. Во время беседы с М. Шемякиным

Фото М. Шемякина

М. Друскин — брат Я. Друскина. 1974 г.

Я. Друскин и Т. Липавская. Царское Село. 1970-е гг.

7 ноября. И еще путь: найти себя самого — путь Евангелия. Но тогда: «положивши руку на плуг, не оглядываться назад».

9 ноября. Господи, как мерзко.

Страх — вот главное. При людях — меньше. Но при чужих еще больше. Но при своих — круг сужается и еще страшнее.

25 ноября. От трусости люди не думают о смерти. Страх смерти — от смелости. Может, судьба посылает мучительную смерть трусливым, кто мало думал о ней. Скрябин был мнителен, всю жизнь боялся заражения крови и умер от заражения крови, Тургенев был труслив и умер после тяжелой болезни. Как будто надо продумать смерть при жизни, а кто не продумает, тому Бог удлинит предсмертное время.

26 ноября. В каждой системе, философской или физической, есть иррациональный остаток. Когда эпигоны рационализируют, система становится плоской — ложной. В физической теории это может показаться оттого, что появились новые факты. Но это только повод, многие из этих фактов были известны и раньше. Закон иррациональности всякой системы, вернее, необходимости иррационального остатка. Поэтому лучше уж заранее отвести ему место в системе. [Это нельзя сделать преднамеренно, он возникает сам собою, намеренное введение остатка — претенциозно. Пример такого претенциозного введения остатка — Дильтей, Гадамер, современный историзм, философы, философствующие ни о чем.]

Сон. Молодая женщина у врача. Он что-то пишет. Я вижу знак: 000. Это же не рецепт. Но женщины уже нет, и я понимаю: все это уже было. Молодой человек любит эту женщину, сегодня она должна дать ему ответ. Но ответ отрицательный. Врач — злой демон. Он знает ответ и посылает молодому человеку записку. Три нуля означают: кончай с собой.

Умирает двойник врача — злого демона. Посылают за врачом (злым демоном). Но он боится мертвых. С отвращением берет руку двойника, чтобы пощупать пульс, но сразу же отбрасывает ее: чего же смотреть, умер. Двойник открывает глаза: нет, не умер. Нет, умер, со злобой говорит врач. Нет, не умер, спорит покойник. Тогда умрет! — Не умрет, кричит двойник. Разъяренный врач ложится на пол и начинает делать гимнастику. Все хохочут.

Молодой человек возвращается к себе домой, находит записку с тремя нулями и рядом порошок — яд, который прислал врач. Он в горе, но потом решает — не умру, назло врачу, пусть сам умирает. Ложится на пол и начинает делать гимнастику.

7 Зак. 3244

2 декабря. Вначале, когда я читал «Анну Каренину», было скучно. Во-первых, некоторые вещи стали неинтересными. Как я писал Т.: из меня что-то вытряхнули, то есть стало меньше чувств. Может быть так: существует некоторое отношение: я — вещь. Но существую ли я сам и сама эта вещь? Но тогда надо различать — какие вещи? Например, одна вещь — видимое и воспринимаемое, другая — я сам, третье — отношение: я—вещь, четвертое — что-либо, существующее само по себе, если такое есть, или не-наше, пятое — Бог. И если о некоторых трудно прямо сказать, что существуют сами по себе, вне отношения, то как существую я сам и как отношение? В отношении ли ко мне или сами по себе? Но сейчас я думал не об этом, а об определенном отношении — к «Анне Карениной», вообще к искусству. Вначале, когда я читал «Анну Каренину», было скучно. Почему? Я нашел некоторые недостатки, но не это главное, так мне казалось. Главное — во мне не стало некоторых чувств, и поэтому мне было неинтересно. Здесь я установлю разделение: во мне есть некоторые чувства и ощущения, лучше — состояния: A, B, C, D,... Искусство — рассказ, стихотворение или музыкальная пьеса — тоже вызывает некоторые состояния. Теперь может быть так: я предполагаю, что в искусстве есть состояния или возможности вызвать во мне некоторые состояния. Пусть это будут: A_1, B_1, C_1, D_1,... Пусть определенная вещь обладает возможностями: A_1, C_1, E_1. Может быть так: эти возможности вызывают во мне состояния A, B, E или же состояния A_2, C_2, E_2. Этих состояний у меня не было до того, как я услышал или увидел определенную вещь. Кажется, это ясное и точное разделение не только для искусства. Пусть есть что-либо, что предполагается независимым от меня. Зависит ли оно на самом деле от меня или нет, но есть что-либо, предполагаемое независимым. Пусть это будут A_1, B_1, C_1, D_1,... У меня есть некоторые состояния: A, C, F, H. Теперь разделение: соприкосновение с реальностью — чем-либо, что предполагалось независимым. Подобно ли это некоторому резонансу? Так что установится соответствие:

$$\begin{array}{cccccccc} A_1, & B_1, & C_1, & D_1, & E_1, & F_1, & G_1, & H_1 \\ \wr & & \wr & & & \wr & & \wr \\ A\,, & & C\,, & & & F\,, & & H \end{array}$$

или же оно непосредственно, так что увидав A_1, я найду в себе не A, но именно A_1? И пусть это будет уже не A_1, может быть, оно и отличается от самой реальности, то есть это будет A_2, C_2, F_2, H_2, главное — нет резонанса. Дальше, что A_1 — сама ли реальность или некоторая возможность ее, то есть уже в каком-то отношении ко мне? Но как бы ни было, главное: или $A_1{\sim}A$, или $A_1{\sim}A_2$ и A_2 — это уже **не-мое**. Но для того чтобы A_2 явилось мне, во мне должно быть некоторое состояние A, способное уйти, когда явится A_1, чтобы дать место A_2. Но если во мне вообще нет A? Например если я безразличен к чему-либо, то ни один вид этого чего-либо не может меня коснуться. Тогда возникают вопросы: какие отношения возможны между A и A_2? Но я возвращаюсь к «Анне Карениной». Мне кажется, что я потерял некоторые состояния из ряда A. Поэтому мне непонятна и скучна была «Анна Каренина», то есть я не мог увидеть и соответствующее A_2. Но вот объяснение Левина с Кити, затем встречу Каренина с Вронским я читал с интересом, которого не было уже несколько лет. Я начал с того, что произвел разделение. Искусство вида $A_1{\sim}A$ стало мне совершенно неинтересным. Но может быть, и некоторые вещи вида $A_1{\sim}A_2$ стали неинтересны, потому что я потерял некоторые состояния из ряда A?

[Здесь надо добавить и пояснить: искусство вида $A_1{\sim}A$ — это искусство **о чем-либо**, а не искусство **что-либо**[5]. Во-вторых, я пишу, что потерял что-то: потерял способность видеть то, чего нет, тогда приобрел способность видеть то, что есть. Просто я увидел фальшь, гордыню и глупость Толстого.]

5 декабря. Я хочу найти, в чем основное разделение. Я знаю некоторые конечные пункты, и за всеми ними — Бог, Которого я не чувствую, почти не чувствую, поэтому мне и не удается.

Почему я не чувствую Бога? Во-первых, грех уныния. Если бы были хоть соблазны, но их уже нет. Последний соблазн от голода — чревоугодие, и этот уже прошел. Если же иногда бывает, что я отвлекаюсь от Бога, вернее от намерения сосредоточиться, то это уже не соблазны, но только повод уклониться. Желание уклониться представляет мне их соблазнами. Меньше греха соблазниться, чем уклониться без соблазнов. Во-вторых, и этого значительно меньше, — недоверие, боязнь ошибиться, боязнь лжи. Первое важнее, и от этого такая мерзость. [По-видимому, это закон, хотя и не общий: когда приближаешься к какому-то настоящему ви́дению, то есть к живой вере, то непосредственно перед этим падаешь в какую-то бездну уныния и безнадежности. Я записал: «...Бога, Которого я не чувствую, почти не чувствую...» — и уже 8 декабря запись, из которой возникли «Свердловские трактаты»[6].]

8 декабря. У нас Бог нужен и есть возможность для Бога: предметность, но Его нет — что-то Его не терпит. Там Он есть, но нет Лица и Он — безличный Бог. Это антиномия Бога: Он нужен и может быть как Лицо, но Его нет. Он не нужен, и есть безличный Бог. Это Его природа, надо совместить обе части антиномии. Это — как некоторое сомнение и колебание между тем и другим. Когда же совместится — это уже не Бог, это Его природа и дыхание. Сам Он — за этим.

24 декабря. Виды некоторого знания: созерцание акта, например некоторого равновесия с небольшой погрешностью. Созерцание несуществующего, ничем не прикрытого. Бесформенный экстаз [как у меня при эфире[7]]. Бог — природа. Бог в благодарности. Бог в жалости. Бог в

любви. Непонимание и жалость к обиженному Богом. Бог в унижении, и сила через собственное унижение. Созерцание плоскости от неба до меня. Бог уныние. Но на этом надо остановиться. Как это, смертный грех и Бог? Но это некоторое состояние, и из него должен быть выход, и это состояние, как возможность выхода, — Бог. Созерцание себя как точки, затерянной в бесконечном пространстве, — ужасное созерцание. Созерцание смерти, наступающей через мгновение, предпоследнего мгновения и неизбежности последнего. Созерцание необратимости и окончательности.

25 декабря. Когда я о чем-нибудь думаю и пишу, то, еще не дописав, я уже начинаю думать о другом, что должно в каком-то отношении превзойти то, что пишу сейчас. Поэтому так мало закончено.

В частности, сегодня думал о том, что напишу, когда закончу «Принадлежности». Но ведь до их конца еще далеко. Даже если скоро вернусь в Ленинград, то ведь это еще не конец. Да и то, что написано из «Принадлежностей», еще надо переделать. Но теперь хочу писать о прошлом, как о прошлой жизни, и писать спокойно и бесстрастно. Я писал: жизни нет, есть воспоминание о жизни и ожидание жизни. Так вот, хочу писать воспоминание о жизни.

26 декабря. Исполнение приговора (повешение) встречено аплодисментами. Это из газет. Добавлять нечего. Но самое страшное, кажется, то, что есть что добавлять: никто этого сейчас не понимает.

29 декабря. XVII—XVIII вв. — природный человек. XIX—XX — человек-ум. Отношение куколки к бабочке. Но пожалуй, это неверно, скорее — живого тела к скелету. Но и это неверно.

Прочел «Исповедь» Руссо. Совершенно удивительно: близость к природе и отсутствие вполне выделенного, ясного сознания **я**. В чем эта чистота **я**: ощущение не морали или морального чувства, но долга. Но долг только вступление к **я**, которое можно и откинуть. К чистому **я** относятся или окружают его страх смерти, время, непонимание. Это все спутники **я**, но не само **я**. Что же само **я**, то что у Руссо не выделилось еще из природного? Само выделение из природы, отбрасывание внешних оболочек. У Декарта, у Руссо, у Лейбница интуиция **я** как всего мира или моего мира. То есть мир — мой. Раньше границы **я** расширяются, **я** захватывает весь мир. Это — экстенсивный солипсизм. Затем **я** сужается. В **я-мире** находится как бы точка, поглощающая реальность остальной части. Эта точка втягивает в себя реальность всего **я-мира**, так что только она и остается. Но она пуста. Если бы она не была пуста, снова был бы **я-мир**. Это чистое **я** не может иметь никакого содержания, его содержание — беспредметная, бессодержательная реальность наибольшей силы, это действительно точка: мгновение, граница, смерть. И отсюда спутники **я**: время, пространство, жизнь и умирание, предсмертное мгновение. Это интенсивный солипсизм. Приложение экстенсивного солипсизма, например Бах, интенсивного, например Гоголь, вульгарное приложение интенсивного солипсизма — Чайковский, Бальзак и пр.

Всякое содержание есть содержание сознания, **я**. То есть мир мой или **я** — это **я-мир**. Это, во-первых. Реально же в этом **я**, или **я-мире**, или в содержании, то, что не есть и не имеет содержания. Оно ничего не содержит, но и не содержится ни в чем, потому что, хотя и найдено в содержании, но когда найдено, то содержания уже никакого нет, вся реальность в нем — бессодержательном и ни в чем не содержащемся, потому что ничего нет. Это — во-вторых.

Вульгаризация: **я** — форма сознания. Это, кажется, самое неумное и скучное, что можно сказать о **я**.

30 декабря. «Исповедь» хороша еще тем, что состояния там не естественные, а абсолютные. Например, не простое развитие событий, и в связи с этим развитие чувств, и не излияния чувств, но чувство и природа сами здесь некоторый трансцендентальный объект, раздробляющийся на отдельные состояния. Во-первых, не Руссо, а чувство и природа — герои. Во-вторых, раздробленность и границы. Это относится, конечно, к первой части.

Два **этих**. Во-первых, **то**, а затем **это**. Во-вторых, **то** первое и **это** первое и **то** второе и **это** второе. Сами по себе они, может, ни хороши и ни плохи. Затем, в-третьих, они соединяются: **это** и **то** первое и **это** и **то** второе. Только через соединение и в соединении они стали первым и вторым, сами же по себе просто **то** и **это**. **То** — скорее, правило, **это** — факт. **Это** и **то** первое. Нарушение правила, стыд, мерзость. **Это** и **то** второе. Исполнение правила, удовлетворенность. Отчего различие? От различия правила, факта, соединения? Или, скорее, некоторого общего расположения? Некоторое общее расположение определило правило, отношение к факту, факт? Или оно определило факт и через отношение — правило? Или отношение и через него правило и факт? Или правило подбирает факт, или факт — правило и они создают отношение? Или как иначе?

1944

5 января. Шпет: отвращение к себе, которое так естественно присуще каждому.

Уход от себя — философия.

Именно тела-то и не стыдно — это выдумки Востока, — а души своей бывает стыдно. Затем кощунство: «Христос умер понапрасну». И конец: «Иерусалим или Афины», — и Шпет выбирает Афины. Но стыд-

но не души, а того, что пристает к душе. Шпет не различает души от ⟨и⟩ того, что пристает к душе. Но это как раз и открыло Евангелие.

Шестов: «Философия начинается не тогда, когда человек найдет критерий, но когда растеряет все, которые у него были, так же как спящий просыпается не тогда, когда убеждается в единстве своего сонного сознания, а лишь тогда, когда убедится, что спит».

6 января. Если говорить вполне искренно, то я не понимаю различия между телом и душой, вообще что значит две субстанции: душа и тело. Я нахожу в душе различные ощущения, локализованные в определенном месте, локализованные в неопределенном месте: голод, жажду, нелокализованные чувства и т.д., но тела в отличие от души я не знаю.

7 января. Я вполне ясно и отчетливо вижу: мир — мой мир. Я это чувствую, и меня не смущает независимость некоторых явлений от моего каприза и произвола. И если гора по моей вере сдвинется, я не удивлюсь, потому что и гора — моя, и скорее я удивлюсь, что гора не сдвигается. Но так же ясно и отчетливо я вижу: мир — не мой мир и я в нем подчинен неизвестной мне силе. Я это чувствую, и вижу связь свою с другими людьми, и ощущаю как судьбу. Мое счастье и несчастье зависят от судьбы, которой я не знаю. И иногда я понимаю ее, проникаюсь и радуюсь, и если при этом и гора сдвинется по моей вере, то я знаю — это будет не по моей воле, но по воле судьбы. Если же не понимаю, то страшусь, и отчаиваюсь, и ищу ее признаки и благоприятствующие приметы. И отдаленное движение в другом — будет знаком для выбора в моем мире. Мир же — весь мой, но не подчинен мне, и в нем не по месту и не по времени, но по некоторой близости — мой мир. Один мир — мой: мой и не мой и в нем не по месту и не по времени другой — только мой — по близости или оттенку, и отдаленное движение в другом будет приметой и знаком для выбора в моем: поступок на основании приметы определит место только моего в том, что не только мое, оттенок того, что мое и не мое, направление одного в другом. Но недостаточно будет одной приметы, и недостаточно любого числа примет, и мир, в котором мой мир, — не мой, и оттенок не определен, и направление неясно. Не хватает примет, и беспокойство останется, и страх. Я это чувствую и ясно и отчетливо вижу: мир — и мой мир — не мой, я подчинен неизвестной силе и отдаленное движение в другом отразится на моем. Так что два ясных и отчетливых взгляда и не совмещаются и один есть другой.

Карлейль: труд религиозен. Истинный труд и есть религия. Древние монахи говорили: трудиться — значит молиться.

14 января. Пусть этот мир есть или не есть.[8] Пусть Бог, необходимость, случай или последнее слово реализуют его, но хотелось бы необходимо вывести некоторые подробности его, необходимые или случайные. То есть с необходимостью вывести определенную случайность. Хотелось бы, чтобы этот мир был единственным как некоторый недостаток. Если от **нашего** перейду в **не-наше**, хотелось бы, чтобы не только **не-наше**, но и **наше** было единственным. Поэтому во всяких возможных мирах есть что-то неприятное, от чего мутит, и иногда даже предпочтешь трансцендентальное единство самосознания. Оно хоть единственное. Это не страх смерти, а страх профанации индивидуальности.

16 января. Фраза Якоби: не надо переделывать первые издания, но, если есть надобность, писать новые. Первые издания более односторонние, но зато и более ясные, и точные, и непартийные.

17 января. Наиболее убедительный довод в существовании Бога — не абсолютная необходимость Его существования, но именно абсолютная ненеобходимость.[9]

У нас нужен, но нет.
Там не нужен, но есть, но безличный.
Сам по Себе не необходим.
Это три постулата веры в Бога.

Но в Бога верим, а воскресения только чаем. Таких же постулатов личного бессмертия нет. Я — между явным и явлением. **Это**, существующее как **это**, **это**, **это**,... — дает только возможность личного бессмертия: мгновенное, неуловимое место **я** между явным и явлением; множественность **этих** в одном **этом**; множественность основных **этих**, из которых каждое есть **это**, **это**, **это**,...

Легко классифицировать внешние предметы. Еще легче классифицировать абстракции внешних предметов. Но, подходя к самому себе, нахожу препятствия: восприятия, ощущения, ощущения от восприятий, переживания, объективированные ощущения, ощущения реальности, ощущения времени, ощущение смерти, ощущение Бога, мысли. Во-первых, я могу определить истину как соответствие или тожество предположения с предметом,[10] во-вторых, иногда могу, иногда же не могу, потому что предмет здесь целиком совпадает с предположением, ничем от него не отличается и не имеет ничего больше. Предположение нуждается в реализации: мысль о притяжении и притяжение — одно и то же или нет? Если одно и то же, то нет ложных мыслей в этой области. Значит, реализация привходит извне. В геометрии реализацией будет доказательство. Но в таких, как объективированные состояния, интуиция, например интуиция *одного двух*[11], предположение и есть непосредственно сам предмет. Я могу говорить о нем, предполагать это предположе-

ние — это разговор, но я могу замолчать и некоторым усилием ума увидеть это предположение, тогда предположение и есть предмет предположения. Иногда оно является и само собой, основное же: очевидное и полное совпадение предмета предположения с предположением. Но, может быть, в этом состоит всякая реализация. В ясном представлении доказательства, то есть в переходе: *А*, следовательно *В*, в обнаружении факта, подтверждающего предположение, может быть то же самое очевидное совпадение. Не сам факт подтверждает закон, но он ставит меня между фактами, на место, где действует закон. Факт — средний термин[12].

Я делаю все, чтобы истощать себя: и с едой, и с сидением по ночам. Для чего? Отчасти, мне стыдно есть, когда кругом голодны. Но не это причина. Сегодня я не думал писать, завтра рано вставать, бюллетеня брать не буду, должно быть, ни завтра, ни послезавтра, да и вообще не знаю, буду ли. Может, у меня и на редкость здоровое сердце, но мне кажется, что нездоровое, и я не ложился спать именно потому, что завтра рано вставать, все остальные причины — поводы. Основное: я веду такой образ жизни потому, что мне вредно и, может, даже опасно вести такой образ жизни. Это мелькнуло, как какой-то оттенок, даже как будто бы несущественный оттенок моих мыслей и поступков, и я понял, что этот оттенок и есть реальность. Оттенок не определяет реальность и не критерий реальности, но сама реальность. Что-то есть. И что-то имеет оттенок. Оттенок и есть реальность, а что-то — его тень.

Что же касается мелькнувшего оттенка, то помимо того, что:

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог![13]

— здесь есть еще и другое, но, кажется, этого другого я и сам не понимаю. Это не оттого, что все плохо, это какая-то бессознательная страсть к самоуничтожению. Я этого не понимаю и, когда мелькнуло, не понял. Я нашел в себе как бы какого-то зверя, пожирающего меня, причем упорно, тупо, бессмысленно и даже без всякого наслаждения, но с величайшим упорством.

Вчера или позавчера я подумал: вот сколько еще надо написать, надо сидеть подольше по ночам. А в другой ⟨раз⟩: вот сколько еще надо написать, нельзя так много сидеть по ночам, надо беречь здоровье. Сегодня: какая глупость и то и другое, если умру, не все ли равно, сколько написал. Ведь во всех случаях все равно.

18 января. И в философии золотой путь — среднее между общими рассуждениями и системой.

19 января. Не интересно: гуманизм (Зиммель). Интереснее: антропологическая критика разума (Фриз). Еще интереснее: «Критика чистого разума». Но еще интереснее, и это моя тайная любовь, такие, как Шпет в последней статье, Шестов, Гершензон, Эри. Например, Эри: что такое ratio*? Это среднее арифметическое разума всех людей. Это мало что говорит и, может быть, неверно, но у всех их тайная упорная мысль: Бог.

20 января. Фриз оказался неимоверно скучным, а Эри неумным. Вообще, большинство книг или умны, но скучны, или с каким-то тайным соблазном, но неумны.

Иероглифы:

Восхождение — дорога.

Нисхождение — цветок, нагнувшийся венчиком к земле, наклон древесных ветвей, летний ливень из нависшей тучи, ночь, покрывающая мир тайной.

«Склонение вознесшейся линии впервые низводит на нас очарование прекрасного» (В. Иванов).[14]

29 января. Какое-то утончение — мгновение — чувство-ощущение — второе мгновение — ничто, и тогда смерть или Бог.

10 февраля. Предположение-действительность или предположение о действительности.

Например, Фет: «Измучен жизнью, коварством надежды...»[15] — здесь описание, но не сама действительность, поэтому скучно читать, это иллюстрации к чему-то[16], здесь к Шопенгауэру.

Но у Пушкина, например, «Как с древа сорвался...»[17] — само действие[18]. Это как блестящая молния, и глаголы здесь — ее изгибы: сорвался, прилетел, приник, дхнул, взвился, бросил,... прожег.

Строки	1	древа рв д т	
	2	диявол	
	3	дхнул	добычей смрадной
	4		гортань геенны гладной...
	5		рога
	6		врага

И личное может стать действием, а не описанием, например: «Как часто плачем вы и я»[19]. И в философии может быть действие и описа-

* Разум (*лат.*).

ние. Даже трансцендентальное единство апперцепции, категорический императив — это действие. Действие — теория — ви́дение. Это разрыв эмпирической действительности, остановка движения. Поэтому предположение-теория не может не совпадать с реальностью. Одно есть: теория-реальность. И надо спрашивать не почему это одно, но почему это стало не одним. Теория-реальность — это реальное ощущение жизни и тогда ощущение моей жизни как не моей. Потому что если моей как моей, то это — субъективное переживание, а не сама жизнь. Отчего же разделение? Оттого что **мое — не-мое** сознается, не просто как не мое, но **мое — не-мое**. Тогда есть и возможность для **моего — моего**.

11 февраля. Умереть через 100 дней или через 100 лет — все равно, имеет значение только: сейчас или потом. Но тогда отпадает часть из осуждений войны. То, что сколько-то человек умерло раньше, важно ли это? И для меня самого важно не когда я умру, а то, что я умру. И жить еще 100 или 1 день, какое это имеет значение для с е й ч а с? Так что это отпадает. Но остается: хорошо ли или, во всяком случае, не плохо ли убивать? Но если так, как в «Илиаде», то ответственность снимается, ответственность лежит на богах. Но так ли это? Остальные же доводы против войны — глупость: казарма, ограничение воли — все это не абсолютные, но относительные доводы и против них можно выдвинуть такие же относительные: бесстрашие, мужество, долг. Различие в том, что с одной стороны я, с другой — множество людей. Для меня важно только смерть, время; для тех — долг, родина и пр. Для меня осталось самое важное в жизни вообще, что важнее родины, какой-то скелет жизни; для тех — многое другое и обязательно некоторая неискренность и фальшивое положение. Но все же это положение. Но возможно ли что-либо без всякого положения? Может быть, эти положения скорее приведут к тому, чего с помощью одного только скелета жизни не найти.

12 февраля. Во всякой философии два мира. Но если установить соответствие, значит, и этот хорош. И это лицемерие философии: все знают, что этот мир плох.

13 февраля. Всякий — белоручка, и всякий — пачкается. Один белоручка, чтобы сберечь главное, для этого, как говорится, работает в поте лица своего, и пот этот совсем не так чист. Другой белоручка брезгает пóтом, но не сберегает главного.

Откуда эта тяжесть бытия? И когда, кажется, все хорошо, вдруг станет плохо и хуже не может быть? Это состояние точки, затерянной в пустом пространстве, ощущение невозвратимости, совершённости, пустоты. Может быть, это второе рождение в муках? Может,

не смерть, а уже эта жизнь есть рождение той? Это действительно муки, но, когда рождается ребенок, он тоже не знает, для чего мучается. Может быть, эта жизнь, сама жизнь, каждый день и час есть муки рождения. И чем сильнее муки, тем ближе к тому, что станет. Что? Не знаю. *Одно два* — форма рожденного, и только иногда проникаешь и подозреваешь, что́ там. Не смерть рождение той жизни, смерть — в том же порядке — естественном, если же не в том, то уже та жизнь и тогда смерть нашей, — но именно наша жизнь и эти состояния тяжести бытия — рождение той. Не один из наших актов есть акт другой жизни, но наше состояние есть только акт той жизни. В этом и состоит различие природ. Акт — акт — отношение естественное, но состояние — акт уже неестественное отношение: в одной природе — состояние, в другой — акт.

Возраст — борьба с природой. В детстве весна и утро увлекают и подчиняют меня, мое настроение. Но с возрастом, после больших потерь, солнце светит слабее, слабее чувствуешь весну и утро, когда же утро природы слишком сильно действует и не можешь его побороть, то это только увеличивает тяжесть бытия. Но и в детстве бывают внезапные приступы страха природы, особенно в это время — 2 часа дня. Только там они разделены — состояния радостного подчинения природе и страх, а затем уже начинается борьба с ней и страх не природы, а тяжести бытия.

Равнодушная природа — вот что страшно. В детстве еще находишь в ней таинственность, а к старости — все меньше.

В детстве я боялся ночи и темноты, а сейчас ночь предпочитаю дню. Когда я писал «Щель и грань», тогда понял ночь и предпочел дню. Остатки страха ночи проходили в Детском, Келомякках, Чаше — это уже практически ночью в природе. Может быть, ночью природа не так бесстыдна и цинична в своем равнодушии. Потом, в ночной жизни больше и смысла и цели. Это я заметил и позже — во время эвакуации. Перед самым рассветом есть какой-то излишек богатства цветов — излишек красоты. С рассветом же это проходит и цвета грубее, меньше оттенков. С рассветом природа — только эта природа и трудно освободиться от ее грубости.

17 февраля. Пантеизм как представление моря с каплями-индивидуальностями так же неинтересен, как и материализм, но представление одной только сущности, которая становится на место, освободившееся от индивидуальности или возможности индивидуальности, соблазнительно, как и солипсизм.

18 февраля. Стыдно, что не умер с голода, стыдно, что не был на войне, что жив.

Жить ради философии — это не оправдание, жить можно ради какого-нибудь человека или ради Бога. Но Бог никогда не потребует беречь себя, человек потребует, а Бог не потребует, потому что и после моей смерти не потеряет меня.

3 марта. Умозаключение не совершается по правилу, но есть правило. В моей системе выводов это очевидно. Но и в обычных силлогизмах все сводится к Dictum* и условному умозаключению. Должно быть, так же и в математике. Это и страшно, что нет ничего, кроме пустого правила, и материализация его в примерах, то есть телесность и конкретность, только видимая, от слабости ума. Нет примера к правилу, вот что страшно.

6 марта. Удовольствие от боли. Пушкин — «Как с древа сорвался» — чистая, не омраченная чувствами боль. Затем, сегодня по радио: польские песни. Это боль, но уже омраченная некоторым чувством, еще благородным. Наконец, сейчас — из «Сильвы». Это уже чувственная физическая боль. Откуда это наслаждение болью? Предвкушение смерти?

Первый страх, вернее не первый, а предварительный — в детстве два часто повторявшихся кошмара: скрежет зубов и цифра пять. Это преддверие страха. И еще — приятно тошнотворно сладостное и иногда страшное ощущение — название каши — «Нестле».

Первый страх: рождения и смерти, когда мне было 9 лет.[20] И потом непрерывный страх смерти, особенно по вечерам перед сном, в течение 10 лет. Затем прошло и только иногда возобновлялось. Взамен этого страх смерти близких и ужас в «Первоначальном и законе» и дифференциация страхов. Последние годы: страх забвения, страх окончательности, страх, что все пройдет и все ничтожно, страх раздвоения личности близких, страх невозвратимости, страх наслаждения болью и последний, самый страшный — точки, затерянной в пространстве.

11 марта. После перерыва, кажется несколько лет, сейчас снова «мировоззрение в носу». Но совсем уже без таинственности. Ощущение мерзкого греха.

17 марта. Я всю жизнь искал себя — то, что дальше всего от сна. Мне казалось, что я все время живу во сне. Просыпаюсь же опять во сне. И снова просыпаюсь, и опять это только сон. И вот я искал наиболее ясного, не сонного состояния. И теперь боюсь, что нашел: это **оно**, которое приходит помимо моей воли, и, когда приходит, я избегаю его, предпочитая сон, так это страшно.

* Слово, выражение, изречение (*лат.*).

Несколько дней я читал скучные книги и болел, сейчас же вернулся к себе. Я заметил это потому, что мелькнуло **оно**, и я пытаюсь отвернуться от него.

16 апреля. Люди интеллектуального типа от уныния много едят, эмоциональные же при унынии теряют аппетит. И это не только потому, что при интеллектуальной деятельности забываешь о еде, внешняя же деятельность развивает аппетит, но еще потому, что те, кто не поддаются впечатлениям, понимают, что физическое удовольствие, если обратить на него внимание, остается.

Об этом ⟨?⟩.[21] Помимо разделения души и тела удовольствия, кажется, и тело удовольствия имеет свою душу, например в различии наполнения и очертаний, очертания — душа тела удовольствия.[22]

О стихах Введенского: в каждой фразе главное направление мысли и погрешность. Погрешность здесь материализована: словом, нарушающим смысл главного направления. Стихи В. по крайней мере двухмерные.

19 апреля. Одни говорят: есть истина — наука, 2×2=4. И это Бог. Другие говорят: нет истины, но как бы (als ob*) истина. И есть Бог: как бы Бог. Но никому не нужен ни научный Бог, ни как бы Бог.

Вторые правы: наука не истина, но как бы истина. Первые правы: должна быть истина, а не только как бы истина. Не правы же вторые в том, что ищут Бога не там, где надо: у нас, то есть антропологизируют Бога, первые же — в том, что лишают Бога содержания. Первые находят только абсолютность Бога, вторые — неабсолютность всего, что не Бог.

23 апреля. Как я буду умирать? Смогу ли сосредоточиться? Не пропущу ли главный переход? Мне кажется, если это пропустить, то умрешь уже навсегда.

1 мая. Сон. В., Х., О. и я сидели и молча пили. Я подумал: вот я опьянел, а во сне не пьянеешь, значит, это не сон. Я сказал, найдется еще, пошел к своему пальто, но вспомнил, что по дороге забыл купить водку. — Ну, ничего, — подумал я, — ведь это сон, а во сне, что захочешь, исполнится, — и в кармане нашел бутылочку с водкой.

7 мая. Если бы люди были уверены, что нет бессмертия, то было бы больше самоубийств. Ведь часто удерживает от самоубийства не боязнь потерять эту жизнь, но ту. Но и это не совсем верно. Эта жизнь оправ-

* Как бы, словно бы (*нем.*) — термин Зиммеля.

дается той, она единственная, если есть та жизнь. Жалко потерять не ту жизнь, той не знаю, а эту, и жалко, что прошла она так неудачно, потому что единственная и уже не повторится. Но жалость к ней потому, что предчувствуется другая, и для нее эта ценна, но совсем не так, как она для меня сейчас ценна; для той эта, может быть, только средство, только некоторый знак чего-то, печать, билет на вход в ту. Для меня же она сейчас единственная и неповторимая, потому что только мне сейчас близка, а там она будет только заслугой или правом на вход. Но если совсем не было бы той, чтó была бы эта? И что жалеть то, чего уже нет?

8 мая. Значение этой жизни для той и для меня различно: она нужна и для той, но эта жизнь — моя. Так как она нужна для той, то имеет ценность. Так как моя, то единственная. Поэтому мне и жаль, что прошла неудачно, кому же еще жалеть? И оставить ее жалко, потому что есть, быть может, еще другая и оставление этой не простое уничтожение и в то же время вернуть уже нельзя будет.

11 мая. Сны.

Введенский принес новое стихотворение. Я просил объяснить некоторые непонятные места, но он, по обыкновению, торопился. Остался его двойник. Ну, этот-то уж не торопится. Он сказал, что стихи Введ⟨енского⟩ плохие, а вот хорошие, и прочел какую-то дрянь. Я спросил: чьи, он сказал — мои. Читал он, как Терентьев[23]. Я сказал: прочтите их просто, тогда видно будет, что это даже не стихи. Он пробовал читать, и ничего не получалось.

Я спал днем. Проснулся и вспомнил: во сне я вынул сон и положил его рядом, чтобы доспать после, и решил доспать сейчас. Но вспомнил, что уже доспал его.

25 мая. **Есть** можно сказать только о том, что видно, и оно **есть**, поскольку видно, и **есть** то, что видно. Только материализм не признает этого, предполагая какую-то материю.

Софокл, кажется, в старости сказал, что рад, что избавился от бессмысленного зверя (чувственности), который терзал его в молодости. Это некоторая типично греческая глупость, глупость односторонности или глупость силлогизма: что-либо нечувственное лучше чувственного. Осталось нечувственное, следовательно, осталось лучшее. Здесь неправильно деление на чувственное и нечувственное. При чувственном есть нечувственное, которое выше нечувственного самого по себе. Или просто: пусть я поумнел, стал менее суетным, узнал, чего раньше не знал. Но я потерял часть жизни. Пусть я узнал лучшее, но то, что я потерял, —

то потеряно. Прошла лучшая часть жизни, не смерти и не потустороннего, а именно жизни, и я прямо говорю: жаль, что прошла лучшая часть жизни, жаль, что я не использовал ее так, как мог. Если бы мне суждено было с ранних лет не интересоваться тем, что считается или есть хуже, может быть, было бы и лучше, но я любил, и неудачно, и хотел славы и не имел ее. Лучше было бы, если бы я имел то, что хотел, и достиг того, к чему стремился. Но если бы я ничего этого не хотел, может быть, было бы еще лучше. Но тогда уже я не был бы **я**. Теперь же прямо говорю: хотя многое из того, что хотел раньше, сейчас уже не хочу, остальное же почти не хочу, я жалею, что не имел этого. Потому что это было мне свойственно и это моя жизнь, мне жаль, что она прошла, и еще больше, что она потеряна, то есть ее не было — не было того, что могло быть. Это важно, потому что есть ощущение и другой жизни, в которой все, что было в первой, зачтется, но не так, как зачитывается в этой. По-видимому, есть еще другое, смутное ощущение, что в той жизни будет меньше индивидуального — или, вернее, другое индивидуальное. Даже если сохранится память об этой жизни, то там она будет иметь другое значение. Если самое индивидуальное — **вот это вот**[24] и там останется, то там это будет как форма, как любое **вот это вот**, самого же индивидуального содержания не будет. Пусть это ниже и хуже, но это мое, которое было один раз и прошло. Пусть оно и сохранится там и необходимо там для любого **вот этого**, которое бесконечно лучше, но здесь оно мое и оно ни для чего и ни для кого, кроме меня, не нужно; это не необходимое, а случайное, но мое.

Ощущения: 1. Индивидуального бессмертия.
2. Но с некоторой потерей самого близкого **моего**.
3. Затем — тяжести **моего** и даже желания избавиться от него.
И тогда — 4. Может быть, Бога.

2 июня. Вчера выходило, как будто мы скоро уезжаем. Сегодня — как будто уже не скоро, во всяком случае я. Кажется, все у нас так устроено, что обязанность каждого служащего гадить другому. Не удивительно, что тогда ничего не получается. Это к свидетельским показаниям[25]. А главное вот что: после всех этих мерзостей и бессмысленной сегодняшней беготни по директорам, предместкомам и пр. мне вдруг так захотелось музыки, как, кажется, никогда за три года. И как все у нас, и это неосуществимо.

Говорят: я имею моральное удовлетворение от службы. Я имел моральное удовлетворение от службы один только месяц, когда был сторожем при разрушенных яслях[26].

5 июня. Два пути: или сам, или не сам, значит — с Богом. XIX в. — сам, и вот сам и дошел до советской власти.

Одно — это **я**, которое живет, чувствует время, ждет смерти. Другое — **я** в обществе, мое положение. Первое — настоящее **я**, второе — фикция. Файхингер же и прагматисты, вообще XIX в. делает фикцией как раз первое **я**, свое же **я** находит во втором. Но это мерзость перед Богом. Мое никто не может отнять от меня, кроме Бога. Мое настоящее — это **мое**, освобожденное от всего **что мое**. То **что мое** — уже **не** мое. Бог же может отнять и последнее освобожденное мое — если нет бессмертия.

6 июня. Эпилог — скотный двор.

10 июня. Мы видим некоторый ритм в движении светил, в смене дня и ночи, времен года. Мы чувствуем некоторый ритм в шуме морских волн, шорохе леса, в движении животного. В физике мы сводим движения к периодическим или почти периодическим. Если же, как это большей частью и бывает, это сведение не удается, мы говорим о наложении нескольких периодических движений. Присущ ли этот ритм природе сам по себе или это только результат нашей рефлектирующей способности? Именно физика вызывает это сомнение, так как большинство движений не удается свести к простым периодическим колебаниям и для этого придуманы почти периодические движения, периодические с затуханием и суперпозиции. Но, может, в природе основное движение не периодическое, не ритм, а какое-то другое, неизвестное нам, видимые же нами немногие ритмические движения можно было бы объяснить наложением этих неизвестных сейчас основных. Ведь наше представление о ритме связано с кругом, и наши машины основаны на применении круга, в природе же круга нет и движение достигается без помощи круга. Круг — интеллектуален, и, создавая орудия передвижения и машины, мы не следуем природе, и так же, может быть, мы искажаем природу, внося в нее ритм.

Две наиболее естественные для нас линии: круг и прямая — наиболее чужды природе.

19 июня. Введенский: «Только последние час или два перед смертью могут быть действительно названы часом».[27]

20 июня. Две первые заповеди — любить Бога и любить ближних — это значит просто: не любить себя, то есть основной закон — отрицательный — запрещение. Но что делать, нравственный закон не говорит, и, может, лучше всего — ничего не делать.

12 июля. Прошлую ночь я мало спал, и сегодня вечером лег и заснул, но скоро проснулся и подумал: я не спал, спал мой коэффициент[28]. Это некоторый намек на бессмертие, как и сон о смерти.

19 июля. Может быть, нет страшных событий, кроме нескольких. Они связаны со смертью. До призыва бывали иногда неприятные минуты. Но сейчас, когда признан нестроевым, не осталось ничего неприятного. Не потому, что не признан строевым, может быть, в этом еще меньше неприятного, но сейчас нет страха быть даже писарем. Может, вообще нет страшных событий, но страшно ожидание события. То есть страшно чистое априорное событие — форма события, когда же событие совершилось, то есть наполнилось эмпирическим содержанием, оно уже перестало быть событием — тем, что может свершиться, что сейчас должно совершиться. Тогда есть только одно страшное событие, форма формы события — смерть.

Эти «Принадлежности» я закончу, когда наступит жизнь. Так я предполагал. Еще я предполагал, что она наступит, когда я вернусь в Ленинград. Но вот скоро, по-видимому, возвращаюсь, а наступит ли жизнь, не знаю. Когда говорю «жизнь», то не думаю уже о счастливой жизни, а хотя бы о спокойной. Теперь снова эшелон. Но что будет, когда приеду, не знаю. Сейчас для эшелона читать, кажется, будет нечего. Буду записывать, о чем думать.[29]

1. Знак $\subset$. Из общего суждения следует частное: $MAN \subset MPAN$. Частное понятие подводится под общее: $MP \subset M$. Но суждение о частном понятии есть частное суждение, значит, выводится из общего. Если что-либо есть MP, то оно есть M или: если о чем-либо сказано MP, то о нем сказано M. Но если что-либо сказано о MP, то это не значит еще, что что-либо сказано о M. Таким образом, различие знака **подведения** для суждения и понятия сводится вот к чему:

$MAN \subset MPAN$

$MANP \subset MAN$,

то есть к индивидуализации подлежащего (вывод суждения) или к обобщению сказуемого (вывод понятия).

2. Знаки Σ и П.

Индивидуализация подлежащего: $M\tilde{P}AN \subset MAN$, то есть вариация подлежащего. Обобщение сказуемого: $MAN \subset M = NP$, то есть квантификация сказуемого. Или $MAN \subset MAN\hat{P}$.

3. Все и любой.

MA: 1) M_1 есть N_1 M_2 есть N_2 .... M_n есть N_n	Помимо того еще могут оставаться N_{n+1}, ..., которые не суть M.
2) M_1 есть N M_2 есть N .... M_n есть N	Помимо того еще могут оставаться P, Q, R,..., которые тоже суть N.

Для того чтобы из 1) вышло *MAN*, еще надо предположить, что N_1, N_2, ..., N_n суть все *N*.

Из 2) следует *MAN*, если просуммировать все *M*. Значит, *MAN* получается в результате суммирования или сказуемого, или подлежащего.

Суммирование подлежащего есть действие ~: $M\tilde{P}AN$.

Суммирование сказуемого: ^, то есть $M\hat{P}$ или $MAN\hat{P}$.

СЕНТЯБРЬ 1944 — МАРТ 1945
Ленинград

1944

24 сентября. На кладбище.[1] Главное — сосредоточиться. Я подумал о нем и сразу же перешел на другое. Я должен остановиться на чем-то и не ждать, пока будет комната или что-то другое. [Приехав в Ленинград, я записался в очередь на комнату или квартиру — тогда еще был Ионя[2]. Вообще, после каждого переезда, изменения образа жизни некоторое время я не мог прийти в себя, что-то делать.] Если как-то собраться, в себе собраться, то время не станет ясным, но времени просто не будет. Раньше я думал: если как следует продумать, то никакого чувства не останется. А недавно ночью и сейчас на его могиле — я был не прав; он — вот это реально. Если другой связи не найду — он будет связью. И если найду — он будет связью.

[Цитаты?] Радость от чувственных впечатлений, и прежде всего от зрения, — знак стремления к знанию.

Памятью обладают все животные, а воспоминаниями — только люди.

Умны без учения те, кто не слышит звуков, например пчелы.

Многие воспоминания об одной вещи создают опыт, опыт создает искусство и знание.

Родители — причина сама по себе их детей, то есть для их временно́го явления, но для их существования самого по себе, то есть для их сущности, должна быть другая причина.

Существуют некоторые отношения, связи, зависимости. Они выражаются формулой — математической, философской или художественной. В этой формуле всегда будет некоторая иррациональность (вернее, арациональность). Введ⟨енский⟩ называет это бессмыслицей. Формула выражает определенную реальность, к которой принадлежат и ощущения. Затем начинаются попытки раскрыть эту арациональность. И здесь уже все будет приближенным. Бог — точное имя, когда же что-либо высказывается о Боге, кроме случаев арациональных высказываний, — все это только некоторые аппроксимации. Первоначальные арациональности, то есть бессмыслицы, могут с первого

взгляда показаться чуждыми определениям Бога, но затем, при переводе в область рационального, окажутся Его свойствами. Но как рациональные только аппроксимации первоначальных арациональностей. В этом смысле Бог возвышается над всем, мы скажем о Нем: когда мы говорим о Боге и говорим прямо о том, что Он есть, мы не видим то, **что** Он есть, как **Его** сущность. Когда же говорим о свойствах и сущности Бога как именно Его свойствах, мы теряем и точность, и сущность.

Апория и предел всех человеческих слов о сущности и свойствах Бога: когда о сущности Бога говорим как о сущности, теряем Бога, когда о сущности Бога говорим как о **Божественной** сущности, теряем сущность.

6 октября. Виды любви: одержимость, деспотическая, жестокая, жалость. Но не морализирующая: если все хорошо, то и Христа не надо было бы.

8 октября. Мф. 4, 8, 9.

Мф. 9, 12. «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные. Пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы. Ибо я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию». Христос вне системы. Если бы все было хорошо, то есть в совершенной замкнутой системе, Христа не надо. Я не завидую этой совершенной системе без Христа. Совершенная система — совершенная предельность — смерть. История небольшой погрешности: первоначально погрешность была именно погрешностью — неизбежным недостатком. Но затем я увидел, что система без погрешности заключает в себе еще большую погрешность — погрешность предельности. Тогда погрешность стала достоинством. Но при этом она перестала быть погрешностью. Непонимание, недоумение, боль ⟨бытия⟩ нельзя исключать из погрешности, как это делали мы с Д. И.: некоторое непонимание есть понимание. По-видимому, впервые я это понял еще в Александровском парке, когда возникло «О деревьях». Совершенная система без Христа — система без погрешности. Непонимание-понимание — это и есть Благая весть.

15 октября. Мф. 9, 36. «Видя толпы народа, Он сжалился над ними, что они были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря».

16 октября. Ум — отрицательное: способность отбросить некоторые препятствия, снять некоторую завесу, но чтобы увидеть — ума недостаточно.

Грех не в чем-либо, но в том, чтобы увидеть, понять грех и не уйти от него.

17 октября. Мф. 8, 34. Почему весь город, узнав, что Христос выгнал бесов в стадо свиней, «просили, чтобы Он отошел от пределов их»?

Мф. 11, 19. «Пришел Сын Человеческий, ест и пьет; и говорит: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам. И оправдана премудрость чадами ея». Почему оправдана премудрость чадами ея?

19 октября. Мф. 11, 29. «Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня: ибо Я кроток и смирен сердцем; и найдете покой душам вашим. Ибо иго Мое благо; и бремя Мое легко». [Это же и есть непонимание-понимание и боль, которая не есть боль: иго Мое — благо. «О деревьях» и конец трактата «Формула Мира» — комментарий к этим стихам и к случаю в стране Гергесинской, к стихам из девятой главы.]

Глуп тот, кто считает себя умнее, чем он есть на самом деле; ум — в знании своей глупости; грех — в понимании греха. Стремиться к греху, не понимая его, меньший грех, чем, понимая, не иметь силы избежать его.

20 октября. Лк. 13, 14. «...Есть шесть дней, в которые должно делать; в те и приходите исцеляться, а не в день субботний». Это разумно со всякой точки зрения — государственной, исторической, какой угодно, и кощунство с Божеской точки зрения.

Лк. 14, 26. «...Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего, и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником».

Лк. 14, 33. «Так всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником».

Для чего же еще государство, церковь? Церковь только для успокоения совести, для того, чтобы успокоить тех, кто не живет по Евангелию, чтобы и дальше не жил по Евангелию. Лучше уж знать, что не живешь по Евангелию, и тосковать.

Евангелие ставит цели почти невозможные, но без них пусто и скучно. Пусть невозможно жить по Евангелию, но это неверно, мóжно жить по Евангелию, но мне трудно. Но я знаю, что так, как я живу, не надо, и уж это лучше, чем жить по-свински и думать, что это хорошо.

23 октября. Говорят: ну, это философия. Это неверно. Это жизнь. Очень трудно освободиться от внушения мнимой реальности. Но, кажется, я немного освободился.

Лида вошла (ночью). Я спросил: ты еще не спишь? Она: сплю. Я: кто же чей сон — я твой или ты — мой?

26 октября. Есть бесплодное желание писать: когда надо и хочешь — и не можешь.

30 октября. Я не умею думать. Когда я пишу, я не думаю, мне думается. Когда же прихожу к сомнению, как сейчас, когда ищу погрешность к абсолютному, опять не думаю — не умею думать, но ложусь спать. И за ночь, наутро или за несколько дней недумания само придумывается.

Есть бесплодное желание писать: когда приходишь к тупику и надо подумать, но думать не умею. Или писать не думая и совсем ни о чем, без всякого намерения. И иногда бывает хорошо. Или сидеть без дела и мысли, и тоже бывает хорошо. Но сейчас буду писать о том, о чем давно уже думал: о способах поведения, о Л., Х., В., О. Один способ — играть роль. Это Х., а Х. говорил, что самый большой актер — я. Но это, может, и верно было до войны, сейчас неверно. Но о Д. И. Введ⟨енский⟩ говорил: он не только пишет стихи, он сам искусство. И Д. И. говорил мне раз (в Летнем саду), какую жизнь считал бы он для себя наиболее удачной: не писать стихи, но сделать жизнь. Но перед исчезновением у него появилось другое: «Зажечь беду вокруг себя» — это из «Добротолюбия»[3]. Но это продолжение того же: не писать, но жить. Еще интересно, что только у Д. И. была дружба, не интеллектуальная, но настоящая мужская дружба. Раньше Д. И. и Введ⟨енский⟩, потом Д. И. с Ол⟨ейниковым⟩, потом, кажется, и с Заб⟨олоцким⟩, наконец со мною. У меня это было только один раз в жизни. Другой способ — О. Это тоже блестящий способ поведения. Х. был всегда самим собою или, скорее, не самим собою, а тем, кого он изображал. О. — единственный человек, который мог не бояться пошлости. Женщинам он говорил: фарфоровая куколка, божья коровка, провозглашал тосты: за человечество, за человечество, за человечество. Но все это с какой-то гениальной интонацией, передать ее невозможно, и было очень смешно и немного страшно. Еще я помню, как он изображал слепого гусляра. Это была замечательная игра. Д. И. играл самого себя, а кого играл О. — не знаю. Внешне это производило блестящее впечатление. Третий способ — ничего из себя не изображать, и так вели себя В., Л. и я после войны и даже еще раньше. Игра кончилась, когда нашел себя в писании. Может, потому у Х. и у О. меньше удалось, что у них больше ушло в жизнь.

1 ноября. Я подумал: простит ли Бог или не простит. Ведь это было, то есть совершилось, и есть вне времени. То есть стал ли я другой или обстоятельства переменились, а если бы повторилось, то было бы, может, то же? Но потом я подумал: прощу ли я это Богу. Ведь, если я понял, я виновен, а если не понял? Зачем надо было, чтобы это было,

зачем надо было, чтобы один не понял, а другой понял и виноват тот, кто понял? Я понял, и я виновен. Я мерзость. Зачем нужна была эта мерзость?

Затем еще. В Чаше у нас был котенок. Он заболел и умирал, должно быть, с голоду. Мы тоже голодали, но не так уж сильно. Но было очень плохо. Плохо было то, что Чаша для нас — неволя и мы очерствели. В крайнем случае, уж как-нибудь, может, и можно было достать молока для котенка. Умирал он ночью в соседней комнате-кухне. Проснувшись, я слышал, как он плакал, как ребенок, и я не взял его к себе в постель отогреть.

Но если, предположим, сейчас я бы и взял его к себе в постель, будь он такой же грязный: от слабости он делал под себя, — разве это что-нибудь изменило бы? Сейчас обстоятельства другие. Но кто создал обстоятельства, как не Бог? Но с другой стороны, легко быть хорошим, когда хорошо или не слишком плохо. Но опять можно спросить: до каких же пределов терпеть? И нет ли пределов для всякого человека?

Еще о котенке, трогательное: он старался, пока мог, не делать под себя, и когда надо было, вылезал из ямки под печью, хотя это было уже очень трудно.

Но предположим, я бы взял его и отогрел и ему было бы не так страшно, но он все равно бы умер, не в эту, так в следующую ночь. Было бы менее страшно умирать ему, лежа со мной в постели? Может быть, когда все другое было бы лучше, то умирать было бы страшнее? Но положим даже, что лучше. Меня бы не мучила сейчас эта смерть, я бы не чувствовал ответственности. Но ведь все равно смерть останется и виновного, и невиновного и отвечает за нее и за всякую смерть или я, согрешивший в Адаме, или кто-то другой. Я не говорю, что не должен был взять, было бы лучше, если бы взял, но было бы хуже, если бы, взяв, я успокоился после его смерти. Я почти одинаково виноват и взяв его, и не взяв. Если бы и взял, то на какую-то каплю сократил море своей мерзости, но если бы, взяв, успокоился, то еще бы увеличил.

Может, это и есть любовь, которой у меня нет и которой я не понимаю. То есть я увидел ее, но она в стороне от меня. Еще я не понимаю, как можно стать лучше, если нет времени. Но с другой стороны, ведь есть-то только сейчас, и то сейчас, которое *сейчас*. Но здесь опять непонятно, ведь сейчас обстоятельства лучше и сейчас взять не то, что тогда. Но если бы сейчас стало то *сейчас*, что бы я сделал? Затем, многие возьмут к себе в постель умирающего котенка, но возьмут ли прокаженного? Тогда что стоит их любовь к котенку? Затем еще: когда начинаю писать и думать, то помимо того, что думаю, приходит то: или как та боль ⟨бытия⟩, или как непонимание, или как мутит от науки, или как точка, затерянная в пространстве.

Еще: как любовь из моральной, затем из жалости и сочувствия, затем из боли становится онтологической, ведь так предполагается? Ведь она должна быть не только очищением, но и заполнением, причем не только заполнением чувства, но и заполнением некоторого сверхчувственного? Кажется, я немного понимаю это, когда представляю Христа, идущего по воде. То есть *одно два*[4] или в нем, или за ним, я должен найти эту любовь. Она должна не только успокоить, то есть удовлетворить меня, но и просветить. И не только через эту любовь, но в ней я должен найти что-то.

1 ноября. Мф. 25, 13. «И так бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который приидет Сын Человеческий».

Лк. 12, 49. «Огонь пришел Я низвесть на землю: и как желал бы, чтобы он уже возгорелся! Крещением должен Я креститься: и как Я томлюсь, пока сие совершится». [«Бодрствуйте», томление, борьба Иакова с Богом — все это имеет какое-то отношение к игнавии.]

3 ноября. Положим, есть десять степеней совершенства, я дошел до третьей и вот уже не могу спуститься ниже, но или останусь на третьей, или перейду на четвертую. Теперь же так: дохожу до шестой или седьмой и падаю на вторую, и что знал, уже не знаю. Или у Бога другой счет степеней совершенства? — «Высокое у людей — мерзость перед Богом». Мне казалось, я уже понимаю и четвертое Евангелие, и вот снова не понимаю.

7 ноября. Я до того не умею думать, что мысль возникает у меня вместе с написанным словом, а сейчас я заметил, что мысль явилась, когда больше половины фразы было написано, — на середине слова «противополагалась».

Со вчерашнего вечера я в новом восхищении, и это удивительно, что я еще могу быть в восхищении, и это что-то от Бога.

Мне казалось, что я уже отстоялся, и я думал: как хорошо было раньше — можно было уйти в монастырь. Не просто покой и воля, но именно монастырь — уйти от света и даже от воли, то есть от своей воли. Но это же одно: воля, то есть свобода, и воля — желание. Это интересно: отрицательное понятие — независимость от чужой воли и положительное — своя воля обозначаются одним словом: воля. Я хотел уйти в монастырь...[5]

В Евангелии — что понимаю, то люблю и понимаю, а чего не понимаю — не понимаю и верю и хочу верить, не понимая. Но теперь снова Евангелие от Иоанна непонятно и странно почти все, и уж я не знаю, что сказать. А Деяния и Послания не нравятся. Мне все кажется, что Апостолы укрывают от нас настоящего Христа, не понимая Его.

И зачем столько дел и суеты. Сразу же после Христа не Мария, но Марфа заняла первое место. Да и не может быть иначе: всегда на первом месте Марфа. Мария не будет Марией, если сядет на первое место, она избрала благую часть.

В критике Евангелия всегда есть что-то некрасивое и неумное, но все же я отделяю как-то Благую весть от написанной Книги. Я бы хотел целиком, абсолютно, безоговорочно принять хотя бы четыре Евангелия. Еще первые три я принимаю безоговорочно: что понимаю — люблю, верю и понимаю, чего не понимаю — люблю, верю и не понимаю. Я закончу Послания и Апокалипсис и снова начну Евангелия.

У Флоренского мне понравилось не то, что он говорит, — он вообще ничего не добавил и не разъяснил, но цитаты о Святом теле и одно постановление Соборов, или Отцов: анафема тому, кто не женится не ради святого девства, но потому что гнушается. И еще: совершенно непонятно о Богоматери. От Нее будто бы сохранились две записки или письма. Не говоря уж о том, что это страшно безвкусно: письма Богоматери; я могу верить в беспорочное зачатие, но все же должна быть какая-то дистанция. Вообще легче поверить в то, что никто никогда не видел. Очевидцы и свидетели не только нарушают чистоту веры, но даже ослабляют ее. Я верю в чистое чудо, но в зафиксированное поверить мне труднее. Мне кажется, люди просто не думают об этом. Может быть, никто не верил бы в беспорочное зачатие, если бы увидел письмо Богоматери. Или же не поверил бы в письма Богоматери. Да и вообще, как может писать и вообще что-то делать Та, с Которой случилось величайшее из чудес? Мне кажется, Она должна была бы всю жизнь после этого молчать.

Это можно записать формулой. Пусть:

$A \to B \to C \to D \to E\ldots$ —

это естественный ряд.

Тогда:

$A \to B \to \ldots \to X \to a \to b \to c \to \ldots \to C \to D \to E \to \ldots,$

и здесь X — чудо, $a, b, c, \ldots$ — то, что из чуда последовало, и лучше так:

$A \to B \to C \to D \to E \to \ldots\ \ X \to a \to b \to c \to d \to e \to \ldots$

То есть чудо было, было с нами и есть сейчас, но все же оно не связано непосредственно с естественным рядом. Понимание этого — некоторый такт, и в Евангелии есть этот такт. Но если бы:

$A \to B \to X \to C \to D \to E \to \ldots,$

то есть чудо вошло в естественный ряд как его член, то оно не было бы чудом. — Это одна ошибка. Противоположная ошибка — удалить чудо совсем от нас. Чудо должно быть с нами совершенно реально и конкретно. И я верю, что «Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца». Но в письма Богородицы я не верю, и в Евангелии о них ничего не сказано, и слава Богу, что никто никогда не сможет этого дока-

зать, иначе трудно было бы поверить в то, что Слово стало плотью. Ведь если это было бы доказано, то я стал бы сомневаться, что родившийся от Нее — Бог. Но если бы и это было доказано, то зачем верить? И стало бы уже законом природы и таким же недостоверным, как всякое знание. Но вера сильнее и реальнее знания.

9 ноября. Возможность возможности возможности. Рискованно вводить в подобных отношениях третье, потому что тогда потребуется еще четвертое, потом пятое и т. д. или это поведет к субстанциализации. Поэтому я и говорю: третья возможность — это пустой звук. Вообще два соблазна: субстанции и релятивизма.

10 ноября. Бог должен быть нигде, ничто, никак и еще никогда. Пространство, время, субстанция и качество — вот что неприменимо к Богу. Может, только **Кто** можно оставить в применении к Богу. Но, лишив Его и этого, еще более возвысим.

Церковь — собрание. Где двое или трое соберутся во имя Мое. Зачем собираться вдвоем и втроем? Затем ли, что так легче, или вдвоем и втроем узнаем больше, чем по одному? Ведь главное, подумай о душе. Но также: люби ближнего своего.

Люби Бога и люби ближнего. Любить Бога и значит думать о душе. «Люби ближнего» можно ведь толковать так: не люби себя, то есть подумай о душе. Тогда любовь к ближнему только средство для того, чтобы думать о душе и о Боге. Но зачем собираться вдвоем и втроем? Я не говорю, что этого не надо, раз в Евангелии сказано, что надо. Я только не понимаю и спрашиваю: дается ли этим только поблажка ради нашей слабости; тогда, собираясь вдвоем или втроем, я как раз не думаю о своей душе, но или отдаюсь некоторому приятному стадному чувству, просто избегаю одиночества, чтобы не думать о главном, или отдаюсь тщеславию, рассказывая, как я хорошо и умно думал о душе, или честолюбию и властолюбию — поучая. В лучшем случае я утешаю другого, но и это не так хорошо. Во-первых, я получаю от этого какое-то эмоциональное удовлетворение, которое само по себе, должно быть, не очень хорошо, то есть я думаю: как я хорош. Во-вторых, отвлекаюсь от главного. В-третьих, тому, кого утешаю, даю камень вместо хлеба. Он удовлетворится, ничего не узнав, и лучше уж ему быть плачущим: блаженны плачущие, ибо они утешатся. Но утешение, которое я могу дать, — только суррогат. Если же все это не так и чтобы молиться, надо не уйти в свою комнату, как говорит Христос, но собраться всем вместе и вообще собрание что-то дает, то что? И здесь я не удовлетворюсь общим ответом, что дается благодать, потому что она дается и одному, или что церковь — тело Христово, потому что тело Его — хлеб и кровь Его — вино, или что так легче найти путь, потому что легкий путь не

есть еще правильный и о трудности пути говорит Евангелие. Я спрашиваю ясно и хочу получить такой же ясный ответ:

1. Что такое любовь?

2. Почему надо быть не одному, а вдвоем, втроем, вообще в собрании — церкви?

Это два различных вопроса, и в первом я еще нахожу некоторые оттенки и виды любви, но все же ответа не нахожу. Но если и найду полный ответ на первый вопрос, второй останется.

Доказанное неубедительно. Наиболее убедительно то, что ускользает от доказательства и вполне неуловимо.

Сон. Он лежал в могиле,и хотели испробовать какой-то способ его оживить. В могиле прокопали дыру на несколько саженей вглубь, он лежал как бы в колодце. Затем надо было уложить его в определенном положении и сделать укол. Я вижу, что на его месте, кажется уже на кровати, лежит другой он. Он же, но другой, и как будто уже живой, а тот еще мертв. Второй занимает его место, и я говорю: как же сделать ему укол, если его место занято другим — его двойником? Но вот они на разных кроватях. Тот, кому должны сделать укол для оживления, встал с кровати, делает гимнастику, обтирается, готовится к уколу, а я лежу с другим. Да, еще до этого кто-то назвал одного из них моим отчимом, а другого — отцом и я все думал, как же это, я их одинаково люблю, и оба — один и тот же, но все же один из них в каком-то смысле раньше и, значит, тот — отец. В то время как один из них готовился к уколу, я вдруг подумал: да ведь укол-то надо делать не ему, а тому, кто со мной на кровати лежал, все перепутали, теперь тот утомился и умрет, а этот не оживет. Значит, на кровати со мной лежал тот, кого надо было оживлять, а оживлять хотели живого. Тогда тот, кого надо было оживлять, встал с кровати и начал готовиться к уколу, но было уже поздно. В это время я проснулся, причем во сне, и стал повторять сон, чтобы не забыть. Но я помнил так хорошо, что не надо было повторять. Я смотрел вдаль: темное небо, лес или поле — и думал: почему их двое? Ведь он один и умер, и я понял, что потому и два, что умер. Потом появились какие-то люди, но я не мог с ними остаться и, чтобы длинно не объяснять, сказал: я не могу остаться с вами, так как сейчас будут оживлять моего отца и отчима, и пошел к ним, то есть к нему и его двойнику. Я не мог определить, кто из них он, кто двойник. Потом началось оживление, то есть то, что было раньше.

Я какой-то отверженный. Во-первых, не умею разговаривать с людьми. Во-вторых, боюсь, когда ко мне кто-нибудь льнет. Я здесь боюсь, должно быть, некоторой несамостоятельности души. Ведь Т. я говорю и о том, что думаю, и выбираю ей книги, и когда она сказала:

я ученица Я.С.*, — мне понравилось, но, что бы я ни говорил, у нее есть свое, то есть у нее свой взгляд на мир. Несамостоятельность души — это некоторое отсутствие души — безличность. Здесь есть боль. Почему Бог сотворил одну душу как вот эту единственную, а другие — подобными друг другу, без того, что делает каждую единственной? Чтобы отказаться от своего, надо иметь это свое. Но я думаю, есть и такие избранные, которые уже от рождения не имели и не искали ничего своего — блаженны нищие духом. Но когда ко мне кто-то льнет, я чувствую, что у него нет своего, но он, вместо того чтобы радоваться, ищет свое у меня. Но что я могу ему дать? Я не Бог. Помимо того, боль ⟨бытия⟩.

Сон. Он зашел к нам ненадолго, ему надо куда-то идти. Я говорю: я ведь знаю, куда ты идешь, поможет ли? Я имел в виду, что после смерти он уже раз ушел в другую семью, но все же опять умер; как бы не умер в третий раз.

Главным было ощущение непонимания и боли.

11 ноября. Закончил два из трех Свердловских трактатов [6]. Вернее, написал последнюю фразу: «Тогда знание освободит место для предположения, предположение — для веры». А закончу завтра или послезавтра, последняя же фраза пришла сейчас на кухне, куда вышел курить. Значит, за год или за год и один месяц, так как на декабрь еще хватит, три трактата и еще «О времени», если выйдет. Затем никуда не вошедшее и «Логика отношений». Затем еще некоторые рассуждения по логике, но их немного. Это за шесть месяцев с ноября по май (в Свердловске) и здесь последний месяц. А 6 месяцев — рассеяние. Впрочем, в это время и «Логика отношений», и стихи Введ⟨енского⟩, и о времени некоторые рассуждения.

В 1942 г. в ноябре начал писать: «Квадрат миров», «Формулу несуществования» и некоторые другие, а весной и летом вторую часть «Соблазнов», но не вышло. Много раз начинал и снова бросал. И уже в последний раз в Свердловске, в августе, и здесь, в Ленинграде, как приехали. Так что удачные месяцы: ноябрь до марта или апреля. В 1943 г. тоже в ноябре начал и в апреле кончил. И в 1944 в конце октября начал.

Евр. 11, 1, 3. «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом... Верою познаем, что веки устроены Словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое».

Католичество интернационально, православие — преимущественно русское. Но католик скажет: несть ни эллина, ни иудея. Да, но только

* Якова Семеновича, то есть автора.

тогда, когда нет ни господина, ни раба, когда нет авторитета власти. Но католицизм основан на авторитете, это ясно показал Достоевский. Католицизм уничтожает идею национальности не потому, что высокое у людей мерзость перед Богом, но чтобы поставить на место нации авторитет. То есть уничтожает одну мерзость перед Богом, чтобы заменить ее другой, еще более мерзкой. Католицизм извне хочет уничтожить идею национальности, но, может быть, скорее православие, не отказываясь от своей национальности, как бы в глубине ее находит то, что выше нации. И здесь не случайна разница в отношении к пленным у националистов — русских православных — и у интернационалистов — католиков Запада.

20 ноября. О предчувствиях. Жизнь я сравнил с шариком, который катится по рулетке. Он пущен с определенной скоростью, и у него есть опасные смертные числа, например 4 и 9. Первое благоприятное, второе неблагоприятное[7]. Около этих чисел — небольшая неровность, так что шарик притягивается к ним, проходя мимо. В конце концов он остановится на одном из этих номеров. Шарик обладает некоторой свободой воли и может приближаться к любому номеру, но не знает последствий своих поступков, так как не знает всех неровностей доски, а также счастливых номеров. Поэтому большей частью решает случай: прошел ли он свои смертные номера. Приближение к смертным номерам — предчувствие смерти, вернее окрестностей смерти, смертной полосы, смертных номеров. Поэтому предчувствие может не оправдаться: я благополучно прошел окрестности смертных номеров, хотя был близок к ним, и вступил в новый круг.

24 ноября. Формула особого существования.[8] Три места — три Лица. Первое место пусто, на нем второе Лицо. Оно должно быть пустым и на самом деле пусто, но пока как бы не пусто и все, что на нем есть, пока как бы есть. Когда же пусто и на нем второе Лицо, первое место станет вторым: первым и вторым. Здесь должно бы быть третье Лицо, но это место безличное. Почему все-таки здесь не будет второго Лица? На первом месте может быть Лицо, но без существования. На втором — существование без Лица. Но оба необходимы для реальности. Второе Лицо переводит **это** в **то**, которое есть **это** и **то**. Это и есть особое существование. Второе Лицо есть на первом месте, тогда нет первого места, но второе — первое и второе. Но переход со второго места на третье должен быть иным: в **не-то**. Но может ли он быть так же рационально обоснован, как прежний? Это должно быть формулой особого несуществования.

25 ноября. Бога надо отдалить от себя возможно дальше, и тогда Он будет совсем вблизи.[9]

26 ноября. Злоба от неверия: неверующие злобны.

27 ноября. Ничего нет, ничего не существует, кроме Бога.

28 ноября. Когда я говорю: я хуже другого, то есть хуже среднего человека, в этом чувствуется какое-то двойное фарисейство, и, значит, я действительно хуже другого. Двойное же фарисейство вот в чем: когда я говорю — я хуже другого, я сразу же думаю, даже не думаю, а чувствую или мелькает — я сознаю, что хуже другого, — вот как я хорош, я не фарисей, я лучше другого. Это двойное фарисейство, так как простое — сказать: как я хорош. Но затем будет тройное фарисейство и т. д.

Но это действительно: если я делаю хорошее, то или потому, что люблю того, кому делаю, и, значит, мне это нетрудно, или потому, что мне это легко. В обоих случаях — цены не имеет. Но с другой стороны, мне многое легко, потому что мне уже не надо многого своего, так как в этой жизни вижу не эту, но **ту**, то есть абсолютную. Это хорошо. Но, признав, что это хорошо, признал, что и я хорош. Это уже снова плохо. Но вот теперь некоторые абсолютные состояния.

Во-первых, когда вижу **то**, а не **это**.

Во-вторых, когда ощущаю мерзость и ощущаю ее как свою мерзость, то есть не могу отделить этой мерзости от себя и сам себе нестерпимо мерзок. Остальные — сомнительны, в этих же нет оценок: когда вижу **то**, мне хорошо (если не страшно), когда вижу мерзость, мерзко.

Где Бог? Дальше всего. Но ничего нет, кроме Бога. Значит ближе всего.

3 декабря. Наивность рационализма. Опровержение рационалистично и наивно. Опровержения Толстым церкви и Шекспира уже сейчас, через сорок лет, наивны. Поэтому философы не стареют, а учебники философии стареют.

5 декабря. У Флоренского я прочел. Отцы церкви постановили: анафема тому, кто соблюдает девство не ради девства, а потому что гнушается женщины. Это значит: не должно быть предпочтения одной женщине перед другой, тогда гнушаешься другой. Я не должен развратничать не потому, что следует предпочитать одну, но потому, что «кто может вместить, да вместит», но дается послабление: с одной можно. Тогда развратник, не отдающий себя целиком ни одной, праведнее влюбленного в одну. Вообще на том свете обнаружится много неожиданностей.

23 декабря. Смысл трех «Свердловских трактатов»: только Бог и есть, все другое только придумано, придумывание же и есть то, что сотворил Бог. Мир — мысль Бога или Слова. Но это еще не тот мир, в котором, как нам кажется, мы живем; тот станет через Слово, которое для этого станет нашим словом — мыслью. Слово не сотворено Богом, Слово — это принцип творения. Неясна еще функция третьей Ипостаси. Она не сотворена, как и Слово, и, может, это идея пребывания в принципе творения. Поэтому Слово у нас стало плотью, **То** — не у нас, а Бог дальше. Но что значит — только Бог есть? Это надо понимать не так, что есть истинное существование и другое, видимое и ложное. Нет ложного и истинного, но есть становление Бога — это и сотворил Бог; становление Бога — опустошение, уничтожение, смерть **своего** во мне. Но здесь мне приходится ввести различие между двумя смыслами **моего**, и первое пусть будет **свое**, а второе — **мне**. **Свое** — это **само**, предметное, а **мое** — чистое **как**, чистое сопровождаемое — первый признак реальности. Второй признак реальности — **не мое**. И его тоже надо отличать от **не моего** во мне, которое отпало от меня при поисках меня, первое же **не мое** — абсолютное.

Как-то я шел по улице и вдруг почувствовал: я достиг некоторой новой ступени в ощущении несуществования времени, то есть в ощущении вневременности, впрочем, лучше именно несуществования времени. Это ощущение несуществования предполагаемого мира, который только предполагается ради становления Бога.

Я живу, и затем или почти сразу я думаю о жизни. Это не одно — что-то сделать: ощутить, сказать, совершить — и подумать об этом. К «сделать» я отнесу еще некоторую первоначальную мысль и буду различать: первоначально подумать и подумать об этом. Так вот, нет никакого соответствия между сделать что-либо, то есть жизнью, и мыслью об этом, кроме первоначальной мысли, которая тоже жизнь. ***И мне кажется, что я живу уже сейчас не здесь, а там, а думаю, что живу где-то здесь, которого на самом деле нигде и нет, которое нужно просто как не-то, как только предполагаемое, но само невозможное условие того.*** Не я, но тот мир, в который я себя поместил, только предполагается, я же — **там**.

[Первоначальное думание — то, что сейчас я называю незавершенным движением мысли, думание о чем-либо — объективирование, первоначальный ряд. Но первоначальное думание я назвал и совершением. Некоторое изменение категорий: совершение — не акт мысли, так как это уже в прошлом, но именно то, что не может быть понято как сам акт; с е й ч а с — не содержание акта мысли и не сам акт, но акт мысли. Но этот акт — совершение, а не уже совершённое, — поэтому незавершенное движение мысли. Затем: становление Бога. Сейчас я не люблю этот термин. Но здесь становление Бога не в смысле Фихте—Шеллинга, а как смерть **своего**.]

26 декабря. Я ощущаю себя искрой в пламени и живу, пока вспыхиваю. Это почти ощущение прагматизма, во всяком случае близко к нему. У Бергсона вместо пламени — жизненный поток. Бог должен быть дальше, жизненный поток, пламя — среднее между мною и Богом, и это абсолютизирует прагматизм. Но, поставив Бога дальше всего, я придвину Его ближе всего, так как все среднее неустойчиво и не будет ничего между мною и Богом. То есть имеются только два: я и абсолютное; и абсолютное или в какой-то мере однородно мне, и это прагматизм, тогда третье — Бог — фикция, или вполне неоднородно, тогда второе — мир, жизненный поток, действующее **я** — фикция. Первое абсолютизирует объект, называя его Богом или **я** — все равно, или, как это делаю я, само отношение, второе — субъект.

Ведь абсолютизация субъекта не в том, что его делают объектом, а в том, что абсолютизируют субъективность. В первом же случае приходим или к **я**, или к Богу и их не совместить, или к некоторому состоянию отношения: оно — абсолютное, но не Бог, Бог дальше. И оно не станет между мною и Богом, потому что это состояние — я сам и это состояние — ничто.

Почему физические удовольствия и особенно физическая боль не запоминаются, а другие, не физические, запоминаются лучше и иногда и некоторые из них часто даже переживаются с той же силой?

Почему воспоминание всегда неприятно или печально? Внешний ответ: потому что вспоминаю, когда не действую, значит, не радуюсь. И это верно, но главное или какой-то внутренний слой: все, что подвергнулось действию времени, мерзко.

Я вспоминаю себя в прошлом, и все в нем глупо и мерзко. Было ли глупо и мерзко тогда? Может, так: я совершаю поступок, но совершив, вспоминаю. Совершаю в одном слое — вневременном, вспоминаю в другом — во времени и не то, что было, не вспоминаю, а придумываю. Они вполне различны: одно было, другое, придуманное, придумывается как воспоминание: для того, чтобы связать придуманное с тем, что было, оно называется воспоминанием. И в первом я действительно свободен, во втором нет никакой свободы. Это понял Кант — трансцендентальная и эмпирическая характеристики.

При повторении события в воспоминании оно механизируется.

Франциск Ассизский называл свое тело: брат осел. Сейчас у меня брат осел непривередлив и смирен. Но и я ему иногда потворствую. Он ест у меня беспорядочно и нерегулярно и особенно не жалуется. А так как он непривередлив, то, когда у него в брюхе пусто или просто ему скучно, я и разрешаю ему иногда напихаться сколько душе влезет и он удовлетворяется чем угодно, хотя бы и одним хлебом,

даже черствым. Может, это тоже иногда от некоторого уныния, ведь скука от уныния, но все же лучше, чем меню на две недели вперед; это — культ еды, а то — обжорство. Обжорство — русское и лучше западного гурманства. Ведь и брюхо создал Господь Бог, и не грех заполнить его.

То, что я называю состоянием точки, затерянной в мировом пространстве, или мировым провинциализмом, в каком-то отношении дальше боли, хотя боль — более общее и включает в себя и это состояние в третьей категории — ничтожестве.

Я шел по улице, усталый и сердце болело, но я этого сейчас не замечаю, и думал: я и Бог, вот что осталось, почти только это, и теперь осталось последнее: уничтожить **я**, не насильственно, но через понимание, и останется один Бог.

28 декабря. Верно ли, что если одно предполагается так, что другого нет, то такое предположение ложно и одного нет, и если одно находит место другому и предполагает его, то такое предположение истинно и одно есть? Если же так, то некоторое сомнение, не утверждая себя ни полной достоверностью, ни полной недостоверностью, но допуская возможность и той и другой, истинно. Как это возможно? Оно истинно, не имея формы истины.

1945

20 января. Вот скоро месяц, как даже в записной книжке ничего не пишу. «Симфонию» закончил, может, даже еще до 23 октября.

Пробую читать и тоже не могу. Даже Гамсуна — без большого удовольствия. Сейчас пробую читать Шмаленбаха. Скучно, и какая-то мысль вертится. Тот все об одном и о первопричине, но ведь это все категории того, что есть и видимо. Какая-то мысль мелькает, но, как Душечка[10], не вижу, что к чему и зачем.

Пусть будет **это** и **то**. Всякое одно, и всякое многое, и всякая первопричина **этого** принадлежит к **этому**.

21 января. Все сумасшедшие, ведь каждый убежден в своем и переубедить его нельзя. Свое — это не математическое положение, это доказуемо, хотя и не убедительно, убедительно то, что не доказуемо. И в этом, какие бы ясные доводы мне ни приводили, меня можно переспорить, но не переубедить. На некоторое время я, может, и поверю, но затем снова вернусь к своему. Не так ли и сумасшедшие?

8 Зак. 3244

Когда к нам приходила М. А.[11], я помню, мама ее уже почти убедила, что А. Е. ее муж, во всяком случае она перестала возражать, но, выйдя от нас, вернулась к своему. Она прекрасно понимала, что доводы убедительны, но еще яснее понимала, что убедительность неубедительна. Вообще я не считаю ее сумасшедшей. Она была лет на 15 старше мужа, очевидно, был какой-то конфликт, ведь когда ему было 45, ей было лет 60, вот она и сделала более приятную ей подстановку: муж переменился ко мне — мужа подменили. Скажут: в этом и сумасшествие. Нет, она имела какое-то представление о муже и считала, что А. Е. и есть этот муж, но оказалось, что он не соответствует этому представлению, значит, он не тот, а того нет. Но нет даже сумасшествия в том, чтобы не считать ложным представление о муже, которое у нее было, то есть считать реальным свое представление, и сомневаться в А. Е., не соответствующем этому представлению. Наоборот, в этом я нахожу даже некоторую мудрость. Ведь несомненно были факты, убедившие ее в истинности ее представления, это более непосредственная очевидность, чем фактическое присутствие чуждого ей теперь А. Е. Он стал другим, но это как раз наиболее непонятное, что-то в нем должно было остаться, он мог стать другим, но все же должен был остаться тем же самым. Но тем же самым реальный А. Е. как раз и не остался. Но то же самое в нем всегда будет тем же самым, если же этого не было, значит, не было того же самого А. Е., то есть его подменили. А то, что она путала и других людей, то не так ли и все мы придумываем к некоторой основной реальности систему предположений? Только мы это делаем так, чтобы они были согласованы с предположениями других людей, а ей это было безразлично, настолько она была погружена в свое. Это тоже не сумасшествие, а только степень погружения в свое.

Теперь о себе: пока я читаю Шпенглера, я иногда соглашаюсь с ним, когда же кончаю, думаю, не все ли мне равно, отнесет он меня к раннему или позднему возрасту. Но ведь **мое** — абсолютное, то есть то, что Шпенглер как раз отрицает, и мне становится омерзительным прагматизм Шпенглера. Здесь круг: я согласен с Шпенглером — я — в определенной, предназначенной мне клетке. Он убеждает меня, сумасшедшего, доводами вполне убедительными. Действительно, есть тайна: я создаю мир, в котором **я**. Но затем забываю о доводах, вернее, вспоминаю свое — абсолютное, тогда забываю о доводах: доводы убедительны и истинны, но недостаточны.

⟨...⟩

6 февраля. Пишу ответ[12] Л. на его вещь «Исследование ужаса». По этому поводу: у нас были фракции, но переменные: то я с Д. И., Л. с В., то я с В. или Л., а Д. И. с Л. или В., то один против трех. В ответе на главы 4 и 5 «Исследования ужаса» я с Д. И. и с В. против Л.

17 февраля. Наиболее убедительна непоследовательность. В ней упорство и сила. И это дольше всего сохраняется. А раскрытие непоследовательности и логичность скорее делаются наивными.

22 февраля. Мужчина, имея связь с женщиной, может ничего не давать ей, то есть души; женщина, отдаваясь, обязательно отдает хоть часть души. Возможно, поэтому не одно и то же мужская измена и женская.

3 марта. Лида сдала диамат на три. Выше (если не случай) может получить только очень глупый человек.

Есть некоторая пустая интуиция. Человек смутно чувствует, причем сам не знает что. Это интуиция ограниченного человека, пустого, который видит, что в жизни что-то происходит и что-то имеет значение, сам же он не участвует в ней, хотя бы в какой-нибудь узкой области. Он даже не специалист, даже не техник. Он просто шелуха и сор, тот, который сжигают. Так как он ни в чем не принимает участия, не прикасается ни к этой жизни, ни к той, ничего не понимает и не видит, но своей специальностью считает понимание и видение, то, чтобы выразить свое очень смутное ощущение, он все время повторяется, говорит пошлости о том, что все изменяется, движется, находится во взаимодействии и проч., ему не хватает слов, и жестами и особой многозначительной интонацией он хочет заменить недостаток мыслей и придать смысл бессмысленным цитатам. Это естественное завершение того, что началось уже 150 лет тому назад и о чем говорил Д. И.: в стихотворении первая строка хорошая, а следующие несколько — плохие; предполагается, что слушатель замечтается. Здесь же все плохие.

Но та пустота, которая у Мальбранша, — это другое. У Мальбранша нет полной бессмыслицы и все же какая-то реальная интуиция.

5 марта. Государство — это я. Это правильный принцип. Вернее — это взгляд гения. Пушкин имел право сказать: поэзия — это я. Даже не имел право, а должен был. Это не просто гении, а первые гении. В философии: Гераклит, Парменид, Платон, может быть, Декарт, Лейбниц, Кант. В музыке — Бах, до Баха не знаю кто, после, может, Моцарт или никто. При этом не должно быть односторонности, надо все понимать. Поэтому Бетховен в число этих первых не входит. Но Гоголя, несмотря на односторонность, я все же включу. В их число я включаю и Введ⟨енского⟩. Д. И. что-то понимал не хуже и мастер был лучший, но все же не входит. Мастерство здесь ни при чем. Затем, для того чтобы понимать, надо самому писать и вполне понимать можно только то, что написано хуже, а не лучше.

Значит, чтобы понимать все, надо писать лучше всех. При этом не быть односторонним, как, например, Бетховен. Это не знание всего, но ясное сознание возможностей и пределов своего искусства. Вот что значит: государство — это я.

Мужчина брезгливее женщины. Пример: женщина спит с женщиной в кровати, мужчина же с мужчиной не спит. Женщина спит с женщиной, с которой мужчине было бы противно. Женщина чистоплотнее мужчины потому, что мужчина брезгливее, ведь это делается для другого пола.

О поэтичности. Мужчина поэтичнее женщины. Положим, он и она и между ними какие-либо отношения: любви, дружбы или более сложные, причем односторонние или обоюдные. Положим, им ⟨отношениям⟩ приходит конец. Она порвет их без сожаления, а у него всегда будет чувство печали, или сожаления, или чего-либо подобного. Для него отношения ценны сами по себе, а для нее ценен он, а не отношения.

Женщины поэтичны в мужском воображении.

Чехов: в мужчине с возрастом все меньше бабьего, а в женщине — больше.

8 марта. Приехал в Ленинград 20 сентября. Через две недели начал эту записную книжку, еще через две недели, в середине октября ⟨продолжил⟩ «Свердловский трактат», а потом «Симфонию»[13]. Закончил через два месяца, в конце декабря, а затем уже два с половиной месяца ничего не пишу и не читаю. Впрочем, пытаюсь писать и читать. Прочел Евангелия с Посланиями и Апокалипсисом, последний — с пропусками. Пытался читать: Больцано, Гуссерль, Флоренский, Шпенглер, Мальбранш, Чичерин («Логика» и проч.), Франк — «Философия и жизнь», какие-то немецкие книжки, среди них «Эйнштейн и религия»; Чуковский — «Люди и книги 60-х гг.», Гершензон: «Ключ веры», «Переписка», «Эпоха Николая I», и многое другое, но дочел до конца только «Ключ веры» и «Переписку».

Пытался писать: Комментарий к «Исследованию ужаса» Л., «Разговоры с Мальбраншем»*, Комментарий к «Основам трансцендентального учения»[14], исправил и переписал «Основы трансцендентального учения», завел две тетради: «ФУ»[15] и вторую[16] сегодня — по поводу Куно Фишера. Всего, должно быть, лист, может больше, да еще пол-листа или меньше — исправленные «Основы». Это за два с половиной месяца.

13 марта. Все же надо что-то придумать. То есть что делать. Весь вечер, с 9 до 12, просидел, ничего не делая, даже не читая: прочел 5 или 6 страниц. Совсем как было тогда, до войны и до Баха. Но тогда хоть музыка была и люди были.

Лесков: «Если из вас кто-нибудь так счастлив, что уже переходил полосу, когда человек весь видит себя в руке неодолимой силы, которая его мнет и тяготит, то вы можете понять это положение, а если вы еще сыры и не научены доброму смыслу и ведению, то вы и не поймете, как в подобных случаях человек удивительно одуревает и начинает сам лезть на свою петлю».

---

* Отдельная работа с таким названием неизвестна.

1945—1960
ФОРМУЛА УНЫНИЯ (ФУ)

[14 апреля 1953 г. в великую игнавию начинаю ⟨переписывать⟩ вторую часть этих «Принадлежностей». Я хочу понять игнавию, я буду думать о ней. Но как думать о ней, если игнавия и есть то, что уничтожает мысль? Что значит уничтожает мысль или нет мысли? И если я сказал: нет мысли, не есть ли это уже мысль — мысль об отсутствии мысли? Что значит отсутствие мысли без мысли об отсутствии мысли? Если игнавия уничтожает мысль, то и это не без мысли: мысль, уничтожающая мысль. Две ли это мысли: уничтожаемая и уничтожающая, или одна? Предельная или не предельная? Акт ли это мысли или некоторое незавершенное движение мысли? Одни состояния души я считаю более близкими мне, другие — отдаленными, даже не моими. В каком отношении ко мне эта мысль, уничтожающая всякую мысль? Завершенная мысль, акт мысли — уже **не я** и **не мое**, незавершенное движение мысли — некоторое внимание к себе, к с е й ч а с. Я сам, само во мне? Или, наоборот, устранение самого? Я вижу что-либо. В игнавии ничего не вижу. Может, это само ви́дение? Как его увидеть, само видение?

В 1944 г., вернувшись в Ленинград, я начал восьмую тетрадь «Принадлежностей». Через несколько месяцев, не закончив этой тетради, в великую игнавию в феврале 1945 г. завел новую, назвав ее «ФУ» — «Формула уныния». Следующие тетради «Принадлежностей» носят то же имя, и сейчас я дошел до шестой. Последняя запись: 26.II. Великая игнавия — magna ignavia.]

Уныние — это некоторая борьба при очевидном перевесе сил противника. Как побороть его? [Так писал я в то время. У меня определенная задача: понять игнавию. Из записей того времени я отберу, во-первых, то, что непосредственно имеет отношение к игнавии. Во-вторых, имеющее отношение к системе «Критерия». Тогда я впервые после 15 лет вернулся к «Критерию» и с тех пор написал 7 или 8 редакций. Последняя редакция — этим летом, но, еще не закончив, я был недоволен, особенно второй частью. После этого, с августа до января, — Фихте, затем Спиноза и затем, а может, и раньше — великая игнавия. В-третьих, неофициальные мысли, то есть вне системы. В-четвертых, некоторые состояния ви́дения. В-пятых, личное, но этого постараюсь поменьше. Если мне захочется добавить или изменить, добавлю и изменю. Если найду нужным указать, что добавление сделано сейчас, или вставить некоторое отступление, то буду в квадратных скобках.]

ФЕВРАЛЬ 1945 — ЯНВАРЬ 1946
ФУ 1

1945

20 февраля. Уныние надо пересидеть.

Поставлю себе правилом: каждый день писать не менее страницы, если только не будет уважительной причины для того, чтобы не писать.

Уважительные причины: 1. Болезнь. 2. Опьянение. 3. Пришел поздно, нельзя зажечь лампы. 4. Кому-нибудь мешаю, то есть мешает свет. В этих случаях можно совсем не писать. 5. Спешная работа. 6. Пишу по-настоящему. В этих случаях достаточно написать несколько строк. 7. В случаях ignaviae или отсутствия мыслей рисовать независимо от числа страниц до тех пор, пока не придет какая-либо мысль. Теперь: что писать? Желательно каждый раз взять какую-нибудь тему и исследовать ее возможно подробнее.

Уныние надо пересидеть

Абсолютным состоянием в отличие от субъективного я называю такое, когда ощущение или чувство не направлено на какой-либо предмет и не имеет предмета, но само есть предмет. Ненаправленное ощущение или чувство тоже может стать для меня предметом, но тогда перестанет быть ненаправленным. Я противополагаю себя предмету и, обращая внимание на себя, делаю себя предметом и противополагаю себя-предмет себе-не предмету. В случае абсолютного состояния этого противоположения нет: абсолютное состояние настолько интенсивно, его реальность настолько интенсивна, что оно вытесняет меня, становится на мое место. Первоначально абсолютным названо было состояние точки, затерянной в пространстве. Как оно наступает? Я пишу, или думаю, или вспоминаю что-либо. Внезапно все это прекращается, как бы отодвигается или просто пропадает и мне становится страшно, потому что я вижу себя в виде точки, затерянной в бесконечном пространстве. Я вижу абсолютную пустоту и в ней — себя. Но тогда я — дважды: я вижу себя и еще: я — в пустоте. Это не точно сказано. Я ничего не вижу: я в пустоте — вот и все состояние. Но, может, и это не точно: мое ви́дение без меня и без видящего — мое видение, ничего не видящее и никем не видимое, просто **мое**, затерявшееся в пустоте. От первого разделения освободились. Но пустота, в которой я, — не предмет, предмет — **я или мое** в пус-

тоте, так что освободились и от второго. Теперь же меня интересует уныние, абсолютное ли это состояние? Мне ничего не хочется делать, и вот я перехожу от дела к делу и все мне неинтересно и противно. Наконец я отбросил все дела и остался сам с собой. И здесь тоже я замечаю: нет ни меня, ни предмета. Проносятся еще какие-то обрывки воспоминаний, но где-то далеко, на месте же меня ничего нет, ни меня, ни предмета. Но и это не точное и не правильное описание. Я могу чем-то заинтересовать себя или, вернее, мне кажется, что я мог бы заинтересовать себя, но не тем, чем надо. Я должен что-то сделать или подумать, но это так трудно, что я предпочитаю любую пассивную работу. Если бы все было безразличным, я бы сразу лег спать. Но именно от уныния я и спать не ложусь, так как знаю, что должен что-то сделать. При этом я знаю: то, что сейчас неинтересно, станет интересным. Некоторое препятствие, но я не могу даже сказать, для кого, или перед кем, или чему препятствует, — само препятствие и невозможность его преодоления. Но не безразличное мне, хотя меня уже нет, я стал препятствием и невозможностью его преодоления. Трудно описать абсолютное состояние, потому что, когда я описываю его, оно становится предметом моего описания, значит, уже субъективным состоянием. Оно должно быть каким-то тожеством субъекта и объекта, но при описании становится то субъектом, то объектом. Поэтому я даю различные определения и описания и в одном поневоле перевешивает субъективность, в другом — объективность. Уныние — это некоторая борьба при очевидном перевесе сил противника. Как побороть его? Пересидеть. Это закон встреч. Бывает встреча нудная, натянутая, хотя, казалось, должна быть интересной. Тогда надо или сразу уйти, или пересидеть. Но это помогает не всегда.

Уныние — некоторая завеса, которую не можешь отодвинуть или, отодвинув, находишь новую. Но это совсем уже не точно. Уныние — это сон, в котором я не вижу себя и все время хочу проснуться, чтобы увидеть себя, некоторое усилие, обреченное на неудачу. Впрочем все это не то.

Но я не поборол своего уныния, не смог пересидеть его, оно меня поглощает.

21 февраля. Неправильно я повел борьбу с унынием. Надо было взять более ясный предмет для исследования. Однажды, будучи в унынии, я стал играть инвенции Баха. Уныние не проходило. Тогда я выбрал одну инвенцию и стал разучивать ее. Уныние прошло. Интереса не было, но я обратил внимание на определенную подробность и стало интересным. Может, уныние — это состояние ⟨чеховской⟩ Душечки между двумя любовниками: она не знала что к чему, и зачем бутылка на окне стоит, и зачем телега проехала. Чтобы побороть уныние, я выбрал темой уныние. Но подробности здесь совсем не ясны, эта тема требует сильного интереса и напряжения, которых не было.

Я и не-я

В абсолютном состоянии нет меня, то есть меня **самого**. Но где нахожу его? В себе. Кто этот **я**? Поиски себя или поиски другого, не себя? Напряжение или ослабление сил? Скорее всего, я — поиски, и все равно — себя или не себя, а напряжение или ослабление сил — **не-я**. Может, так: **я** и абсолютное, или проще: я и Бог. Я ищу себя. Я просматриваю все, что есть, что имею, и первое, что нахожу: все мое, все **я**, мир — мой. Затем я освобождаю себя от того, что во мне не мое, без чего я могу обойтись. И здесь я убеждаюсь, что все мое — уже не мое, я освобождаюсь от него и все же остаюсь. Что-либо всегда остается, но я отбрасываю его, так как сразу вижу, что это **не-я**. Может, это отделение себя от себя и есть **я**? Нет, это отделение, это объективирование себя — **не-я**, это только моя мысль. Тогда я отбрасываю и это отделение: отделяю от себя отделение себя от себя. Но и это могу отделить: отделение от себя отделением от себя отделения себя от себя, и само это отделение отделения отделения... только мысль. Могу ли я отделить от себя эту отделяющую мысль? Я хотел бы, чтобы это последнее отделение и было **я**, причем без меня самого, чтобы оно было полным уничтожением меня самого, полным опустошением. И здесь, в силу какого-то закона боязни пустоты, как только я освобожусь от себя, на этом месте станет Бог или какое-либо абсолютное состояние.

Я. Во мне все не мое. Только Бог мой.

Схема. Я и не-я: Бог. Мое и не мое; мое — Бог, не мое — **я**.

Я пишу о Боге вяло. Я вынужден писать умом. Нет какого-то горения. Я не желаю, а желаю желать Бога и как я желаю желать Его. Уныние не только отсутствие, но и присутствие. Чего? Оно ощущается даже физически, как некоторое стеснение в груди. Подобное ощущение бывает, когда давно не курил и хочешь курить.

Может, уныние — вялость оттого, что не желаю, а только желаю желать Бога?

О способах рассуждения пространном и схематическом

Некоторые интуиции, которые у меня есть, удивительным образом объединились в одну. Я думаю о ней формулой. Это формула мира. Я все время пытаюсь записать ее; и в «Квадрате миров» и в Свердловских ⟨трактатах⟩. Прилично ли здесь пространное рассуждение? Не знаю, когда я начинаю рассуждать пространно, у меня получается многословно.

Сейчас я читаю Мальбранша, мне даже нравится, но все же, конечно, скучновато. Или это сейчас, я не знаю. Даже «Санаторию Тарахус», которая мне очень нравится, читать было не очень интересно. Я даже лучше чувствовал Гамсуна и восхищался не тогда, когда читал, а когда вспоминал прочитанное. Вообще прозу мне сейчас трудно читать, зато

стихи полюбил больше прежнего, может оттого, что в стихотворении легче увидеть формулу.

Формуле приличен схематический способ рассуждения. Но чем заполняется формула, или она полна сама собой и не требует заполнения?

О логичности

В моих «Основах трансцендентального учения» есть некоторое упорство и сила, несмотря на ошибки и некоторую нелогичность, но, может, это и дает силу. Может, сила — в непоследовательности и нелогичности, подробное же обоснование и пространный способ рассуждения, устраняя некоторую непоследовательность и нелогичность, ослабляют ее?

Пусть дана формула. Но осталась жизнь. Формула ясна, жизнь не ясна. Формула есть, существует, жизнь — мнимое существование. Но вот это мнимое существование восстает во мне против формулы. Хотя и восстание его заключено в формуле.

22 февраля. Сегодня есть уважительная причина не писать, причина, которую я не предвидел.

24 февраля. Вчера не писал по причине (5) до полчетвертого и (4)— после.[1] Что же касается непредвиденной причины, то пусть это будет причина (8). Но она не должна повторяться слишком часто.

О двух субстанциях и о месте души[2]

XVII—XVIII вв. — интуиция двух субстанций. Должно быть, это определило ⟨всю жизнь⟩ или связано было со всей жизнью. Куперен, Бах.

О месте души. Душа связана с телом, но не с определенным местом в теле. Она выбрала себе тело по вкусу, тело — проявление индивидуальности души. Душа не сидит в теле, но выбрала себе определенное тело и не может находиться в какой-либо части тела, так как вообще нигде не находится.

У меня выпадает тело. В системе ему отводится скромное место, где-то вдали, как возможность возможности. Можно ли пренебрегать телом? Может, тело — ф у н к ц и я с е б я л ю б и я? То есть первое проявление **самогó**? Тогда **само** превращает абсолютное состояние в субъективное или в **самом** абсолютное состояние есть субъективное.

Вопросы.

Ощущает телесная или мыслящая субстанция?

Душа не шире ли мыслящей субстанции? (И скажу своей душе: душа, ешь, пей, веселись.)[3]

Если же все ощущения в душе, то что же тело, ведь для меня тело — только ощущение тела?

Если тело — индивидуализация души, то душа сама по себе не индивидуальна? Или нет души без тела?

Если же тело — проявление самой души, то душа без **самогó** индивидуальна ли?

1 марта. Правило нарушено. Один или два раза была уважительная причина, кажется (6), раз от уныния устроил себе пятую причину (только бы не писать). Да и сегодня писать не буду.

3 марта. [Есть пустая интуиция, когда человек что-то чувствует, причем и сам не знает что. Когда он хочет высказать ее, ему не хватает слов, потому что и высказывать нечего, и отсутствие мыслей он заменяет жестами и многозначительной интонацией.]

4 марта. Душа-интуиция. Сообщаются ли души-интуиции? Во-первых, эмпирическое общение душ, во-вторых, логическое и онтологическое родство душ-интуиций. Все множество душ-интуиций — сумма их или новая душа-интуиция? Я думаю, есть не менее двух основных душ-интуиций, которые не могут быть одной душой. Да и вообще понятия множества и суммы неприменимы к ним.

7 марта. Розанов хвастает своей непорядочностью и тем, что ему по морде дали. Д. И. говорил, что мы из своих недостатков делаем достоинства и хвастаем ими. Но сейчас хвастать своей непорядочностью смешно. В век непорядочности это пошло. Но есть некоторые правильные стороны и в порядочности и в непорядочности. В непорядочности: некоторая погрешность, неустойчивость положения — маленький человек, не барин, дали по морде. Когда в истории значительные и большие линии идут под знаком порядочности, в некоторой непорядочности или, вернее, в непринятом и в неприличном, то есть в том, что не принято, найдется погрешность, которая входит в окрестности смерти. Когда же господствует непорядочность, погрешность — в порядочности. Вообще: небольшое нарушение основной линии: высокое у людей — мерзость перед Богом[4].

14 марта. 1. В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. 2. Оно было в начале у Бога. 3. Все произошло чрез Него, и без Него не нáчало быть ничто, что произошло.[5] Мне кажется, Иоанн различает: абсолютное и Бог. Начало — абсолютное, но не Бог. Если во всяком начале — обозначение и знак, то в абсолютном начале — абсолютный знак — Слово.

Формула существования: здесь, там, там-здесь и там, там-здесь и там — у нас. Но тогда — за тем: там-здесь и там; за тем; там — не там, а за тем; там-здесь и там, не там, а за тем и у нас.[6]

Здесь ——————	там ——————	В начале было Слово
Там ——————	за тем ——————	Слово было у Бога
Там-здесь и там ——	там — за тем ——	Слово было Бог
Там — у нас ———	за тем — у нас ——	Оно было в начале у Бога

За тем — не только не наше, но еще дальше, чем **там.** Но за тем находим наше и **здесь** за тем, и **за тем** Через Слово и у нас. То, что дальше трансцендентного и выше высокого, через Слово стало моим.

Иной способ бытия: существующее не в существующем, а за существующим — оно есть не там, где есть, но **за тем**, причем дважды: первое возвышение: в начале — у Бога. Второе: у Бога — Бог. Если существующее акт, то двойной акт: от своего — к моему и от моего к не-моему, причем этот двойной акт — один и второй — осуществление и существование первого. У Иоанна: два места Слова — в начале, то есть в творении, и собственное Его место — у Бога, это первый переход. Вторым же переходом: Слово было Бог — уничтожается возможность всякого регресса и объективирования, то есть ошибки гностицизма.

Абсолютное — не вещь и не субстанция, а начало — творение. Творение обращено в две стороны: к нам — в начале было Слово, и к Богу — и Слово было у Бога. Бог как творец, то есть поскольку Он сотворил мир — Слово — и Слово было Бог.

Иоанн начинает не с Самого Бога, то есть с Отца, но с Сына и с творения: в начале... Сам Бог — первое, но нельзя о нем сказать: первое. Сказанное, уже второе. Это уже чисто философское правило: начинать не с абсолютно первого, но с среднего принципа[7], начало и есть этот принцип — не абсолютно первое, а первое сказанное. Но, начав с абсолютно первого, мы сделаем его отраженным абсолютным[8].

Абсолютное — не только творение, но и возвращение к Творцу. И это тоже сказано: в начале было Слово. Здесь начало сразу же и начало и конец: Слово, которое было у Бога и которое есть Бог. Абсолютное начало — завершенная система — начало и конец. Но тогда нет мира, нет меня. Абсолютное начало как незавершенное есть завершенная система: «Оно было в начале у Бога», в начале — незавершенность, у Бога и Бог — завершение. Это противоречиво и немыслимо; мыслимо как немыслимое.

Одномерное, плоское, только мыслимое и непротиворечивое — сотворенное: то, что в нем только мыслится, предполагается.

Двухмерно — творение, абсолютное. Трехмерен — Бог.

Одномерность и многомерность — это и в искусстве. Первое — на естественном пути, второе — на особом.

Двухмерность начала и творения — отделение и новое соединение: то, что не мое и никогда не было моим, только то и есть мое.

В начале было Слово. Два толкования:

1. Начинать не с первого, а с среднего, не с Отца, но с Сына. Значит, о способе исследования.

2. Начало — творение. Содержание начала.

Сейчас я снова перечел Евангелие от Иоанна.

1, 4—5. В Нем (Слове) была жизнь человеков, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его.

1, 9—10. Был свет истинный, который просвещает всякого человека, приходящего в мир. В мире был, и мир произошел чрез Него, и мир его не познал.

1, 12. ...Верующим во имя Его дал власть быть чадами Божиими.

1, 14. И Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины.

1, 17. Ибо закон дан чрез Моисея, благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа.

1, 4. Жизнь, которая была в Нем, — существующее или абсолютное — творение, и эта жизнь — свет человеков, то есть путь в творении от сотворенного к Богу. Акт, которым Бог творит мир, душа возвращается к Богу.

1, 5. Свет и тьма — действительное и возможное.

1, 9—10. **За тем** — у нас. Это же в 1, 14.

15 марта. ⟨Ин.⟩ 3, 16. Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного... Во-первых, Бог не раньше сотворил мир, а потом отдал Сына, но *жертва Сына и была творением мира* и только для нас это два. Бог как творец есть Сын и тогда жертвует Собою — Сыном. Творение невозможно без жертвы и без боли *творение и есть жертва и боль.* Бог — не одно, а *одно два*[9], его природа — сверхприрода — Мир перед Богом.[10] Во-вторых. Жертва — погрешность, но теперь служит к еще большей славе Бога: дабы всякий верующий в Него имел жизнь вечную[11].

3, 17. Ибо не послал Бог Сына своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него. Сотворенное отпало от Бога, теперь оно может вернуться к Богу по суду и по вере. Два способа видеть и иметь: суд и вера. Суд — судить — суждение — случайно ли это?

3, 18. Верующий в него не судится, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия.

3, 19. Суд же состоит в том, что свет пришел в мир. Во-первых, Бог послал Сына не судить, но спасти — верующий не судится, а неверующий уже осужден. Во-вторых, суд в том, что свет пришел в мир. Суд в том, что нет суда. Но все же это суд, так как произойдет отделение.

Подобно этому и воздержание от суждения, которое есть суждение воздержания от суждения.

16 марта. Основное разделение с е й ч а с[12] или раньше и позже, то есть мгновение или развитие. Например, дана некоторая реальность *ABC*; ее можно исследовать, рассматривая в отдельности элементы и их соединения: *A*, *B*, *C*, *AB*, *AC*, ... или устанавливая порядок $A \to B \to C$, но тогда и другой порядок, или развитие, например $B \to A \to C$. Но тогда и все возможные порядки-развития, каждый порядок будет отдельным элементом, и, если не видно преимущества одного порядка перед другим, вернемся к первому случаю. Второй способ исследования или произвольно выбирает один какой-либо порядок, или приводится к первому: если порядки произвольны, то каждый порядок — элемент, само развитие — тогда уже не развитие, но неподвижный элемент — взгляд, сравнение их — сравнение взглядов.

«Мы возвращаемся из акта самопознания в жизнь, с тем чтобы нести ее с новой бодростью и к лучшему идеалу. Таким образом, самопознание в жизни есть тот момент, который заключает собою один из ее периодов и вместе открывает новый период: разрушает один круг жизни и делает из него минувшее; основывает новый круг и тем ведет к будущему. Но момент, ведущий из одного периода в другой и, следовательно, содержащий перелом развития, представляет настоящий кризис процесса, образует точку поворота или эпоху жизни». Вот одна цитата, и я не скажу даже, откуда она. Она из XIX века, и этого достаточно. Затем еще очевидно, что пахнет Гегелем. Здесь прогресс, эпохи, периоды, развитие, минувшее и будущее без настоящего, но нет жизни, нет с е й ч а с. Только два периода: вспоминаемое и с е й ч а с: жизнь — свет человеков[13]. И только один кризис: положивший руку на плуг не оглядывается назад[14].

20 марта. Когда ничего не действует, ни чувств, ни мыслей не осталось, Евангелие пробуждает, но и это не всегда. В Чаше и Свердловске и в ничто, и в боли была жизнь. А сейчас? При этом я хорошо сплю и спокоен, как боров, как каплун. И это, кажется, единственная мука, что нет муки.

23 марта. Ин. 4, 32. Ученики предлагают Ему есть, а Он говорит: у Меня есть пища, которой вы не знаете. Также Самарянка говорит об одной воде, а Он о другой. Как будто Он не слышит и не видит и чего Он не слышит и не видит, того и нет. В «Числах» у меня предполагался мир, который проходит через любой другой мир. Так и Христос. Он жалел людей за то, что они несуществующее принимают за существующее.

Евангелие: блаженны нищие духом[15].

Зиммель: ведут душу к самой себе, к воплощению ее полного и в ней самой заложенного бытия.

25 марта. Ничегонеделание само по себе приятно. Почему же так мучительно сейчас? Я заинтересовался статьей об Авенариусе, но чувствую, как сейчас подступит о н о и все станет неинтересным. Что это? Состояние боли или точки, затерянной в бесконечном пространстве, или предвечерняя тоска, или тоска по Абсолюту? Я хочу понять это, но как понять то, что лишает меня всякого понимания?

26 марта. Желать сохранить причинность, чтобы Бог мог сотворить мир, — все равно, что сохранить время, чтобы Бог мог быть раньше мира, или пространство, чтобы Ему было место. Творение мира не может быть причинным, так как, во-первых, причинное отношение — во времени и, во-вторых, сделает Бога членом естественного ряда, то есть устранит Его.

Стихотворение, повесть, музыка, философский трактат существуют не как настроения, чувства или мысли автора и не как результат настроений, чувств или мыслей, но как независимая вещь-формула, причем бывает и с некоторым привкусом или запахом. Я имею в виду сейчас дурной запах Турд. ⟨?⟩Манон Леско и стихов Мандельштама, которые показала мне Т., они и существуют в этом привкусе или запахе, почти не имея собственного существования вещи-формулы.

31 марта. Сейчас у меня состояние, которое Л. назвал «отец не понимает сына». Если же и сын не понимает отца, то не понимает отца, не понимающего сына, — это уже вторая степень непонимания. И третья: отец не понимает сына, не понимающего отца, не понимающего сына. Или формулой: $\beta=\alpha^2$ — вторая степень непонимания, $\gamma=\alpha^3$ — третья. Или так — $A\alpha^3{:}B\alpha^2.A\alpha B$,* где *A* — отец, *B* — сын. При бесконечном возрастании степеней — бесконечное непонимание или бесконечная отчужденность. Это не субъективное, а абсолютное состояние. Опровержение солипсизма: α^n при $n=1$ — мое непонимание и моя отчужденность, и другой для меня здесь еще не **ты**, но объект. При $n=2$ я вступаю с ним в сношение и объект становится **ты**. При $n=3$ я вступаю в абсолютное. Дважды пройдя это непонимание, я понимаю, что оно не личное и не взаимное, а общее. Но, дойдя до $n=3$, я уже не могу остановиться, и поэтому при α^3 я сразу имею α^∞. Опровержение солипсизма через боль: α — личная боль, α^2 — взаимная, α^3 — общая, $\alpha^4=\alpha^\infty$ — абсолютная. Первая степень еще не создает из объекта **ты**, хотя бы это была и любовь; может, и вторая степень для этого еще недостаточна, но непонимание может быть любой степени, потому что я различно не по-

* В черновике два варианта: $A\gamma : B\beta{:}A\alpha.B$ (зачеркнуто) и $A\gamma{:}B\beta.A\alpha B$.

нимаю другого: просто не понимаю, не понимаю не понимающего меня, не понимающего его... Здесь это не просто первоначальный ряд, но каждое непонимание различно. Эта боль и в Евангелии: «Видя толпы народа, Он сжалился над ними, что они были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря»[16]. Изнуренность от рассеяния, а это — всеобщая отчужденность, пастырь — разрешение боли. Мф. 9, 36; Лк. 12, 49—53. Отец будет против сына — это же и есть α. Принес же — Христос: «Огонь пришел Я низвести на землю и как желал бы, чтобы он уже возгорелся! Крещением должен Я креститься: и как Я томлюсь, пока сие совершится! Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение». Но почему принес это Христос? Потому что творение мира и есть жертва Сына — боль и возвращение. Мф. 23, 37—38. Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать чад твоих, как птица птенцов своих под крылья, и вы не захотели. Се, оставляется вам дом ваш пуст». Дом — душа. Она пуста, пока не захочу и не скажу: благословен грядый во имя Господне! Ин. 6, 17—20; Мф. 14, 22—34. Иисус, идущий по воде. Ин. 6, 44. Никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший меня. Лк. 14, 24; Мф 20, 16. Много званных, мало избранных.

1 апреля. Опровержение солипсизма только изнутри. Абсолютная реальность — боль, пустота, я один. Это абсолютная реальность ничем не прикрытого безоблачного ничто. Абсолютная реальность α^4. Но тогда реально и α^3 и α^2 и α: я один, ничто → всеобщая отчужденность одного от другого → один и другой. Это доказательство существования другого, но переход от «я один» к отчужденности непосредствен. Возможно, что все это есть в Евангелии. Но там больше: собрание разделенного.

Очевидно, что для опровержения солипсизма надо доказать существование другой души, а не предмета и даже Бога.

Любовь сама по себе не опровергает солипсизма, потому что идет не дальше второй степени. Только после распадения и отчужденности, которая и есть боль, любовь соединяет. Освобождает же не от солипсизма, но от боли.

4 апреля. Позитивисты (Дриш) исходят из солипсизма: сейчас — здесь — так определенное (то есть *вот это вот*[17]). Иррационалисты (Дильтей) — из нерассудочной реальности. Феноменологисты (Гуссерль) — из абсолютного. Все они как будто исходят из правильного, и все же их выводы ложны, потому что, не зная тожества *одного двух*, не могут выйти из категорий времени, субстанции, предельности.

6 апреля. Небольшие погрешности в изложениях тех же событий различными Евангелистами только подтверждают историческую реальность Христа.

10 апреля. Говорят, жизнь коротка. Но каждый вечер мне кажется: и этот вечер, и этот день был неимоверно длинен.

11 апреля. До какой степени это дойдет? Чем кончится? Кажется, так еще не было. Всегда кажется, что так еще не было. А эта тетрадь и еще другая? Но здесь ничего не сделано, только обрывки мыслей. Мне показалось: в этом распаде и в этих обрывках мыслей что-то есть, но я уже забыл, что.

12 апреля. Шелер*. ⟨Для индусов так же естественно бессмертие, как для нас смерть; доказывать же надо было именно смерть — прекращение перевоплощений, нирвану — Будда. И японцы не верят в продолжение жизни умерших, но непосредственно чувствуют: в газетах печатают, что микадо наградил орденом умершего два месяца тому назад генерала. У нас: непосредственное ощущение смерти. Вера же и «доказательства» — бессмертия. На востоке: непосредственное ощущение бессмертия. Некоторые же (Будда) «доказывают» смерть. Конт: история все более определяется мертвым и все менее живым.⟩ ⟨Современный человек не верит в бессмертие, потому что он не верит в смерть. Он не живет постоянно «перед лицом смерти», так как погружен в свои «дела», смерть для него только urteilsmüßiges Wissen**, поэтому он не думает и о бессмертии.⟩

⟨Во всяком восприятии есть что-то помимо ощущений и их соединений. И понятие смерти создается не опытом: ни внешним, ни внутренним над самим собой.⟩ ⟨Для жизни характерно: три своеобразных измерения: непосредственное переживание, непосредственное ожидание и непосредственное воспоминание. Ничего общего с объективным временем механики или астрономии это не имеет.⟩ ⟨Смерть есть a priori жизни... В каждое данное мгновение наша жизнь дана нам как замкнутое целое, следовательно, вместе с концом... Бэр: живыми существами называются те, которые могут умереть.⟩ ⟨Смерти же современный человек не ощущает, потому что не ощущает и жизни. Сущность капитализма: работа, приобретение, бессмысленное приобретение ради приобретения (смысл денег) — продолжение ради продолжения — суррогат бессмертия, арифметизация, признание субъективности качеств и ценностей — все это исключает жизнь.⟩ ⟨Знание не направлено на сущность вещей, потому что цель его утилитарная, поэтому оно и видит только механизм (Тэн —Бергсон — Джемс). Но сущность личности — в независимости от тела, и в этом продолжение ее жизни после смерти тела — независимость от его распадения. Это не доказательство бес-

* Цитаты из Шелера здесь и ниже даны автором в угловых скобках. В других случаях, напоминаем, в угловых скобках — вставки-пояснения составителя.

** Формальное (абстрактное) знание приговора (*нем.*).

смертия, но опровержение доказательств смерти и условия веры в бессмертие.⟩

Все же неясно: ощущение бессмертия или бессмертие в сознании? Культура, дух культуры, история — все это несовместно с бессмертием и Богом. У Шелера все же нет великого разделения. Смерть и бессмертие, о которых говорит Шелер, — еще не настоящая смерть и не настоящее бессмертие, только продолжение существования после первой смерти, как в стихотворении[18] Введенского. И, может, я прав, когда и Шелер и всё неинтересно, интересно лишь одно: последняя смерть и последнее бессмертие. Может, в неинтересности и есть то, чего я не могу увидеть. Истина нулевой степени.

Солипсизм не только пространственный, но и временной, то есть не только к другим, но и к другому мгновению. В пересечении многих линий, называемых жизнь, я должен найти одну точку — их пересечения и в этой точке — реальность, пусть истину или как угодно и множество всех линий как только возможность их. Поэтому мне чужды слова: культура, дух народа, другие люди. Я ухожу от других, от всего другого и от себя как другого к одной точке и в ней, может, найду и себя и другого. Но не начинать с этого. Я, ты и Бог — вот что я хочу найти в этой точке, и легче всего Бога, труднее тебя и еще труднее себя. Эта точка — я, но только как отрицание всего другого, и здесь я теряю и себя. Затем нахожу Бога — место Бога, Самого Бога я все не вижу. Но себя я теряю. Боль — место потери себя. Здесь какая-то невозможная задача: когда нет интереса, заинтересоваться отсутствием интереса. Когда страшно так, что не можешь смотреть, — смотреть.

14 апреля. Шелер. ⟨Феноменология — десимволизация мира. Символ — только знак трансцендентного. Символизированное трансцендентно. В обычной жизни только символы. И в науке также.⟩ ⟨Я слышу ⟨ноту⟩ «до» и вспоминаю «до», Одно и то же ли? «Слышу», «вспоминаю» относится к психологии. Феноменологию интересует само «до», причем не число колебаний, но само качество «до».⟩

Сейчас, выйдя на кухню курить, вдруг вспомнил апорию второй части «Критерия». Непосредственное -- то, что мне, когда же есть непосредственное, нет меня. Где-то об этом записано и, кажется, сохранилось, но все равно теперь смогу заново написать вторую часть. Но тогда я не чувствовал боли второй апории. Ведь в этом боль. Почему я не сумел тогда закончить «Критерий» и почему мне кажется, что сейчас я не только исправлю первую часть, но и напишу вторую? Во-первых, было некоторое пристрастие к схемам, но искренность, должно быть, не позволила довести их до конца. Затем, мне кажется, была бóльшая принципиальность во внешней отделке. Ведь даже «О деревьях» я считал незаконченным. И еще я не ощущал боли второй апории. Затем, я не чувствовал некоторого завершения. Я не мог закончить вещь, потому что во

время писания являлись новые темы, которые надо было исследовать до окончания той вещи, которую писал. Задача была вообще невыполнимая, пока не пришел Георг. Арифметический пример. Положим, мне надо досчитать до 10. Я считаю: 1, 2, 3, затем вдруг перехожу на десятые: 3,1; 3,2; 3,3; 3,4; затем на сотые: 3,41; 3,42; ясно, что так я никогда не дойду до 10. Другой пример: я считаю 1, 2, 3, потом вспоминаю, что начинать надо, скажем, с –1, и считаю: –1, 0, 1, затем начинаю с –5:–5, –4, –3, –2, –1, 0 и т. д. Так оказывается, что каждое начало требует обоснования и другого, предшествующего ему, начала. После Георга ⟨сна о Георге⟩[19] я понял необходимость и совершенство несовершенства, то есть небольшую погрешность. Я знал ее и раньше, но не умел применять.

[С тех пор написано 8 или 10 редакций «Критерия». Первой частью я удовлетворен, хотя и требуются в некоторых местах довольно значительные исправления, второй же частью недоволен. Она до сих пор не является целой вещью-формулой, как первая часть, она еще не в высоком стиле. Надо ввести в систему себя самого — случайное, так, чтобы случайное не было случайным, причем в высоком стиле. Как это сделать, если я сам — низкий стиль?]

О предложениях, которые, разрушая себя, утверждают себя. Вспомнив вторую часть «Критерия», я обрадовался и подумал, какой я мелкий и ничтожный, а Бог дает мне. Еще я подумал: это не кокетство, когда я говорю: мелкий и ничтожный, потому что это кокетство и, значит, я мелкий и ничтожный. Это предложение, разрушая себя, утверждает себя.

Об уме. Ум в том, чтобы не считать себя умнее, чем ты есть на самом деле. О тех же, кто считает себя умнее, чем они есть на самом деле, говорят: дурак. Поэтому человек, у которого умственные способности менее ограниченны, чем у меня, если не знает своих границ, глупее. Так же у дурака умственные способности могут быть менее ограниченны, чем у умного.

15 апреля. С возрастом уменьшение идеализма. Героический период: 18—20 лет. Был месяц или несколько месяцев, когда я работал по 10—12, а может, и больше часов. Кажется, тогда я прочел «Феноменологию духа»[20]. Я часто и спал в кресле, в котором занимался. Причем ложился в самое различное время — и утром, и днем, и вечером. День и ночь тогда вообще перепутались. Но написанное тогда не сохранил, оно и не заслуживало этого. Затем, до Георга, героизма меньше, но писал лучше, тогда написал «Критерий», «Пути неба», «О небе и но», «О единице». Но совершенно неинтересно было, когда написано. В этом есть некоторый идеализм: интересно то, что пишу, но не я сам. После Георга интересны стали даты, и сейчас жалею, что не помню их.

19 апреля. Зиммель: именно нерелигиозные люди нуждаются в трансцендентной реальности... кто не имеет Бога в себе, тот ищет Его

вне себя... У религиозных гениальных и творческих людей внутренняя религиозность была настолько плодотворна, что не довольствовалась формулированием жизни, но проецировалась в бесконечное, чтобы оттуда вернуться назад под видом трансцендентного... Вера — это Beschaffensein*.

Эта Beschaffensein противнее материализма и атеизма, они просто глупы, Beschaffensein — лицемерие. Что бы ни говорили, но на вопрос «смертью смерть поправ или не поправ?» надо ответить прямо: да или нет. А Бог als ob** вообще никому не нужен и не Бог.

Воббермин: лучше вместо Бога говорить о трансцендентной реальности. Но ведь это две совершенно разные вещи: Бог и трансцендентная реальность.

20 апреля. Философия, как и математика, доходит до последних неопределяемых элементов, только число их должно быть не слишком мало — ошибка выведения и не слишком велико — ошибка неопределенности.

21 апреля. Сборник Weltanschaung***. Wille — Friedrichshagen. «Zum Problem der Erlösung»****. Стр. 429. «Был ли Христос для Павла исторической личностью или только метафизической силой? Почему он, дважды встречаясь с Петром и Иаковом, не поинтересовался узнать о характере, жизни, учении, воскресении Христа? Почему он ссылается только на Библию, а не на переданные ему события из жизни Христа, не на исторического, только что явившегося Мессию, а на Мессию Библии? Возможно ли психологически говорить о человеке, который еще недавно жил здесь же, как о перворожденном, через которого все сотворено и т. д., да еще, может быть, в присутствии людей, которые Его видели и знали?»

Был какой-то перерыв в истории — 3 года, во всяком случае для меня. Матфей и Марк рассказывают об этом как очевидцы. Иоанн еще более подчеркивает этот перерыв, отдаляя его. Но есть что-то страшное и даже то, что Л. назвал: мутит, — в некоторой дистанции и уничтожении дистанции между чудом и естественным. Я люблю Христа, идущего по воде, но как Слово может идти по воде? Я верю в Слово как метафизическую сущность и верю в Христа, идущего по воде, как абсолютно единичное, наиболее единичное, но не знаю, как объединить. Слово стало плотью — это самое высокое учение. Если

---

* По смыслу: отражение **своего** в себе. Точного перевода нет.

** Как бы, словно бы (*нем.*).

*** Миросозерцание (*нем.*).

**** К вопросу о спасении (*нем.*).

представить себе современника Христа, кажется страшным: не забывал ли современник Христа, идущего по воде, ради Христа — Слова?

Wille отрицает историчность Христа: Христос — идея; но разве от этого, говорит Wille, Он потерял свою реальность? Идея реальнее материи. Это даже трогательно, но все же я предпочитаю Христа, идущего по воде, всякой идее.

22 апреля. То, что я понимаю в Евангелии, я понимаю и люблю. То, что не понимаю, — не понимаю и люблю.

25 апреля. Апория времен в истории. Россия — настоящее, Европа — время. Прошлое реально сейчас, это не прошедшие минуты, часы, годы, но воспоминание о прошедшем. Два рода жизни: с е й ч а с и с е й ч а с, обремененное воспоминанием. Я подумал это по поводу прекрасной истории о бретонском дворянине-прядильщике в воспоминаниях Ренана. У нас нет истории, поэтому нечего воспоминать. Или наоборот: мы живем с е й ч а с, поэтому не вспоминаем. И так было, должно быть, всегда — икона.

[История не в перечислении событий, но в обремененности настоящего прошлым. Всегда есть только сейчас. Но это сейчас или есть сейчас как было, или сейчас как будет, и второе — в Евангелии: «Итак бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который приидет Сын Человеческий»[21]. Два с е й ч а с: вспоминать или ожидать.]

4 мая. Шперк: свобода воли или в природе чистой воли, тогда ничтожная воля, или в природе мотива воли, тогда абсолютная. Чистая форма — отсутствие содержания — небытие, поэтому сознание и воля, как чистая форма, — небытие.

Небытие выражено не в смерти, а в чистых формах — в сознании и воле. Если так, то мы мертвы частично, поскольку обладаем индивидуальностью, совершенная индивидуальность — смерть, а вечная жизнь неиндивидуальна. Сейчас мы на середине пути. Но от чего к чему? От небытия в совершенной индивидуальности к вечной неиндивидуальной жизни или от жизни и вечности к совершенному индивидуальному небытию?

По Шперку, первое.

7 мая. Некоторые материальные отношения, освобождаясь от своей материальности, то есть содержания, становятся математикой:

$$x(a, b) \rightarrow \alpha[a, a\ (\beta b)] \rightarrow \alpha[a, \beta\ (a, b)] \rightarrow \alpha[a, \beta\ (a, \alpha)] \rightarrow$$
$$\rightarrow \alpha[a, \alpha\ (a, \alpha)] \rightarrow \alpha[a, \alpha].$$

По содержанию — это тожество двух сторон апории. Можно ли обосновать эту последовательность чисто формально? И можно ли, не зная его содержания, из чистой формы вывести это содержание?

11 мая. Если некоторое равновесие было нарушено, то оно уже восстановлено, так же как и облако, мелькнувшее перед ничто. И я сейчас уже на границе перед этим восстановлением нарушенного равновесия — безоблачным ничто — и я уже там, в нем.[22]

12 мая. То, что ощущающий и чувствующий смертен, все же не так страшно, как то, что думающий смертен. Ощущения и чувства прошли, и не бесследно, и то, что они прошли и все же не бесследно, — это мысль. И то, что проходит, — остается, мысль сохраняет, сама же не сохраняется — это страшно. Что мое: ощущение и чувство или мысль об ощущении и чувстве? Страшна смерть не чувства, но мысли о чувстве.

17 мая. Не знаю, куда уходит время, кажется, просто так сижу. Но сейчас мне показалось, что я как-то настороже и, сидя так и ничего не делая, все время подстерегаю и иногда вижу.

20 мая. Если что-либо всегда в чем-либо, тогда то, в чем что-либо, само в этом же чем-либо.

2 июня. Две крайние точки понятны, вернее представимы: Бог с тремя Ипостасями и Христос, идущий по воде, то есть Иисус Христос, сын Марии и Иосифа, родившийся при Ироде. Но объединение или отожествление Иисуса Христа со второй Ипостасью и Логосом непонятно и даже страшно. Жалко потерять Христа, идущего по воде.

Закончил новое исследование о времени. Я хотел бы запомнить сегодняшнюю ночь. Часа два, до 12, после первой записи я сидел и ничего не делал. Думать я не умею. Я вспоминал некоторые случаи из своей жизни. Когда я стоял перед событием, которого я желал и к которому долго стремился, когда уже подходил к нему и, казалось, достижение зависит только от меня, я отступал, даже не отступал, а воздерживался. Жалею ли сейчас, что воздерживался? Не знаю, мне все равно, кроме, может, одного случая. Отчего я воздерживался? Трусость или честность, мне кажется, не были главными причинами. Еще я нахожу две причины: не смотреть по сторонам, не менять самовольно пути. Затем: жертва. Если же сейчас я немного жалею, то как это понимать? Я жалею, что родился. Но это сожаление относится не к прошлому, прошлое — знак настоящего. Когда я закончил одну из частей «Щели и грани» — об овце, вкушающей почки деревьев, было такое же утро мая или июня, не месяц важен. Было то же самое. И даже не могу сказать, что сейчас хуже, настолько сейчас то же. То же было и тогда, и так же сегодня лягу спать, как тогда, и то же будет утром, когда встану. Но ведь будет хуже, нет того, и Л. не придет слушать «Новое исследование о времени», как пришел тогда. Но это — рассуждение, то есть способ речи.

4 июня. Материю для апории дают прежде всего оценочные суждения. Например, легко доказать, что человеческий организм устроен удивительно разумно. Но когда подумаешь о том, что большинство людей чем-нибудь больны, то начинает казаться, что человеческий организм устроен совсем не разумно. Доказывая разумность, ссылаются на те органы, которые устроены разумно, доказывая неразумность, — на недостатки тех же органов и на неразумное. При этом и сам критерий разумности или неразумности не абсолютный, а субъективный.

Однажды в октябре или ноябре 1941 г. я подумал: у меня сейчас удивительное состояние напряжения и ясности, я чувствую огонь в себе, это бывает перед смертью. Но это не страх смерти, а огонь и горение. Сейчас подобное этому. У меня большие планы: скорее бы закончить «Трактат о критерии», тогда перейду к «Принадлежностям». Первый отдел: дневники-личное. Второй — дневники-мысли — хронологически начнется раньше — с «Желтой тетради»[23], а может, с «Щели и грани». Третий — «Рассуждать — не рассуждать» и предшествующее, что раньше предполагал назвать «Принадлежностями». Это мне сейчас и хочется писать. Четвертый — может быть, «Соблазны». Когда я хорошо пишу, у меня всегда возникают планы на будущее, что стану писать, когда закончу настоящее.

Мы мыслим понятиями — мерой, которой измеряем существующее. Мера — рациональна, а существующее, по-видимому, арационально. Положим, два явления мы выражаем линейной функцией $y=ax$. С нашей точки зрения, они однородны. Но, может, второе выражается параболой с уравнением $y=10^{-100}x^2$? Их объединяет тогда только неточность глаза. Для нас прямая проще кривой, алгебраическая кривая проще трансцендентной, но эти прямые и кривые существуют только в нашем уме, и мы не познаём законы природы, а строим их применительно к свойствам нашего ума. Физика, как и математика, изучает свойства ума, математика — эти свойства сами по себе, физика — применительно к чему-то: неизвестно к чему. Обе не выходят из пределов разума. Но метафизика выходит: через основание апории и полное отношение среднего. Но и она имеет свои пределы: частное отношение среднего. В этом отличие философии от науки или метафизики от физики: выход за пределы разума, то есть суждения, воздержанием от суждения или суждением воздержания от суждения.

8 июня. Предвкушение. Я думал о законах апории[24]. И вот все готово и план составлен: 11 пунктов, и все вычисления готовы, и я все оттягиваю время и не приступаю.

15 июня. Два ощущения истории: релятивистское, циническое — Шпенглер и апокалиптическое; первое — сейчас воспоминание, то есть не сейчас, второе — сейчас ожидание, это противоположение време-

ни — сейчас. Первое — либерализм, свободомыслие, но ограниченно. Именно благодаря свободомыслию ограниченность.

17 июня. Что жизнь? Служить, исполнять обязанности? Есть, пить и веселиться? Исследовать? Нет, ничего не делать, думать ни о чем, быть погруженным ни во что — это жизнь, жизнь перед **тем**.

24 июня. Сонная последовательность. Ряд событий во сне: $A \to B \to \to C \to D \to E$. Я вижу E и вдруг вспоминаю: но ведь и A нет, значит, нет и того, что из него следует. Например, когда я вижу во сне, как человек поправляется, выздоравливает и его везут в санаторий и вдруг я вспоминаю, что он уже умер. Я вижу и слышу, но врывается что-то более очевидное и достоверное, чем то, что я могу видеть и ощущать, и разрушает видимое и ощущаемое.

27 июня. Написал гл. 84—91 ⟨«Критерия»⟩ и удивляюсь: позавчера было так противно (гл. 83), а сегодня после 10 часов сел, не думая даже писать, а начал и не замечал как писал: прошло через мою голову, руки, пальцы и теперь снова я чист: ничего нет.

1 июля. Не сердиться и не обижаться, если это от безразличия и пренебрежения, нехорошо.

Даже в том, что сказано у меня несовершенно, наивно, плохо или неверно, я нахожу смысл, и мысль, и некоторое развитие мыслей. Я имею в виду некоторую мысль, состоящую как целое из мыслей-частей, и другую, подобную или не подобную ей, состоящую как целое из мыслей-частей, их сходство и различие я называю развитием. Но это развитие снова мысль-целое, части которого — те две мысли. Я ясно вижу, несмотря на все несовершенства сказанного и записанного, что эта мысль и есть само существующее и что и 20 лет тому назад я имел ее или был в ней отсутствием себя.

9 июля. Архитектор создал план удивительного дворца или храма. Ему скучно брать чертежные инструменты и выписывать подробности. Он дал набросок плана, кое-где привел цифры — результаты вычислений, проделанных в уме. Пришел глупый человек, посмотрел на наброски и сказал: что за пачкотня, надо выбросить. Пришел образованный строитель и сказал: вычисления не точны, фундамент не выдержит. Пришел умный архитектор, выполнил вычисления, проделанные первым в уме, сделал чертежи и построил здание. Это по поводу моего «Трактата о критерии».

24 июля. Ищу ли я то, что есть, или строю софизмы, чтобы оправдать то, что хочу чтобы было? Я вижу: $a — A$. Затем строю: $a — b — A$, затем: $a — b — c — A$. Я вижу начало и конец и пытаюсь соединить: *начало — Бог, конец — душа.*

2 августа. Через медузу вода проходит сквозь поры тела. Медуза не растворяется в воде, но пропускает ее, выбирая то, что ей нужно. Так надо и с жизнью. Чего-то не замечать. Может, даже замечать, но это не должно меня касаться.

9 августа. Может, настоящая жизнь не жизнь, а некоторая пауза в жизни. Некоторая пустота в паузе, может, и есть настоящая полная жизнь.

20 августа. Падение музыкальной культуры начинается в Петербурге с 1859 г. — основания Р. М. О.[25] Р. М. О. — фабрика, Балакирев, Беляев — пролетариат, революция.

21 августа. 6 часов утра. Сейчас мне снился сон. Проснувшись, я записал его. Записывая, вспоминал подробности. Некоторые откинул: они связывали сон с малоинтересными событиями. Я думаю, был прав: ведь во сне те же малоинтересные события имели другое значение, которое наяву я уже не мог передать. Тогда, записав их, я исказил бы сон. Говорят, есть желудочные и вещие сны. Может, различие только в понимании сна, то есть в воспоминании и фиксировании. Во сне я один. Наяву подчинен своей мысли, тогда разделяюсь, не могу совместить все, что есть. Сон — один, наяву разделяется и одна сторона его пропадает. Проснувшись в состоянии желудочном, я вспоминаю его как желудочный сон, и таким он тогда и останется, другая же сторона будет забыта, проснувшись в вещем состоянии, запомню вещим.

Сон. Мама вынула мои вещи ⟨сочинения⟩ из стола и положила их на диван на берегу реки, и они скатились в реку. Я сказал: что ты сделала, ведь это моя жизнь. Потом мама ушла. Мы с Мишей тоже возвращаемся домой. По дороге нас останавливают несколько человек, должно быть, убийцы. Я ухожу дальше: меня ничто не касается, а перед М. препятствие — веревки. Он их умело обходит, последнюю надо разрубить, он разрубает ее. Но затем для чего-то рубит и другую веревку, которая ему уже не мешает. Я забыл сказать, что веревки соединены узлами, в узлах стоят убийцы, главный убийца — вне узлов. Как только М. разрубил веревку, которая ему не мешала, я подумал: он совершил лишнее, он погиб. И действительно, главный выхватывает пистолет и стреляет в одного из убийц, говоря: ты, в другого: ты, в Мишу: ты совершил лишнее. Я хочу незаметно удалиться. Главный оборачивается ко мне: тебя ничто не касается, умри. Я увертываюсь, оправдываюсь, бросаюсь к реке, он стреляет, и я умираю. Здесь я должен добавить: убийцы и главный — все это было подстроено раньше. Это было

в комнате, из которой мы вышли и, оказывается, туда же и идем. За окном была какая-то мерзость, но я все преодолел, а теперь умирал. Я умер. Вот, подумал я, только достиг некоторого благополучия и умер, и само благополучие оказалось фальшивым, оно было не тем. Это — первая смерть.

Я пришел туда, куда шел, и это была комната, из которой я вышел. Там уже были все. Опять появился главный, и он был то мерзкое, что я уже уничтожил. Он снова начал свои убийства. До четырех раз убивал он. У меня был опыт, и я рассказывал: после первой смерти я почувствовал радость. После второй — все стало мерзко. После третьей, но что было после третьей — я не знаю. Но где же четвертая смерть? Мне сказали, что я сам себя убил четырьмя ударами ножа в живот, в промежутке между первой и второй смертью, увидя главного и не вынеся мерзости.

Я понял, что эта смерть в счет не идет. Снова появился главный и убивал других. Я же, искушенный, пройдя через три смерти, давал советы и помогал спастись другим. Потом появилась жертва главного — убитая им женщина. Она была отвратительна и получила способность убивать. Но я уже знал, что делать. Тогда она, видя, что прямо меня не убить, подает мне топор. Я знаю, ударив ее топором, я не убью ее, но она получит новую силу убить меня. Я вонзаю топор в пол и говорю — исчезни. Она начинает исчезать. Я снова вонзаю топор в пол и повторяю — исчезни. Она все больше исчезает, но по частям, становится ничто. Но оставшаяся от нее часть стала больше, мне приходится все время повторять: исчезни, стань ничто, она исчезает очень медленно, и я с отвращением думаю: Господи, как это все несовершенно.

Этот сон — о несовершенстве и тоске по Абсолюту, значит, посвящен Л.

В этом сне при воспоминании начало было и концом. Было ли так на самом деле? Во сне что-то происходило, продолжалось это долго, несколько часов или дней, а сон снился, может, одно мгновение. Как же большее время может уложиться в меньшем? Только если нет ни того, ни другого. Время, «раньше», «позже» появляются тогда, когда слабеет реальность сна, то есть когда начинаю просыпаться и вспоминаю сон. Затем, когда во сне что-либо вспоминаешь, оно снова появляется. Вижу ли что-либо во сне? Звуки ведь редко слышны, и во сне обычно не разговаривают, а непосредственно сообщают мысли. Если же говорят, то немного и слово имеет особый смысл: как картина, звук, движение руки, непосредственный знак. Возможно, что во сне ничего не вижу, не слышу, не обоняю, но имею первоначальное недифференцированное ощущение. Такие же ощущения бывают и наяву, но, чтобы быть понятыми, просто замеченными, они должны пройти через рассудок, а во сне непосредственно обозначают что-либо. Вспоминая же сон, разделяю первоначальное недифференцированное ощущение, первоначальный знак, тогда появляется время, «раньше», «позже», события, ощущения, чувства.

26 августа. Уже, кажется, месяц, как окончил первую часть «Критерия» и снова ignavia, и не случайная, а великая, как полгода назад. Но сейчас сам виноват: выставка, то есть работа[26].

2 сентября. Был сон о смерти, но поленился встать записать и забыл. Помню только, что кто-то был обречен, и это было очень страшно, и еще страшно, что он этого не знал. Затем меня уговаривают пройти в какую-то комнату, говорят: там поправишься; и уже ведут туда, и я с ужасом вспоминаю: ведь тот обреченный — это я, из комнаты, куда ведут меня, не возвращаются.[27]

17 сентября. П.* говорил о 1861 годе. Я хотел спросить, говорил бы он то же самое, если бы ему суждено было родиться крепостным.

18 сентября. Соблазн продумать до конца. Концентрические круги. Я провожу круг. Вне этого круга — пошлость. Например, Р.-К.[28], кучка[29], какой-то провинциализм. Сам по себе провинциализм не плох, пока провинциал не имеет претензий. Когда же претендует на что-то значительное, — пошлость, от этого мутит. Думая дальше, в первом круге, внутри него, я провожу второй и снова исключаю. И дальше так же. Что останется? Не только Глинка, но и Бах и Шютц окажутся вне. Мировой космический провинциализм.

20 сентября. Ф.У.Темы: 1. О соотношении частей. 2. О двухчастном делении. 3. О двухчастном делении «Свердловских трактатов». 4. Об умственных упражнениях. Ф.У.

22 сентября. Я пошел встречать Лиду и торопился, чтобы увидеть, как подходит поезд, потому что люблю, когда подходит поезд. Когда по радио объявили, что сейчас подойдет курьерский поезд, и увидал его вдали, вдруг как бы проснулся после двухмесячной спячки. Поезд — иероглиф (Л.) Иероглиф вырван из времени и из общей связи, то есть вечен.

И еще одно событие: в магазине медленно двигалась по полу большая крыса. Она была больна или, может, стара и вышла умирать на свежий воздух. Когда люди приближались к ней, она приподымалась, пытаясь защищаться. Ясно было, что ей уже не удастся умереть своей смертью.

Только тот, кто совсем не думает о смерти, легко относится к убийству, хотя бы животного. Жалость к другому — это жалость к сотворенному, так как оно обречено.

---

* Личность не установлена.

Вот что было страшно: замедленный темп смерти. Крыса уже была в той комнате, в которую меня вели во сне, не было ни борьбы, ни надежды, она хотела только, чтобы ее оставили в покое в ожидании того страшного, что ей предстоит. Это был образ чистой смерти и также моя смерть.[30]

Две жалости: к себе, отграниченному от другого и Бога, — сентиментальность, цинизм, атеизм; и к себе через другого и через Бога, тогда устранение себя, своих границ.

1 октября. Если правда, что действие атомной бомбы продолжается и ничто не в силах приостановить, то ведь это конец мира: разложение атомов будет продолжаться, пока не разложится вся материя. Может, это и есть обещанный Параклет? Я не испугался, немного обрадовался, ожидал бы с нетерпением.

7 октября. Снова весь вечер просидел ничего не делая, все противно. Надо сделать какое-то усилие и не могу. За это время написал вступление ко второй части «Критерия», но не могу сказать даже, хорошо или плохо. Чаще всего это значит плохо, но сейчас ничего не могу сказать, потому что все противно. Противно и то, что пишу о себе, только ведь я пишу это для себя, чтобы сдвинуться с этого мерзкого состояния. Что-то приходит и снова уходит от меня, я же здесь какой-то случайный привесок.

10 октября. В молодости: все, что случалось и хорошее и нехорошее, — хорошо, ощущение Провидения. Также и Д. И. Но сейчас я в этом сомневаюсь. Небольшая погрешность. Теодицея же безнравственна и нечестива: между мной и Богом не должно быть никого. Бог творит мир, имея в виду не весь мир и не целое, но каждого в отдельности и других для каждого. Теодицея должна объяснить страдание каждого, значит, мое, а не вычислять общую сумму страданий. Как будто бы Бог не мог сделать так, чтобы желания людей не сталкивались. В моем последнем унынии я ощутил некоторую значительность, но не могу даже сказать чего, и это мгновенное ощущение значительности важнее «Трактата о критерии».

12 октября. Конец первой части ⟨«Исследования о критерии»⟩: приступим к критерию. Тогда вторую часть нельзя начинать с признаков критерия. Поэтому: вступление — четыре основания, материал и форма или действительное и возможное, применение к апории, четыре признака и середина середин. Конец неясен, может снова: приступим к критерию. Но тогда потребуется и третья часть, в которой ни слова не будет о критерии. Но что там будет? Должно быть, теория боли («Свердловский трактат»). Тогда и четвертая часть, которая закончится снова: приступим к критерию, так как это и есть критерий.

11 ноября. Счастлив был Евклид, сидя на берегу моря и рисуя палкой на песке геометрические фигуры; он спокойно и не торопясь выводил теоремы одну за другой. Счастье было в том, что никто его не гнал и он никуда не торопился, и в том, что у него было дело на каждый день и он не знал ignaviae. Но не посещала ли и его ignavia, и не казалось ли иногда и ему, что Бог не вычисляет и математика для Него пошлость, так как он видит все сразу? То, что признается потом всеми, то есть общепризнанно и может быть доказано, то легче найти и меньше зависит от случайности; кто ищет общее, тому легче избежать ignaviae. Общее есть и в философии, например силлогизм Аристотеля, его материя и форма — частное. Когда я искал свои 52 или 104 формы, время можно было заполнить и я не знал ignaviae, кроме существенной, когда все общее — пошлость. Хорошо ли подавлять существенное пошлостью? Но что хорошего расплываться в общей несущественной ignavia? Но третье — выбрать то, чего боюсь и от чего бегу.

Полная смерть — быть нерожденным.

13 ноября.[31] Семенов. Дух уверенности и дух сомнения. «Переживание сомнения парализует всякую деятельность». Ну так что? Что плохого в этом, ведь всякая религия предполагает некоторую недеятельность. Довлеет дневи злоба его.[32] Марфа и Мария. ⟨...⟩

⟨...⟩

После четырехмесячного перерыва мне снова открылось: есть **я**, есть то, что **мне**, и есть то, чему **я**, и наиболее действительное последнее. То есть не я и не оно мне, но оно и ему я. Вот — **я** — и это что-то мелкое, и сейчас, уже несколько лет, связанное с множеством неудобств и трудностей и лишенное каких-либо удовольствий, и вдруг я вижу, что этого **я** нет, оно как бы есть при **том**. Не Бог als ob, но **я** als ob при Нем. Это основное состояние, и тогда оправданно распадение и безобразие мира. Это новая теодицея.

Не высчитывать, чего больше — добра или зла, но просто увидеть, что нет ни добра, ни зла, то есть нет того, что мы называем добром и злом, то есть нет каких-то отношений и связей, которые называем словом **я**. Это основное, но упрощенно, потому что есть и **мое**, и **мне**, и **ему**, и **я** не просто отпадает, но как добро и зло, и это и есть добро и Бог, что то́ **я** рассеивается.

14 ноября. По-видимому, все же ⟨будут⟩ две части в «Критерии» и первая — об апории как о первоначальном состоянии, вторая — об отношении: апория — **я**. Этого не избежать, и пусть апория имеет меня, но имеет так, как будто бы я ее имею.

3 декабря. Всякий конец, как смерть, безобразен. И мои ссоры, и мелочность, и работа в поте лица, и то, что я один, и то, что мне мерзко, и омерзительная ignavia — все это безобразно. И если я кончаюсь, то это не благообразный конец. Это не только мой конец, кончается все. Невозможно, чтобы при *их торжестве* осталась философия, что-либо осталось. Я не могу остаться вне всеобщей мерзости, и эта всеобщая мерзость выглядит часто благообразнее меня. Если что-либо новое будет, то не из старого, но из этой же мерзости. Это какой-то мировой несправедливый закон торжества мерзости. Тому же, кто не примет, не останется никакой радости: ни радости одиночества, ни радости философии, ни радости творения. Я не принял, остался один, значит, должен умереть, просто разложиться. Я пишу это и не верю, то есть я не хочу в это верить, я надеюсь, что это не так, но я боюсь, что это так. Я все время отрицал историю, я и сейчас отрицаю — кто мне мешает сидеть ночью и думать и писать? Но вот кто-то мешает, и история, которую я отрицал, подавляет меня. Я не могу ничего делать, все мерзко, и, может, самое страшное и то, чего не могу видеть, не так страшно, как это медленное гниение.

6 декабря. Снова пробую подумать, что я писал и что вообще моя философия. Я считал, что небольшая погрешность открылась мне в 1929 г. Но, может, это было на год или два раньше. Я думаю, тогда же и «Две грани»* и «Это и то»[33].

1. Две грани.[34] Возможно, что это возвращение всех ощущений и чувств в первоначальное недифференцированное ощущение-чувство. При этом я должно было потеряться, так что это было созерцанием и существованием некоторого абсолютного. Безоблачное ничто и боль («Свердловские трактаты», может быть, то же самое).

2. «Исследование об этом и том». Первоначально это трактат о невозможности рассуждения. Затем о возможности рассуждения через перечисление способов невозможности рассуждения. Наконец построение видимости как явления сущности, то есть то же, что потом в «Трактате о критерии».

3. Исследования об открытии непосредственного и одно из них: «О некотором волнении и некотором спокойствии». Здесь уже отказ от прежнего способа исследования.

4. Одновременно или до этого «Платон и формулы»[35].

5. «Мир перед Богом».

8 декабря. Гений должен быть хоть немного неумным. Но так как в каком-то отношении он должен быть и умным, то надо разделить понятие ума.

* Отдельная работа с таким названием неизвестна.

Во-первых, умный тот, который быстро или хотя бы хорошо соображает, то есть делает правильные выводы, но это еще не ум. Находит необходимые и часто неожиданные посылки. Видит сходное и различное там, где другие не видят. Видит далеко вперед, то есть дальнейшие выводы, и также назад, то есть посылки. Причем все это он видит и умеет не только в своей специальности. Это умный в общем смысле.

Во-вторых, умный тот, кто в своей работе умеет найти некоторое равновесие или гармонию, то есть в материале, который он создает, умеет пожертвовать частью ради целого, а также в своей области умеет сделать все то, что умный в общем смысле. Это умный в частном смысле.

В-третьих, умный в смысле — практический. Это сюда не имеет никакого отношения.

Так вот умный в общем смысле, мне кажется, не может быть умным в частном смысле, во всяком случае не должен им быть обязательно, и, скорее всего, ум в общем смысле вредит уму в частном смысле. Может быть, не всякий даже вполне умный в частном смысле гений, но гений всегда умен в частном смысле. Но гений и ум в общем смысле несовместимы.

Что мне вредит? Ощущение истории, теории вроде — гений-пузырь. Вот эта теория, возникшая по поводу Толстого: гений подобен пузырю, который от внутреннего напряжения должен лопнуть, то есть в каком-то месте прорваться. Ему все равно, где лопнуть, но он лопнет там, где поверхность его тоньше. Тонкость — это, во-первых, предрасположение, то есть талант, способность, интерес, склонность; во-вторых, внешние условия, воспитание и мода, то есть интересы общества и века; в-третьих, случайность или неслучайная случайность[36].

Я привел это как пример: определенная задача относится к области ума в частном смысле. Это требует некоторой нетерпимости и отрицания всех других задач. Разрешает эту задачу и, значит, отрицает все другие решения и задачи гений. Признание других задач и других решений требует некоторой широты, ощущения истории. Определяет место данного решения и данной задачи в последовательности всех задач и решений умный.

Это значит: гений — абсолютный солипсист и в отношении других я и других мгновений в своем времени. Умный же тот, о котором в Апокалипсисе сказано: горе вам, что вы не холодные и не горячие, а теплые.

10 декабря. Как я представляю себе мир. В виде какого-то мерцания. В одном только мерцании, не в нескольких, только в одном мгновении. И это одно мерцание подобно некоторому ходу мысли, только не отвлеченной, а перенесенной в пространство мысли, то есть получившей существование благодаря новой координате, как об этом ска-

зано в «Симфонии». Само же это одно мерцание, подобное ходу мысли, — **один** ход мысли в пространстве мысли, но у нас разлагается на ряд ходов, и они изложены в первой части «Соблазнов» — в «Квадрате миров». Это существующее. Затем во второй части — в «Числах» — это одно реальное мерцание должно быть изложено так, как оно кажется, — как система. Тогда, как незакрепленная сеть узлов должна распуститься в одну нить, так и эта система разложится в н и ч т о. Здесь уже пронеслось облако над несуществующим и открылось ничем не затемненное н и ч т о. В третьей части «Соблазнов» — в «Царстве» — выход или прорыв из существующего, из одного мерцания в то, что выше, то есть к Богу. Это мерцание то же, что и грань двух столкнувшихся ничто, и небольшая погрешность, и сдвиг в апории.

19 декабря. Нарисовал шесть мразей.

23 декабря. ⟨...⟩ Об уклончивости: это вообще, кажется, самый правильный ответ на некоторые вопросы. Ответ на главный вопрос в «Свердловских трактатах» я так и назвал «уклончивым ответом», то же и апория. Но ведь если наш язык не приспособлен к тому, чтобы прямо ответить на некоторые вопросы, то прямой ответ будет ложью и отклонением, это сетка, искажающая действительность. Теперь о себе. У меня часто бывают зрительные образы, так сейчас я увидел дерево — прямой ствол с немногими ветвями, и все люди на стволе как бы кора, и только немногие отходят в сторону — к ветвям. Это не имеет отношения к гениальности, гении тоже на стволе, и как раз какие-то бездарные отщепенцы на ветвях, во всяком случае большей частью так. А может, просто не знаем...

Еще об уклончивости: надо давать неопределенный и уклончивый ответ, в котором точно подсчитаны все степени неопределенности, как в квантовой механике. Я подумал это в связи с «Человеком из подполья» Достоевского, потому что он дал здесь прямой, не уклончивый ответ и в этом ошибка. [Верно ли?] Лучше Передонов[37] у Сологуба. Я все уклоняюсь и все не могу сказать, в чем мое отщепенство. Есть какая-то главная линия, я подумал это, когда читал сегодня «Тиля Уленшпигеля», — линия телесного аромата, и я от нее далек. Филипп мне понятнее Тиля. Но это уже слишком определенно, потому что есть еще другая главная линия, это столкновение двух граней, погрешность, мерцания. Но все это опять отклонения, ведь первый вопрос был таков: достаточно ли я думаю о своей мерзости, стараюсь ли избавиться от нее, думаю ли о Боге и о любви? Здесь уже четыре вопроса. На первый я отвечу: слишком много, если здесь есть слишком. О втором: мало, ignavia подавляет, а может, вследствие этого мало о третьем и о четвертом. Все время что-то скрыто от меня, но все время я ощущаю свою мерзость.

24 декабря. Все время хочешь уйти от себя, не думать. Писать надо каждый день, чтобы сосредоточиться. Кажется, что нечего писать, нет мыслей. На самом деле не хочешь писать, трудно прорвать какую-то завесу. Но вот уже появились какие-то мысленные возможности, надо их разобрать.

Во-первых, не сосредоточиться тоже бывает хорошо, например на берегу моря или когда я лежал на перилах у Невы и смотрел в воду — это было очень давно, когда впервые явились «Щель и грань». Но возможно, что тогда уже был на чем-то сосредоточен, может быть, сосредоточен к рассеянию — ведь тогда я был очень сосредоточен. Так что на чем-то надо сосредоточиться, просто это значит: отбросить что-то внешнее и несущественное. Во-вторых, когда я сосредоточусь, то есть приду к себе, я должен уйти от себя, но уже не в внешнее рассеяние, я должен сосредоточиться на **не моем** во мне. Этим **не моим** во мне может быть и море, небо или солнце, и некоторое рассеяние.

Есть бесплодное и плодотворное рассеяние. Море и небо могут проходить мимо меня, не задевая меня — того **я**, на котором я должен сосредоточиться, чтобы затем уйти от него, или же у меня открываются глаза, я сам открываюсь и все это нахожу в себе: вот поэтому надо каждый вечер писать или думать, то есть открыться.

В «Симфонии» я писал об объективировании абсолютных состояний души. Некоторые состояния сами будут своим объектом. Они не направлены на что-либо и не нуждаются ни в чем другом, не отношение к чему-либо, вообще не какая-либо форма, но само **что**. Так, например, говорят об истине и иногда ее пишут с большой буквы. Таким же должна быть некоторая уверенность, или сомнение, или **то**. Это и есть философия: что-либо мое, отношение к чему-либо обнаруживается как что-либо, а то, к чему оно первоначально относилось, — как видимость, несуществующее. Так же и ignavia. Материальная ignavia или по содержанию — абсолютное состояние и причина того, что я не пишу. Формальная ignavia — уныние оттого, что я не пишу, вернее оттого, что я не могу освободиться от материальной ignaviae. Дело не в том, чтобы писать исследования, ignavia мешает видеть, и от этого я не могу ни писать, ни видеть. Но если сам предмет — пустота, **ничто**, от этого ignaviae не будет, будет, может, еще более страшное и **то**, но не ignavia.

Сейчас я не пишу исследования, и все же сейчас ignaviae нет. Ignavia отодвинулась, и, хотя я обращаю внимание сейчас на менее существенное, на какие-то движения мысли, предмет которых не эти же движения мысли, но только условия, при которых они происходят, сейчас ее нет. Так вот, формальная ignavia не оттого, что я не пишу исследований, а оттого, что закрыт глаз, которым я вижу что-либо и **то**. И хотя и сейчас, когда глаз открыт, я все же ничего не вижу, так как материальная ignavia, должно быть, осталась, но формальной нет: я не вижу, но знаю, что могу видеть, я не вижу, потому что передо мною пустота.

Все может быть темой исследования, только оно должно стать абсолютным состоянием. Я должен бы увидеть свое зрение, возможность видеть — видеть, когда ничего не вижу, может, это и значит: увидеть материальную ignavia, не испытав при этом формальной. Но, может, это и нельзя.

Я не вижу, потому что глаз закрыт, — это формальная ignavia; я не вижу, потому что нечего видеть, — материальная.

Но теперь надо подумать, что значит нечего видеть?

Глаз открыт, зрение ясное, но я не вижу. Мне кажется, формальная ignavia стережет меня; она отпустила меня на мгновение, глаз открылся, я должен сделать еще одно усилие, вырваться от нее, но кажется, удовлетворюсь тем, что сделал: этими полутора не имеющими значения страницами. Но если мне и не удается сегодня что-либо увидеть, я должен продолжать эти опыты ежедневно. Это будут разбеги, и в одном из них я вырвусь из-под власти ignaviae.

В Евангелии тоже есть иероглифы, они раскрыты уже 2000-летней традицией. Буду просто перечислять их. Начну с Евангелия от Матфея.

И1. (1) Се, Дева во чреве приимет, и родит Сына, и нарекут имя ему: Эммануил, что значит: с нами Бог.

И2. (2) Приход волхвов. Добавление к нему:

И2_1. (2) Избиение младенцев в Вифлееме.

Проповедь Иоанна сама по себе не **И**, но:

И3_1. (3) Лопата Его в руке Его... а солому сожжет огнем неугасимым.

И3_2. (3) Крещение Иисуса: ибо так надлежит нам исполнить всякую правду.

И3_3. (3) Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в котором Мое благоволение. Это уже **И**, причем тройной.

И4. (4) Искушения в пустыне.

25 декабря. Иероглиф ли это: «Я сделаю вас ловцами человеков»? Не потому это может быть иероглифом, что сказано в переносном смысле. Здесь говорится об особенной убедительности и силе Евангелия (Розанов: деспотизм любви). Но в связи с тем, что Петр и Андрей — рыболовы и рыба стала символом раннего христианства, это все же иероглиф:

И5. (4) Ловцы человеков.

И6. (4) И ходил Иисус по всей Галилее, уча в синагогах их, и проповедуя Евангелие Царствия, и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях.

И7. (5—7) Нагорная проповедь.

28 декабря. После концерта сел в трамвай № 24 — удачно. Номер вагона: 1926.[38] В темноте не заметил и сел. Выйдя из вагона, принял меры предосторожности, в самом вагоне, кажется, нельзя, но все же

было неприятно. И тогда же подумал: о смерти, вот о чем не думаю. Игнавией вытесняю мысль о смерти. Смерть — **то** — ignavia, что-нибудь одно из трех. Почему самые страшные мысли и ощущения смерти до 20 лет? Должно быть, это первая мысль о действительной реальности. Я, кажется, уже записывал в одной из тетрадей, что почувствовал страх смерти в 9 лет и с тех пор непрерывный ужас лет 10, пока не поверил. Но потом это ощущение настоящей реальности стало дифференцироваться и иногда появлялся и ужас, но не обязательно в своей непосредственной форме страха смерти. В сочинении, потом уничтоженном, «О первоначальном и законе» в 1922 г. упоминалось о каком-то ужасе. За год до этого, кажется, под Новый год тоже было что-то написано о ничто. Потом ужас в грани двух столкнувшихся ничто[39]. Здесь был и ужас и некоторый восторг. Затем в самóй небольшой погрешности раньше было что-то ужасное. Потом **то** и боль. Должно быть, неопределенный страх смерти есть просто первое локализирование страха **то** и боли на себе самом: на остановке собственного дыхания. Первоначально **то** является как оно есть, то есть страшное, затем придумывается ⟨нрзб⟩ система и страх проходит. Система и есть освобождение **того** от того, что в нем страшно, то есть от него самого. Пример: история небольшой погрешности. Но это не значит, что небольшую погрешность можно совсем выкинуть или, наоборот, совсем очистить от позднейших наслоений. Впрочем, может, второе и можно, но и неочищенная, она остается, потому что помимо страха **то** есть еще другое: первоначальная принадлежность меня другому, так что не Бог, но я существую als ob. От этого, может, и происходит страх **того**, во всяком случае этот страх есть форма представления и понимания первоначальной принадлежности меня другому, то есть моей несубстанциальности, и об этом я писал уже в «Постулатах».

30 декабря. Снилось, что я говорил Б.[40]: интуитивизм Бергсона — разновидность спинозизма. Или я это говорил на какой-то лекции, причем в начале лекции я упал в обморок и говорил в обмороке, ничего не помнил и прочел все это в каком-то отзыве о моей лекции. Впрочем, сон этот не интересный и Бергсон связан со Спинозой случайно: Бергсон где-то упоминает об интуиции Беркли и Спинозы. Но это все же не объяснение. Когда я рассказал Б. отзыв о моей лекции, он спросил: каким методом вы это доказываете, каков ваш метод? Я задумался и проснулся и, проснувшись, понял: мне надо писать рассуждение о методе.

Предмет метода — философия, то есть вопрос: чего? Содержание — содержание понятия и его свойства и признаки — какой? «Чего» и «какой» приводят к апории.

Предмет рассуждения — метод, то есть его содержание, содержание рассуждения — свойства, признаки и особенности метода. Но сами

по себе это элементы метода, они будут выбраны, упорядочены рассуждением. В методе те же элементы присутствуют, неотделимые от предмета, поэтому реально. Но отделенные от предмета, они стали только возможными, случайными, неупорядоченными. Вносит порядок в эти элементы метода, ставшие элементами рассуждения, само рассуждение. Это надо понимать так: имеются какие-то элементы метода, неотделимые от предмета, например: одно и другое, одно — то же самое, то же самое и другое. Предметом метода будут некоторые реальности: одно, другое, то же самое, одно и другое, одно — то же самое и т. д. Причем все они объединены, это один акт. Содержанием метода будет правило разложения одного акта на элементы, правила переходов, то есть диалектика. Пока эти правила связаны с некоторыми реальностями и применяются к определенному случаю, содержание метода неотделимо от его предмета. Если же эти правила освободить от определенных случаев, то есть от определенного содержания, то они станут содержанием рассуждения о методе. Эти правила — элементы содержания и существуют отдельно от предмета и как бы пустые только в рассуждении. При этом рассуждение выбирает элементы и определяет порядок, тогда эти элементы содержания рассуждения станут предметом рассуждения о содержании рассуждения, а само рассуждение, то есть выбор элементов и порядка, будет содержанием. Но чего? Рассуждения о содержании рассуждения о содержании рассуждения, потому что над правилом — правило, над законом — закон. Если переходить от предмета метода к методу, от содержания рассуждения к рассуждению, то, по-видимому, никогда не дойти до содержания. Тогда начнем так: есть метод, есть рассуждение о методе. Если оно уже есть, то в нем его предмет и содержание уже объединены. Есть то, что само есть свой предмет, то есть не требует предмета и не будет предметом для другого. Но пока рассуждения все же нет, поэтому ни первое начало, ни второе не удовлетворяет.

Метод

Рассуждение I Содержание Предмет

Рассуждение II Содержание Предмет

Содержание Предмет

.
.
.

Рассуждения еще нет, оно будет. Когда же станет, то его уже нет — рассуждение не листы исписанной бумаги. Тогда если рассуждение и есть — второе начало, — то оно только есть, но не было и не будет, значит, не может быть начато* это — третье начало, если же оно было или будет начато, то его нет — четвертое начало.

* Здесь у автора зачеркнуто тире.

Но чтобы начать рассуждение, надо знать, о чем рассуждать, и рассуждение уже должно быть и есть, но зачем тогда начинать? Чтобы возможно было четвертое начало, уже должно быть третье. Для возможности четвертого необходимо третье, исключающее эту возможность, и это пятое начало. А то, что для возможности третьего начала должно быть четвертое: чтобы быть, что-либо должно стать — то́ будет шестым началом. Первое и второе начало — некоторая неопределенная несовместимость, третье и четвертое — определенная несовместимость, пятое и шестое — необходимость совместимости несовместимых. Четвертое и третье: *A* не допускает *B*. Пятое и шестое: *A* требует *B*, несовместимого с *A*.

Что будет общим применением апории? Должно быть, само рассуждение.

Возможность рассуждения о методе, не рассуждения вообще. Возможность рассуждения вообще — первая часть «Трактата о критерии». Шесть противоречивых начал — это общая возможность, примененная к рассуждению о методе, здесь все равно, что взять: одно и другое, исследование и предмет, содержание исследования и его предмет. На этом пути или исследование станет апорией, как предмет, или вообще не будет никакого продолжения. Поэтому надо искать частную возможность рассуждения, то есть именно рассуждения о методе: условия частной возможности рассуждения о методе.

Если рассуждение о методе **само** станет предметом, то будет ли оно рассуждением о методе, то есть рассуждение **о чем**, а не рассуждением **что**[41]? Может, это одно из частных условий: быть рассуждением **о чем**, тогда как «Трактат о критерии» рассуждение — **что** и кончается: приступим к критерию, это и есть критерий, здесь же должны быть перечислены определенные признаки и свойства метода. Тогда три задачи: отделение формальных элементов от материальных в определенных ходах, сравнение выделенных формальных элементов и порядок в их изложении. Но это не все и, может, даже не первое. Перечисление задач и условий: различие между существованием, исследованием и исследованием как предметом. Уверенность и сомнение. Различные виды существования, связи и отрицания.

Если рассуждение о методе станет рассуждением-предметом, то это будет уклонением от решения задачи, так как ведь задача состоит в том, чтобы исследовать, как увидеть, когда глаз открыт и зрение ясное, а не видно. Ясность зрения относится к логике, рассуждение-предмет — к тому, **что** видно, здесь же исследуется, как при ясности зрения направить внимание. Может быть, придется сказать и об общих условиях направления внимания, именно как уклоняться от предмета, ведь когда он есть, то никакого исследования о методе не надо. Что делать, когда нет предмета? Во-первых, какой предмет избрать, и если здесь не может быть определенного ответа, то какое направле-

ние к предмету выбрать. Во-вторых, как начать, какое начало выбрать, чтобы оно оказалось плодотворным. В-третьих, какие мысленные ходы употреблять. Последнее уже будет переходом к самому рассуждению.

31 декабря. Во-первых, можно убедить во всем. Во-вторых, нельзя убедить ни в чем. Во-первых, можно убедить во всем, если есть достаточно веры в то, во что заставляешь поверить другого, и желание убедить. Желание убедить получает силу от знания или веры, что можно убедить, и уничтожается знанием, что можно убедить во всем и нельзя убедить ни в чем. Во-вторых, нельзя убедить ни в чем, потому что как войти в душу другого? Только на время создается видимость убеждения. Это время может быть коротким или длинным, но, в сущности, всякое время коротко, когда прошло, и длинно, пока длится. ⟨...⟩

Может быть, после смерти вернемся к своим убеждениям.

Рассуждение о методе. Абсолютное состояние, термин, ходы мысли — вот, кажется, вся философия или метафизика. Абсолютное состояние, например грань двух столкнувшихся ничто, или небольшая погрешность в некотором равновесии, или **то**, или апория. Абсолютное состояние — реальность, требующая некоторой фиксации: действием — святость или термином — философия. Еще может быть фиксация частным образом, тогда это искусство. Абсолютное состояние непосредственно не передаваемо, только термином: знаком, словом, звуком, линией, цветом — общим и частным образом. Даже я сам знаю о своем абсолютном состоянии через термин, иначе оно уходит бесследно. Задачи: классификация абсолютных состояний, классификация терминов, виды связей между состоянием и терминами. К терминам я отношу и некоторые теории, возникающие по поводу абсолютных состояний. Термин — теорема, только без доказательства. Но так как доказательство также принадлежит к строению теоремы, то лучше сказать, что термин и теория-термин — это теорема, в которой скрыто ее доказательство, не обнаруженное явно. Ходы мысли — тайнопись, имеются в виду ходы мысли в пространстве мысли, и это главная задача рассуждения о методе. Итак три: абсолютное, термин, тайнопись; или: абсолютное, погрешность, тайнопись.

Блаженства:

нищие духом. Здесь нечего сказать Это высший дар, и если нет, то нет.

Плачущие. Это тоже дар, как и все блаженства, но в первом я не представляю себе даже, что у меня лишнее или чего не хватает, ничего не знаю, кроме того, что если нет, то нет; во втором же понимаю, чего нет, и иногда, например в Чаше, когда включил умную

молитву, почти получил этот дар, но устыдился, и он пропал. Это ложный стыд.

Кроткие.

Алчущие и жаждущие. Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам. Чего мне не хватает в этом даре? Некоторой силы в просьбе, упорства в искании. Мешает ignavia.

Милостивые.

Чистые сердцем. Нет, не чист сердцем.

Изгнание, несправедливое злословие. Есть, но не чувствую блаженства.

1946

1 января. В «Трактате о критерии»: что выше, человеческое разумение или то, что не есть человеческое разумение? «Выше» понимается здесь как принадлежность — в чем. Не прихожу я к отрицанию души? Что-либо или **то** существует так, что есть возможность отношения и в этом отношении возможность воспринимающего и воспринимаемого и в воспринимаемом снова является и тогда уничтожает воспринимающего. И у Экхарта, и в Евангелии все время говорится, что душа должна опустошить себя и когда совсем ничего не будет от своего, тогда станет Бог. И когда душа начинает отделять от себя все не свое, то что остается в конце концов, кроме самого акта отделения? Что же тогда душа, если все, что она содержит в себе, не она и не ее? Если что-либо существующее назовем **то**, тогда в **том** мы не найдем ничего, помимо диалектических ходов: одного, другого, того же самого. Это множество ходов есть один ход, только являющийся множеством, и отсюда качественность **того**: грань двух столкнувшихся ничто и другие абсолютные состояния. Это не Бог, но **мое** и **не мое**, соединение которых обнаруживается в этих ходах и которое, может быть, является его ⟨абсолютного состояния⟩ сущностью, принадлежит к некоторой сущности или глубине Бога. Это последнее существующее также лишено существования — безоблачное ничто, так что не существует ни то, что у нас, ни то, что там. Тогда есть только Бог.

2 января. Надо сделать опись того, что имею. Но когда я подумаю об этом, мне кажется, что ничего не имею. Так же бывает, когда скажут: расскажите что-нибудь интересное. Это верный способ заставить совсем замолчать. Я не умею писать **о чем-либо**. Это признак некоторой глупости, во всяком случае не ума. Исследование-предмет пишу не-я, оно идет через меня. Но вот теперь через меня ничего не идет и я хочу сам писать, для этого исследовать, как пишу, то есть как вижу. Это и есть метод.

Возможно ли вообще писать о методе? Прежде всего надо дать разделение философии. Я дам пока хотя бы не полное и случайное, не раз-

деление даже, а перечисление предметов или тем. И это мне трудно, потому что во всех моих исследованиях было одно и его трудно разделить. С другой стороны, в каждом исследовании было о многом и трудно разделить это многое и сравнить одинаковое в разных исследованиях.

1. Это и то. Исследования о высказывании этого и того. Сказать до того, как сказано, то есть предварение. Высказывание одного возвращается к высказыванию этого или этого и того. Это уже метод: как делить, как называть разделенное и как продолжать разделение. Но в исследованиях об этом и том имеется и о названии, и о погрешности, и о времени, и о мгновении, и о последовательностях. О методе у меня уже есть: «Характеры преобразований» и еще в «Числах», второй части «Соблазнов»: о разделении на два и о 24 фигурах.

2. То и не-то. Прежде всего в «Разговорах вестников» (в первой и второй главах), затем в «Числах» — о неопределенном отрицании и в «Логическом трактате», затем в «Свердловском трактате».

То и не-то логически: неопределенное отрицание.

То и не-то как различные виды трансцендентности: не-то — за тем.

То и не-то и сомнение.

То и не-то — оба одно: *одно два*[42].

3. Одно, другое, то же самое. Это и то — высказывания этого и того, то есть названия. Высказывание одного не больше высказывания этого и того, и все это — только то. Одно же, которое здесь, уже за тем. У меня есть некоторая словесная двусмысленность и даже больше чем двусмысленность. Иногда я называю тем то, о чем не могу думать, иногда не-наше, иногда наше, но обычно это видно по смыслу. Но двусмысленность эта вынужденная, так как то и не-то не что-либо определенное, но смысл смысла.

4. Само и основание порядка. В «Исследовании о единице», во второй части «Критерия», возможно, в «Числах».

6 января. Эти четыре темы как раз и относятся к методу или уже к диалектическому методу. Но это, то, не-то, одно — некоторые сущности и их исследование не то рассуждение о методе, о котором я думал. К рассуждению о методе относится:

1. Выделение абсолютного состояния, то есть выделение из психологического состояния. Отбросить все, что имеет отношение ко мне, к приятному и неприятному, к настоящему или будущему благополучию. Не считать принятое у людей за высокое — высоким, низкое — низким: высокое у людей — мерзость перед Богом. Например, не считать уверенность лучше сомнения.

2. Уничтожение субъекта и объекта. Уничтожение субъекта: абсолютное состояние не принадлежит мне и не имеет носителя. Уничтожение объекта: в отношении к чему-либо надо отбросить что-либо, само отношение должно стать чем-либо. Реальное не один из членов отношения, но само отношение.

7 января. 3.[43] Не я имею что-либо, но что-либо имеет меня, имеющего что-либо.

4. Реализация понятия в пространстве мысли.

Первая часть «Критерия» начинается с вступления, существующего как предмет, но без предисловия (предисловие — о чем-либо). Вторая часть тоже начнется с вступления как предмета, но затем идет короткое предисловие. Если так и останется, то во всяком случае это красиво: здесь двойная небольшая погрешность: предисловие ко второй части, а не к первой и не перед вступлением, а после. Я это ощущаю музыкально и подобное можно, должно быть, найти в двухчастных кантатах[44] Баха.

9 января. ⟨...⟩ К рассуждению о методе: есть определенное различие в отношении к своим переживаниям и это все то же великое разделение. Оно мне все неясно. Приведу примеры. Я буду обозначать их: воображаемые и действительные.

Вижу правильный путь и не вступаю на него из боязни: положивший руку на плуг не оглядывается назад. Это действительное страдание, если вижу главную причину. Если же удерживают определенные удовольствия, то воображаемое. Раскаяние, в том случае когда ощущаю свою мерзость, действительно, а когда представляю себе неотразимость соблазна, — воображаемо. В обоих случаях воображаемого страдания я просто предпочитаю некоторое удовольствие, но при этом хотел бы сохранить и невинность, так что забываю об основном: положивший руку на плуг не оглядывается назад.

В рассуждении о методе первая часть, может быть, будет практической. Раньше надо подготовить к исследованию себя самого: правильно разобраться в своих состояниях. В рассуждении о методе я начинаю с того, что передо мною: передо мною жизнь. Как она мне дана? В ощущениях, чувствах, желаниях. Все это я буду называть состояниями. Прежде всего это мои состояния: я вижу, слышу, ощущаю, чувствую, желаю. Эти состояния не просто мои. Это некоторый факт, и существование этого факта я обозначу словами: абсолютное состояние. Абсолютное состояние — это мое состояние, которое я обнаружил как **не мое**. Я не употребляю здесь таких слов, как «внешний мир», и не буду говорить о том, существует ли он независимо от меня или нет. Когда это говорят, то часто имеют в виду некоторый физический факт, не имеющий отношения к существованию чего-либо вне меня, именно: регулярность некоторых ощущений, возможность установления приближенного соотношения между ними и числами, то есть числовых зависимостей. Это не имеет никакого отношения к существованию **не моего**. Действительно же здесь вот что:

1. Ощущение и состояние **моего** и **не моего**.

2. Освобождение **моего** от содержания и пустота чистого **моего**.

3. Освобождение от субстанциальности, то есть предметности.
4. **Не мое** как некоторая сила.
5. **Мое** как принадлежность **не моего**.
6. Состояние точки и т. д., то есть **то**.

Но это уже в теоретической части, а в практической надо исследовать, может быть, самые простые, личные переживания и научиться в них отделять **не мое** от **моего**.

10 января. О правильном пути: самое трудное отказаться не от удовольствия, но от мысли об удовольствии. Это и есть: положивший руку на плуг и оглядывающийся назад неблагонадежен для Царствия Небесного.

Добавление о раскаянии: действительное раскаяние только тогда, когда видишь только свою мерзость. Когда же добавляется жалость к себе, то воображаемое.

Бесстрастное исследование себя.

Нравственная реализация. Главное не дела, а мысли. Но если мерзкие мысли при приближении возможной реализации испаряются, пропадают не вследствие робости или других безразличных в нравственном отношении причин, но просто становятся неинтересными, то что это значит?

Л. и О. сказали про «О некотором волнении и некотором спокойствии», что здесь виден сам автор. Д. И. сказал, что из нас я наибольший актер. В этом, то есть в «Некотором волнении и некотором спокойствии», я, во всяком случае, не актер, то есть в основном не актер. Но иногда я вызывал это состояние искусственно, в этом был актером. Сейчас я к нему ⟨состоянию⟩ как будто приблизился. Просто я что-то распустил в себе. Но кажется, то, что надо было, и стал естественным.⟨...⟩

ЯНВАРЬ — ИЮЛЬ 1946
ФУ 2

14 января. Это уже четвертая тетрадь, которую я начинаю за два дня. Одна о Лейбнице, другая о «Критерии», как будто что-то началось, третья о нравственном чувстве, думал будет «ФУ», но, должно быть, тоже к «Критерию», и вот — четвертую — эта будет продолжением «ФУ», только, кажется, уже не «У»[1]: меня теснило и я не знал что. Я не знал даже, откуда подойти, где помочь прорвать. И вот прорвало, прошло через меня, вышло: писал, опустошен.

15 января. Ignavia не просто пустота и уныние от пустоты. Очень давно летом бывало, что, окончив занятия, я устраивал себе каникулы: лежал, читал, играл ⟨на рояле⟩, ходил куда-нибудь. Но это бывало очень давно, потом уже хороших каникул не было. Может, уныние от перегруженности и невозможности освободиться? Невозможность же освободиться значит: я не вижу и не понимаю, что во мне. И надо сделать какое-то невероятное усилие, и не одно, а множество усилий, упорно искать, где можно прорвать замыкающую меня преграду. И эти поиски, пока не нашел, и есть ignavia.

16 января. Если зло, как считал Лейбниц и другие, только недостаток и результат ограничения, то останется ли индивидуальность после смерти, не правы ли аверроисты[2]? Сберечь индивидуальность надо иначе, перенеся Бога выше, в несуществующее.

Если есть какое-либо **что** или **мое**, как избежать общности **чего** или **моего**?

17 января. Мне все кажется, что я в разные времена — это разные **я**. Но дальше: **я** разных состояний тоже разные **я**.

20 января. О второй части «Критерия»: вступление — вторая апория. Затем о четырех классах категорий: форма и материя, возможность и действительность, имение и принадлежность, присутствие. Это второе вступление[3] и по величине и по значительности — закончится Богом и болью — превосходит ⟨первое⟩ вступление. Опять-таки небольшую погрешность в соотношении частей я воспринимаю как красивое, то есть эстетически.

26 января. Прелести жизни теряют свою привлекательность. Например, я не воспринимаю музыку сейчас так, как раньше. А может, это временное, от несобранности?

28 января. Душа, индивидуальность, сознание, жизнь. Это не одно и то же. Художник написал картину. Она обладает только индивидуальностью [и душой, и жизнью]. Но если нет двух одинаковых капель воды, то и капля воды обладает индивидуальностью. Я ввел здесь индивидуальность, потому что душа — единственное, что может не обладать индивидуальностью. Я имею в виду всякого рода аверроизм. И наоборот, я не уверен в существовании души, вернее для жизни не необходима душа. Может, это и есть интуиция двух субстанций Декарта — Лейбница? Тогда спросим: что же душа? Для ощущения боли и удовольствия не требуется души или сознания. В ощущении боли между растением и человеком разница, может, лишь в степени, а иногда и она пропадает, например на войне. Может, душа случайно сопутствует телу и обнаруживается только отрицательно: в сомнении, в колебании, в наблюдении со стороны. Возможно, также и в моральных актах.

29 января. Какие разговоры я вел с Леней: во-первых, мысли. Мысли, значит, определенные мысли. Не так уж их много, бывало, что и совсем нет. Но обычно это не те мысли, которые входили в мои исследования. Во-вторых, ощущения, и особенно болезненные. Л. любил об этом слушать. Но и эти ощущения не были абсолютными состояниями, о которых я писал. В-третьих, способ исследования, и часто просто технические приемы. Это метод и даже еще хуже: психология творчества, и об этом я не писал. В-четвертых, история, философия истории, мое положение, то есть положение нас ⟨чинарей⟩, смена интуиций, и об этом уж ясно, что я не писал, это соблазн. В-пятых, и это связано с четвертым — «ФУ», то есть уныние — любование унынием. И об этом что же писать? Это я рисовал. В-шестых, о некотором понимании, о понимании, нам присущем, и о других людях — как они понимают или не понимают. И об этом я не писал. В-седьмых, разное. Это то, что я говорил Лёне, и выходит, что говорил больше о себе, а не о том, что писал, в писаниях же своих о себе никогда не говорю, и вообще о своем, только о том, что мне как бы дано. В разговорах же удивлялся и радовался: как это мне, такому маленькому и ничтожному, бывает дано так много.

О чем я говорил[4] с Д. И.:

1. В этой части Л. был шире.

2. С Д. И. больше об абсолютных состояниях и меньше о болезненных.

3. Почти не было.

4. Мало.

5. Больше, чем с Л., и здесь у нас было даже соревнование.

6. В этой части разговоры с Л. были более теоретическими, а с Д. И. более практическими и было больше людей, о которых говорили — посетители Д. И. Здесь был какой-то союз с Д. И.: мы, двое, среди остальных его посетителей.

7. С Д. И. больше, так как была музыка.

С Л. я говорил больше на две крайние темы: история и я сам. С Д. И. больше не промежуточные темы: мы, представителями которых были Д. И. и я, и наше отношение к другим взглядам, людям, событиям.

Предустановленная гармония между телом и душой не только не наивна, но очень даже правдоподобна. У меня есть один ученик. Я смотрел на него на экзамене, и все его движения и даже морщины на лбу от как бы размышления — все это производило механическое впечатление, и даже как бы размышление не требовало души. Также в Филармонии на концерте уже не один человек, а много людей производили такое же впечатление. Это реальная интуиция, способ смотреть, а подтверждение — нечувствительность или, вернее, несознание боли. Об этом говорит и Лейбниц в «Теодицее». Боль чувствуется, но сознание этого чувства — другое, и оно усиливает боль.

6 февраля. Бывает, что мелькнет какое-то воспоминание, какой-то случай и станет мерзко, то есть сам себе невероятно мерзок, и это ощущение мерзости не моральное, а метафизическое, и сама моя мерзость не только моральная, но субстанциальная.

15 февраля. Теперь установился некоторый порядок, надолго ли? Пишу почти каждый день, хотя и немного. Когда ж подходит трудное место, то, посидев час-два бесплодно, бросаю, и если на следующий день недоумение не разрешается, опять оставляю, и так иногда несколько дней. Потом же вдруг приходит разрешение. Откуда? Как? Это как чудо и от Бога.

17 февраля. Проснувшись, я стал вспоминать сон от конца к началу и заметил, что начало все уходит от меня, то, что мне только что казалось началом, оказывалось не началом, и вдруг мне показалось, что начала и вообще не было. Может быть, сон существует только в воспоминании сна: некоторое первоначальное недифференцированное мгновенное ощущение при столкновении двух реальностей: сон — бодрствование является как сновидение. Так что сны видим не во сне, когда спим, но наяву, когда вспоминаем просыпание.

Мне кажется, что этот сон был только при воспоминании, до воспоминания он и не снился. При пробуждении бодрственное состояние еще не совсем вытеснило сонное. Я захотел вспомнить первоначальное

ощущение и тогда на языке бодрственного состояния стал рассказывать себе сонное состояние. События сна шли в обратном порядке. Первым было последнее, и от него я шел назад. То, чего я уже не помню, то и не снилось мне, потому что ничего не снилось, но воспоминание остановилось и перестало присоединять или, вернее, сочинять предыдущее к последующему, потому что бодрственное состояние окончательно победило сонное.

Сны. Я и Л. зашли к Д. И. Я вспоминаю, что позавчера тоже видел Л. у Д. И., а потом, говорю, оказалось, что это был сон. Ты возникаешь и исчезаешь столь внезапно, что я сомневаюсь, существуешь ли ты. В реальности Д. И. я не сомневался.

У нас дома полный, приятный старик, кажется, это доктор. Он что-то говорит, я обрадовался: как хорошо он говорит, совсем как Олейников. Да он и не старый, скорее молодой, и без бороды. Он идет ко мне, но, пока подходит, у него вырастает маленькая острая бородка и усы. Потом борода начинает уменьшаться и совсем пропадает, потом снова растет и так все время, на глазах у всех. Я удивлен, спрашиваю, отчего это у него. Он ответил, что у него давно так, с самого детства...

21 февраля. Книга о Франциске Ассизском, кажется, хорошая, но был ли он таким? По книге, он умный, но тогда был ли он святой? Пусть будет суждение или действие первого и второго порядка, второго — суждение о суждении или действии. Поступок всегда будет первого порядка. Ум относится к действиям второго порядка. Кажется, святость не допускает действий второго порядка. Анахорет Памва, кажется, не допускал действий второго порядка, поэтому святой Франциск если умен, то в крайнем случае мудр, а не свят. То есть: обсуждение нравственного поступка безнравственно, если я свой хороший поступок нахожу хорошим, то это уже плохо, если же плохим, то это похоже на лицемерие и фарисейство, если же плохой — плохим, то это обсуждение, а не раскаяние, если же чужой, то: «Не судите...»[5]

Если утром вспоминаешь сон и во сне снилось, что когда-то раньше видел другой сон, то, проснувшись, уже нет никакой возможности решить, действительно ли снился этот вспоминаемый во сне сон или только во сне так казалось. Здесь могут быть реальности четырех порядков: бодрствование, сон, сон во сне и сон, который вспоминается как сон, снившийся в другом состоянии. Когда снится событие, бывшее наяву, оно снится всегда иным и принадлежит ко второму порядку. Сон во сне — это третий порядок и обнаруживается как третий при просыпании во сне. Четвертый порядок: во сне вспоминается сон, причем обычно вспоминаются события из другого сна, например в моем сне: дорога, дом, вспоминался определенный дом, как будто я уже раньше бывал в нем; бывал ли я там в другом сне или только в этом сне — мне показалось, что я уже бывал там, и значит, другого сна и не было, но в этом сне мне показалось, что этот дом мне уже снился. В последнем же сне я прямо вспоминаю некоторые события как события, происходившие во сне, то есть сон как сон. Бодрственные состояния, когда снятся, снятся измененными, сны — теми же самыми. Лучше всего сны вспоминаются утром и затем под вечер, между пятью и семью, когда сознание не такое ясное. Но мне все кажется, что первое воспоминание сна и есть сон, то есть сновидение, и снился сон не в том времени, куда относит его воспоминание, но когда он впервые вспоминается.

22 февраля. Ночные бдения тоже потеряли свою прелесть, и я чувствую себя героем, что продолжаю их. Я не говорю уже о решительном изменении пути, но о самом простом: служить, пить и спать, то есть опуститься. Великая игнавия все же не покидает меня, она только притаилась, и подстерегает, и проскальзывает через малейшую щель. Устоять перед ней трудно. Она является и сама и под видом другого. Или это другой является то под видом игнавии, то какого-то мучительного стеснения в груди, то как страх. Это снова **то.**

27 февраля. Я тупею, бесконечно тупею. Иногда я чувствую себя совсем идиотом, и когда вдруг у этого идиота мелькнет мысль, я удивляюсь, откуда она. Так и сейчас я записал или, вернее, записалось, не знаю как, мой закон неопределенности: места и предела, и не понимаю, откуда взялась мысль у такого идиота.

Я мудрил с хулой на Духа, а ведь это просто. Совсем не с самоубийством это связано, и не в том дело, что я говорю: нехорошо, когда Бог сказал: хорошо. Ведь если я говорю: нехорошо, то только по названию о том же самом, о чем Бог сказал хорошо. Но часто, может чаще всего о себе самом, говорю нехорошо. И ведь когда уж всего противнее и омерзительнее, то наиболее омерзителен я сам, то есть самому себе омерзителен, свое — омерзительно. Самоубийство же не прощается, просто как последняя степень уныния и ведь если убил себя, то в самое последнее мгновение, то есть с е й ч а с был в унынии — в самом мерзком смертном грехе и уж этого не исправить. Но хулу на Духа так и надо понимать прямо: на Духа, а не на плоть, или на человека, или на самолюбие, или на свое, или на свое у другого. Но Дух написан с заглавной буквы, и Дух Святой не потому, что дух во мне самое высокое, то есть в переносном смысле, но буквально Дух Святой — Бог, не я, но станет во мне, и это самое высокое. Рожденные не от плоти и не от желания, но от Духа — вот что это значит. Даже хула на Сына Чело-

вечеcкого, то есть на Бога, простится, потому что это от глупости, а на Духа — искажение и извращение образа и подобия Божия. Только это и есть кощунство, внутреннее, а внешнее — только глупость. Хула на самого Бога — глупость, ведь никто не видел и не знает Самого Бога, здесь хулим то, чего не знаем, а хула на Духа — хула на образ, на образ и подобие Божие в себе. Не Дух — образ и подобие Божие, но, когда я нахожу в себе образ и подобие Божие, я знаю и Духа и нахожу Его, то есть Бога, или Он находит меня. Когда же я этого не вижу — это близко к унынию, и только так уныние соединяется с хулой на Духа Святого.

Мф. 12, 36. «За всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда».

2 марта. Сравнения Царства Небесного. Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло все, сокровищу, скрытому в поле, которое найдя, человек утаил, купцу, ищущему хороших жемчужин, неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода, человеку, посеявшему доброе семя на поле своем. Во всех этих сравнениях имеется:

A: взять, посеять, найти, утаить, искать, закинуть.

B_1: вырастет, станет больше всех, **вскиснет** все.

B_2: укрываются в ветвях его, вскиснет **все**, жатва, наполнится.

B_3: плевелы сжечь, выбросили вон.

B_4: продать все.

Четыре элемента Царства Небесного:

A: сделать что-то, причем когда я это захочу (B_4 — продать все). Это делает за меня Сын Человеческий.

B_1: когда я сделаю, то есть решу, то само уже делается.

B_2: и покроет собою все.

B_3: а вся рака́ отпадет сама собой.

Не все ли равно как прийти к Евангелию, важно только полюбить его по-настоящему, и это значит поверить в Благую весть. Причем и верить можно различно и можно даже не быть уверенным во всех чудесах и в подлинности всего Евангелия, главное признать в нем хоть немного чуда. Л. сказал раз О.: главный недостаток ваш, что вы не понимаете Евангелия. Но под конец О., кажется, полюбил Евангелие, Библию он любил и раньше. Как нехорошо подходить к Евангелию чисто литературно, то есть снисходительно признавать его поэтичность, и также чисто морально. Хорошо: здесь, кажется, есть три отношения: 1. Жить по Евангелию. Это не просто моральный подход, значит положить руку на плуг и не оглядываться назад, высокое у людей — мерзость перед Богом, иногда это даже не морально и жестоко: враги человеку домашние его, возненавидеть отца и матерь, оставить мертвым погребать своих мертвецов, не мир, но меч, довлеет дневи злоба его, участь

Марии, а не Марфы. 2. Понять это, но не в силах сделать. Это подход от ума. Понять ум и мудрость Евангелия. К этому близко 3. Понять особенную красоту Евангелия. Это подход через язык, слова, но не просто поэтический. Здесь одно слово, или выражение, или сравнение станет вдруг понятным, понятной некоторая красота его, что станет выше всей литературы, всех писателей. И так же как и в первом случае есть противоречие обычной морали, так и здесь противоречие традиционным литературным канонам. В случаях плохого отношения к Евангелию оно оценивается, хотя бы и высоко, по критериям, лежащим вне Евангелия. В случаях хорошего отношение Евангелие само становится критерием оценки. Или Евангелие сравнивается с другими вещами и мнениями, или Евангелие станет вне сравнения.

Еще есть один хороший подход к Евангелию — путь мытаря, молившегося вместе с фарисеем, то есть через покаяние — Я пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию. То есть через сознание собственной пустоты.

3 марта.[6] Что душа? Я могу жить, работать, любить, испытывать удовольствия без души. То есть я не вижу никакой необходимости быть душе для всего этого. Душа из всего этого исключается. Но для того, чтобы обдумать все это, необходима душа. Для суждения, может быть, не требуется души, но для вторичного суждения или обсуждения уже нужна душа. Но теперь душа начинает расширяться. И для того, чтобы почувствовать чувство, должна быть душа. Душа расширяется и захватывает мир. Но может быть, это уже недопустимое расширение способности суждения. Несомненен определенный факт: я могу жить и действовать без души и иногда только замечаю: все же у меня есть душа, только она загнана куда-то далеко, сидит молча, отстраненная мною от всех дел тела или, может быть, отстраненная телом от всех его дел.

Также и в истории можно отделить душу от тела. Что будет телом истории? Не события, ведь их творят люди. Записанные же факты: в таком-то году произошло то-то — это даже не тело истории, но некоторая оболочка или внешность тела, телом истории будет интуиция, например интуиция души и тела — тело XVII века или одно из тел XVII века. К телу истории первой половины XVIII века отойдут несколько сот арий Баха, потому что они написаны по некоторому шаблону. Но несколько десятков арий Баха отойдут к душе. Если каждая интуиция, связанная с некоторым шаблоном, есть тело, то история — борьба этих тел. Тогда она выходит из времени, потому что эти интуиции вечны. Но что будет душой? Во-первых, некоторые исключительные создания этой интуиции. Но это не совсем верно: исключительные творения будут просто более оживленными телами, телами, которые кажутся на самом деле одушевленными. Но все же это тела. Но то, что выходит из интуиции и становится отдельно, то будет проявлением души. Во-вторых же,

и это более важное, — отношение отдельного человека к интуиции, и прежде всего к господствующей интуиции, — это проявление души. Я имею здесь в виду отрывок из Аристофана, который я нашел в какой-то русской книге и показал Л., или переписку Абеляра и Элоизы. То, что выходит из пределов интуиции, становится над ней или занимает к ней какое-то отношение — отношение второго порядка: не суждение, а обсуждение, — то отойдет к душе, к действиям души. Это некоторое преодоление истории. Есть взаимодействие тел-интуиций, оно вне времени, и есть отношение души к интуициям — к взаимодействию тел, это тоже вневременно: отношение Элоизы к Абеляру такое же, как сейчас. Но то, что взаимодействие тел приурочивается к определенным точкам времени, — такая же небольшая погрешность, как и моя жизнь, та часть ее, которая уже прошла. Главное, что в истории найдено что-то устойчивое: тело-интуиция и душа — отношение к телу и, чаще должно быть, оппозиция к нему. По всей вероятности, и здесь нет реального взаимодействия, но предустановленная гармония.

Теперь я применю все это к себе, буду искать свою душу. Когда я знаю что писать и не пишу, но **само** пишется, это относится скорее к телу. Когда я становлюсь в затруднение и думаю или так как не умею думать, то стараюсь думать и ищу, ищет, мне кажется, не тело, но душа. Но что ищет? Некоторое соответствующее ей тело, не мое тело. Когда я нахожу или душа находит — в очевидности высочайшее единство — близость души и тела. *Когда меня угнетает ignavia — это тоска тела по душе, тоска, так как не вижу души.* Когда бывают состояния мучительного стеснения в груди и страх и то, что Л. назвал тоской по Абсолюту, — это *тоска души по другому телу — по интуиции.* Наконец самое страшное — **то** — это тоска души, освобожденной от всякого тела, моего и высшего, от всякой возможности тел. Кажется, я начинаю понимать тело Христово, может, это и есть другое тело, не мое. Так что: мое тело — душа — Христово тело. Или: материя — форма материи — форма как содержание и как новая материя для второй формы.

Только Бог без тела, но моя душа не может быть без тела, и поэтому такой страх перед **тем**. Отношение души к телу — это и есть форма материи. Но что станет с моей душой, когда она станет материей для второй формы? Или место души не постоянное, душа и есть реализация материи и также моя душа и, когда она станет материей для второй формы, то есть примет тело Христово, моя же душа станет второй формой — ничто Бога? Но дальше ей уж некуда, Богом не станет, но будет Его материей — ничто Бога, под Богом. Это покой души.

Если мы говорим: покой души, то понимаем так, что душа успокоилась и это было однажды и прошло и наступил покой. Успокоения мы не боимся и иногда кажется даже высшим наслаждением, но покой пугает однообразием и отсутствием с е й ч а с или о д н а ж д ы. Но это у нас так, а **там**, может быть, вечное мгновение — вечное успокоение. **Там**, может, не надо говорить мгновению: остановись, оно остановилось, но не стало длительностью, а всегда ново. Подобно этому имеем редко и сейчас, когда говорим: несколько часов прошли как мгновение, или в творчестве.

12 марта. Как будто звучит во мне некоторая гармония, не от меня, но от Бога, я только прислушиваюсь к ней. Я пытаюсь уловить ее и передать формулой. Формула — это как знаки нот. Кто знает ноты, услышит и музыку. Соразмерность частей и небольшая погрешность, я хотел бы сказать: гармония сфер.

13 марта. Есть некоторое созвучие в трех формах — гармония сфер и погрешность в созвучии — душа.

16 марта. Все время живу в страхе игнавии.

25 марта. Если субстанции присуща активность, то только Бог субстанция, а отдельная душа только в потенции субстанция. Она должна освободиться от всего, стать ничем, чтобы вместить Бога.

2 апреля. Раз я сказал Л., что нормальный человек не верит в смерть и живет так, как будто никогда не умрет. Но до войны у меня не было этого ощущения. Затем, когда у всех это ощущение нарушилось вследствие войны, у меня оно вдруг появилось. Но, может, это было другое. Я не перестал верить в смерть, но поверил в бессмертие, реально ощутил: «Блажен, кто посетил сей мир // В его минуты роковые⟨!⟩»[7] И у Пушкина: «Все, все, что гибелью грозит, // Для сердца смертного таит // Неизъяснимы наслажденья — // Бессмертья, может быть, залог⟨!⟩»[8] Теперь же снова ощущаю смерть как близкое и настолько, что кажется: зачем кончать мои вещи, да и успею ли? Раз, еще до войны, у меня болели зубы. И на какое-то мгновение реально представилось: стоит ли лечить, когда все равно скоро после этого умирать.

Вообще здесь есть три вещи:

1. Неопределенность моего положения в силу особенных условий. Нормально человек имеет работу, и внутренние и внешние побуждения к ней объединены. У меня же есть только внутренние. Внешней жизни почти нет, кроме всевозможных опасений, страхов и тяжелой работы. Настоящая же работа не имеет внешних побуждений. Поэтому расстояние до смерти сократилось: между настоящим и смертью ничего не вижу, нет ни надежд, ни перспектив. Расстояние кажется короче, если оно не заполнено другими предметами. Но что же здесь плохого? Не есть ли это: зажечь беду вокруг себя[9]?

2. Положим, не будет особенных условий. Но тогда будет меньше тяжелого труда, меньше неприятностей, но останутся те же страхи и

опасения. Но когда станет меньше неприятностей и даже появится приятное, не станет ли ближе смерть? Ведь освободившемуся от суеты и мелочей что же останется, как не она? Не уменьшится ли дистанция между мной и ею? Если сейчас нет ощущения долговечности вследствие незаполненности расстояния между мною и смертью, то тогда, освобожденный от мелочей, что я буду делать, ведь ничто другое уже не увлечет. Тогда-то и будет: зажечь беду вокруг себя.

Вера в бессмертие, то есть ощущение, касание бессмертия. Придет ли снова от роковых минут, от беды вокруг себя или от чего другого, но поскорее бы, а то будет поздно.

3 апреля. Есть некоторые события, которые помнишь и 10, и 20 лет спустя и будешь помнить до самой смерти, и они настолько омерзительны, что кажется, будь я Богом, не создал бы я мир, в котором возможна хоть одна такая мерзость. И если воспоминание об этом событии придет перед самой смертью, то как страшно будет умирать, даже если и не я виновник его. И может быть, если воспоминание о нем **не** придет, то сопровождающее его ощущение придет, и может, это и есть страх смерти.

16 апреля. Может быть, бессмертие получит тот, кто поверит в него, то есть ощутит или коснется его еще здесь.

17 апреля. Можно пренебрегать и презирать (Т.). Мне кажется все же правильным пренебрегать, а не презирать. Презирать, значит, ставить себя в некоторое отношение к презираемому, то есть унижать себя. Я не презираю муху, которая надоедает мне, но если нет возможности избавиться от нее, то пренебрегаю ею. Но отдать всю свою жизнь на борьбу с мухой — унизительно, лучше научиться пренебрегать ею. Можно опускаться мудро и не мудро. Валя[10], ограничившись малым, опустилась мудро. Да это я и не называю опускаться. Но если бы я, бросив философию, стал много работать, чтобы жить, как говорят, по-человечески, то это и значило бы опускаться, причем не мудро.

19 апреля. Я люблю традиции и приметы, но боюсь традиционных формул, кроме «здравствуй» и «до свидания». Но уже «прощай» или «будь здоров» мне как-то неловко сказать, а «поздравляю с праздником» и др. просто трудно.

26 апреля. Возможно, что это первое предупреждение, и даже не первое, а последнее, вернее первое из последних. Как я отнесся к этому? Во-первых, несколько удивился, обнаружив, что в известном силлогизме вместо Кая можно поставить Якова. Во-вторых, «есть упоение...»[11] и т. д., некоторая приподнятость настроения. В-третьих, мелькнуло: предстоит еще ужас. Я говорю не о самом последнем, этого ведь никто не знает, а о предвкушении его. И теперь подумал: все это ведь не серьезно, ведь я же еще не готов, что если случится, когда я не буду готов?

Я буду продолжать писать «О критерии», даже буду торопиться закончить, и сегодня тоже пишу. Все же все время думается **то**, но недостаточно серьезно. То есть я вижу: вот во мне все время серьезная мысль: будь готов, я же иногда отвлекаюсь и вот в одном отвлечении подумал: у Чехова есть рассказ[12]. У извозчика Ионы умер сын, ему хочется поговорить с кем-нибудь и не с кем. Он думает: хорошо рассказать бабам, они с первого слова ревут. Это что-то очень хорошее бабье, и кажется, русское бабье. И это связано с православием и наиболее правильным, хорошим пониманием Евангелия.

Простые русские женщины, и это тоже относится к хорошему бабьему, различают любить-жалеть и любить-желать. Но, может, это одна любовь, только две стороны ее, и в каждой есть и та и другая, только одна преобладает.

2 мая. Вчера я закончил вторую часть второй части «Критерия» и надо переходить к последней. Здесь много недоумений и, значит, опять игнавия. Потому что пока не разрешается, что же делать? Но разрешать сам не умею, само думается, а сколько оно будет думаться? Пока же не разрешится, ничего не хочу и не могу делать. Планы: закончить «Критерий». Затем «Логический трактат». Хотел бы закончить к 1 июля. Затем «Свердловские трактаты», хочу их переделать. Затем не знаю что. Но «Соблазны» в этом году опять вряд ли закончу.

3 мая. 1941 год, осень и зима — вот когда я покончил с молодостью. С этого времени начинает появляться, кажется, план на весь остаток жизни.

Том II:

1. «О Критерии». Третья часть второй части: о двух способах соединения, значит, о новой теории умозаключения. Значит: «Логический трактат». Заключение, может быть, о боли. Значит: «Свердловские трактаты».

2. «Свердловские трактаты». Об абсолютном и о боли.

3. «Логический трактат».

4. «Симфония» и «Контрапункт».

Том III: формула Баха.[13]

Том IV: «Перед принадлежностями чего-либо».

Том I:

1. «Вестники», «Исследование об этом и том», «Рассуждать — не рассуждать», «О состояниях природы».

2. Если удастся — рассуждение второго порядка. Если только удастся, то будет длинным[14].

Из тома II почти все, кроме «Контрапункта», второй и третьей части, написано.

Из тома III — статья и несколько тетрадей о Бахе.

Том IV — написано много, но надо переделать.

Том I, п. 2 — ничего.

Том II — реальный план на год или полтора. Но сумею ли закончить «Контрапункт»?

Но все же чувствую: еще будут перемены и сейчас покой временный. Среднее состояние покоя может нарушиться: игнавия; если не выдержу игнавии, то питье.

Зажечь беду вокруг себя.

Самая большая мудрость уже не производительна, тогда уже незачем писать. Но и сейчас часто: не мудро писать и весь этот план на остаток жизни — только отвлечение себя от главного: зажечь беду вокруг себя.

О молодости. Обычно это научные работники от 20 до 30 лет с бородкой. У них еще и бородка как будто не настоящая, но чувствуется: они становятся взрослыми. Вот это «взрослые» у них как-то особенно неприятно, неприятная положительность. Но затем есть еще другая, не такая неприятная, и может, даже совсем не неприятная, взрослость, и все же мне она чужда, хотя с молодостью я уже 5 лет как покончил. Это мне неясно, этой взрослости у меня никогда не будет.

10 мая. У меня-то ничего нет, во всяком случае в том, что предполагалось, но теперь другое, более страшное, и если подтвердится, то это уже беда вокруг себя и в самой страшной форме. В связи с этим подумал, что одно из условий святости: ничего не забывать. Самое страшное не в том, чтобы отказаться от соблазнов, а в том, чтобы все помнить: и то, что было, и то, что будет. По-настоящему всегда помнить: хорошее, что было и прошло; близких, которых нет; плохое, что сделал и чего стыдился, — это уже путь к святости, после этого не захочется ничего и того, что здесь, у нас. Затем то, что будет: смерть. И если этого не забывать, то с жизнью покончено. Но не дает ли святость радости? Это уже потом, после самых больших страхов и ужасов, но пока их не перешел, даже непонятно, какая еще может быть радость и может ли вообще быть?

В жизни так: идут радости, затем потери, затем снова радости и снова потери, и если во время потери не сосредоточишься на том, что потерял, и не запомнишь навсегда, то снова что-нибудь получишь. Но на какой-то потере сосредоточишься, и запомнишь, и не пожелаешь новой радости. Это значит: уже умудрен, готов. Как будто Бог

дает мне радости только для того, чтобы я потерял их, чтобы понял их тщету и ничтожность. Ничтожность их не в самом ощущении радости, это действительно, но в том, что предмет земных радостей не абсолютен. Я имел что-либо, что считал абсолютной ценностью, и ощущение радости при этом действительное. Затем потерял. Затем забыл и получил что-либо другое, и это считаю абсолютной ценностью, и снова доволен. Но это не абсолютная ценность, если может быть заменена другой. Тогда уже не захочешь никакой ценности, которая может быть заменена другой. Но я этого еще не понял и сейчас хочу одно: не потерять ценности, которая была у меня около 44 лет. Это была у меня первая ценность, первая и по времени. Временами мне казалось, что у меня есть и бóльшие. Я терял их и убеждался в их ничтожности. Уже давно я понял: во всяком случае, это абсолютная ценность, без которой в жизни не будет уже никакой радости. Господи, оставь мне ее.

По сравнению с тем, что будет, философы кажутся легкомысленными детьми, забавляющимися игрушками. Даже Кант и Платон. Как возможны всеобщие синтетические суждения? Но какое мне до них дело? Но и ответы на два других вопроса: что я должен делать и на что могу надеяться — *легкомысленны.* Только молиться, а если не дан этот дар, так же как и второй — дар слез, то ничего не остается. Но Кант как раз отвергал молитву.

Я не оставлю «Критерия», не оставлю «Логического трактата», но, что бы ни было, даже в случае благоприятности, я никогда не забуду этих двух страшных дней, и каждый день перед сном ли, утром, днем или вечером я буду вспоминать их и то, что будет.

Даст ли мне радость «Формула Мира»? Нет, только суетное удовлетворение познанием. Но разделение времени на промежутки не освободит ли от страха? Нет, только средство забыть и получить новую радость. Пусть есть только одно мгновение. Но ведь это одно, которое не только одно, и то ощущение страха и ужаса, которые могут быть послезавтра, ведь они уже и сейчас в ожидании этого страха и ужаса. И пусть того мгновения не будет, так же как и вчерашнего, но ведь они уже есть в этом, которое сейчас. Ведь я же не утверждаю, что есть только это одно мгновение. Есть это мгновение и другого нет, но одно это мгновение — не только одно. Первая реальность — это мгновение. Вторая - этот ограниченный промежуток времени. Но другой ограниченный промежуток времени уже не реальность, то есть не то, **что есть.** Для святого этот единственный реальный промежуток времени расширен: от рождения до смерти.

Категорический императив Канта, как и стоические добродетели, — это, может быть, только попытка утешить себя, новые радости после потерь, менее сильные, но более устойчивые. Но это ограничение промежутков. Но вот другое ограничение: довлеет дневи злоба его[15].

11 мая. Может, только теперь, впервые в жизни я подумал серьезно. Философия шла через меня, я не умел думать. И теперь серьезно думаю не о философии. Я не могу стать бесстрастным наблюдателем и, положив руку на плуг, не могу не оглядываться назад. Философ и бесстрастный наблюдатель если и боится смерти, то только своей. Страх смерти — это страх своей смерти.

Я боюсь другого мгновения. Значит, я не серьезно не верил в другое мгновение. На это можно возразить: не входит ли страх перед другим мгновением, которого нет и не будет, в это?

Расширение промежутка до всей жизни — серьезность и святость. Сужение до мгновения — серьезность, бесстрастие. И в том и в другом случае одно мгновение: мгновение — жизнь, мгновение — вот это. В первом случае остается место для жалости, для боли за других.

13 мая. Кант считал, что очистил место от теоретического разума для практического и, значит, для веры. Но его «вера в пределах чистого разума» очень жалкая. Но верил ли этот хитрейший из мистиков[16] в свою веру в пределах чистого разума?

Эти три страшных дня как-то опустошили меня. Затем снова **то**. Его еще нет, но я чувствую, что оно близко. Или это оттого, что я один в комнате?

Сейчас я больше, чем раньше, боюсь быть один. Я боюсь **то**, оно приходит, когда я один. Потом я боюсь, что всегда все может случиться.

29 мая. Продолжал бы я писать, если бы точно узнал, что через три месяца умру? Нет, я бы стал по-настоящему думать, и если бы сумел, то молиться. Может быть, молиться и значит по-настоящему думать. А все остальное не по-настоящему.

3 июня. Состояния:[17]

1. Формула Мира. (Ф)
2. Нулевое. (0)
3. Ничтожности. (Н)
4. **То**. (⊥)
5. Ф.У. (У)

Несколько дней тому назад было 0 и Н. Тогда я думал: зачем писать? Через меня проходит, и я опустошаюсь, все пройдет, и я буду пуст совсем. Та ли это пустота, о которой говорит Экхарт? Так ли надо потерять свою душу? Ведь ее надо потерять, думая о ней, но что за заслуга потерять ее, не думая о ней, то есть забыв ее?

5 июня. Я забыл еще шестое состояние: думать по-настоящему: пусть это будет М. Это не 0 и не Н. Н — это, когда не видно разницы между значительным и незначительным делом и все дела, философские и научные книги и системы кажутся одинаково незначительными, все равно умрешь. Всякое увлечение чем-либо, интерес к чему-либо кажется провинциальным. Здесь связано с временем. Состояние Н, может быть, подготовляет к М. Душа и смерть и еще Бог, только это останется. 0 — это состояние трюизма. Для Бога, может, математика пошлость, ведь Он видит все сразу и глубочайшая теорема для Него так же непосредственно ясна, как нам 2×2=4. Но, кажется, это неверно. В состоянии 0 вся жизнь, все распутывается в одну прямую линию, в одно ничто. Это состояние полного нивелирования. М — когда приходит, всегда кажется, что в первый раз. Кажется, что только сейчас подумал по-настоящему, начал жить. Шесть состояний, шесть несовместимых состояний, четыре из них — У, 0, Н, ⊥ — пусть будут средние, Ф и М крайние — вот уже некоторая формула, и часть — Ф есть вся эта формула, а М — другая часть — неопределенное отрицание всей формулы.

14 июня. Может ли быть, что когда-нибудь я совсем уйду, например, в логику, так что состояние М никогда мне не будет являться или очень редко и я буду отталкивать его как что-то надоедное и нудное? Но и сейчас оно бывает редко, но постоянно стучится ко мне через своих представителей 0, Н, ⊥, У. Но что оно перестанет постоянно тревожить меня, в этом я сомневаюсь. Чем больше будет промежуток, на который оно оставит меня в покое, тем сильнее прорвется оно после этого промежутка. Два дня я читаю книги по логике, и такая скука и У. Иногда, правда, бывают интересные мысли, но в бесконечных спорах и опровержениях друг друга я ничего не понимаю, мне всегда кажется, что последний прав. Единственное опровержение, которое я понимаю, это ссылка на интуицию: противоречит интуиции, значит, неверно.

У не оставляет меня. Кончилось Ф и снова У. Это, как волны, и на вершине Ф, падение У. И теперь мне кажется, что теория непосредственных умозаключений никому не нужна, да и не знаю, что вообще нужно, кроме М. Но М нет.

17 июня. Тоска по Абсолюту. Отсюда небольшая погрешность.

19 июня. Душа не восприятие, не способности и не какой-то внутренний мир, все это потенции, душа — вера, состояние М.

22 июня. Напрасно я бегу к сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам...
Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий.[18]

И еще: «Как с древа сорвался»[19] —
Об ощущении греха.

23 июня. Первый грех — самоволие.

26 июня. Мазепе, восставшему против изверга Петра, — анафема, а Петр — Великий. Таких случаев в истории множество. Власть всегда права — нет власти не от Бога. Протест, восстание — не хорошо, но еще хуже власть, творящая мерзости. Ощущение греха, такое сильное в средние века, было подделано властью и церковью. Цареубийство чуть не смертный грех. Почему? Говорят, церковь смягчает нравы. Может быть, но что пользы приобрести мир и потерять душу? Ведь небольшое смягчение нравов миллионов не окупает гибели нескольких тысяч, даже сот, даже одного человека. Ведь небольшое смягчение нравов создает видимость, что ты спасен. Между тем, если бы этого не было, то хоть несколько человек подумали бы о своей душе. А теперь они предоставляют это людям, которые из спасения душ сделали себе профессию, для которых это дело политики.

Надо стоять за традицию, за власть, надо быть консервативным, но кощунство думать, что это свято. Ступени знания: нулевая — жить заботами дня. Первая — консерватизм или бунт. Но ни то, ни другое не свято и даже не мудро, но только умно — одно из них и еще красиво. Вторая — жизнь прибрежных жителей[20]. Третья — некоторое волнение и некоторое спокойствие — созерцание, мудрость. Но и это не свято. Четвертая — Евангелие, это свято. Отрицание на каждое ступени, то есть замена должного недолжным — не умно, некрасиво, не мудро, не свято, но отрицание ступени высшей ступенью — мудро и свято. Поэтому я за церковь, но нет у меня преклонения перед ней, как перед Богом, самая истинная церковь не выше Бога, а тем более всякая историческая. В отношении к таким вещам, как церковь, которые следует признавать, тоже две ступени: непосредственная — признавать без рассуждения, то есть для тех, кто не рассуждает или кто не умеет рассуждать. Но если начнется рассуждение, то признавать без чрезмерного поклонения, иначе это идолопоклонство.

Если Бог дал человеку брюхо, то нет греха в том, чтобы думать, как наполнить его (Розанов), грех в чревоугодии, то есть думать, что единым хлебом жив человек. Также нет греха в рассуждении, если Бог дал ум; грех в вере во всемогущество ума, то есть в рационализме. Но не рассуждать — это тоже грех, это и значит думать, что человек жив единым хлебом, а не словом.

*Осуждение большинства я вдруг понял как преобладание в жизни, в моей жизни, то есть в моем, боли над радостью, то есть как муки рождения **того**.*

27 июня. Иерархию каст особенно сильно я ощущал в школе. М. и Е. — это не Богом обиженные, а именно другая каста.[21] Богом обиженный — это, должно быть, Г. Это относится к непониманию. Затем еще то, что говорил Л.: отец не понимает сына. Возможно, что есть формула непонимания. В философии такое непонимание: Больцано не понимал Гегеля, Шеллинга, Фихте. Зиверт, должно быть, также не понимал Больцано. Это совсем особого рода непонимание, когда два человека, говорящие на одном и том же языке и о том же, не понимают друг друга, как будто бы они говорили на разных языках.

13 июля. Опять болезни и страхи. Как будто тяжесть и боль всего бытия собралась надо мною.

21 июля. Можно доказывать, утверждать или убеждать, последнего я не понимаю, поэтому я не могу сейчас дочитать до конца ни одной философской книги, вообще не понимаю многословия.

22 июля. Существуют некоторые обычные установившиеся разделения, например априорный и апостериорный, впрочем пример не совсем верный, я имею в виду тривиальные разделения, то есть подобные правилам абсолютной модальности. Их можно назвать тривиальностями или пошлостями ума. Но затем оказывается, что эти пошлости ума не соответствуют подлинной реальности, что разделение проведено грубо и вследствие хотя бы небольшой неточности сущность вещей совершенно затемнена.

28 июля. «На отмелях» Конрада. Передо мною сложное явление: сила политической власти, любовь, страсть, честь, жизнь. Я разлагаю это на составные элементы и нахожу: есть избыток над удовольствием. Я имею в виду вот что: один или несколько человек могут получить реальное удовольствие сейчас, которое и на будущее время, во всяком случае по их предположению, доставит им наибольшее возможное удовольствие в жизни. Тем не менее они отказываются от него, причем не потому, что боятся осуждения или ожидают лучшего, но по другим соображениям. Эти соображения не эгоистического или материального порядка и есть избыток над желанием удовольствия.

АВГУСТ 1946 — АВГУСТ 1948
ФУ 3

1946

5 августа. Записывание помогает думать. Записывание не помогает молиться. По-настоящему думать и молиться — одно и то же. Два способа думать: думать — обозначать, то есть думать словами. И потом есть другое думание — ноуменальное. Вчера я два часа думал — молился. Вначале я просил: повторил много раз три слова. Потом я перестал просить определенное и повторял много раз восемь слов. И здесь я заметил, что эти восемь слов были некоторым вещественным, реальным стержнем, вокруг которого мелькали обрывки мыслей-слов. Может быть, они были и интересны, но я отгонял их, потому что без слов было интереснее. Была мысль без слов и без знаков, ноуменальная. Затем, по мере того как мое напряжение ослабевало, мысли-слова начинали преобладать над ноуменальной мыслью, так что под конец я уже смог заметить и запомнить мысли-слова, одна из них то, о чем я сейчас пишу, то есть о ноуменальной мысли. Подобное этому было при гашише: самое сильное я не запомнил, оно шло без знаков, без наблюдателя и прошло. Я нашел нужное слово: наблюдатель. Когда я думаю словами, я наблюдаю свою мысль. В ноуменальном мышлении я одно с мыслью, наблюдателя нет. В мышлении словами, вообще знаками, то есть логическом, наблюдатель исчезает только в очевидности. В ноуменальном — его вообще нет, это сплошная очевидность. Но это не непроизвольное течение мыслей, не рассеяние.

Может быть, молитва — это не просьба, ведь Бог знает, что мне нужно, а понимание того, что мне надо. Может быть, когда я молюсь, то начинаю понимать, что мне нужно из желаемого, ведь осуществляется по молитве тоже не все и не так, как просил, но так, как надо. В молитве я понимаю то, что осуществится, и когда пойму, то и хочу. Когда говорят: осуществилось по молитве, это верно, но осуществилось по молитве понимание того, что осуществилось. Что значит: его молитва доходчива? Как осуществляется по молитве других моя нужда? Должно быть, так же: другой понимает за меня и дает понять мне. Может, даже не непосредственно словами. Но, впрочем, я не знаю как.

15 августа. Раз я сказал Л.: отчего люди плачут? От жалости, что родились. Есть некоторое предчувствие: человек создан для счастья. Так как счастья нет, — жалость, что родился. Это седьмое состояние, которое бывает у меня все реже и реже. Затем: когда счастье есть, то когда посмотреть со стороны, то еще больше несчастье: не оттого, что у меня его ⟨счастья⟩ нет, а от его ничтожности и от «отец не понимает сына». Человек создан для счастья, и одновременно: человек не создан для счастья, он не умеет его выбрать, воспользоваться им так, чтобы оно не стало ничтожным. И даже в счастливой жизни прибрежных жителей сильнее всего тоска по Абсолюту.

24 августа. Некоторая злобность хуже бестактности, невоспитанности и другого, о чем не хочу писать. Также злобность я имею в виду определенную и тоже не хочу писать. Здесь есть что-то от злой воли...

12 сентября. Скоро уже две недели, как ничего не делаю, то есть настоящего.

13 сентября. Разум, рассудок, **я**, отвлеченная способность и т. д., то есть то, «что предписывает законы природе», должно быть вполне моим, а не каким-либо разумом или сознанием вообще. Две ошибки: абсолютизм и прагматизм. Эта способность — не научное мышление, не зависящее от меня, но обычное, из которого я не могу выйти. Его особенность: всеобщность и необходимость, поэтому каждый судит не по своей мерке, но по общей. Но общую меру нельзя отделить от своей: у меня нет другой меры, кроме этой общей. Это суждение не синтетическое, а аналитическое: *общность меры входит в понятие меры.* Без этого же нет Бога, так как или нет ничего, кроме только моего, то есть только моей меры, или же общая мера трансцендентна мне и я сам выпадаю из нее. Но общая мера — не Бог, но именно я, а я — ее отрицание — что-либо, которое есть ничто Бога, то есть ничто, принадлежащее Богу. Таким образом, получается то, что называли конкретным единством, но не положительно через общую меру, а отрицательно: конкретное единство с Богом через отрицание моего, то есть моего отвлеченного и отраженного абсолютного.

15 сентября. В математической логике два рода знаков: для вещей и действий, также функции понимаются как отличные от действий, то есть как вещи. Я хочу и вещи свести к действиям — к действиям ума, и, кажется, мне удалось это в последней таблице (α, $\overline{\alpha}$, $\dot{\alpha}$, β)[1]: там нет даже знака для S и P, и предложения A, E, I, O,[2] как элементы умозаключений, заменены теми же знаками действий.

30 сентября. Жизнь просеялась, и остались самые страшные воспоминания: тот вечер летом 1911 г., когда впервые понял смерть, а до этого предчувствие чего-то страшного и радостного, непонятного весной,

когда гулял с папой. Затем 1934 г., август: когда сидел у окна и вестники меня покинули. Затем 16 августа то, о чем никогда не скажу. Такое же с котенком в Чаше. Такое же с крысой в магазине летом 1945. Последние три — это боль и **то**.

11 октября. Снова ФУ.

9 ноября. Гуманность и моральность не следуют одно из другого, то есть независимы. Моральность сильнее была до XIX в. — ощущение греха, совесть, с XIX в. — гуманность вместо моральности. Искусство, даже светское, падает; когда светские чувства получают свободу, освобождаются от подчинения долгу, совести и вере, искусство теряет способность изображать их. Авторы Дон Жуана относились и с сочувствием и с порицанием к своему герою.

Культура и Евангелие несовместны. Культура невозможна без ощущения трансцендентности, и это давала церковь: границы. Когда же границы пали, пало и искусство. Но Евангелие проводит границу слишком близко от души и ничего не оставляет помимо души. Но может быть, все же церковь — компромисс между культурой и Евангелием? Имманентизм всюду, и в философии и в жизни, несет гибель.

[Я ввожу некоторое трансцендентное. Трансцендентное — *одно два*[3]. Оно трансцендентно только для рассуждения, но приходим к нему все же через рассуждение, достигаем же непосредственно состоянием апории, для души оно имманентно. Но это не Бог, Бог — трансцендентное, но может стать не только имманентным душе, но там, где душа, самой душой, исключив возможность всякого, хотя бы и непосредственного, отношения.]

17 ноября. ФУ

19 ноября. Несмотря на ФУ, на мелочность и мерзость, «Исследование о критерии»[4] идет как бы само собой.

20 декабря. Сейчас по радио: Горовиц — две мазурки Шопена и этюд. Я вспомнил все то время, и мне показалось, что жизнь уже прошла и прошла глупо. Не только показалось, так и есть. Я вспомнил, как пошел к зеленой[5] — я не помню, как ее звали, но она всегда у меня связывалась с зеленым. Она играла «Карнавал»[6], когда я пришел. Куда мы пошли, я не помню, но все это было очень глупо. Потому ли, что ни одно из этих дел не было доведено до конца? Во-первых, всегда было глупое ощущение, как будто я полез туда, куда меня не звали и куда мне не надо было идти. Во всех делах, кроме философии, у меня всегда было ощущение глупости и всегда я как будто лез туда, куда не надо было.

Но предположим, во-вторых, я довел бы до конца какое-нибудь из этих дел. Но откуда я знаю, что бы тогда было? Может быть, ощущение глупости уменьшилось бы за счет отвращения. Впрочем, это уже рисовка, мне ведь хотелось только записать искреннее ощущение возобновления того, что было 20 лет тому назад, и ощущение некоторой бесполезности и ненужности моей жизни. При этом от жизни отделяется философия, она нужна. Вообще у меня какой-то уж очень глупый и нудный брат осел[7].

1947

13 января. Легко понять или сделать вид, что понял, придумав пустые слова, крайние точки: человек и Бог, смерть и бессмертие, время и вечность. Этих крайних точек самих по себе и нет [в том смысле нет, что и Бога я знаю только в его отношении ко мне, и себя самого я знаю только в моем отношении к Богу, которое само есть в отношении Бога ко мне], а есть отношение Бога к человеку, человека к Богу, смерти, бессмертию и т. д. Это отношение определено у меня апорией. Но человек не может выйти из формы этого предельного мышления, в крайнем случае можно только покидать эту форму. Это значит: порядок по природе не существует сам по себе, но всегда только в отношении к порядку по понятию или рассмотрению. Я не могу всегда быть вне формы предельного мышления, самое большее я могу всегда, при всяком удобном случае покидать ее. Это уже и есть заключение «Исследования о критерии», это и есть критерий: при всяком удобном случае покидать форму предельного мышления, ⟨нрзб⟩, **вот это вот**, начало и что-либо — признак этого критерия. Труднее всего в каждом частном случае найти среднее. В «Исследовании о критерии» это было выведение возможности возможности.

21 января. Питье доставляет все меньше удовольствия, а похмелье — все больше неудовольствия, и это относится вообще ко всем удовольствиям жизни.

30 января. Если множественность — категория, то и множественность душ, множественность с е й ч а с — тоже категориальны. Принцип индивидуализации не в материи (Альберт Великий, Фома Аквинат) и не в форме (Дунс Скот), но в форме материи и точнее: в **моем.** Но **мое** — не свое, а именно не мое — Бог. Как единственно существующее, то есть само существующее, так и единственное **само** индивидуальное — Бог.

10 февраля. Категории шокирования или непонимания:

1. Шокирование в обыденной жизни, а также то, что сказал Л.: больше или меньше.

2. Отец не понимает сына (Л.).

3. Кастовое непонимание; парий⟨я⟩; класс, казарма, толпа и отдельный человек.

4. Потеря понимания, которое было, например современная философия, потеря мастерства в искусстве.

5. Наивность, например некоторые доказательства у Платона наряду с такими, как «Парменид». Это не просто глупость.

6. Моральная наивность — эвдемонизм у Лейбница.

Категории непонимания между двумя человеками. Можно ли противопоставить им категории понимания? По всей вероятности, не так, что каждой категории непонимания противопоставляется соответствующая категория понимания, потому что категория понимания — интуиция, причем душа интуиции, непонимание же возникает от различия тел интуиции. [Верно ли? А звезда бессмыслицы[8]? Docta ignorantia*? Правда, я здесь говорю о шокирующем непонимании.]

Нет истории, но только тенденции или направления:

с е й ч а с, и к с е й ч а с сводится душа интуиции;

обучение, преемственность, традиция, предание — тело интуиции.

Нарушение преемственности возвращает к с е й ч а с. Задачи историка философии: установить типы интуиций, отделить в них душу от тела. Задачи историка: описать определенную интуицию, как XVII—XVIII вв., определить границы во времени, выделить в определенных явлениях примеси других интуиций, отделить тело интуиции от внешних оболочек — условностей времени, языка, душу интуиции — от тела. Возможно, что есть также иерархия душ-тел, так как данная душа интуиции будет телом для высшей души и т. д. Есть ли последняя высшая душа? Может, это Евангелие, то есть Благая весть.

Дано некоторое многообразие интуиций. Находятся общие интуиции, различающиеся только внешними оболочками. Объединив их, получим некоторое количество различных интуиций, интуиций, различающихся телами. Находим в некоторых общее — их душу. Объединив их, получим некоторое количество, уже меньшее, душ интуиций. Возможно, это будут только тела второго порядка, тогда снова найдем их души и т. д. Придем ли к одной душе, или к двум: душа благодати и душа, лишенная благодати, или к нескольким?

15 февраля. Непонимание от различия времени, места, пола и возраста: времени — историческое, места — обычаи, пола и возраста понятно. Но это классификация внешняя. Не всегда более раннее непонятнее более позднего, также и места. Эти различия создают только различия внешних оболочек и одеяний, но даже не тел интуиций.

---

* Мудрое незнание (*лат.*) — термин Николая Кузанского.

23 февраля. У меня сейчас даже не ignavia, а какое-то раздражение и омерзение, меня что-то гложет изнутри. Я думаю, оттого что не пишу, и вот снова пишу, и ignaviae нет, а все жжет.

Женщина, кажется, не способна к беспредметной тоске — тоске по Абсолюту, может быть только в старости. То есть она желает всегда определенного, хотя, может, и не знает, что ей нужно. Мужчина, даже самый глупый, испытывает иногда это беспредметное желание. Оттого мужчины пьют, а женщины редко.

21 марта. Последний остаток: Платон — материя, Лейбниц — выбор Богом мира из возможных миров, Кант — вещь в себе, Шеллинг последнего периода — хотение, Фихте — толчок.

25 марта. Различие системы как предмет и ⟨системы⟩ как часть. Первое — совершенно по плану и всегда несовершенно по выполнению, но это величайшие произведения в философии и искусстве: «Дон Кихот», «Мертвые души», «Страсти по Матфею», «Критика чистого разума». Если бы Кант стал исправлять «Критику чистого разума», чтобы добиться совершенства выполнения, то, во-первых, он не достиг бы этого и никогда не написал бы «Критику практического разума» и «Критику способности суждения», и во-вторых, и по содержанию он должен был бы изменить свое отношение к вещи в себе. Но этого он не мог сделать, пока не написал бы «Критику практического разума» и «Критику способности суждения», так как там как раз и разъясняются отношения к вещи в себе. Значит, начав совершенствовать изложение «Критики чистого разума», он не закончил бы ни одной из трех «Критик».

Второе — система как часть: так как здесь нет общего плана, то возможно совершенство произведения, нет общего плана не в отношении к данной вещи, но данная вещь не претендует на некоторую общность. Так что человеку дано достичь или некоторого совершенства общего плана без совершенства частей, или совершенства частей без общего плана.

⟨*Без даты*⟩

I.[9] Евангелие.

II. Библия.

III, Кант. Платон: «Парменид», «Софист», «Тимей», «Филей», «Федон», «Государство». Майстер Экхарт.

IV. Розенберг: «Буддизм». Аристотель: «Логика», «Метафизика», «О душе». Дхармакирти[10]: «Логика». Фихте.* Секст Эмпирик.

V. Августин. Бергсон.

VI. Декарт. Лейбниц. Бёме. Рунебрук. Аверроизм и схоластика.

---

* В рукописи от «Фихте» (пункт IV) проведена стрелка к «Пармениду» (пункт III).

Досознательный период: Гегель и Спиноза*.

II — по традиции и авторитету; следовало бы ниже**.

Розанов, Гоголь, Достоевский — III—IV.

А сейчас бы добавил: Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Хлебников — III—V.

Еще: Бах. Шютц — формула мира*** — III—IV.

Хронологически: I. Кант. Платон. Буддизм. Неокантианство. Фихте.
II. Бергсон. Розанов. Гоголь. } Секст.****
III. Бах. Евангелие. Библия. Толстой }
IV. Платон. Аристотель. Аверроизм. Схоластика. Августин. Кант. Экхарт. Евангелие.
V. Достоевский. Евангелие. Бах. Шютц.
VI. Евангелие. Декарт. Экхарт. Фихте — 1810.[11] — Это с начала войны.

В Свердловске: als ob — отрицательно[12] и др., которых уже не помню.

Всегда восхищаюсь Лейбницем, но для меня он принадлежит к соблазнам: интуиция души и тела.

Между I и II был Ницше (в Шалово[13]), но частью отрицательно, частью как соблазн.

Кто не оказал действия, хотя и читал или пробовал читать: Плотин, Бэкон, Гоббс, Юм, Локк (небольшое), Беркли (небольшое), Мальбранш (небольшое, как соблазн), Шопенгауэр, Шеллинг (очень небольшое в начале войны), Эриугена (не очень большое, и скорее небольшое), Дж. Бруно, Авенариус (небольшое).

Что главное для философа? Некоторое отношение к миру, то есть интуиция. Что остается от философа? Интуиция и некоторые частные вопросы, например Платон — диалектика, Платон — Аристотель — материя и форма, Кант — время, способы существования: трансцендентность, имманентность, трансцендентальное, непредметное существование.

21 июня. В выведении категорий всегда есть какая-то нечестность. Вначале излагается не все, что можно сказать, а потом появляется недоумение. Ясно, что оно появилось, раз не все было сказано. Я заметил это на своем «Исследовании о критерии». У меня осталась еще какая-то гегелевская закваска.

---

* В рукописи от «Спинозы» проведена стрелка к «Метафизике» (пункт IV).

** Хронологически.

*** Здесь — состояние.

**** Вероятно (судя по объединительной скобке), автор относит Секста Эмпирика к пунктам II и III.

26 июня. Непонимание-боль, и если рядом человек голоден, а я сыт, то непонимание, и если чтобы дать одному, отнимаю от другого, то непонимание и боль, и даже просто: думать о себе и делать для себя есть солипсизм, непонимание и боль. Ограничить себя своим: собою или семьей. Мне сейчас противна мысль: этот глупее меня, этот хуже меня. Я остерегаюсь говорить это, но все время вижу. Я вижу: это глупо, это суетно, это плохо, но значит: этот глуп, этот суетен, этот плох. Тем самым я уже хуже этого плохого, так как он не видит, что это плохо, я же вижу и делаю то, что еще хуже: осуждаю. Во-первых, во мне много дряни, я уже не говорю о главной, да и трудно сказать, чтó главная дрянь. Во-вторых, я это понимаю и не оправдываю. И здесь я хуже того, который имеет и не понимает. В-третьих, если какой-то дряни у меня нет, которая есть у другого, то, может, еще худшая дрянь иметь это непонимание и боль. Но опять апория: иметь эту боль значит понять непонимание. Но также: иметь эту боль значит осудить и значит не понять непонимание. Как должно быть: жалеть людей и главным образом не за физические страдания, а за то, что не понимают, что надо. Или: жалеть людей и главным образом за физические страдания, а то, что не понимают, простить. И то и другое у меня получилось нехорошо и самодовольно. В первом я хотел сказать: не ощущать непонимания и боли значит не доходить до некоторой глубины. Как идеал же — святой, он жалеет. Во втором: но это мне дальше — соборность, и идеал — радующийся святой.

17 июля. Искусство писать в том, чтобы не сказать слишком мало или слишком много. Слишком мало — неопределенность, например Метерлинк «О смерти». Слишком много — противоречивость. [Я здесь имел в виду бессмыслицу досмысловую, а не сверхсмысловую. Сверхсмысловая — всегда противоречие, парадокс.] Некоторый последовательный путь от неопределенности к противоречивости, и где-то на середине истина. Так и исторически: предшественники — неопределенность, последователи при продолжении вступают в противоречие. Когда опровергают какую-нибудь систему, опровергают обычно не интуицию, а продолжение этой интуиции. Но может быть, нет такой интуиции, продолжение которой не могло бы быть опровергнуто, и мудрость в том, чтобы остановиться и не договорить.

Между намерением и осуществлением намерения все же есть разница. Я бываю готов в намерении к осуществлению чего-либо, но при приближении осуществления я останавливаюсь. Что останавливает меня? Пропадает интерес, и я не знаю, относится ли это к моральному или к чему-либо другому.

21 июля. Вчера у Ст.[14] говорили о радио и бычьих нервах. Я все думал: почему меня внешнее не раздражает, неужели у меня бычьи

нервы? Я думаю, это от некоторой сосредоточенности. Два типа: вовне и внутрь. Первый — Ст. и Х., второй — В. и я. Поэтому и на улице и в трамвае если раздражаемся, то Х. — благородно, а В. и я — неблагородно. У них это не только от неудобства, но связано с чем-то бескорыстным, у нас — просто от неудобства.

Когда я смотрю природу, я вижу кругом под углом в 360° и вверх — на 90° — весь небосклон. Но художник, передавая природу, ограничивает оба угла. Поэтому невозможен реализм.

8 августа. Если мне скажут: пиши яснее, писать кратко — неуважение к читателю, я отвечу: если бы математик, доказывая теорему, подробно объяснял бы и те теоремы, на которые он ссылается, математики обиделись бы и сказали: что это, неужели он считает нас дураками?

Писать длинно — неуважение к читателю.

13 августа. Различие между моими рисунками и философией:

Философия	Рисунки
Ответственность.	Формула уныния.
Гордость (от ощущения силы).	Тщеславие.
Знание того, что делаю и что надо сделать	Не знаю, что и как делать, просто получается.

14 августа. Новая интуиция всегда нарушает какие-либо установленные прежними интуициями категории и их порядок. Поэтому при критике новой интуиции частные указания на смешение категорий, например логической и реальной возможности, — несостоятельны. Новая интуиция как раз и устанавливает новые отношения между логическими категориями. Задача, которую я не выполнил, но которая помогла бы понять мою интуицию:

1. Прежние интуиции — это некоторое общее место, здравый смысл.
2. Но и это общее место есть некоторая общая интуиция и тоже не одна. Есть несколько общих интуиций, может, это то, что я назвал телом интуиции.
3. Каждый философ нарушает порядок некоторой общей интуиции. Показать это хотя бы на одном, например на Канте, причем точно по номерам выписать, скажем, слева отношения и категории общей интуиции, справа — у Канта.
4. Составить такой же двойной (слева и справа) список нарушений у меня.

14 августа. В ночь на 15. Сейчас я могу сказать: начатое 15 или 20 лет тому назад «Исследование о критерии» закончено, хотя я еще и не дописал его. Оно закончено критерием понимания, открытым еще 15

или 20 лет тому назад. Но тогда это было еще настолько неясно, что действительным открытием или завершением я могу считать эту ночь.

19 августа. В ночь на 20. Второе доказательство тоже не прямое, но с помощью четвертого требования или необходимости второго сдвига. Но второй сдвиг необходим, если есть имение.

21 августа. Основатели философских систем открывают тожество мысли и существующего, отсутствие времени, для них все это продумано, и они это действительно видят и не боятся самых необычайных выводов. Последователи же стараются приспособить необычное к обычному, оставляют только слова, так как не видят ⟨открытия⟩ и не верят в открытия основателей. Тожество мысли и существующего или отсутствие времени они понимают только в переносном смысле. Так было и с Евангелием.

22 сентября. Сейчас по радио передавали плохую песню, но напомнившую мне 1 мая и мою историю, в которой не было никакой истории, и хотя эта история прошла совсем и Л.* мне безразлична, но песнь я слушал с каким-то особенным чувством удовольствия и боли. Что это? Может, второе продолжение, то есть сама качественность, звук без звучности, цвет без цветности? Это остается до удовлетворения желания и даже до появления желания, но желание уничтожает его. И поэтому связано с болью. При этом всегда есть некоторая легкая и приятная печаль. Но сейчас это возобновилось на одно мгновение, когда данный объект потерял свою исключительную приятность. Не он, то есть объект, изменился, но изменилось мое отношение, я не вижу в нем того, что видел, но определенное ощущение осталось. Пусть Л., то что я видел в ней и чего сейчас не вижу, будет *a*, определенные события, связанные с этим, — *b*, и мое отношение, которого сейчас нет, — *c*, тогда: *abc* — это то, что было у меня тогда, сейчас же *ab*, без *c*, и все же оно было тем же.

19 октября. Снова ignavia, и кажется, упорная и надолго.

22 октября. Грех алчный гонится за мною по пятам.[15] Уже в XIX в. теряется ощущение греха, вместо этого — филантропия. По поводу Фр. Мензы в «Розе» Гамсуна. Ведь с точки зрения филантропии смерть Фр. Мензы причинила бы ему меньше страдания, чем его жизнь доставляли страдание его сожителю. Но никакого другого страдания, кроме физического, психологического и пр., филантропия не знает. Филантропия — арифметический расчет доступных ей удовольствий и неудовольствий. Помимо того что и доступно-то ей немного, и самый расчет

* Личность не установлена.

производится на ложных основаниях, из которых первое: пусть будет по моей воле, то есть грех.

Если же не филантропия, то теократия. Но теократия совершает, может быть, еще больший грех, выдавая за волю Бога волю какого-либо человека, таким образом присоединяя к греху еще обман. Если же не филантропия и не теократия, то что? Апория как некоторый путь. Практически это значит признавать и соблюдать законные традиции, даже уважать их, не придавая им особенного значения. Какие традиции законные? Те, которые не основаны на протесте и на гордости. Протест — первородный грех.

Это до сдвига — соблюдать законные традиции, а в сдвиге — одно: Евангелие, значит: довлеет дневи злоба его[16] и не думать о завтрашнем дне. Но государственные установления: право, суд, войско — все это предполагает завтрашний день. Но апория действительна в сдвиге.

12 ноября. Может быть, философ сохраняет значение только до того времени, пока он не будет полностью понят. Когда же все станет понятно, все окажется неверным и будет опровергнуто. Понятно 2×2=4, то есть пошлость. Во всем, кроме математики, как только будет доказано, что 2×2=4, станет ложью. Затем я подумал, что это шире, и в искусстве также. 25 лет назад Кшенек и многие другие ⟨композиторы⟩ казались гениями. Сейчас, когда Кшенек понят, видно, что это не так. Скажут: мало ли что кажется в молодости. Но почему в молодости увлекаются? Потому что не понимают, поэтому и кажется гениальным. Но непонимание двух родов: 1 — отвергаемое, то есть то, чего не понимают, отвергается, не занимая места в некоторой системе. Так современники не понимают гениев и «отец не понимает сына»; 2 — отвергаемое занимает место в некоторой системе — это по критерию понимания, и как только что-либо заняло место в системе, оно вполне понятно и стало ложью. Если же что-либо не отвергается, то есть что-либо в нем понятно, а что-либо осталось непонятным, то это непонимание второго рода. Так что два: понятное — пошлость — система. И: великое — арациональное — непонятное.

При непонимании второго рода есть: понятное, непонятное и понимание непонятного, и это среднее есть тайна понимания. При этом необходимая поправка: тайна непонимания.

14 ноября. Я сижу и разговариваю и вдруг замечаю: все как во сне, может, я сплю? Потом это проходит, но не совсем: я говорю и слышу себя, как будто бы это не я говорю, затем сажусь заниматься, пишу и опять вижу себя, пишущего, и думаю, и как будто не я думаю, а наблюдаю думающего, и затем вдруг наступает ясность и я вижу мысль, которая есть не только мысль о предмете, но сам предмет, и это уже **я**. Не тот **я**, который видел как во сне, и уже не **я**, а, может, Бог.

29 ноября. Во-первых, я должен написать заключение к «Исследованию о критерии»: «О системе критерия» и этого не делаю. Во-вторых, я должен написать «Душа и тело истории»* и этого не делаю. В-третьих, я должен написать «ТНЗ» и этого не делаю.

1948

2 января. Мне иногда говорят: чудак. Я считал бы это высшей похвалой, но сам знаю, что я не чудак.

6 января. «...Счастья нет, но есть покой и воля»[17] — это первая ступень к покою. Вторая: нет ни счастья, ни покоя, ни воли. Понять это тоже есть некоторый покой и воля — и в беспокойстве и в неволе.

В жизни важно завершение. Сотни яблочковых открывали электрическую лампочку, а открыл ее все же Эдисон. Я — без воспоминаний, нечего вспоминать, так как ни одно вспоминаемое дело не доведено до конца.

Когда материалисты говорят, что души нет, они говорят это по глупости и просто не понимают, что это значит. Есть некоторые психические состояния — дхармы без субстанции или, вернее, состояние субстанции есть такое же психическое состояние дхарма, как и другие, причем не необходимое и большей частью отсутствующее. То есть бóльшая часть жизни, во всяком случае у меня, других я не знаю, проходит без души, и это надо понимать буквально, а не как интерес, напряжение и даже сознание — все это может быть без души. Может быть, детерминированность — это и есть отсутствие души. Когда я вдруг замечаю: это не **я**, а только **мое**, замечает душа. Но сама она невидима, я не могу сказать: это **не-я**, но не могу сказать: это — **я**, то есть что есть **я**, а не только **мое**.

7 января. Обычные сны: я иду куда-то, причем цель близка, но по дороге появляются препятствия, одно за другим, и цель удаляется, я просыпаюсь, не достигнув цели. Вариации: я тороплюсь к определенному сроку, причем времени у меня мало, 10—15 минут, но появляются препятствия, и вдруг я замечаю, что уже опоздал, и не на несколько минут, а на день, два и еще больше. Другой вариант: мне надо что-то сделать: приступая к делу, я вижу, что оно не получается: что-то забыл или чего-то не знаю и чем больше стараюсь вспомнить и сосредоточиться, тем меньше получается. Таким образом, три рода препятствий: возрастающие расстояния в пространстве, увеличение дел и событий во

---

* Отдельная работа с таким названием неизвестна.

времени и бесконечное усложнение задачи в процессе ее решения, вообще дела в процессе его исполнения. Не достигаются: место назначения, событие-акт, решение задачи:

И смерть ему едва ли скажет,
Зачем он шел долиной чудной слез,
Страдал, рыдал, терпел, исчез.[18]

13 января. Есть другой или нет, но в системе он должен быть как **я**, рассуждающий о том, есть другой или нет. То есть:

1. Я существую.
2. Существую только я.
3. Другой существует как **я**, исключающий существование другого.

Таким образом, не исключается существование другого, но только многих, а также другой в отношении ко мне, вернее существую я и только я, но не только как ограничение меня **моим.** Одно **я**, но не только одно, и тогда я — здесь в определенное время, и снова я — в другом месте и в другое время, при этом не общее **я** и не какая-нибудь душа мира, но я — з д е с ь и с е й ч а с и снова я — н е-з д е с ь и н е-с е й ч а с. Но даже нельзя сказать: н е-з д е с ь и н е-с е й ч а с, потому что если н е-з д е с ь и н е-с е й ч а с, то **н е-я**. Я всегда з д е с ь и с е й ч а с, но не только з д е с ь и с е й ч а с, тогда снова з д е с ь и с е й ч а с, хотя и не то же. История сомнительна и только возможна, пока историк не реализует какое-либо лицо или какой-либо участок жизни, то есть не сделает его з д е с ь и с е й ч а с. Но тогда чем это отличается от искусства? Связанностью некоторыми фактами историка и свободой художника; а может быть, только материалом, так как и художник связан, во-первых, материалом, во-вторых, идеей. Тогда главное различие не в идеях, а в материале. Материал историка: года, традиции, события, документы. К документам относятся и книги, картины, искусство.

6 марта. Есть неофициальные мысли. Это мысли не от разума, вернее не обоснованные разумно, но некоторые из этих мыслей наиболее умны. Это то, чего не понимал Толстой. Разум официален. Неофициальные мысли бесплодны, то есть из них нельзя построить системы, они необоснованны, ничего не обосновывают, ни к чему не ведут, не имеют никакого применения, то есть морального или другого. Возможна ли классификация необоснованных мыслей? Во всяком случае, только эмпирическая, то есть поверхностная и внешняя. К неофициальным мыслям принадлежит и магия чисел. Также большинство наиболее интересных рассуждений о душе, смерти и Боге. Также мысль о существовании неофициальных мыслей есть неофициальная мысль.

11 марта. Я подумал: каждый уважающий себя человек должен иметь какую-либо законченную работу, в которой обнаружится мастерство, блеск, остроумие, пустота и бесполезность. А не уважающий себя человек? И не лучше ли не уважающий себя, чем уважающий? И не обнаружится ли в конце концов, что в этой работе не будет ни мастерства, ни блеска, ни остроумия, но кропотливость, при этом пустота и бесполезность? Но почему не глубина и ум? И может, как раз только не уважающий себя человек может создать эту работу, в которой никто не увидит ни блеска, ни мастерства, ни остроумия, но только кропотливость и которая спустя долгое время обнаружит глубину и ум? А уважающий себя человек создаст блестящую и остроумную, но пустую и поверхностную вещь? Это пример апории, и теперь можно опровергнуть доказанное.

2 апреля. О работе. Я не переношу даже слово «работа». Или этим словом обозначают скучное безделие, например собрание. Или же работать значит работать в поте лица. То есть в понятии «работать» заключено понятие «в поте лица». Это проклятие, наложенное на Адама и на нас в Адаме. Поэтому, когда я пишу, я никогда не говорю: работал.

В Евангелии, во-первых, Христос — Бог, Слово; во-вторых, Христос вочеловечившийся. И греческие философы искали посредника между Богом и человеком, но, кажется, только в Евангелии тот же Бог есть Христос. Таким образом, есть только два: наше и не-наше. Вочеловечившийся же Бог значит: не-наше есть наше, когда не станет своего, то есть не-нашего и нет, а один Бог. Догмат: рожденный Девой, не может быть ни понят, ни объяснен, Он просто необходим как простое констатирование непонятности необходимого тожества Бога и вочеловечившегося Бога, то есть высшей конкретности и Личности Бога. Догмат непорочного зачатия Богоматери допустим как констатирование непонятности тяжести бытия, то есть боли, но не необходим.

14 апреля. Есть реальные вещи и есть воображаемые или мнимые.

Реальные: *А* — удовольствие.	Мнимые: *А* — гости, визиты, вообще то, что принято.
В — сила.	*В* — тщеславие и суета.

А. Степени:
1. Элементарные удовольствия: вино и пр.
2. Искусство приятное, то есть низкого стиля.
3. Искусство высокого стиля.

В. Степени:
1. Сила оттого, что знаешь. Также потенциальная сила сильнее актуальной, то есть я могу и осуще-

ствил свою силу в возможности, то есть сознание силы.

2. Сила оттого, что знаешь, что ничего не знаешь, от ничтожества: Господь — моя крепость.

Относительно удовольствия второй степени я не уверен, принадлежит ли оно к реальному или воображаемому. Например, какие-нибудь приятные песенки принадлежат к удовольствиям первой степени: Wein, Weib und Gesang,* а Пятая симфония Чайковского — или к удовольствиям первой степени, или вообще к воображаемому удовольствию. Действительно, спроси у любителя Чайковского, куда он предпочтет пойти — на концерт Чайковского или на вечеринку, и он, если не постесняется других или себя же, выберет вечеринку и будет прав.

Я имею силу первой степени, иногда приближаюсь ко второй, но не могу достичь ее и срываюсь. Тогда на долгое время остаюсь в первой степени, а потом снова начинаю стремиться ко второй.

15 мая. О доказательствах существования и несуществования Бога.

I. Математическое доказательство невозможности подобных доказательств.

1. Есть Бог и нет Бога — два предложения можно рассматривать как утвердительное и отрицательное.

a. Есть Бог.	b. Законы природы абсолютно всеобщи и необходимы.
$\neg b$. Законы природы не абсолютно всеобщи и необходимы	$\neg a$. Нет Бога

$a \supset \neg\neg a$	$b \supset \neg\neg b$
$a \supset \neg b$	$b \supset \neg a$

но не обратно

	$\neg\neg b \supset \neg a$	$\neg\neg a \supset \neg b$
Но	$\neg\neg b \supset b$ **неверно** **и**	$\neg\neg a \supset a$ **неверно**

Значит, ни из a, ни из b не следует ни $\neg b$, ни $\neg a$.

2. Ни одно из этих четырех предложений не может быть доказано прямо.

3. Первые два не могут быть опровергнуты, и невозможна даже попытка опровержения: всякая такая попытка сводится к опровержению

---

* Вино, женщина и песня (*нем.*).

примером, но наш ум ограничен, и из того, что мы не находим правила для случая, не следует, что этот случай не подчинен правилу.

4. Тем самым опровергаем возможность опровержения, то есть пытаемся утверждать $\neg\neg b$ и $\neg\neg a$. Но что из этого следует? Из $\neg\neg b$ не следует b, и из $\neg\neg a$ не следует a. Но $\neg\neg b \supset \neg a$, и $\neg\neg a \supset \neg b$. Значит, возможна попытка отрицать существование или несуществование Бога, но опять-таки не утверждать то или другое. Но и эта попытка только возможна, так как отрицается не отрицание определенного содержания, но возможность отрицания этого содержания.

II. Моральное доказательство. Всякое опровержение существования Бога только глупо, но доказательство существования глупо и нечестиво. Доказываем только то, что сомнительно, или не очевидно, или если очевидно, то доказываем очевидное, для того чтобы с помощью этого доказательства доказать другое, что более важно и не очевидно. Но Бог — самое главное и, значит, доказывая Его сущность, не верим в Его бытие или сомневаемся в Нем, при этом есть лицемерие и фарисейство — внутренняя нечестность: делаем вид, что верим. Но вера не нуждается в научном, вообще логическом, доказательстве, и самое большее, что требуется от науки и логики, — это оставить веру в покое и не докучать ей глупыми доказательствами. Это и дает математическое доказательство: невозможность доказать существование и несуществование Бога.

«Нет Бога» значит только: нет доказательства существования Бога. И также: «законы природы не абсолютно всеобщи и необходимы» значит: нет для этого доказательства.

19 мая. Потерялось различие истинного и ложного по содержанию. Раньше математика и отчасти физика считались точными науками. Привилегией философии было говорить что угодно. При этом всякая мысль имела право на существование, если она удовлетворяла следующим условиям:

1. Из нее можно было сделать достаточное количество выводов. Но сколько — никто не мог определить.

2. При достаточном количестве выводов не наступало противоречие. И опять-таки достаточное количество не могло быть определено.

3. При достаточном количестве выводов, но неизвестно каком, не наступала неопределенность, когда следует все. Этот случай отличается от второго.

Во втором: $a \to b \to c \to d$ и $a \perp d$.

В третьем: $a \nearrow b \to d$, $a \searrow c \to e$ и $d \perp e$.

4. Всякое предложение, если вставить достаточное, но неизвестно какое количество выводов между ним и основной мыслью, будет обосновано.

Теперь то же и в математике.

(2) и (3) — непротиворечивость системы.

(4) — полнота.

30 июня. Отчего страшно существование без Бога: бренность существования и одиночество, то есть затерянность в безграничном пространстве. Это же у Блока: «Поздней осенью из гавани»[19].

1 июля. Бывает ли у животных брезгливость и «шокирует». Отвращение бывает, также животное бывает сконфужено, но это не брезгливость и не «шокирует».

Может ли у святого быть брезгливость и шокирует ли что-либо святого? Может быть, брезгливость — это элементарное, а шокирование — более высокое, связанное с первоначальным непониманием (отец не понимает сына) проявление небольшой погрешности.

Схема:

животное		человек	святой
отвращение	то же и еще	брезгливость	любовь или жалость
конфуз		шокирование	покаяние

10 августа. Опять «У».

Преобладающее — отвращение к себе и от этого отвращение к другим и к другому. Различные формы отвращения к себе: 1. Когда вспоминаю, что говорил с людьми, и говорил глупости, и была неловкость. 2. Когда говорил умное и люди хвалили. 3. Когда вспоминаю, что читал трудную книгу и все же понимал, и была радость от понимания чужих мыслей, которые не стали моими. 4. Когда читал трудную книгу и не понимал и огорчался, что не понимал чужих и не нужных мне мыслей. 5. Когда «шокирует» и «отец не понимает сына». 6. Когда есть жалость. 7. Когда нет жалости, но самолюбие. 8. Когда «У». 9. Когда вспоминаешь, что в определенное время не было отвращения.

12 августа. Два дня читал эти записки, начиная с первой тетради, и прошло «У», во всяком случае то, которое было. То «У» было вызвано математикой. Ведь «У» — это значит не видеть. Теперь я увидел. Математика и «Логический трактат» — это я забыл о **том**. Но **это** слишком просто и неверно. Я увидел некоторую значительность и ответственность. Ответственность за свою жизнь. Но это тоже не совсем верно. Я вспомнил, что жизнь — это не четыре правила абсолютной модальности, ведь эти правила как раз закрывают от нас жизнь. И опять это все не то. Я живу как во сне, и внезапно замечаю это, и пытаюсь проснуться. Что не сон? Должно быть **я**. Но я себя не нахожу. Вернее, **я** — это просыпание, а не сон может быть только одно: Бог. Поэтому чаще всего просыпание связано с Евангелием. Затем, пока я сплю, я могу продолжать начатые вещи, но не начинать новое. То есть просыпание дает какое-то количество энергии, достаточное на определенный промежуток времени. Но затем оно истощается, и может, тогда и приходит игнавия. Я это почувствовал еще две недели тому назад, когда уходил вечером и не взял с собой Книгу. Но после этого еще полторы недели продолжал питаться остатком энергии от прежнего просыпания. Может, теперь, когда проснулся, не нужно и природы. Теперь об ответственности за свою жизнь. Это как будто бы предполагает время. Но ведь во времени я как раз сплю, а пробуждение — это некоторый выход из времени. Затем: видимая деятельность жизни — это знак ответственности.

Я все-таки хотел бы написать: Разрушение* математики. Я думаю: последнее — это душа. Может, до сих пор не понимаю математики, но все же мне кажется: если есть **это** и **то**, то математика, как и логика, есть возможность возможности **этого**, а не **того**. Душа же принадлежит **тому**. Теперь, что **то**? Бог. Все же только это и остается: я и Бог, и **мое**, которое не мое и мне не нужно, облекается в логическую и математическую форму, а не мое — Бог — и есть мое. Но, может, и не так: логика в конце концов нужна только для того, чтобы показать ненужность логики и очистить место вере. Но как математика покажет ненужность математики и верно ли, что математика не нужна? То есть только ли она есть форма **этого**? И верно ли, что математика только в отраженном абсолютном, а не в абсолютном? Во всяком случае, ни в математической логике, ни в теории множеств я пока не увидел **того**.

Сегодняшний день я хотел бы запомнить. У меня сейчас некоторая настороженность, как бы в предчувствии чего-то. Это предчувствие своей души.

Когда просыпаешься после долгого сна, то некоторое время после этого еще помнишь, что спал, и стараешься не заснуть совсем надолго. Я думаю, так будет и сейчас и это всегда, кажется, связано с тремя вещами:

1. Снова начну читать Евангелие.

2. Буду чаще думать, то есть думать не только о том, что пишу или читаю сейчас, значит, чаще писать дневник.

3. Запоминать сны. Запоминание снов связано с этим просыпанием, то есть с тем, чтобы думать о душе.

---

* У автора так, с прописной буквы.

Это интересно: если это просыпание назвать трансцендентальным просыпанием, то трансцендентальный сон связан с забыванием обычных снов, а трансцендентальное просыпание — с памятью снов. То есть трансцендентальное бодрствование — душа ближе к обычным снам, чем к обычному бодрствованию.

То, что я сегодня записал, — просто: здесь нет никакой литературы, нельзя даже сказать: хорошо написано, может, нет даже никакой интересной мысли. Но это и хорошо: это полная бодрость и ясность. То есть это самое простое и ясное, что постоянно забывается, но это необходимое преддверие к **тому**.

АВГУСТ 1948 — ДЕКАБРЬ 1950
ФУ 4

1948

12 августа. Мф. 3, 10. Всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь. Может, ignavia — когда чувствуешь, что не приносишь доброго плода. Ignavia оттого, что спишь и чувствуешь, что спишь, хочешь проснуться и не можешь; проснуться — это и есть добрый плод.

13 августа. Мф. 5, после 8 блаженств: «Не нарушить закон пришел Я, но исполнить». Дальше идет усиление закона:
не убивай — не приходи в гнев напрасно (?)*;
не прелюбодействуй — не смотри на женщину с вожделением;
разводись только по закону — не разводись вообще;
не преступай клятвы — не клянись;
око за око — не противься злому;
люби ближнего — любите врагов ваших.

16 августа. На кладбище.[1] Несколько элементов одного состояния:
Деревья на кладбище, небо, покрытое днем тучами.
Начало нисходящего пути солнца на небе.
47-й год жизни.
Некоторая застенчивость или неловкость при обнаружении чувств.
Развенчание женской любви.
Ограничение себя: от событий, людей, чувств.
Отсутствие интересов.
Молчание.
Перед принадлежностями чего-либо.

Времена дня:

1. От начала нисходящего пути солнца на небе до приближения сумерек — страшное время.
2. Сумерки от пяти до восьми — время упадка и чувства смерти — страшное время.

---

* Знак вопроса — авторский.

3. Вечер до темноты — время ожидания, время игнавии.

4. Ночь.

5. Раннее утро до восхода солнца — время избытка цветов и красок, время соседнего мира.

6. Утро — время жизни.

7. День до начала нисходящего пути солнца на небе — время жизни.

Ночь — время посмертного — интуиция суток.

Расширения:

1. Ожидание — *ночь* — раннее утро.

2. **Сумерки** — ожидание — *ночь* — **раннее утро** — утро.

3. День после полудня — **сумерки** — ожидание — *ночь* — **раннее утро** — утро — день до полудня.

Два дня не писал, так как пишу добавление к «Исследованию о критерии», поздно сидел, а вчера не читал и Евангелия.

⟨Мф.⟩ 5, 44. Молитесь за обижающих вас и *гонящих вас**... ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных.

⟨Мф.⟩ 7, 6. Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас. Как это понимать? Я думаю, что здесь не только предупреждение: не говорить перед непонимающими, если же только это, то это боль, то есть «отец не понимает сына».

⟨Мф.⟩ 7, 19 ←→ ⟨Мф.⟩ 3, 10.[2]

17 августа.[3] ⟨Мф.⟩ 8, 22. «Предоставь мертвым погребать своих мертвецов». Это можно применить к некоторым учениям: не исправлять их, но искать новое.

20 августа. Вчера была **великая** ignavia. Потом после этого были мысли о времени и о возможности. Время — это возможность, значит, возможность возможности, возможность возможности возможности...

Если существующее не только существующее, тогда существующее и возможное, ведь возможное и есть то, что не действительное.

Состояния:

Ignavia. Возможно, что здесь нет настоящего, то есть я все время не вижу мгновения. Но тогда я имею чистую возможность, возможность возможности... и это нестерпимо.

Летом в траве, в лесу, у моря. Здесь нет дифференциала времени, нет мгновения. Но время ли это? Некоторое содержание, но не время.

---

* Выделено автором.

Время я замечу, когда приду в себя, то есть вернусь к мгновению, то есть когда уже во всяком случае нет времени.

Я имею некоторое содержание — качественность, когда я обращаю внимание на эту качественность, я не могу сказать: есть, было, будет. Когда же хочу определить: есть, было или будет, я возвращаюсь в мгновение. Я могу вспомнить то, что хотя бы только что было, я вспоминаю сейчас, но я не нахожу длительности, я не могу сказать, что эта качественность проходит, она есть или ее нет. Если ее нет, а только что была, то это значит, что настоящий дифференциал времени, в котором нет определенной качественности, определен некоторой последовательностью, в которой эта качественность предполагается.

Время идет медленно. Это значит: нет некоторой качественности и не вижу мгновения.

26 августа. Не писал не из-за игнавии, но так как кончал добавление к «Исследованию о критерии». Все же, может, это неправильно, так и не заметишь, как наступит игнавия, а, если бы сделал привычку писать каждый день, может быть, и предохранил бы себя. Еще плохо, что снов не запоминаю.

6 сентября. Может быть, истинна только одна философия — та, которая уничтожает себя как философию и вместе с собой всякую философию. Но и это уничтожение может быть двоякое: очистить науку от всего нерационального или очистить место от всякого ratio, то есть от всякой науки, в том числе и от рациональной теологии. Это сказал уже Кант: очистить место для веры.

Мгновенное состояние материализма: нет детерминизма в микроявлениях — это ведь значит только: принципиально не можем обнаружить детерминизм в микроявлениях, но это не значит, что нет его, — он непознаваем. Когда ехал в автобусе, на мгновение представилась логически необходимая и неопровержимая убедительность полного детерминизма в мире и отсутствия чего-либо сверхчувственного. Но ведь мне представился не полный детерминизм и отсутствие чего-либо сверхчувственного, но логически необходимая и неопровержимая убедительность системы полного детерминизма и отсутствия чего-либо сверхчувственного, и это не лучше и не хуже всякой другой логически необходимой и неопровержимой убедительности — это только стороны апории. Это состояние принадлежит также к объективированным или абсолютным состояниям, подобно состоянию точки, затерянной в бесконечном пространстве, предвечернему состоянию, состоянию «отец не понимает сына», состоянию боли и другим. Все же непонятно это состояние, состояние некоторого неверия.

Апория: некоторое состояние; я делаю из него выводы, и это сомнительно. Я не делаю из него выводов и тем ввожу его в систему апории.

И это сомнительно. Может, здесь и есть некоторое высшее утверждение апории, но это уже невысказываемо.

Человек, который говорит: я верю хорошо, а ты веришь плохо, на самом деле имеет в виду: я хороший, а ты плохой. Фарисей говорил: я верю хорошо, мытарь повторял только: прости меня, Господи.

2 октября. Всякая классификация характеров, проведенная достаточно далеко, бывает неопределенной. Это «достаточно далеко» наступает очень скоро.

Опыт классификации характеров. Критерий: направленность к чему-либо, то есть заинтересованность и незаинтересованность. Дальнейшее разделение: направление к сохранению себя и к жизни удовольствий, направление к утверждению себя, и это творчество [не только искусство, но всякое], направление к отрицанию себя, и это к Богу. И во всех этих направлениях мнимое и действительное. Также возможно, что творчество — это мнимое утверждение себя, а действительное в отрицании себя и в Боге. Незаинтересованность: мнимая при слабом интересе к жизни удовольствий и при отсутствии других интересов, действительная же — в некоторой наблюдательности, и может, только это и есть некоторое сознание и душа. Может быть, только в этом состоянии я имею душу или я есть **я**. Может, это и есть состояние апории.

Степени материальности интереса. Под материальностью я понимаю здесь не чувственность и не содержание, но степень сознания себя, это можно назвать степенью одушевленности. Низшая степень — при жизни удовольствий и сопровождающем эту жизнь физиологическом страхе смерти. Может, здесь вообще не требуется души. Я не предполагаю дать иерархию одушевленности, но заметил, что наивное философствование и даже действительный интерес к смыслу своей жизни, пока он не выходит за пределы интереса к своей жизни, не есть высокая степень одушевленности и, может быть, даже почти не требует одушевленности. Кажется, получается так: пока я нахожусь в самом себе — нет души. Душа в том, чтобы выйти из себя. Но в направленности и в заинтересованности снова души нет. Поэтому легче найти себя в ненаправленности и незаинтересованности. Я стал думать об этом, вспомнив Н. В. и М. И.* Потом понял: его любовь и интерес к Чехову — тоже личное и, значит, еще не высокая степень одушевленности, но все же выше, чем у Н. В., и потому выше, что он менее заинтересован и старик. Также возможно, что с возрастом и уменьшением интереса увеличивается степень одушевленности.

Люди боятся думать и думание заменяют или повторением чужих мыслей, или построением схем, то есть автоматическим думанием, или

* Личности не установлены.

наивным философствованием. Для философии самое опасное автоматическое думание.

24 октября. «Душа и тело человека в их взаимном соотношении звучат». Что значит душа и тело? Это цитата из XIV в. (Якобус). Это интересно, но все же непонятно. Я не понимаю отличия души от тела. Я знаю свое тело, поскольку я его ощущаю и испытываю удовольствие или неудовольствие, то есть я знаю тело в душе. Я знаю отношение души к чему-то другому, чего я не могу назвать своей душой, и только это, то есть некоторое отношение моей души к другому, что не есть моя душа, я называю телом. Кажется, называли телом принцип индивидуализации. Я думаю, тело — это только выражение или способ выражения **я** к **не-я**. Может, это нехорошо сказано и лучше: отношение души к тому, что не есть моя душа. Но что значит тогда: звучат? И дальше в цитате сказано: получается определенная гармония. Мне кажется, получается дисгармония. И от этого апории.

Может быть, самое производительное время, когда не пишу и, конечно, не читаю. Я думаю, что в такое время знаю то, чего не знаю. И это же у стариков. Случайные внешние проявления старчества — это ведь только в моем восприятии. Высокое у людей мерзость перед Богом.[4] Пусть плохо проявляется. Но ведь это плохо только по моим критериям. Но может быть,[5] эта неудовлетворенность, которая внешне воспринимается как самолюбие и пусть эгоизм, обидчивость и что угодно, и есть сознание души. И, может, у меня неудовлетворенность оттого, что не пишу и не знаю хотя бы и такой незначительной вещи, как внесиллогистические умозаключения, — тоже есть только проявления сознания души, то есть просто души. Мне даже кажется, если есть смысл жизни, то только в сознании неудовлетворенности в чем бы это ни было: самолюбие, глупость или раскаяние. *Только сознавая некоторый недостаток, имею душу.* То есть в избытке и благополучии я не имею души: или ничего не имею, или есть Бог, в недостатке же — я. Но «есть Бог» без меня этого тоже недостаточно. Надо, чтобы был недостаток и стал Бог, то есть *в недостатке стал Бог. В этом Благая весть.*

Лк. 12, 19—20. «И скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись. Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?»

30 октября. Два способа исполнения интуиции:

А. Некоторый частный случай — часть мира становится миром, то есть в определенном состоянии, явлении обнаруживается некоторая сущность. Определенная часть становится тем, что называют «целое», правильнее — некоторая частность становится общей интуицией. При

этом осуществление этой интуиции в определенных частностях бывает нелогичным или шаблонным.

B. Интуиция строится из элементов — рассмотрения частных случаев и объединения. При этом в частных случаях проявляется много ума и остроумия, но возможно, что в общей интуиции не хватает некоторой глубины.

Отношение *A* к *B*: высокомерие, «отец не понимает сына», теории понимания.

Отношение *B* к *A*: непонимание и отрицание без понимания именно потому, что непонятно.

A, исследуя *B*, ищет интуицию в *B*. *B*, не понимая *A*, исследуя его, выбирает отдельные предложения и рассматривает их сами по себе. В этом, может, основное различие: *B* считает, что каждое предложение имеет только тот смысл, который в нем непосредственно обнаруживается, и отрицает, во-первых, другой смысл, во-вторых, связь с другими предложениями и изменение смысла от этой связи. Но благодаря этому недостатку *B* с большей тщательностью, глубиной, умом и остроумием исследует отдельные предложения, а часто довольствуется схематичными, трафаретными, лишенными смысла обобщениями *A*.

A: Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель, отчасти Гербарт.

B: Больцано, должно быть Брентано, затем к *B* принадлежит определенный род рассуждений, осуществляемый математической логикой: Рассел, Гильберт, причем логисты и формалисты, но интуиционизм ближе к *A*. Затем, к *B* принадлежит, я думаю, определенный род рассуждений, связанный с духом французского просвещения и энциклопедизма.

3 ноября. Может быть, ни о каком предложении нельзя сказать, истинно оно или ложно, но только: истинно или ложно по отношению к данной интуиции.

4 ноября. Некоторое преимущество добродетели над пороком: в некотором ощущении отвращения к себе.

24 ноября. Великая игнавия, и уже давно.
Надо подумать: но я не знаю, о чем думать.

28 ноября. Великая игнавия.
Великаяигнавиявеликаяигнавиявеликаяигнавиявеликаяигнавия

1 декабря. По-прежнему великая игнавия. Пробую заняться «Квадратом миров». Когда дошел до главы 9, показалось, что там, где начинается главное, — полная неопределенность. Сегодня же понял, что там нет неопределенности. И дальше, кажется, хорошо, во всяком случае термины: мир того же самого, обратный мир, мир взаимного несоответствия и мир другого. И как будто некоторая пустота немного заполнилась, то есть обнаружил в себе некоторое содержание. Ведь игнавия — это полная пустота. Теперь я нашел что-то интересное в некоторых отношениях. Во-первых, я нашел **что-то**. Некоторое удовлетворение от определенного содержания, кто бы его ни нашел. Во-вторых, я понял это с е й ч а с — з д е с ь, некоторое удовлетворение от самого **акта** понимания. В-третьих, хотя и не сейчас, но нашел это я. Здесь некоторое удовлетворение оттого, что нашел это я. Хорошо ли это последнее? Первое — хорошо, во втором во всяком случае нет плохого или очень плохого, не очень же хорошо может быть потому, что я должен был направить внимание на другое, более важное. Первое же хорошо, как хорошо всякое что-либо. Но третье как? Это не тщеславие, ведь никто не знает «Квадрата миров» и, может, никогда не узнает. Я думаю, это и не гордыня. Может быть, так: я знаю, что должен освободиться от своего, то есть отдать свое, но если нечего отдавать, то что отдать? От этого игнавия. Здесь же я ощущаю некоторую силу, я имею что-либо, я через это что-либо чувствую некоторую связь и имею, что отдать. Он говорил, как власть имущий.[6] Может, это пример для всех: не иметь власть, но быть, как власть имущий. Но еще лучше, должно быть, потом отдать ее, то есть не власть, а ощущение власти имущего. Но как это отдать? То есть как перейти к самому главному?

2 декабря. Может, это и неверно. Хорошо, когда уже ничего нет и тогда найти уже не свое. Блаженны нищие духом.[7]

3 декабря. Капля веры и море безверия. Но может быть, эта капля веры сильнее моря безверия и затопит море безверия?

4 декабря. Раньше мне снилось, что он[8] не умер, а ушел к другой семье. Сегодня снилось, что он уходит, ему надо куда-то уйти. Я говорю: я ведь знаю, куда ты идешь, поможет ли? Я имел в виду, что после смерти он уже раз ушел в другую семью, но все же опять умер, как бы не умер в третий раз. Но главное, кажется, было ощущение непонимания и боли.

Мк. 3, 29. Но кто будет хулить Духа Святого, тому не будет прощения вовек... Сие сказал Он, потому что говорили: в Нем нечистый дух. То есть не простится безверие, то есть если не веришь, что в Христе Дух Святой.

4, 11—12. Почему «тем внешним все бывает в притчах, так что они своими глазами смотрят и не видят; своими ушами слышат и не разумеют, да *не обратятся, и прощены будут им грехи*»*?

* Выделено автором.

8 декабря. Человек мучается: ищет Бога, а я отчего? Что это за игнавия? Если бы стал писать, она прошла бы. Но о чем писать? Кажется, это все равно: продолжение «Логического трактата» или «Соблазны». Но если бы стал читать Гильберта или делать выставку[9], игнавии тоже не было бы, но тогда бы: заботы века сего, обольщение богатством и другие пожелания, входя в них, заглушают слово[10]. Вообще Гильберт, может, и не «заботы века», но сейчас он мне не нужен, когда же начну писать, может, и очень будет нужен. Иногда мне кажется это очень мелким: ведь нет необходимости сказать что-либо определенное: именно внесиллогистические заключения или именно «Соблазны»; это подобно различию любви и похоти и некрасиво. А может, так: есть определенное назначение мое — сказать что-либо, например *A*, *B*, *C*,... Предположим, я уже сказал *A* и *B*, осталось *C*, *D*,... и здесь уже все равно что сказать, *C* или *D*, а игнавия оттого, что не могу сказать ни *C*, ни *D*. Но, должно быть, не так.

Нехорошо то, что писание для меня некоторая естественная потребность, от неудовлетворения которой я и мучаюсь. Ведь я могу думать и не писать. Если бы мог, то не было ⟨бы⟩ игнавии. Значит, тоже не то. Во-первых, я не умею думать, я думаю, когда пишу. Это от ограниченности. Во-вторых, ничего не получается, то есть думание, даже когда пишу. В-третьих, не кажется достаточно важным или интересным. Но сейчас, кажется, главное второе. Предмет мысли ускользает от меня. Может, так: не могу довести определенное рассуждение до конца, так как наступает неопределенность. Во-первых. Имеется некоторая последовательность (I) понятий или предложений: *A*, *B*, *C*,... Затем имеется некоторое неясное представление *P*, определяющее достаточное число предложений последовательности (I). Это число неясно, но я всегда могу определить, когда последовательность (I) обрывается раньше, чем надо, затем неправильные переходы. Но все это надо сказать проще:

Во-первых. И в диалектическом рассуждении нельзя прийти к тому, что возможны все случаи, то есть к полной неопределенности.

Во-вторых. Неопределенность может быть в переходах, когда от *A* можно перейти к чему угодно, или в конце, когда можно прийти к чему угодно.

В-третьих. Если определенная последовательность становится неопределенной, но за явно неопределенным обнаруживается другое, неявное, но определенное, например если бы все предложения, состоящие из двух слов: «я» и глагола, оказались бы неопределенными, а за этим я обнаружил бы грамматическую форму и определенную категорию, то в этом нет неопределенности.

10 декабря. Может быть, прежде всего надо ясно разделить:

1. Разделение абсолютного порядка по понятию и случайного порядка по природе (критерий II). Предельная форма мышления.

2. Частные законы случайного порядка — диалектические образцы. Близко к этому: формы неопределенности и определенность форм неопределенности или законы неопределенности.

Разделить: диалектические образцы и законы диалектики.

17 декабря. От великой игнавии стал пересматривать свои старые вещи. Хорошие вещи от начала до конца редко больше 8—10 страниц. Если же больше, то (кроме «Критерия» и «Логического трактата») начало хорошо, а дальше не выдерживаю напряжения. Это значит: нет ясного представления целого и соотношения частей. От этого тоже бывает неопределенность.

Одно может быть понято каждым, например если из *A* следует *B*, а из *B* следует *C*, то из *A* следует *C*. Как образец — математика.

Для понимания в этом случае требуется только некоторое напряжение внимания. Другое же не может быть понято всяким даже при наибольшем напряжении внимания, даже умным человеком. Например, Больцано не мог понять не только Гегеля и Фихте, но даже Канта. В чем различие этих двух видов понимания? Для математического понимания требуется понимание логического вывода. Что требуется для второго, пусть философского, понимания?

Но и для первого, когда оно подходит к началам, уже недостаточно одного только логического понимания.

18 декабря. По своей душе я узнаю всю мерзость человеческую. Когда я сделал что-либо хорошее, я чувствую, что я сделал это не так, как надо было, что были какие-то скрытые мерзкие мысли, или что я похвалил себя, или я умилился себе, что самое мерзкое. И когда меня похвалят, мне стыдно. Никто не знает скрытых намерений, только Бог видит, и я представляю себе, какой это ужас. Кажется, в этом смысл явления Христа. Я вижу человеческие намерения, скрытые и отделенные от человека. Мне представляются они теми диалектическими движениями мысли, которые я никак не могу открыть. Человек же только непонятное и жалкое явление этих скрытых намерений — движений мысли, неодушевленный придаток к ним. ⟨...⟩

1949

1 января. ⟨...⟩ На днях взял другое исследование — «О единице». Начало хорошо, а дальше опять неопределенно. Может, и нашел бы там что-либо, но не могу заставить себя искать, к тому же нашел бы, кажется, немного. Надо подумать. Но вот что подумать? Я могу перечислить темы. Но они как пустые слова.

2 января. В смерти страшна, может, не сама смерть, но то, что Введенский называл «окончательностью», то есть неизбежность, невозможность изменить и исправить.

11 января. Сон «формула жизни».

Я иду по Большому к Т. У Матвеевской меня окликают из окна второго этажа: он ⟨отец⟩ просит зайти. Я захожу. Из шкафчика он берет курицу, отрезает кусок, чтобы угостить меня. Есть мне не хочется, я чувствую себя неловко. Он сообщает, что ушел от нас, а мама уехала в Ялту. К себе приходить не приглашает. Я прощаюсь и ухожу. По дороге привязывается какой-то мальчик. Отстань, говорю, не до тебя. Подхожу к дому. Большой мрачный дом, внутри темно, мы живем на четвертом этаже в маленькой комнатке. Поднимаясь по витой лестнице, я думаю: как я скажу все это Лиде и как мама одна доедет.

Проснувшись, вспомнил, что это продолжение сна о дочери Тургенева от Авдотьи и о ее брате. Затем вспоминаю, что уже был у Т., там была В.[11], а сейчас шел во второй или в третий раз. Затем вспоминаю, что этот сон был о жизни, о моей жизни и о том, как тяжело: с каждым годом и кру́гом прибавляется новая тяжесть и сгибаешься все больше.

12 января. Сон «формула жизни» продолжался сегодня. Одно из продолжений: он пришел со службы, пообедал и уходит. Я спросил куда. Ответил: есть работа. Я спросил, придет ли ночевать? Ответил: зачем? Я сказал: если там (то есть в новой семье) ближе тебе, то незачем. Через некоторое время вернулся. Мы с Лидой обрадовались, но он сказал: кто-то из вас сейчас взял на рояле септиму, там это слышно и неприятно им. Сказав это, ушел. Лида расплакалась. Я побежал за ним, догнал и сказал: это возмутительно, ничего больше не нашлось у тебя для нас, Лида плачет. Он вернулся и, улыбаясь, сказал Лиде: ну, давай поговорим, все выясним. Я ушел играть на рояле, чтобы не мешать им. Стало холодно. Я закрыл окно, но дуло слева, где была занавеска. Я встал, чтобы закрыть окно за занавеской, но там не оказалось не только окна, но и стены, был пляж и море. Пошел к морю, но усилился дождь, и я вернулся. Потом ходил по улицам, по набережной, там стояли какие-то яхты. Я понял, что это была прежняя игра, но сейчас никакие игры меня уже не занимали и яхты стояли без всякого значения.

16 января. Днем. В эти дни я хотел многое записать. Отпускать прегрешения может только тот, кто берет на себя грех. Для этого должна быть любовь. Отпустить прегрешение другого — это значит взять его грех на себя и мучиться так, как будто этот грех совершил я. Должно быть, Христа мучил грех каждого человека, поэтому Он мог отпускать. Но может быть, поэтому Он и был Бог. То есть человек может взять на себя грех одного, двух или нескольких человек, а Тот, кто может взять на Себя грехи всех людей, — Бог. Но кто может взять на себя грехи нескольких, а не всех людей, может только отпускать, а не прощать грех, то есть только облегчить мучение.

Реальна — душа, но не та, которую я знаю. Затем реальность — некоторые движения души. Но и их я не знаю. Но **что** этой реальности состоит только в том, чтобы не быть **своим**, то есть не быть **чем**. И здесь я имею некоторые соприкосновения с реальностью: во-первых, в абсолютных или объективированных ощущениях и состояниях, во-вторых, в чистых моральных актах, в-третьих, в познании законов движений души самой по себе. Последнее не психология, но диалектика — ходы мысли, освобожденной от предмета и вообще предметности. «Исследование о критерии» — это очищение являющейся души от всякого явления и являющегося **что**. Оказалось, что никакого **что** и нет, и тогда это предполагаемое **что** или просто ничто — сдвиг вниз, или ничто Бога — творение — сдвиг вверх.

19 января. Днем. Нет общей системы. Но и частные системы могут быть несовместны. То есть по поводу одного предмета или состояния может быть несколько частных несовместных систем и каждая из них может быть истинной или, лучше, действительной, так как и состояния эти не вполне тожественны и каждая из несовместных частных систем открывает разные стороны этого состояния: волновая и корпускулярная теории света. Но объединения этих частных систем и не требуется, так как каждая дает некоторую достаточную полноту. Также нет общей истории философии, можно только указать некоторые последовательности.

Кант освободил реальность от категорий теоретического разума. Реальна душа, не являющаяся, а ноуменальная. Вещь в себе — душа. Но в практической деятельности она реальна, то есть ноуменальна. Дальнейшее освобождение души-реальности — в состоянии апории, реальность души в том, чтобы не быть собою, то есть не быть **что**. Практическая же деятельность и моральность — только один из способов реального существования души.

22 января. Открытие, пока не доказано, вообще не продолжено, — не осуществлено. Гений открывает и продолжает. Талант — только продолжает, способный, но бездарный — завершает, то есть продолжает дальше некоторого дозволенного предела — это преимущественно в философии. Но открывает, не умея продолжить хотя бы до некоторого, необходимого для понимания и осуществления предела, — неудавшийся гений. Может ли быть пятая возможность: предел продолжения близок от начала, быстро наступает неопределенность? Указывает ли это на небольшое открытие, неглубокую мысль или сам предмет таков, что предел недалек?

24 января. Если бы мне предложили на выбор: написать великую вещь, причем я буду точно знать, что она великая, и больше никто этого

знать не будет и не будет признавать, или написать бездарную вещь, которую все будут считать великой, отчего мне и материально будет хорошо, то я бы выбрал первое. Но если бы мне предложили: написать великую вещь или полную моральность и даже святость, то есть предложили бы: быть или самым мудрым, или самым хорошим, я бы тоже выбрал первое. Может, это оттого, что святость непонятна и ведь первое условие святости — не считать себя святым. Но если бы мне предложили величайшую мудрость с полным признанием и материальным благополучием или счастие в этой жизни, я не знаю что бы выбрал. Может быть, я все же выбрал бы первое, так как не представляю себе жизнь без философии. Но если бы предложили счастье в этой и в той жизни, тогда бы отказался от мудрости. Но это уже непонятно, может ли быть счастье в той жизни без некоторой мудрости в этой? И если в этой жизни от мудрости может быть хуже, то сомнительно, чтобы и в той хуже.

Но и во второй дилемме выбор святости мне кажется большей гордыней, чем выбор мудрости, и даже вообще наиболее греховным. Даже в желании быть святым без всякого признания есть что-то неприятное. Вообще, может быть, мудрость тоже некоторый путь к святости, если нет лучшего пути — любви. По-видимому, к святости три пути: мудрость, то есть рассуждение, отвращение к себе и любовь. Но она ⟨святость⟩ не может быть целью, то есть не может быть целью личное совершенствование.

28 января. Основная интуиция[12] у меня *одно два*[13]. Поэтому я так и не люблю всякое гегельянство и синтез. Но триединство я признаю, но не ощущаю так, как тожество двух. Флоренский тоже говорит, что третье Лицо пока непонятно. Я признаю три Лица в Троице, как Сам, Кто и То, но так как третье место ничто (первое — **само**, второе — **что**), то я думаю, и не может быть ощущения, кроме чисто религиозного и не философского, триединства: триединство понимается, может быть, логически необходимо, ощущается же в крайнем случае только религиозно. Но тожество двух ощущается философски или мистически. Может быть, так: то, что логически обосновывается или хотя бы дается в виде некоторых положений, — философия или религиозное учение, то, что при этом ощущается, — мистика. Тогда тожество двух понятно философски и переживается философски, то есть будет философски-мистическим. Триединство же в крайнем случае только понятно философски, ощущается же, может быть, только религиозно-мистически. Так что различие философской и религиозной мистики. Возможно, что есть и другие виды мистики, например ощущение природы, ощущение некоторого тожества с природой, как в ту ночь в Мельничном Ручье[14], ощущение ночи, ощущение полдня или сумерек. Может быть, главное для всех мистических ощущений — ощущение тожества несовместных элементов, причем или

не зависящих от меня: одного и двух, трех Лиц, или меня и другого, обычно при этом я уничтожаюсь и переношусь в другое состояние и это другое состояние ощущаю как тожественное себе. Затем еще одно, но, может, не необходимое свойство мистических состояний: когда у меня бывает мировоззрение в носу и я остановлюсь на нем, чтобы изучить его, оно постепенно как бы испаряется и я к концу уже не имею его. Я говорю тогда: не было никакого мировоззрения в носу, только казалось мне и, сказав это, уже сразу вижу: оно стоит как бы в стороне прочно и непоколебимо. Может быть, таковы мистические состояния, они почти не допускают изучения, вообще некоторого сосредоточения внимания. Они не умещаются в форме предельного мышления, поэтому при завершении формы предельного мышления исчезают.

Вторая интуиция — ⟨интуиция⟩ небольшой погрешности или некоторого равновесия с небольшой погрешностью, она непосредственно связана с первой.

Третья интуиция — ⟨интуиция⟩ способов иного бытия, способа существования, который есть существование **как** и **что**[15]. Сюда же относится интуиция границы существования и границы понимания: граница существования и есть граница понимания.

Четвертая интуиция — интуиция ложной бесконечности, то есть сказать одно через другое или сказать до того, как сказано. Это — то, что не тожественно стороне апории.

Пятая интуиция — интуиция разделения на наше и не-наше; основное представление жизни нашей — как той или той — как нашей. Эту интуицию особенно ясно я ощущаю в разделении искусства, например Чайковский и Бах. Но все эти интуиции, может быть, только дополнения или частные случаи первой. Но также можно начать с любой из них, кроме третьей и четвертой, остальные же будут разъяснением к ней.

Шестая — интуиция души: душа в том, чтобы не быть собою, то есть в оставлении себя. Но в этом же сущность второй природы: что есть **что** только постольку, поскольку не остается собою. **Поэтому** душа есть единственная реальность.

29 января. Последний раз, когда у меня было мировоззрение в носу, кажется год тому назад, я уже не ощущал мировоззрения в носу, но только неприятный запах. Это было некоторым признаком обесцвечивания мира. Я не представляю себе сейчас, чтобы мог сказать женщине то, что обычно говорят влюбленные и что я раньше сам тоже говорил, — даже если бы влюбился. Все это мне сразу покажется преувеличенным и смешным. Остался скелет жизни. Я думал об этом не раз и сегодня, слушая «Дон Жуана». У Моцарта, мне показалось, жизнь соприкоснулась со смертью и от этого некоторое обнажение жизни. Гибель Дон Жуана у Моцарта — это не наказание отдельного грешника и не возмездие за грех, а закон жизни и, может быть, то же, что я назвал болью. То

есть жизнь и смерть близко соприкоснулись, или смерть проникла в жизнь, или жизнь есть рождение другой жизни и, как рождение, — боль. Гибель Дон Жуана я ощутил не как завершение во времени его жизни, но как вневременное тожество жизни и смерти. Смерть не наступит, но уже есть и наступает в этом мгновении, то есть с е й ч а с.

Жизнь и возраст научают чему-либо, если время реально. Но трансцендентальный характер или душа сама по себе **есть**, но не изменяется. Тогда жизнь не учит, но есть рождение другой жизни, то есть души, причем с е й ч а с, и значит, боль. Только в некотором эмпирическом и очень грубом приближении можно говорить о том, что жизнь научила чему-либо. Мне кажется, это же хотел сказать Моцарт в «Дон Жуане», смерть же Дон Жуана явилась только в конце оперы по той же причине, по которой я о боли говорю в конце ⟨исследования⟩ «Трактат Формула Мира»: это вызвано эмпирическими условиями, иногда мы вынуждены сказать в конце то, что есть в начале, в любом с е й ч а с или, вернее, просто сейчас.

31 января. Наиболее продолжительные игнавии с 1941 г.:

1. 1942, август — декабрь. В Чаше. Закончилось в больнице, когда начал писать «Квадрат миров».

2. 1943—1944. В Свердловске особенно продолжительных игнавий не было. По приезде в Свердловск в конце ноября некоторое время был растерян, но скоро стал писать. С весны писать, кажется, почти перестал, но была физика.

3. С 20 сентября 1944. После обычного при перемене места[16] рассеяния начал переделывать «Свердловские трактаты». 11 ноября уже закончил два из них. В декабре закончил и третий, а также и «Симфонию». После этого, с конца декабря или с начала января началась *Вторая Великая Игнавия*. 20 февраля 1945 начал тетрадь «ФУ». Должно быть, в конце марта или в апреле начал «Исследование о критерии» (⟨см.⟩ ФУ 1. 31/III, 10/IV, 14/IV). 2 июня закончил «Новое исследование о времени». Должно быть, в июне закончил первую часть «Критерия», потом Филармония[17], и с начала июля *Третья Великая Игнавия*. Пробовал вторую часть «Критерия», но шло плохо. 13 сентября написал: после четырехмесячного перерыва мне снова открылось, я имел в виду апорию **я**, также выяснилось, что будет не 4, а 2 части. Но по-видимому, игнавия еще не кончилась: 19 декабря нарисовал 6 мразей. Конец Третьей Игнавии — 14 января 1946, когда начаты были 4 тетради, в том числе одна — ко второй части «Критерия». 2 мая закончил 7 предложений об абсолютном. Последняя часть неясна: боюсь игнавии. Но Великая Игнавия, кажется, не наступила, потому что летом писал «Логический трактат», а осенью — вторую часть «Критерия».

Была ли потом Великая Игнавия? Должно быть, но я не помню. Летом 1947 — «Исследование о критерии», первая часть. С ноября игнавия, и по-видимому, великая. Весной и летом — «Логический трактат» и заключение к «Критерию». В августе — первые признаки, а с сентября Великая Игнавия, по счету, должно быть, шестая.

1. 1942. VIII—XII.
2. 1945. I—III.
3. 1945. VII—XII.
4. 1946. ?
5. 1947. ?
6. 1948. IX — 1949.

1 февраля. Днем. В игнавии надо различать:

1. Некоторое безразличие и пустота, все кажется неинтересным: и свои прежние вещи, и книги или науки. В этом состоянии я сижу часто часами, ничего не делая и не думая. В этом состоянии хорошо рисовать мразей, но сейчас и их не рисую.

2. Попытка что-то написать, все равно что, что-либо. Но проходят часы, и ничего не пишется.

3. Некоторое томление от отсутствия мыслей. Это бывает иногда, и иногда (редко) очень сильное.

4. Скрытая игнавия, когда занимаешься ненастоящим делом, как, например, в Свердловске летом 1944 года — физикой, а в 1945 — выставкой для Филармонии, в 1946 весной — теорией групп, в 1948 осенью — теорией множеств. Это скрытая игнавия, иногда только томишься, что своего не делаешь.

6 февраля. Пытался что-то делать по логике. Во-первых, установил четыре основных действия: *Ф, N, L, K.* Во-вторых, пытался выбрать наименьшее количество аксиом для каждого из этих действий. В-третьих, снова читал Шрейдера[18] и решал логические упражнения из Шрейдера.

19 февраля. Когда выпьешь, являются мысли о жизни, настоящие мысли. Обесцвечивание мира с возрастом. Может быть, ряд состояний, в которых я находил ощущение **того**, только соблазны. Я имел в виду определенные ощущения, например природы. В троллейбусе я думал (выпив): жизнь похожа на некоторое сужение горизонта; отпадает все лишнее, лишним, может быть, окажется даже природа. Останется **я**, душа. А затем и это будет лишним, то есть лишнее **свое**. Сейчас я это только понимаю, а затем и почувствую. Тогда смерть. Тогда смерть не страшна. Впрочем, этого я не знаю. Это я впервые подумал: природа — соблазн, причем последний. Я не знаю, верно ли это, во всяком случае, логически в некоторой последовательности это так и должно быть: я не находил мгновения в ощущениях природы. Но я рассматривал это как содержание мгновения. Логические доводы, доводы последовательности не доказывают, а скорее опровергают. Но здесь есть два несовместных одинаково убедительных, как мне кажется, довода: в ощуще-

ниях природы нет мгновенности — это против реальности этих ощущений, зá соблазнительность их; ощущения природы — содержание мгновения — это зá их реальность и против соблазнительности.

Сужение кругозора: конус, вершина которого — смерть.

21 февраля. В силе воли, например бросил курить, чтобы показать, хотя бы себе, силу своей воли, — когда это не связано с верой, есть что-то неумное. В подавлении желаний силой воли усиляется своя воля, таким образом все это удаляет от настоящего понимания.

Предельная форма (из «Критерия») — это и есть своя воля. Не подавлять желания, но исключать их и вместе с ними свою волю. Если же не удается, то какая угодно расхлябанность лучше сильной воли. Может, это относится и ко всякой мудрости века сего, например талантливость часто закрывает настоящее понимание, это тоже один из последних соблазнов.

Желание должно стать неинтересным. В удовольствии есть душа и тело. Тело удовольствия — ощущение. Первая ступень на пути к тому, чтобы желание удовольствия стало неинтересным: лишить его души, во всяком случае уменьшить душу, потому что когда совсем лишишься души, не будет и тела удовольствия. Это достигается естественно с возрастом и старостью.

25 февраля. Мне это еще неясно, поэтому трудно записать: человек думает, что он думает одно, а на самом деле он думает другое. Что он на самом деле думает, я не знаю и он сам не знает, и кажется, и не может знать, самое большее только установить некоторые отношения к некоторым личным событиям. Когда же поймет, что он думает не то, что думает, что останется? Недоумение и боль. Это признак рождения некоторой реальности. Может быть, все мысли сводятся к одной: я жил и совершил непоправимую ошибку. Это как одно событие — погрешность и связано с смертью, и смерть здесь, скорее, освобождение и исправление погрешности. Все сводится к одному: понять и ощутить жизнь как погрешность.

Я писал о необходимом лицемерии систем. И в моей погрешности я часто лицемерил. Понятие погрешности возникло из боли. Но затем я забыл о боли и погрешность возвел в совершенство. Но это вне понятий совершенства и несовершенства, и без боли нет погрешности. Одна мысль: тяжесть бытия. Я не верю в откровения и экстазы Плотина, в них не было боли. Но «Щель и грань» у меня были, кажется, реальным откровением.

26 февраля. Утром. После длительной игнавии бывает вдруг увидишь: некоторая погрешность как реальность; все внешнее только знаки этой погрешности и вместе с воспоминанием своей жизни — один знак

некоторого состояния — свершения. Это вúдение является после длительной игнавии, когда ничего не удается и не отвлекаешься посторонними мыслями, и в течение некоторого времени реальность не ослабевает, и погрешность не возвожу в совершенство, и нахожусь вне различия совершенного и несовершенного. Но затем пытаюсь понять то, что вижу, и это необходимо, и до некоторого предела понимания реальность может быть, и ослабевает, но это возмещается пониманием. Тогда создается некоторая частная неполная система. Но система требует полноты, и незаметно я перехожу дозволенную границу понимания, тогда я ничего уже не вижу. Наступает игнавия. Понимание не только не растет, но вообще прекращается, так как как только я замечаю, что порвалась связь с реальностью — состоянием-свершением, то я ничего не вижу. Или продолжение и вообще все кажется неинтересным, или я ничего не понимаю, ничего не получается, я не знаю, как продолжать.

9 марта. Недели 2 или 3, как Великая Игнавия прошла. Нашел 4 способа рассуждения[19]: $\geq$, $\geqq$, M_1 и M_2, $\geq\geq$. Теперь разделяется и $\geq\geq$: для конъюнкции, дизъюнкции и отрицания. Предполагаю, что в дальнейшем будет столько разделений и исключений, что система потеряет определенность: каждая аксиома и некоторые теоремы станут способом рассуждений. Когда классификация приходит к тому, что каждый случай есть член разделения, причем не подчиненный, а сочиненный, то наступает полная неопределенность. Другой путь к неопределенности: можно выбрать и другой критерий классификации — неопределенность критерия классификации. Значит, во-первых, неопределенность самой классификации при данном критерии классификации. Во-вторых, неопределенность самого критерия классификации. В-третьих, неопределенность системы вообще, так как выбор критериев классификации и сами критерии принадлежат к тем способам рассуждения, которые классифицируются на основании одного из этих критериев.

Предполагаю так:

1. Некоторая система классификации — первый порядок.
2. Приближенность этой системы и затем неопределенность.
3. Другая система классификации и также неопределенность.
4. Классификация критериев классификации — второй порядок.
5. Классификация второго порядка есть та же классификация первого порядка, значит полная неопределенность.

13 марта. Ощущение нереальности времени. Я думаю о каком-либо определенном событии. Когда оно было? Год или два тому назад? Я не могу этого вспомнить, как будто его и не было, а есть только результат его сейчас. Сейчас — некоторое состояние; представление о причине его, отнесенной к прошлому времени, — только некоторый знак этого состояния, должно быть знак его несовершенства.

19 марта. Степени посвящения и тайны, и как великую тайну посвященным высшей степени открывают последнюю тайну: нет никакой тайны.

Формула: посвященным открывают последнюю тайну: нет никакой тайны.

Это не материализм и не рационализм, а опровержение разума и погрешность как боль. Ведь если бы можно было открыть или раскрыть тайну, была бы система, и система спасения.

Некоторые обстоятельства моей жизни, именно: неудача, непонимание и некоторые определенные события и черты моего характера — дали возможность понять погрешность как боль. Когда я смотрю на других людей, у которых, может, не было этих обстоятельств или свойств характера, я нахожу у них другие обстоятельства или черты характера, которые должны вызвать у них также ощущение погрешности как боли. Из этого я заключаю, что погрешность как боль есть абсолютное, а не субъективное состояние. Если же у других нет этого состояния, то потому, что они не преодолевают времени, то есть живут во времени: забывают то, что считают прошлым, и не думают, то есть не замечают того, что называют будущим.

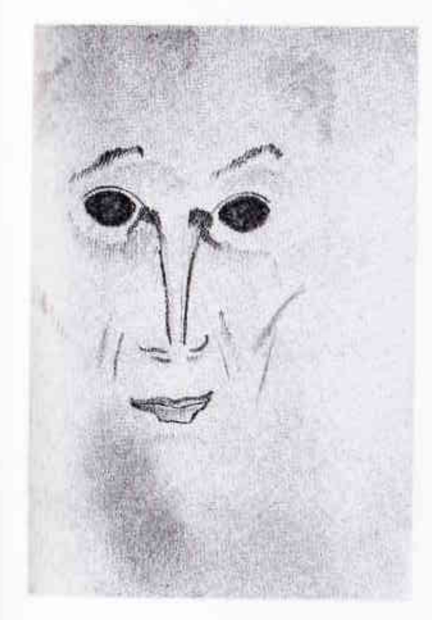
Есть что-то самое главное и самое страшное. Это, во-первых, есть сейчас и, во-вторых, должно быть сейчас. Когда я не хочу о нем думать, так как это тяжело и страшно, хотя необходимо, то: во-первых, называю прошлым, когда отказываюсь думать о том, что уже есть, и, во-вторых, будущим — когда отказываюсь думать о том, что станет сейчас. В нем — двойственность: оно есть и есть как будет, то есть оно есть как сейчас становящееся. Но не как длительность или процесс, но акт: сейчас станет.

Формула великой тайны говорит, что ничего нельзя знать, ничего нельзя понять и когда это поймешь, то понимаешь и знаешь, причем знание уже не формальное, а материальное, то есть знаешь не форму знания, но определенное содержание: погрешность как боль.

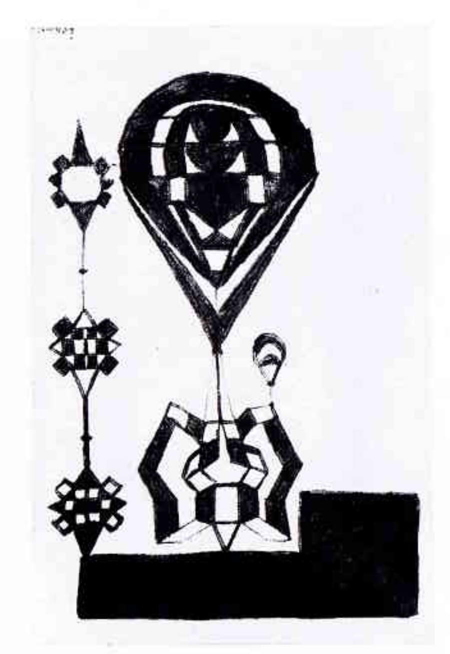
Формула великой тайны — это формула незнания и непонимания: когда понял, что ничего нельзя понять, то имеешь понимание материальное, формального же все равно нет, потому что понимание непонимания формально есть тоже понимание; поэтому формально и нельзя понять, что ничего не понимаешь; если и ничего не понимаешь, то хотя бы это, то есть невозможность понимать, понимаешь. В этом Больцано и другие правы.

Но от полного непонимания нет вывода к пониманию полного непонимания, и тогда непосредственный переход к пониманию содержания полного непонимания.

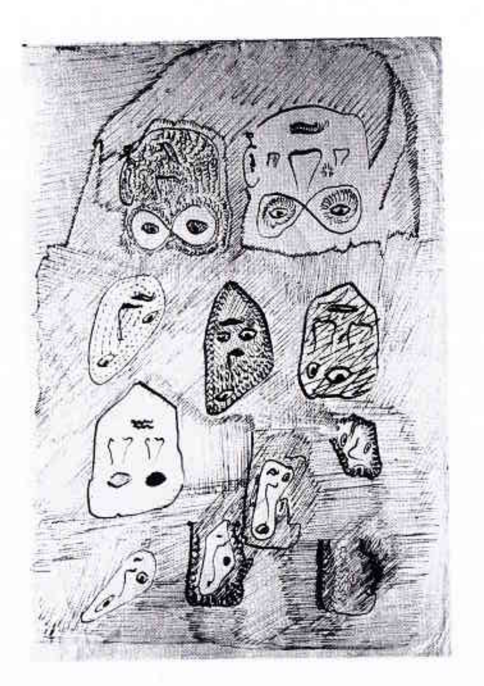
24 марта. Там, где есть язык формул, можно не думать о каждом слове, но пользоваться формулами и терминологией. Терминология и

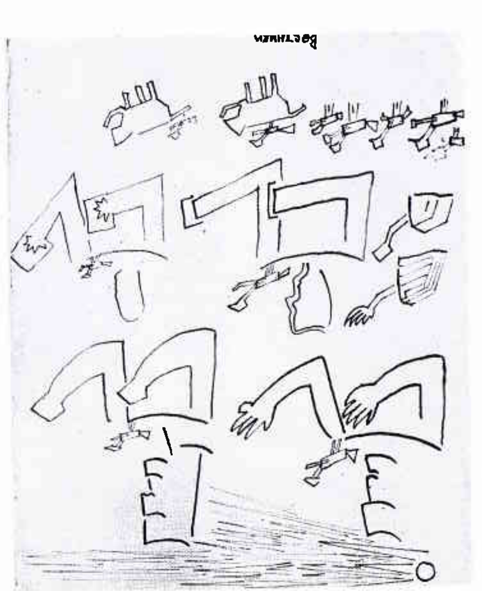

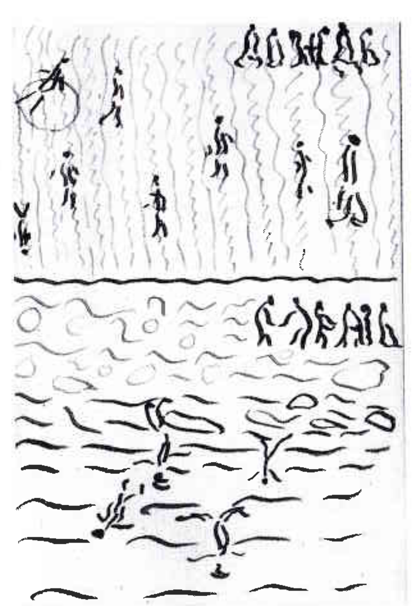

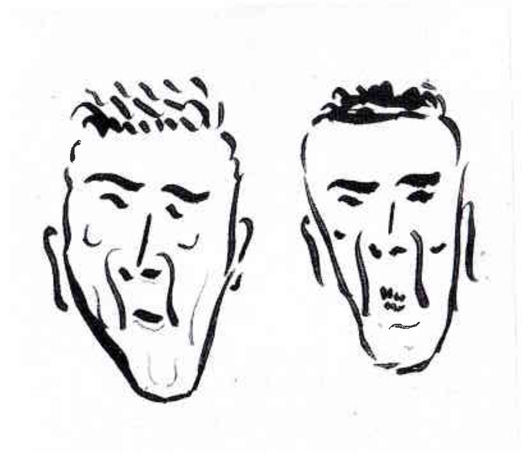

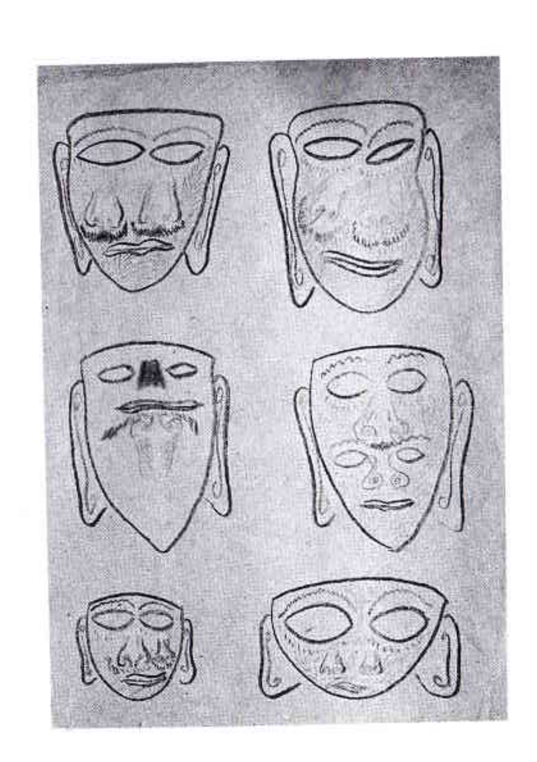

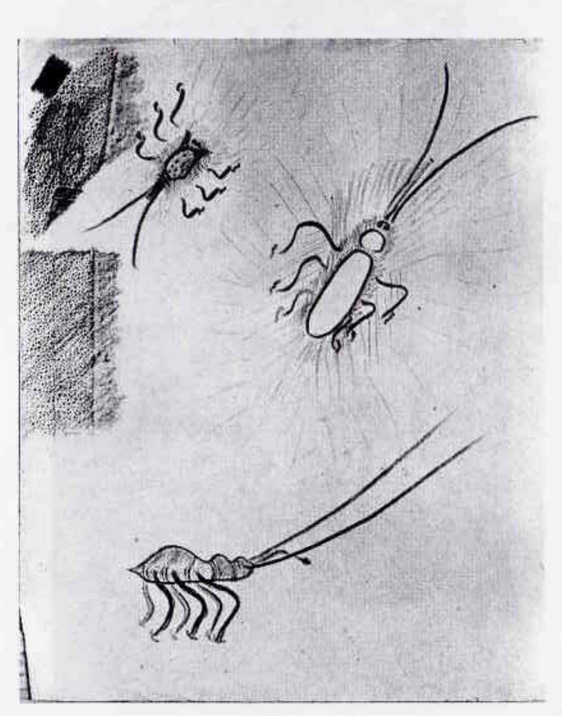

Ignavia

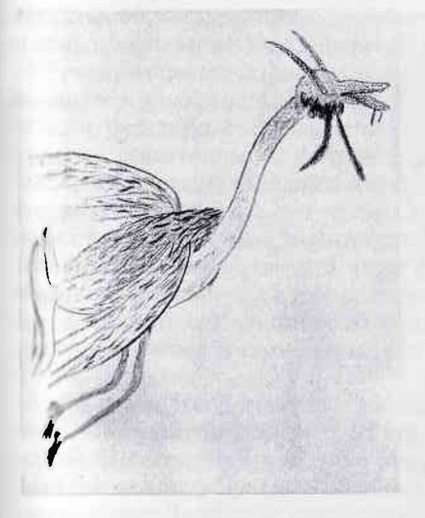

ДОЖДЬ

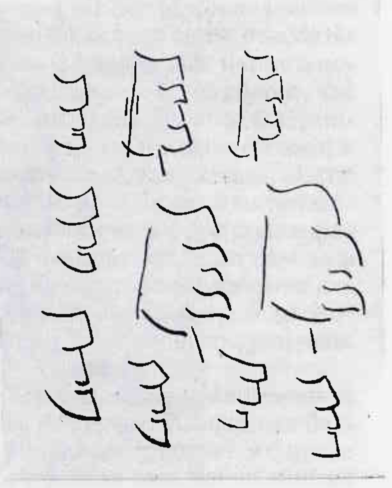

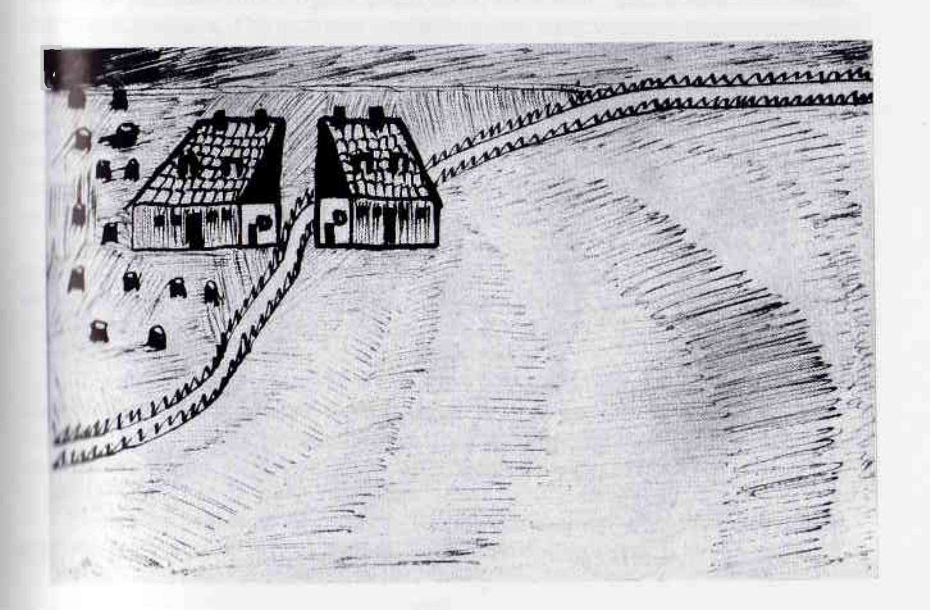

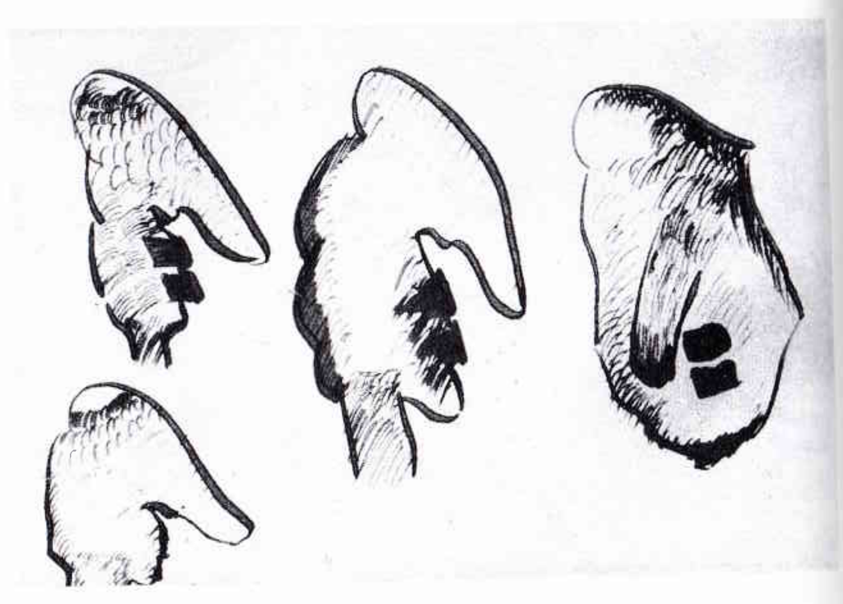

есть способ пользования формулами. Но там, где нет установившегося и общепризнанного языка формул, там надо к каждому слову относиться осмотрительно, выбирая слова, создавая формулы. Где нет установившегося языка формул, например в философии,не безразлично, **как** сказано что-либо. Несоблюдение в математике математической терминологии может повести не только к неточности, но и к прямой лжи; и так же в философии: если считать, что безразлично, **как** сказать, важно **что**, может возникнуть не только неточность, но и ложь. В математике — общепризнанные терминология, язык формул и формулы, в философии — терминология и язык формул, создаваемые при случае и имеющие значение для этого случая. Язык формул имеет значение для определенного случая, но содержание формул выходит за пределы этого случая, это содержание я называл не общим, а общеиндивидуальным.

7 апреля. Необходимое (но недостаточное) условие гениальной вещи — некоторая чистота. Она есть даже в некоторых симфониях Бетховена: Шестой, Восьмой, но в Седьмой (финал), в Третьей и в финале Девятой — нет; у Гоголя, у Лескова в «Соборянах» есть, но во многих других вещах Лескова ее нет; должно быть, у Гойи есть, но у Шостаковича нет. Как определить эту чистоту? Она не связана, например, с чувственностью арий и речитативов Баха. Я думаю, эта чистота имеет отношение к формуле. То есть чистая вещь — некоторая формула. И второе: нет личного. Может, это главное: в гениальной вещи не должно быть личного, поэтому она и будет формулой, хотя этого еще и недостаточно для гениальности. Отсутствие личного не есть отсутствие индивидуального: все вещи-формулы одного автора имеют общее, отличающее их от вещей-формул другого автора, также могут различаться между собой. Но если они и выражают индивидуальность автора, то не личную, а художественную, философскую или научную. Для чистоты требуется, чтобы автор чувствовал себя только посредником, передающим то, что он увидел, не добавляя ничего от себя. Таким добавлением будет также и его отношение к факту. Все, что он добавит от себя, нечисто.

Шостакович сказал кому-то, что ему нравится писать музыку, потому что интересно смотреть, как ноты располагаются хвостиками то вверх, то вниз. Мне кажется, он хотел этим скрыть субъективное, то есть нечистое, отношение к своей музыке.

10 апреля. Знак (Zeichen), смысл (Sinn), означенное (Bedeutung). Философия не отрицает означенного, то есть предмета, но объясняет, как возникает это понятие. Ведь в простом представлении и восприятии его нет.

13 апреля. Первый период до Георга ⟨до сна о Георге⟩[20]. Я начинал строить систему: *А*, затем, я знал, должно последовать *В*. Но до *В* я ни-

как не мог дойти: между *A* и *B* становилась бесконечная последовательность, которую никак нельзя было пройти. Но затем я находил, что *A*, с которого я предполагал начать, еще не начато, требовался некоторый переход к *A*: A_1, но также и A_1 не было мне дано непосредственно, к нему требовалось A_2 и т. д. Таким образом, и «Исследование о критерии» предполагалось только вступлением к системе. Но и оно в то время не было первым, или я не представлял его как первое, а может, оно не вело к тому *A*, с которого я предполагал начать. Так я пришел ко второму периоду: «Разговоры вестников» — обоснование невозможности всякой системы, даже частной. Третий период — с войны: я сразу начал с *B*, которое оказалось «Логическим трактатом», затем *C* — «Симфония», «Контрапункт» и др. При этом вплоть до «Формулы Мира» я открывал некоторые новые вещи. Четвертый период — по приезде в Ленинград. Я вернулся к «Критерию» и следующему за ним «Логическому трактату». Я представляю себе и дальнейшее: «Симфонию», «Контрапункт», но я нашел возможность некоторой частной системы, то есть системы «Критерия». Два вида нового: экстенсивное — в третьем периоде, интенсивное[21] — в четвертом: я нахожу новое в пределах «Исследования о критерии» и «Логического трактата». Поэтому сейчас я не могу написать что-либо неожиданное, как, например, «Формулу несуществования».

19 апреля. Математическая логика: строй истинности.

8 мая. Тарский: «множество всех высказываний». Как только появится «множество **всех** высказываний», предельная форма и отраженное абсолютное заменят абсолютное (вторая часть «Критерия»).

9 мая. Снова игнавия, но, кажется, не великая.

10 мая. Если имеется некоторая реальность, если реальность познается непосредственно, то есть просто: я имею ее, если я имею ее в моем состоянии, если некоторые состояния разделить на положительные и отрицательные, то я имею эту реальность в отрицательных состояниях. Причем под отрицательным состоянием имеется в виду не отсутствие чего-либо, но реальное присутствие некоторого недостатка и боли. Этот недостаток и боль есть реальное дополнение к интеллектуальному недоумению и сомнению апории.

Если есть **та** жизнь, то уже боль, что я не в **той**, а в этой, тем более если эта есть рождение той. Святой всегда рад; нет, святой всегда ощущает эту боль. Также в этой боли опровержение солипсизма: взял на себя грехи мира. Я уже давно думаю, что в непонимании, боли и ответственности опровержение солипсизма. Возможно, что и Евангельскую любовь надо понимать так. Ведь сказано: взял на себя грехи мира.

Марк, гл. 13.

«Видишь сии великие здания? Все это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне». Не надо толковать Евангелие, всякое толкование Его мелко и незначительно. Но в каждом слове Евангелия есть особый смысл и иногда чувствуешь его. Не толковать надо Евангелие, но просто сказать об этом, даже просто: это. И здесь надо просто направить свое внимание. Что значат великие здания? Все, что мне кажется великим. Высокое у людей — мерзость перед Богом. Все это будет разрушено. «Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас. Ибо многие прийдут под именем Моим». Здесь сказано о прельщении. Прельщение в том, чтобы укрыть обнаженное, так как оно страшно. Что без прикрытия, без обольщения? Некоторая боль. Не все ее вынесут. Тогда приходят под «именем Моим» и будут прельщать. Одни от злобы, другие от страха, третьи от жалости, основа которой незнание и непонимание боли. «Тогда увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках с силою и славою». Верю, что увижу Сына Человеческого, грядущего на облаках с силою многою и славою.

«Не прейдет род сей, как все сие будет».[22] Здесь не надо никакого толкования, но понимать буквально, тем более что часть уже свершилась: «Предаст же брат брата на смерть... И будете ненавидимы всеми за имя Мое... ...Мерзость запустения. 〈...〉 В те дни будет такая скорбь, какой не было от начала творения».[23]

«Итак, бодрствуйте, ибо не знаете, когда придет хозяин дома... чтобы пришедши внезапно, не нашел вас спящими».[24] Здесь сказано о реальности мгновения, это теория времени.

Пишу это, чтобы запомнить: ощущение ничтожности всех дел, всех писаний, всех мыслей — ощущение одного: свершается. Это Евангелие. Я хочу сказать, то есть запомнить: оно стоит здесь, за моей спиной, почти передо мною.

17 мая. В комнате разговаривали несколько человек, я сидел в углу и молчал. Я подумал: не замечаю даже объемности, как гравюра или тени на стене.

19 мая. К основной интуиции: *одно два*[25] раскрывается или является в ряде и в совокупности рядов. 〈...〉 Ряд же является в первоначальном обращении, поэтому, как во сне, воспоминание идет назад, а не вперед. Если же сна и не было, то представление времени и движения во времени во сне от прошлого к будущему не соответствует ничему действительно существовавшему. Время представляется в направлении от прошлого к будущему, в воспоминании же сна отдельные вневременные состояния соединяются в обратном порядке: от сейчас назад. Но что вспоминается? Есть желудочные, вообще физиологические, и вещие сны, вернее, в каждом сне есть и физиологическое, и вещее, но одно

преобладает, вспоминается или пищеварение, или абсолютное. Но при просыпании, то есть переходе к состоянию бодрствования, к предельной форме, ощущение пищеварения или абсолютного приспосабливается к предельной форме. Может, также и жизнь есть только воспоминание при просыпании — смерти. То есть рождение той жизни и свершение сопровождается воспоминанием — воображением этой жизни. Но что вспоминается и в чем? Что — должно быть абсолютное, но в чем? При воспоминании сна «в чем» было пред⟨ельной⟩ формой и было нек⟨оторое⟩ несоответствие между содержанием сна и предельной формой, в которую он укладывается. Здесь же вспоминается сама предельная форма. Тогда не абсолютное? Тогда в чем она вспоминается? Что — предшествующее, в чем — последующее, но уже это разделение принадлежит к предельной форме. Если же абсолютное вспоминается в абсолютном, то откуда предельная форма и недостаток?

22 мая. Абсолютное и существует как недостаток, но недостаток в нем не недостаток. Просыпание же — смерть — ведь еще не завершилось. Может быть, завершением просыпания и будет полное понимание времени, то есть его уничтожение. Если сон как абсолютное некоторое состояние *A—B—C—D*, в предельной же форме *d—c—b—a*, то в сне-жизни, то есть в предельной форме, я представляю абсолютное без недостатка и отдельно его недостаток. Тогда в просыпании-смерти я вижу недостаток и пока просыпание не завершилось — как недостаток, при завершении же — абсолютное как недостаток, то есть недостаток не как недостаток. При просыпании я вижу недостаток, то есть боль, и при завершении недостатка — не как недостаток — как абсолютное.

2 июня. Я услышал: у портнихи, кажется, рак, и стал страх и ощущение незначительности всего. Я ее почти не знаю, видел раз или два у Нади, поэтому чистый страх, незаинтересованный — она мне чужая. Но я ее немного знаю, поэтому индивидуализированный чистый страх. И хотя прошло уже несколько часов, но все кажется незначительным, и «Логический трактат», который сейчас пишу.

4 июня. По дороге домой, после неудачной попытки сказать что-либо. Если нет пристрастия, то вряд ли кто-либо понимает кого-либо. Затем природа. Это остается абсолютным и связано с молчанием. Затем Сартр. Если бы я встретился с ним, я бы сказал: я согласен с тем, что вы говорите, но своей жизнью вы опровергли себя. Я имею в виду то, что он метр. Если бы мне сказали: метр, я бы сказал на ломаном французском языке: же не сюи па метр, же сюи эколье. Если бы меня спросили: ке э вотр метр, я бы сказал: Иезус Христус э мон метр, хотя это и звучало бы глупо. Но в конце концов все, что ни скажешь, звучит глупо, и глупее всего, когда это умно.

Есть некоторая последняя степень раскрытия тайны, и она в том, чтобы ничего не сказать и ничего не говорить.

20 июня. Два соблазна или две настоящие радости: монастырь или разгул. Есть воображаемые удовольствия и настоящие, и только эти настоящие. Потом еще соблазн: молчание. Мне кажется сейчас, если будет возможность, установлю молчание на год. И это не ради достижения какой-либо цели, но ради самого молчания.

28 июня. Фейербах: моя философия состоит в том, что нет никакой философии. Это последовательный материализм: если есть только то, что можно осязать, то достаточно науки и непонятно, зачем философия. Но при этом сама наука становится невозможной: наука — некоторое множество высказываний и мыслей, для последовательного материализма их реальность сомнительна.

Наука не может ни доказать, ни опровергнуть ни материализм, ни идеализм, но при материализме становится невозможной; философия упраздняется, как излишняя, наука — как невозможная: все, что наука утверждает, можно понять и материалистически, содержание науки не противоречит (но только принципиально) материализму, но сама наука невозможна при материализме. Если форма науки *A*, содержание *B*, материализм *C*, то $B \| C$, но из *C* следует отрицание *B*: $C \to \overline{B}$. Логически: если $C \to B$, то $B \perp C$. Здесь же $C \to \overline{B}$, должно быть $\overline{\overline{B}} \perp C$, есть: $B \| C$. Это некоторый диалектический ход.

29 июня. В троллейбусе: если есть некоторая подлинная реальность, то имеет ли к ней отношение пол? Оказывает ли на нее влияние пол: различие пола, любовь и пр., или она вне признаков, свойств и особенностей полового? И обратно: есть ли в том, что имеет какое-либо отношение к полу, реальность? Не есть ли пол и все, что имеет к нему отношение, только случайная видимость, затемняющая подлинную реальность и не имеющая к этой реальности никакого отношения? Здесь два вопроса, потому что возможно, что реальность независима от пола и полового, но пол и половое могут обнаружить реальность, как и многое другое. Но возможно и так, что пол и половое, включая половую любовь, относятся к тому, может быть и немногому, что не только не совместно с реальностью, но не может быть и путем к ней, но только отклонением и уводит от реальности.

20 июля. Добавление к «Концу мира»[26]: постепенные, иногда же внезапные подъемы и падения воды в реках и морях. Например, ежедневно подъем на 1 см, постепенно затопляются более низкие, а затем и более высокие места. Но никто не умирает в это время. Или подъем воды в арифметической прогрессии: на 1 см, на 2 см, на 3 и т. д. Затем

снова спадает. И другие варианты. Страшно здесь неожиданность и закономерность приближения гибели.

21 июля. Боюсь великой игнавии.

23 августа. Если при некоторых особенных обстоятельствах скажу: *хорошо*, то *хорошо* останется, несмотря на обстоятельства. Теперь обстоятельства: опьянение, соната Моцарта. Я думаю, что извлек некоторую субстанцию из определенных элементов и нашел: хорошо. Многое я понимаю через уши, то есть в звуках и даже в плохой музыке. Имеются некоторые элементы. Жизнь и ее соблазны складываются из этих элементов и даже кажутся неразложимыми. Я не испытал этих соединений, но случалось, ощущал элементы, и мне кажется, у меня хватает силы воображения соединить их. Так что и не испытав многое, я знаю его.

3 сентября. Мне могут возразить, что мои построения фантастичны, хотя все же они определяют то, что называем мгновением. Я имею в виду то, что говорит Пуанкаре: и Коперник и Птолемей объясняли движение планет, один проще, другой сложнее, но обе системы одинаково истинны. Поэтому если мои построения объясняют с е й ч а с, то, пока не дадут более простого объяснения, мое законно.

11 сентября. Почему я пишу. Не потому, что мне это доставляет удовольствие, я не делаю многого из того, что доставляет мне удовольствие. Не потому, что я считаю, что должен писать. Я думаю, что никто не должен писать и пишут от слабости. Я пишу потому, что когда не пишу, то меня как бы мутит: мне нехорошо, если я не пишу. Должно быть, это недостаток.

13 сентября. Сдвиг апории — благодать. Это и есть отрицание независимости абсолютного.

16 сентября. Уже много дней или недель какое-то затмение, игнавия ли, не знаю. Берусь за «Критерий» и ничего не понимаю, все кажется плоским, какой-то естественный материализм. Вчера же ночью после этого — просветление: увидел снова апорию как предмет.

17 сентября. Суждения апории и обсуждение апории.

21 сентября. Уже 4 или 5 лет я переделываю и исправляю «Критерий». При этом, во-первых, я исключаю неточные или произвольные рассуждения, во-вторых, дополняю. Но, в-третьих, о стиле я думаю очень мало. Я думаю о том, чтобы правильно было сказано, и обычно правильно будет и красиво. Вообще «красиво» я сейчас не понимаю. Но

«некрасиво» или безвкусно почти всегда будет и неправильно. Последняя степень ограниченности — думать, что содержание не зависит от того, что сказано, во всяком случае в философии, и, когда пишешь, надо думать о том, **как** сказать, чтобы было правильным, и не может быть, чтобы различными способами было сказано правильно или с одинаковым приближением к правильному.

1 октября. Кажется, я нашел: вторая апория — сомнение в существовании апории как предмета — возникает, когда исследователь присоединяется к с е й ч а с, тогда с е й ч а с уходит, система же апории станет только сказанной. Таким образом оправдываются и следующие две части: во-первых, исследование о времени — сейчас моей души, во-вторых, о способе обозначения.

Трансцендентальная мерзость. Мерзость человеческой подлости, мерзость пошлости и непонимания, мерзость своего и личного, мерзость запустения и последняя трансцендентальная мерзость, мерзость ничто.

Раньше тщеславие, потом гордость, потом удовлетворение после освобождения от омерзительного груза — вот ощущения от писания: от того, что написал. Третье — основное и ядро, второе — внутренняя и первое — внешняя оболочка, но сейчас только одно — освобождение от мерзкого груза и последняя мерзость ничто.

7 октября. Когда даже умирают от чувств или кончают с собой — это не сила чувства, но аффекта. В этом есть разница, аффект может пройти внезапно и обычно проходит скоро. Так что если бы не покончил через час, день или неделю после возникновения намерения покончить, то уже не было бы ни аффекта, ни чувства. Но чувство проходит не скоро: требуются месяцы и годы. Затем: когда аффект прошел, способность чувства, то есть сама чувствительность, не слабеет. Когда же чувство проходит под влиянием времени, чувствительность слабеет, то есть мир тускнеет. Но я хотел сказать другое: в аффекте, может, я и вполне забываю себя, но это не ценно. В чувстве может быть ценность, например в некоторой любви, но я при этом не забываю себя. Таким образом, если и хорошо забывать себя, то в том, что плохо, я могу сделать это хорошее, но ради плохого и это плохо, в том же, что хорошо, — не могу и, значит, тоже плохо. Это какое-то отчуждение, и может, Евангелие от Иоанна и говорит о любви, когда ни одно мгновение не подумаешь о себе.

Должен ли быть святой всегда радостным, как говорил Л.? Но если он помнит все время о каждом, и о боли, и о боли каждого, то как он может быть радостным?

11 октября. Во сне я вспомнил, что это сон, и сказал моему собеседнику: вы снитесь мне, значит, вы дух, у вас нет тела. Собеседник ска-

зал, что есть. Может быть, астральное? — спросил я. Собеседник утверждал, что материальное. Меня это удивило, но я боялся думать, может ли быть тело у человека, который снится, так как если во сне подумать, что это сон, то проснешься, а сон был интересный.

14 октября. В декабре 1941 г. я торопился писать, потому что боялся, что не успею кончить. По-видимому, было какое-то общественное чувство. Но вместе с тем, хотя я заметно слабел с каждым днем, я ощущал некоторую долговечность. Сейчас я здоров, но не имею ощущения долговечности, и нет никакого страха, что я не успею закончить. Это мне все равно, и мне непонятны слова «человечество», «историческое», «после меня».

20 октября. Я строю систему, то есть устанавливаю некоторые законы, пусть: a_0, b_0, c_0, d_0. Это будет определенность первой степени. Затем я вижу, что можно построить другую систему: a_1, b_1, c_1, d_1,... Затем третью: a_2, b_2, c_2, d_2,... и т. д. Тогда будет неопределенность первой степени. Затем я вижу, что все эти системы различаются по законам первой, пусть: a_{00}, b_{00}, c_{00}, d_{00},...

Но затем я вижу, что их можно различать и по законам второй системы: a_{10}, b_{10}, c_{10}, d_{10},... и т. д. — неопределенность второй степени. Но и эти различия определяются по законам первой системы, пусть: a_{02}, b_{02}, c_{02}, d_{02} и т. д.

a_0	a_{01}	a_{02}	...		
a_1	a_{11}	a_{12}	...		
a_{11}	b_{11}			a_{21}	b_{21}
a_{12}	b_{12}			a_{22}	b_{22}
Первая степень				Вторая степень	

1. Число систем равно числу законов; *n* конечно. При *n* системах неопределенность первой степени, при сведении *n* систем к тем же *n* законам — определенность второй степени, если же сводятся к *n* системам — неопределенность второй степени.
2. Число систем больше числа законов.
3. *n* — бесконечно.

2 ноября. Мне снилось: напрасно я беспокоюсь о смерти, ведь смерть не может наступить, так как среди квадратов состояний нет ни одного пустого.

10 ноября. Давно уже думаю о том, чтобы бросить курить. Вот основание: куришь не только тогда, когда хочешь курить, но когда есть пустое место во времени и надо подумать. Вместо того чтобы подумать — куришь. Иногда это помогает думать, но и это нехорошо, иногда же, и может, в самых главных случаях, заменяет думание, так что, покурив, уже и не думаешь, и это совсем плохо.

Я решил бросить курить, во всяком случае на время, хотя бы небольшое, и, решив бросить, я потерял вкус к табаку. Даже выпив, я выкурил несколько папирос, причем не докурил и не испытывал прежнего удовольствия. Мне кажется, решение убивает вкус табака, но решение должно быть твердым. Трудно не бросить курить, но решить бросить курить, и это относится ко всякому решению, содержание которого неприятно.

Марк 9, 24. ***«Верую, Господи! Помоги моему неверию». Это ответил отец исцеленного отрока на слова Христа: «Если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему». После тех слов отца отрок был исцелен: за веру отца.***

Но желать чего-либо и просить у Бога даже при очень большом желании не значит еще верить в осуществление желаемого. Но также вера в осуществление желаемого своими усилиями тем более не есть та вера, о которой говорит Христос. Но той веры достаточно даже немного — с горчичное зерно, чтобы то, что прошу и что, верю, по моей просьбе осуществится, осуществилось. Надо молиться и вдруг мелькнет: кажется, верю, Господи, помоги моему неверию, и может быть, это мелькнувшее и есть вера, которая сдвигает горы. Но иногда бывает, что просишь и сам где-то в глубине чувствуешь: просьба неправильна, и тогда, значит, не веришь, здесь нет и мелькания веры, но мелькает неверие. Затем, что можно просить? Должно быть, только то, что имеет ко мне непосредственное отношение. Это слишком неопределенно, и желательна классификация просимого.

15 ноября. К Колоссянам 3, 10—11. «...Совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его, где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос».

К Галатам 3, 26—28. «Все вы — сыны Божии, по вере во Христа Иисуса; все вы во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского; ибо все вы одно во Христе Иисусе».

16 ноября. Проходит вкус к водке и табаку, вкус к жизни.

Относительно желаний. Если чего-нибудь очень хочешь, то, перетерпев, увидишь, что желание прошло. Я хотел курить во вторую перемену и решил не курить. В третью перемену мне уже не хотелось курить. И хотя я закурил, в четвертую перемену я не курил, потому что уже не хотелось курить.

23 ноября. Пишу «Квадрат миров». Две недели было бессознательное думание о «Квадрате миров» и сознательное — о Евангелии, желании, зароке и отказе от желания. Апостол Павел говорит: нет ничего греховного и все, что создал Бог, — хорошо. Но если о чем подумать: это для меня нехорошо, этого нельзя, то для меня станет плохим, и плохо, если я не откажусь от него. Но вот я уже подумал об одном, и о другом, и о третьем: это для меня нехорошо, и уже нехорошо. Значит, надо отказаться. Но кажется, я подумал уже обо всем: это нехорошо для меня. Что останется?

О «Квадрате миров». Кажется, я нашел переход ко второй части (само и для себя) и вдруг — третью часть: опровержение и восстановление философии, и это было как внезапное освещение нового, никогда не виданного мира. И это было так интересно и важно, что все другое отпало само собой.

2 декабря. Чтобы получить удовольствие от чего-либо, надо иметь воображение. Но кажется, еще большее воображение надо иметь, чтобы не ощутить удовольствия от того, от чего уже имеешь удовольствие.

И. Д. И.* бросил курить от слабого воображения: чтобы больше есть масла, мяса и сахара. Чтобы получить удовольствие от еды, требуется меньше воображения. Но чтобы отказаться и от этого воображения, надо иметь большее воображение: чтобы отказаться от определенного воображения, надо иметь большее воображение. Это серьезный довод против состояния нулевого порядка.

1950

7 января. Есть разговор-повторение и разговор-исследование. С Л., Х., В., О., отчасти и с Ст. были разговоры-исследования. С М. И.** — разговор-повторение.

17 января. Мне бы дописать «Соблазны» и тогда, кажется, можно и умереть. Не для читателей или потомства надо дописать, а для себя, чтобы понять и побороть.

26 января. Господи! По заслугам подлец есмь. Господи, Иисусе Христе, помилуй мя. Господи, Иисусе Христе, помилуй мя.

29 января. Это не игнавия и не пустота, а просто какая-то мерзость. Когда напишу ⟨вещь⟩ — я пуст, я чист и пуст, а сейчас я обременен, но

* Личность не установлена.

** То же.

говорить мне нечего. Да и думать нечего. Когда напишу — мысли не во мне, вокруг меня, сейчас же ничего, кроме мерзости и грязи. Это не чистая, обремененная пустота. И так будет еще несколько, а может, и много дней, и мне всегда кажется, что навсегда.

Мне надо закончить «Квадрат миров». Я предполагаю так: «Опровержение философии»*, «Формула чего-либо», «Формула несуществования», последние две уже написаны, но «Опровержение философии» напишу ли? Основание неопределенности надо совсем переделать.

О «Контрапункте, или Соблазнах»[27]. Есть вещи понятные, имеющие общественно полезную функцию, например пивная кружка на вывеске, или определенный портрет. Но Мадонна Литта уже не имеет такой общественно необходимой функции. Но и в этой области вещей, не имеющих общественно необходимой функции, есть градации, например «Критика чистого разума» или Бёме. «Критику чистого разума» можно соединить с некоторыми терминами, а Якоба Бёме с чем? Мое «Исследование о критерии» также соединяется с некоторыми терминами, а «Контрапункт, или Соблазны»? Термины, с которыми можно соединить «Контрапункт», сами ни с чем не соединяются: соседний мир, мир миров, магия чисел. Такие вещи вполне не нужны, и может быть, наиболее нужны. Последнее мне кажется, когда я пуст и почти чист, а сейчас я грязен и обременен.

Во всяком случае, я знаю, зачем пишу: чтобы освободиться от бремени, просто от грязи: всякое содержание — мое, это загрязняет.

31 января. Во взглядах и убеждениях есть некоторый внутренний деспотизм: мне что-либо нравится, я считаю это красивым и хорошим, но, по моему убеждению, это некрасиво и плохо. Я здесь имею в виду не приятность и удовольствие, здесь разделение телесного вкуса и убеждения естественно, но красивое и хорошее, как, например, стихотворение, музыка или поступок, которые мне нравятся, а по убеждению не нравятся. Этого разделения нет у людей, у которых нет убеждений, и больше всего, когда убеждения примитивные, например как у меня было в 16 или 17 лет. Откуда это разделение? Возможно, что от непостоянства — от того отвращения, которое вызвало «Квадрат миров» — возможность быть другим. От этого разделения — некоторая неопределенность. Философия должна уничтожить это разделение. Но как? Введя некоторую неопределенность в убеждения. Это не значит, что уничтожается убеждение или оно нетвердо, но в само убеждение входит неопределенность, причем в определенных границах. Но некоторое убеждение все же при этом уничтожается.

29-го я писал об обремененности. Кажется, в тот же вечер освободился. Если обременен и противно, никогда не могу сказать, когда раз-

* Отдельная работа с таким названием неизвестна.

решусь. Разрешение же происходит различно: иногда я чувствую — сейчас смогу освободиться, тогда отвращение проходит, хотя бы освобождение отложил. Иногда же сажусь писать, и тогда или пишу напрасно, или освобождаюсь. Мне кажется, потому же и Бах перед импровизацией любил играть чужие произведения: само действие записывания, то есть движения пером по бумаге, помогает разрешению, как и игра чужих произведений.

2—11 февраля. ⟨В больнице.⟩[28]

3/II, вечером, когда маме переливали глюкозу (800 г). Несовместимость зарока, а может быть, и системы примет с верой. Если же зарок дан, его надо исполнить — чтобы не было соблазна ни другим, ни себе — главное себе. Но глупо думать, что если зарок не выполнен, то Бог будет мстить. Вообще эта сделка с Богом некрасива. Не зарок, а жертва и лучше без всякого повода, чтобы не походило на обмен или взятку. Главное: верю, Господи, помоги моему неверию.

Ночью. Екатерина Константиновна[29]: ничего не могу сказать, кроме того, что положение очень тяжелое. Ноуменальное лицо. «Врачи могут ошибаться, у организма много силы». Понимание и близость, при этом в молчании, как тогда.[30] Что это? Голос крови? Близость душ? Эмоциональная или ноуменальная? Любовь? Какая?

4 февраля утром. Екатерина Константиновна: «На волосок лучше».

Ночь с 10 на 11 ⟨февраля⟩. Эту неделю много думал. Во-первых, о вере, зароке и приметах. Во-вторых, о радиусах мира. В-третьих, об эмоциональном отношении к Христу — Иисус сладчайший — это плохо, и вообще о мерзости чувства, в-четвертых, думал о думании — о том, что все это хуже того, что я пишу — что пишется через меня. Из всего, что думал, единственно важное — это о вере: не зарок, а жертва. Зарок от недоверия, а от веры — жертва. Верю, Господи, что будет, как я прошу, помоги моему неверию.

15 февраля. То, что я думал 2, 3, 4 февраля.

Радиусы миров. Первый мир — мир новорожденного — я сам. Но действительно ли я сам — первый мир и не есть ли это последний мир? Должно быть, так. Тогда первый мир — мир без **самого́**, мир некоторого непосредственного самочувствия, то есть чувства себя в своей связи с не-собой, и прежде всего с матерью. Причем это не-я почти не ощущается как не-я. Второй мир — мир меня в семье до пяти-семи лет. Здесь уже появляется внешнее, скорее всего в образе отца. Но это тоже не вполне внешнее, так как внешнее я захочу покорить. Третий мир — мир предчувствия внешнего — до окончания учения, до первой любви. Четвертый мир — внешний мир: власть, женщина. Я

боялся этого внешнего мира еще до рождения: из чрева матери я не хотел выходить, меня вытаскивали щипцами. Пятый мир — я сам. Я перескочил из третьего мира в пятый, даже не заглянув в четвертый. И затем, должно быть, еще шестой мир: несуществование **самого́** [не я, но Бог].

Я и Бог или лучше: не я, но Бог. И больше ничего.

19 февраля. О приметах — то, что я думал в комнате[31] № 17, а начал думать еще раньше ⟨до⟩ 2 февраля. Различаются приметы, меры предосторожности и зароки. Существует два порядка жизни: один, в котором связь между причиной и действием до некоторой степени оправданна, то есть понятна и может быть логически оправдана. Другой — в котором эта связь непонятна, то есть логически не обоснована. При этом не менее действительна, чем связь первого порядка. Если бы существовал только второй порядок, то он был бы первым, то есть состоянием обоснованного знания, он потому и не обоснован, что есть другой порядок обоснованный, в сравнении с ним он не обоснован. Состояние примет существует как второй порядок, необоснованный, проникающий в первый. Поэтому если нет первого, то второй и будет первым. Некоторое несоответствие ума, то есть познавательных способностей — жизни, вызывает второй порядок. Это первый вариант о приметах, незаконченный.

Дано состояние соблюдения примет и состояние веры. К состоянию соблюдения примет относится: состояние ощущения небезопасности; состояние представления определенных условий для преодоления опасности, то есть примет, состояние исполнения этих условий, то есть состояние примет, состояние выполнимости или невыполнимости и действительного выполнения или невыполнения этих условий, состояние наступившей безопасности или осуществления угрозы, несмотря на выполнение примет или невыполнение их. Это второй вариант о приметах, незаконченный.

Приметы как род и как вид.

Первый порядок: логических отношений — обоснованных.

Второй порядок: магических отношений. Два признака:

1) в отношении ко мне — благоприятствования;

2) условие существования: существование двух порядков.

Без второго — теологический порядок.

A и B — два события, связанные магическим отношением.

Если наступление A не зависит от воли лица S, то A — примета, причем A предшествует ⟨B⟩ или одновременно с B. Если же зависит, то A — следование приметам. Если a состоит из двух событий a_1 и a_2, связанных логическим отношением, a_1 произвольно и существует магический критерий для определения благоприятствования a_2, то A — испы-

тание судьбы. Если A произвольно и следует за B, то A — исправление судьбы.

Если $A=a_1+a_2$, a_1 и a_2 — оба произвольны, a_1 — воображаемое и a_2 — осуществленное это же событие, причем a_1 предшествует a_2, a_2 следует за B, то A — сделка с судьбой, или зарок.

Если $<$ — предшествует, $>$ — следует, $\approx$ — одновременно, $\vee$ — произвольно, $\circ$ — не зависит от S, то:

1. $\mathring{A} < B$ — приметы.
2. $\check{A} < B$ — следование приметам.
3. $\check{A} > B$ — исправление судьбы.

4а. $(\check{a}_1 < \mathring{a}_2) < B$ — испытание судьбы.

4б. $(\check{a}_1 < \mathring{a}_2) > B$ — проверка судьбы и гадание о благоприятствовании прошедшего события.

5. $\check{a}_1 < B < \check{a}_2$ — сделка с судьбой. Это третий незаконченный вариант о приметах.

29 февраля. Для объяснения состояния A привлекается состояние a_1. Этого оказывается недостаточным, привлекается состояние a_2, затем a_3 и дальше так же, вплоть до a_n. Но тогда оказывается, что привлечены все предметы данного рода и все a_n вместе с A составляют все множество предметов данного рода. Тогда A неопределенно: неотличимо от остальных предметов данного рода. Тогда определим род в отличие от остальных родов. Тогда привлекаются b_1, b_2,... вплоть до b_n — весь род этого рода и он неотличим от других родов этого рода.

17 марта. Я думаю о чем-то, и желаю, и убежден, что это самое главное для меня, и вспоминаю, что и раньше не раз так думал и что это не что-либо скоро преходящее, не страсть и не случайное увлечение, и нахожу доказательства этому на протяжении многих лет. Я знаю, что если бы думал об этом все время — о существовании чего-либо, то что-либо существовало бы, во всяком случае, пока я об этом думаю. Но затем мысль слабеет и я уже не думаю об этом. Это первородный грех, слабость: слабость мысли, внимания, сосредоточенности.

26 марта. Д. И. хотел написать рассказ: человек каждый вечер стоит перед шкафом и что-то думает. Он знает: совершится чудо и он подымется над шкафом. Но он все не подымается. Однажды, стоя перед шкафом, он увидел картину и вспомнил, что он видел ее и вчера и позавчера. И вдруг он вспомнил: картина-то висела за шкафом и, не приподнявшись над шкафом, ее никак нельзя было увидеть. Так и я. **Я все думал: увидеть Бога. Но ведь я уже увидел.**

Не я, но Бог. Я перешел — надолго ли — какую-то границу. Мне все неинтересно, кроме одного. Но это и значит: Бог. Из картин, которые я вчера видел, мне больше всего понравилась «Дверь» В. В. И в этом я опять вижу одно.

В «Квадрате миров» я говорю, что не ищу даже истины. Тем более мне безразлично, в комнате один или несколько человек — это о том, что говорил В. В. Я хочу очиститься от грязи. Тогда во мне Бог. Мне кажется, что истиной тоже прикрывали Бога.

Все это не то. Я хочу написать, что я один и тогда со мной Бог.

Об умерщвлении плоти. Не все ли это равно: умерщвлять плоть или не умерщвлять. Главное, чтобы был со мною Бог.

Где Бог? У каждого различно. У меня: в некоторой формуле, в некотором точном рисунке, в вере: верю, Господи, помоги моему неверию.

Главное: Бог в некотором отношении меня к чему-либо другому, **не-я**. Я один. Я не один, со мною Бог.

Сомнение. Я ограничил себя: не я, но Бог. Но люди? То есть другие? Когда я прошу выздоровления другого и верю, что по моей вере будет, это не другой, но **я**, тем более, что мама, то есть мир первого радиуса. Но ведь есть еще другое — любовь. Я перескочил это, и в этом недостаток. Бог выше всего, но через любовь. Чужая боль меня не трогает. Я не понимаю, почему у меня должно болеть, если болит у другого. Но я готов нести эту боль вместо другого, не потому что мне больно за другого, а потому что, так мне кажется, мне не будет больно, если боль будет у меня. Это уже не то. Я не сочувствую чужой боли, но не чувствую своей. Потом еще: я не чувствую чужую физическую боль, но моральную, ту, о которой я писал в «Формуле мира», то есть «отец не понимает сына». Можно было бы сказать: никто никого не понимает. Эта боль мне ясна, и я чувствую ее как свою.

Я вижу величие происходящего, и это со мною, я перешел из **этого в то**. Я перехожу из **этого в то**.

1 апреля. Обижаться глупо. То, что ты сказала мне, — дело твоей совести, то есть твоего отношения к Богу. Это не мое дело.

12 апреля. У меня было некоторое напряжение; оно прошло. А между тем оно мне нужно на завтра. Это как формула.

21 мая. Строго говоря, я должен был бы сказать: я не неверующий. Но по интуиционистской логике из этого еще не следует: я верующий.

Душа устала тащить за собой тело.

Великая игнавия и уже давно: месяц или два.

22 мая. Если человек имеет какие-либо ощущения, требующие не вполне нормальных действий, то есть три возможности:

1. Быть дураком, причем не только здесь, но и там. Это при некоторой бездарности к жизни.
2. Быть чудаком. Это при некоторой талантливости к жизни.

3. Не обладая талантом к жизни, делать вид, что ты нормальный. Это я и делаю.

6 июня. Три конечные причины болезни: самозащита, распущенность, глупость. Позавчера я почувствовал себя плохо. Вчера я понял: это от распущенности и сказал, что завтра пройдет и температура нормальная. А была около 39.

В некоторых случаях предложение *A* кажется настолько же правдоподобным, как и противоположное ему $\overline{A}$. Если же $\overline{A}$ менее общее, чем *A*, или есть следствие другого, причем неизвестного, предложения, то *A* правдоподобнее.

10 июня. 1 февраля закончил «Квадрат миров» и Первое добавление. Должно быть, через месяц Второе добавление. С тех пор Великая игнавия.

Не раз приступал к «Числам». Во-первых, надо было прочесть и понять все варианты. Во-вторых, переписать, разделив на части, исправив и дополнив, и в-третьих, понять к чему это, то есть целое, и тогда закончить. Почти за 4 месяца сделал только первое, и то не полностью. Почему не сделал остального и почему не понял целого? Потому ли игнавия, что не понял целого, или не понял целого, потому что игнавия? Я спрашиваю: что будет, если все места в квадрате заполнены? Я рассматриваю различные случаи заполнения. Ну а дальше что? В «Квадрате миров» я строил миры, избавляясь от своей нечистоты. Оставляя одно место пустым, я получал мир. Я сам был в том мире, часть меня отделялась от меня, я весь отделялся от себя, тогда был чист, почти чист. Заполняя пустое место, я не получал мира, не отделял себя от себя и оставался грязен: нечист. Может быть, в этом смысл «Чисел». Я отделил себя от себя в «Квадрате миров», но это отделение было деятельностью моей мысли, это отделение не было полным: поэтому, во-первых, — «Числа» — возвращение к себе и, во-вторых, — «Царство» — полное и окончательное отделение себя. Заключение «Квадрата миров» — облако над несуществующим, заключение «Чисел» — моя нечистота.

Матфей. Гл. 1, 21. Почему: «Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их» и какая связь между именами Иисус и Эммануил (⟨Мф. 1⟩ 23)? *Спастись от греха.*

6 июня. Из трех конечных причин болезни глупость сама по себе скорее признак здоровья, но, сопровождая распущенность и в меньшей степени самозащиту, станет причиной болезни. Таким образом, глупость не конечная причина болезни, а сопутствующая, но без которой в некоторых случаях, особенно при распущенности, болезнь не может наступить.

18 июня. Опять я шел и думал о зароке и жертве и понял: если будет хорошо и если не будет хорошо, буду думать о том, чтобы не думать и не говорить мерзостей, буду стараться не думать мерзости, помоги, Господи.

20 июня. Хам был проклят за то, что подсмотрел наготу своего отца. Это не физическая нагота, а непонимание и осуждение: «отец не понимает сына», и за это сын осудил отца, тогда проклят: за непонимание и осуждение непонимания.

8 июля. М. сказал мне, что я нервен. Это оттого, что я до их пор не выполнил зарока. Хочу попробовать завтра, не знаю хватит ли сил. Я знаю, что мне никто ничего не сделает, если я не выполню, но просто стыдно врать Богу. Людям уже не стыдно.

Честности у нас и у них[32] одинаково, то есть одинаково мало перед людьми, у нас, может, даже меньше, ведь мы вынуждены лгать. Перед Богом же у нас меньше лжи. Потому что они не умеют думать. Это во-первых. Во-вторых же, уважение к образу и подобию Божию. А у них обезьяна. Это вместо образа и подобия Божия, они от обезьяны; они же это и сами говорят.

Я унизился до таких рассуждений. До чего еще дойдет.

9 июля. Запретный плод сладок. Если же запрет исходит из меня, то даже сладкий плод горек. Он все равно привлекает, и его отсутствие неприятно, но, вкусив его, не получаю удовольствия.

Сейчас я пью чаще всего не закусывая — это по нужде. Но даже когда есть закуска, и хорошая, выпивая, я ем мало и не ощущаю прежнего удовольствия. Я говорил: самое вкусное не водка и не закуска, а некоторое мгновение между водкой и закуской. Сейчас и это ослабело, то есть ощущение этого мгновения. Вообще ослабела сила ощущения. Вот уже неделя или около того, а может, и больше, как пришла Великая Игнавия — пишу «Числа», не очень увлекаюсь, хотя бывает интересно, но какая-то мерзость сидит во мне и давит беспрестанно.

17 июля. Жизнь. Мечта. Это. Мечтание, думание, действие.

Жизнь. В первых трех Евангелиях, во-первых, душа. В четвертом, во-первых, любовь, во-вторых, душа. Есть что-либо, пусть *A*, и есть Бог. Где искать *A* и где искать Бога, в душе ли или вне души? И если в душе, то что значит «другие души» и что значит любовь?

Мечта. Хорошо или нет мечтать и нет ли мечтаний и в философии? Мечты:

1. Торжество справедливости, возмездие, гибель моих врагов. Нет ли здесь непроизвольной хитрости: потому ли они мои враги, что они

враги Божии, или я их считаю врагами Божиими, потому что они мои враги?

2. Скидывание верхних этажей, сокращение пространства, моя олигархия.[33]

3. Спокойная жизнь с музицированием.

4. Путешествия инкогнито.

5. Суета: журнальная. Все эти мечты суета, не только последняя.

Это. Отношение женской любви к абсолютному: помогает, мешает, безразлично. Это и плодородие. Иногда после этого бывает прилив мыслей и ощущений, как сегодня.

Мечтания, думание, действие. В действии не суета — только Евангельская любовь; в мечтаниях не суета — мысли, например во второй мечте ограничение пространства; нет ли и в думании мечтаний и суеты? В системах категорий и в выводе понятий есть мечтание и суета. Пока понятие соприкасается с душой и ощущением, оно не суета и не мечтание, но чем дальше отходит от души, тем больше суеты и мечтаний.

«Числа». Первая часть: система. Вторая часть: опровержение. В опровержении: построение другой системы, затем системы систем. При этом обнаруживается неопределенность, когда к третьему понятию добавляется четвертое, или когда ко второму квадрату третий, или вообще: есть что-либо; есть первое название чего-либо; есть второе название чего-либо; но третье название, то есть название названия названия, — суета и мечтание.

26 июля. Бывает так, что все что ни скажешь, сразу же подумаешь: зачем это сказал или сделал. Причем это относится обычно к незначительным вещам, но некоторое время как бы грызет червь раскаяния, даже если и понимаешь, что это неважно. Это относится обычно к взаимоотношениям, кажется, что все делаешь не так, ощущаешь какую-то неловкость. Может, врач скажет, что это болезнь, и найдет ей название. Я знаю: это от неустройства жизни.

Одно к одному: болезнь мамы, служебные неприятности, игнавия и просто мерзость.

28 июля. Я верю, что есть Жизнь вечная и что я к ней причастен или могу быть причастным. Я знаю, что должен заслужить право быть причастным к Ней. И эта вера есть для меня критерий моего отношения к людям, книгам, музыке, картинам.

5 августа. Сейчас нет игнавии и нет той мерзости, о которой писал 26-го ⟨июля⟩, но все же мерзко. Если сказать, что это от плохой веры, то есть слабой, то будет слишком общим. Это последняя трансцендентальная мерзость, мерзость ничто (1/X)[34]. Но конечно это от слабости веры.

6 августа. Нашел, пересматривая «Числа», оттенки или ощущения реальности:

A. Бесстрастное — погрешность.

B. Положительное — точность погрешности, прекрасное.

C. Отрицательное — несуществующее.

Эти оттенки - чистые.

D. Тяжесть — нечистое, в том смысле, что примешалось нечистое: настроение.

Сама же реальность — небольшая погрешность в некотором равновесии.

9 августа. Похоть не причина, а следствие определенных мыслей и направления ума. Похоть — определенное состояние или настроение тела, предрасположение, но без определенного настроения ума ее нет. В Адаме все пали: появилось греховное настроение ума и как следствие — плотское предрасположение.

16 августа. 14-го было вдохновение. Если его нет, надо каждый день работать и тогда придет. Почему не работаешь? Во-первых, не знаешь, во-вторых, кажется неинтересным, в-третьих, — физическая вялость, в-четвертых, игнавия. Третье — проходит, когда заставишь себя заниматься; первое и второе — надо побороть. Два вида вдохновения: подготовленное и неподготовленное, то есть самопроизвольное.

У Гамсуна много наворочено вокруг женщины и любви, но все же благополучных концов нет. Значит, если и находит он что-то у женщины, то только как отрицательное. Нагель не женится на Дагни, а топится.[35]

25 августа. Сон. Есть ли бессмертие? Есть. Есть ли личное бессмертие? Вопрос непонятен. Ведь личность не в обладании чем-либо, а в освобождении от обладания, и только тот достоин бессмертия, кто вполне откажется от всего своего. Будет ли это личным бессмертием? Да, так как я **сам** отказываюсь от своего. Нет, так как откажусь от всего **своего**.

После вдохновения (14 августа) переписал и исправил: систему фигур, так как нашел для нее правильную форму, и тройную группу G_4^3. Помимо того мысли к опровержению системы фигур и вообще мысли, также лучше читаю. И еще, не в первый раз: перед концом отпуска почувствовал отпуск и не чувствую, что на днях он кончается.

Стриндберг: «Мы и другие люди прожили нашу жизнь бессознательно, как дети, со всеми идеалами, фантазиями и иллюзиями, и вдруг мы проснулись. Это еще куда бы ни шло, но проснулись мы и оказалось, что на том месте, где должна быть голова, очутились ноги да и тот, кто

разбудил нас, сам был лунатик. Когда женщины старятся и перестают быть женщинами, у них начинает расти борода. Интересно, что вырастает у мужчин, когда они старятся и перестают быть мужчинами? Кричавшие петухами оказываются уже не петухи, а каплуны, и призывным крикам их вторят полярки! И когда должно, наконец, взойти солнце, мы сидим, залитые ярким светом, среди развалин, как в доброе старое время. И не было никакого пробуждения, была только утренняя дремота с тяжелыми снами!»

4 сентября. Неверно, что если жизнь бессмысленна, то нет теории бессмыслицы и бесцельности жизни. Утверждение говорит: жизнь бессмысленна и бесцельна, потому что то-то и то-то. Но это уже теория. Затем, отрицание всякого определенного смысла и цели не есть вообще отрицание смысла и цели, как это показано в «Критерии». Затем, отрицание некоторой определенности, и даже всякой, само не должно быть слишком неопределенным. И неопределенность здесь может быть, во-первых, в отрицании возможности обсуждения и мысли, и это уже не неопределенность, но некоторая определенность, значит, наоборот, отрицает неопределенность, эта неопределенность только непоследовательность, то есть неспособность и нежелание думать. Во-вторых же, это неумение думать и рассуждать, само рассуждение становится неопределенным, так что есть предмет мысли, не только неопределенное ощущение, но нет соответствующего ему выражения, как это у меня и было до вестников. Значит, во-первых, отсутствие предмета мысли и, во-вторых, неумение изложить его. Значит, есть предмет мысли — некоторая неопределенность, отличный от ощущения некоторой неопределенности. В чем отличие? Во-первых, есть некоторая реальность, но это не предмет мысли, это ощущение, во-вторых, эта же реальность как предмет мысли. Она станет предметом мысли, когда душа или **я**, отбрасывающий от себя все мое, как **не-я**, обратит на него внимание. Тогда реальность из субъективной станет абсолютной — предметом мысли. При этом без некоторого моего воздействия она субъективна, мое же воздействие на нее сделает ее абсолютной. Но **я**, действующий на нее, тот **я**, который отбросит все мое, как **не-я**, То, что здесь сказано, надо понимать широко: как границу во всяком исследовании, писании, искусстве: субъективное или абсолютное, и субъективное — само субъективно, абсолютное же если само, то или невидимо и невысказываемо, или субъективное, выдаваемое за абсолютное. Это не значит, что я отрицаю его самостоятельность и независимость от меня, но я так устроен и создан, что должен устранить себя, а не просто быть, чтобы иметь его: «Ибо Царствие Небесное силой берется». Различные степени абсолютного требуют различной степени устранения моего, и последняя — полного.

8 сентября. В том, что мне мало удалось, то есть мало вещей, которыми я был бы вполне удовлетворен, я виню внешние условия. Но где-то в глубине я знаю: виноват я сам.

20 сентября. Лёня говорил мне: кто-то из индусов сказал, что чувственное желание, как бивни слона. Я все говорю Т., что скажу ей что-то через 20 лет, но через 20 лет это рассеется как дым и мне нечего будет сказать.

15 октября. За это время произошло значительное, но то, что я говорю, мелко и пошло. Во-первых, слезный дар — второй за мою жизнь. Во-вторых, Бог помогает мне выполнить то, что я обещал, а я все не выполняю. Два толкования: я решил что-то сделать и не сделал. От этого и боль физическая. Это самозащита: боль легче отказа от курения. Второе. Бог облегчил мне: мне уже не доставляет удовольствия курение, мне больно. Эти два толкования совместны: одно для врача, другое для меня самого и для того, кто бы разъяснил мне самого себя.

22 октября. Я чувствовал себя плохо, был болен. Причина болезни — невыполнение обещания — самозащита. Одновременно — помощь мне, которой я по глупости и слабости пренебрег. Я сказал себе: через неделю буду здоров, и сейчас почти здоров. Но я не отказался от выполнения обещания, я отложил его. Когда был болен и думал: может, умру, эта мысль меня не испугала. Было одно мгновение, когда я подумал: это не страшно, это интересно или, может, и страшно, и даже наверное страшно, но интересно, самое интересное, что может быть.

Я в пути, на промежуточной станции, на грязном завшивелом полустанке, где прислуга издевается над проезжающими, вместо того чтобы обслуживать их. Но никакая прислуга не помешает мне отправиться в последний путь. На последнем пути встретится ли мне приличная станция, где я смогу отдохнуть и подумать о цели моей поездки, прежде чем я закончу свой путь? И если я найду эту станцию, то не увлекусь ли прелестями спокойной жизни и не забуду ли о цели поездки, так что и совсем внезапно достигну последней станции? Я увлекусь прелестями спокойной жизни, но не может быть это увлечение долгим, когда все время стоит передо мною **то** как игнавия, как нулевое состояние, как непонимание, как мерзость запустения, как точка, затерянная в бесконечном пространстве. И не прелести жизни, но мерзость завшивелого клоповника, труд и болезни отвлекают меня от **того**. Если же их не будет, останется одно **то**.

24 октября. Сегодня, как всегда теперь после водки, противно. Это похмелье, но не физическое, а духовное: противно, что говорил, то есть стыдно.

Человек думает так, как он хочет думать, и приходит к выводу не по логическому заключению, а по желанию. А если он ничего не желает?

30 октября. Сны.

Он умер, и ему готовят гроб, один уже готов, а второго все нет. Я иду к хозяйке и говорю: что же это такое, все нет второго гроба. Она смеется: но сегодня же праздник. Какой праздник, говорю я, вчера он только умер. Но вспоминаю, что, действительно, на сегодня назначен пирог. Впрочем, говорит она, вот второй гроб, мальчик отнесет его вам.

Я возвращаюсь домой. Наконец-то ты пришел, говорит мама. Лида растирает в тарелке булку с кремом. Мама пугается: зачем ты это делаешь? Я сообщаю, что уже все готово, гробы есть, можно хоронить. Когда я вошел в комнату, мне стало как-то легче: обычная наша комната, мама, Лида. Но оттого, что стало легче, стало тяжелее и так плохо, что я проснулся.

Из середины ⟨другого⟩ сна: мальчик бежит по лестнице. Это же кощунство, думаю я, вчера только он умер. Я хватаю мальчика за ногу, он падает, разбивает себе лоб. После этого он полгода пролежал в больнице; все же думаю: не кощунствуй.

Я написал в прошедшем времени — «пролежал». Это надо было написать в будущем времени — «пролежит». Я знал, когда он упал, что он пролежит в больнице именно полгода.

Когда я замкнусь на год, я закончу «Соблазны» и займусь «Принадлежностями». Если удастся привести их в порядок, я закончу их так: «И вот я дошел до настоящего мгновения. Вот жизнь — полвека и она уже как не моя. Была ли она? Мне кажется, она есть только сейчас как несуществующая и бывшая, и она кончилась, хотя и не была. Научила ли чему-либо? Я стою «Перед принадлежностями чего-либо», как стоял перед ними четверть века назад. И каждое мгновение было, как это: жизнь всегда была как несуществующая и бывшая. Еще к этому мгновению принадлежит неудовлетворенность и томление: я ощущал себя кусочком грязи, прилипшим к мгновению».

⟨...⟩

25 ноября. Греховное намерение и осуществление намерения.

Намерение:

1. Представление с оценкой в отношении к удовольствию: приятно — неприятно.

2. Представление с двойной оценкой:

а) приятно — неприятно;

б) моральной.

3. Представление с двойной оценкой и с намерением осуществить:

а) с общим намерением осуществить: хорошо бы, чтобы это случилось;

б) с более определенным намерением: постараюсь осуществить при первой возможности;

в) с вполне определенным намерением: обдумывание и подготовка осуществления.

Осуществление:

А. Не удалось осуществить:

1. Препятствовали внешние обстоятельства: несмотря на подготовку, внешние события не сложились так, как предполагал.

2. В последнюю минуту страх последствий: материальные осложнения, боязнь возмездия.

3. Боязнь потустороннего возмездия.

4. Неопределенная боязнь изменения судьбы, направления жизни.

5. Боязнь потерять душу.

Б. Удалось осуществить:

1. Осуществлено по заранее обдуманному плану (3в).

2. Осуществлено без заранее обдуманного плана (3б).

3. Осуществлено случайно (3а).

1а, 2а, 3а — осуществление с последующим раскаянием, классификация раскаяния:

α. По признакам А. 1—5.

β. С намерением или без намерения прекратить дальнейшее осуществление и намерение.

Грех:

1. К ближнему: не возлюбил, как самого себя.

2. К себе: не сохранил своей души, не сохранил некоторой чистоты, пожелал несущественное, нарушил некоторое присущее мне или должное для меня направление жизни.

3. К Богу:

а) возлюбил мало — Евангелие от Иоанна;

б) возлюбил или пожелал что-либо или кого-либо кроме Бога, просто возлюбил или пожелал что-либо.

26 ноября. Свобода воли и судьба или детерминизм также два абсолютных отраженных, и в некоторых случаях надо говорить о свободе воли, в некоторых об абсолютном детерминизме. Но это уже не абсолютный детерминизм, если возможна, хотя бы иногда, свобода воли. Но здесь нет никакого совмещения и свобода воли не иногда возможна, но возможно состояние признания свободы воли, тогда отвергается детерминизм и возможно состояние признания детерминизма, тогда отвергается свобода воли (это в «Формуле несуществования»). Может, так: абсолютно отвергается детерминизм сейчас, в это мгновение, сейчас я

свободен, тогда уже не здесь, но **там**. Но то, что там, здесь кажется абсолютно потусторонним детерминизмом, здесь и у нас я не представляю себе **то** иначе, как абсолютно определенное, поэтому потусторонний детерминизм. И здесь и там соприкасаются свобода и детерминизм, но здесь перевешивает свобода, так как сейчас я свободен, а там — детерминизм. При этом и **здесь** и **там** не абсолютны, но как я сейчас это воспринимаю, то есть не сами по себе, но в настоящем, в это мгновение. [Это рассуждение — первородный грех философии.]

1 декабря. Я открыл Евангелие наугад. Открылось: Мф. 24, 20. «Не случилось бегство ваше зимою, или в субботу». 21. «Ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет». Это надо пройти и надо заранее быть готовым, но как? Но, кажется, я знаю, как надо подготовиться, и все же этого не делаю.

Обычная пустота, уже недели две. Сегодня решил закончить эту тетрадь, но чем заполнить 4 страницы? Открыл Евангелие, и там предостережение. Великая скорбь уже была: 1934, 1941. Но это еще не конец. Также претерпел и не спасся. Значит, еще не та великая скорбь. И всегда: одна кончается и приходит другая. Но последняя, может, это смерть? Или всегда, когда наступает скорбь, то как последняя? Или каждое мгновение сейчас, когда обращусь в себя, — великая и последняя скорбь? И я не готов и ничего не делаю, чтобы быть готовым, все время откладываю. Или последняя великая скорбь, когда увижу, что дальше уж откладывать нельзя и готовиться уже поздно, потому что наступила? Скорее всего, великая скорбь сейчас, когда обращаюсь в себя, и бегство от всего своего, что мое, но не-я. Великая скорбь оттого, что не нахожу себя, то есть не могу отказаться от своего. Так как сам не могу, то меня вынуждают. Бегство и великая скорбь — это смерть, когда не готов, не претерпел до конца и не спасся. Великая скорбь от страха умереть навеки. Элемент же времени: будет великая скорбь, какой не было от начала мира и не будет, — я понимаю так: смерть не наступит, но есть сейчас, она тем и страшна, что, как душа, есть только с е й ч а с. Я еще не увидел ее полностью, пока не претерпел до конца, и мысленно разлагаю на элементы. Основной элемент: не было от начала мира и будет только однажды. Но и этот элемент не простой, сложный: ведь каждое мгновение еще не было и не повторится, подобно смерти. Таким образом, есть всегда, как сейчас, и никогда не повторяющийся. Другие элементы: ожидание, скорбь, бегство, предчувствие конца и одновременно: это еще не конец. Мне кажется: ничего не происходит, но я соединяю элементы последней великой скорби и не могу даже сказать, что сейчас я узнал их больше, чем раньше. Здесь две степени понимания: я сравниваю различные элементы, наблюдавшиеся в различные, как я говорю, времена, и нахожу, что что было, то и есть. Вторая степень: я вижу, что никаких времен не было, но только сейчас, и всего, что я называю прошлым, не было, но как элемент — с е й ч а с. И еще я вижу, что не претерпел до конца и не готов к бегству; и молюсь, чтобы не наступило с е й ч а с. И в то же время хочу, чтобы наступило с е й ч а с, потому что уже почти подошла великая скорбь. И вот, все это видя и ощущая, я говорю: было или будет и будет в последний раз. Свою смерть, которая есть с е й ч а с, я проецирую на несуществующую ось — время, переход от **этого** в **то**, который существует в **том**, я рассматриваю в несуществующем **этом**, и так как в несуществующем, то вынужден придумывать несуществующее прошлое и несуществующее будущее. При этом легче понять, что это всегда было, чем что будет всегда. Я ограничиваю время — временем своей жизни и время моей жизни, то есть прошлое, считаю только способом понимания настоящего: не было, но есть сейчас как бывшее. Но будущее так рассматривать я не могу. Поэтому и получается недоумение: сейчас я рассматриваю переход из **этого** в **то** — в **этом**. Но этот переход в **том**, причем мой переход, значит, я — **там**. Как установить или найти переход меня, рассматривающего этот переход, из **этого** в **то**? Но этого перехода и нельзя найти, потому что рассмотрение его и предполагается как рассмотрение в **этом** — **там** бытие и рассмотрение — одно. Но я — не **там** ли уже? Тогда я здесь рассматриваю этот переход, а **там** — уже есть. И так как возможность этого рассмотрения необходима при **том**, то не обречен ли я навеки остаться здесь в **этом** рассмотрении и одновременно быть **там**? Причем я сознаю себя здесь, а **там**, если и сознаю, то другой **я**, до которого мне нет сейчас дела? Должно быть, это только два отраженных абсолютных и одна из апорий: я буду **там,** хотя и сейчас **там**, но сейчас разделенный, а потом — неразделенный. Но как я буду **там**, если нет времени? Я всегда здесь и всегда **там**, здесь — в возможности и рассматривающий, **там** — существующий, и одно **я** никогда не узнает другое. Но ведь я умру и здесь не вечен?

Возможно, что эта апория только признак некоторого разделения меня, необходимости иного существования, когда что-либо и я сам есть так, что есть и не есть, и я представляю это как необходимость совершенствования, долга, цели.

Апория возникает оттого, что некоторое существование, которое не укладывается в обычные категории, я пытаюсь уложить в них. Тогда я и говорю: я буду... или я есть всегда... И то и другое — два отраженных абсолютных, с помощью которых я пытаюсь высказать некоторый смысл, цель или намерение, которые не могут быть высказаны.

ДЕКАБРЬ 1950 — ДЕКАБРЬ 1952
ФУ 5

1950

1 декабря. Установлю правило: писать каждый день, в крайнем случае кроме тех, когда:

1. Пишу, и именно в этот вечер, «Числа» или что-нибудь другое.
2. Прихожу домой поздно, то есть после 12.
3. Болен настолько, что писать не могу.
4. Могу писанием помешать кому-либо.

2 декабря. Откуда и к чему интерес к моей жизни, то есть к моему прошлому? Раньше я никогда не ставил чисел на своих вещах или записях, мне казалось это безразличным — всякая хронология. А теперь мне интересно восстанавливать, когда что записано, интереснее же всего вспоминать, при каких обстоятельствах и как я это думал и записывал. Что здесь интересует меня? Прежде всего определенное состояние и ощущение — тело мысли. Или, может, это как раз ее душа? Затем, история и изменения интуиции. И наконец: то, что было тогда, — то же, что и сейчас или нет, или что в нем то же, что не то же?

С Л. и В. сближение с января 1922. С 1923 по 1928 — иерография, олигархия[1], эфир, предшественники термина «небольшая погрешность», кино[2]. До этого: «Первоначальное и закон», до этого — фихтеанство и о любви. «Основы трансцендентального учения», должно быть, между 1923 и 1928.

«Перед принадлежностями»:

I. 1. 1933—1940. 2. 1929—1933. 3. До 1929.

II. 1. 1940—1941. 2. 1941—1942. (Записные книжки до 22/VII.)

III. Эвакуация и возвращение 1942, август —1944.

IV. «ФУ». 1944 —[3]

«Это и то» (1929) — «Критерий», «Непосредственное и его основание» (1930—1931) — «Разговоры вестников» (1932—1933) — «О понимании»[4] (1936) — «Рассуждать — не рассуждать» (1940) — «Логический трактат» (1941) — «Симфония» и «Контрапункт» (1941—1943) — «Трактат Формула Мира» (1943—1944) — «Критерий» (1944 —)[5].

3 декабря. «Перед принадлежностями». После ⟨тетради⟩ 1933—1940: меня интересует, почему ничего не получилось? Откуда распад? По-видимому, допущена была чрезмерная погрешность. Когда? Я вспомню,

что было до этого, то есть до 1933 г. Добавление I: с «Щели и грани». Добавление II: до 1929 г.

8 декабря. Начало «Мира перед Богом»; два варианта, сочиненные сегодня ночью во время бессонницы:

1. Бог — все или отдельное?
2. Вода, огонь или лицо?
3. И если — все, вода или огонь,
   то не кончить ли жизнь сразу,
   соединившись с водой и огнем?
4. Если же лицо,
   то вот мир перед Богом, чистый,
   как он есть до грехопадения.
5. А Бог смотрит и смеется.
6. (Мир перед Богом, чистый, как
   он есть до грехопадения) сотворенный в начале из ничего.

1. Бог — все или отдельное?
2. Вода, огонь или лицо?
3. Если — все, вода или огонь,
   то не кончить ли жизнь сразу,
   соединившись с водой и огнем?
4. Но Бог смотрит и смеется.
5. Тогда мир перед Богом, чистый,
   как он есть до грехопадения.
6. Сотворенный в начале из ничего.

В первом варианте две возможности: все, вода или огонь, и лицо. Если выбирается первая, то сразу же и конец и ничего нет. Если вторая — то мир перед Богом, а Бог смотрит и смеется. Мне предоставляется право выбирать одну из возможностей. Во втором варианте Бог вмешивается и отбрасывает первую возможность: но Бог смотрит и смеется, и тогда мир перед Богом.

Третий вариант:

1. Если Бог — все,
2. вода или огонь,
3. то не окончить ли жизнь сразу,
   соединившись с водой и огнем.
4. Но Бог смотрит и смеется.
5. Тогда Бог — Лицо,
   а мир перед Богом, чистый,
   как он есть до грехопадения,
6. сотворенный в начале из ничего.

9 декабря. Я снова болен — сильно простужен уже четвертый день. Прошлую ночь я не спал до 6, и вдруг мне страшно захотелось бульона с сухариками. Я думал: как он вкусен. Но затем я понял: я хочу не бульона, но быть больным. Не то чтобы я прямо хотел быть больным, но нет особого желания быть здоровым.

Различие желаний: отвлеченное желание и особое желание. Например, я хочу бросить курить — это отвлеченное желание, но нет особого. Принять отвлеченное желание очень легко, выполнить трудно. Принять особое желание очень трудно, приняв же, выполнить легко.

10 декабря. Относительно жизни я думаю, что все же есть еще желание жить, хотя и нет особого желания жить.

Пробую переделывать «О единице». Не знаю, получится ли. Формула существования[6]: **это** есть **то**, которое есть **это** и **то**. Затем словами:

1. Существующее, которое есть существующее и несуществующее.

2. Действительное, которое есть тожество действительного и возможного.

3. Существующее, которое есть тожество существующего и способа существования.

4. Что-либо, которое есть тожество чего-либо и его обратной стороны.

Надо найти отличие каждого обозначения, иначе к чему несколько? Несуществующее, возможное, способ существования, отрицательное существование.

⟨...⟩

16 декабря. Я сомневаюсь, чтобы у меня была свобода воли, когда я должен решить или предпринять что-либо, ставя себе какую-либо цель. Во-первых, сомнительно, чтобы цель не нарушила моей свободы выбора. Во-вторых, желание ограничить свободу. В-третьих, незнание последствий тоже может ограничить. В-четвертых, мне может опротиветь моя свобода, так что я сам откажусь от нее. Но я верю, что обладаю свободой немотивированных, бесцельных и бесполезных поступков, которые нельзя даже назвать поступками, так как они почти не связаны с чем-либо внешним. Я верю в свою свободу, но только тогда, когда она почти не приводит к каким-либо заметным последствиям. Но свобода принять интуицию? Не обусловлена ли благодатью? Соблюдение закона ⟨по отношению⟩ к себе или к Богу? Не обусловлено ли оно сознанием закона? Но если акт перехода к трансцендентальному характеру свободен, то после перехода не обусловлен ли я законами трансцендентальной свободы?

20 декабря. Есть официальные и неофициальные вкусы и мысли. Неофициальные вкусы, может быть, во всяком случае иногда, объясняются дурным вкусом, глупостью, привычкой или воспоминанием. Первое — если есть ум, то понятно, что вкус дурной; второе — глупость: если у меня взгляды, принципы, убеждения, по которым мне что-либо должно не нравиться и все же нравится, то это вкус неофициальный, только по глупости, например как это было в юности, когда мне нравился Блок и символисты. Третье — привычка и воспоминание, вообще сентиментальность, когда нравится потому, что связано с личным воспоминанием, то есть с жалостью, любовью и другими чувствами, главным образом к себе. Но может быть, есть неофициальные вкусы более высокого порядка. Неофициальные мысли бывают главным образом у последовательных людей, и чаще, может быть, у очень глупых или умных. Но я уже зашел слишком далеко в классификациях и поэтому мысль о неофициальной мысли делаю официальной. Поэтому вернусь назад. Неофициальная мысль — это соблазн при виде некоторой погрешности в равновесии, то есть в системе. Главное же, что я хотел записать: у человека есть стремление неофициальную мысль втиснуть в рамки своих официальных убеждений, поэтому неофициальная мысль, если о ней долго думать, извращается, пока не станет официальной. Но может быть и так, что неофициальная мысль воздействует на официальные мысли и изменяет их так, что они уподобляются неофициальным, и неофициальная мысль перестанет быть неофициальной, так как войдет в официальную систему. Она потому и неофициальная, что не входит в систему и не допускает ее, войдя же в систему, станет другой, хотя бы и не изменилась. Так у меня было с небольшой погрешностью. Она подчинила себе другие мысли в «Разговорах вестников» и стала официальной. Признание же погрешности достоинством было после этого только констатированием факта официальности мысли о погрешности.

Еще надо различать относительно и абсолютно неофициальные мысли, причем существование вторых может быть сомнительным. Например, очень глупый человек больше убежден в своей очень глупой системе, чем не очень глупый в своей. Поэтому не очень глупая мысль будет для него неофициальной, хотя сама по себе или для не очень глупого она будет официальной и даже может быть и неумной официальной мыслью. Но существуют ли абсолютно неофициальные мысли, то есть абсолютные соблазны? Такими, если есть, должны быть мысли, которые будут погрешностью не к одной какой-либо, а ко всякой системе. Мысль, из которой нельзя сделать вывода, то есть неплодотворная, — пустая мысль. Но может быть, некоторые, очень немногие из этих мыслей абсолютно неофициальные? Тогда они не пусты. Я имею в виду «Аврору» Бёме и свой «Контрапункт, или Соблазны». Но может быть, и в этих примерах мысли — пустые или стали официальными.

Может быть, неофициальные мысли о бессмертии и Боге, причем настоящие мысли о бессмертии и Боге, так, как мне сейчас кажется, независимо от системы. Но это и есть неофициальная мысль:

так, как мне сейчас кажется, независимо от всякой системы и всякого убеждения, как будто я впервые увидел, сейчас в это мгновение, а до того ничего не видел.

21 декабря. Может быть, неофициальны все Евангелия, кажется, это то, что понял Розанов. Деспотизм любви, говорит Розанов: все возможно и ничто не рекомендуется. Это будет погрешностью ко всякой системе, так как погрешность к жизни: ко всему, что имеет отношение к жизни.

Сегодня ночью думал о погрешности, как несколько раз она становилась у меня официальной мыслью, то есть облекалась в какие-то

внешние одеяния, скрывавшие саму погрешность, и как я обнажал ее, как бы прикасался к действительности. Мысль о погрешности явилась, когда мне было 11—12 лет, а может, и еще раньше, когда я понял некоторую погрешность в жизни — жизнь и смерть — мне было около 9 лет. Погрешность явилась мне как страшное и радостное, как совершенство и как соблазн и затем как страх смерти. В 12 лет погрешность явилась мне как научная муть. Должно быть, являлась и потом. В 19—20 лет — как первоначальное, закон и ужас. В 27 лет — как «Щель и грань». И снова это было страшно. Но каждый раз я старался привести эту мысль в некоторый порядок, сделать ее официальной и с помощью некоторой лжи это удавалось. В ночь, когда мне исполнилось 30 лет, пришел Георг, и снова мне было указано на погрешность. Я стал писать иначе, написал «Разговоры вестников» и постепенно снова окружил погрешность ложью, сделал ее официальной. Я стал считать погрешность достоинством, а ее отсутствие недостатком. Я перестал видеть ужасное в погрешности. Она необходима, без нее нет жизни, и в искусстве вряд ли возможно что-либо великое без погрешности, но погрешность должна быть все же погрешностью и недостатком. В Чаше в 1942—1943 гг. я снова увидел обнаженную погрешность в облаке, всего на мгновение закрывшем все несуществующее, — «Формула несуществования», и затем в Свердловске в 1943 г. — в возможности вечного раздвоения — здесь и там. В Чаше и в Свердловске я ощущал ее чаще и иногда постоянно, и может быть, поэтому и писал больше.

Когда я облек погрешность в ложь после 1933 г., впал в игнавию, весь как бы распадался, Георг пришел ко мне в последний раз и говорил со мной насмешливо, советуя поменьше пить и заменить водку лимонадом или сельтерской. Мне казалось, что это сон желудочный или мелкие бесы посылают его мне. Но это неверно. В распадении я был мерзок и Георг не находил интереса в разговоре со мной.

24 декабря. Рассуждение. Если A, то B, если $\overline{A}$, то D. Но A верно, следовательно, B, следовательно, D ложно. Или: но D ложно, следовательно, и $\overline{A}$ ложно, следовательно, B. Но иногда, может, правильнее так и остаться при «если». Например, если место — способ, то первое **не-то**, если место — в несуществующем, то последнее **не-то**. И на этом остановиться.

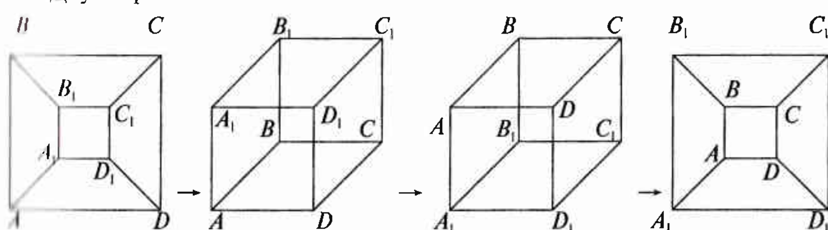
30 декабря. Некоторые свои вещи или состояния, вызвавшие их, я представляю себе зрительно. Например, «Щель и грань», «Формула несуществования», «Происхождение животных»[7], «Вестники и их разговоры». Я думаю, их можно нарисовать так же, как и «Формулу чего-либо», «Рассуждать — не рассуждать», начало «Контрапункта», «Признаки вечности».

1951

3 января. Конец «Путей неба»[8]: я различаю мое и не мое, наше и не наше. Я здесь и **там** и **там** осужден быть здесь. Это исследование названо «Пути неба». Что небо? Судьба: власть не моего, сила не нашего, осуждение быть здесь. Если же это название покажется тебе многозначительным, то считай **небо** сокращением: непосредственное без его основания; или: непосредственное и его основание[9]. Погрешность будет небольшая.

6 января. Я отграничился от мира, внутри мира, как в стеклянном корабле, построил мир, внутренний мир. И чудесным образом внутренний мир вышел из себя и совпал с внешним. Это, мысли, уединение замкнули меня. Внутренний мир в внешнем подобен кубу в кубе. Но тогда и внутренний мир ограничивает внешний, и это подобно четырехмерному кубу, ограниченному трехмерной гранью. Внешний куб объемлет внутренний, но в четырехмерном пространстве будет его трехмерным основанием. Но и внутренний куб будет трехмерным основанием четырехмерного куба. Выйдя из трехмерного пространства в четырехмерное, я вывернул содержание внешнего трехмерного куба — внутренний трехмерный. В четырехмерном пространстве я переставил четырехмерный куб: повернул его на 180°, сделав верхнее основание нижним. Вернувшись в трехмерное пространство, я снова сунул куб в куб, и теперь уже внешний в внутренний: объемлемое стало объемлющим, внешний мир — в внутреннем.

Двухмерная схема:

Внутренний мир с внешним имеют общую границу. Эта граница — замкнутая кривая или замкнутая поверхность, вполне ограничивающая и внутренний мир и внешний в одном направлении. Но в другом направлении не только внешний мир, но и внутренний бесконечен: никогда не дойду до самого себя, причем направления в бесконечность для внешнего и внутреннего мира противоположны, и если одно по радиусу к центру, то другое по радиусу от центра. Но где центр, внутри или вне? Тогда не все ли равно, какой мир объемлющий, какой — объем-

Внешний мир

Внутренний мир

лемый, что внутри и что вне? Не все ли равно, какой мир определяющий, какой — определяемый?

Я в мире строю мир. Совпадет ли он с тем, в котором я, объемлет ли его?

13 января. Я шел и подумал: а все-таки брошу курить. И обонял сладость добродетели.

14 января. Евангельская любовь. «Любите друг друга» (Евангелие от Иоанна) часто заменяется: любите только друг друга, а других ненавидьте. Или сентиментальным любованием или таким же сентиментальным умилением. Когда я в Свердловске дал уборщице свой завтрак, а она расплакалась и я умилился, мне стало противно от мысли, что сейчас может прийти мысль о том, что я сделал хорошо, и я только повторял себе: подлец, подлец. Но истинное умиление было, когда я получил слезный дар в Чаше или на кладбище. Какая должна быть любовь? Я здесь ничего не знаю и знаю только, что она должна быть без мирного умиления, когда оно происходит от любования собою, без всякой сентиментальности, жалости к себе, без всякого индивидуального предпочтения, при этом только индивидуальная, то есть я не должен любить человека потому, что у меня с ним особые связи: родственные, сочувствия, общности, но первого попавшегося и при этом не должен любить людей вообще, но этого первого попавшегося и так, как будто он мне самый близкий.

У меня нет дара любви или рассуждение убило его. Я хочу думать, что я вступил на какую-то самую низшую, предварительную ступень любви и сильно отстал от других людей, но на этой ступени я стою прочно. Эта ступень — понимание непонимания и ужаса непонимания, то, что Л. называл: «отец не понимает сына»; никто никого не понимает, и от этого сочувствие к каждому, и в особенности к виноватому, когда он один, брошен другими; боль бытия. От этого жалость, связанная с сочувствием, к тем, кто совершает грех, как это было давно, когда я увидел в автобусе женщину и мужчину, связанных, как мне казалось, грехом, и когда закончился мой душевный праздник[10].

Не здоровые имеют нужду во враче, но больные,[11] в этом начало любви. Осужден грех, но к тем, кто совершает грех, — жалость и любовь, жалость за то, что им грозит потеря души, и любовь, как к несчастным: наиболее несчастен — грешник, ведь хуже того, что с ним будет, не может быть; жалость и любовь, так как, может быть, он заранее осужден, не имея благодати, жалость и любовь от боли бытия — иначе быть не может, и эта боль бытия наиболее сильно осуществляется в нем — в грешнике, он потому и грешен, что бытие тяжело. Все это индивидуально, к вот этому человеку, первому попавшемуся, сейчас стоящему передо мной. Но это не значит, что оправдан торжествующий грешник, в особенности тогда, когда совершает грех ⟨по отношению⟩ к другим, или грешник вообще, не стоящий сейчас передо мною; «грешник вообще», неиндивидуальное имя, связанное с величайшим грехом, мне трудно отделить от самого греха. Я не знаю, что было бы, если бы он сейчас оказался передо мною поверженный, я не представляю его как вот этого человека, но как сам грех, его имя — символ греха.

16 января. В этом исследовании[12] упоминались слова наше и не наше, у нас: здесь и **там**. Эти места не в пространстве: здесь или там и не во времени: раньше или потом, но в понимании. Это способы понимания, и способ понимания станет *способом существования*.

22 января. Вещь являлась мне сначала как некоторый образ-ощущение. «Щель и грань» — как некоторая пульсация и затем дыра в небе с желтым светом оттуда; «Происхождение животных» — чертежи и линии на бумаге, которые я чертил во время малой игнавии; «О деревьях» — сад[13] у Штаба, прогулка во время дождя, временами появлялось солнце, памятник Гоголю с цитатой: «Определено мне чудной властью озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы!»; «Признаки вечности» — желание курить, пауза между вдохом и выдохом дыма; конец трактата «Формула Мира» — страшное время дня после 5 часов, в комнате в ожидании лучей заходящего солнца, точка, затерянная в пустом пространстве, непонимание; «Вестники и их разговоры» — они были написаны сразу и совершенно неожиданно, но, по-видимому, вызваны ощущением перехода трамвайной линии на Литейном около Невского, когда необходимо произносить несколько определенных слов[14]; это упоминание о железнодорожных путях — центральное место в «Вестниках», некоторое ядро, как это заметил и Л. И. В некоторых же вещах этот образ-ощущение мне трудно описать, хотя он был и я немного помню его; «Формула несуществующего», «Царство». Может быть, последние картины В. В. Стерлигова — «Облака перед несуществующим»[15] — немного напоминают его. Небольшую погрешность, *одно два*[16], кажется, тоже можно нарисовать.

Еще я вспомнил «Мир перед Богом» — открытое окно вечером, страх выпасть и затем: а Бог смеется — улыбающееся Лицо, которое я почти видел, снисхождение и любовь.

5 марта. Шпет: «Плотин сказал, что стыдится своего тела. Это глупо, стыдится человек своей души, а не тела».

24 марта. Всеобщее разделение: не о чем говорить. Даже разделение с самим собой: я пишу «Пути неба», но я пишущий и я разговари-

12 Зак. 3244

вающий не одно и то же. И оба разделились, поэтому мне нечего писать и в этой тетради: я отделился от себя.

У меня нет потребности рассказать кому-либо о «Путях неба». У меня нет потребности рассказать себе, то есть записать это. Разделение связано с потерей определенных понятий — понятия морального. Разделение исключило категорию моральности.

Религиозность может быть и ощущением и сознанием этого ощущения. В чем религиозность? Что не определяет только религиозного настроения и более общее: сознание ограниченности знания, ощущение арациональности, ощущение своей ничтожности, омерзение к себе, ощущение силы, подавляющей меня. Все это необходимо для религиозного настроения, но само по себе еще не есть религиозное настроение и более общее. Что не есть религиозность и, наоборот, антирелигиозно: уверенность в своих собственных силах, в достаточности своих сил: «человек, это звучит гордо», «я все могу сам» и наоборот — жалость к себе: меня обижают, какой я несчастный, ощущение относительности, неабсолютности. Религиозно: отречение от своей воли, понимание того, что это отречение и есть абсолютное. Ощущение абсолютного: не-я. При этом не-я нахожу не вне, а в себе самом, обнаруживая, что я сам вообще не существую. Самый отвратительный антирелигиозный соблазн: так как это не-я я нахожу в себе, то первое все же я, в котором я нахожу не-я. Так рассуждающий уже не находит не-я, но своему я приписывает силу не-я. Помимо того, может быть, здесь есть и логическая ошибка: не-я, которое я нахожу в себе, первое, я же — только видимость, не-я есть не-я и возможность меня. Те же, кто делают первым я, утверждают: я есть я и возможность не-я, таким образом приписывают я свойства не-я, не зная подлинного — не-я. Подлинное не-я не произведено и не создано мною, но только обнаружено во мне, когда я убеждаюсь в недостаточности и нереальности я, оно есть условие возможности я, в том числе условие возможности создания этим возможным я разных теорий. Такое определение религиозного подходит и к буддизму, там тоже есть абсолютное: отречение от воли, что же касается Бога, то буддизм только воздерживается от суждений о Боге, боясь придать ему человеческие, неабсолютные свойства. Иногда это бывает лучше, во всяком случае лучше чем приписывать Богу свои желания. Что же касается разделения, то, во-первых, оно не религиозно, так как в отношениях людей есть не-я, и, во-вторых, религиозно, так как этим отбрасывается все случайное и всякое ложное не-я.

14 апреля. В трактат о «Небе и но» я ввел себя, исследующего. Я ввел себя как элемент себя, как знак недостатка в непосредственном. Во-первых, должно быть и место меня, место, где я. Во-вторых, это я — только знак и место пустое.

19 мая. Во-первых, я был в Келомякках и прочитал там четыре Евангелия и Апокалипсис. Во-вторых. За год после «Квадрата миров» ничего не закончил: «Числа» довел до опровержения системы квадратов. При этом и написанное надо исправлять. Из четырех диалектических трактатов первый довел до половины или трех четвертей и пока оставил. Трактат о «Небе и но» пишу уже 3 или 4 месяца. Почти дошел до конца и опять начал с начала. Это похоже на то, что было до «Вестников».

Сейчас передают Собинова: Ленский, Ромео, Левко, Лоэнгрин, и очень стало нудно и тоскливо; кажется, он неплохой тенор, но почему я никак не могу отделить его гения от адвокатского, журналистского, либерально-интеллигентского окружения предреволюционного времени? А может быть, он плохой тенор и потому, слушая его, я не могу отделить его от его времени? Что здесь нудно? Кажущееся благополучие, порядочность и поверхностность. Не сильно били — вот и порядочны, кроме того, неприлично было быть непорядочным. Затем вся эта жизнь: утром прислуга подает чай, кофе и свежую газету, газета входит в завтрак. Затем днем — присутствие, адвокатство. Вечером — театр или несерьезная болтовня на серьезные темы и с претензией на серьезность. «День проходил как всегда: в сумасшествии тихом».[17] Блок был связан со всем этим, но все же понимал, как это нудно и противно. Все это очень антирелигиозно: говорить легкомысленно о Боге хуже, чем совсем не говорить о Нем.

29 мая. Окончание сна. Потом мне снилось, что скоро я проснусь. Мне показалось, что я уже проснулся. Я проверил: нет, еще сплю, но надо действовать скорее, а то проснусь. Я шел по улицам и искал, но ничего не находил. Так и проснулся, не найдя.

Почему я не написал, чего я искал, хотя это и так достаточно ясно? Сейчас мне показалось: так лучше, не надо доводить мысль до конца; но здесь факт? Но факты при воспоминании сна перетолковываются и подменяются другими по дневной логике; во сне, может быть, совсем нет фактов, но ощущение-реальность. Но, может, и другая причина: стыдно.

Добавляю,[18] потому что здесь 9 строк, чтобы было 10: мне нечего добавить.

⟨...⟩

11 июня. Игнавия, и боюсь, великая.

15 июня. Разлив.[19] Я смотрю на деревья и вижу замедленное движение: ведь это все пройдет и проходит сейчас. Я смотрю на деревья, небо, птиц, природу: это не есть, но проходит. Я вспоминаю город; там ин-

тервалы, как будто неподвижные: дом стоит, затем его нет, его разрушили; здесь есть границы, поэтому то, что в границах, кажется неизменным. В природе нет границ, во всяком случае редки — извержение вулкана, потоп, поэтому яснее изменение. Но затем я вспоминаю город, там суета и движение, а здесь неподвижность и неизменность: во-первых, как было, так и есть, и если движение, то постоянное возвращение к тому, что было и есть, и, во-вторых, с е й ч а с, некоторое большое мгновение там — движение, а здесь — неподвижность. Так что три взгляда: 1. Там — границы, здесь — непрерывность, поэтому здесь страшнее: во-первых, потому что неограниченно, во-вторых, сильнее чувствуется движение. 2. Там — большое мгновение — суета и движение, здесь — вечный круговорот. 3. Там — большое мгновение — суета и движение, здесь покой и неподвижность. И еще четвертый взгляд: нет ни здесь, ни там, но одно с е й ч а с.

17 июня. Вчера и сегодня после этого интенсивная жизнь во сне.

1. Он лежал в могиле, и хотели испробовать какой-то способ его оживить. В могиле прокопали дыру на несколько саженей вглубь — он лежал как в колодце. Затем надо было уложить его в определенном положении и сделать укол. Я вижу, что на его месте, кажется на кровати, лежит другой он. То есть он же, но другой и как будто уже жив, а тот еще мертв. Второй он занимает его место, и я говорю: как же сделать ему укол, если его место, то есть то место в пространстве, которое он занимает, занято другим — его двойником? Но вот они на разных кроватях. Тот, кому должны сделать укол для оживления, встал с кровати, делает гимнастику, обтирается, готовится к уколу, а я лежу с другим. Да, еще до этого кто-то назвал одного из них моим отчимом, а другого отцом, и я все думал: как же это, я их одинаково люблю, и оба — один и тот же, и все же один из них в каком-то смысле раньше, и, значит, тот — отец. В то время как один из них готовился к уколу, я вдруг подумал: да ведь укол-то надо делать не ему, а тому, кто со мной на кровати лежит, все перепутали, теперь тот утомился и умрет, а этот не выживет. Значит, на кровати со мною лежал тот, кого надо было оживить, а оживлять хотели живого. Тогда тот, кого надо было оживлять, встал с кровати и начал готовиться к уколу, но мне казалось, что это уже поздно. В это время я уже проснулся, причем во сне, и стал повторять сон, чтобы не забыть его. Но я помнил сон так хорошо, что не надо было повторять. Я смотрел вдаль: темное небо, лес и поле, и я думал: почему их двое? Ведь он один умер; и понял — потому и двое, что умер. Потом появились какие-то люди, но я не мог с ними оставаться и сказал, чтобы не объяснять длинно: я не могу остаться с вами, так как сейчас будут оживлять моего отца и отчима. И пошел к ним, то есть к нему и его двойнику. Еще я не мог определить, кто из них он и кто двойник. Затем снова повторилось все, что было раньше, то есть неудачное оживление.

2. Я еду в трамвае и вдруг вижу Введенского. Он как будто помолодел, но затем вижу: не помолодел, а просветленный. Увидев меня, он хотел вскочить в трамвай, но трамвай шел скоро, и я говорю: осторожно, я сойду на остановке. Он идет рядом с трамваем и не отстает, хотя идет медленно. Он спросил: кто из нас остался? Я подумал и сказал: только Тамара. Я подумал, что уже не раз встречал и Л., и Х., и О., и В., но почти каждый раз или всегда это был сон, и сейчас не уверен и так и сказал: уже много раз я встречал вас и это был сон, может, и сейчас сон? На это В. ничего не ответил. Я спросил, писал ли он и сохранил ли прежнее. Он ответил, что у него было шесть томов, а теперь сохранился один, в четыреста страниц. Я сказал, что́ сохранил, и перечислил: «Потец», «Разговоры» («Некоторое количество разговоров»), «Елка у Ивановых», «Ковер Гортензия», «Кругом возможно Бог» и т. д. По-видимому, это заинтересовало его, и некоторые названия он поправил: разговоры — начисто переделанный темник, Ковер Гортензия — не помню как. Потом я уже с Тамарой и рассказываю, что видел В., но не уверен, во сне или наяву. Т. сказала, что тоже видела. — Когда? — 6 февраля. Я думал, что если бы мы видели В. в одну и ту же ночь, то, может, это действительно был В. или в крайнем случае его дух, но сегодня не 6 февраля, а середина или конец, значит, по-видимому, опять сон. Потом я уже с Мишей и повторяю ему все как было, как я видел В. просветленного и долго сомневался, наяву ли или во сне, как потом видел Т., она тоже видела В., но в другой день, и я убедился, что во сне, и кажется, и Т. я видел во сне и во сне убедился, что и В. видел во сне.

21 июня. Жалость к человеку, что он страдает из-за несущественного, когда важно одно. Но когда он страдает за другого, который еще не страдает, но будет страдать? Но будет ли страдать и что можно знать? Может, страдающий через любовь видит дальше? Здесь дальше не только по времени, но: «есть, как будет»[20].

Потом я хотел записать, как меня сразу вдруг оставила похоть и я был этому рад. Кажется, это было так: я не поборол ее и почти отчаивался, но она сама оставила меня, я же был рад и не вернул ее, хотя мог бы вернуть. И кажется, всегда так: приходит как благодать, не по моей воле, я же могу принять или не принять. Помогает ли молитва? Ведь если благодать, то и без молитвы. Во всяком случае, молитва поможет принять, а может, и прийти.

Снова заведу правило: писать каждый день. А если нечего писать, то умную молитву: Г. И. Х. С. Б. П. М. Г. Г. И. Х. С. Б. П. М. Г.[21]

22 июня. Г. И. Х. С. Б. П. М. Г. Г. И. Х. С. Б. П. М. Г.

23 июня. Если игнавия — отсутствие интереса, то она, кажется, прошла. Так как я заинтересовался стихами В.: «Очевидец и крыса»,

«Четыре описания», «Мир», «Приглашение меня подумать», «Гость на коне» и Библией: прочел Первую книгу Моисея и некоторые комментарии.

24 июня. В первый же день нарушил ⟨правило: писать каждый день⟩: позавчера: забыл, увлекшись стихами В. Вчера: лень и заботы века сего. Прошлой ночью сны о словах: слепок с слова. Слово, как ящик, не передает, но есть и содержит что-либо. Я раскрываю его содержание — это слепок с слова. Во сне все время: фарфоровый слепок с слова, причем мне казалось лучше бы стеклянный слепок с слова, но правильнее фарфоровый, так как слепок не прозрачный, я как бы разрисовываю его и внешне передаю то, что содержится в этом ящике. Еще мне казалось, что этот слепок как буквы Х и Ц. Фрейдист сказал бы: накануне мама чувствовала себя плохо и во сне я бессознательно думал о Хайцисе[22], вот Х и Ц, а от этого слова́. Я думаю: от Хайциса может быть Х и Ц, но затем Х и Ц напомнили мне слепок с слова, я обнаружил некоторое подобие и сходство и явилась мысль. Это случайная и, может, только сопутствующая причина мысли.

25 июня. Г. И. Х. С. Б. П. М. Г. Г. И. Х. С. Б. П. М. Г.

26 июня. Изменю правило: писать 8 букв, когда писать нечего, не буду. В крайнем случае буду писать: писать нечего.

5 июля. Во-первых. Я отменил правило потому, что писание 8 букв все равно что упоминание всуе имени Божьего. Не стал же писать: писать нечего, потому что это, во-первых, трудно из-за неудобств жизни, а во-вторых, слишком легко, так как, преодолев неудобства жизни, я считал бы, что уже все выполнил, что надо, написав два слова. Так пусть лучше останется неудовлетворенность оттого, что не сделал того, что надо.

Во-вторых. Хорошо, если меня несправедливо поносят. Но хорошо ли тому, кто это делает? И если я должен радоваться, что меня несправедливо поносят, то не должен ли я огорчаться, что плохо тому, кто это делает? Не будет ли это эгоизмом личного спасения? Предположим, *А* несправедливо меня обвиняет, хотя я стараюсь о нем же. Что я должен делать: соглашаться ли с ним ради моего спасения или отрицать, оправдываться и убеждать его ради его спасения? Практически второе обычно ни к чему не приводит, примером терпения я смогу убедить его скорее. Теоретически второе тоже неправильно. Откуда я знаю, что он несправедливо меня обвиняет, когда в глубине души я знаю, что я еще хуже, чем он предполагает? Пусть я не нахожу в себе тех грехов, в которых он меня обвиняет, но и здесь я могу ошибаться, может, он видит лучше, главное же, я нахожу в себе другие грехи, о которых он и не подозревает. Тогда имею ли я право говорить, что он несправедливо меня поносит?

В-третьих. О стихах Введенского. Метод: целое — части целого — периоды — предложения — части предложения — элементы — главный элемент — ядро. Бессмыслица: два рода: а) необычное, то есть неправильное грамматически, согласование слов; б) необычное, то есть неправильное логически, соединение частей: элементов, частей предложения, предложений и т. д. У Введенского есть и *а* и *б*, но значительно чаще *б*. Но эта неправильность должна иметь свои правила и, значит, смысл.

В-четвертых. Понимание. Всякая аксиоматика, в конце концов, основана на понимании. Понимание имеет свои законы или хотя бы некоторые признаки или состояния, качества, тожественные самому пониманию. Это не психология, хотя и нечего так бояться психологизма. Не психология же потому, что задача этой теории понимания — найти условия и законы очевидности и понимания, общие для всех. Всех людей или всех душ, включая ангелов, или хотя бы конечных душ? Вопрос поставлен неправильно. Нельзя даже сказать: общие для всех, но: для всякого. Но вернее: для меня с е й ч а с. Надо найти законы мгновенной очевидности. Как могу я вообще сказать: это очевидно, или это ясно, или это правильно, или это истинно? Что я имею при этом в виду? Я буду исходить при этом только из себя, предполагается же, что и каждый будет исходить только из себя, в себе самом искать эту очевидность, но так же, как и я. Почему так же? Потому что будет то же основание очевидности. Какое? Для элементарной очевидности — я сам; всякий, кто может сказать о себе **я сам** и при этом никогда не найти себя самого, будет искать эту очевидность так же, как и я. В этом всеобщность. Основание элементарной очевидности: я говорю **я сам**, при этом непосредственно не имею самого себя и никогда не могу дойти до самого себя. Поэтому логика Бога, непосредственно имеющего Самого Себя, или логика других существ, иначе не имеющих себя, отличается от нашей. Но даже и у нас возможна иная очевидность и иная логика помимо элементарной. Во-первых, диалектическая. Во-вторых, если в стихах Введенского, вообще в левом искусстве, не все сводится только к новой, пока необычной метафоре, то оно дает пример неэлементарной логики. Может быть, только закончив исследование неэлементарной очевидности, я смогу сказать, есть ли современное левое искусство только временно левое, пока не стало понятным, или принципиально левое, то есть навсегда останется левым. Принципиально левым может быть то искусство, которое открыло какую-либо неэлементарную очевидность, а не только ввело новые метафоры. Но четыре строки

Вот конь в волшебные ладони
кладет огонь лихой погони
и пляшут сумрачные кони
в руке травы державной[23] уже не левые. Здесь очевидность элементарная: «волшебные ладони» — копыта, «кладет огонь лихой погони» — быстро мчится, «в руке травы державной» — в степи и т. д. Метафора — дополнение к основному смыслу; обертон или обертоны, обогащающие основной звук. «Пляшут сумрачные кони» — здесь два обертона: вечером мчится табун лошадей и еще: серьезность, омраченность, значительность жизни природы, представители которой здесь — кони. И еще третий: сумрачность относится как к коням, так и к траве и к земле, которая их держит. Потому трава и державная. Обертон к траве державной: держава, царство, порядок и строй природы, судьба.

9 июля. Прочел Пятикнижие. Великая страсть, мы все мелки перед этим; три дня поститься — не есть и не пить, а я не могу на три дня бросить курить.

Моисей, кротчайший из всех людей, видел Бога, говорил с Ним. После этого все, на что ни посмотришь, видишь, должно быть, как полупрозрачную тень. Он был косноязычен, значит, молчалив и в обычное время, когда с ним не было Бога, нерадостен и смотрел как бы сквозь людей.

18 июля. Сон. Три банки, которые я наполняю и не могу наполнить, потому что я должен их наполнять в определенном порядке, а они при наполнении меняют свои номера. Пусть одна из банок будет первой и чистой, тогда следующая будет первой, а последняя чистой, и так как, давая названия, я уже должен иметь их, то вторая или третья будет первой. Но тогда название второй или третьей банки будет принадлежать первой и первой будет первая. Таким образом, как только скажу: первая банка, она уже не будет первой. Банка здесь вместо субстанции. Ночью мне казалось, что я нашел новое и начну писать. Может, я и нашел, а сейчас забыл.

2 августа. Из четырех благ: чувственные удовольствия, физическая и материальная производительность, духовная производительность и святость, — сейчас не имею ни одного. Из двух страданий: злоба, не находящая удовлетворения, и нечистая совесть, — не имею ни одного. Из двух утешений: духовные удовольствия и друзья, — немного имею от первого. Из двух зол: смерть и мудрость без святости, — пока чуть-чуть имею от второго. Пояснение: из четырех благ два материальных, два духовных. К физической производительности отношу прежде всего семью и детей, затем администрацию и власть, также всякую карьеру и

удовлетворение самолюбия. К чувственным удовольствиям отношу также комфорт и некоторую уверенность в жизни. Духовные удовольствия будут благом в соединении с одним из первых четырех благ, а без них только утешением.

5 августа. А сегодня после вчерашнего чувствую себя Тартюфом.

19 августа. У Тынянова и вообще формалистов много интересных наблюдений и остроумных объяснений. Так же как исторический подход к Евангелию и Библии дает много интересного, но обходит главное, так и объяснения формалистов. Тынянов объясняет, почему возникло определенное стихотворение, кого Пушкин имел в виду, кого пародировал или кому отвечал, смену стилей и их борьбу. Может, все это и так, но помимо этих исторических условий существует еще и метафизический смысл стихотворения, который имеется вопреки историческим и бытовым условиям. Пушкин сел писать потому, что хотел ответить Катенину, или потому, что ему нужны были деньги, или по какой-либо другой причине, до которой, в конце концов, никому нет дела. Когда же его коснулся «божественный глагол», то он написал уже не только ответ Катенину, но помимо своей воли вложил и другое содержание. Вот это содержание формалисты обходят. Существует два объяснения исторической и внеисторической метафизичности. Может быть, и первое имеет право на существование, но второе вернее. Если Форкель[24] объясняет Баха симметрией, то, во-первых, это неверно, для Баха как раз характерно нарушение симметрии или равновесия — небольшая погрешность в некотором равновесии, а во-вторых, ничего не объясняет, потому что можно спросить: а зачем нужна симметрия? Но существует, мне кажется, два окончательных ответа, и разумный человек уже не спрашивает, почему. Эти ответы: Бог и небольшая погрешность в некотором равновесии. К этому сводится и формула Баха.

17 октября. Сон. Я ухаживаю за больным, не то ребенком, не то личинкой. Ночью просыпаюсь: маленький гробик, открытый, перед ним девочка. Я думаю: мой больной умер, но рядом вижу коробку, там лежит мой больной. Я не открываю, утром узнаю, что с ним. Утром открываю: умер? И вдруг личинка или куколка начинает двигаться. Ну, думаю, выходил, вот она[25] обрадуется. А личинка ползет и все быстрее. Я не могу ее поймать. Она бежит по полу, под стол. За столом папа. Не двигай ногами, кричу я, но он уже двинул ногой. Я ищу личинку, ее нигде нет. Вдруг вижу слизь на ноге. Она раздавлена. Папа вскакивает, и мы оба кричим: ах, я несчастный. Уже просыпаясь, я думаю: только не скажем ей, как личинка погибла; лучше скажем, что умерла ночью и я отнес ее в сад.

1 ноября. Мне снилось, что подлежащее — первое название, а сказуемое — приложение первого названия или принадлежит к системе первого названия.

3 ноября. Просыпаясь, я часто думаю: это был сон, но содержание сна объективно: сон — это форма бытия, бытие же остается, поэтому если мне кто снился или снилось определенное отношение событий и лиц, то сами эти отношения объективны и те, кто принимал в них участие, знают это, как и я. Конечно, это только первое впечатление от сна, какой-то естественный имманентизм: общее сознание.

4 ноября. Сон. Пришел Л. Я говорю: ты столько раз приходил и каждый раз это был сон. Наконец-то ты пришел действительно; я упал на пол, заплакал и проснулся.

Исходить не из принципов, а из определенного [экзистенциального, то есть частного] факта, который обнаружит себя как абсолютный, внепсихический факт. С этого я и начал «Критерий». Но теперь мне помог Риккерт, или Гуссерль через Риккерта, или intentio prima и secunda*: я недостаточно чисто отделил абсолютный факт от принципов. Или, вернее, отчасти недостаточно ясно показал, как эти принципы вытекают из абсолютного факта, отчасти же, должно быть, допустил лишние принципы, не следующие из абсолютного факта.

31 декабря. Начинается Новый год, последний хороший год: 1+9+5+2=17≡8(mod 9). Но чем предыдущий был хорош? Во-первых, что все остались живы и невредимы. Но «во-вторых» я ничего не могу найти. Теперь наступает самый благоприятный год: равноостаточный 8 по mod 9. Что я хочу сделать: исправить «Критерий», «Квадрат миров», «Числа», три диалектических трактата[26] и закончить «Логический трактат». Но это много. Хорошо, если исправлю «Критерий» и сделаю одно из следующих дел. Хорошо даже, если только исправлю «Критерий» так, чтобы он был безукоризнен. А вообще, к чему я это написал?

Попробую написать, как я ощущаю свой возраст.

Во-первых. И с отвращением читая жизнь свою ⟨мою⟩[27] — 10 лет тому назад, может быть, тоже было отвращение, но не такое. В чем отличие? В том, что я отличаю все надуманное от того, что действительно. Вот что это значит: иногда напрашивается теория, которая чему-то как-то соответствует. Ее принимаешь. Между тем это только соответствие абсолютной склонности ума. Так вот, сейчас я таких теорий не сочиняю. Затем. Я по-настоящему понял: не судите, да не судимы будете.[28] Я не берусь ни о ком из известных мне реальных людей высказывать оценочные суждения, ни моральные, ни теоретические, ни другие. Это не моральное достижение, а теоретическое: я могу судить о поступках и высказываниях, но не о том, кто их совершает и высказывает. Ведь поступок и высказывание существуют в моем восприятии. Например, глупое, как мне кажется, высказывание может быть глупо потому, что я не понял мотивов и несказанного смысла высказывания. Ведь если я пишу «Исследование о критерии», то это не значит, что я и сам не подчинен отраженному абсолютному. А значит, я не могу не создавать некоторые системы предложений. И я сужу о высказываниях другого согласно этой системе. Но эта система — моя система, а не система «Критерия». По системе «Критерия», я должен воздержаться от суждения. Затем, я лучше понял: in Adams war der Fall*, попросту — свою мерзость. Пока я не пьян, я стыжусь высказываний. Я думал, прежде чем написал «высказываний». Не есть ли это тоже надуманная теория, то есть о том, что не надо говорить? Но это, должно быть, неверно: хорошо высказываться, должно быть хорошо высказываться. Во-первых, что-то разъясняется при этом. Во-вторых, и, может, это самое главное: стыдно, что говорил. Некоторая доля стыда всегда есть. Отчего? Во-первых, может, потому, что я глуп и плохо говорю. Во-вторых, потому, что другие одобряют. Лучше так: или потому, что я глуп и не умею убедить, или потому, что я рисуюсь, когда другие одобряют. Но в чем же я рисуюсь? Вот этого я не сумею сказать, но знаю, что в тот момент, когда меня одобряют, мне это нравится, значит, я рисуюсь. А потом мне бывает противно. Дальше легко составить теорию: мне противно, когда меня хвалят и когда не хвалят. Мне отвратительно. Отвращение к себе — правильное ощущение. У меня правильное ощущение. Это и есть одна из тех надуманных теорий, которых я сейчас не сочиняю.

Во-вторых. Но для во-вторых ничего не осталось. Что же касается первого: «и с отвращением читая жизнь свою...», — я бы мог написать еще.

Может быть, единственно правильная теория — это то, что нет никаких теорий. Но это надо понимать не в том смысле, что о теории нельзя говорить: о теории надо говорить. Но говорить так, чтобы уничтожить возможность всякой теории. Вообще две только разумные теории. Одна, скотоподобная: о теории вообще не говорить. Вторая, пусть богоподобная: о теории говорить так, чтобы уничтожить возможность всякой теории. Здесь даже не надо говорить: своей теории. Ведь всякая теория — моя. Очистить место разума для веры.

1952

7 января. Опровержение солипсизма. Как могу существовать только я сам, если само не реально в применении ко мне, но только к Богу?

* Первое и второе предложение в силлогизме (*лат.*).

* «В Адаме я пал» (*нем.*) — протестантский хорал.

Именно сам я, то что делает меня самим, есть первая, основная иллюзия, создающая все другие.

13 января. Это опровержение или, вернее, устранение солипсизма будет общим. Но затем потребуется еще специальное. Устраняя от себя все свое, что не-я, я не дохожу до себя. Если законно сомнение в другом, то еще более законно сомнение в себе самом. Может, это и имеет в виду индусская философия в формуле «ты есть я», хотя вряд ли, потому что я устраняю именно **я**: пусть будет не по моей воле, а по Твоей[29] — вот общее опровержение солипсизма. Причем это так и есть, то есть не по моей воле, надо это понять, так как я думаю, что могу что-то сделать по своей воле, и от этого видимость. Думая, что я могу что-то сделать по своей воле, я придумываю к тому, что есть не по моей воле, а по Твоей, свои собственные категории. Это — предельная форма мысли.

Специальное опровержение солипсизма. Мое — непосредственная данность. Надо отличать мое как непосредственную данность мне от своего как принципа своеволия, не непосредственности. Тогда с устранением всего своего не устраняется мое как непосредственная данность, наоборот, она впервые полностью открывается. Эта непосредственная данность и **что**, то есть некоторая чистая качественность без всякой предметной формы, освобожденная от мысли, и есть сущность — **что**. Может ли это что без всякого самого остаться, то есть быть само? Оно не может быть, чтобы не стать самим, но нельзя ли предположить, что акт освобождения от своего и есть только акт освобождения, что **что** никогда не останется, потому что никогда и не станет чистое **что**? Тогда я могу освободиться от своего, в пределе или на самом деле, но мое останется только моим, так как как только какое-либо что станет чистым что, найдется другое что, еще не вполне чистое, когда же оно станет чистым, найдется третье и т. д. Таким образом, этот акт понимается нами, хотя и не есть, как процесс. Наконец и в самом акте я могу найти неполное освобождение от своего, так что никогда все мое не станет не-моим. Можно ли это опровергнуть? Кажется, нет. Тогда первая часть: «пусть будет не по моей воле» — осуществляется, а вторая — «а по Твоей» — нет. Тогда требуется специальное опровержение и, может, оно осуществимо только верой: «Пусть будет по Твоей воле», или критерием понимания, вообще в сдвиге. Эти два опровержения, общее и специальное, можно назвать формальными. Но затем должно быть и материальное: доказать необходимость **каждого** и **другого**. Можно ли это обосновать или другой выводится только любовью? Или, наоборот, с помощью: «Отец не понимает сына». Доказывать необходимость **каждого**, мне кажется, не нужно, а только **другого**. Может, с помощью «вот этого вот, как всякого». Один из признаков критерия: «Вот этот вот, как всякий и этот, и тот, и другой». Этот признак, может быть, и близок формуле «ты есть я». Некоторая категория одного как многого.

17 января. Сон. Я вижу В. и еще нескольких людей, позади Т. Я подхожу к В. и понимаю, что все это происходит много лет тому назад, может быть, 25. Был ли я тогда знаком с Т., думаю я. Да, был, и подхожу к Т. поздороваться. Потом мы идем с В. и я говорю ему: не кажется ли тебе, что мы оба спим и видим сон. Но сразу же соображаю: или он мне снится, или я ему, но чтобы оба друг другу снились — этого не бывает. В. говорит, что ему это не кажется. Тогда я ему говорю: знаешь, я умею предсказывать. Через некоторое время нас будет трое: ты, я и Т. Ты это запиши, а через 20 или 25 лет интересно будет проверить, так ли это. Потом я вспоминаю, что я знаю ведь, что будет до ⟨нынешнего⟩ 1952 г., и думаю, не сглазить бы, и говорю: я могу предсказывать только до 1952 г., а что дальше будет — не знаю, но до ⟨19⟩52 г. могу все предсказать, даже что будет у меня на обед в определенный день. Мне кажется это легким: ведь я знаю, что вчера было на обед, а сейчас — 25 лет назад, то есть вчера ⟨19⟩52 года было на 25 лет позже настоящего мгновения.

Еще сон, старый, уже раз записанный.

Георг явился мне в ночь, когда мне исполнилось 30 лет. Я убеждаю его, что все хорошо и можно построить полную и непротиворечивую систему, в которой будет доказано, что все хорошо. Г. смотрит как бы через меня и не отвечает. Я его убеждаю, а он молчит и смотрит. Потом говорит: посмотри. Я посмотрел и вижу: рядом умершие, и все они, как и Г., смотрят в одну точку, и в этой точке смерть. Мне стало страшно: стыдно, что я лицемерил.

19 января. Не понимаю сейчас антипатий. Это относится к оценкам. Потом о желании и любви; ясно представил себе: все равно.

Все это есть и довольно сильно, но никакого индивидуального пристрастия. Кажется, это скорее устранение себя самого, чем другого, устранение солипсизма, чем солипсизм.

21 января. Начало философии: я и Бог. Завершение: не я, но Бог.

26 января. Несколько лет тому назад я записал: чтобы довести какое-либо дело до конца, необходима некоторая нечестность: не заметить, что полная последовательность неосуществима, то есть не заметить некоторой непоследовательности в исполнении.

10 февраля. Философы, особенно с Декарта, интересовались отношением познания к действительности, способностью познания. В «Критерии» я открыл, что способ обозначения определяет и познание, и действительность. В первой части три отдела: 1. Суждения апории и необходимость обсуждения апории. 2. Новое исследование времени, так как с е й ч а с разделилось: одно ушло с апорией,

другое осталось у исследователя. 3. Обсуждение апории: отношение с е й ч а с, знака и исследователя. Во-первых, задача должна быть ясно поставлена, во-вторых, — разрешена. Постановка задачи: внутренние и внешние суждения системы; связь внешних с знаком и последним словом; обсуждение и запрещение обсуждения. Решение задачи: последнее слово — знак свершения, свершение — в сдвиге; критерии решения: понимание, благоприятствующие условия, не я, но Бог. Решение задачи сводится к вере: во-первых, нет неверия, есть воздержание от веры или вера, во-вторых, — вера, то есть просто: верю. Но тогда зачем решение задачи, почему не сразу: верю. Во-первых, опровержение возражений против веры, во-вторых, постановка задачи не менее важна, чем решение.

4 марта. Когда я пишу и замечаю у себя какое-либо выражение, не соответствующее Евангелию, я останавливаюсь и исправляю его. Так сейчас: Бог вне меня, но сказано: Царство Божие в вас[30].

9 марта. Высокий ли стиль в последней редакции «Критерия»? Высокий стиль: исследование-предмет. Но при этом еще было:

1. Недостаточное обоснование.
2. Часто нелогичность, может, потому, что за видимым смыслом скрывался тайный.
3. Тупость.
4. Чаще плохой стиль в обычном смысле, вернее, намеренное пренебрежение к обычному хорошему стилю, но при этом все же иногда очень тщательный выбор выражений, также исключение научной терминологии и сокращение словаря.

В последней редакции исследование-предмет, во всяком случае в намерении, остается, отступление — «Исследование о времени» — не нарушает этого. Остается ли действительно? Четырех признаков исследования-предмета уже нет:

1. Разграничивается постулирование и обоснование. При этом даже некоторые предложения, раньше плохо обоснованные, сейчас постулированы. Обоснование возросло не экстенсивно, а интенсивно, экстенсивно, может, даже сократилось. Но вызывает сомнение возрастание здесь именно интенсивности.
2. Нелогичность, во всяком случае принципиально, исключена введением несобственных значений.
3. Также и тупость.
4. Стиль в обычном смысле лучше, словарь немного расширен, ограничение остается.

Если есть неофициальные мысли, то может быть и неофициальный стиль и неофициальный способ рассуждения. Так вот почти исключен неофициальный способ рассуждения.

20 марта. Самое главное, что было в высоком стиле помимо исследования-предмета: магическое значение слов, иногда наряду с полным пренебрежением стилем. И то и другое сейчас исключено. Может, магия слов была и у Введенского, например «Всё»[31], но затем отвергнута. У меня же это совсем неудачно было. Может, вообще магия слов — вавилонская башня.

Когда кончу «Исследование о критерии», буду писать «Рассуждение о критерии в низком стиле». Там будет: во-первых, подробное изложение первой апории — исследование, тожественное и не тожественное предмету, без этого все здание на песке. То есть, если это неосуществимо, в «Исследовании о критерии» об этом сказано достаточно, но надо уметь сказать это в низком стиле. Что дальше будет, не знаю еще, закончено будет теорией трех стилей.

21 марта. Чем плох Баадер. Во-первых, тенденциозностью. Д. И. говорил, что не понимает, что значит: объективно это хорошо, а субъективно мне не нравится, и ввел различие абсолютного и субъективного: субъективно он предпочитал, например, арбуз дыне, а абсолютно — Гоголь хороший писатель, а Стендаль — плохой.[32] Тенденциозность субъективна, а не абсолютна, я знаю из вещей Баадера его личные пристрастия и постоянное искание и разоблачение врагов истинной веры, а это ни к чему, хороши ли эти пристрастия или плохи. От этого и полемика. Это то же, что и у других. Недостаток мысли, то есть интуиции, если она не может быть сказана без полемики. Во-вторых, терминология и стиль, то есть способ обозначения. Брентано обвиняют в возобновлении схоластической терминологии. В этом я не вижу вины, это классическая терминология Аристотеля и Платона. Но терминология и способ исследования Бёме, хотя, может быть, и выше, чем у Фомы, но неофициальны и слишком индивидуальны, чтобы их можно было возобновить. Пусть будет неофициальный стиль, но не чужой, а свой, но повторять чужой неофициальный стиль неправильно. Это совершенно не плодотворно, то есть не дает ничего, кроме опошления Бёме.

3 апреля. Рассуждения о стиле появились после «Разговоров вестников». При этом стиль до «Вестников» я считал низким, а стиль «Вестников», кажется, даже высоким. Тогда это неверно. Раньше, считал я, было столько новых терминов, что почти каждое предложение надо было понимать не так, как обычно понимается. Но может быть, это и есть высокий стиль.

4 апреля. Сон. 〈...〉 У дверей вижу В., в руках бумага. Я понимаю: отпускное свидетельство. Я думаю, наконец-то не сон, а, впрочем, может, и сон. В. говорит, что не войдет, чтобы не погубить меня, и просит вызвать Т. Я вызываю Т. и тихо предупреждаю ее, что, возможно, это

сон, чтобы потом, если действительно окажется сном, она не слишком огорчалась. Мы втроем идем в соседнюю комнату, потому что в столовой гости. По дороге думаю: сказать Т., чтобы она постаралась запомнить этот сон, завтра спрошу ее, но сразу же соображаю: если это сон, то ведь только я его вижу. Мы садимся за стол, я хочу спросить у В. о его стихах, но колеблюсь, стоит ли. В. сам начинает перечислять стихи, которые он написал, но я вижу, что он не знает даже названий вещей, которые В. написал, мне становится скучно и я просыпаюсь. Кажется, я понял, что это не В., а бес.

⟨...⟩

13 мая. Фихте тоже начал: я и Бог, преимущественно **я**, и кончил: не я, но Бог. У меня: раньше абсолютное я считал тожественным отраженному абсолютному, сейчас разделяю. Я могу сейчас разделить и оставить абсолютное, потому что в абсолютном я ничего не оставил, все перенес в Бога. Должно быть, поэтому и Фихте начал с **я**. Он хотел уничтожить все предметное.

Когда начинаешь с Бога, начинаешь с какого-либо отраженного, всегда начинаешь с своего. Я не представляю себе, как можно начать с Бога, к Богу приходишь. Внезапно устраняется все свое и есть Бог. Это какая-то абсолютная реальность Бога. Бог открывается Сам, когда я дам Ему место.

17 июня. Надо назвать абсолютное, и каждый называет его по-своему. Я не понимал, зачем надо писать? Но, может, это один из видов названия абсолютного. Не обязательно записывать, но обязательно довести мысль до некоторого предела, до формулы.

21 июня. Может, нам все время показывают чудо, а мы упорно стараемся не видеть его. Когда мы не понимаем чего-либо, мы говорим: это еще не объяснено, большей же частью мы не хотим не понимать, поэтому к непонятному, например инстинкт, присоединяем слово и удовлетворяемся этим, как будто бы поняли, хотя это слово ничего не объясняет. Мы исходим из того, что в природе и в жизни господствует закон, а не воля Божья, поэтому *не хотим не понимать.*

28 июля. У меня есть начало и конец и нет середины. Но у кого из философов она была? И вообще возможна ли? Что для меня было бы серединой? Место ощущения в системе.

23 августа. У меня в организме что-то не в порядке. Правильнее сказать: душа не в порядке. Но что именно кроме обычных непорядков? Что прибавилось к обычным непорядкам?

Я чем-то недоволен. Вначале я писал и не замечал, что я недоволен, что душа недовольна. Но душа была недовольна, и от этого были боли в разных местах тела и недомогания. Теперь я заметил, что я недоволен. Чем? Собою. Но чем именно? Этого я не знаю. Я могу найти прежние непорядки: курение, это, болтливость, когда выпью, но здесь что-то другое, я не знаю что.

8 октября. Физик тоже фантазирует, но его фантазия ограничена физическим фактом — наблюдением, то есть ощущением. Чем ограничена философская фантазия? Что будет философским фактом? Смерть.

23 октября. Фихте: понять непонятное как непонятное. Это и генезис, выросший из трансцендентальной дедукции Канта, — две основные ошибки Фихте. Оставить непонятное как непонятное: непонятное, оставшееся непонятным, и не понятое и есть сомнение. Фихте ищет место непонятного в системе, но тем самым непонятное входит в систему, то есть в систему предельной мысли, поэтому он все время колеблется между признанием знания как последней реальности и Богом. Бог у него иногда только условие знания и возможность, а знание — осуществление. Но непонятное вне системы есть уничтожение всякой системы.

О стиле. Стиль — проявление внутренней силы, или, лучше, интуиции, или, еще лучше, освобождения от **своего**: *как* я освобождаюсь от своего. Чем больше сила освобождения от своего, тем неподражаемее стиль. Поэтому подражать Евангелию — безвкусица, так как никакой силы не хватит превзойти Евангелие, то есть Его силу. Если же нет или недостаточно своей силы, то лучше писать вне стиля, то есть — научная терминология. В математике стиль — метод.

Стиль — уничтожение старой сетки, наложенной на реальность, то есть прошлого. Сейчас все что не сейчас — прошлое. От этого необходимость нового стиля. Поэтому же нельзя писать под Баха или под Леонардо, так как это не сейчас, а стиль — сейчас: освобождение от своего, то есть определенной сетки и прошлого.

«Он был потрясен и, согнув два пальца, коснулся ими лба». Другой стилист поправит: «это плохо, так как потрясение сопряжено было с воспоминанием, то надо было сказать: он был потрясен и, согнув один палец, коснулся им уха». Кажется, это китайцы, и сейчас это поняли футуристы.

Проявление чувства — бесстыдство, недержание чувств, Бальзак. Это отсутствие вкуса, дилетантство и пошлость. К искусству это не имеет никакого отношения.

24 октября. У нас дилетантство и в искусстве и в философии от отсутствия формул. На востоке — формулы: термин выражает не понятие

или слово, а целую связь вещей. При этом и магическое значение. Мы случайно находим одну формулу: «Он был потрясен и потому, согнув два пальца, коснулся ими лба», а там — система формул. Зато у нас Евангелие.

В формуле потрясения связь разнородного: чувства и жеста, причем не логическая, а магическая, то есть логически бессмысленная. Евангелие отменяет формулу, потому что отменяет все.

28 октября. Признав перв⟨оначальную⟩ ложь мысли, как же мыслить? Но ведь и «блаженны нищие духом»[33] — тоже мысль.

1 ноября. Пусть α — наше знание, а β — знание нашего незнания. Тогда $k = \alpha/\beta$ пусть будет коэффициентом познаваемости жизни, мира, Вселенной. За 2500 лет существования науки этот коэффициент все время уменьшается, так как α растет несравненно медленнее, чем β. Составим второй коэффициент познаваемости. Пусть γ будет нашим представлением о целом и последних причинах, δ — знанием фактов или представлением о знании фактов, $m = \gamma/\delta$ все время уменьшается, так как γ уменьшается, а δ возрастает. Даже если γ и δ ограничить единицей, так, что при адекватном знании m=1 и, значит, всегда γ<1 и δ<1, то m все время уменьшается. Третий коэффициент познаваемости $n = \gamma/\beta$, и этот коэффициент уменьшается: чем больше мы знаем, тем больше мы знаем, что не знаем; $\beta=f(\alpha)$, $\gamma = \varphi(\alpha)$, β — возрастающая функция знания фактов, то есть частного знания. γ — убывающая функция, то есть незнание или знание незнания есть возрастающая функция, а полное знание есть убывающая функция частного знания.

Определения: истинное знание — то, что сейчас признает наука истинным, — α; ложное знание — то, что сейчас наука отрицает, — $\overline{\alpha}$; непосредственное незнание — то, чем наука не интересуется, — ε; истинное незнание — то, чего наука не знает и знает, что не знает, — β; α все время возрастает, но β возрастает значительно быстрее; ε убывает; α становится $\overline{\alpha}$. Есть ли что-нибудь в α, что можно считать абсолютно истинным и о чем можно утверждать, что оно никогда не станет $\overline{\alpha}$? Если и есть, то β пока возрастает настолько быстрее α, что коэффициент познаваемости пока падает. Вывод: пока на основании почти трех тысячелетий истории науки можно утверждать только одно: истинное незнание и абсолютно и относительно возрастает. Оно возрастает абсолютно, так как α и ε становятся β и то, что вчера было α, сегодня $\overline{\alpha}$ и, значит, предмет его — предмет β; ε — например, народная медицина, гипнотизм, ясновидение. Не так давно наука просто отрицала это, как шарлатанство.

7 ноября. Фихте вводит понятия: бытие, мышление, созерцание, способность, разум и другие. Но что они значат? Непосредственны ли? Что

непосредственно? Некоторый акт жизни. Исследование как высказывание этого акта жизни. Исследование, тожественное и не тожественное предмету, значит, предмет в исследовании как некоторая достаточность и недостаточность исследования. Сейчас и не-сейчас. Здесь и не-здесь. Начало и продолжение. Достоверность и сомнение. Акт высказывания сейчас и его содержание. Выделение содержания из акта — мышление. В мышлении различаются представление и мышление.

Я вижу: передо мной деревья. Но, обратив на них внимание, я уже вижу их как деревья. Значит, и восприятие деревьев — как деревьев — в содержании высказывания.

17 ноября. Чтобы построить систему, надо чем-либо пренебречь, то есть чего-либо не видеть. Обратно: тот, кто все видит, не видит системы. Система и есть исключение чего-либо из определенного взгляда. Но 20 лет тому назад, когда была теория трех стилей, я считал, что надо именно ничего не видеть, кроме **вот этого** передо мною («Разговоры вестников»). Может, это одно и то же: я хотел построить систему, ничем не пренебрегая. Это не удалось. Тогда я пренебрег всем, кроме **вот этого**, — это был средний стиль (тогда я назвал его высоким). Многие эти как **вот это** — высокий стиль. Это два принципа: 1. Исходить из **вот этого**, не думая о том, что останется вне системы. 2. Исходить а) из принципа, который уже по понятию должен быть принципом единства всего многообразия, — синтез или б) из многообразия и искать для него принцип единства — анализ.

Синтез и анализ — предельная мысль, оба предполагают, что система должна охватить все.

21 ноября. Вот что отличает нашу жизнь от другой, соседней:

Во-первых. Я могу обдумывать и обсуждать поступок до его совершения и обладаю или предполагаю, что обладаю, свободой выбора.

Во-вторых. Я не знаю последствий выбранного поступка.

В-третьих. Я не могу изменить совершённый поступок.

Эти три признака определяют время — настоящее, будущее, прошедшее или, наоборот, время определяет эти признаки? Или эти признаки и есть время — форма свободного выбора, форма представления и предположения свободного выбора?

22 ноября. Перв⟨оначальный⟩ ряд сам по себе — до времени, так же как и перв⟨оначальное⟩ противоположение. Перв⟨оначальный⟩ ряд и перв⟨оначальное⟩ противоположение с е й ч а с — уже во времени. Но сейчас — не только сейчас, но и возможность обсуждения и выбора и только в этом отношении во времени. Но могут ли быть выведены из этого второй и третий признаки?[34] Если бы я знал последствия выбранного поступка, то не было бы и видимости свободы. Не было бы и об-

суждения и колебания во время выбора, но простое изучение последствий — вычисление. Если бы я мог изменить совершённый поступок, не было бы ответственности и дифференциал времени не был бы положителен. Можно ли назвать это выведением? Второй и третий признаки определены отрицательно: $\bar{B}$ и $\bar{C}$. Из их отрицания я заключаю: $(\bar{\bar{B}} \to \bar{A}) \to (\bar{\bar{A}} \to \bar{\bar{\bar{B}}})$, то есть $(\bar{\bar{A}} \to \bar{B})$. Значит: $A \to \bar{\bar{A}} \to \bar{B}$. То есть $A \to \bar{B}$ и так же для $\bar{C}$. Но если бы они были положительны, выведение было бы сомнительным: $(\bar{B} \to \bar{A}) \to (\bar{\bar{A}} \to \bar{\bar{B}})$. Но из $\bar{\bar{B}}$ не следует B. При этом выведении я принимаю, что между знанием и незнанием последствий или возможностью и невозможностью изменить — нет третьего. Доказано только, что второй и третий признаки не противоречат первому, что их отрицания не совместны с первым и что в предельной мысли это равносильно выведению. Но здесь доказано, что первый признак является основанием познания второго и третьего, тогда в предельной мысли это равносильно тому, что второй и третий признаки — реальные основания для первого, то есть причины. Если бы основание познания было основанием бытия, то это выведение было бы достаточным. Если же ни последствия поступка, ни изменения сейчас нет, но есть сейчас именно обсуждение и сомнение, остальное же в предположении, то это рассуждение даже не выведение, а простой анализ моего состояния обсуждения и колебания. Как Кант в «Коперниковом деянии»[35] переставил основание и следствие или причину и действие, так и здесь в этом анализе обсуждения и колебания.

29 декабря. Недавно ночью: 1. Об этом и о неправильном изгибе сердец людских, пред нами обнажившем две области: сияния и тьмы. (Благословен святое возвестивший.)[36] 2. Пустыня внемлет Богу.[37] — Бог в природе — не писать, не читать, поле, лес, море. Может, даже умереть под открытым нéбом в лесу или в поле. Состояние природы.

Сегодня ночью. Четыре типа философов: 1. Ви́дение. 2. Понимание, мысль, знание. 3. Воображение и фантазия. 4. Система: классификация, выведение, схематизм, сочинительство. Каждому философу свойственны все четыре характера, но с преобладанием.

Преобладает:

1. Платон, может быть, Спиноза. Мало 3 и 4.

2. Аристотель, Кант. Причем из остальных характеров у Канта есть зачатки 3 и 4, которые впоследствии разрослись у Фихте — Гегеля.

3. Плотин, Фихте. У Фихте помимо того сильная склонность к 4, но много и 1.

4. Гегель. Помимо того немного 3 и очень мало 1 и 2.

1 и 2 — абсол⟨ютно-⟩ полож⟨ительные⟩ характеры; 3 — положит⟨ельно-⟩ отрицат⟨ельные⟩; 4 — отрицательные.

Ошибка 3-го характера: я наблюдаю некоторое мысленное явление. Затем — второе. Они могут быть тожественными сами по себе, различаются же только тем, что наблюдаю их в разное время. Если я не сумею отделить в этих двух наблюдениях случайное и субъективное — вычесть сознание, как говорит Фихте, то получится выведение, дедукция, генезис, и это только от воображения. Например, если я наблюдаю: A есть B, B есть C и затем: C есть D, D есть E, то может оказаться, что во втором наблюдении: $C—D—E$ — сама последовательность, если вычесть случайные обстоятельства, та же, что и $A—B—C$. Если же я не сумею здесь вычесть сознание, то мне будет казаться, что я вывел A из C. Между тем как я только повторил вывод C из A, то есть только переименовал A в C, а C в E.

Что у меня преобладает? Мне дан некоторый дар ви́дения, но как ограничение его я получил соблазн схематизации. При этом не умею думать: до сих пор не могу сказать, что есть мышление. Поэтому последние 10 лет стараюсь в своих вещах быть точным, то есть особенное внимание обращаю на 2-й характер. Во 2-м характере разделение: $2^а$ — понимание частного, тогда 1 — понимание общее; $2^б$ — рассуждение, ум.

Мне не хватает $2^б$, и на это я обращаю сейчас особое внимание.

ДЕКАБРЬ 1952 — ДЕКАБРЬ 1955
ФУ 6

1952

30 декабря. Сегодня ночью: я должен читать Фихте; я должен писать. Но я не хочу этого «должен». Я хочу быть тем рассеянным мышлением, которое осуждал Фихте. Якоби: я хочу нарушать закон и в субботу срывать колосья, так как не человек для закона, а закон для человека. Фихте: человек для закона. Но это уже снова определенное противоположение, значит, оба неверны: закон — само, человек — свое. 25 или 30 лет тому назад к началу каникул я завершал все свои дела и некоторое время бывал рассеянным мышлением: я ничего не должен был, лежал, читал, ходил к Л. и думал. Я был я. Обычно же я закон (для себя). Но где же устранение себя? В законе я сжимал свое я в точку и устранял ее в писании. В рассеянном мышлении я расплывалось и почти терялось: оставались мысли-чувства, мысли-ощущения. Но, может, это опять излишняя схематизация. Что значит я был я? Но правильно ли сказать: я должен быть не-я? Вообще: я должен устранить себя, опять вводится «должен». Если же должен, то должно быть долженствование и дальше также. Но если спросят: что я должен делать? Ничего. Я именно не должен делать, и, когда я ничего не должен, то есть признаю, что все, что считается должным и что я считаю должным, не есть должное, тогда я буду знать, что мне делать.

1953

8 января. Предполагать, что я могу что-либо знать, кроме содержания высказывания, равносильно тому, чтобы требовать ответа на вопрос: о чем я думаю, когда я ни о чем не думаю. Я не отрицаю, что я думаю и тогда, когда ни о чем не думаю, но я не могу ответить на этот вопрос, так как, ответив, назову какое-либо что-либо, то есть содержание высказывания.

10 января. Три природы во мне:
1. Нулевое состояние — облака перед несуществующим.
2. Небольшая погрешность.
3. Схематизация.

Как и всякая классификация неудовлетворительна: нулевое состояние не облака перед несуществующим, но среднее между игнавией и облаками. Но и это неверно. Затем, где сомнение и воздержание от суждения? Где интуиция обнажения предельной мысли, то есть ее хитрости и ошибок? Тогда 5, или 6, или 7 природ: 1. Игнавия. 2. Нулевое состояние. 3. Облака перед несуществующим. 4. Некоторое сомнение. 5. Небольшая погрешность. 6. Предельность, то есть схематизация. 7. Обнажение предельности.

Но и это не полная классификация: 8. Погрешность погрешности; боль; конец третьей части ⟨исследования⟩ «Трактат Формула Мира», последний остаток, **это**. Мне кажется, у Введенского это есть, а у Стерлигова нет, хорошо ли это или нет — не знаю.

12 января. Философ, комментатор-эпигон и историк философии.

У философа всегда неясности, комментатор-эпигон делает все ясным, ставит точки над i и устраняет дух; историк — три типа:

1. Добросовестно излагает, при это поневоле устраняет некоторые неясности, потому что они непередаваемы, и обнаруживает ошибки и непоследовательности, при этом устраняет и дух.

2. Классифицирует и распределяет философов по полкам, при этом вносит свой схематизм и этим тоже устраняет дух.

3. Рассматривает философов как выражение развития культуры или неиндивидуального духа и своей идеей развития уничтожает индивидуальный дух философа.

В каждом историке объединяются особенности всех трех типов, но у Гейнце — преимущественно первый, у Эрдмана — преимущественно второй, у Виндельбанда и особенно у Куно Фишера — преимущественно третий.

Почему у философа есть дух, то есть интуиция, взгляд, но неясности, ошибки и требует комментария, а у комментатора — ясность, правильность, но нет духа, интуиции, взгляда? Потому что философ видит осуществленное противоречие, а для комментатора противоречие только логическая несовместность двух предложений. Интуиция, дух, взгляд имеют несколько несовместных измерений, философ видит и имеет эти несколько несовместных измерений как одно — абсолютное, Бог. Комментатор-эпигон и историк разлагают эту интуицию на ее только возможные части-измерения, историк находит их несовместность, значит, ошибки и непоследовательности философа, комментатор-эпигон выбирает из этих измерений одно, подходящее для него, а другие устраняет. Других он не видит, потому что не хочет видеть, так как его взгляд не имеет нескольких измерений, но только **одно**. Он **может** не видеть других, так как объединение их у философа не механическое: в каждой части объединены все. Философ видит свет солнца, в котором объединены все цвета. Комментатор-эпигон видит свет сквозь цветные очки,

пропускающие только один цвет. Историк поочередно надевает очки то одного, то другого цвета, но без очков тоже боится смотреть.

Я здесь не хотел осуждать ни комментаторов, ни историков (кроме разве Куно Фишера), но понять сущность интуиции: она по необходимости противоречива, то есть многомерна и составляющие ее измерения несовместны, по крайней мере некоторые. Затем еще: Гете говорил: хорошее стихотворение не может не быть темным, то есть непонятным, хотя бы отчасти. Это относится и к философской интуиции, причем обязательна темнота двух родов: 1. Что-либо останется невыясненным, может, даже неупомянутым, противоречащим интуиции. 2. В самой интуиции что-либо будет темным и неясным. В обоих случаях необходимо есть некоторый темный остаток, который или не упоминается, но необходимо противоречит интуиции, или упоминается, но неясно, темно и, может, тоже противоречит интуиции. Противоречит только для комментатора, для философа же — это ясная темнота.

13 января. В некоторых случаях, если я понимаю, почему что-либо не может быть так, а должно быть иначе, я отнесу это к моему пониманию и не буду утверждать, что что-либо действительно есть не так, а иначе. Скорее, если я не понимаю, почему что-либо есть так, я буду считать мое непонимание существованием чего-либо. Это в случае суждений апории, то есть ее тожественной стороны.

25 января. Доказательство существования радикального зла, то есть злой воли и, возможно, положительности зла, то есть того, что злая воля не есть просто отсутствие доброй воли: я могу сделать так, чтобы мне не хотелось курить. Но когда мне не хочется курить, то мне хочется хотеть курить. Раз мне не хочется курить, то я не ощущаю неприятности оттого, что не курю. Но я представляю себе возможные удовольствия, и мне хочется иметь их — удовольствия, отсутствие которых не есть для меня неудовольствие, то есть появляется желание желать курить и это есть злая воля. Если я хочу устранить определенное неудовольствие, то это не есть злая воля, но в крайнем случае слабая воля. Если же из возможных удовольствий я хочу именно то, которое не дозволено, хотя отсутствие его не есть неудовольствие, то это злая воля. Кажется, это относится ко всем желаниям.

Противоположный взгляд: так как нет желания без желания желания, причем второе не сопровождает, но вызывает первое, то это желание желания, то есть чистое желание, или воля, есть стремление к совершенству и тоска по Абсолюту, хотя бы осуществление и было ошибочным. Это взгляд Спинозы и Лейбница. Может, оба взгляда совместны, если это абсолютное, по которому тоскуем в желании, отраженное. Тогда это желание — злая воля, то есть чистая воля — злая, а добрая воля — не желание: пусть будет не по Моей воле, а по Твоей[1].

Желание желания — самоутверждение.

27 января. Переделываю «О единице». Кажется, 20 или 25 лет тому назад я видел больше, но неясно и плохо понимал — это от неясности, а сейчас — яснее и лучше понимаю, но вижу меньше. Тогда жизнь уподобится конусу и в вершине — полная ясность: одна точка — смерть.

29 января. Два предела: внизу кровь и мясо — граница дозволенного, вверху — чистая формула. Это применимо и к философам: 20 лет назад интуиция у меня была более чувственной. Последние чувственные интуиции, то есть облеченные в мясо и кровь, — «Формула несуществования» и «Трактат Формула Мира».

5 февраля. Когда я говорю, в особенности выпив, я, может быть, не могу удержаться от некоторых схематизаций и теорий, которые сейчас уже не сочиняю. Может быть, от этого и бывает потом противно вспоминать. Или если этого нет, то противно оттого, что у слушателя всегда есть отношение не только к словам говорящего, но и к говорящему, то есть ко мне, я же не достоин этого отношения. Или я сам любуюсь собою, когда же вспоминаю — противно. Или оттого, что сейчас я особенно ясно понимаю необходимость оставить свое и, когда пишу, может быть, в писании и оставляю, как я сказал об этом в «Контрапункте», когда же говорю, то внимание и одобрение слушателей утверждает во мне свое; а свое и в себе и в других противно. Может быть, высказывание должно быть таким, чтобы ничего не осталось от формы высказывания, при этом и содержание должно быть только воздержанием от высказывания.

Еще мне противна вдохновленность.

Один только есть власть имеющий, и Он говорил как власть имеющий,[2] мы же можем только воздерживаться от высказывания и высказывать воздержание от высказывания.

Сила убеждать — наглость, иногда мне неприятно это было даже у Баха. Все это, даже под видом «во славу Божию» — высокое у людей — мерзость перед Богом[3]. Неубежденность — мудрое незнание. Это и значит: приступим к критерию.

Я доказывал необходимость некоторого сомнения, я убеждал быть неубежденным, доказывал недоказательность доказательства. Но теперь я подошел к само́й неубежденности и недоказательности. Надо найти ее форму. Последняя форма — молчание, но до последней формы я тоже не дошел. Потому что есть и немудрое молчание и немудрое незнание. История редакций «Критерия» — это история освобождения от формы доказательства и убеждения. Но это опять схема, доказательство и убеждение. Я не могу относиться всерьез к доказательствам Спинозы, может, он действительно плохой мастер доказательства, как сказал о нем

Лейбниц, но поэтому Спиноза приятнее для меня, чем Фихте. У Спинозы есть некоторая недоказательность и неубедительность — это в третьем роде познания. У Фихте же — вдохновленность и убедительность, то есть наглость. Неприятно же у Спинозы — непонимание греха. Но это общее с Лейбницем и вообще с веком. Спиноза понимает зло **своего**, но, как и Лейбниц, он — Dreiviertelkopf*, так как если зло только недостаток ⟨добра⟩, то нет греха, и нет зла, и нет понимания жизни вообще.

7 февраля. Апория зла. Тезис: если **само** только ничто и отрицание, то почему я должен употребить силу, чтобы отказаться от него? Злая воля не отсутствие доброй, но положительное состояние. Положительность, то есть реальность зла, я олицетворяю с виновником зла. Виновник зла — обозначение определенного факта: соблазны, злая воля, невозможность понять зло как лишение или отрицание. Антитезис: если есть виновник зла, то как я могу быть ответственен за злую волю? И как может быть третий между душой и Богом? И не станет ли Бог виновником зла, попустительствуя ему? Отсутствие виновника зла, кроме меня самого, — обозначение определенного факта: необходимости отказаться от своей воли, ответственности. Виновником зла я обозначаю мерзость своей природы, то есть **своего** и **самого**. Отсутствием виновника зла я обозначаю отказ от своей воли.

Само — то, что владеет мною, тогда положительно: есть виновник зла. **Само** — то, от чего я отказываюсь, тогда — ничто и нет виновника зла. Если здесь применимо разделение на теоретическое и практическое, то скорее второе — теоретическое, а первое — представление реальности зла и его виновника — практическое.

12 февраля. Если я скажу: существующее, то, что есть, не существительное, а глагол, то сделаю глагол существительным: глагол есть, глагол есть это и то и сделаю глагол подлежащим и существительным. Тогда я скажу: существительное не это, а **то**, что глагол есть и что глагол есть это и то, **то** есть существующее. И снова **то** сделаю существительным. В двух отношениях делаю существительным: во-первых, сказав, что это **есть**, во-вторых, что это **есть то**. Форма экзистенциальности и форма предикации или форма утверждения и высказывания существования и форма высказывания определенности существования делают то, чему приписывается существование или определенность существования, только содержанием высказывания. В трактате о «Небе и но» я пытался сказать некоторые отношения так, чтобы ни один из членов отношения не стал ни подлежащим, ни существительным.[4]

---

* Три четверти головы (*нем.*).

15 февраля. Гаман: не доказательство бытия или небытия Бога, но вера в Бога. То есть, во-первых, не доказательство, а вера и, во-вторых, не бытие или небытие, а Бог, Бог и есть бытие. Впрочем я не уверен, что Гаман именно это сказал. У Спинозы Бог и есть бытие, у Фихте бытие Бога подчиняет себе Бога.

22 февраля. В е л и к а я и г н а в и я. Как она началась? Не знаю. В середине августа я кончил писать «Исследование о критерии» и читал Фихте. Фихте меня очень интересовал, я хотел найти его точную формулу, но это мне не удалось. Я нашел некоторые общие основания его формулы, но до конца не довел, может, потому, что формула Фихте не осуществлена. До января я читал Фихте, потом немного Шеллинга и о Шеллинге (К. Фишера и Виндельбанда), потом Спинозу. Потом взял Гамана недели три тому назад или две, но не мог читать, потом Юма и тоже не мог. На днях я увидел: великая игнавия, и по-видимому, уже недели две или три. За эти полгода я писал дополнения к «Исследованию о критерии». Не раз я пробовал приводить их в порядок и исправлять «Критерий», но ничего не получалось. У меня есть черновики, я знаю, что надо сделать, но когда сажусь писать — ничего не получается или получается плохо. Первый раз это было еще в конце августа. У меня потерялся какой-то цельный взгляд на вторую часть «Критерия». Но впрочем в написанной второй части нет этой цельности, или недостаточно, или искусственно. Может, это зависит от самой задачи: о возможном надо написать так, чтобы это было существующим, то есть в высоком стиле. Каждый предмет имеет свой стиль, может быть, здесь я хочу о низком предмете писать в высоком стиле. Это все та же вавилонская башня, которая не удалась ни одному философу, и меньше всего, может быть, Фихте. Кто строит дом, может, доведет свою постройку до конца, но, чем выше будет вавилонская башня, тем сильнее будет ее крушение. У Фихте она, может быть, выше, чем у какого-либо другого философа, но потому и разрушение больше и осталось от нее меньше.

Два рода игнавии: нулевое состояние, когда ничего не видно и нечего сказать, как у чеховской Душечки между двумя любовниками; другой род, когда знаешь и видишь, но не можешь соединить и нет интуиции целого.

$\bar{a} \supset a$. Так и у меня в философии: я ничего не вижу, и не знаю, и не верю в убеждения, доказательства и теории. Но ведь это и есть апория — недоказательность доказательства, неубедительность убеждения — docta ignorantia*. Отрицая возможность всякого знания, я утверждаю некоторое незнание — некоторое сомнение, апорию и все, что из этого следует. Философия критерия неопровержима, так как ее опровержение и есть утверждение философии критерия.

---

* См. сноску на стр. 288.

Во-первых, некоторое сомнение и, во-вторых, все, что из этого следует. Во-первых, — первая часть «Критерия». Здесь нет никакого утверждения. Не утверждается даже неутверждаемость. В первой части нет ни утверждения, ни следования. Сдвиг не утверждается, но есть, как состояние веры; но и не вытекает из апории или новых недоумений. Новые недоумения также принадлежат к апории. Во-вторых, — вторая часть: возможность доказательства и выведения. Само выведение должно быть показано не как выведение из существования апории, но как пример.

Может быть, игнавия от неосуществимости задачи — второй части «Критерия». Так как я думаю об этом, то мне неинтересно исправлять «Пути неба» и «О единице», я и это пробовал и получалось, кажется, неплохо, но тоже бросил.

26 февраля. В е л и к а я и г н а в и я — magna ignavia.

16 апреля. 14 апреля в 11 часов вечера великая игнавия прошла.

19 апреля. В 1945 г. в великую игнавию я писал, что уныние — это некоторая борьба при очевидном перевесе сил противника. Сейчас я вспомнил, как Иаков боролся с Богом: ⟨Быт.⟩ гл. 32. «И остался Иаков один. И боролся Некто с ним до появления зари; и увидев, что не одолевает его, коснулся состава бедра его и повредил состав бедра у Иакова, когда он боролся с Ним. И сказал ему: отпусти Меня, ибо взошла заря. Иаков сказал: не отпущу Тебя, пока не благословишь меня. И сказал: как имя твое? Он сказал: Иаков. И сказал ему: отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль; ибо ты боролся с Богом и человеков одолевать будешь. Спросил и Иаков, говоря: скажи мне имя Твое. И Он сказал: на что ты спрашиваешь о имени Моем? Оно чудно. И благословил его там. И нарек Иаков имя месту тому: Пенуэл; ибо, говорил он, я видел Бога лицем к лицу, и сохранилась душа моя».

20 апреля. Положим, я смогу напечатать свои вещи и меня не признают. Положим, меня будут опровергать убедительными доводами и доказывать, что я неграмотен, неоригинален и пр. Это будет только подтверждением правильности того, что я говорю. Король гол. К этому суждению может быть два отношения: могут этим восхищаться, находя здесь не то, что сказано. Это восхищение только мода и скоро пройдет. Могут считать это суждение бессмысленным — все так убеждены, что король не гол, или, наоборот, пошлым, считая, что все это знают. И только немногие действительно увидят и поймут, что король гол.

24 апреля. Вчера я был у Ст. Он сказал, что не понимает моих вещей и не знает, зачем это нужно. Мне это было неприятно, зато на следующий день не было обычного отвращения.

26 апреля. 14 марта в 10 часов 45 минут я подумал: а что если это последняя, окончательная игнавия, а в 11 я сел за «Принадлежности». Я хотел написать краткое вступление, но получилось не то, что из этого выйдет, я еще не знаю. За несколько дней написал лист, потом остановилось, и я начал «Принадлежности», потом прочел Иоанна и написал толкование к первым стихам, всего больше листа. Несколько дней не писал, сегодня ночью во сне думал о второй части «Критерия» и, так мне казалось, понял, как писать. Утром сел писать, пока еще не то, что думал, и написал около полулиста. В эту тетрадь хотел что-то записать, но все не успевал, а сейчас забыл, кроме одного: я не понимаю, когда главное в Евангелии — слова самого Христа считают возможным переделывать, исключать или противоречить им, а некоторым обрядам или словам Христа, которые можно понимать как обрядовые установления, придавать главное значение, понимать их буквально, хотя бы они и противоречили прямым словам Христа. Если несовместны прямые слова Христа и слова, которые можно понимать как обрядовые установления, то я скорее последние буду понимать метафорически или просто не понимать их, чем устранять первые.

1 мая. «Ты ни холоден и ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих».[5] Ни холоден и ни горяч — это игнавия. Впрочем это неверно. Сегодня весь день я не мог ничего делать и чувствую себя теплым и извергнутым из уст Его. Во-первых, я не знаю, какой должна быть вторая часть «Критерия», знаю, чем хотел бы чтобы она была, но не знаю, как это сделать. Но предположим, я бы сделал это. Тогда, во-вторых, я все равно теплый. Но бывал же я горяч, например в 1941 г.? Или это была иллюзия? Я дохожу до нулевой степени, до облаков перед несуществующим, до соседних миров («Формула чего-либо», вступление к «Квадрату миров»), кажется, я бывал горяч. Может быть, так: некоторый ценный металл в чистом виде встречается очень редко, помимо того, суррогаты этого металла часто принимаются за сам металл. Химик нашел слиток, в котором есть следы этого металла, и пытается отделить его от примесей. Этот химик — я, металл — Бог, слиток — апория, то есть некоторое сомнение. В некотором сомнении я хочу найти Бога. Я ни горяч и ни холоден, потому что отделение примесей требует большого внимания, осторожности и недоверчивости: не доверять своим чувствам. А может, этот металл именно требует неосторожности и чувств по формуле Д. И.: арбуз — дыня — арбуз[6]? Может, я просто теплый и извергнут из уст Его?

7 мая. Философию я не могу назвать наукой, потому что наука всегда предполагает объект, то есть то, что выделено из акта высказывания как его содержание, не зависящее от высказывания и высказыва-

ющего, а философия не признает этого абсолютного выделения содержания, то есть не имеет объекта. Как только я сам или Бог станут для меня объектами, они уже перестанут быть тем, что они есть. Если философия — наука, то — наука о науке, но тогда как наука — наука о науке о науке и дальше так же. Философия вообще не может иметь никакого объекта, поэтому не наука.

9 мая. Вторая часть «Критерия» у меня все не получается: имеется некоторое множество мыслей. Я начинаю, например, *A — B — C — D*, но затем замечаю: между *A* и *B* должно быть *E*, между *B* и *C* — *F* и *H* и т. д. Я снова начинаю: *A — E — B — F — H — C — D*, но тогда оказывается, что между *A* и *E* надо было поставить *K, L* и наконец *C* и *D*. Я не могу найти какого-то естественного порядка второй части.

11 мая. Люди, создающие что-либо, умирают, когда почти совершат то, что им суждено сотворить: Моцарт не дописал Реквиема, Гоголь — второй части «Мертвых душ», Достоевский — второй части «Братьев Карамазовых», Бетховен — Десятой симфонии. Умирают ли они потому, что не могли завершить, или умерли для того, чтобы не завершить?

〈...〉

14 мая. Я вижу одно, что не только одно. Я нахожу в нем состояния: *A, B, C, D, E, F,...* Каждое из них в отдельности уже не есть состояние этого одного, так же как и перечисление их — агрегат. Я должен найти такое соединение их, то есть порядок, чтобы множество их не было случайным собранием — агрегатом, но единством.

Каждое из состояний *A, B, C, D,...* имеет не абсолютное значение, а относительное — в зависимости от места, которое оно занимает в общем порядке. Общий порядок дает значение каждому элементу. В отдельности или в плохом порядке элементы имеют только предельные значения, причем и они отчасти зависят от порядка. Надо найти порядок, который каждому элементу даст непредельное значение. В первой части «Критерия» я нашел этот порядок. Во второй его нет. Но кажется, вчера я нашел путь к нему, то есть интуицию.

2 июня. О намерении. В чем разница между намерением и осуществлением и почему в осуществлении больше заслуги или греха, чем в намерении? Возможности или случаи. Пусть будет некоторый дурной поступок — *A*. Совершение связано с некоторым риском, и я совершаю его — это будет первым положительным случаем, тогда первым отрицательным случаем будет несовершение его из-за боязни последствий и в этом нет никакой заслуги. Второй случай: совершение дурного поступка *A* не связано с риском, и я совершаю или не совершаю его, и в не-

совершении будет заслуга. Третий случай. Дурной поступок *A* снится мне как связанный с риском, и я совершаю или не совершаю его, как наяву. Четвертый случай. Поступок снится мне как не связанный с риском. Пятый случай. Поступок снится мне, причем я сознаю, что он снится и также совершаю или не совершаю его. Шестой случай. Я воображаю этот поступок и опять-таки в воображении совершаю или не совершаю, то есть совершаю или не совершаю в намерении. Пусть совершение поступка будет *A*, а несовершение при тех же условиях — $\bar{A}$. Тогда:

	Наяву с риском	Наяву без риска	Во сне с риском	Во сне без риска	Во сне со знанием сна, то есть без риска	В воображении, значит, без риска
Совершение A	A_1	A_2	A_3	A_4	A_5	A_6
Несовершение $\bar{A}$	$\bar{A}_1$	$\bar{A}_2$	$\bar{A}_3$	$\bar{A}_4$	$\bar{A}_5$	$\bar{A}_6$

Оценка: A_2 хуже A_1 и также A_4 хуже A_3. Пусть хуже будет <, тогда: $A_2 < A_1$ и $A_4 < A_3$. Но если $\bar{A}_2$ (или $\bar{A}_4$) только из боязни последствий, то $A_1 = \bar{A}_2$ и $A_3 = \bar{A}_4$. Но как A_5 и A_6? Не равносильны ли они A_2 и A_4? Я думаю, все же не вполне равносильны, так как совершение — с е й ч а с, а в воображении и, может, во сне — в воспоминании.

4 июня. Если бы жизнь была бесконечной во времени, то высшим благом была бы смерть. Потому что каждый действительный сейчас поступок, то есть мысль-сейчас, соединен с прямым или непрямым сознанием смерти — завершением: началом и концом, вневременности и вечности.

17 июня. Мои старые вещи я сам с трудом понимаю, несколько лет тому назад мне казалось, что в них я запутывался в сложных построениях и, еще не доходя до середины вещи, терял всякое содержание, то есть оставались слова, не имеющие смысла, в крайнем случае только магический, то есть понятный мне одному, притом только тогда, так как сейчас я уже многого не понимал. Зимой, перечитывая и переделывая «О единице», я убедился, что это не так: вся вещь до конца имеет смысл. Теперь я взял вторую редакцию «Критерия», стр. 38, № 38: если апорию подчинить закону частного отношения среднего, то среднее со способом речи станут сторонами, а способом речи будет называние их сторонами или тожеством, то есть сама апория будет способом речи. Такого точного выражения смысла частного отношения среднего нет и в последней редакции. Чем больше я читаю свои старые вещи, тем больше мне кажется, что, может, и стиль правильный. Например, в «Единице» я снова восстановил «свет из несуществующего». Боязнь неко-

торых слов, которая появилась с приходом[7] Г., может быть, напрасная, то есть неправильная. Здесь еще: во второй редакции «Критерия» и вообще в старых вещах рисунок чище, то есть точнее.

Если можно различать границы дозволенного по замыслу и по выполнению, то в старых вещах я ближе подходил к границам дозволенного по замыслу, а сейчас по выполнению. Но это неточно, может, там по интенсивности, а сейчас по экстенсивности я ближе к границам дозволенного.

24 июня. Эккерман не мог понять Гете, потому что несоизмерим с ним по таланту. Фихте не мог понять Канта именно потому, что был соизмерим с ним по таланту: у него было свое. Система предустановленной гармонии: общий язык и никакого общего понимания, как и в ощущениях; объективно, по числу колебаний, секунда для всех один музыкальный интервал; также двое всегда одинаково отличают секунду от кварты. Но ведь я могу всегда слышать секунду так, как другой кварту. Тогда Бах, как его слышит другой, — для меня какофония.

Из отношений никогда не вывести качества, то есть самой качественности. Но также из отношений знаков-понятий не вывести смысла. И то, что я сейчас пишу, то есть слова, которые я здесь написал, другой, если и поймет, то не так, как я. Может быть, его понимание, если бы я смог его непосредственно понять, было бы описанием плавания ночью на лодке в море. В этом и состоит предустановленная гармония.

Мы все сумасшедшие, но имеем общий язык. Каждый говорит о своем, и другой его совершенно не понимает, но благодаря общему языку кажется, что иногда понимает. Вырваться из этого сумасшествия: увидеть или понять, что между **я** и **ты** пропасть — «отец не понимает сына». Я говорю здесь не о каком-либо эмоциональном или психологическом непонимании, но о метафизическом: логический смысл предложения каждый понимает по-своему, самое простое предложение 7 + 5 = 12 имеет только форму всеобщности и необходимости, то есть если я напишу знаки 7 + 5 =, то каждый припишет справа после знака «=» знак 12. Два математика с помощью одинаковых знаков докажут, что иначе и не может быть. Но я сомневаюсь, чтобы они одинаково понимали смысл этих знаков, и если бы один мог непосредственно войти в душу другого, то, может быть, он сказал бы: вы вполне правильно записали все знаки, но ведь то, что вы понимаете под этим, совсем не равенство, а летний вечер и ваше доказательство, как вы его понимаете, несмотря на правильное расположение знаков, было совсем не доказательством, а прогулкой в летний вечер. Здесь еще логический вопрос: что такое смысл? Соотношение понятий может быть одинаковым, а смысл может быть различным, так как: пусть $a \gtreqless b$ — предложение, α — предмет a, β — предмет b. Видя

определенное отношение α к β, все одинаково скажут: $a \gtreqless b$. Но, во-первых, одинаково ли мы понимаем и видим отношение α к a или β к b? И, во-вторых, отношение α к β? Но даже и такое: Die Piroten carolieren elatisch* — все скажут: Piroten — подлежащее, выраж⟨енное⟩ существительным, carolieren elatisch — сказуемое, выраж⟨енное⟩ глаголом и наречием, то есть субстанция, ее действие и признак или образ действия. Но как я могу быть уверен, что и другой представляет мир предметно? Может, для него мир не имеет твердых очертаний[8] (Л.), и, говоря: субстанция, он имеет в виду именно неустойчивость, так что в этом предложении Die Piroten только функция carolieren или даже elatiscn?

То, что я здесь написал, если это верно, никто не сможет понять. Потому что если бы понял, то, значит, неверно то, что я здесь сейчас написал. Если бы он согласился с этим и нашел бы, что это истинно, то это было бы ложно. Впрочем если бы он согласился и нашел, что это истинно, то неизвестно, что он под этим понимает, то есть под словом «истинно», скорее всего не то, что я здесь понимаю, и, может быть, совсем другое, не имеющее никакого отношения к тому, что я говорю. Но даже и само слово «истина» только общий знак, а понимание различно.

25 июня. О гамме. Мне легче спеть $c - d - e - f$, чем $c - f - e - d$[9], но если бы с детства слышал второй ряд, не был бы он для меня более естественным, чем первый? Определенное объективное соотношение тонов $c - d - e - f$ я называю наиболее простым и оправдываю это объективными акустическими данными. Но в самом качестве звука, то есть слышании, $c - d$ не проще $c - f$. Как акустическое явление то, что я слышу как $c - d$, проще, чем $c - f$, но вполне возможно, что другой слышит $c - f$, как я слышу $c - d$, и то, что я слышу как f, он слышит как c.

Тогда Бах, вообще всякая музыка, как он ⟨композитор⟩ ее слышит, для меня, если бы я мог залезть в его душу, — какофония.

5 июля. Ошибочен не скептицизм, то есть сомнение, но выводы из него. У Канта правильное: построение системы на основе ограниченности разума, то есть на сомнении. Но Канту не хватало третьего рода познания. Спиноза же — сомнения. Система критерия: сомнение как третий род познания. Пытался это сделать Фихте: непонятное, устранение системы — генезиса. Но все же в сомнении и ограничении разума он иногда не доходит до Канта, а в третьем роде познания — до Спинозы. Он превосходит их по заданию (и то не всегда) и по некоторым мыслям, но по осуществлению — неудачник.

* Бессмыслица, имитирующая предложение на немецком языке.

20 июля. От первой части «Критерия» у меня сохранилось, кажется, 8 редакций, а от второй — только две последние, да еще от первой — конспект в несколько страничек. Потому что в каждой редакции первой части я чувствовал aus einem Guß* и grösse Züge**, а во второй части этого нет. В последней редакции второй части, которую сейчас пишу, — ювелирная работа, да и то не чистая. Может, это мне кажется сегодня, от нулевого состояния, но во всяком случае работа ювелирная и не всегда чистая. Мне кажется, в прошлогодней редакции второй части было больше grösse Züge. В чем нечистая работа? Я хочу втиснуть вторую часть «Критерия» в определенные рамки или схемы, в этом еще нет нечистоты, это высокий стиль или магический. Нечистота в том, что схема остается сама по себе, а содержание само по себе. В первой части этого нет: четыре апории — свобода выбора — законы апории — сдвиг. Здесь не отделить содержания от схемы. Но во второй части слишком много четверок. Осуществима ли вообще вторая часть так, как я ее предполагал, — четыре ступени названия абсолютного? Первый проект двадцать лет тому назад: в первой части — я устраняю себя в апории. Во второй части: я устраняю себя, поэтому, во-первых, предполагаю себя — построение средних, во-вторых, устраняю. Сейчас это дополнилось: непонимание и боль — это в прошлом году. Наконец, сейчас третья редакция — новое дополнение: построение средних тоже апория.

Еще о нечистоте: в первой части, если исключить схемы, пропадет и содержание. Но во второй части вполне можно исключить схемы, а содержание останется.

Окончив в прошлом году «Критерий», я подумал: может, в этой редакции я ближе всего подошел к границе дозволенного и в следующей уже перейду ее.

21 июля. 18-го и 19-го мне всю ночь снились замечательные сны и я поленился записать их и забыл. И вот с 19-го «Критерий» остановился.

22 июля. Я удивляюсь своей тупости. Ведь еще 20 лет тому назад вторая часть «Критерия» должна была быть образцом высказывания, и только сегодня я нашел способ изложения, хотя это необычайно просто и почти все было найдено уже тогда. Самое главное: название абсолютного не какое-либо особое название, но любое это название. Всю жизнь, каждый день, никто ничего другого и не делает, как сейчас называет абсолютное. При этом слова «всю жизнь», «каждый день» надо понимать асимптотически: всегда сейчас я называю абсолютное. При этом всегда сейчас я называю ничто — ничего не называю и тогда на-

---

* Цельное (*нем.*).

** На одном дыхании (*нем.*).

зываю абсолютное. По-видимому, об этом думал и Спиноза в одном из писем, когда отрицал положительность зла. То есть, отрицая положительность зла, он на самом деле имел в виду название сейчас абсолютного. То, что я назвал самым главным, это формулировка теоремы. Доказательство ее удивительно просто: пусть даже абсолютное имеет особое имя или не имеет. Это не важно. Я беру любое имя. Любое, тождественное названному, будет именем абсолютного. Тогда, во-первых, как сказанное оно будет содержанием высказывания, ведь оно должно быть сказано мною. Но как содержание уже не сейчас и не его имя. Тогда, во-вторых, высказывание имени абсолютного сейчас. Но, как легко доказать, и высказывание не сейчас. Тогда, в-третьих, высказывание высказывания сейчас, и дальше так же — середина первого и середина середин. Но здесь абсолютное имя отделено от высказывания бесконечностью высказывания, значит, не сейчас. Тогда, в-четвертых, сейчас актуальность, о которой нельзя даже сказать **сама**, так как **само** неосуществимо. Так как не сама, то актуальная потенциальность — ничто, причем первое — ничто Бога[10]. Содержание каждого пункта доказывается легко, но, как переход между ними, не будет ли выведением? Первый переход к п. 1: сказанное — результат объективирования. От п. 1 — к п. 2: сейчас акт, а не его содержание. От п. 2 — к п. 3. Во-первых, разнородность содержания и актуальности и, во-вторых, однородность содержания и сказанного акта. От п. 3 — к п. 4 различие актуальной потенциальности и потенциальной — отсутствие пред.⟨?⟩ субстанции. Наконец, переход к действительному названию — сдвиг вверх. Если здесь и есть круг, так как я, исходя из сдвига вверх, доказываю сдвиг вверх, то я не оправдываю его, как Фихте, но прямо говорю, что всякое разделение имманентно, то есть имеет смысл не для всякого, но для того, кто поверил в интуицию разделения. Но тогда уже нет и круга. Ведь для меня был вопрос не в том, есть ли середина середин и ее устранение, но как найти их формулу, исходя из сдвига вверх. Затем еще: главное в доказательстве, что я исхожу не из имени абсолютного, а из любого имени и доказываю, что любое имя есть имя ничто, причем первого, а из этого уже следует, что любое имя есть имя абсолютного.

Практическое основоположение: во-первых, всякое мое имя и название ничего не обозначает и не называет и есть имя ничто, в котором ничего нет, ничего своего или самого, значит, ничто Бога, из которого Он сотворил душу и через которое душа возвращается к Богу. Из этого следует, во-вторых, что всяким именем и названием душа называет только Бога. Затем последует доказательство в двух частях и в первой части — четыре отдела. Содержание каждого отдела — возможный признак, а вся часть — возможное название абсолютного. Содержание второй части — действительное название абсолютного и в дальнейшем как отрицание четырех возможных признаков или, на основании четырех условий апории, — четыре действительных признака.

25 июля. Опровержение солипсизма и о доказательстве бытия Бога.

1. Невозможно доказать существование другой души, так как:

а. **Чувство и ощущение может быть сказано в безличной форме**, например «мне больно». Но затем я говорю: я думаю или знаю, что мне больно; и дальше: я думаю, что думаю, или знаю, что знаю, что мне больно, и дальше так же. Это уже личная форма и сознание. Вряд ли обладают им животные. Другим людям я приписываю это сознание. Но обладают ли они им действительно?

б. Этого я не могу доказать, и никто не сможет доказать, так как **обращение внимания на себя, то есть высказывание я — я**, абсолютно личное, так же как и высказывание: это — мое. **Я**, **мое** и **сейчас** просто немыслимы как не-я — **я**, не мое — **мое** и не-сейчас — **сейчас**. Если я имею какую-либо уверенность в чем-либо, то только потому, что я — это **я**, мое — **мое** и сейчас — сейчас. Я могу переносить это сознание, просто душу, другим, но душа, которая не есть моя душа, — противоречивое, немыслимое понятие, душа и есть моя душа.

2. **Солипсизм должен быть продолжен, и в этом заключается его опровержение. Во-первых, не существуют другие души. Во-вторых, и** сама моя душа. Если душа — это то, что говорит о себе **я — я**, то также **я**, который **я — я**, и дальше так же. Таким образом, я никогда не приду к себе самому. Себя самого я имею только в намерении. Но я сам и есть то, что подвергло сомнению существование других, теперь же само сомнительно. Я сам так же не существую, как и другие. Не существует не душа, но **сама** душа, то есть **само** души.

3. Несуществование теор⟨етически?⟩ **самого** — исследование не достигает предмета, относительность знания — ложь.

4. Несуществование практич⟨ески?⟩ **самого** — моральный закон: возненавидеть близких и притом себя **самого** — устранение **самого** — зло.

5. **Само** не есть. **Само** как определение моей души и как все содержание. Но что-либо есть, то, что есть, — Бог, ничего другого нет. Но этим еще не сказана ни Личность, ни даже моральность Бога.

6. **Само** как определение моей души, то есть зло, я не могу не представлять себе как нечто положительное. Тогда апория зла: положительность и олицетворение зла — дьявол, ответственен за зло — я **сам**.

7. Этим Бог определяется уже положительно, как То, что есть, когда во мне не будет **самого**: во-первых, абсолютное существование, во-вторых, абсолютное добро.

8. Этим определены и остальные качества: всемогущество и др., **кроме Личности. Если все мои существования только условно необходимы в пределах высказывания и мысли, само** же и дьявол и есть сама эта условная необходимость, но что-либо есть, безусловно, просто есть, то Бог не необходимо существующее, потому что это предельное понятие, но полнота всей реальности, так как единственная реальность. И если я ничего не могу и никто не обладает никакой ни мощностью, ни могуществом, то Бог всемогущ, так как только Он может.

9. Личность же Бога следует из того, что если никто не сам и есть только Бог, то Он — единственный. Тогда если Он — Дух, то Личность и Сам — Сам Бог.

10. Бог Дух, так как Он — единственная реальность, которую я нахожу в себе — душе, когда освобождаю ее от всего нереального, душевного: и тело и душа — ничто. Тогда то, что есть, — Дух.

11. Во-первых, Он — Дух, во-вторых, — Он Сам, в-третьих, как возможность меня и творение души — Слово.

1 августа. Вторая часть доведена до построения практических основ. Сейчас закончил это построение и, кажется, могу сказать: хорошо. Но еще надо подождать, надо, чтобы вылежалось, тогда будет окончательно видно. Не так уж много изменил по количеству, и какая разница с прежней редакцией. По существу два изменения: начал не с апории, а с знака второй степени и это сразу же дало стиль. Но это потому, что, наконец, была решена задача, которую не мог решить 22 года: практическое основоположение — оно стало душой, которая дала жизнь второй части «Критерия».

7 августа. Почти все элементы или в крайнем случае зачатки элементов системы[11] даны были еще до прихода Г., ко времени первой—второй редакции «Критерия». Сейчас, например, вошло в систему и определение предмета как отсутствие второго. А «болевой характер системы» был найден еще до 1929 года, может, даже до 1926. Г. дал мне только незавершенность и неполноту, то есть то, что сейчас я называю *системой как пример*[12]. Но это очень много.

11 августа. Еще из прежнего во второе построение вошло: первое как второе. В последних редакциях я пользовался им только как термином, между тем это надо понимать буквально: второе как второе будет первым. И так же: первое, первое, первое. Но сейчас я не только открываю смысл в элементах, найденных 20 лет тому назад, то есть развиваю их, но в одном элементе нахожу несколько, как теперь в различных построениях основоположения.

29 августа. Третье построение — форма недолженствования и жертва[11]. На значение жертвы указал мне Д. И., и жертву надо понимать широко: от жертвы Сына, жертвы своей воли, до жертвы в писании исследований, стихов, картин: часто — вещь станет лучше, если пожертвовать хорошими даже местами (Д. И.).

7 сентября. Евангелие — сейчас, то есть сейчас я могу умереть — притча о светильниках. Прошлое в Евангелии — только как условие границы — сейчас. Но после Евангелия уже патристика субстанциализирует прошлое.

14 сентября. Я доказал актуальность ничто, и теперь мне все неинтересно.

23 сентября. Мне кажется, что мой брат осел[14] отслужил свою работу, и не страх, а любопытство к тому, что должно скоро наступить. Поэтому все другое неинтересно.

25 сентября. Кажется в высшей степени странным и непонятным совмещение во мне не психического и физического, но духовного и физического, то есть вневременного и нечувственного с временным и чувственным. Это первое чудо и тайна — творение мира: «И Слово стало плотью»[15]. Я вижу это конкретно в отдельном этом и том и удивляюсь: я думаю и я же хочу есть.

9 декабря. Здравый смысл надо отличать от пошлости: например, Больцано, Штумпф — здравый смысл, Файхингер — пошлость. Особенно ясно стало сейчас, когда я прочел: Тренделенбурга — пространство и время субъективны и объективны сразу, Файхингера — пространство и время отчасти субъективны, отчасти объективны, при этом еще ссылается на Писториуса — сотрудника Николаи. Здравый смысл — одна из интуиций или идей, а пошлость — отсутствие интуиции и идеи.

1954

21 января. Я и Бог — единственно, что мне сейчас интересно. Поэтому Лейбниц, как я им иногда и ни восхищаюсь, всегда был чужд, он стоял вне этого отношения. Декарт и Кант в этом отношении ближе к **я**. Спиноза, Якоби, Кьеркегор — к Богу. Спиноза — вечность и guatenum*. Якоби — отрицание системности. **Кьеркегор** — непримиримость Евангелия, Фихте — ближе к **я**, но ищет выхода из **я**.

23 января. В других религиях степени совершенства, в Евангелии только одна степень: пусть будет не по Моей воле. Поэтому то, что в других религиях максимум, в Евангелии минимум. Евангелие требует меня всего, то есть я сам, весь я сам должен отдать себя. Но отдавать себя по частям все равно что не отдавать.

8 февраля. Оправдывает ли искренность веры веру? Нет, так считало язычество. Оправдывает ли предмет или содержание веры веру? Нет, так считали фарисеи. Что же делает веру истинной верой? Некоторый оттенок веры: не я, но Бог. Но этого мало. Бог не должен быть абстрактным, или необходимо понимание, что я — это я сам, то есть начало абстракции. Парадокс (Кьеркегор): Богочеловек. Фарисей, искренно считавший себя добродетельным и действительно добродетельный, искренно не мог бы понять, за что он осужден (Шестов). Он не мог понять того, что выше этического: парадокса. Или проще: он был **сам**. Я допускаю, что Анна или Кайафа искренно считали Христа богохульником и уж во всяком случае искренен был Савл. Значит, искренность не самое главное, во всяком случае если перед глазами как бы ширма: они не видят и поэтому упорствуют; виновны ли тогда? Все-таки виновны: они жертва и все же виновны. Это новое, что дало христианство.

* Поскольку (*лат.*).

17 февраля.[16]

Абсолютный факт

Надо выяснить. Может, снова игнавия? В конце августа закончил вторую часть «Критерия», кончал наспех и уже был недоволен. После этого читал: Фриза и в связи с Фризом — Шелера, Лезера, К. Фишера о двух кантианских школах и др. В связи с этим думал о начале системы и о круге. В конце концов все разрешения вопроса о круге были скрытым или явным лицемерием и наиболее явное лицемерие, может быть, у Виндельбанда с его признанием нормального человека. Ведь этот нормальный человек не факт, который можно наблюдать, но только цель и намерение предельной мысли. И здесь, мне кажется, я нашел *абсолютный факт — тожество факта и его обсуждения.* Этим фактом устраняется круг и нормальный человек не выдается за большее чем он есть — цель и намерение предельной мысли. Все это должно быть вторым дополнением к «Исследованию о критерии» — «О методе». Затем, кажется, я понял, как исправить построение практического основоположения — окончательно устранить имевшиеся там элементы доказательства. И это я кратко записал и, кажется, мог бы сделать. Но не сделал, а продолжал читать. Последнее, что я читал, — Кьеркегор. А последние дней пять вдруг бросил и Кьеркегора и ничего не могу читать. Пробовал Евангелие — не могу.

6 марта.

Неисторический факт в истории — единственный факт

Последний остаток — Иисус Христос. Перед этим прочел сразу Евангелие от Иоанна и понял *неисторический факт* в истории. Об этом думал уже несколько дней и сегодня записал.

В прошлом году игнавия прошла 14 апреля. В этом — небольшая (если и была) между 1 и 6 марта. Но была ли? *Мне нужен был абсолют-*

ный факт и затем неотделимый от него неисторический факт. Кьеркегор и Вреде, Жебелев, немецкое протестантское богословие, то есть несовместность веры и науки, но не верующего и ученого.

Последнее слово — абсолютный факт — неисторический факт в истории.

22 июля. Странно, что во сне бывает другое отношение к людям, то есть к определенным людям, с которыми сейчас встречаюсь или уже много лет не встречался, и даже к умершим. Я не ищу объяснения этому, прав ли Фрейд, или Бергсон, или, может, оба сразу, амбивалентно ли мое отношение к людям, странно то, что самое близкое мне, как мне являющемуся кажется, вдруг делается совершенно другим во сне: человек, который мне сейчас безразличен, вдруг делается мне самым близким и наоборот. Ведь мне кажется, что это я, и вдруг во сне **я** сейчас совсем **не-я** сейчас. При воспоминании наяву я всегда знаю, что это воспоминание, я вспоминаю чувство, которое было, вспоминаю с умилением или отвращением, но сейчас уже не то чувство. И это конечно странно, но все же я остаюсь собою, во сне же я — не-я. Что же остается от единства эмпирической личности?

Некоторые считают память и воспоминание тем, что во мне есть трансцендентного. Скорее воспоминание принцип **самого**, то есть психологический факт, который одновременно есть трансцендентальный принцип a priori. Но тогда странно и даже страшно это разрушение единства эмпирической личности частичное — в воспоминаниях и полное во сне и при психических заболеваниях.

За это время я хотел многое записать. Сейчас запомнил два больших мгновения: ночью, когда лежал в кровати и смотрел на небо — желто-зеленое. И ощущение, когда проходил несколько раз мимо дачи напротив: я не находил, вернее, не ощущал, критерия бодрствования, под страхом спасения жизни я не поклялся бы, что не сплю сейчас, мне казалось, надо сделать какое-то невероятно большое усилие и рассеется кошмар этой жизни — я проснусь.

10 августа. Вспоминание. Ассоциация ничего не объясняет. Подобных и сходных предметов множество и также критериев сходства: форма, цвет, звук, запах и др. Например: береза — клен — красные листья клена — пожар. Береза — лист березы — печенье в форме листа — вечер, когда я ел эти печенья, — определенное лицо, которое там присутствовало. Затем сами слова по ассоциации, рифмы вызывают ассоциации с совсем несходными предметами. Так что множество критериев сходства, создающих различные серии вспоминаемых предметов, и множество предметов в каждой серии. Почему из этой ∞^2 предметов ассоциируется именно этот? Я заметил это утром, когда проследил ассоциацию, закончившуюся «Приключением Аристида Пижоля» Локка. Одно звено этой ассоциации мне было понятно: это звено было вначале, Локк не имеет к этому отношения. Но почему из множества подобных случаев было именно это, непонятно даже в этом понятном случае. Понятна основная причина — похоть.

11 августа. Сон. Снились В. и Л. Я думал: вот я каждый день встречаюсь с Л., ведь это действительно так, и Т. подтвердит, сейчас я ясно вижу В. Но, может, попробовать, не проснусь ли, сделав усилие? Мне показалось, что проснусь, я не хотел испытывать случай и не сделал усилия. Затем продолжал думать: если это не сон, то почему же ни В., ни Л. ни разу не поинтересовались тем, что я пишу? Я не находил другого объяснения, как то, что это сон. Но может быть, им это действительно неинтересно или то, что я пишу так неинтересно? Я оставался в колебании.

13 августа. Талант отличается от гения тем, что первый имеет границу, то есть сказал все, что мог сказать, исчерпал себя, а гений не имеет этой границы, не понимает самого себя. И еще так: у таланта концы с концами сходятся, у гения — противоречия. Гений тот, кто не только увидел противоречивость мира, но противоречивость отношения **я** — мир, **я** — Бог, правильнее — противоречивость высказывания этих отношений, и не только увидел, но осуществил — противоречивость формы и содержания, высказывания и его содержания. Поэтому разница между ними качественная, а не количественная и неосуществленный гений может быть даже бездарен. Якоби, арационалист, боровшийся с разумом, все сказал: перечитывая его зимой, я вдруг понял его до конца, увидел его границу. Канта и Фихте, более склонных к рационализму, я не могу понять до конца. Они и сами себя не понимали до конца, они безграничны. Якоби только говорит о непонимании, о арациональном, а они осуществляют. Как Якоби ни умен и ни симпатичен мне, все же я вижу, что он говорит **о чем-либо**, а они — **что-либо**. Рассуждение **о чем-либо**, хотя бы и арациональном, — рационально, а **что-либо** арационально.

1955

20 января. Разговоры: Миша (В.)[17] — о непродолжении вдохновения, И. П.[18] — о ненависти к жизни и жизни: несмотря на ненависть к ней, у нее жизнь, а у В. В. — картины. В. В. — лошади, заборы, страсти, закон и недозволенное, межпланетные путешествия, грузин с усиками.

Во сне я говорил своему собеседнику, что Э. Л. Р.[19], который был где-то рядом и еще не очень старый, дожил до преклонного возраста.

Но затем подумал: как я докажу ему это, ведь сейчас, во сне, Э. Л. еще не умер, а в действительности умер. Сейчас, во сне, я вернулся на 10 лет назад, но ведь только я могу выйти из сна, а мой собеседник не может. Я перестал доказывать, потому что понял, что мой собеседник не сможет понять, раз он не может выйти из пределов сна. При разговорах наяву бывает подобное: мы говорим на разных языках, наши разговоры разного рода, потому что один из нас всегда спит, не может выйти из сна, другой может. Так что скорее язык, то есть знаки одинаковые, а смыслы разные.

7 февраля. Во-первых, о свободе воли. В широком смысле свобода от чувственных мотивов, то есть определение воли не чувствами, ощущениями, желаниями, но разумом. В узком смысле — свобода от всяких мотивов. Например. Положим, я собираюсь выпить и у меня нет никаких оснований — ни этических, ни других — отказаться от выпивки. Я приготовил водку, любимую закуску, налил в рюмку, поднес ко рту и вдруг поставил на стол, решил не пить. Я это сделал не для того, чтобы испытать свою волю, то есть силу воли. Мне кажется, это грех, и большой, и самые неприятные люди, должно быть, с сильной волей. Я сделал это просто так, без всяких мотивов. Мне кажется, это бывает иногда у каждого человека, но так как мотивов нет, то поступок незначительный, поэтому не обращается внимание и не запоминается. Доказать это нельзя, так как всегда найдется возражение: мотив был, только остался незамеченным. Это непосредственный факт. Но, может, и всякое мотивированное решение разлагается на атомы, кванты или дифференциалы решений, из которых каждый квант не мотивирован? Или в самом наблюдаемом мотиве найдется ядро — немотивированный квант? Если я могу выбрать состояния *A, B, C, D* и выбор одного из четырех мотивирован, то выбор именно этого одного из четырех родственных, может, не мотивирован. Также если я перехожу от одного представляемого состояния по ассоциации к другому, то мотивировка перехода ассоциацией сомнительна, так как может быть множество критериев сходства, например $A \overset{a}{-} B$, $A \overset{b}{-} B$, $A \overset{c}{-} B$, где *a, b, c* — критерии сходства. Если переход от *A* к *B* при критерии *a* объясним, то выбор критерия критерия *a* непонятен. Но тогда надо ввести критерий для критериев сходства, но для них тоже будет ряд критериев и т. д. Скорее всего, если при критерии *a* переход *A* — *B* мотивирован, то сам выбор критерия *a* может быть не мотивирован. Может, это применяется и не только к ассоциациям или ассоциации применяются и при решениях.

Во-вторых. Разум — тавтология и вера — тайна. Раньше я думал, разум — пошлость, но это не совсем верно: в пошлости может быть тайна. Но 2 × 2 = 4 уже не тайна. Здесь два положения или положение и противоположение. Если же противополагаются друг другу, то оба — первое положение, так как вера, противополагаемая разуму, вступает

на путь обоснования — разума. Первое выбирается и выбором противополагается второму. Второе, как противополагаемое первому, значит, выбираемое, тоже первое. Второе, чтобы быть вторым, не противополагается и не выбирается, как одно из двух, а просто принимается: верю в тайну. Обоснование же сделает первым.

О мгновенном предопределении

Пример: каждый непосредственно сознает в себе свободу воли, если не в специальном смысле (отсутствие мотива), то в общем, то есть знает, что надо делать для спасения, и знает, что ему даны силы выполнить. Если же не выполняет, подчиняясь чувственности или злобе, себялюбию, то знает, что виноват в этом он один. Это непосредственно ощущает каждый, если отвлечется от софизмов: спасение или гибель зависит от его поведения и образа мыслей. Но также каждый чувствует — и это тоже непосредственно, что спасение не зависит от его воли, во всяком случае зависит не только от его воли. Иногда мне кажется: соверши я все что надо, будь святым, но я пуст, нет на мне благодати. Когда я кончаю вещь, я чувствую: через меня прошло, я освободился, я пуст и чист. Эта чистота и пустота от благодати или от отсутствия благодати? Иногда же мне кажется (редко): есть благодать. Тогда, несмотря на всю мерзость, думаю: спасен, может быть, спасен. В обоих случаях гибель и спасение не от моей воли, но от благодати: я предопределен к спасению или гибели. Тайна — предопределение, тавтология и пошлость — свобода воли. Но, отвергнув свободу воли, сделаю предопределение пошлостью — схемой, закономерностью, природой и разумом, а не благодатью. Я утверждаю не полупелагианизм, а противоречие: полная свобода воли и одновременно полное предопределение. Это непонятно, но сама непонятность и есть здесь понимание. Непонятность увеличивается и кажется полным абсурдом, потому что вечность понимается не как с е й ч а с, а как **все время**, то есть — бессмыслица. Если же вечность — с е й ч а с, то свобода воли и даже исполнение Богом просимого в молитве совместны с полным предопределением, даже не совместны, а одно, хотя логически несовместны и их единство, даже тожество, непонятно.

12 марта. Во сне я думал: пока я жив, гроб с моим телом лежит под землей, так как жизненная сила давит на него и не дает земле вытолкнуть, но, как только умру, земля вытолкнет его наружу.

24 марта. От абсолютного факта я стремился перейти к единственному: в 1932 Георг — «О деревьях», последний год — неисторический факт в истории. То есть: недостаточность умозрительной философии, Иисус Христос — эмпирический факт.

«Щель и грань» — некоторая конкретность. Но затем до 1932 года — умозрительная философия.

1932. Георг — небольшая погрешность — «О деревьях» — возвращение к конкретности.

Отдельные возвращения к конкретности: «Рассуждать — не рассуждать», «Формула несуществования»(?)*, боль в «Свердловских трактатах». Но затем система критерия.

1954—1955. — Неисторический факт в истории. Но это уже совсем определенное — к эмпирическому факту.

До 1932 г. — небо. С 1932 — возвращение на землю и соединение небесного и земного.

Вчера с Стерл⟨иговым⟩: Страв⟨инский⟩ — небесное. Шостакович — соединение небесного с земным или, скорее, дурное земное, хотя и на современном языке, — сюрреализм? Но Шурик Тр.[20] говорит на устаревшем, несовременном языке, и я вижу только земное — Бальзак. Последняя картина Стерл⟨игова⟩ (голова Ст. — печь — Шурик). Я понял вдруг, что она мне неприятна: звезда на печке давит, погреб, из которого идут на меня пауки. Шурику нравится. Стерл⟨игов⟩: столкновение двух направлений.

Я пытаюсь соединить небесное с земным в неисторическом факте. Шурик: французы смотрят на небо в пространство, надо же оттуда, с неба на нашу маленькую землю. Но что Он видит? Бальзаковские чувства.

25 марта. Просвещение XVII—XVIII вв. — вера в разум оказалась просто пошлостью. То есть разум сам по себе, чистый разум — пошлость, как чистая воля — злая воля, грех и черт. Кант: чистый разум — практический, то есть чистая воля. Достоевский, Гоголь, Мережковский: черт — пошлость. Так объединился, почти отожествился разум с пошлостью (также в моей антиномии 7 февраля).

Разум	→	воля
↑		↓
пошлость	←	черт

Эта четверка — некоторая точная формула интеллектуализма. Должна быть еще подобная ей формула чувственности, то есть формула чувств.

2 апреля. Логическая сторона апории: различие двух видов отрицания: определенное и неопределенное, отрицающее не только отрицаемое, но и себя само, как отрицающее, противополагаемое отрицаемому, значит, некоторый субстрат противоположения и определенного отрицания. Предчувствие этого отрицания в различии отрицат⟨ельных⟩ и бесконечн⟨ых⟩ суждений. Но в этом различии как раз бесконечное суждение — определенное отрицание. Интуиционизм.

* Знак вопроса — авторский.

4 апреля. Стерлигов о картине Т. Н.[21]: голос позднего часа истории говорит о новом голосе истории; это не может не быть неприятным, но ничего общего с физиологически неприятным и с переходом границы дозволенного.

11 апреля. Кто уязвлен Христом, тот не может интересоваться ничем другим или ищет во всем Христа.

29 мая. Тайна или разум. Если тайна, то головокружение: ограниченное существо на границе с бесконечностью и вечностью — тайной не может не испытывать головокружения: тайна — бессмыслица (в искусстве) — сомнение (противоречие в философии). К.[22] боится головокружения, то есть тайны, бессмыслицы, сомнения, вообще нелогичности. Даже если мы утверждаем, что в основе Божественный разум, то только наш, никакого другого мы не знаем и для нас Божественный разум — нелогичность, тайна, причем не относительная и постепенно познаваемая, как сказал К., а принципиальная и непознаваемая.

Сон: меня в чем-то обвинили, я возражал очень резко. Вдруг вижу в дверях Л. Я думаю: это уж не сон. Но присутствующие стали уверять меня, что и это сон: ведь столько раз являлся и все был сон. Я рассердился и сказал: все вы несуществующие, все вы мой сон, кроме Л. Они предложили испытать, сон ли Л. или нет. Положили его и стали резать грудь. Потом он усилием воли стал заживлять раны и я ему помогал, тоже усилием воли. Кровь остановилась, раны высохли, остались одни шрамы. Но что это доказывает, подумал я, и все присутствующие и Л. стали медленно испаряться, и я проснулся.

А вообще очень плохо. Прости, Господи, и пусть не будет хуже.

⟨...⟩

12 июля. В Зеленогорске[23]. Молитва: 1) искренность, то есть искренний разговор с собой, он станет разговором с Богом, то есть молитвой, если добавится 2) ощущение собственной недостаточности (слабости и преимущественно мерзости, от этого и слабость), неотделимой от ощущения внешней силы, восполняющей мою недостаточность (благодать). Я молился о четырех вещах: одна от меня абсолютно не зависящая, другая — отчасти не зависящая и две — избавления: от беса похоти и табачного беса. От этих двух бесов я сам избавиться не могу, но только если Он поможет.

14 июля. Вчера я весь день читал Евангелие; прочел все четыре, и Он помог, и прошло плохое.

15 июля.[24] Всегда, когда мне становится плохо, я читаю Евангелие, и не две-три страницы, а целиком, хотя бы одно, и плохое проходит. Скажут, образовался условный рефлекс, мог бы образоваться и от другого. Но ведь от другого не образовался и не образовывается. Магнетизм, гипнотизм, внушение, самовнушение, сублимация, кора головного мозга, условный рефлекс — все это слова-термины, иногда помогающие что-то объяснить, но поверхностно. Если же помогают и сделать, то в основе, должно быть, лежит несознаваемая вера (ощущение собственной недостаточности, неотделимое от силы, восполняющей ее) и молитва. Все эти медицинские термины, которыми пытаются объяснить грех и благодать, так же поверхностны, как и физические объяснения качественности мира. Они могут быть очень остроумны, логичны и убедительны, и все же в основе жизни — *грех и благодать, внешне — избыток качественности*.

25 июля.

О методе

Философы искали общее — правила и законы, для Когена даже человек — идея человека. Если же начало философии **я** и Бог, то надо найти не идею человека, но себя самого, только в себе самом я найду **я**. Поэтому я отбрасываю категорический императив, всякую систему этики или психологии, вообще все то, что находится в воспоминании и продолжении. Это не наблюдение и не опыт, потому что опыт, как показал Кант, не непосредственное, но уже результат деятельности рассудка, опыт закономерен или хотя бы функционально обоснован. Когда же говорят «мистический опыт», то только в переносном смысле, потому что если мистический, то уже не опыт. Но это и не феноменологическая редукция, потому что если это редукция, а не простая болтовня, то все же некоторое описание, а мое исключение продолжения — не описание. Но что же? В первой части «Критерия» это было установлением факта — тожества факта и его обсуждения. Но что значит это установление? Я высказал некоторые суждения. Из суждений я делаю выводы. Так возникает система. Это система суждений — система. Она сказана уже в первом или в первых суждениях, в скрытом виде она заключена в них. Это первое суждение или первые суждения пусть будут первым высказыванием, и предполагается некоторое соответствие между первым высказыванием и его предметом, причем предмет не тожественен первому высказыванию. В первом высказывании заключена в возможности вся система. Установление факта состоит просто в некотором обращении внимания: меня интересует не содержание первого высказывания, то есть система, но, во-первых, его форма и, во-вторых, само это первое высказывание. Под формой понимается здесь не качество, количество, отношение и модальность первого высказывания, потому что оно на самом деле и не сказано, это только намерение системы, интуиция и, может быть, связано с одним только словом, в одном слове скрыта вся система. Но хотя бы это слово сказано, то есть соединено с знаком. Форма здесь актуальность акта, а первое высказывание — сам акт. Но здесь я уже перехожу к перв⟨оначальному⟩ факту — установление перв⟨оначального⟩ факта и есть перв⟨оначальный⟩ факт.

Метод: чтобы исключить продолжение, надо от содержания высказывания перейти к самому высказыванию. Тогда вместо какого-то соответствия высказывания предмету увидим их тожество: тожество факта и его обсуждения (апория качеств).

Этот метод кажется общим для обеих частей. Но для второй части он усложняется тем, что я сам только в продолжении. Ясно, чего не будет при этом методе: категорического императива, системы этики и пр. Но что останется? Некоторые слои **я**: слой того, что в начале, то есть продолжения и содержания акта: системы этики, слой формы акта — долженствования, слой акта — жертва.

Чем отличается метод «Критерия» от метода Фихте? У Фихте выведение, затем выведение выведения, но тогда и выведение выведения выведения и дальше так же. Но выведение в том и состоит, что есть выведение выведения и т. д., то есть не доходит даже до формы акта, но остается в содержании, в продолжении и предельности. Правда, Фихте второго периода это чувствовал уже и пытался выйти из предельности, но все же не смог.

Отличие от Фихте — перв⟨оначальный⟩ факт и апория.

26 июля. В прошлую субботу я был у Тр. Говорил М. ⟨Войцеховский⟩, а я против М. и защищал Ст., и, возражая М. и защищая Ст., я, может быть, был ближе к М., чем к Ст.

13 августа.

О методе

С одной стороны, вера в науку и разум: наука все больше познает мир и приближается к полному познанию — хотя и непонятно, как можно преодолеть бесконечную пропасть между относительным и абсолютным познанием. С другой стороны, иногда высказывания о бессмысленности всякого знания, всякой человеческой деятельности. Эти два высказывания у одного и того же человека не противоречивы: если нет веры и философии, а только наука и разум, то все бессмысленно. Здесь два высказывания с определенным содержанием и высказывающий предполагает, что содержания их независимы от акта высказывания. Сейчас у меня состояние, подобное состоянию игнавии, а может, и сама игнавия. В этом состоянии я могу выделить содержание высказывания об этом состоянии и тогда скажу, как тот высказывающий: нет смысла и цели ни в

чем, все бессмысленно. В этом случае я высказываю только свои неприятные ощущения об этом состоянии, то есть свое отношение, и заменяю им это состояние. Но я могу исключить себя в некотором наблюдении, тогда я вижу состояние как абсолютное и оно не имеет никакого отношения к моим суждениям о смысле и бессмысленности. В этом состоянии я могу высказать суждение о бессмысленности всего, о естественном материализме, но эти высказывания ограничены актом высказывания, только в нем имеют значение, внутри него, а не вне. Здесь можно дать некоторое правило о методе: высказывая какое-либо суждение, претендующее на общность, я должен определить область его применения — допустимые значения. Это суждение вызвано определенным состоянием. Не сумев рассмотреть это состояние как абсолютное состояние, я высказал суждение по поводу этого состояния — то есть мое отношение к этому состоянию; тогда мое отношение к некоторому состоянию заменило это состояние. И оно имеет значение только в пределах высказывания моего отношения к этому состоянию.

Я высказываю суждение: все бесцельно, все бессмысленно. Возможны три отношения к этому суждению:

1. Я признаю это суждение объективным, всеобщим и необходимым. Но для этого я раньше выделил содержание высказывания из высказывания.

2. Я ищу причину высказывания этого суждения: усталость или другая. И здесь я выделяю содержание, но не высказывания, а акта — мое самочувствие или состояние стало содержанием.

3. Не выделяю содержание ни из высказывания, ни из акта, но состояние рассматриваю как абсолютное. Тогда высказывания об этом состоянии имеют значение в самом акте высказывания, не выходят из его пределов. Скорее всего, они вообще не имеют никакого значения и только скрывают от меня само состояние.

29 августа.

Абсолютный факт

Великая игнавия, и по-видимому, уже давно. Последняя игнавия закончилась 6 марта 1954 г., когда открыл неисторический факт в истории. С того времени — Евангелие. Последняя интересная книга — Лоузи. Она интересна в том отношении, что помогла мне понять теологический квадрат[25], значит, не как внутреннее суждение, а ⟨как⟩ внешнее. После этого, кажется, ничего особенно интересного не было, и вскоре начинается игнавия. Установить точно ее начало никогда нельзя; внезапно замечаешь: она уже пришла. В июне, в июле я ее предчувствовал, а может, и тогда была, в начале августа уже ясно было: великая игнавия. Надо выяснить.

Во-первых, Евангелие. Во что я верю:

1. Бог.

2. Иисус Христос — Сын Божий. Это значит: Он был в особом отношении к Богу, ни один человек не был в таком отношении к Богу. Усыновил ли Его Бог за Его человеческие достоинства или, наоборот, у Него были достоинства, потому что Он был Сыном Божиим. Я верю во второе. Значит, отвергаю адоптианизм. Но также и всякий докетизм, поэтому Он знал все, что есть, но что будет завтра или в другом месте, где Его нет, Он не знал.

3. Воскресение Иисуса Христа. Я верю, что Он воскрес, не в смысле бессмертия души, но Воскресения. Воскресли ли жившие до Него и так ли и мы воскреснем? Там нет ни до, ни после. И до Него и после Него жившие воскреснут по вере в Него и после Него, это «после» — логическое или по природе. Но, может, я здесь сказал слишком много. Верю, что Он воскрес, чаю Воскресения из мертвых, то есть надеюсь, что и я воскресну верою в Него.

4. Верю, что Он совершил хотя бы одно чудо.

5. Что касается Его чудесного рождения, ничего не могу сказать; не могу сказать: верю, что Он родился от Девы, и не могу сказать: не верю, что Он родился от Девы. Я думаю, что рождение Его было чудом, как и Воскресение, но, может быть, люди, не понимая чуда, но чувствуя чудесность, приписали рождение от Девы. Но, может, было и рождение от Девы — не знаю.

6. Обязательна ли для спасения вера в Иисуса Христа? Точный ответ: для меня обязательна. Необходима ли или необходима и достаточна? Это зависит от силы веры. Если она достаточно сильна, то движет горами, тогда необходима и достаточна. То есть настоящая вера включает в себя и любовь. Тогда отпадает и антиномия Павла. Но есть ли такая вера? Тогда антиномия остается и вера недостаточна, а только необходима. Но что сказать о других, даже не знавших Его, например живших до Него? Я не верю, чтобы они погибли только потому, что жили до Него, ведь Авраам, Исаак, Иаков, Моисей, пророки не погибли. Но, может, они верили в Него, не зная Его? Но тогда что же будет единственным фактом? Ведь здесь должна быть вера в единственный факт? *Связь: Иисус Христос — боль — единственность.* В этом трехчлене можно ли заменить первый член? Чем или кем?

7. Троица. Скорее не верю, а рассуждением понимаю, что Единый Бог не может быть только Одним, что Он как Один — не Один, и, кажется, верю в два Лица и подозреваю третье.

8. Верю в кеносис[26], и, может, для меня это основное в вере, так как с кеносисом связана боль и единственность.

30 августа. В первой части «Критерия» — абсолютный факт, во второй — единственный. Как определить единственность? Ведь все определенное уже общее. Связать его с какими-то координатами. Какими? Вот

это вот, з д е с ь и с е й ч а с определяют именно абсолютный факт; так как с е й ч а с — не во времени и з д е с ь — не в пространстве. Единственное — душа, не вообще, но *сейчас моей души*. Но когда я освобожу от всякого воспоминания, и значит, от **самого**, останется абсолютный факт, не единственный, то есть философская мистика и вневременное с е й ч а с и непространственное з д е с ь. Тогда единственно **само**? Но **само** как раз объективирует и обобщает. У меня знак знака — принцип индивидуализации. Может, это кеносис: знак — общее, обозначение и знак знака — единственное. Здесь граница философии и теологии:

Иисус Христос знак знака, так как знак знака фактическое. Но что значит факт?

Теологические вопросы.

1. С чего начинать: с Бога, с веры или с Иисуса Христа? Философская вера не может дойти до личного Бога. И даже философская мистика Экхарта лишена единственного факта. Но без единственного факта может ли быть личный Бог? Если Экхарт и приходит к личному Богу, то не через свою систему, но помимо нее. Религиозная вера и откровение. Но тогда откровение как единственный факт, а не субъективно.

Начало с веры. Тогда — имманентность, перманентность, сознание вообще. Тогда Бога вообще нет: als ob*, прагматизм. Сюда же относится Бог как постулат.

Начало с Бога. Если не безличный философский Бог, то Бог Авраама, Исаака, Иакова, Бог Иисуса Христа, Бог откровения, причем исторического, а не психологического.

Но тогда не с Бога, но с Его Пророка.

Начало с Иисуса Христа, то есть с Евангелия. Но тогда опять неясности.

2. Теологический квадрат:

1. а) Индивидуализм или б) соборность. Соблазны:

а) психологизм, философский мистицизм, солипсизм; абстрактное чудо, устранение тайны;

б) сознание вообще, чудо по плану, магия.

2. а) Буква или б) дух. Соблазны:

а) план, магия, иудейство, язычество;

б) имманентность, либерализм, относительность, субъективизм, естественность.

Предмет теологического квадрата: тайна — откровение — церковь.

3. Бог. Противоречие или, во всяком случае, различие космологии и сотериологии создает различие двух Лиц. Затем непустота личного Бога. Личность Бога непонятна, но Ему можно молиться, как Отцу и Творцу, как Спасителю и как Духу.

4. Иисус Христос.

* Как бы, словно бы (*нем.*).

а. Связь Иисуса Христа с Логосом. В чем различие Лица и сущности?

б. Слово стало плотью. Осталось ли само по себе? Богоявление. Разделение Бога? Или Двух Лиц?

в. Две природы в Иисусе Христе. Если при одном Лице, то как две воли? И что значит неслиянно и нераздельно?

31 августа. У меня исключено из системы ощущение, восприятие, тело. Во-первых, ощущение. Как предмет психологии, физиологии оно уже объективировано, сама качественность ощущения исключена, наука вообще исключает качество. Способность ощущения как восприимчивость, аффицирование я тоже не понимаю. Ведь как только я подумаю об ощущении, просто что я имею его, я уже объективировал его, уже не могу не говорить о восприимчивости или аффицировании. Но это уже внутреннее суждение, то есть научное, а не философское. Затем противоположение чувственности разуму. Если разум только деятельность **самого**, то само по себе существующее я буду искать скорее в чувственности, освобожденной от разума, — антиинтеллектуализм и потому антиволюнтаризм. Но само это название «чувственность» не подходит сейчас, потому что в ней и надо искать то, что называли «сверхчувственным».

4 сентября. Сон. Я говорю с Л.: почему Х. и О. не ходят ко мне больше, ведь они, кажется, вернулись и, кажется, бывали у меня. Л. ответил, что я ошибаюсь, они не вернулись. Но вот уже на месте Л. — Х. Он говорит, что Л. вернулся из армии, он там на курсах и сейчас опять вернулся на курсы. Я удивляюсь, почему Х. так давно не был у меня, ведь вначале, после возвращения, он бывал часто.

19 сентября. За это время написал об «Аксиоматике причинной механики»[27] и прервал начатую попытку выйти из игнавии. Несколько дней снова пытаюсь. Хотел бы написать, вернее, попробую написать «Рассуждение о методе»:

1 ч⟨асть⟩. О перв⟨оначальном⟩ или абсолютном факте.

2 ч. О внешнем исследовании.

3 ч. О форме неубежденности и недолженствования.

4 ч. О великом разделении: я здесь и там; всяким высказыванием высказывается только **ничто**.

5 ч. О мгновенном творении и предопределении и о моем участии в нем. Этой частью ограничивается quatenum и спинозизм предыдущей.

6 ч. О единственном факте.

15 декабря. Вот уже 3 месяца пишу «Рассуждение о методе», которое очень разрослось и теперь уже не «Рассуждение о методе». Последние 3 недели не писал из-за болезни мамы, а вчера снова начал. До вто-

рой части еще не дошел: в «Исследовании о критерии» я односторонне выдвигал только перв⟨оначальный⟩ ряд и объективирование, поэтому логическое происхождение эмпирического многообразия было неясно, так же как различие практического — перв⟨оначального⟩ противоположения и теоретического — перв⟨оначального⟩ ряда.

31 декабря. За эти три года я, во-первых, написал редакцию «Критерия II» ⟨второй части?⟩ с практическим основоположением и жертвой, во-вторых, Фихте, в-третьих, Kant — Fries-Problem[28], в-четвертых, Спиноза, в-пятых, абсолютный факт и, в-шестых, единственный факт. Последнее в связи с Евангелием. И наконец сейчас о последнем разделении, которое начинается с абсолютного факта и заканчивается единственным фактом. Но это еще не написано и будет ли закончено — не знаю.

И еще то, что буду обозначать буквой **У**.

ЯНВАРЬ 1956 — АПРЕЛЬ 1958
ФУ 7

1956

⟨...⟩

29 января. Античность, индусы — бессмертие; тело, жизнь — случайная оболочка, перевоплощения, смерти нет; логическое завершение — неиндивидуальное бессмертие — Аверроэс. Христианство: не бессмертие, а воскресение, поэтому обязательно смерть; сравнение с зерном, которое должно умереть, чтобы дать плод,[1] с женщиной, рожающей в муках,[2] «умереть в Адаме, воскреснуть в Христе»[3]. Тело — принцип индивидуализации — воскресение — индивидуальное бессмертие в противоположность античному безличному. Душа сама по себе может быть только одно: или «пусть будет не по Моей воле»[4], или «пусть будет по моей воле», первое — Христос, второе — антихрист. Значение плоти и смерти: единственность жизни — единственность смерти — единственность Воскресения — единственность души. Может, индивидуальность в способе освобождения от **своего**? Для античности — только результат, тогда гипостазирован и безличен. Затем: что единственно для каждого — освобождение от своего или некоторое утверждение? Может, только первое индивидуально, а второе общее? Ведь чистый разум практический и, как разум, — общность и пошлость.

Если тело случайная оболочка, то в логическом завершении два начала, их независимость: манихейство, гностицизм, и крайняя степень — каиниты, искариотцы и др.

Христос: после воскресения не женятся и не выходят замуж, но пребывают, как Ангелы[5]. Дух животворит, плоть не пользует нимало.[6] Но это не опровергает значения тела и смерти.

Все эти вопросы возникли в связи с автопортретом Т. Н. Что мне не нравится в некоторых картинах Т. Н., Шурика Тр., в вещах Шостаковича)? Плоть и кровь, слишком человеческий запах и в то же время формула (отчасти). Мне кажется, они перешли некоторую допустимую границу, поэтому у них разделение телесного и душевного, а не духовного. У меня же слишком разделено практически плотское и духовное, против моего желания практическая склонность к разделению и дуализму гностицизма и манихейства даже в его аморальных вырождениях.

Дьявол — антихрист, а не антибог.

30 января. Единичные суждения сами по себе не могут быть несовместны, они несовместны, если появляется общее отрицательное суждение:

a. Ученики встретили Христа после Воскресения в Галилее.

b. Ученики встретили Христа после Воскресения в Иудее.

Они несовместны только при условии: человек не может находиться в одно и то же время в разных местах.

2 апреля. Игнавия такая, что не мог даже подойти к столу, чтобы записать.

1. Пусть $A \to B$, значит: A понимает B. $A \not\to B$: A не понимает B. Тогда
вертикальное непонимание: $A \not\to B$, $B \to A$;
горизонтальное непонимание: $A \not\to B$, $B \not\to A$.

М. В. сказал: сидят, молчат, перебирают четки. Что он хотел этим сказать? Может, он и сам не понимает: $A \not\to A$.

Но может быть и так: $A \not\to B$, $B \not\to C$, $C \to A$, $C \to B$ и другие комбинации. Если понимающий выше, то может быть так, что A ниже B, B ниже C, но A выше C.

2. О необходимости предательства.[7]

3. Ад в душе.

13 апреля. Минковский: ***преобразовать движение к покою.***

В физике: $F(x, y, z, t) - C = 0$. То есть мир сведен к нулю. В исторических науках: свести все к двум интуициям — Христа и антихриста.

Изменяются тела, а не души интуиций, поэтому не развитие, а способ существования интуиции. И здесь надо найти уравнение $F(x, y, z, t) - C = 0$ и исключить бессмысленное слово «прогресс».

В философии: преобразование к покою — исключение **своего**; $F(x, y, z) = 0$, где x — я сам, y — временнáя функция x, то есть душевное, z — пространственная функция x, то есть внешнее, необходимое.

Свести к нулю:
материальный мир — физика;
жизнь — биология;
человеческую культуру — исторические науки;
душу — философия.

Найти уравнение мировой пошлости или **ничто**. Или: уравнение **ничто** второго[8] и **ничто** первого. Тогда останется один Бог.

Два отрицания: автономности и независимости сотворенного **что**, то есть своей воли, — Христос. Божественной воли — это отрицание есть утверждение своей воли — антихрист. Поэтому два **ничто**. Уже увидев любое **что** как **само что**, я утверждаю себя, потому что только Бог Сам. Я отрицаю не сотворенный Богом мир, а только независимость его, как независимый он имеет хозяином дьявола. Или я отрицаю **сам** акт творения, тогда утверждаю себя, себя делаю его творцом.

Смерть
или рождение к новой жизни через Того, Кто смертью смерть попрал: величайшее зло — величайшее благо;
или смерть не необходимое условие вечной жизни, тогда:
а) или абстрактное, безличное бессмертие;
б) или антихристово отрицание смерти, а вместе с нею и вечной жизни, то есть вечная смерть.

Христос: *неопределенное* отрицание всякого своего **что**: ничто своего, **ничто** Бога, то есть **ничто**, принадлежащее Богу, **Бог**.

Антихрист: определенное отрицание **что** — утверждение себя самого — утверждение ничто.

То есть:
неутверждение — утверждение Бога.
утверждение ничто — себя самого.

30 апреля. В. В. сказал: я боялся, что вас съел сильный В. О. М.* Я ответил: я слаб, поэтому он не мог меня съесть.

2 мая. В китайском балахоне в метро (впервые)[9], потом в поезде — гармошка и песни. О двойном бремени: 5000-летнего и 1500-летнего.

8 мая. Все интересно и все неинтересно. Я узок, потому что меня интересует одно, и я широк, потому что меня интересует все. Конус: его основание — жизнь, мир; вершина — смерть, Бог. Основание интересно в конусе, выделенное — ничто. Смерть и Бог определяют его, налагают некоторый оттенок. Бог сам по себе — слишком общее. Смерть делает жизнь интересной.

Есть широкие, прямые пути и есть закоулки. Широк путь к погибели, узок путь к спасению.[10] *Я сам эталон прямого пути.* Но **я сам** — искривленное дерево, тогда прямой путь кажется мне искривленным — тропинками, закоулками. Так же и математические доказательства — красивы те, которые начинают с случайного и в нем находят существенное. Разум же, прямолинейность, искажает.

Евреи бестактны, невоспитанны, навязчивы. Не так ли и пророки? Может ли быть тактичен, воспитан, ненавязчив тот, кто во всем видит вершину конуса? Кто был «объят и скорбию великой и тяжким бременем подавлен и согбен»? От кого, «...махнув рукою, отступились, как от безумного, чья речь и детский плач докучны»[11]?..

11 июня. Низкий стиль: мои мысли, чувства, мои состояния, вообще **мое**.

---

* Личность не установлена.

Средний стиль: мои состояния как не мои, мое как не-мое.

Высокий стиль: не-мое и в нем как случайная подробность — мое: мои состояния, я. я сам.

В «Квадрате миров» вступление — средний стиль, неудавшаяся средняя часть — высокий стиль, «Формула чего-либо» — высокий стиль, «Формула несуществующего» — средний или высокий стиль?

2 июля. Этот вечер я запомню. Скажу, как мои предки: жив Господь, жива душа моя.

3 июля. К.[12] у Ст. слушает, вытянув шею, сделав умное лицо и душевный взгляд, иногда сочувственно кивает головой. Мне кажется, он ничего не понимает, только думает, что что-то понимает. Ученые вообще любят общество художников, писателей, музыкантов. К. импонирует, что он принят в обществе художников и художниц, которые, как он думает, хотя и не понимает, талантливы, к тому же знакомы с знаменитыми людьми и сами занимают некоторое положение в обществе. Он сидит вместе с ними за чайным столом, пьет вино и чай вместе с ними, все это заменяет ему понимание. Но если бы вдруг погас свет, голоса унифицировались, ему стало бы скучно. Может, вообще надо говорить в полной темноте: все говорят одинаковым голосом, неизвестно кто сказал, остались бы одни мысли.

Как надо говорить? Скажи что хочешь, умное или глупое, парадоксальное или тривиальное, но при одном условии: если ты веришь в сказанное тобою так, что сказал бы это даже если от этого зависело твое спасение. Тогда и глупое неглупо и тривиальное нетривиально. Это есть вера: уверенность в невидимом.

По вере дается: если человек верит, что Бога нет, бессмертия нет, то по вере и дается: умрет и не воскреснет. Если же верит, то уже причастен к той жизни: верующий не судится, а неверующий уже осужден[13].

Вера — основание познания, а не бытия Бога. Бог — основание бытия веры, от этого реальность веры.

Вчера я ощутил реальность веры и верой имел Бога. Бог дал эту веру, и от этого ее реальность. Но что-то я забыл. Реальность веры была связана с спасением или осуждением: говорить, то есть думать или утверждать только то, что устоит перед риском вечного осуждения.

Вот главное: скажи или подумай что хочешь, но помни: если ты сказал, хотя бы себе, и был вполне уверен в том, что ты сказал, то есть утвердил своим высказыванием, настолько уверен, что сказал бы и в том случае, если бы твердо знал, что твое спасение зависит не от содержания твоего высказывания, а от силы твоей уверенности, так что если ты уверен в том, что ты сказал, ты спасен, если же хотя бы чуть-чуть не уверен, а сказал, то погиб. В этом реальность веры, в ее оттенке, но этот оттенок и есть субстанция веры и сама вера. Может, это исправленное

пари Паскаля или онтологическое доказательство. Этот оттенок реальнее всего окружающего меня и меня самого. Поэтому он не может быть от меня, только от Бога: я имею в себе то, что превосходит меня не как понятие совершенства, всереальности, а как оттенок веры, который и есть вера. Этот оттенок — от Бога. Но это не значит, что всякая искренняя вера истинна, сама человеческая искренность — ложь: всякий человек есть ложь.

15 августа. Когда я думаю, я только исключаю или привожу в порядок то, что приходит ко мне помимо меня. Объяснение как бессознательного мышления сомнительно. Одно дело записывать то, что есть помимо и даже вне меня, другое дело придумывать. Мое дело только отрицательное: сдвинуть какой-то занавес во мне самом, содрать кору, закрывающую от меня то, что есть независимо от меня и что я нахожу в душе, как *непомещающееся* в ней. Это и есть реальность веры и отличие ее от субъективного признания. Еще это бывает ясно, когда я забываю какую-нибудь мысль. Я ясно вижу, что эта мысль — не-я и не придумана мною, это и не мысль, а реальное состояние было в моей душе, как *непомещавшееся* в ней, а теперь ушло. Мысль — некоторая форма этого состояния, субъективное признание. Но не всякое субъективное признание есть реальное состояние.

27 августа. Перечел Лёнины «Разговоры»[14] и не узнал в них ни себя, ни других, только стиль Лёниных вещей. Правда, это 1933—1934 гг., то есть годы распада и разложения. Когда я читаю свои старые вещи, даже до 1933 г., я и сейчас согласен во всем, кроме, может, некоторых технических подробностей, но с некоторыми моими высказываниями в «Разговорах» я не согласен сейчас. Когда я вспоминаю себя ⟨19⟩33—⟨19⟩34 гг., я сейчас почти такой же, но это «почти» и различает, меняется что-то внешнее, видимое для всех, для меня же — ничто. Поэтому, может, и Шеллинг считал, что он не изменился, а историки насчитывают от 3 до 7 периодов. По-видимому, есть какое-то ноуменальное ядро в моих вещах — оно сохраняется, но не в моем поведении и устных высказываниях для других. Когда же я писал в «Квадрате миров» о точке поворота, я, может быть, имел в виду это внешнее — поведение?

Но сейчас оно меня не интересует.

Когда я думаю о чем-либо и делаю правильные выводы, бывает, я вдруг замечаю: как я глуп, как я раньше не замечал, что из *C* следует *D*, а не *E*, ведь это просто безграмотность, какой же я философ? Тогда я беру старые вещи, в которых, мне кажется, я писал, что из *C* следует *E*, и вижу, что и тогда я правильно вывел из *C* — *D* или близкое ему утверждение, из которого непосредственно следует *D*, но нигде — *E*. Это тоже различие веры и субъективного признания. Когда я говорю или думаю — это часто только некоторые опыты или субъективное признание,

но в настоящих вещах я записываю то, что приходит независимо от меня, вернее есть независимо от меня, *непомещающееся* во мне. Вот это *непомещающееся* во мне и есть настоящее во мне и, по-видимому, уже не-я. Оно не меняется, хотя в разное время я вижу его с разных сторон и сейчас некоторые подробности *непомещающегося* во мне вижу яснее.

Небольшая погрешность была сформулирована, когда мне было 30 или 31 год. Но еще в школе, когда мне было лет 12, я писал доклад о дарвинизме и там уже я видел небольшую погрешность, пытался сформулировать ее очень наивно в виде каких-то не вполне совпадающих треугольников и в плохих терминах, заимствованных из плохих и глупых книг. Мне кажется, польза от чтения книг есть: чем больше книг я читаю, тем меньше верю им и вместе с тем меньше верю себе самому; вместо субъективного признания все больше открывается *непомещающееся* во мне.

Две рационалистические глупости: tabula rasa* и врожденные идеи Лейбница. Я знаю, что до апреля или мая 1911 г. глаза и ум у меня были закрыты и внезапно открылись на прогулке: Большой — Введенская — Кронверкский — Александровский пр. — Большой. Глаза открылись, и я увидел тайну, *непомещающуюся* в моей душе, и затем, в июне-июле, — смерть. Тогда я стал думать. Думание заключалось в том, что я освобождался от думания и мысли. Ум закрывает глаза — тогда не вижу. Видит тайну не ум, ум мешает видеть.

Изменяются тела, а не души интуиций. Так же и я: *непомещающееся* во мне не меняется, только различно открывается. А изменение меня самого? Это что-то несуществующее, меня самого нет. Или я сам случайная акциденция *непомещающегося* во мне.

28 августа. До[15] Георга я был на внешнем месте. Правда, я не понимал частичности и приблизительности или очень неясно представлял ее, также не знал или недостаточно понимал непонимание, еще оставалась вера в понимание, хотя в «Щели и грани» была уже и боль и небольшая погрешность; о ней, еще не найдя ей имени, я думал, может, уже в 1925—1926 гг., а может, и раньше. С приходом Георга я перешел на внутреннее место, понял частичность и приблизительность. В 1941 г. я снова вернулся на внешнее и с внешнего места наблюдал внутреннее — это уже позже, во второй части «Критерия». Как всякая схема, и эта неточная. Поправка. «Щель и грань» — внутреннее место с внешнего. «Небо и но» и др. — внешнее. Потом Георг: окончательное разоблачение ума — сон в ночь с 14 на 15 июля 1932 г.

Связь с внутренним местом необходима: это земля, которой я должен коснуться, чтобы, набрав силу, подняться вверх.

---

* Чистая доска (*лат.*).

1927—1928 — «Щель и грань», «Исследование об этом и том».

1932 — Георг, «Разговоры вестников».

1941—1942 — «Пространства мысли», «Формула чего-либо».

1955—1956 — Последнее разделение. Абсолютный и единственный факт.[16]

В каждом периоде к концу забываю о боли погрешности, начинаю отдаваться уму, тогда перестаю писать. В предпоследнем периоде был наиболее осторожен, не поддавался уму, поэтому писал больше. Все искусство в том, чтобы не поддаться уму. Когда с Д. И. увлекся небольшой погрешностью, забыв о ее боли, я просто не писал — не получалось: мешал ум.

14 сентября. Мировые константы в жизни:

1. Жертва: Бог так возлюбил мир...[17] Жертва — творение.

2. Боль: а) расчесывание язвы, б) радость — страдание одно (Блок),[18] в) всякая живая плоть мучается и страдает и доныне.

3. Некоторое равновесие с небольшой погрешностью.

4. Ничто — что, как ничто — что. Грань двух столкнувшихся ничто. Граница двух вещей. Преображение вещи в границе. Кубики, конструкции из спичечной коробки, резинки, пера, мундштука. Связь с творением из ничто — что.[19] Расположения. Созвездия на высоте.

Четыре константы — христианские, и все связаны с творением из ничто. Нет полной системы мировых констант, и множество их несчетно. Четыре константы отличаются друг от друга: каждая есть то, что она есть, и как **то**, что она есть, — другая — как три Лица Троицы.

В физике законы — формулы: целый мир **отношений**, поэтому формула в физике понятна. Мировая константа, во-первых, абсолютна, а не относительна, во-вторых, абсолютно непонятна: почему c = 300 000 км/сек,[20] а не 200 000 или 400 000? Так же и в жизни. Но мои формулы, например формула мира, — абсолютная константа и непонятна. Понятно душевное, непонятно духовное — тайна. Понятие не константа и понятно, но в соответствующем контексте может стать константой и непонятной, например «любите врагов ваших»[21]: враг тот, кто меня не любит и главное: кого я не люблю, и его я люблю. Абсолютные константы и иероглиф (Л.). Когда душевное понимается духовно, или ноуменально, понятное становится непонятным, логичное алогичным.

Введенский о его ⟨Введенского⟩ критике разума более радикальной, чем первая[22].

Первая нелогичность: ничто — что.

Иероглиф — частный случай мировой константы.

Есть ли языческие константы? Должно быть, например, рок — ответственность; бессмысленная периодичность жизни.

У В. П.[23] преимущественные константы: жертва, боль; у В. В. — некоторое равновесие с небольшой погрешностью и ничто — что.

Ересь не просто ложное положение, но одностороннее и поэтому ложное, например христологические ереси. Сектантство и ересь орды. Христос: не препятствуйте чужим чудотворцам.[24]

15 сентября. Шурик сказал: легко исключать — это Матисс; трудно все вместить — Рембрандт. Лерик[25] возразил: трудно исключить. Я исключал — это старый высокий стиль (магический). Затем стал иначе исключать — это после Георга — средний стиль. В последних редакциях «Критерия» ограничил исключение, то есть больше допускал. Теперь еще больше допускаю и все же, мне кажется, это высокий стиль.

16 сентября. Если мировые константы абсолютные, то язычество, ереси, иудейство — отсутствие какой-либо константы или одностороннее преобладание, например Несторий, Пелагий — иудейская односторонность; монофизитизм, докетизм — языческая. Это не значит, что ересь и зло только лишение, но грех: крест — соблазн для иудеев, безумие для эллинов[26].

17 октября. Душа имеет душу и тело. Тело души — детерминированные состояния, хотя бы мотивами. Я вспоминаю, кроме редких случаев отожествления с прошлым, только тело души, так как состояния вспоминаются детерминированными. В крайнем случае могу вспомнить: было недетерминированное состояние, проявилась душа души, но вспоминаю (кроме исключительных случаев) его как детерминированное. Некоторые события, решения, поступки были в моей жизни решающими: они изменили мою жизнь. Вспоминая их, я нахожу причины этих состояний, например страх смерти впервые появился после рассказа Гюго «Восставший раб» (1911 г.). Но это causa occasionalis*, он все равно появился бы, и я твердо знаю, что причины не было, они ⟨состояния⟩ самопроизвольны. Я непосредственно ощущаю их самопроизвольность, как, например, явившаяся мне тайна — *непомещающееся* в моей душе, я не нахожу здесь никакой внешней причины, когда она открылась мне весной 1911 г. на углу Большого и Введенской, это прошлое есть и сейчас. Только в повторении и воспоминании они ⟨состояния⟩ большей частью, но не всегда, вспоминаются детерминированными. Может, все мои решения разлагаются на кванты свободных решений, немотивированных состояний, воспоминание же, соединяя, детерминирует их. Но это уже не душа, только тело души.

Ван Гог. Хижины, Арльские дамы, портрет доктора — здесь я вижу душу души. Они не завершены, то есть не замкнуты, не в том смысле,

* Случайная причина (*лат.*).

что несовершенны, но в них есть необходимая и точно соразмеренная неясность и непонятность. Они спрашивают меня, и я отвечаю, но не логически — алогично. Поэтому я соавтор. Но тюрьма, где ходят по кругу, вполне понятна и вызывает сомнительные логические аналогии, поэтому там нет души души.

Душа души — некоторый эмфазис[27].

2 ноября. Я нахожу некоторое положение *A*, которое, во-первых, показывает несущность системы и, во-вторых, позволяет систематически изложить несущность системы. Я делаю выводы: *B, C, D,* и последний вывод направлен уже против *A*, я не знаю, как совместить его с *A*. Тогда начинаю с начала. На днях я начал, кажется, уже шестую редакцию ⟨сочинения⟩ «Трактат Формула Творения»[28]. Это моя и слабость и сила. Л. сказал, что я неподкупный бухгалтер на службе мира, но поэтому я и не могу закончить ни одну большую вещь. И то же самое в моем отношении к Баху: я очищал Баха от Schwülstigkeit*, я был неподкупен и строг, как средневековые гонители ведьм, и вдруг вчера сел играть арии, то есть самую ведьминскую музыку у Баха. Я построил некоторую систему музыки Баха или отношения к ней: *A, B, C,...* На первых ступенях еще мало музыки. Затем открывается все больше и больше, и вдруг обнаруживается: преступили границу возможного. Где остановиться? Я как будто бы нашел границу. Но потом опять все смешалось. Все же в ариях Бах преступил эту границу. И в речитативах из I. P. и M. P.[29]: они прекрасны, чувственно прекрасны, но нельзя из музыки делать гимнастику.

Еще о музыке: Шостакович не оригинален, например кукольные танцы[30] подражают мазуркам Казеллы: немного сфальшивить — прилично.

5 ноября. Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного, Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного.

15 ноября. Я ем себя непрестанно, не знаю, что мне делать и чем это кончится.

30 ноября. По-видимому, это действительно большое открытие: *моя жизнь сейчас есть жизнь и мысль о ней, но мысль о жизни — не жизнь.* До сих пор еще держалась рационалистическая теория двух субстанций или атрибутов — физического и психического: дуализм в случае субстанций, монизм — в случае атрибутов. Мне всегда было это непонятно, ведь и физическое я знаю только через психическое. *Одностороннее тождество*[31] заменяет эту надуманную и нерелигиозную теорию. Ведь моя

* Высокопарность, напыщенность (*нем.*).

жизнь прежде всего некоторое самочувствие, которое в мыслях делю на самочувствие и мысль о нем, на себя и не-себя, на себя обсуждающего и себя обсуждаемого и т. д.

4 декабря. Одно и то же состояние и понимается и не понимается, интенсивно — понимается, экстенсивно — не понимается. Эти направления в пределе сходятся: непонимание и есть понимание.

15 декабря. Я не верю Стравинскому, когда у него в музыке чувства, то есть душевное (Русская песня[32]), и Шостаковичу, когда у него — духовное.

16 декабря. Ограниченность: положим, никто не замечал, что при наблюдении *A* наблюдалось и *B*, но при наблюдении *B* не всегда наблюдалось *A*, и вот один человек сказал: все *A* суть *B*. Все нашли, что этот человек очень наблюдательный и умный. Но вот пришел другой человек и сказал: вот *A*, которое не есть *B*. И все увидели, что первый ограниченный, умный же не первый, а второй.

Я сказал В. В.: я понимаю ограниченность, глупость, порок, грех, потому что я сам ограниченный, глупый, порочный, грешник. Ведь всякое понимание изнутри. А ум, добро, любовь? Тот, кто скажет: я умный, поэтому понимаю ум, — уже глуп. Скорее умный тот, кто поймет свою глупость. Сказавший: я добр, поэтому понимаю добро, — фарисей. И также добрый найдет в себе недостаток добра. Но, может, это уже: все *A* суть *B*? Скорее так: **я** есть **ты**. Я умен твоим умом, глуп твоей глупостью, добр твоей добротой. Я приписываю себе отрицательные качества, потому что тогда я опустошаюсь и могу увидеть и наполниться твоим умом, твоей глупостью, твоей добротой. Если грех — **само**, тогда я сам — то, что мешает мне опустошиться, чтобы стать тобою. Опустошиться и значит **увидеть.**

Согрешив, Адам познал добро и зло. Вестники и ангелы не знают добра и зла, люди знают, поэтому они и ниже и выше ангелов. Имея отрицательные качества, недостаток, глупость, порок, я знаю и отрицательные и положительные, добро и зло, будучи же только добрым, я ничего не знаю. Только Бог знает добро и зло, будучи добр, тварь же — только через соблазн, и отсутствие соблазна для твари — недостаток. Спиноза не понимал греха, а потому и святости, и детей, и Христа, так как сам был почти безгрешен и свят.

Чтобы увидеть человеческую ограниченность, глупость, греховность, ее надо увидеть не вообще и не на других, а в себе и именно как свою ограниченность, глупость, греховность, но, кто видит вообще, тот ничего не видит.

Вот два человека *A* и *B*. *A* думает: я умнее *B*. *B* думает: я глупее *A*. Кто умнее? Может быть, *B*.

Арбуз — дыня — арбуз[33]: чувство должно пройти через огонь, и то, которое не сгорит, — настоящее.

У Введенского чувство тоски по чувству: «Разговор о поэтах», «Потец»,[34] «Элегия». Об отсутствии чувств можно писать с чувством и страстью.

Государство — это я. Гоголь мог сказать: литература — это я. Лермонтов тоже. Но Пушкин, кажется, не мог бы, так как холоден, нет страсти, и в «Пророке» и в «Страннике» он слишком холодный наблюдатель чувства и страсти. Фихте мог бы сказать: государство — это я. Но не в «Назначении человека», философски оно плохо, литературно — очень плохо, фальшивые чувства и фальшивая страсть.

Мог ли сказать Кант? Не знаю.

20 декабря. Сон. Мне снилось что-то неприятное. — Может, это сон? — подумал я во сне. — Нет, кажется, не сон. Я стал напряженно думать, наступила темнота, ничего не видно. Значит, сон, подумал я во сне, — только бы не проснуться, пусть будет другой сон. И стал другой сон.

29 декабря. Четыре человека играют в рифмы. Один называет слово, другие придумывают рифмы. И вот один из игроков назвал слово, к которому никто не мог придумать рифму. И всем стало неловко, первому за неделикатность, остальным за несообразительность.

Есть музыкальность и в разговорах. Но вот появилась фальшивая нота. Фальшь не абсолютна: *B*, фальшивое в последовательности *A* — *B* — *C*, не будет фальшивым в последовательности *M* — *B* — *C*. Поэтому виноват не только тот, кто произнес *B*, но и те, кто сказали *A* или *C*.

1957

6 января. Если глубина — субъективное, душевное, плоскость и ряд плоскостей — абсолютное и духовное, то вот погрешность: плоскостная глубина, о которой говорил Стерлигов. «ТФТ» — плоскостная глубина; начало: я и Бог; конец: не я, но Бог.

Холодность Пушкина. И в «Страннике», и в «Отцах пустынниках», и в «Пророке» его интересует не Бог, но некоторые живописные расположения, сопоставления чувств, состояний, людей. Лермонтов: чувства, страсти, сны-мучители, сон во сне, логический лист Мёбиуса.

Равнодушные и страстные гении.

Если истина — Христос, то $2 \times 2 = 4$ не истина, а пошлость. Истина — тайна, можно ли увидеть ее при бесстрастии, в нулевом состоянии? Бесстрастность, универсальность — это общее и всеобщность, то есть ложь.

Различие истины — лжи не логическое, даже не гносеологическое, а, во-первых, религиозное, во-вторых, онтологическое и метафизическое.

Бесстрастные широкие гении обладают хорошим характером и имеют много друзей: Пушкин, Кант. Страстные гении — с плохим, тяжелым характером, деспоты, одиноки: Фихте, Лермонтов, Гоголь.

7 января. Ганс Шерфиг. «Пропавший чиновник». Книга не такая хорошая, а может, и нехорошая, и думал ли автор то, что я думал, — не знаю. Но вот три образа жизни:

1. В тюрьме. Каждый день склеить 100 кульков, потом отдых, книги из тюремной библиотеки, читай и думай что хочешь.
2. Нищий, опустившийся.
3. Санитаром или медбратом при умирающих.

1. Отдать свою волю целиком, хотя бы тюремному начальству, тогда я ничего не должен. Ведь самое трудное не внешнее, а внутреннее долженствование, связанное с решением и тем, что называют свободой воли. Свободна ли воля ангелов? Нет, для свободы нужно познание добра и зла. Но без вкушения от древа жизни познание добра и зла, свобода воли — тяжесть и боль — мучение. Я должен писать. Почему? Зачем? Иногда это мучительно: во-первых, когда должен и не пишется — игнавия; во-вторых, когда должен и пишется — тоже иногда мучительно. Мучительно решить, проявить свою волю. Но верно ли, что ангелы не вкусили от древа жизни? От древа жизни вкусили, но от древа познания добра и зла не вкусили, ведь они еще не пали.

2. Здесь уже полная свобода, отречение от всякого долженствования, полная воля в отречении от **своей** воли, то есть от свободы воли, от всякого категорического императива; от всякой **чистой** воли.

3. Вкушение от древа жизни: если Сын освободит вас, то вы истинно свободны будете[35].

Прометей принес людям небесный огонь. В первом и втором случае я отказываюсь от него: он очень жжет. В третьем я беру на себя иго Его: «Ибо иго Мое благо и бремя Мое легко»[36].

Всякий мучается и святой, может, больше всех, потому что понимает, что виноват за всех: всякая живая плоть мучается и стенает доныне[37]. Но некоторые думают, что они мучаются потому, что им не хватает чего-то внешнего. Но все равно мучаешься оттого, что не вкусил от древа жизни. И если не мучаешься, то мучаешься оттого, что не мучаешься.

9 января. Господи, дай покой моей душе, дай покой душе маминой и Лидиной. Я прошу за всех, но сейчас за нас троих, потому что нам очень тяжело. Я знаю, Господи, если верю, что будет по моей вере, то

будет, если есть веры хоть с зерно горчичное. Верю, Господи, помоги моему неверию. Помоги моему неверию.

Я помолился, и два беса оставили меня.

⟨...⟩

Два беса оставили, но если третий не оставит, боюсь, вернутся. Третий бес — уныния.

Поставлю себе за правило: каждый день писать; если «Формула Творения» не пишется, то в этой тетради не меньше одной страницы — если не будет уважительной причины.

10 января. Третий бес не оставил. Весь день ничего не делал, сейчас 11 часов вечера. Игнавия. Одна сторона ее — нулевое состояние, другая — долженствование писать, без этого игнавия не была бы мучительной, может, и вообще не было бы. Но почему я должен писать? Почему не быть рассеянным мышлением? Но так я не сдвинусь с мертвой точки. Начну с начала.

Нет ни одной мысли, меня ничто не беспокоит, ни א ⟨алеф⟩[38], ни *это*, ничто. Я ничего не хочу. Но теперь я различаю актуальное и потенциальное желание. Актуального желания нет, то есть актуально нет желания. Потенциальное желание — не желание, просто бесплодная мысль: хорошо бы сейчас закончить первую главу «Абсолютного факта». Это желание? Нет, неудавшееся, невозможное сейчас намерение, принадлежит к тем добрым намерениям, которыми вымощен ад. Но, может, это желание желания? Тогда желание желания и есть потенциальное желание. Впрочем все это неинтересно. Я неправильно начал. Надо сидеть и ждать, пока не придет мысль. Но сколько ждать?

Начну с начала. Буду ждать, пока не придет мысль. В ожидании мысли я мог бы описать состояние ожидания мысли, но и это не могу. Я все время смотрю: есть ли страница. И вот написал страницу и могу лечь спать, так как уже половина двенадцатого.

11 января. Желание всегда есть некоторая сила, желание желания — бессилие. Желание актуально, желание желания выражается в условной форме: не хочу, но хотел бы, то есть хотел бы, если бы мог хотеть, то есть была бы мощь, сила. Желание содержательно, то есть вместе с желанием имеется и ясное представление желаемого и его осуществления. Желание желания бессодержательно, то есть содержание его — само желание при очень смутном представлении желаемого.

Вывод: вот уже пятый месяц как вернулись с дачи. За это время писал, но не закончил 4 аналогии, во-вторых, несколько раз снова начинал «Формулу Творения» и в последней редакции 40—50 стр. Это за 4 месяца. Пишу медленно, с трудом, но все же получается интересно.

14 Зак. 3244

Но все время останавливаюсь в бессилии: то игнавия, то ем себя. Редко желание, больше желание желания.

Третий бес не оставил, первые два пока не трогают.

12 января. Концерт для скрипки Шостаковича. Ноктюрн: нечистота мелодии, то есть нечистое. Нечистая тягучесть медленных частей у Шостаковича. Это не только не духовное, но нечистое, грязное. Скерцо: бесовская пляска, истерия, сплошное подергивание, бесы. Пассакалия производит наиболее сильное впечатление, но совсем не очищает, значит, плохо, нет главного. Бурлеск — снова бесы. И весь концерт: бес уныния и бес ликующий.

13 января. Меня беспокоит. Действительно ли беспокоит или кажется, что беспокоит? Различать конкретное и абстрактное желание. Конкретное — то, что я назвал актуальным. Абстрактное не потенциальное, а вот что: есть некоторые вещи, которые бы доставили мне удовольствие, если бы были, но которые мне не абсолютно необходимы, например квартира из 5 комнат с двумя роялями. Желаю ли эти вещи? Беспокоит ли меня их отсутствие? Я желаю их абстрактно, отсутствие их меня не беспокоит. Беспокоит ли меня то, что сейчас беспокоит? Конкретно ли я желаю его или абстрактно? Необходимо ли? Нет, не необходимо. Желаю абстрактно. Не беспокоит.

14 января. Вчера был у Тр⟨ауготов⟩. Как всегда, сегодня похмелье, не физическое — духовное. Весь день ничего не делал.

15 января. Стерлигов: общий язык. Раньше был, сейчас нет, даже с самим собою. Общий язык должен быть, если есть главный путь. Как найти его? Прежде всего, понять непрямоту, то есть искривленность самого разума. Начало пути Декарта правильно: непосредственность жизни мысли, пространство мысли. Но направление неправильное, так как Декарт не знал непрямоты или искривленности найденного пути, то есть противоречивости непосредственного тожества — одностороннее тожество в абсолютном факте, тожество апории.

27 января. Я не уважаю себя, не человеческую природу во мне, а именно себя — вот эту свою мысль, это желание, это намерение. Человеческая природа, если не абстрактное понятие, то именно то, что я имею общего с другими людьми. Тогда, не уважая себя за свою человеческую природу, я не уважаю не столько себя, сколько других людей и Адама, в котором я пал. Тогда, скорее, уважаю себя, что понял это. Затем, это кощунственно: ведь человеческую природу создал Бог и виноват не Адам, а я сам, Адам создал возможность моего падения, вкусив от древа познания добра и зла. Но создал и возможность спасения и возвышения даже над ангелами, не знающими различия добра и зла. Тогда я должен быть, скорее, благодарен Адаму и моей человеческой природе. Грехопадение нельзя абстрагировать и удалять назад: я пал и унизил себя именно сейчас этой определенной мыслью, определенным пожеланием. И вообще неверно разделение: высокое общее и низкое конкретное, **это**. Высокое — в низком, конкретном **вот этом вот**.

Апория праведности — неправедности. Я не уважаю себя. Но теперь я понял это, понял, что не уважаю себя, и уважаю себя за то, что понял, что не уважаю себя. Но это уже фарисейство. Тогда не уважаю себя за то, что уважаю себя за то, что понял, что не уважаю себя, и т. д.

Другая форма этой апории: я могу доказать, что я хуже того, кто говорит, что не уважает себя за свою человеческую природу, хуже любого грешника. Это доказательство или верно, или ошибочно. Если верно, то я хуже любого грешника. Если ошибочно, то гордость или кокетство. Тогда тоже хуже.

28 января. Ст. говорил о различии ненужного нужного и нужного ненужного. М. В., как всегда, ему возражал. Ст.: все нужно. Это или пустые слова, или пантеизм. Но когда Христос сказал: «Я победил мир»? — Перед Гефсиманией, когда ничего не осталось, все стало ненужным. Что нужно? Ничего, тогда я победил мир.

Бог сотворил мир и меня по Его образу и подобию. Но я пал, тогда извратил мир и князем его стал сатана. Христос победил его, победил мир, сделав для Себя все ненужным, и я могу, но только через Него и с Ним победить мир. Поэтому Христос не только Человек и не только пример меня, но реально победил мир, добровольно став жертвой. Творение Словом, жертва Сына и Его Воскресение — одно и то же, только для меня различно.

30 января. Гамсун. Тоска по Абсолюту и реальное несовершенство. Почему фру Фалькенберг вдруг стала неприятной, что и почему появилось лишнее? И еще сильнее в Ловизе («Бродяги»)[39]. Какая-то ужасная боль: совершенство в человеке и несовершенство самого человека. Начиная с «Детей века» и «Местечка Сегельфосс» противоречие движения жизни: жизнь не может не идти вперед, сравнивая две непосредственные ступени жизни, видим, что на второй стало лучше жить. Но на некоторой ступени вдруг видим: на первой лучше.

Откровение:

А. Интенсивное ⟨ι⟩

1. ιι. **Логическое**

а. ιιι: инстинкт, здравый смысл.

б. ιιε: свет разума, наука, логическое понимание.

2. ιε. **Алогическое**

а. ιει: философия, теология, тайна, понимание, которое есть непонимание.

б. ιεε: по благодати.

Б. Экстенсивное ⟨ε⟩: положительное историческое откровение. Как понять или понять-не понять единственный факт, чтобы он не стал абсолютным?

31 января. Ш⟨урик⟩ говорит мне: главный ваш недостаток в том, что у вас длинный нос и вы любите, чтобы вам чесали пятки. Поэтому вы нехороший. Я отвечаю: за нос простите, он действительно длинный, а что касается пяток, то мне их никогда не чесали и я даже не знаю, приятно ли это, и вообще этим не интересуюсь. Ш. отвечает: нет, я знаю, что вам приятно, когда чешут пятки, и вы это любите. Он упорно стоит на своем, и я не знаю, как убедить его, что совершенно не интересуюсь этим.

1 февраля. Сон. Похороны. Гроб пустой. Впереди несут маску покойника. Сам покойник бегает, приседает, кривляется. Когда приедут на кладбище, его придушат и похоронят.

2 февраля. Боль индивидуальности, я сам — боль. Возлюбить своего ближнего, но если каждого ближнего, то не равнодушие ли? Я и Бог — не я, но Бог. Тогда как: я и другой? Я и Бог ⟨I⟩, я и ближний ⟨II⟩, я и **каждый** ближний⟨III⟩: несовместности I и II, II и III, I и III. Или совместны в несовместности? Различие этих соотношений в христианстве и язычестве. В язычестве, может, каждое в отдельности, тогда понятны и абсолютно несовместны.

3 февраля. Вчера я играл Баха: Andante из «Итальянского концерта» и соль-минорную «Гольдберговскую вариацию», играл очень медленно, между двумя нотами — вечность. Я лучше всего играю паузы.

Вчера много говорил, поэтому сегодня чувствую себя глупо, и если бы так не надоел себе, то было бы противно.

Ст. и Х. в жизни мимозы, Введ. и я — кактусы.

4 февраля. В результате феноменологической редукции что-то остается, сущность или что-то другое, но не должно ничего оставаться — это и сделано в моем «Практическом основоположении». Различие между Гуссерлем и мною — различие между Западом и Россией: если что-либо остается, то нет Бога, если ничего не остается — есть Бог. Понимание духа на Западе и у нас. Там дух соединяется с культурой — Geisteskultur*, у нас противополагается культуре. Там — человеческое, активность человека; у нас Бог, человеку же прилично только воздержание от себя.

* Духовная культура (*нем.*).

5 февраля. Гершензон. О Пушкине я, может, не прав или скорее не совсем прав.[40]

ℵ — оборотень.[41] Я заметил это еще осенью, когда приехал с дачи.

9 февраля. На вертикальном непонимании основано кастовое деление. Низшая каста ненавидит высшую, высшая презирает, скорее безразлична и не замечает низшей. Сейчас осталось духовное кастовое деление. Фихте: догматик сердится, идеалист спокоен и презрителен. Злоба взбунтовавшегося раба против господина, он чувствует, что господин выше, не может опровергнуть его, потому что не понимает, поэтому хочет уничтожить его физически, пример: сейчас[42]. Кастовое деление всегда было, материально-духовное, как в Индии, примитивное и неполное. Завершил духовно Христос, сведя к двум кастам: сыны неба и дети века сего, от высших и от низших. В основе — последнее разделение, непонимание и боль. Христос завершает его и преодолевает: взбунтовавшийся раб — мерзость, ниже господина, смирившийся раб — выше господина, выше царя. Об этом я начал писать в «Контрапункте» (третья часть): «Царство». Провинциализм: С.[43] возмутился, что я сравнил фабзавуч, где я служил, с его Филармонией. Провинциализм не в том, что я интересуюсь своей работой, даже службой, но что я считаю себя как преподавателя фабзавуча выше преподавателя ликбеза. Это провинциальная гордость — рабья. Об этом же у Д. И. в «Четырех иллюстрациях»[44]. Когда я считаю себя рабом, ничего не стоящим, — я образ и подобие Божие, когда бунтую — г...

Взбунтовавшийся раб Ницше сказал, что христианство — рабья религия. Как взбунтовавшийся раб, он не мог понять аристократичности Евангелия, мог только ненавидеть. Вообще ненависть — плебейское, лакейское чувство.

Белинский — другая сторона Фаддея Булгарина, победив, он показал себя тем же Булгариным, провинциализм, плебейство, взбунтовавшийся раб.

10 февраля. Обида. Я иду с открытой душой, а меня не принимают. Но открытая душа вообще противна.

Четыре возможности:

I_1. Я хочу больше того, что хочу.

I_2. Я хочу больше того, что мне надо.

II_1. Мне надо больше того, что я хочу.

II_2. Мне надо больше того, что мне надо.

Абсолютно ли желание? Сверхудовольствие: отсутствие некоторого предмета не доставляет мне неудовольствия, но я представляю себе удовольствие от обладания предметом, отсутствие которого не доставляет мне неудовольствия, и желаю его, то есть желаю сверхудовольствия.

По-видимому, это грех и злая воля. Это возможность I_2 и завершение греха — I_1. Тогда II_1 открывает мне вера и II_2 — Евангелие.

Сейчас я не хочу больше того, что хочу; я хочу только того, что хочу, — ничего. Может, это подготовление к II_2.

15 февраля. Мне кажется, экзистенциализм не направление, а взгляд на жизнь, определяющий разные направления. Впервые, может, у Канта в опровержение онтологического доказательства — 100 представляемых и 100 действительных талеров.

Абсолютные состояния души, может, даже не интендируемые — реальности.

Связь существующего с несуществующим.

Отношение душ тоже реальность, например некоторый разговор, не содержание его, а сам разговор, то есть отношение говорящих. Ш⟨урик⟩: мы за Я. С., который против Я. С. Четыре варианта: 1. За — против. 2. За — за. 3. Против — за. 4. Против — против.

Абсолютные состояния души без абсолютного факта останутся все же только субъективными, психологическими.

21 февраля. Может, бесовское и то, о чем можно сказать только **красиво**, но не **правильно**? Тогда статуя Венеры — бес или изображение бесов и древние христиане поступали правильно, что уничтожали.

22 февраля. Во мне два человека: один умный холодный, другой — глупый, увлекающийся, одержимый. Умный презирает глупого за вдохновленность, вдохновленность противна. Глупый жалеет умного за глупость: ум — глупость. Оба не уважают друг друга. Я не уважаю обоих.

⟨...⟩

15 марта. Я виноват за всех. Это суждение немыслимо, то есть в области предельной мысли противоречиво. Если я утверждаю его общезначимость, то уже не я виноват за всех, но каждый за всех, тогда с меня часть вины снимается. Если же я действительно виноват за всех, то другие не виноваты. Но все пали в Адаме. Тогда я выскажу это предложение как долженствование, и снова два случая. Но сама форма долженствования неправильна и аморальна. Но я не могу утверждать и обратного: я не виноват за всех или каждый не виноват за каждого.

Это внепредельное или внекатегориальное предложение истинно, как единственное, только для меня, но отрицание его для других ложно, хотя и утверждение его для других ложно с того места, которое я занимаю в жизни.

Христос реально взял на Себя вину всех, я же могу — значит, только потенциально, и то немногих.

16 марта. Я стараюсь найти у философа то, что нахожу у себя: у одних — *непомещающееся* в моей душе, у других — себя самого. Шопенгауэр, Гегель, Джемс, Файхингер, Зиммель и др. — это та пошлость, которая во мне самом. Поэтому в моих вещах нет ничего от этих философов. Я действительно могу сказать о себе самом: философия — это я, вся история философии — во мне или как *непомещающееся* в моей душе, или как пошлость меня самого.

Боль бытия, погрешность творения. Я сам — это боль бытия, погрешность творения, тогда виноват, виноват за всех. Я не могу не отталкивать от себя именно близких мне, это не надуманно, происходит само собою. Может, это и есть непрямая речь Кьеркегора.

18 марта. Как будто бы спал и проснулся и впервые подумал о жизни. Но теперь вспоминаю, что это всегда так бывает и было уже много раз. И все же это верно, что я спал и проснулся и впервые подумал о жизни. Это предложение такое же внепредельное или внекатегориальное, как и «я виноват за всех», как всякое предложение, в которое явно или неявно входит с е й ч а с.

1. Экзистенциалисты, кажется, тоже рассматривают некоторые душевные состояния как независимые реальности, но у них они все же остаются душевными, я же ищу в них *непомещающееся* в моей душе, тогда уже не душевное, а духовное. Я прочел глупую книжку о Хайдеггере, он, по-видимому, и понятия не имеет о духовном. Может, это физиология души, привязанной к себе самой. Он не видит ни пограничных состояний, *непомещающихся* в моей душе, ни Бога.

2. О духе в Евангелии. Духовное вне культуры, вне общества. Когда я один, мое отношение к Богу духовное, если я начинаю с **я и Бог** и кончаю **не я, но Бог**. В духовном отношении нет ни людей, ни человека вообще, ни идеи человека (кажется, у Когена), но **вот этот вот** единственный человек. При этом **я** есть **ты**, если я беру его грех на себя. Он — боль бытия, погрешность творения, непонимание. Два непонимания: слепое — в ничто втором, видящее — в ничто первом[45]. В слепом непонимании он не видит, что он и есть боль бытия, что некоторое непонимание и есть последнее понимание. Это зло и грех не только лишение, но положительно, и в этом грехе виноват я. Это и есть боль бытия, последнее разделение, и только через него возможно соединение. Корень непонимания и слепого и видящего не в теоретической области, а в практической — вере.

3. Бог — абсолютный факт, Иисус Христос — единственный факт. Абсолютный факт сейчас, но не только сейчас, единственный — только с е й ч а с, как и относительный, поэтому единственный факт — абсолютный, тожественный единственному, — Богочеловек. Христос рождается с е й ч а с, всегда с е й ч а с, это Сын Божий, тогда абсолютный факт. Христос, родившийся при Тиберии, как думали Сын

Иосифа, распятый при Понтии Пилате, единственный факт — Сын Человеческий, как единственный факт относительный, то есть подобный относительному факту, во всем, кроме греха, подобный мне. В ситуации одновременности со мной родился сейчас, сейчас живет, сейчас распят, сейчас воскрес — это абсолютный факт, *непомещающееся* в моей душе. Как исторический, единственный факт — вне моей души, отдаленный от меня почти на 2000 лет. И все же сейчас. Троица. Бог, Бог Отец. Бог Сын — Сын Божий и Сын Человеческий. В ситуации одновременности — Святой Дух, Параклет, Которого Он посылает.

Рационалистический предрассудок: любят совершенное. Нет, любят погрешность. Может, идея человека и совершенна, но ее нельзя любить. Я люблю Христа в унижении, в образе раба. Так же и тебя. Это — реализация страдания — погрешность.

Кто может вместить, да вместит.[46] Но как только я подумал это, уже могу. Тогда все кончено, уже нет покоя на всю жизнь. Я уже **могу**, и так как только **могу**, то не могу. Как только я увидел это, я уже виноват, виноват за всех.

4. Что значит устоять перед искушением? Ведь если оно искушало меня, то хоть на одну секунду я уже поддался искушению: всякий взглянувший на женщину с пожеланием уже прелюбодействовал с нею в душе своей. Но если не взглянул с пожеланием, то не было и искушения. Но кто же тогда может устоять? Если же преодолел, то ведь перед этим в мыслях пал, имеет ли религиозное значение реализация искушения? И да и нет. Мысленный грех, во всяком случае иногда, может, очень часто, не меньше реализованного. Но реализация имеет значение. Различие реализованного и мысленного греха создает некоторую неуверенность, именно в этой неуверенности вера. Кьеркегор: язычество — вера в вероятное, христианство — вера в невероятное.

Как я живу сейчас? Очень плохо и очень хорошо. Я в бездне игнавии и затем в Духе. Благодарю Тебя, Господи, что Ты отдалил от меня всех, что дал мне тяжесть и мучение. Помоги мне.

Это величайшее счастье и самое нужное — быть никому не нужным.

4 апреля. Я: я хочу... я люблю... я не люблю... Мама мне: не якай.

5 апреля. ...К.[47] вылетел из нашего общества, но, вылетая, успел лягнуть меня своей пятой, и я тоже выпал. Так как непосредственно он не виновник моего выпадения, а я виновник его изгнания, то здесь проявилась связь противления злому со злом: выталкивая его, и сам выпал по инерции. Это инерция зла, под которую попадаешь, сопротивляясь ему.

6 апреля. Когда мне было лет 19, дядя Саша спросил меня, почему я не приобрету себе часы. Меня так поразило слово «приобрету», что я запомнил это до сих пор и до сих пор никогда ничего не приобретал и не приобрел.

Покупают на срок, приобретают навеки.

«...Имеющие жен должны быть, как не имеющие; и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не **приобретающие**; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит **образ** мира сего».[48] Не мир, а образ его, то есть **как** проходит. Это относится и к современному искусству.

Я никогда не чувствовал себя в жизни как дома, потому и не мог приобретать. Раньше мне казалось, что причина этому частная, например ФЗУ или что-либо подобное. И каждую весну думал: вот что-то случится, осенью уйду из школы и начнется новая жизнь. Потом понял: ничего не случится, а если бы и случилось, все равно никогда не буду в жизни как дома. Это показал мне Георг в день моего совершеннолетия Христова[49]. А может, еще и раньше. Но во взгляде покойников, смотревших на смерть (ночь с 14 на 15 июля 1932 г.[50]), я увидел космическое ноуменальное нечувствование себя как дома.

9 апреля. Не судите, да не судимы будете.[51] Если я виноват за всех, кого и как судить?

М. ⟨В.⟩: я не оставляю следа. А машина, дача, суждение (то есть суд), секретарь комсомола — это не след? Причем только помещающегося в душе. У него все чаще ничего не обозначающие красивые многозначительные слова.

Ноуменальное ядро и окружение. Первое дает след *непомещающегося* в душе, второе — большей частью непонятно, и нам судить о нем не дано. Но «Уединенное» или «Опавшие листья»[52] — это окружение, ставшее явным и обнажающее ноуменальное ядро.

Неофициальные мысли, «Принадлежности», эти тетради «ФУ» — также.

Важно, от чего остается след: от помещающегося или от *непомещающегося* в душе.

10 апреля. У всякого, даже у святого, остается след. Нет следа только у Ангела, так как нет истории (Кьеркегор).

Башилов не оставлял следа: он не мог повторить даже только что сказанное. Это значит жить сейчас, как вестник. Юродивым надо родиться, но претензия на юродство, если оно не дано, глупость или шарлатанство.

12 апреля. Об окружении. Окружение — это душевное, я сам. В пошлых песенках только окружение, в «Гольдберговских вариациях» — *не-*

помещающееся в моей душе, в ариях Баха — *непомещающееся* вместе с окружением. Окружение, которое включается и выключается, — я сам, пошлость. Пошлость, как и глупость, понятны только через себя самого.

Перед иконой молятся. Как смотреть картины, сколько времени? Музыку слышишь, пока длится, также стихотворение, оно тоже имеет свой ритм и темп. Например, «Когда для смертного...»[53] — adagio, «Брат Иван, как пить мы станем»[54] — moderato, «Няню демон вопросил»[55] — allegro moderato, «Элегия» — andante.

21 апреля. 13/I. 57 (старый Новый год).
ℵ — дверь открылась
входит гость
боль мою пронзила
кость
человек из человека
наклоняется ко мне...[56] — и т. д.

Пасхальная ночь 21.IV.57. Конец алефов, конец ℵ и оборотней. Благодарю Тебя, Боже, что Ты оттолкнул от меня всех, что все оставили меня, некоторые предали, что Ты оставил меня, что я впал в руки Бога Живого. Ты со мною, так как оставил меня.[57]

23 апреля. Божественное безумие — вот что мне надо. А я увидел человеческую мудрость.

Пошлость: неумная;
умная: все *A* суть *B*;
заумная: пошлость наоборот.

18 июля. $\overline{B}$: пусть будет не по моей воле. Неутверждение себя самого.

$\underline{A}$: пусть будет по Твоей воле. Утверждение Бога.

$\overline{B}$ — абсолютная жертва, A — абсолютное утверждение. Тогда: $\overline{B} = A$.

Лучшие добродетели язычников — пороки. Вот что это значит: без абсолютной жертвы любая добродетель — порок, и чем большая добродетель, тем больший порок. Например, сильная воля.

Абсолютная жертва — форма; любовь — содержание акта.

⟨...⟩

28 сентября. Весной я был на выставке репродукций. Репродукция Матисса мне не понравилась. Через несколько дней был в Эрмитаже, смотрел Матисса и снова очень понравилось. По-видимому, Матисс не допускает уменьшения, то есть изменения формата картины.

Сезанн соединяет, Матисс — разделяет.

30 сентября. Бах: урегулировать вопросы музыки во славу Божию. Религиозно-профессиональное отношение — в расчете на вечность. Повседневно-профессиональное — в расчете на время (повесть Чехова: строитель мостов и столяр[58]). Религиозно-профессиональное — уже молитва.

14 октября. Интенсивное: Рембрандт, Сезанн, Бах, Шёнберг, Лермонтов, Достоевский, Фихте.

Экстенсивное: Леонардо, Рафаэль, Эль Греко, Моцарт, Стравинский, Кант.

Понимание: сознательное или бессознательное воспроизведение, то есть соавторство. Уже простое восприятие активно (фигурный синтез).

В экстенсивном: безразлично или принимаю.

В интенсивном: или активно принимаю, или активно отвергаю. Это только тенденции, в интенсивном соавторство более активно — мои споры с Бахом.

Рембрандт до этого лета мне не нравился, мне казалось, он перешел границы возможного — чрезмерная выразительность, эмоционализм, психологизм. Понял внезапно (рассматривая репродукцию «Ассур, Аман, Эсфирь»), что это не Эсфирь, не Ассур, не Аман, а, быть может, три льва, три тапира, три аиста, три буквы, три числа. Тогда я стал понимать Рембрандта. И так же было с Сезанном. Я понял его, когда увидел, что в его картинах проходит образ мира сего[59].

25 октября. Пост — непрерывная молитва. Молитва — пост на несколько минут, редко часов. И также аскетизм: не ради чего-либо, а сам аскетизм — что-либо и цель.

Развязность — трафарет -- пошлость -- черт. Я избегаю в своих вещах философской пошлости, потому что я сам и есть эта развязная пошлость: Файхингер, Зиммель, Эйкен и др. В своих вещах я освобождаюсь от нее — от себя.

16 ноября. Чего больше — радости или мучения доставляет мне моя работа? Если бы я думал и писал так: увидел *a*, думал о нем и записал. Затем *b*, стало: *a+b*; затем *c*, стало *a+b+c,* если бы я так писал, было бы больше радости. Но у меня не так: я видел, думал, записал: *a*. Затем увидел: *b*. Но, начиная думать о *b*, я прихожу в сомнение и отчаяние, я вижу *a* — ложь. Но вдруг снова вижу: *ab*, не *a+b,* но *ab*. Но, переходя к *c*, снова отчаиваюсь, и прочное утверждение *ab* становится ложью. И опять внезапно *abc,* и тоже не *ab+c*, но сразу *abc*. Я не перехожу последовательно от *a* к *b*, от *b* к *c*, но от *a* к *ab*, от *ab* к *abc*, от *ac* к *abc*. В промежутках же мучаюсь, так как все рушится.

21 ноября. Глупый ум может рассуждать и думать, но ему нечего думать. Мудрой глупости есть о чем думать, но она не умеет думать. Глупый ум должен служить мудрой глупости.

⟨...⟩

1958

6 января. Подобосущие: здравый смысл, модель мира, знание — отображение, приближение к бесконечности, правдоподобие: похоже, я **сам** — похожесть. Знание вытесняет искусство и веру.

Единосущие: тайна — противоречие, невозможность построения модели, предельность мира и знания — освобождение места для веры, непохожесть — тожество различного, отречение от себя, Бог.

7 января. Игнавия, и по-видимому, давно и великая.

13 февраля. Христос — боль и жертва — соблазн для иудеев.

Христос — два замкнутых непроницаемых мира на одном месте — две природы нераздельные и неслиянные — соблазн для эллинов.

Христос интенсивно соблазн, экстенсивно — безумие.

7 марта. Строение фразы и ее завершение у Баха, Моцарта и Бетховена. Завершение в смысле формы и ειδος* не обязательно в конце фразы, но обязательно связано с концом — кадансом. У Бетховена конец — подчеркивание доминанты — тоники, за последним концом ничего нет — субъективное переживание. У Баха вещь не кончается в конце: во-первых, конец отодвинут от конца — confutatio[60] на субдоминанте. Во-вторых, вещь живет и после конца, поэтому может кончаться и на piano. То есть за концом — вечная жизнь.

В этом различие: у Бетховена — смерть, за смертью ничего нет; у Баха — за смертью вечная жизнь.

Это результат морфологического исследования кадансов. Музыкальная морфология: морфология фразы, морфология каданса, морфология всей вещи в целом, сравнительная морфология.

Когда я говорю о Бетховене, я имею в виду его симфонии, в особенности: III, V, VII, IX. В камерных вещах он не всегда так неприятно последователен.

Четыре типа творчества: умер, не успев все сказать; умер, успев все сказать; умер, пережив себя; умер, пытаясь заглянуть в недозволенное.

---

* Сущность (*греч.*).

Мне возразили: умер, не успев все сказать, то есть случайно раньше, — разве есть случайность, не определен ли день смерти? Есть случайность и определен день смерти, только в предельной мысли эти два утверждения несовместны, мысль не вмещает абсолютное. Предопределение, исключающее случайность, — естественный механизм. Естественная необходимость исключает сознание и духовность. Чистая же случайность — другое отраженное абсолютное. Поэтому день **случайной** смерти **предопределен** с рождения.

8 марта. I. Ст. сказал, что проволочные изделия М. ⟨В.⟩ гениально бездарны или бездарно гениальны. Весной я сказал, что М. ⟨В.⟩ бездарен, а тот и за ним другие без конца обыгрывают это. Гений и талант разное, но редко гений неталантлив. Гению не надо придумывать, как быть оригинальным, скорее как быть менее оригинальным, чтобы хоть кто-нибудь понял его. У гения оригинальность в мыслях, стиле, форме, но не во внешнем, например новый материал или разные шрифты в стихах. Если проволочная скульптура возможна, то изобретет ее не гений, но бездарность или небольшой талант. Также и шумовая музыка. Стравинский, Шёнберг, Веберн не интересовались шумовой музыкой. Если она войдет в музыку, гении будут заниматься ею, но сами не будут вводить ее. Гений революционен изнутри, внешне — консерватор.

Формализм — отделение идеи от материала. Если проволока и войдет в скульптуру, то не для того, чтобы делать проволочных правдоподобных людей, — это формализм.

Две пары понятий:

1. Реализм — подобосущие 2. Условность — единосущие	и	⟨3.⟩ конкретное, или частное, соединение ⟨4.⟩ абстрактное, или общее, разделение

1—4	Леонардо	1—3	Рембрандт, но уже выходит из реализма
2—4	Матисс	2—3	Сезанн

Единосущие — икона, подобосущие — портрет. Но Рембрандт, Сезанн — портрет стал иконой.

II. Хам подсмотрел наготу отца, рассказал братьям, злорадствовал: я не такой, лучше. Сим и Яфет пошли спиной вперед, прикрыли наготу отца любовью. Заболоцкий, увидев наготу Введенского, не прикрыл ее, а злорадствовал: я лучше. И сразу же стал хуже.

Христос обличает больше всего фарисеев, тех, кто считал возможным бросить камень в грешника, кто говорил: я не такой, как другие. В Царствии Небесном больше радуются одному грешнику кающемуся, чем 99 праведникам, не имеющим нужды в покаянии.[61]

Нет праведника, но **мгновенный** акт покаяния. Аналогия этому в пространстве то, что сказал Ст.: нет предмета, но мгновенное собрание рассыпанного.

Я есть **ты**. Если я, видя наготу другого, не вижу в нем своей наготы, то я вообще не вижу и не понимаю наготы, но фарисействую. Увидеть в шокировании тожество с тобою и разделение, прикрыть любовью твою наготу, потому что это моя нагота, понять, что я виноват за всех, — все это одно: **я** есть **ты**.

9 марта. Треснула моя физическая оболочка. Треснула моя душевная оболочка. Я вылезаю из себя самого. Я вылезаю из жизни.

Началось это пять лет тому назад, когда кончил последнюю редакцию «Критерия». Потом Евангелие. Есть первый шедевр. Есть последний. Сейчас пишу свой последний шедевр. Но это еще не конец, конец — «Перед Принадлежностями чего-либо». Это же — серьезность, последнее разделение. Это — взгляд. Все или ничего. Я суетен, мелочен, но я разделил: не шучу серьезным и серьезно не шучу. Все или ничего: все, если есть хоть зерно вечности.

М. спросил у Занд⟨ерлинга⟩[62]: что вы хотели слушать, умирая; и сам ответил: я хотел бы умирать под Стравинского. Но, может, и не под Стравинского, а в молчании? Но твердо знаю: под Бетховена, Чайковского, Шостаковича не хочу умирать.[63] Я понял Вечного Жида: я бегу от III, V, VII и IX ⟨симфоний⟩ Бетховена и попадаю под Чайковского, бегу от Чайковского и попадаю под Шостаковича, бегу от Шостаковича, попадаю под Бетховена. Поэтому Вечный Жид и не мог сидеть на одном месте, он убегал от тяжести бытия, но убегал только от одной тяжести и попадал в другую. Тогда хочешь смерти как прекращения тяжести бытия, хотя бы в ничто.

Это связано и с концами у Бетховена и Баха: вечная смерть или смертию смерть поправ[64].

Сейчас я играю больше Баха, чем Шютца. Но перед смертью победит Шютц.

Но почему все же ходить, а не сидеть? — Я имею в виду Вечного Жида. Это сила отрицания и зла. Я не могу не уходить от зла, хотя знаю, что перейду в другое, не меньшее, внутреннее самопоедание. Он ел себя от тяжести бытия, он сам — тяжесть бытия. Выход: μακαρ — ***не ешь себя***, блаженства.

Понять тяжесть бытия хорошо, плохо с самолюбованием погружаться в нее. Выход: μακαρ.

25 марта. Если *А*, то *Б*; если *Б*, то *В*; если *В*, то *Г* и т. д. до *М, Н, О*. У меня есть *М, Н, О*, то есть я живу в нем, может, даже в *Г* или *В*, ем, пью, сплю в нем. Но *А*, даже *Б* бывает редко. *А* — это Сам Бог, *Б* — прикасание к Нему. Но ведь с е й ч а с только в надежде, а потом прямо увидим, может ли быть с е й ч а с больше, чем *Б*? Жить в *М, Н* или *О* — это значит жить в Божественном строе, быть Божественно настроенным. Конечно часто я выхожу из Божественного строя, но и этот выход из Божественного строя в Божественном строе.

В Царствии Небесном больше радуются одному грешнику кающемуся, чем 99 праведникам. Самое главное, может быть, покаяние, тогда недалеко и до Божественного строя. Но все это в ожидании и в надежде. Затем: во-первых, я знаю умом — теоретическое обоснование *М, Н, О*,... Здесь еще далеко до прикасания к Богу, во-вторых, практическое — созерцание, то есть теория в первоначальном смысле — прикасание.

Два мира: внутренний и внешний человек; кто говорит, что в нем уже нет этого разделения, что внутренний исключил внешнего, что **сам** он уже не существует, тот и существует только **сам**, только внешний человек. Потому что только **там** тожество обоих, а здесь — разделение. Я не знаю, есть ли у меня сейчас вестники, но я чувствую дуновение ветерка от их крыльев. Не в буре, не в грозе, но в тихом дуновении ветерка явился Бог Илии. И снова не Сам Бог, а прикосновение к Нему. Для нас быть в Божественном строе значит все время выпадать из него и возвращаться, то есть: *я пребываю в Божественном строе, постоянно возвращаясь в него.* Но кто говорит, что всегда и постоянно пребывает в нем, тот и не знает его. Быть в нем и значит возвращаться в него. Поэтому в Царствии Небесном больше радуются одному грешнику кающемуся, чем 99 праведникам, не имеющим нужды в покаянии.

12 апреля. Liberté, égalité, fraternité* — антихристова пародия на истину. Liberté — внешняя, а не внутренняя свобода: пусть будет по моей воле. Истинная свобода в самоотречении: если Сын освободит вас, то вы истинно свободны будете[65]. Égalité — равенство рабов, шигалевщина. Духовное: кому много дано, тому прибавится, кому мало дано, отнимется и то, что он думает, что имеет. Притча о хозяине виноградника и работниках — притча о рабской справедливости и зависти: ты получил свое, что же тебе жалко, что я добр?[66] — Социализм. Fraternité — фамильярность и лакейство. Евангелие: нет больше той любви, как отдать жизнь свою за ближнего[67]; любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас[68]. А fraternité — ненавидит. Вообще ум — плебей, лакей и лакейские все три лозунга царства разума, злая весть антихриста. Аристократичность Евангелия: блаженны нищие духом[69].

III, V, VII, IX ⟨симфонии⟩ Бетховена преимущественно liberté — моя воля. Чайковский — fraternité — самолюбие, обидчивость, справедливость, лакейство. Также у Шостаковича — Смердяков.

Liberté — принцип, égalité — реализация, осуществление (шигалевщина), fraternité — внутреннее содержание.

---

* Свобода, равенство, братство (*фр.*) — лозунг французской революции 1789 г.

АВГУСТ 1958 — СЕНТЯБРЬ 1960
ФУ 8

1958

2 августа. То, что Соловьев, Бердяев, Булгаков, Флоренский, Франк, Лосский, Алексеев-Аскольдов хотели сделать, но не сделали, то, кажется, сделал я: онтологическая и религиозная теория познания. В этом отношении я русский философ. Но им не удалось, потому что у них не хватало, во-первых, страстности или зилотизма, они были либералами, во-вторых, спекулятивного таланта, они не понимали, что схематизм, абстракции, отвлеченность преодолевается схемами же, абстракциями и отвлеченными рассуждениями, а не лирическими излияниями. Зилотизм и спекулятивность — еврейские черты, и в этом отношении я еврей. Но я использовал всю европейскую философскую технику, и прежде всего Платона, Аристотеля, Майстера Экхарта, Канта, Фихте и Спинозы. Поэтому моя философия также продолжение европейской.

Розанову был ненавистен либерализм, в «Смене вех» ему понравился только Гершензон — зилот.

Русские дали: икону, храмы, литературу XIX в. Но даже Лобачевский, может быть, не такой большой гений. Гений универсален и нов. Но неевклидова геометрия носилась в воздухе: Саккери, Больяй, Гаусс. То, что именно Лобачевский первый написал пангеометрию, — случай. Но Фихте не имел предшественников, и кроме того, у него есть неофициальные мысли и отклонения. Гений ли Шопен? Или только гений рояля?

Когда я жил в Детском ⟨Селе⟩[1] в 1934 г., Московские ворота[2] были для меня началом координат. Иногда я заходил в Екатерининский парк. Но когда я сейчас вспоминаю, как я ходил в Екатерининский парк, я никак не могу вспомнить пути, у меня сейчас другая система координат и другое начало и я не могу уже произвести преобразования системы координат, чтобы найти прежний путь в новой системе: я помню только начало и конец пути. Так же бывает, когда едешь в трамвае, задумался и вдруг кажется, что едешь в противоположную сторону. То же самое в жизни и в понимании: я привык к определенной системе координат, и хотя другой идет туда же, куда и я, но я не могу представить себе его пути в моей системе координат, не могу произвести необходимого преобразования. От этого взаимное непонимание. Тогда философия — абсолютная система координат с законами преобразования любой системы в абсолютную. Мы поймем друг друга, если преобразуем свои индивидуальные системы в абсолютную. Это слишком неопределенно: и наука и искусство тоже абсолютная система координат.

8 августа. Я впервые играл Фрескобальди. Мне очень понравилось, я играл целую неделю, причем, закончив, начинал сначала и так по нескольку раз и, кончая, никогда не испытывал полного удовлетворения, мне снова хотелось играть сначала. Но Баха я редко повторяю, только если увидел что-либо новое и хочу лучше сыграть. Вчера я понял. Я взбираюсь на высокую гору, и вот я на вершине и вижу весь мир. Когда я подумаю, взобраться ли снова, на какое-то мгновение мне становится даже страшно: я преодолел громадные трудности, каждый шаг подъема был труден и одновременно давал радость. Когда я подумаю: снова взбираться, снова эти страшные трудности, хотя и радость, на мгновение я пугаюсь. Да и к чему снова взбираться: передо мною весь мир, он уже в моей душе. Так бывает, когда я хорошо сыграю какую-нибудь вещь Баха, особенно медленную, то есть полное удовлетворение. Не так с Фрескобальди: он очаровывает, как наркотик, но его действие кончается, я снова нюхаю или делаю укол. Формально, несмотря на острое столкновение лада с тональностью, красивые мелодии, хорошие кадансы, интересный ритм, у него отсутствует действие — ничего не происходит, только намечено, схематично, то есть беспомощность в развитии или проведении темы, например тема появляется только то в тонике, то в доминанте, отдельные кусочки хорошо соединены, но самой вещи все-таки нет.[3] Из канцоны, которая мне понравилась, можно было сделать три хорошие вещи, но не вышло ни одной. Ее хочется повторять много раз потому, что кусочки, из которых она склеена, прекрасны и очаровывают, но не дают удовлетворения, потому что возможности, заложенные в них, не проявились.

14 августа. Бах: урегулировать вопросы музыки во славу Божию.

Сезанн: столкновение моего маленького ощущения и мира — картины, которую раскрывает передо мною Бог. Живопись в голове (а не в натуре).

Введенский: я совершил критику разума значительно более радикальную, чем первая[4]. Время, смерть, Бог.[5]

Кант: очистить место, занимаемое разумом, для веры. Но здесь надо иметь в виду не официальную религию в пределах чистого разума, а неофициальные мысли Канта, то, что он не сказал, но просвечивает уже в «Критике чистого разума». Блок о Канте: хитрейший из мистиков. Вообще у Канта самое великое не то, что он сказал, а то, чего не досказал и даже не сказал.

В каждом из этих четырех утверждений чувствуется универсальность гения. Универсальность может быть интенсивной и экстенсивной. Эк-

стенсивной у Лобачевского не было потому, что, кроме пангеометрии, у него нет ничего великого. Интенсивной тоже, кажется, не было: он не обобщил три геометрии в одну и открыл ту, которая физически имела наименьшее значение.

16 августа. Начиная с Ренессанса — арианство [может, и несторианство?]. Но, может, это не совсем верно. Средние века — стихийная бессознательная ортодоксия. Ренессанс — возрождение арианства, ренессанс и есть ренессанс арианства, то есть рационализма, принципа подобосущия, то есть правдоподобия, тварности. Но тогда и ортодоксальность начинает сознавать себя. Так как жизнь принимает форму арианства, то и ортодоксальность сохраняет еще эту форму: Эль Греко, Рембрандт, Спиноза, Бах. Но только отчасти, правдоподобие нарушается: частичное уничтожение перспективы у Рембрандта, проходящие ноты[6], задержка на IV ступени, неутверждающие[7] кадансы у Баха. Наконец XIX в. — полная победа арианства. И вдруг оказалось: несмотря на улучшение материальной жизни, все недовольны: рабочее движение, кризис физики, разрушение старого искусства — это уже конец XIX — начало XX в.

17 августа. Как Кьеркегор, Бах мог бы сказать: Фрескобальди писал красивую музыку, легкую, как облако, проносящееся на небе. Пахельбель писал сладостную музыку, залечивающую все раны, Букстехуде писал благородную мужественную музыку. Телеман писал музыку приятную, как сновидение. Скарлатти писал музыку приятную для пальцев, пальцы играют сами собою. Я буду писать музыку неудобную для пальцев, и для голоса, и для души. Играть ее — мука. Но некоторые поймут: эта мука и есть радость и блаженство.

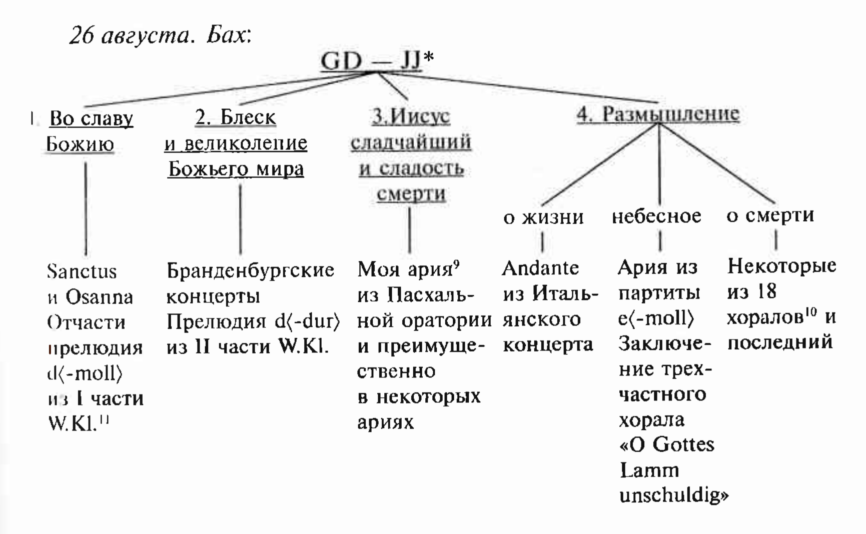
Иногда мне кажется, понять Баха может только тот, кто играет его. Только играя его, можно понять все неудобство этой музыки для души. Сделать жизнь трудной, невозможной — вот его музыка. Он понял сладость противоречия, бессмыслицы, тайны; отсюда нарушение метра, симметрии, любовь к проходящим нотам, остановка на IV ступени, незавершенность кадансов. У него все время: надо совершить то, что невозможно совершить, и он совершает невозможное. Он понял небольшую погрешность в некотором равновесии. И наконец он пишет уже совершенно неудобную, неисполнимую ни на каком инструменте музыку — Kunst der Fuge[8].

Неудобство души — вот что главное. Надо сделать, чтобы душе стало неудобно.

25 августа. Кажется, первый раз в жизни могу сказать: закончен труд, завещанный от Бога. Я еще не закончил труд и осталось очень много и вряд ли успею и когда-либо дойду до «Принадлежностей», и

даже первую главу «ТФТ» еще не раз буду исправлять, и уже знаю, что надо исправить, но это не относится к самому главному и в ней нет погрешности, кроме небольшой.

26 августа. Бах:

В 3-й категории довольно сильный элемент католичества, в 1-й — менее сильный иудейства, во 2-й еще менее сильный — язычества.

1-я категория.	Heiligste Dreifaltigkeit.**
Отчасти.	Басовая с фаготом из Мессы.
	Басовая из Magnifikat.
2-я категория.	Теноровая ария с 1/32 ⟨тридцать вторыми нотами⟩.
3-я категория.	Прелюдия h-moll к органной фуге.
	Размышление с сладостью.

10 сентября. Я почувствовал пианизм, и с меня достаточно. Как скупому рыцарю, с меня довольно, что я могу. Вообще что значит переход от «могу» к осуществлению? То есть от внутреннего к внешнему. Иногда в этом переходе есть некоторое плебейство. Надо классифицировать эти переходы. Например, моральное или неморальное намерение, то есть в мыслях и осуществление. Плохое в мыслях уже грех, чем отличается от осуществления? Также хорошее только в мыслях еще недостаточно, но здесь может быть недостаточная сила намерения. Затем скупой рыцарь — возможная власть.

* Gloria Dei — Jesus Juve (Во славу Божию — Иисус, помоги) (*лат.*).

** Святейшая Троица (*нем.*) — басовая ария из кантаты BWV 172.

Пианизм. Понимание — не повторение знаков, понимание — простое. Но здесь разница: я понимал фразу у Баха, но в моем исполнении ее не чувствовал. Это не значит, что я недостаточно понимал ее, но здесь два понимания: теоретическое и пианистическое — свобода игры.

Метр — от части к целому, то есть причинность, вещь складывается из отдельных нот — мотивы, из мотивов — фразы и т. д. — причинность.

Ритм — от целого к части. Целое определяет периоды, период — фразы, фразы — мотивы. То есть — целесообразность.

Птица не состоит из живота, сердца, легких и т. д., но организм определяет, то есть оживляет свои части, как энтелехия.

Метр: предыдущее определяет последующее. Ритм: последующее или целое определяет предыдущее, ритм — энтелехия все вещи.

Я понял фразу исполнительски: я играю первый такт и ускоряю его, потому что затем то, что я еще не сыграл, требует этого, так как будет замедлено. Фраза или, лучше, большая лига — вот последняя ритмическая единица.

Я знал теоретически лигу и ее значение у Баха, теперь я почувствовал ее, она во мне, причем не только теоретически, но и исполнительски. В этом свобода исполнения, а раньше в игре я был стянут, то есть хотя и чувствовал интонацию и мотив, но соединял мотивы метрически, а не ритмически.

Это духовная свобода — мелодическая. Физическая свобода — освобождение тела, то есть дематериализация или одухотворение тела. Это неточно, и мелодическая свобода или ритм фразы тоже должен быть и в теле, то есть лига должна быть и в теле, но различается ритм целого — мелодический, преимущественно (но не только) в медленных вещах, и детализированный — это неточное определение — преимущественно в быстрых: Бранденбургские концерты, прелюдия d-moll из второй части W.Kl. Может, так: широкое или глубокое дыхание и ровное дыхание, и первое — явное нарушение метра, а второе — неявное — нарушение метра в уподоблении метру. Ровное дыхание — Spielfreudigkeit*.

Смерть физически мы ассоциируем не с болью, но прежде всего с прекращением дыхания — последний вздох. У Баха главное: вдох — выдох и различие широкого и ровного дыхания. Поэтому у Баха даже физическое чувство жизни — смерти. Лига — вдох на первой ноте, выдох на следующих: на одной, на двух и т. д. Лига заменяет forte — piano**. Выдох в лиге или ускоряется, или замедляется; первое, как правило, создает впечатление forte, второе — piano. После лиги, особенно двухмерной, то есть из двух нот, особенно выразительно звучат

* Радость игры (*нем.*).

** Громко — тихо (*ит.*) — *муз.*

последующие нелигованные ноты, исполняемые почти non legato* и без всякого чувства. Это можно назвать динамической силой лиги или ее кинетической энергией. Чем меньше размерность лиги, тем больше ее кинетическая энергия, значит, наибольшая у двухмерной лиги — чистый вдох — выдох, он звучит еще такт или два, даже три после исполнения, то есть он реально слышен и присутствует, когда физически уже не звучит. Кинетическая энергия — в вдохе, но не исчерпывается полностью в выдохе, остается и после выдоха, поэтому понятно, что, чем короче выдох, тем больше остается кинетической энергии.

Ровное дыхание — жизнь, отсюда Spielfreudigkeit. В широком дыхании, то есть в лиге, нарушается ровность дыхания: глубокий, но короткий вдох и длинный выдох — поэтому в широком дыхании — боль и предчувствие смерти.

Неверно, что вдох короткий на одну ноту. Может быть, и на бóльшую часть лиги; вообще надо сделать классификацию лиг, то есть вдохов — выдохов, и все они большей частью — нарушение ровного дыхания, во всяком случае у Баха. Если в длинной лиге вдох длинный, он может быть немного ускорен или замедлен, если замедлен, то мне кажется, хорошо небольшое crescendo**, хотя вообще лига заменяет динамические оттенки. В Andante «Итальянского концерта» я делаю на замедленном длинном вдохе больше crescendo до ff***, но, может, это говорит во мне бетховенская закваска.

Лига без crescendo и diminuendo**** и следующие за ней ноты, играемые ровно и без всякого чувства, значительно выразительнее любого crescendo и diminuendo. В этом случае выразительна именно невыразительная игра — эмфазис[12].

Концы у Баха. Мне кажется, Швейцер не прав, считая, что заключительный каданс надо играть громко. Если это окончательный выдох, особенно при широком дыхании, то его нельзя играть громко. В Andante «Итальянского концерта» я делаю ступенчатое crescendo. ⟨...⟩

Классификация мотивов у Швейцера, как первая работа в этом направлении, очень интересна.[13] Но он исходит из неправильной точки зрения, поэтому его классификация случайна: эмпирический перечень различных мотивов.

Два основных взгляда:

1. Музыка передает душевные переживания. Поэтому ключ к ней надо искать не в ней, но в словах, передающих эти переживания, то есть в тексте. Музыка передает имманентное душе, но находит это не в себе самой, а вне, то есть ключ трансцендентен музыке.

* Не слитно, не связно (*ит.*) — *муз.*

** Усиление звука (*ит.*) — *муз.*

*** Fortissimo — очень громко (*ит.*) — *муз.*

**** Ослабление звука (*ит.*) — *муз.*

2. Музыка передает духовное, то есть то, что хотя и находится в душе — всё в душе, — но уже вне души. По общепринятой терминологии, это называется трансцендентным и Богом. В душе я нахожу то, что уже не есть душа и вне души. Это о предмете музыки. Но ключ к музыке я не могу искать вне музыки, тем более в текстах, — но в самой музыке. Я должен подойти к мотивам, как геометр. Они не выражают душевных переживаний или чувств. Лучше всего их просто пронумеровать, если же обозначать, то физич⟨ескими⟩, а не душевными терминами, отчасти Швейцер так и делает: вдох, шаг, волна. В конце концов, мотивы — это иероглифы, причем иероглифы дыхания. Может быть, здесь и найдется имманентный критерий для классификации, имманентный, то есть чисто музыкальный. Результат этой классификации: система иероглифов, ничего не выражающих, то есть бессмысленных, и их комбинаций, тоже бессмысленных. Но это не формализм: бессмыслица более содержательна, чем смысл. Иероглифы связаны с музыкальными терминами: p, f * и т. д.

Программная музыка — это музыкальный рационализм. Музыка, как и всякое искусство, — система иероглифов. Отличие иероглифа в том смысле, как я его употребляю, от слова или знака: последние два находятся в сфере понимания, они всегда есть знак чего-либо того, что они обозначают, а иероглиф **тожествен** тому, что он обозначает. Это одновременно чувственный знак и нечувственное обозначение, он и есть абсолютный факт, тожественный обсуждению.[14] Приходящий поезд, дорога, камин — вот примеры иероглифов (Л.). Истолковать их рационально, то есть душевно, нельзя. Это какие-то реальности, прорывающие форму понимания, то есть арациональное, прорывающее оболочку рационального.

Поскольку музыка вызывает какие-то эмоции, она вообще не музыка, а какая-то физиологическая патология. Звуки, организованные в мотивы, ничего не обозначают — это иероглифы. Но это не формализм. Арациональное, то есть бессмысленное, ближе нам и сильнее воздействует, чем рациональное. Например, электронная или конкретная музыка[15] — Мейер, «Орфей в аду». В значительной мере, правда, здесь физиологическое воздействие. Но важно то, что оно абсолютно бессмысленно и сильнее, чем смысл.

«Ассур, Аман и Эсфирь» Рембрандта. Пока я видел Эсфирь, Ассура и Амана и вспоминал библейскую историю, я ничего не видел. Но вдруг я увидел, что это не Эсфирь, не Ассур и не Аман, а столько же: три льва, три стола, три дерева, три абстрактных направления, тогда я понял картину, то есть увидел ее, так как я ничего не понял, а видел и имел.

В конце концов, все иероглифы не обозначают, а **есть**, причем или «пусть будет не по Моей воле», или пусть будет по моей воле.

---

* Piano, forte — тихо, громко (*ит.*) — *муз.*

О предмете. Беспредметность — это творение из ничто. Предмет — это само **что**, то есть что, которое есть **что** как ничто, предполагает себя как само **что**. Предметность в музыке: переживание, чувство. ⟨...⟩

Икона или портрет. Рембрандт, Бах — в форме портрета — икона. Пока я вижу портрет, я не вижу ни Рембрандта, ни Баха. Бессмысленные слова: в портрете старика я вижу всю его историю или биографию. Как это можно видеть?

Играя, вернее, даже читая 15-ю «Гольдберговскую вариацию», я понял, как ничтожно в смысле выразительности crescendo. И это снова: crescendo — предметно, беспредметное и бессмысленное выразительнее осмысленного. В этом сила искусства.

На вопрос Г. Н.[16] я теперь могу ответить. Он спросил: зачем людям нужно искусство? Затем, что все тоскуют по тайне, то есть бессмыслице.

Греки, даже величайшие, даже Платон, не дошли до беспредметности, то есть творения из ничто. Демиург творит из хаоса. Но Платон ближе всех из греков подходил к этому — «Софист», «Парменид». Року или богине судьбы подчинен даже Зевс — это опять предметность.

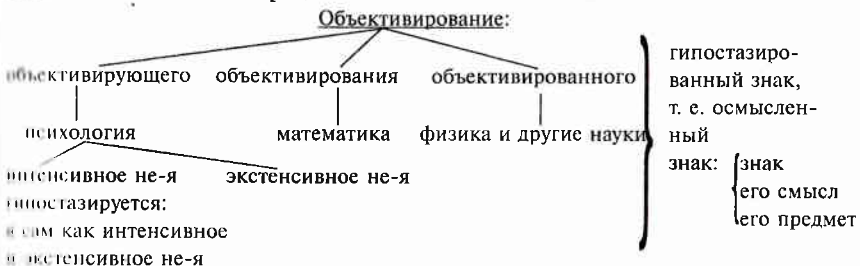
В начале было Слово — беспредметность. У греков — в начале хаос или рок. У Гете — дело, то есть акт.

10 ноября. Уже два месяца игнавия, и временами большая.

Материал живописи — цвет, линия; музыки — звук в горизонтали и вертикали. Материал философии?

Материал поэзии, литературы, физики, вообще науки, философии — слова и предложения. В чем различие?

Во-первых, интенциальное. Физические предложения интендируют, во-первых, к ощущениям, во-вторых, к тому, что предполагается за ощущениями, то есть к объективному в ощущениях, то есть к объективной связи. Но так же и психологические предложения, и в психологических — объективное интрасубъективного, а в физических — объективное экстрасубъективного. Различие интенсивного и экстенсивного не-я — разделение самой психологии.

Необъективирование — освобождение знака от гипостазирования — бессмысленный знак.

Физика, устраняя гипостазирование, сводит к нулю объективирование: свести движущийся мир к покою: нуль мира.

Поэзия и философия нуль чего? Нуль чувства или меня? Нуль существования и предмета?

14 ноября. Как и во всем, XIX в. напутал и в эстетике.

1. Два вида эмоционального по формуле: арбуз — дыня — арбуз[17].

2. О индивидуальном. Связь с религиозным, с одной стороны, и с красивым, с другой. Вот что я имею в виду: мне кажется что-то красивым благодаря окружению и индивидуальному переживанию. Например, песенка за ужином. При других обстоятельствах она мне не покажется красивой. Но даже и за ужином я могу сделать некоторое выключение части себя и я увижу, что песенка пошлая и неприятная. Но затем дальше: то, что мне кажется красивым, выключая себя, я вижу некрасивым. Для меня, например, это Третий или Четвертый фортепианный концерт Бетховена, соната opus 106 и многое другое. Они мне могут доставить удовольствие, но вдруг я произвожу некоторое выключение, частичное, себя и уже нет удовольствия. Этот процесс выключения имеет различные степени. Что происходит? Выключается часть себя самого. Вернее, каждый раз выключаю полностью себя самого, кажется, нет постепенных выключений. Но здесь будет погрешность: остается некоторое окружение, поэтому если не экстенсивно, то хотя бы интенсивно есть различия. Я выключаю себя самого, но сразу же возвращаюсь. Здесь есть интенсивность или радикальность исключения, может, это «сразу» имеет длительность и это определяет радикальность исключения. Может, это и есть окружение. Затем, в чем индивидуальность: в **самом** или не в самом. В первом случае индивидуальное с выключением уменьшается. Но это неверно: Бах индивидуальнее Бетховена. Если же индивидуальность не в **самом**, то в чем? По-видимому, Христос — полнота индивидуальности. Но тогда много других вопросов. Для эстетики же важна градация или иерархия красивого, начиная от приятного и простой красивости до наивысшей, и связь ее с выключением, двумя видами индивидуального и окружением.

3. Два вида прекрасного: например, последний[18] хорал Баха, о нем уже нельзя сказать: красиво. Или так: красиво, потому что некрасиво. Мне это еще очень неясно, хотя я чувствую это вполне ясно в каждом отдельном случае. Это не имеет никакого отношения к эстетической красоте того, что житейски некрасиво и о чем много шумели в XIX в. — В. Гюго. Может, этот второй вид прекрасного и есть наивысшая степень: освобождение от всего, что может в какой-либо степени ласкать чувства: слух, зрение и т. д.

4. К двум (по Швейцеру) источникам эстетического действия добавить третий: игра чувства, представляющей способности, интеллектуальной. Кажется, Швейцер относит ее ко второй, во всяком случае это представление формы представления: геометр⟨ически⟩ — линии направления, арифм⟨етически⟩ — отношения, число повторений.

5. Эмоциональное воздействие бессмысленного: глоссолалии[19], юродство, выделение у Баха в речитативах и ариях слов, не имеющих особого значения. Эмфазис на таком бессмысленном месте действует значительно сильнее, чем на осмысленном. Эмоциональное чтение бессмысленного отрывка. «Орфей в аду» Р. Мейера — громкий бессмысленный шепот. Бессмыслица эмоциональнее осмысленного. Тоска по бессмыслице — начало искусства.

15 ноября. Тоска по бессмыслице и у греков, иначе не было бы и искусства, но они настолько предметны и рассудочны, что изгоняли ее возможно дальше. Но и так снова опредмечивали: богиня судьбы властвовала даже над Зевсом — иррациональное изгнано выше небес и снова опредмечено. Фортуна с повязанными глазами. Безнадежная тоска от соприкосновения бессмыслицы с предметностью, удаление бессмыслицы и все же опредмечивание ее.

30 ноября. В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. И *сказал* Господь: да будет свет. И стал свет.

Евангельское Слово эллинизировали и объединяли с греческим Логосом. От этого рационализм и в конце концов Гегель и Баух. Его ⟨Слово⟩ надо объединять с Библией: «сказал» и есть Слово, рожденное Богом, — «было у Бога» — Сын Божий — Бог. Одновременно же Словом сотворен мир, так как мир стал из ничто через простое «сказал». Различие между Словом — евангельским Логосом и греческим в том, что Слово конкретно: Слово тожественно бытию, причем единственное — Иисус Христос. А греческий Логос — отвлеченная мысль, даже если это мысль Бога. Слово — единственный акт творения из ничто с е й ч а с, а Логос — мысль вообще, требующая осуществления в данном вне Бога хаосе. Первое — вечность как с е й ч а с, второе — бесконечно продолжающееся время.

1 декабря. Между **сказал** и **стал** нет никакого промежутка, даже логического. Тогда **сказал** тожественно **стал**. Во-первых, существование и сущность или бытие и мысль у Бога *одно два*[20] или, вернее, одно, но неяще. Во-вторых, существование есть высказывание существования и свет — в высказывании существования света. В-третьих, **сказал** тожественно **стал**, но **стал** не тожественно **сказал**, иначе пантеизм.

16 декабря. В конце концов критерий истины только сама истина, то есть Бог. Это же у Спинозы. Меня удивляет, что Зиммель и др. хотя бы цитируют Маркса, и также сейчас многие философы на Западе. Какая-то нелогичная обрывочность принимается за философию. Теперь

я становлюсь на их точку зрения. Они найдут нелогичность и неграмотность у меня. Нелогичность и неграмотность сами по себе относительны. Но к чему они приходят, они — те, кто не считает критерием истины Бога? «В логике нет морали» — Карнап. Но тогда критерий истины — я сам. Здесь разделение: я сам относителен: в логике нет морали. Не я — Бог абсолютен. Значит: я или Бог, причем я сам, как критерий истины, уничтожаю абсолютный критерий истины, так как в логике нет морали. Но Декарт и в логике признавал мораль: я сам или воля — причина ошибки.

Мой критерий понимания в конце концов критерий веры, иначе Гегель: ложь — момент системы. У меня взгляд *B*, у них взгляд *C*. Оба взгляда относительны: с точки зрения *B* ложно *C*, с точки зрения *C* ложно *B*. Но $B \rightleftarrows C$, а $C \not\equiv B$. *C* не момент в *B*, но то, что не тожественно *B*, хотя *B* тожественно ему. У Гегеля — абсолютное понимание, в котором ложь — момент его. У меня само понимание — нетожественная сторона апории или одностороннего тожества. Актуальное понимание для потенциального понимания все равно непонятно, но потенциально, а не актуально. Но *B* само по себе не истина. Во-первых, само по себе оно уже не *B*, а *C*. Во-вторых, тогда сдвиг: *B* истинно, потому что не само. Если это рассуждение — логическое обоснование критерия, то уже не *B*, а снова *C*. Абсолютное не само — Бог. Это не рассуждение и не обоснование: критерий истины сама истина. Может быть, даже так: критерий понимания — непонимание.

I. Абсолютный критерий: критерий истины сама истина, или критерий Бога Сам Бог.

II. Относительный критерий:

1. Имманентный критерий: замкнутость системы — Гегель; внутренняя непротиворечивость; антропологизм.

2. О вкусах не спорят — вообще нет критерия.

К II.1. относится также соответствие представления предмету, но это не додумано: во-первых, что́ предмет и существует ли независимо от представления предмета; во-вторых, где и в чем критерий соответствия? Сюда же объективность, и здесь отношение[21] X.:

абсолютное — {объективное; субъективное.

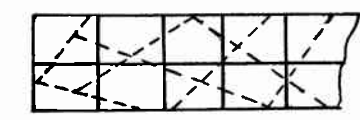
Если ссылаются на объективность, внутреннюю непротиворечивость и на вкусы, то все это субъективные критерии. Но ссылка на Бога сама по себе еще не есть абсолютный критерий.

Ин. 5. «Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего... Я ничего не могу творить Сам от Себя... Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете». Во-первых, Сам от Себя даже Христос не творит, сам от себя и есть антихрист. Во-вторых, *Сын — критерий или основание познания Отца, Отец — основание бытия Сына.* Здесь* все сказано: если я ссылаюсь на Бога и утверждаю план Божий, то это уже свое. Даже в науке: если задача физики свести движущийся мир к покою[22], то уже не от себя и абсолютный критерий, а вечность материального мира — свое. Может быть, «Исследование о критерии» и «Трактат Формула Мира» — это критерий отвержения ложных, то есть субъективных, критериев: «А блох, сигающих на тебя с земли, отрясай»[23].

Критерий, может быть, относится непосредственно к методу исследования, а в конце концов к цели. Если в тожестве $A \rightleftarrows B$ человек не видит *A*, то надо открыть ему глаза на *A*, а для этого показать, что *B* — я сам, желающий быть чем-либо, но только как ничто — что.

1959

1 января. Положим, есть какое-либо явление *A*. Его можно разложить на элементы различными способами, так что и число их и размеры вполне произвольны. Произвольность размеров я объясню лучше всего графически. Сплошная черта — одно разбиение; пунктирная — другое. Так что и элемент не является неделимым и само разбиение — только субъективная сетка, накладываемая на *A*. Мне кажется, особенно это заметно у Дриша. Все это дело рук человеческих. Но можно увидеть душу *A*, душу жизни. Это уже абсолютно.

21 января. У каждого человека есть своя тайна — это то, что он есть. Если она большая, то лежит глубоко, маленькая — на поверхности. Общение людей, особенно дружба, основано, во-первых, на том, что друг помогает понять мне мою тайну, во-вторых, я интересуюсь его тайной. Эта тайна в какой-то степени неприкосновенна, поэтому я хочу открыть ее и в то же время скрываю. Поэтому по-настоящему ссорятся только друзья — слишком близко подошли к тайне. Если она небольшая и лежит на поверхности, то человек играет внешнюю роль, чтобы преувеличить ее. Я боюсь, что у М. В. она на поверхности, поэтому он создает внешнее неопределенное окружение, чтобы запугать, и не выносит, когда слишком вглядываются в него. Может быть, потому он и не любит Ст., что тот знает о нем больше, чем он хотел бы. Д. И. тоже играл, но его игра — внутренняя, он играл свою тайну, и его тайна была игра. Он играл, чтобы открыть свою тайну. Или так: скрывал свою тайну, чтобы открыть ее. Но М. В., может быть, нечего скрывать, и он играет, чтобы скрыть, что нечего скрывать.

* В рукописи от слова «здесь» — стрелка вверх, к слову «примете» из Евангелия.

22 января. О критерии определения величины тайны. Абсолютного критерия нет, относительный решает с какой-то степенью вероятности, иногда очень большой. Но и при самой большой истинным может быть доневероятное.

Критерий. Тайна выражается частично, причем словами. Слово интендирует к чему-либо. Если в словах имеется неопределенность больше необходимой или есть несоответствие между словами и интендируемым предметом, то в прямой зависимости от величины неопределенности или несоответствия уменьшается тайна. Тайна выражается в соразмерности небольшой погрешности, то есть в достаточной определенности слов и в соответствии между словами и интендируемым предметом. Поэтому у гения всегда тайна большая, у бездарности — маленькая, но у человека, ничего не создающего ни в искусстве, ни в науке, ни в философии, у совсем неизвестного может быть и большая. Один человек стал плохим искусствоведом, у него маленькая тайна. Если бы она была больше, он стал бы, может, хорошим сапожником.

3 июля. Прежде чем определять философию, попробую исключить то, что не необходимо для философии. Не необходимы: полнота и непротиворечивость системы, последовательность, тщательная детализация. Но уже здесь я могу сказать и противоположное: необходимы интенсивная полнота, то есть в чем-либо одном, и из этого уже следует тщательная детализация в одном направлении и последовательность. Но это другая детализация и другая последовательность. Все равно я снова ничего не сказал.

Я вижу — вот единственное, что требуется для философа: вижу, и слышу, и осязаю, и обоняю не глазами, не ушами, не умом даже, а чем? Не знаю. Философия сказана или записана, поэтому есть речь. Речь, видимая, слышимая, осязаемая, обоняемая не глазами, не ушами, не умом даже, а не знаю чем, есть философия. Вот почему не умом: доказательства и обоснования в философии ничего не доказывают и не обосновывают. Значит, непосредственно. Философия есть речь, непосредственно видимая, слышимая, осязаемая, обоняемая; непосредственно — значит: не через органы чувств и не через логические формы речи.

5 июля. Я спросил Люси́ну[24], понимает ли она «Числа» из Библии, десятки тысяч убийств от грудных младенцев до стариков, причем убийств, вдохновленных Богом, а также другие места. Она сказала, что понимает это только по-православному. Это вроде как по-меньшевистски, или по-большевистски, или по-марксистски. Лучше уж десятки тысяч убийств. Там хоть характер и вера.

Я посоветовал раз И. Е.* прочесть Кьеркегора. Он ответил, что читает только православные книги. А между тем в католичестве находит что-то положительное или частичную истину и не согласен с Достоевским.

Вера ничему не противополагается. Если православный значит ортодоксальный в смысле истинный, то очевидно: если я понимаю, то считаю мое понимание истинным, то есть православным, тогда это незачем добавлять. Если меня спросят, сколько будет 7 + 5, я отвечу: 12, или, как Башилов: приблизительно 13, или: я думаю, что 12, но не скажу ведь: по истине, 12, как будто может быть и другой ответ. Если Христос говорил: истинно, истинно, говорю вам, то это была фигура усиления, а не сектантство. Когда же говорят: по-православному, то противополагают католическому, иудейскому и другому пониманию. Как будто бы есть частичная истина. Частичная истина — ложь.

Все или ничего. Вот столп и основание веры. Остальное же неверие, лицемерие, фарисейство и сектантство.

Сто лет тому ⟨назад⟩ некоторые католики вышли из церкви и объединились с протестантами, сектантами и другими отколовшимися от своей церкви. Они образовали единую христианскую либеральную церковь или, скорее, общество. Затем они приняли в свое общество таких же иудейских и, кажется, мусульманских отщепенцев и, значит, отбросили слово: христианское и заменили: религиозное. Потом они приняли свободомыслящих и отбросили слово: религиозное. Через некоторое время это общество оказалось либерально-прогрессивным атеистическим обществом.

Так во́т Сцилла и Харибда: сектантская «узость» и атеистическая «широта». Между ними: все или ничего.

Два признака веры: вера не противополагается другой вере, есть только одна вера, я даже зачеркнул «истинная», так как вера и значит истинная вера. Вера не есть то общее, что объединяет или что находится во всех или хотя бы нескольких вероисповеданиях, но единственное.

Надо различать веру как психологическое состояние, то есть субъективное признание, и как ноуменальное состояние, другого слова я не знаю, и только второе есть вера. Тогда это все или ничего и абсолютная жертва. Это единственное, а не общее для всех вер — *вот это вот*[25]. Но не только вот **это** вот, любое *вот это вот*. Поэтому одна-единственная вера и все же у каждого та же самая и другая, не может быть только той же самой. Эта вера — чистая, абсолютная; к ней добавляется историческая, или откровенная. Это неточно: историческая, или откровенная, вера и есть единственная — чистая и абсолютная.

* Личность не установлена.

16 июля. В конце концов философы только и делали, что поднимали себя за волосы. Это неосуществимо. Но эта неосуществимость и есть высшее осуществление. Еще у греков было: познай самого себя. Но они не могли этого сделать, так как тайна — безумие для эллинов. Только с Христа: блаженны нищие духом, блаженны плачущие, блаженны алчущие и жаждущие, возненавидеть себя самого, потерять свою душу, чтобы спасти ее, великое у людей — мерзость перед Богом. Только после этого открытия души и духа могла возникнуть гносеология и все связанные с нею противоречия. Но прошло еще много сот лет, прежде чем философы со всей серьезностью стали поднимать себя за волосы. Я не знаю, кто кроме Майстера Экхарта занимался этим в средние века, может быть, Дунс Скот. В новое время Декарт осторожно попробовал и сразу же отступил, придумав рациональное убежище. У Лейбница, кажется, уже нет; его глупая фраза: всякая боль, и духовная, в конце концов сводится к физической. Если даже трактовать это в благоприятном смысле — сотворенность — материальность, Бог не страдает, значит, и дух не страдает, страдает тело, хотя бы духовное (апостол Павел), — то все же это язычество и Аристотель. Для Лейбница тайна креста тоже безумие. Первый, кто понял вытаскивание себя за волосы, — это Спиноза: quatenum, модусы. Фихте: генезис и его отмена. Шеллинг — позитивная философия. Фриз — антропология. Гуссерль — феноменологическая редукция. У меня: интенсивное и экстенсивное — гипостазирование обсуждения, исследование, как листы исписанной бумаги; то, с чем я сейчас столкнулся: видеть то, чего я не вижу. Может, здесь есть первая и вторая ступень невозможности: первая — точечная система, некоторое сомнение, жертва и *система как пример*; вторая — запись и обсуждение этого перехода с внутреннего места на внешнее; это уже последнее разделение.

24 августа. Четыре месяца или больше была игнавия, и, как всегда, я это понял только к концу, когда увидел, что это не просто игнавия, а великая игнавия. Иногда казалось, что она проходила, я пробовал писать, знал, что́ надо, но через день-два снова бросал и ничего не мог делать. Неделя, как она прошла. Еще до этого была одна ночь, когда казалось, что она прошла, но затем снова вернулась. Но вчера я понял: эта игнавия была мне на пользу. «Я осужден на смерть и позван в суд загробный — и вот, о чем крушусь: к суду я не готов».[26] У меня уже давно была глупая мысль: я пожертвовал вечным спасением за некоторое чрезмерное знание. Во время игнавии я думал: чем мешает мне это знание? *Не сваливаю ли я собственную вину на Бога? Блаженны чистые сердцем, они узрят Бога.*[27] Мне надо только очистить сердце. И вот снова загрязнил. Я почувствовал вчера, что Провидение обо мне печется. Бог дал мне на четыре месяца игнавию, чтобы я подумал, что к суду я не готов и что на суде меня будут спрашивать не сколько хороших книг я

написал, но сколько хороших дел сделал. Но чтобы не убить меня совсем, Бог на время убрал от меня игнавию.

У Джемса я прочел отрывок из исповеди юноши, который грешил и каждый день каялся в своем грехе, ненавидел его, но не было силы отказаться от него. А Джемс добавляет: вы видите, какая чрезмерная моральная чувствительность, какие пустяки он считал грехом. И после этого Джемс считает себя религиозным человеком. Не понимает, что, во-первых, религия — отношение не к другому, а к себе самому и к Богу: я и Бог. Во-вторых, если религия не дает всего и, значит, человек не отказывается от всего, то это не религия. В связи с этим о лицемерии. Предположим, я описал все свои подлые мысли, и это, и курение, и мелочность, вообще все. Какой-нибудь Джемс, прочтя, скажет: какая тонкая моральная чувствительность. Когда я это подумал, мне стало мерзко, что я это подумал. Ведь я сам в глубине души все это знаю и потому и не уважаю себя. И здесь хитрость и парадокс лицемерия, о котором я уже, кажется, писал. Я говорю: вот как я мерзок. Но, сказав это, я думаю: я это осознал, значит, уж не так мерзок. Но, сказав это, я сразу же думаю: я еще более мерзок, сказав, что не так мерзок. Но теперь предположим: я отказался и от курения, и от этого, и от раздражительности и нетерпеливости, и от гордыни. И я боюсь, что я так мерзок, что на чистое место вернутся бесы и приведут с собою новых злейших и последнее будет хуже первого. Это не значит, что я не должен отказаться от своих мерзостей, но значит, *что человек не может сам, своими силами отказаться от греха. Если он сделает это сам, отвергнув помощь Бога, то придет злейший бес — гордыня.*

Чистота сердца и есть узрение и созерцание Бога.

Есть разные формы игнавии, но и самые страшные, о которых писал Д. И., может быть, важнее всяких трактатов и исследований. Игнавией Бог заставляет меня думать о своей душе.

Но я запишу сейчас и свою самую подлую мысль: почему мысль о тожестве последнего соединения и последнего разделения и об оправдании последнего недоумения тайной явилась мне сразу же после этого? Но я не продавал своей души черту и не продам ее ни за какое знание, тем более за какие-либо суетные блага.

Что значит продать свою душу черту ради спасения души? Это хитрость разума. Этой антихристовой пошлости я противопоставляю тайну: потерять свою душу, чтобы спасти ее. И здесь я не думаю, как Гольцман, что в первом случае душа — жизнь. Майстер Экхарт понимал правильнее.

Сегодня я написал Лиде: это вмешательство черта или, что *почти* то же самое, результат нашей общей внутренней несобранности и эманация нашей душевной нечистоты. Но только *почти* то же самое.

По-настоящему молиться мешает уныние и гордыня — вот два близнеца. Чтобы отказаться от греха и не впасть в злейший грех —

гордыню, даже не сознающую себя гордыней, — смирение паче гордости, — надо молиться. Предел гордыни — это пустота всеобъемлющая, потому не сознающая себя гордыней, в этом пределе гордыни ты даже не знаешь, что бес покорил тебя. Но как совместить это с сознанием своей низости и ничтожности? Или это снова смирение паче гордости? Но омерзение к себе самому, величайшее омерзение совместно ли с гордыней?

Я созерцаю и размышляю, а все не молюсь. Господи, почему не сокрушишь меня, дай мне сокрушенное сердце. Я хотел бы мучиться не из-за внешних обстоятельств и не потому, что не мучаюсь, а потому, что к суду я не готов. Но это вышло внешне. Я хотел бы, чтобы причина мучения был я сам, чтобы я мучился из-за себя, ради себя и о себе, чтобы я сокрушался сердцем. Я бы хотел, чтобы были только я и Ты и я сокрушался бы сердцем, что я нечист. И опять я лгу, здесь правда вот что: если бы Ты сокрушил меня, если бы у меня было сокрушенное сердце, я бы пришел к Тебе.

1960

31 января. Сон. Мне дарят женское подвенечное платье. Я говорю: это очень красиво, но ведь я не женщина, а мужчина. Тогда мне дарят мужское одеяние, которое есть «Canticum sacrum»[28] Стравинского.

Я должен много написать, но что получится из того, что я должен, не знаю. Прежде всего я должен сказать: абсолютная субъективность.

Надо ли писать? Почти год я не писал. В августе начал и мне стало стыдно. Я думал, обычная игнавия, даже великая, но потом увидел: нет. «К суду я не готов».[29] Что же важнее, писать или готовиться к суду? Месяц я писал. Потом снова не писал. Иногда пробовал, садился, что-то записывал и бросал. Дело не в том, что я себя плохо чувствовал, дело в другом. А в чем, я не знаю. И сейчас я взял в руки вставочку только потому, что выпил. Дело в абсолютной субъективности. Абсолютная субъективность — термин. Есть термины придуманные, и есть пережитые.

Абсолютная субъективность — это моя жизнь, которая уже не моя. Я знаю, это термин Гуссерля: я знаю, он взят, как и трансцендентальное ego, у Канта, хотя Кант и не сказал его прямо. Но в философии, и вообще в жизни, важно не кто сказал, а в каком направлении надо смотреть. Гуссерль увидал в другом направлении, может, это и все, что он увидел, но это много. Может, я увидел это сейчас в другом направлении, мне не важно, кто и как увидел первый.

Атональность[30] и *додекафония*[31]. Бог сотворил мир из ничто. Демиург творит мир из материи, то есть из данности. Иудеохристианство против язычества. Вот смысл атональности. Тяготение — данность.

Додекафония. Атональность — это первый этап. Второй — должен быть закон. В законе додекафонии принцип отраженности: горизонт⟨альное⟩ — отражение; вертик⟨альное⟩ — инверсия. Главное: для каждой вещи композитор создает свое тяготение.

Стравинский: преодоление 1) греческого предрассудка консонанса — диссонанса, 2) различия жанров высокого и низкого, 3) симфонизма — концертирующие инструменты. Мелодия неоправданная, неожиданная, являющаяся из ничто. Снова сотворение из ничто.

Величайшее открытие в музыке — мелодия не должна быть певучей. Пошлость: поет в душе.

Шёнберг — пророк — создал непевучую музыку, то есть подвиг.

Композитор создает для каждой вещи, как Бог, звукоряд. Но он не Бог, ограничен только звуками, не тяготением. Для каждой вещи свое тяготение.

Бах. Мне его жалко. Он любит меня, как Петр Христа. И я скажу: отойди от меня, сатана, потому что ты мне соблазн, ты думаешь не о том, что Божие, но что человеческое. Бах жалеет меня, как Петр Христа. Красота — это соблазн. Абсолютная субъективность вне красоты.

На что человеку целый мир, если он потеряет свою душу.[32]

Возненавидеть свою душу.[33] Но ведь это тоже через свою душу, я сам должен возненавидеть себя самого.

Палестрина, Орландо Лассо, готические деревянные статуэтки, Стравинский.

Если музыка, искусство не изменяет всей моей жизни, то к чему оно?

Царство природы — певучая музыка.

Царство благодати — музыка, которая не поется, мелодии которой приходят из ничто.

Связь с современной физикой: неправдоподобность, непредставимость.

6 февраля. После Палестрины, Орландо Лассо меня тянуло к Девятой симфонии Бетховена. Что это? Развращенность? Ветхий Адам? Я знаю, Девятая симфония — это Люцифер или ⟨нрзб⟩*, затопленные при Ное. Железная логика, воля, все, что мне противно. Тема радости — железный кулак. Как это отвратительно — пусть будет по моей воле — и все это тянет. Царство природы и царство благодати. Девятая симфония — это царство природы, естественность темы радости, даже унылость, потому что радость без Бога уныла, происхождение миров из туманностей вместо сотворения Словом из ничто — и все же это тянет. А последняя треть финала? Что это? Неужели вдруг обращение? Жертва. Но здесь никакой жертвы, никакого выключения чувства, никакого усыхания души. «Ношу мертвенность Господа нашего Иисуса Христа».[34] Но здесь

* В рукописи похоже на «гиганты».

15 Зак. 3244

уже мертво, но не мертвенностью Господа нашего Иисуса Христа. И это тянет? Сораспяться Христу.[35] Но здесь этого нет. Здесь: да буду я. После этого ужаса не помогает и Палестрина, и Орландо Лассо, но, может, помог бы Стравинский — «Симфония псалмов» и «Canticum sacrum», особенно последнее. Может, в этом и смысл. Почему? Потому что с е й ч а с. Сейчас я должен сораспяться Христу и в «Canticum sacrum», может, я и сораспинаюсь.

Палестрина, Орландо Лассо, Бах — все это музей. Я развращен до последней степени. С е й ч а с — вот что надо, а сейчас — «Canticum sacrum» Стравинского. Я любуюсь прежним, но что мне до этого? Сохранилось одно — Благая весть, и не сохранилась, а есть с е й ч а с, я живу в одновременности с Иисусом Христом.

Жертва. Я пожертвовал Прокофьевым, я должен пожертвовать Бахом, Палестриной, и самим Стравинским. Неверно, что я должен, я ничего не должен, я пожертвовал Прокофьевым, и я знаю это, жертва совершилась, и он не нужен мне. Я должен пожертвовать самим собою. Я сам и нужен себе. Это и есть абсолютная субъективность.

По Гуссерлю и Трубецкому: или я верю в мир, или в Бога. Не может быть и то, и то. Вера в мир — Weltglauben. Я живу в Weltglauben. Я совершаю ἐποχή* — Einklammerung. Я выключаю мир вместе с самим собою. Остается абсолютная субъективность.

Кьеркегор. Абсолютное бытие — Бог — essentia**, временное существование — я сам — existentia***. Бог явился в образе раба. Где? Когда? С е й ч а с. Во мне. Это и есть абсолютная субъективность — Innerlichkeit****.

Это и есть с е й ч а с : объединить сейчас в себе essentia с existentia. Хайдеггер пожертвовал первым. Но разве Палестрина не объединяет? Смысл объединения с е й ч а с, поэтому не Палестрина, а додекафония и Стравинский. Вводится ли здесь время? Нет, уничтожается. Парадокс: есть Палестрина и нет Палестрины. Знак парадокса — Девятая симфония. Но это слово. Но когда я снова услышу Стравинского — это уже не слова.

«Дамбартон Окс»[36] — блаженны миротворцы[37]. Вторая часть — икона умиления. Но у Зандерлинга не получилось. И не он, может быть, виноват. Играли люди, у которых плоть и душевность вошли в кровь,[38] они не могли играть иначе.

11 февраля. Была неделя смятения. Во-первых, Девятая симфония Бетховена: материальность темы радости и вообще всей музыки, за-

* Остановка, задержка, прекращение (*греч.*); *фил.* — воздержание от суждений. По Гуссерлю — Einklammerung — заключение в скобки, исключение (*нем.*).

** Сущность (*лат.*).

*** Существование (*лат.*).

**** Душевность (*нем.*). Здесь: духовность.

тем пот; аскет стоит на столпе, может быть, год и не моется. Я не знаю, благоухает он или нет, но если и пахнет потом, то не так, как от Девятой симфонии. В Девятой симфонии — это пот здорового, сильного человека, если и забывающего помыться, то потому что некогда, и если забывающего себя, то ради себя же, своего самоутверждения. Это не пот аскета, но и не пот бездарности, но здорового человека-затылка, пот естественного гения. Для меня это был первый удар по голове: гениальная разорванная форма; aus einem Guß*; несмотря на разорванность, железная логика и воля. Второй удар: «Дамбартон Окс» — икона умиления, реставрированная и подкрашенная руками варваров. Третий удар: Орф в исполнении ансамбля красноармейской песни и пляски.[39] На следующий день я был в полном унынии. Бывают дни уныния. С утра пьешь, куда-то идешь из дома в дома и наконец ночью возвращаешься домой. И хотя дома невесело, но все же дома, и нет того уныния. На следующий день после Орфа я слушал Палестрину и Орландо Лассо, Хиндемита и под конец Хоральную прелюдию[40] Баха. И под конец я почувствовал: кончились удары по голове, кончилось уныние, я дома, хотя и немного скучно. Я дома: птицы имеют гнезда, и звери лесные — норы, а Сыну Человеческому негде приклонить голову[41]. — Но это уже даст мне только «Canticum sacrum» Стравинского.

15 февраля. Главное — абсолютная субъективность. Но чтобы не стала эмпирическим субъективизмом и психологизмом, должна быть дополнена прямой линией с добавочным элементом (Малевич). В исполнениях Баршая нет ни того, ни другого. Нет прямой линии: шатание, отсутствие точности. Добавочный элемент — погрешность. Но для погрешности требуется закон или правило и точность: без правила погрешность — не погрешность, а шатание. Невыносимее всего для меня сейчас неточность и динамическое и ритмическое шатание. Гульд[42] — прямая линия с добавочным элементом, но абсолютной субъективности нет, так как он не признает речитатива.

Широкая душа — широки пути, ведущие к погибели.

Абсолютная субъективность — узок путь, ведущий к спасению[43]. Как истина одна, так и один путь спасения, но не только этот, а *вот этот вот.* Ложь же, как и ее отец дьявол, безлична — неопределенная множественность, и это путь погибели.

Широкий путь — любить себя и ублажать, узкий — ненавидеть себя и уничтожать. Но вот мнимый узкий путь: Шостакович — как будто он и ненавидит себя и уничтожает, но больше ненавидит и презирает других, и вот мнимый узкий путь: он хоть и ненавидит себя и уничтожает, но утверждает свое собственное уничтожение и свое ничто. На узком

* Цельное (*нем.*).

пути человек уничтожает себя, чтобы на его месте стал Бог. На мнимом узком пути на месте уничтожаемого — само ничто, а там — ничто Бога и творение.

19 февраля. Естественно: человек имеет какое-либо желание. Он удовлетворил его и затем до появления следующего желания занимается своим делом, то есть действует. Но может быть так, что желание бесконечно, а объект желания в естественном состоянии всегда конечен. Или способность действия сократилась до нуля, тогда желание возросло до бесконечности. Объект может быть и физическим и духовным, но и духовный ограничен, вернее пользование им ограниченно. Например, я хочу слушать «Священную песнь св. Марку»[44]. Слушание продолжается, положим, полчаса. В эти полчаса я имею блаженство. Но вот я прослушал. Способность к действию у меня равна нулю. Что я буду делать дальше? Еще раз слушать? Но до каких пор? Желание не удовлетворится, даже если наступит усталость. Это уже какой-то практический предел. И здесь требуется совершить или получить или и то и другое вместе что-то противоестественное — благодать.

Брамс, Четвертая симфония. Он усыпляет мою совесть, а я хочу, чтобы ее пробуждали. Воспоминание о каком-то благополучии, ушедшем и невозвратимом, а потому фальшивом, — вот что дает эта музыка. Шуман и *сейчас современнее, потому что он в свое время был современным*, а Брамс в свое время смотрел назад. То же «Бабушкины сказки»[45]. Как и Прокофьев, он благороден и добродетелен. Но и добродетели язычников — пороки. У Прокофьева — потому что он только благородный честный русский дворянин, у Брамса — потому что он не современен, то есть не живет с е й ч а с. Прокофьев вне добродетели, его «Бабушкины сказки» в этом отношении внешни. Брамс — интенсивен, то есть внутри, и касается нравственности и веры, но не с е й ч а с, поэтому тоже только «бабушкины сказки». Оба они только успокаивают, а надо мучить.

20 февраля. Бессмысленное занятие: искать критерий истины, надо искать не критерий истины, а истину. Из философов, может быть, один Спиноза сказал прямо: истина есть критерий себя самой. Это формально, а по содержанию: «Я есть истина и путь и жизнь»[46]. Поэтому вопрос о гениальности и графомании (Лёня 40 лет назад)[47] практически для меня отпал. Откровения гения и бормотание идиота — одно и то же. «Бог избрал безумное мира, чтобы посрамить мудрых».[48]

22 февраля. Что есть истина? — глупый вопрос. Апостолы желали истины, потому и увидели и получили, а образованный Пилат не хотел ее, а потому и не увидел, хотя она была перед его глазами. Он не искал истины, а исследовал критерий истины — это предлог для самоуспокоения, слабость духа.

24 февраля. Истина, когда имеешь ее, каждый раз открывается как новое, то есть всегда творение из ничего. Когда я рассуждаю о ней, я знаю, что знал ее и вчера, и год тому назад, когда же имею, то каждый раз с е й ч а с впервые. Сегодня ночью, как впервые, понял: но ведь это так ясно: Слово стало плотью, не пришло к Сыну Марии, но стало Сыном Марии. Сын Божий стал Сыном Марии, стал им от самого рождения, а не только после крещения, когда сошел на Него Дух Божий. Может быть, это и есть рождение от Девы? В Томосе Льва[49]: «Что рождает плоть — это человеческая природа, что рождает Дева — Божественное могущество».

Актуальность истины: ее нельзя исследовать, но только иметь: стучите и откроют вам[50]; Царствие Божие силой берется и употребляющие усилие восхищают его[51].

28 февраля. Шёнберг объяснил мне непонятное место из Библии — после оперы или оратории «Моисей и Аарон»[52]. Вот что значит золотой телец, который сделал Аарон по просьбе народа, когда Моисей долго не возвращался с Синайской горы: народ захотел Бога видимого и ощутимого, то есть религиозного соцреализма. Шёнберг и в оратории и в «Современном псалме»[53] подчеркивает невидимость и непредставимость Бога. Но человек боится чисто духовного и стремится к материальному. Духовность Бога — вот что это значит, и величайший грех — слабость духа, когда человек не может, то есть не хочет, возвыситься до духа и заменяет его творением — предметом. Это язычество. Абсолютная трансцендентность Бога, хотя Он и здесь, со мною. Его нельзя ни представить, ни понять, и всё же все молятся Ему: Trotzdem bitte ich Wunder und Gnade und ⟨нрзб⟩ Gefühl Einigkeit mit Dir* — то есть несмотря на абсолютную трансцендентность. Тот же грех и в художественном соцреализме. И у Трауготов, когда они уничтожают различие между душой и духом, — это соцреализм эмоционального.

Шёнберг, как Моисей, вывел искусство из египетского плена, вернее — из античного плена, античность построила теорию музыкального царства природы — консонанс и тяготение — «поет в душе».

29 февраля. Отличие нерелигиозного от религиозного: случай создал мою жизнь такой, какая она есть, — это нерелигиозный взгляд. Рационал⟨истический⟩ псевдорелигиозный взгляд: случаю противополагается необходимость — Бог — абсолютно необходимое Существо, план Божий. Но тогда где же свобода? Необходимость — определенное отрицание случайности. Неопределенное отрицание нерелигиозной случайности, а тогда и необходимости — свободный акт творения с е й ч а с.

---

* Все же я прошу чуда и милости и... чувства единения с Тобою (*нем.*).

Экс-тен-сив-ность	εε	абс⟨олютная⟩ транс-цендентность Бога	ιε	Слово стало плотью	Ин-тен-сив-ность
	ει	и все же я молюсь Ему	ιι	и обитало среди нас — Иисус Христос	

Может быть, ει: Бог так возлюбил мир, что...[54] то есть жертва Бога; ιι: моя жертва.

εε	абсол⟨ютная⟩ трансцендентность		жертва Собою, то есть Сыном	ιε
ει	я **прошу** Его		я **жертвую** собою	ιι

Бог ограничивает Себя, тогда Он не Элогим или Ягве, но Бог Отец, как жертвуемый — Сын.

Во второй строке ε — просить, ι — жертвовать.

ВсеМогущество	Жертва	Cur Deus homo*	Просьба — к кому-либо
Просьба	Жертва		Жертва — собою

ВсеМогущество по отношению к просящему, просьба к ВсеМогущему. Первая жертва Собою — для творения, вторая — вверх к Сыну. Первое — чтобы тварь обожествилась, второе — обожествление что как ничто, что.

16 марта. Requiem aeternam dona eis, Domine, et lux perpetua luceat eis** — это не просто смерть, прекращение всего, но освобождение от поганого чувства и вечность, это же тоска по Абсолюту и абсолютная субъективность — вот чем мне близок «Реквием» Моцарта. Если же мое состояние рассматривать естественно-научно, то есть психиатрически, то — рост желания до бесконечности и уменьшение способности действия до нуля.

17 марта. Как воля всегда злая воля, так как моя, так и чувство — всегда поганое чувство. И как воля устраняется не волей, а жертвой, так и чувство — абсолютной субъективностью.

25 апреля. Почему у теологов, начиная уже с II или III в., всегда есть неприятный привкус?

* Почему Бог человек (*лат.*).

** Вечный покой ниспошли Ты им, Господи, и свет им вечности да воссияет (*лат.*)

1. В Евангелии и у апостола Павла сверхъестественное меня не смущает. Сверхъестественное там убедительно. У Евсевия и во II и III в. оно уже не убедительно, а безапелляционно.

2. Современное официальное богословие — план Божий, то есть рационализм.

3. Протестантский либерализм — если сказать: все чудо, то этим самым чудо отменяется и все естественно.

Всех их объединяет одно: отсутствие такта в отношении к чуду, одни безапелляционно утверждают его, другие убежденно отрицают, и в этой убежденности тоже есть безапелляционность, потому что они верят в мир сильнее, чем в Бога, а первые — в свои мысли и теории о Боге сильнее, чем в Бога. Что надо: почувствовать отношение: царство природы — Царство Благодати или Ветхий Адам — новый Адам.

Пусть есть A и $\bar{A}$, оба исключают друг друга. Вера формально совмещение A и $\bar{A}$ — безумие для мира. И второе — исключение понятий: всё, все, целое. То есть вера — с е й ч а с, з д е с ь, **это**, но без исключения не-сейчас, не-здесь, не-это.

Гарнак сказал: вместо чуда (у Христа) стало кудесничество. Это уже с II в., отчасти даже в Деяниях. Другое же отраженное абсолютное — это признание одной природы. Если говорят: разве раскрывание почки не чудо? — все чудо, — то этим отрицают абсолютное разделение царства природы и Царства Благодати. Это грех либеральных теологов, даже Гарнак прямо не скажет: две природы.

4 мая. Одному человеку Бог дал счастья на 100 калорий, но его КПД = 1%. Он использует только 1 калорию счастья, хотя внешне его жизнь благополучна и счастья кажется много. Другому Бог дал счастья на 10 калорий, но его КПД = 50%. Он использует 5 калорий счастья, хотя со стороны кажется, что у него мало счастья. У святого КПД = 100%. Высокий КПД у Моцарта. Но главное вот что: счастливая или несчастливая жизнь, то есть внешние блага, так же безразлично, как цвет волос — блондин или брюнет. Повезло или не повезло — все равно. Но я не умею это сказать. Отсутствие зависти, быть довольным своей участью, покорность. Потому ли, что не чувствую себя в жизни как дома? Но это всё объяснения и схемы, и тогда неправильно. Все равно, то есть все одинаково (а не только мне все равно) — это реальное ощущение, которое было в средние века и которое я почувствовал, слушая «Canticum sacrum» Стравинского. Может быть, это открытие какой-то глубины в себе, то есть не-себя в себе. Абсолютная субъективность.

Грех, сладость греха, соблазн, святость: живя в грехе, прозябая, не чувствуем ни сладости греха, ни святости. В средние века было острое чувство греха и тем острее сладости греха. Если нет противопоставления грех — святость, то один грех без сладости греха. И это чувствовал еще Моцарт. Дон Жуан есть курицу и поет: как вкусно.

Не ощущение вкуса греха, но некоторое изолирование вкуса самого по себе. Радость и удовольствие всякого телесного вкушения было сильным в Старом Завете. Тогда грех не был связан так тесно с плотью, может быть, вообще не связан, в чистом виде — своеволие. Но пришел Новый Закон: кто может вместить, да вместит[55]. Еще Исаия: Богу не надо жертв, Ему противен запах всесожжений, Богу надо сокрушенное сердце. Тогда грех теснее связался с плотью, тогда почувствовали люди жало в плоть. Но грех не от плоти. Бог создал тело — просветленное, от грехопадения стало телом смерти. Эриугена: Бог создал духов. Но ослабела любовь, и духи материализовались: стали душами, облаченными в тела. Я могу выключить желание. Но потом мне становится скучно, я хочу удовольствия, которое сейчас для меня уже не удовольствие, например когда я выключал желание курить и через некоторое время брал папиросу, то первые папиросы не доставляли мне удовольствия, я заново приучался к курению. Мне мало того удовольствия, которое дал мне Бог, потому что мой КПД мал. Тогда я стремлюсь к избыточным удовольствиям и это грех. Пусть эти удовольствия телесные, но грех не в них, а в желании получить удовольствие, которое для меня сейчас еще ⟨уже?⟩ не удовольствие.

2 июня. Три страшные недели.[56] Первые дни, как мы приехали сюда, были очень хорошие. И даже трудности, связанные с уборной во дворе, мне нравились. Но в четверг вечером, три недели тому назад, у меня был разговор с хозяйкой. И ее злоба проникла мне в душу, как некоторая материальная жидкость, и от этого в пятницу я заболел. Это была causa finalis, и главная, а материальная — грипп, которым я заразился от Евдокии Степановны[57]. Но если бы не было материальной злобы, проникшей в мою душу, я не заразился бы гриппом, а если бы не было гриппа, то от злобы я заболел бы другой болезнью. И когда заболел, все стало противно и злоба меня опустошила. Мрачный шкаф и безобразный буфет, закрывавший вторую комнату[58], душили меня. И все неудобства, которые раньше мне нравились, стали омерзительными. По этому поводу я думал: комфорт омерзителен. Что же, мне не хватает комфорта — второй комнаты, закрытой мрачным шкафом и безобразным буфетом? Я думаю, нет. Мрачная келья в монастыре возвышала бы меня. Но также и простор двух комнат. Хорошо истощение плоти, и хорошо владение своим телом и высокий КПД, но плохо смешение их в виде очень небольшого комфорта и больших неудобств: не мрачная келья, но мрачный шкаф и безобразный буфет — что-то вроде свидригайловского ада. Главное же — проникшая мне в душу внешняя злоба, которую я задержал, а не пропустил сквозь себя из-за своей нечистоты.

Сегодня открыли вторую комнату. Я по-прежнему ничего не делаю, но хожу из одной комнаты в другую, и мне лучше. Две безобразные вещи остались, но в разных комнатах, не стоят у меня все время перед глазами, и наконец, особенно ужасной была их комбинация, то есть расположение. Это не комфорт, а простор, так не давит на душу.

Есть комфорт, и есть владение своим телом, второе знают йоги и, должно быть, монахи. Истощение плоти ведь не занятие спортом и не бессмысленная трата физических сил до утомления, когда и дух засыпает, но одухотворенное. Поэтому не противоречит и владению телом и высокому КПД, в некоторых же случаях и совпадает с ним. Поэтому небольшое раздражение от неправильно поставленного буфета у меня в комнате — требование не комфорта, а высокого КПД.

7 июля. У Миши В., а может, и у В. П. в формуле «я сам устраняю себя самого» часто преобладает **сам**, тогда абсолютная субъективность переходит в субъективизм, то есть забывается абсолютная экстенсивность. Ее ⟨формулы⟩ проявление — отсутствие интереса к людям, например к хроникальной литературе: Ремарк — это не литература, не искусство, но свидетельские показания[59]. А его романы просто дрянь. Но свидетельские показания интересны, хотя и не искусство.

Может, Ст. и прав: «я все знаю» без «я ничего не знаю» — талант, а гений — их тожество. Иисус Христос полный человек и полный Бог, из смертных никто не полный человек, погрешность здесь неизбежна, но у Тр⟨ауготов⟩ она, может быть, превосходит допустимый максимум. В этом их неточность.

11 июля. Отчего я не могу сейчас писать? Все готово для исправления «ТФТ», но приступить к исправлению все же не могу. Предположения:

1. Усталость или утомление души: а) временное, от некоторых особенных условий жизни; б) окончательное.

2. Грех и нечистота: не могу бросить курения и пр.

Что надо сделать:

1а. Отделить злое намерение от отрицательности одностороннего тожества: **само** — само по себе еще не грех, а только нетожественность самого обсуждения абсолютному факту. Грехопадение абсолютно свободно. Значит, гипостазирование не аналитическая часть обсуждения, но синтетически присоединяется к нему. Для этого надо еще выяснить:

виды необходимости и виды фактичности

1б. Еще больше или точнее объединить обсуждение со мною **самим**, так что все войдет в меня и меня **самого**, я же — что как ничто, тогда ничего не останется: не я, но Бог.

2. Акосмизм. Он есть уже у апостола Павла в экономическом понимании Троицы, в плане Божьем: оправдать всех, временно введя искушение некоторых. Найти выход из акосмизма. Акосмизм уничтожает индивидуальность и ответственность, то есть несерьезен. Он ведет к

гностицизму и в конце концов к его крайним извращениям: каинизму, искариотству и др.

3. Порядок в отсутствии порядка.

22 июля. Есть мировые константы. К ним относится и тело. А Тр⟨ауготы⟩, во всяком случае на словах, отрицают его. Между тем в картинах В. П. эта константа иногда слишком выделяется, то есть не преодолена. Впрочем, у В. П. это иначе. Она понимает или, во всяком случае, что-то понимает в этой константе — готическое искусство и жизнь. Это скорее относится к М. В. Но и у В. П. есть что-то от этого, она тоже бьется головой о стену. Есть главная дорога, и есть тропинки. Главная дорога, бывает, заходит в тупик (например, кантианство), а одна из тропинок делается главной дорогой. Но есть тропинки, которые навсегда останутся тропинками. Может, М. В. избрал эту тропинку. Он отрицает все константы. Но не видеть чего-либо еще не значит преодолеть. Кроме тела есть и другие константы. Отрицание констант у Тр⟨ауготов⟩, например в непонимании моего «Чем я противен»[60], а также в некоторой односторонности литературных суждений. Я не побоялся этого слова «односторонность», потому что вообще-то надо быть односторонним. Но здесь тоже есть небольшая погрешность, и, не соблюдая ее, получим внешнюю, или неистинную, односторонность. Ведь какой-нибудь материалист тоже односторонен.

Отрицание мировых констант — отсутствие страха Божьего.

31 июля. ОТЛИЧИЕ ВЫСОКОГО СТИЛЯ ОТ НИЗКОГО. Если мне легко писать, как, например, сейчас «Трактат о себе самом», потому что я имею определенный запас предложений о некотором предмете и мне остается только расположить в придуманном мною порядке, самому придумав план, то это низкий стиль — я пишу **о чем-либо**, а не **что-либо**. Если **что-либо** мне является вдруг, само **что-либо**, а не предложения о нем, хотя и определенное предложение может быть или стать этим чем-либо, так что я делаюсь одержимым, — как, например, в «Формуле несуществования», то это высокий стиль. Здесь я не сочиняю и пишу не по памяти, а непосредственно вижу. И также непосредственно вижу, когда пишу большую вещь, пишу с трудом и мукой, не придумываю план и не ищу подходящих предложений, но ищу, сомневаюсь и иногда нахожу **сам** предмет, и так как он велик, то его части. Например, сейчас, когда думаю, где поместить «Рассуждение о себе самом»: перед № 1, или в середине, или в конце. Здесь предмет так срастается с изложением, что не отделить, и не в моей власти отделить. И если я помещу «Рассуждение о себе самом» не там, где надо, то пострадает предмет, вернее, исследование не будет исследованием — **чем-либо**, а исследованием **о чем-либо.**

Два думания. В низком стиле повторение того, что я знаю. В высоком — поиски того, что есть независимо от меня, при этом строится с е й ч а с **мною.** Это тожество бытия и мысли. *Вот это вот* исследование о чем-либо, но не об этом исследовании и есть это что-либо, хотя, может быть, и об этом исследовании.

В низком стиле я могу осуществить и тогда осуществляю. Но это мне сейчас неинтересно. В высоком стиле я осуществляю то, чего не могу осуществить. Поэтому, может, никогда не осуществлю так, как надо, но все же что-то осуществлю.

3 августа.

ТАШИЗМ

Не присутствует ли во всяком творчестве элемент ташизма? И не есть ли именно это один из основных признаков высокого стиля? Несколько дней я не писал. «Трактат о себе самом» — низкий стиль, я мог бы его написать, но само писание трактата не дало бы мне ничего неожиданного или нового, то есть случайного, которое, написанное, стало бы необходимым.

Это определение не ташизма, а старого искусства. В старом искусстве субъективно случайное становится абсолютно художественно закономерным.

Вот **ташизм**: *случайно* найденное, но, как только зафиксировано, — художественно закономерное, то есть **ташизм** — тожество *случайного* и закономерного* необходимого. Это — во всяком творчестве и раньше называлось вдохновением. Но сейчас это осознано. Додекафония дает метод для тожества случайного и закономерного: основной образ предоставляет миллионы возможностей или случайностей, это не исключает вдохновения, так как невозможно перебрать все эти случайности, но дает путь, по которому идет вдохновение, а раньше ему предоставлялся почти полный произвол. Впрочем и это неверно, раньше вдохновение было более сковано: гармония, классический контрапункт, сейчас же оно освободилось и одновременно получило некоторое руководящее направление.

Элементы: передо мною ряд возможностей: *a, b, c, d*,... 1. Или одна из них должна явиться необходимо. Тогда я несвободен. 2. Или наступление этой возможности не необходимо, она случайна. Тогда: а) или я воздерживаюсь, случайно наступает та или другая возможность; б) или я не воздерживаюсь и выбираю. Но есть и третье: одна из этих возможностей правильная, другие — ложные, но наступление той или другой возможности зависит только от меня, так что я могу выбрать правильно или ложно по отношению к тому, что уже выбрано: положим, я уже

* Одно слово над другим — так в рукописи.

совершил ряд правильных выборов: $a — b — c — d$, дальше передо мною возможности: $e_1, e_2, e_3, \ldots$, одна из этих возможностей правильная, лучше истинная, остальные ложные. От меня зависит какую выбрать. Здесь: 1. Необходимость или закономерность самого предмета. 2. Свобода моего выбора. 3. В свободном выборе я уже *совершенно случайно* обнаруживаю *подробность, которой не искал*, которая для данного выбора не была *необходима*. Я искал одно из e_n — то, которое необходимо следовало за d, нашел же больше того, что искал, например e_2, соединенное с e_{21}: $a — b — c — d — \left\{ {e_2 \atop e_{21}} \right.$; e_{21} *— определяет ташизм — это как бы сверхдолжное.* Это e_{21} и есть то, что отличает гения от таланта. Теперь же обратили внимание на это e_{21} и ищут способы, как лучше его найти, — это ташизм.

Надо различать:

1) случайность инвенции, то есть находки,

2) случайность построения вещи — то есть полный отказ от выбора,

3) случайность детали в самом предмете.

Может, только 2 — настоящий ташизм.

Когда Бетховен в Adagio большой сонаты, уже написав ее, в самом начале добавил два аккорда — это был ташизм в смысле 1 и 3.

1 — ташизм субъективный, 2 — полный, 3 — абсолютный.

В творчестве высокого стиля я отказываюсь от себя и отдаюсь предмету. При этом есть случайность субъективная — я неожиданно нахожу новое в предмете, но для предмета это закономерное; но есть и абсолютная случайность в предмете, может, это то непонятное в стихотворении, без которого оно плохо (Гете). Но полный ташизм или вообще уничтожает закономерность в самом предмете, или очень сильно сокращает ее, например Штокхаузен. При абсолютной случайности предмет существует только одно мгновение.

16 августа. Голодный мечтает о пирожном, хотя хлеб ему вкуснее, чем сытому пирожное. Когда я пишу, у меня множество планов помимо того, что я пишу. Так сейчас: «Трактат о себе самом» и снова «Перед принадлежностями чего-либо» — это очень точное название и есть небольшая погрешность.

17 августа. Quatenum. Историки философии открывают у философа недостатки: нелогичность, неубедительность, недоказанность и пр. Но это и есть самое великое у философа, например quatenum у Спинозы. Когда мне придет что-нибудь на ум, я некоторое время не пишу, а просто восхищаюсь тем, что пришло. Помимо того у меня всегда было, а сейчас еще сильнее некоторое нежелание записать. Но иногда бывает, что я передержу, тогда вообще не записываю или жду нового прикосновения к «Принадлежностям чего-либо».

20 августа. Я боюсь восклицательных знаков. Их нет ни в одной моей вещи. Даже в письмах при обращениях, кроме более официальных писем, я их не ставлю. Отчасти поэтому же я не люблю произносить поздравления. И в том и в другом две вещи: выворачивание души и штамп.

«ТФТ», стр. 113. Здесь[61] я говорю об экстенсивном **я сам.** Перед этим я заметил, что интенсивное **я сам** связано с с е й ч а с положительно-отрицательно — сейчас не-сейчас. Дальше я по ошибке перенес это же отношение положительно-отрицательной связи и на экстенсивное **я сам**: «В-третьих...» И здесь интересно, что ошибка только на словах — там, где я что-либо утверждаю, примеры же, которые я привожу, доказывают как раз отсутствие связи. То есть здесь разделились субъективное признание и вера, субъективно я признавал положительно-отрицательную связь, верил же в отрицательную: «но для меня нет никакой полноты без меня **самого**, и это з д е с ь». Почему? — З д е с ь как раз нет **самого**.

«Всякое з д е с ь соединено с **я сам**. — Почему?

«Творение... во мне или вне меня, но всегда при мне». — Но ведь не при мне **самом**.

«Я же если... то только мысль обо мне». — Но ведь мысль — ι.

«С е й ч а с — в себе **самом** нахожу» — в себе, а не в себе **самом**, в себе **самом** ничего не нахожу.

«З д е с ь — вне себя нахожу». — Вне себя или вне себя **самого**?

Как в себе самом — интенсивная пустота, так вне себя **самого** — экстенсивная.

Я сам ошибался, **я** же — всегда прав.

21 августа. Есть художники ясные — экстенсивные и неясные — интенсивные, чистые и нечистые, последнее разделение не совпадает с первым. Ясные: Леонардо, Моцарт, отчасти Дебюсси, Стравинский, Веберн; неясные: Рембрандт, Бах, Шёнберг. Чист ли Леонардо, не знаю. Остальные из перечисленных, ясные и неясные, чисты. Что загрязняет? Чувственность и чувство, но последнее требует поправки: есть и чистое чувство, например Веберн в «Камерной симфонии»[62]: необитаемый мир до сотворения живого, люди лунного света; Стравинский — «Дамбартон-Окс» — чувство робота или идиота; Шёнберг — чистая страсть, Достоевский. Теперь нечистое: Булез. Отчего нечистота? Во-первых, чувственность — сонорность[63]. Вначале «Молоток»[64] мне даже нравится — приятно. Но затем — приторность и слащавость; как будто ешь сладкое варенье, вначале вкусно, потом же тошнит от приторной сладости. Во-вторых, чем он нечист, мне еще трудно сказать, должно быть потому, что это искусство не религиозное. Штокхаузен, мне кажется, не так нечист, а может, и чист («Мера времени»).

24 августа. *А* тяжело, потому что ему легко. *Б* тяжело, потому что ему нелегко. А мне легко, потому что тяжело.

20 сентября. 40 лет тому назад я очень не любил школу и каждую весну ожидал, что осенью что-нибудь случится и я смогу бросить школу, хотя и знал, что ничего не будет... Мне казалось, что для меня есть что-то более важное, чем школа, хотя бы ничего не делать, а школа мне мешает. К тридцати годам я смирился и начал понимать, во-первых, что и неважное важно, что вообще нет этого различия во внешних делах, хотя лучше мне писать; во-вторых, я стал чувствовать, что я живу на полустанке, поезд может отойти каждую минуту, я окончательно потерял чувство прочности в этой жизни. Может, это и есть религиозность — жить как на полустанке?

1961—1962
ЗЕЛЕНЫЙ БЛОКНОТ

1961

Сентябрь

1. Знание, чтобы быть достоверным, должно быть обосновано тем, что вне знания.

Но вне знания — только незнание.

Тогда все недостоверно.

Чтобы что-либо было достоверным, должен быть истинный человек.

У истинного человека чувства нечеловеческие.

Христос во всем подобен нам, кроме греха. Но тогда у Него те же чувства, что и у нас, но нечеловеческие.

У В. П. чувства нечеловеческие или человеческие? — Иногда человеческие.

2. В. П. когда-то сказала: я не уважаю себя. Но в некоторых картинах она не уважает меня, В. В., Т. Н. и других людей. Уважают образ и подобие Божие. В. П. иногда не видит в человеке образа и подобия Божьего, но чувства, вообще **само** в человеке, свою волю. Поэтому иногда, может, и жалеет, может, даже любит, но не уважает. Поэтому же иногда в картинах В. П. есть В. П.

3. Психологизм, эмоционализм, вообще современная западная философия и миросозерцание — видеть чувства и не видеть образа и подобия Божьего, потому что не видят Бога. Отсюда и у В. П. психологизм, переходящий в натурализм.

4. В. П. видит наготу человеческую, но не всегда прикрывает ее любовью, как Сим и Яфет. Поэтому некоторые из портретов — выворачивание внутренностей наружу, но образа и подобия в них нет.

5. Люблю сей Божий гнев! Люблю сие, незримо
Во всем разлитое, таинственное Зло —
⟨...⟩
...И это все есть Смерть!..[1]

Цветы В. П. Они одуряют своей красотой, потом отравляют и убивают (некоторые из цветов).

6. Апостол Павел:

Для меня мир распят, и я для мира (Гал. 6, 14).

Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем. Ибо мы живые непрестанно предаемся на смерть ради Иисуса (2 Кор. 4, 10, 11).

В. П. распинает мир и носит в теле мертвость, но чью, Иисуса? «...Умерли со Христом...» (Рим. 6, 8).

1 октября. От всего этого дня — смерть[2], В. П., М. ⟨В.⟩, его речь, Ш⟨урик⟩ — у меня осталось впечатление: нет начала координат, оттого страшно. Начало координатной системы: единственный факт или неисторический факт в истории. В связи с этим: обязательная точная фиксация.

Техника: слово не имеет постоянного смысла, но получает смысл от места в предложении. В. П. иногда придает свой смысл слову, но сохраняет его, М. ⟨В.⟩ не всегда сохраняет. Ему не хватает того, излишек чего мне вредит: повторение и некоторое недоверие к себе. Недоверие относится только к способу осуществления, а не к главному. Поэтому я не закончил ни одной большой вещи, во всяком случае так, как хотел. А М. ⟨В.⟩ если ничего не осуществит, то потому, что не может остановиться. Возражения: надо ли осуществлять? Надо ли останавливаться?

Техника: осуществление, дело, бездействие. Надо ясно определить эти слова: дело — заработок, дело — думание, дело — остановиться, дело — не останавливаться, дело — действенная любовь. И также бездействие — в чем? В думании, в недумании, в ноуменальной мысли. И также осуществление — чего и в чем? Связь противоположных по смыслу слов: действие — бездействие; изменение их смысла от дополнения: действие внутреннее — бездействие внешнее и др. Одновременная правильность противоречивых суждений.

Под повторением я имел в виду обсуждение. Надо ли обсуждать свою мысль, то есть думать о своей мысли, это и значит повторять ее и запоминать. Вестники ничего не запоминают. Башилов говорил, как вестник, и не оставлял следов. Он не хотел говорить, как вестник, он просто говорил, как вестник, и иначе не мог говорить — это его родной язык, а М. ⟨В.⟩ *хочет* говорить, как вестник, хочет научиться этому языку — это невозможно.

Чинарный язык. Сейчас нет другого языка, кроме чинарного, и кто пытается говорить не на чинарном языке, ничего не высказывает, получается или неопределенность, или головокружение, как на корабле во время зыби, — мутит.

Это не возражение М. ⟨В.⟩, а только испытание. Выдержит он или нет? Или он — разумная дева, и светильник у него всегда наготове[3], и он всегда бдит, потому что не знает, когда придет хозяин дома[4], или гордыня и неспособность осуществить что-либо, и здесь нельзя отделываться словами, что не надо осуществлять, потому что и неосуществление — осуществление.

Вопрос к М. ⟨В.⟩: Вы окаянный или неокаянный? Чувствуете ли Вы свою окаянность? Или Вы считаете, что эти два слова не имеют к Вам отношения, как нельзя спрашивать, синего ли цвета у Вас душа или не синего? Это вопрос и к В. П. Чувствуют ли они свой первородный грех? Ш⟨урик⟩, мне кажется, чувствует.

М. ⟨В.⟩ сказал: душа и человечество — это гуманизм. Для души нет человечества, человечество душе просто ни к чему, и вообще человечество — это абстрактное, рационалистическое понятие, выдуманное гуманистами. Для души есть только Бог: душа и Бог и душа начинает: я и Бог и кончает: не я, но Бог. Даже **ты** нет для души первоначально и только через Бога станет **ты**. **Ты** существует только в нравственном отношении **я** к **ты** и только через Бога. И еще: Бог, сказал М. ⟨В.⟩, есть в отношении душа — человечество или как целое этого отношения. Это пантеизм и в конце концов атеизм. Бог — абсолютно трансцендентное, ничем не определяемое, и нельзя даже сказать, что Бог любит добро: добро потому добро, что Бог его любит. Но только абсолютно трансцендентное, то есть только Бог, абсолютно имманентен мне.

Техника. Целое и часть, **вообще** и **только** — придуманные рационалистами идолы. Поэтому Бог не может быть ни **целым** чего-либо, ни **вообще**.

У М. ⟨В.⟩, а может, и у В. П. в формуле: я сам устраняю себя самого — часто преобладает **сам**, тогда абсолютная субъективность переходит в психологический субъективизм.

Отрицание мировых констант — отсутствие страха Божьего.

Из того, что говорил М. ⟨В.⟩, то, что я понял, то неверно:

1. Отношение душа — человечество неверно.
2. Орден. М. ⟨В.⟩ хочет перевернуть мир. Достаточно перевернуть его в мыслях, и это и есть наибольший переворот.
3. Горение хорошо, если только это не дьявольское горение в гордыне. Самолюбие и гордыня тоже сжигают. М. ⟨В.⟩ горит, как — я не знаю, но сжигает и других.
4. Зачем бороться? Что мне до гуманистов — они не существуют, то есть в них нет реальности или бытия.
5. Того, чего не понял, — не понял, но все же меня смущает, во-первых, некоторая неопределенность, зыбь, какое-то колебание вокруг чего-то личного, и это уже, во-вторых, некоторая направленность к себе самому, психологический субъективизм, а не абсолютная субъективность.

Техника. Традиция. Некоторые слова надо точно определить, прежде чем спрашивать правильно или нет. Традиция, во-первых, все, что передается нам от прежнего поколения, например речь, смысл слов, затем условности искусства, затем — бытовые, например здороваться при встрече. Во-вторых, духовные традиции. То, что сказал Майстер Экхарт, вошло в меня. Искусство. Евангелие, Христос. В-третьих, традиционные культовые обряды. Если я и не признаю их необходимыми, то все же я не представляю себе, как вообще обойтись без обрядов. Так как человек не вестник, то в некоторых случаях он вынужден совершать некоторые материальные действия, и если их совершали вчера и будут

совершать завтра, то они станут традиционными обрядами. Есть внутреннее противоречие и даже некоторая ложь во всяком обряде, мне трудно даже сказать: поздравляю вас, но просто отменить обряд — поверхностное решение, не говоря уж о том, что всякая отмена обряда станет обрядом или введет новый обряд. Мишин ⟨В.⟩ орден, если бы и удалось его основать, сразу же завтра или послезавтра станет традицией. Если бы можно было каждый день при каждой встрече хотя бы двух человек создавать новый обряд, это было бы решением, но это невозможно и практически сводится к довольно поверхностной игре — честертоновщине.

Как и во всем, остается два противоречащих направления: хорошо соблюдать традицию, так как это соединяет с абсолютным, Бог вечен и неизменен — ничего не происходит, но **есть**; нехорошо соблюдать традицию, так как она убивает дух, — Бог сейчас, вечное с е й ч а с, значит, всегда сейчас начало, а традиция — конец и смерть.

Традиция нехорошо, так как облегчает мне, жалеет меня. Отсутствие традиции невозможно, «здравствуйте», «поздравляю вас» — тоже традиция. Бороться с традицией и создавать новую — глупо, как дворец бракосочетаний, и нехорошо, так как сводится к несерьезной игре и исключает и то хорошее, что есть в традиции, то есть само **есть**. Единственно правильное, кажется, это только отрицательное: не возражать, но это не значит признавать. Это не соглашательство и не оппортунизм, а понимание противоречия:

1. Традиция освящается духом, значит, свята.
2. Традиция несовместна с духом, значит, не свята.

Понять совместность несовместного нельзя, это непонимание — тайна, и некоторый путь, и некоторое понимание. Это не орден, не традиция, не обряд, но некоторое состояние жизни с е й ч а с.

Техника. Всякое определенное отрицание ставит на место отрицаемого другое определенное, противополагаемое первому. Оба — отрицаемое и противополагаемое ему определенным отрицанием — одной и той же природы. Поэтому орден — только другая традиция. Но есть неопределенное или бесконечное отрицание, и оно ничего не ставит на место отрицаемого, но, во-первых, переводит меня из плоскости двух противополагаемых в другую плоскость или жизнь, из одной природы в другую и, во-вторых, и есть эта жизнь — нетрадиционная — вторая природа — вечное с е й ч а с. Неопределенное отрицание — это некоторое ничего не утверждающее сомнение, устранение себя самого, так как я сам и есть понимание и убедительность, то есть жертва. Значит — сама реальность, тайна.

Я все знаю.

Я ничего не знаю.

Совмещение этих двух несовместных предложений, их отожествление будет неопределенным отрицанием каждого в отдельности.

Первое без второго — безапелляционность.

Второе без первого — нигилизм.

Если же второе присоединяется к первому, отожествляется с ним, то границей этого знания-незнания будет только ничто. Тогда каждое частное высказывание будет миром, не целым и не всем, но *вот этим вот* и за его пределами — ничего. В *вот этом вот* частном мире заключен и всякий другой — любой. Это и в искусстве.

Отрицание на том же уровне и на высшем.

Два закона: свободы от материи и подчинения Абсолюту. Вестники не знают различия добра и зла. Отличие от животных: грехопадение Адама коснулось и животных, но только физически, поэтому они невинны, но вошла смерть, а вестников не коснулась. Стремясь быть вестником, я становлюсь животным. Я должен стремиться не к состоянию вестников, а ⟨к состоянию⟩ Бога: будьте совершенны, как Отец ваш Небесный[5].

1962

М. Д.[6]

1. Различие между **я** и **я сам** не психологическое, как сознание и самосознание, и не только гносеологическое, как сознание и трансцендентальное единство сознания у Канта, но одновременно и онтологическое, и этическое, и религиозное.

Тогда: долг — я сам жертвую себя себе самому — категорический императив Канта, самоутверждение.

Жертва — **я** или **я сам** жертвую себя (любовь) или себя самого (смирение) другому. Не обязательно Богу, во всяком случае непосредственно не обязательно Богу.

2. Ожидание обязательно связано с будущим, то есть со временем — забыванием с е й ч а с. Тогда не ожидать — не обязательно не жить, но жить всегда с е й ч а с.

Может быть жизнь с очень небольшим ожиданием, но очень интенсивная. Например:

а. Мать с очень маленьким ребенком, и чем меньше, тем меньше ожидание и более интенсивная ⟨жизнь⟩.

б. Творчество.

в. Думание.

3. Испытание. Один инженер, чрезмерно самодовольный и глупый даже для инженера, сказал: для воспитания воли я периодически то бросаю курить, то снова начинаю. Воспитание воли или силы воли — применение долга, доведенное до абсурда, смешное и иногда страшное (Лесков, «Сильная воля»). Для этого требуется некоторая ограниченность — уверенность в том, что порядок моей жизни неизменен,

уверенность в своем благополучии. Это суррогат ощущения вечности — ощущение неограниченной продолжаемости, то есть конечности. Испытание — частный случай жертвы. Может быть, когда все рушится, берешь на себя испытание, потому что хотя бы смутно чувствуешь, что в испытании мелькает вечность — вечное с е й ч а с.*

Можно сказать, что у человека сложились такие-то взгляды, потому что у него сложилась такая-то жизнь. Можно сказать и наоборот: у человека такая-то жизнь, потому что такие-то взгляды. И то и другое неверно: такие-то взгляды и такая-то жизнь, потому что такая-то судьба или, если не бояться слов, Провидение.

Сорок лет тому назад я каждую весну думал: осенью что-то произойдет и я смогу заняться целиком своим делом, а не чужим. Но уже через несколько лет я понял: я всегда буду заниматься чужим делом, а своим — урывками и ночью. И вскоре я записал: я живу на полустанке, и я понял, что полустанок не определяется никакими общественными условиями. Пусть один полустанок вшивый, а другой не вшивый, все равно это полустанок. А затем я задал своим знакомым вопрос: чувствуете ли вы себя в жизни как дома? Я никогда не чувствовал. До тридцати лет я хотел себя чувствовать как дома, но ничего не получалось. Когда мне было лет 16, дядя Саша спросил меня: почему ты не приобретешь себе часы? И меня этот вопрос поразил. Действительно, я иногда покупал себе что-либо, но никогда не приобретал. Я пытался в детстве приобретать — коллекция марок, жуков, но потом я понял: зачем собирать, все равно я никогда не соберу **всех** марок и **всех** жуков — зачем же собирать?

«Пусть брачущиеся будут, как не брачущиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего» (апостол Павел).[7]

И вот именно это прохождение образа мира сего дает мне какую-то устойчивость. Не в том поверхностном смысле, что только прохождение устойчиво, но в этом прохождении, в вшивом полустанке, в нечувствовании себя в жизни как дома и вижу саму устойчивость, само непрохождение, то есть мелькает вечность и Бог. Именно тогда, когда не хорошо, а плохо и хуже уже быть не может, тогда я вижу: есть Бог.

«Когда я говорю: колеблется нога моя, — милость Твоя, Господи, поддерживает меня.

Когда умножается скорбь в сердце моем, утешения Твои дают отраду душе моей» (Псалом 93).

В. П. напомнила мне о моем последнем разделении, но поняла его поверхностно, как разделение с некоторыми людьми и снова с Вл. Вас. (Стерлиговым). Последнее разделение, во-первых, с миром («Царство Мое не от мира сего»,[8] «Князь мира сего — дьявол»,[9] «Я победил мир»[10]) и, во-вторых, что самое главное, — с самим собою, все равно мир ли функция меня самого, я ли сам — функция мира, или это две независимые величины.

* Здесь прерывается письмо к брату и продолжаются рассуждения.

Вот это последнее разделение: во-первых, гносеологическое — если бытие тожественно не мысли вообще, но моей с е й ч а с и з д е с ь, то как я могу исследовать ее; во-вторых, этическое — жертва себя самого самим собою; в-третьих, онтологическое или экзистенциальное, и здесь снова два: 1) без этого разделения вообще нет жизни, а только существование; 2) разделение меня самого сейчас, так как и во времени я сейчас, и в вечности сейчас. Поэтому без ощущения вечности нет жизни, но только существование — это к первому. А второе — ведь вечность это не бесконечно продолжающееся время, а вечное с е й ч а с. Тогда я уже сейчас в вечности, хотя сейчас и во времени. В-четвертых, религиозное — «любящий душу свою потеряет ее», «возненавидеть... душу свою»[11] и др.

Бог вечен, я конечен. Бог — Тот же самый и в различном, я — изменчив. Бог — Сущий, я — ничто, пытающееся быть чем-либо. Бог — свят, я — грешен. Между нами — пропасть, перешагнуть ее невозможно. Если человек скажет мне: будьте совершенны, как Отец ваш небесный, я отвечу: а как это я могу сделать, если между нами такая пропасть. Как бы я ни приближался к идеалу, который отделен от меня бесконечным расстоянием, я ни на йоту не приближусь к Нему, потому что бесконечность и есть та величина, которая не уменьшается от вычитания конечного числа единиц. Ведь я говорю здесь не о нравственном совершенствовании, а об абсолютном, то есть религиозном, совершенстве. Мне скажут: вот святой или сама Богородица, ты смотри на них, подражай им и будешь совершенствоваться. Во-первых, что значит святой? По-видимому, безгрешный, совершенный. А когда Христа назвали благим, то есть безгрешным, совершенным святым, Он ответил: что ты называешь Меня благим, один только Бог благ[12]. Если Христос и Себя не разрешал называть благим (безгрешным, совершенным, святым), то как же я могу называть святым Николая Чудотворца, или Серафима Саровского, или Саму Богоматерь? Во-вторых, тайных мыслей человека никто не знает, кроме Бога, даже сам этот человек редко знает их. Главный грех — мысленный. Предположим, человек может быть святым. Но чтобы определенно знать это, я должен знать его тайные мысли. Образ жизни может быть святым, а в душе он величайший грешник может быть. Где критерий святости? Остается один — церковь. Если церковь канонизировала, значит, святой. Но для этого я раньше должен поверить в церковь. Между тем Христос сказал: «Где двое или трое соберутся во имя Мое, там буду и Я»[13]. И еще: «Придет время, когда Бога

будут славить не на самаритянской горе и не в Иерусалимском храме, а в духе»[14]. Так почему же я должен верить в святость церкви и в критерии святости, которые она установила?

«Бремя Мое легко и иго Мое благо».[15] Человек хочет даром получить благо и забывает, что только конечные и временные блага достаются даром. Именно бремя и иго станут благом, и тогда уже не бремя и не иго, а вечное благо. Но перескочить через бремя и иго нельзя. Может быть, всякий человек любит Бога, и верит в Него, и знает, что Бог — высшее и вечное благо, но, чтобы облегчить себе, человек сокращает дистанцию между собою и Богом и придумывает себе посредников — церковь, святых, заступников и заступниц. Но есть только **один** Посредник между мною и Богом — Человек, который одновременно был и Богом, Сам Бог, принявший на Себя образ Человека. Если этот Человек говорит мне: «Будьте совершенны, как Отец ваш небесный»[16] и еще добавляет: «Невозможное для человеков возможно для Бога»[17], то есть я сам не могу совершить, но Бог сделает так, что я смогу это совершить, то вера в этого Человека делает невозможное возможным. Вера и есть — совершение невозможного, но вера только в Бога, в Бога, принявшего образ Человека, чтобы невозможное стало возможным.

Исаия говорит: Бог требует не обрезания плоти, а обрезания сердца, Бог требует сокрушенного сердца[18]. А я боюсь сокрушить и обрезать свое сердце и обращаюсь к временным и конечным посредникам. Но ведь я сам должен сокрушить и обрезать свое сердце, и в этом мне никто не может помочь, даже никто не может совершить во мне, кроме вечного Посредника и веры в Него. Это предчувствовали еще до Христа.

Китайский философ. Знание, чтобы быть достоверным, должно быть обосновано тем, что вне знания.

Но вне знания — только незнание.

Тогда все недостоверно.

Чтобы что-либо было достоверным, должен быть истинный человек.

У истинного человека чувства нечеловеческие.

Мне кажется, это предчувствие или логический вывод необходимости Богоявления — то есть Богочеловека. Вообще древние теофании, по-видимому, имели в виду, во-первых, бесконечную дистанцию между мною и Богом, во-вторых, необходимость Богочеловека, если я вообще могу иметь или касаться Бога — высшего блага. Но церковь для облегчения людям, во-первых, сокращает эту дистанцию, во-вторых, и эту сокращенную дистанцию заполняет сотворенными посредниками — небесной и земной иерархией. Тогда не нужен и Христос — Богочеловек. Это язычество. Даже гностицизм понимал эту дистанцию, но не понимал второго и поэтому создавал иерархию

Я должен быть честен, во всяком случае с самим собою. А для этого прежде всего я должен отдавать себе отчет в словах, которыми я пользуюсь. Я говорю: Бог свят. И еще: апостол Петр — святой. Между

тем Павел в Послании к Галатам обвиняет Петра в лицемерии. Но ведь о Боге я не скажу: лицемер. И апостол Павел святой, а Петр говорит, что в его Посланиях есть нечто неудобовразумительное, что невежды превращают к своей погибели. И дальше сразу же предостерегает от увлечения заблуждениями беззаконников — кто эти беззаконники?

Очевидно, что когда Бога называют святым и человека — святым, то слово «святой» — омоним.

Мне кажется, во-первых, разделения субъект — объект, субъект — предикат, субъект — атрибут существуют только для сотворенного конечного существа. Поэтому Бог свят, но также сама святость, но не как атрибут, а как существо. Для человека же святость, как его определение, — только атрибут, то есть уже несовершенная святость. Если атрибут может быть отделен от субъекта, то это уже несовершенный атрибут. Но что значит несовершенная святость? Это грех. Поэтому когда мы говорим: апостол Петр — святой, то мы, во-первых, говорим: апостол Петр — грешный человек. И действительно, когда было страшно, он трижды отрекся от Христа. Когда позже он гостил у Павла, он слицемерил, получив письмо от Иакова и Иоанна. Это не смертные грехи, но все же грехи. И ⟨во-вторых⟩ все же грешник апостол Петр — святой. И я с этим согласен, если слово «святой» употребляется в другом смысле, не так, как Божья святость. Может быть, надо различать святость, исходящую от Бога, — совершенную ⟨и⟩ центробежную и святость, стремящуюся к Богу, — относительную и центростремительную. Тогда эта вторая святость, относительная, совпадает с верой. Апостол Павел, обращаясь к первым христианам, называет их святыми, и они называли друг друга святыми. Но ни он, ни они не считали себя безгрешными, апостол Павел очень часто обличает их во многих грехах. Святость здесь не безгрешность, но сила веры в Иисуса Христа. Есть первородный грех. Это не грех, совершенный сколько-то тысяч лет тому назад Адамом, а мой грех, с которым я рождаюсь. Щенок или котенок никогда не бывает так эгоистичен, самоволен и лишен всякого смирения и покорности, как ребенок. Самовольство, с которым человек рождается, — пусть будет по моей воле — это и есть первородный грех. Вера в Богочеловека освобождает от силы первородного греха, но не от греха вообще, и даже не от первородного, эта вера дает «власть быть чадами Божиими»[19]. Эта вера есть некоторое состояние жизни грешного человека, и тот, кто находится в этом состоянии жизни-сознания, назывался во времена Павла святым.

Произведем разделение:

1. На пути в Кесарию Петр признал Христа Сыном Божьим.
2. Затем трижды отрекся от Него.
3. Затем лицемерил.
4. Затем умер на кресте за Христа.

В первом и четвертом состояниях сила веры у него была, может быть, полная. Может быть, в этих состояниях он даже отожествился с Богом. Во-втором и третьем состояниях сила его веры ослабела и, значит, у него уже не было святости, но грех.

И снова разделение:

1. Святость даже у святого не постоянный атрибут, иногда он ее теряет.

2. Апостол Павел говорит, что в этой жизни мы видим и знаем только отчасти, а полностью потом. Тогда:

a. Мы не можем сказать

α. Кто увидит потом больше — тот ли, кто в жизни *казался* грешником или *казался* праведником.

β. Вообще, может быть, нельзя говорить здесь о «больше» и «меньше», если увидим полностью.
Здесь есть только одно: или увидим, или не увидим.

b. Тот, кто увидит, — святой. Он уже сейчас, может быть, святой, может, от рождения это уже святой, может быть, так же, как свят Бог. Но

α. Откуда мы можем это знать?

β. Что и как сохранится от его индивидуальности? Если сейчас и здесь мы видим частично, и один одно, другой — другое, и это определяется нашей индивидуальностью, то когда мы увидим там полностью, то есть всё, то чем мы будем отличаться? Я не говорю, что индивидуальность не сохраняется и что есть только неиндивидуальное бессмертие, я только спрашиваю. Но тогда я не понимаю, как он ⟨святой⟩ может быть для меня заступником.

И наконец самое главное: зачем мне другой посредник и заступник, кроме Сына Божьего? Если в Христе осуществилась теофания, которую ожидали еще язычники, то зачем мне другой посредник и заступник? Земные блага приедаются и надоедают, но вечное благо одно, и у кого оно есть, тому не требуются другие блага, полувечные, то есть снова конечные.

Вера, во-первых, некоторое состояние мысли — чувства — жизни, когда человек обрезал и сокрушил свое сердце, то есть поборол свое самоволие, — пусть будет по Твоей воле или: не так, как Я хочу, а как Ты хочешь[20].

Во-вторых, понимание-ощущение и понимание-чувство абсолютной дистанции:

сотворенный — вечный;
изменчивый — тот же самый;
несущий — сущий;
грех — святость,

то есть бесконечной пропасти между мною и Богом — единственно вечным и абсолютным благом.

В-третьих, — всё или ничего.

Молитва

Мф. 6, 7, 8. «А молясь, не говорите лишнего, как язычники: ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны. Не уподобляйтесь им; ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него».

Дьявол, искушая Христа, предложил Ему физически броситься со скалы, обещая удержать Его. Христос предлагает Своим ученикам духовно броситься со скалы. Этот духовный риск, неизбежно связанный и с материальным благополучием — комфортом, — и есть спасение — вера.

Что значит история? Во-первых, и свою жизнь я вспоминаю, и вспоминаю субъективно, тем более внешние факты. Значит, и чисто фактическая история до известной степени субъективна. До какой? Иногда степень субъективности очень велика даже для таких элементарных фактов, как год рождения великого человека, ведь когда он рождается, он еще не великий, иногда же становится великим уже после смерти. Иногда же даже существование человека не является несомненным, например Авраам. И чем сложнее факт, тем больше примешивается субъективности к сообщениям очевидцев, к воспоминаниям и к изложениям этого факта. Во-вторых, фактов очень много, историк выбирает и выбор определяется его субъективными взглядами и убеждениями. В-третьих, вспоминая свою жизнь, я вспоминаю ее прагматически и телеологически: она привела к определенному моменту времени — с е й ч а с, сейчас я такой, какой есть, и мое сейчас, то есть «сейчас мне», определяет воспоминание моей прошлой жизни. Ведь то, что прошло, того уже нет, но в воспоминаниях остается то, что мне сейчас важно́. В воспоминании я выбираю из прошлого то, что объяснит мне мое с е й ч а с, поэтому не прошлая жизнь определяет мое настоящее, но мое настоящее — с е й ч а с — определяет то, что я выбираю, вспоминая, из своей предполагаемой прошлой жизни. Так же и в историческом исследовании. Из очень большого количества фактов, известных не непосредственно, но по субъективным воспоминаниям заинтересованных очевидцев, по рассказам и преданиям, историк выбирает то, что считает важным, руководствуясь своими субъективными взглядами. При этом он или не имеет исторического чутья, как в античности или в век Просвещения, или имеет. В обоих случаях он прагматичен: или отрицает прошлое ради настоящего, или строит прошлое так, чтобы оно привело к настоящему, то есть выбирает и освещает факты так, как будто бы они привели к настоящему. В обоих случаях настоящее определяет предполагаемое прошлое. Если O — настоящее, то в первом случае прошлое определяется как non-O, во-втором — как $A \to B \to C \to D \to O$.

Примеры из истории философии.

1. Аристотель все время ищет ошибки у Платона; чтобы доказать свою оригинальность, он отрицает Платона.

Фихте все время подчеркивает, что он исходит из Канта.

2. Каждый большой философ имеет свою интуицию, когда же историки излагают эти интуиции, они излагают их различно. Для Фихте Кант — метафизик, для Когена — позитивист, для Метцгера — религиозный философ. Каждый находит в интуиции то, что есть у него самого, хотя то, что они находят, несовместно. Различные понимания одной и той же интуиции несовместны, во-первых, потому что всякая большая интуиция арациональна, то есть в изложении противоречива, во-вторых, потому что историк выбирает и создает из прошлого то, что ему нужно сейчас.

3. Пример прагматической истории философии после Канта.

Фихте — первый период — чистая Ichphilosophie*, Бог — моральный миропорядок.

Второй период — попытка прорваться через генезис к отмене генезиса, то есть через мысль к Богу. Но отмена генезиса тоже мысленная, значит, снова генезис, и через мысль мы прорываемся не к Богу, но к мысли о Боге. Затем снова попытка прорваться через мысль о Боге к Богу и снова мысленный прорыв и т. д. И в первом и во втором периоде основная мысль: я и Бог.

Шеллинг последнего периода: история мифов — история Бога, как она отражается в сознании людей, и кончается эта история вочеловечением Бога. И здесь центральная мысль — Бог, но одновременно в сознании людей.

Гегель. Абсолютная идея — Бог, но развитие абсолютной идеи завершается самосознанием человека.

Младогегельянцы — Д. Штраус, Фейербах: зачем это удвоение — Бог и Его отражение в человеческом сознании. Они отбрасывают Бога в человеческом сознании. Есть идея Абсолюта или бесконечности.

Зиммель: великие люди проецируют свою внутреннюю духовную глубину вовне под именем Бога — это мысль Фейербаха. Он ⟨Фейербах⟩ сделал логически правильный вывод из прагматической истории послекантовской философии, и этот вывод был: Reductio ad absurdum*. Фихте — Шеллинг — Гегель исходили из Бога, но удваивали Его: Бог и Его отражение в сознании человека. Он ⟨Фейербах⟩ отбросил Бога, так как это удвоение было лишним. Таким образом, если рассматривать историю мысли Фихте — Шеллинг — Гегель — Фейербах, то основная мысль оказалась противоречивой, то есть ложной: начало — есть Бог, конец — нет Бога. Но это в прагматическом изложении: верно, что в удвоении Бога заключалось отрицание Бога, неверно, если только это удвоение найти у Фихте, Шеллинга, Гегеля.

* Я-философия (*нем.*).

** Возвращение к абсурду (*лат.*).

Теперь дальше: Кьеркегор находит у тех же философов другое, отрицает только Гегеля и приходит к новому утверждению Бога.

Либман, Риккерт, Виндельбанд, Шуппе, Коген исключают из Канта, Фихте, Гегеля трансцендентный момент и создают позитивную, имманентную, в крайнем случае нормативную систему, фактически исключающую Бога, но не так явно, как у Фейербаха.

Мое изложение истории послекантовской философии опять-таки прагматическое: я хотел показать, как философы за 100 лет пришли от Бога к Его отрицанию (если исключить Кьеркегора), от теории души — мира — Бога к теории чистого опыта, не метафизического, и этот опыт оказался только понятием опыта, то есть ничего не дал человеку, эти системы оказались мертвыми. Это банкротство XIX века. Тогда возникла потребность в новой философии — экзистенциальной.

Одиночество. В первый раз в переходном возрасте: меня никто не понимает, но потом находится она или он, которые понимают. Это непонимание природное — уловка природы. Но затем в старости снова чувствуешь: я один, один перед Богом. Если продумаешь до конца все свои мысли и о себе, и о других, и о близких, то становится страшно и себе самому боишься сказать, что думал, так это страшно. Только тот, кто не умеет или боится продумать до конца, не чувствует, что он один.

Без Бога скучно. Если ты продумал до конца и остался один, то нельзя жить без Бога. Я называл это ощущением мирового провинциализма и точки, затерянной в бесконечном пространстве, — это без Бога. Так было в блокаду на одно мгновение после чтения Джемса. Но больше чем одно мгновение пережить это нельзя.

Германская пантеистическая линия: Экхарт — Бёме — «Феноменология духа» Гегеля — позитивная философия Шеллинга — К. Маркс — Хайдеггер.

В каждом человеке, и в иудее, и в христианине, есть и пантеистическое чувство — растворения себя самого в мире: почти безличное блаженство в лежании на пляже или в поле на солнце. Но в язычестве это основное.

Муравей, бросающийся в огонь, чтобы потушить пожар у муравейника, должно быть, не чувствует боли, но радость и блаженство. Боль может быть приятной, например расцарапывание до крови зудящего места.

Отречение от себя самого вплоть до смерти:

1. Ради рода: муравей, язычник, естественный человек, ветхий Адам.
2. Нет большей радости, как отдать свою душу за ближнего.
   Погубить свою душу, чтобы спасти.
   Возненавидеть свою жизнь и душу.

Потерять себя самого — блаженство:
пантеистически-языческое — физическое;
евангельское — духовное.

Первое название не совсем верное: не физическое, а психическое, или душевное, — растворение себя самого в роде или в природе. Второе — духовное — напряжение и уничтожение себя самого через напряжение себя: я сам уничтожаю не свое тело, а себя самого. Но только тогда зерно и дает плод.[21] *

Елинек,[22] кажется, хотел бы, чтобы возродилось древнее сословие просвещенных дилетантов. Не знаю, просвещенный ли я, но во всяком случае дилетант. Все же мне кажется, во-первых, что просвещенный дилетант является вроде как бы закваской для возбуждения деятельности музыкантов. А иначе для кого им работать? Во-вторых, дилетант, хотя бы и просвещенный, все же дилетант, поэтому он задает вопросы, а разрешает их музыкант.

Теперь перехожу к делу. Ты не раз говорил, что человек должен быть приставлен к делу. Это сублимированная религиозность. Теперь о деле, к которому ты приставлен. Но я люблю начинать не с начала, а с конца, тем более что я уже перешел к середине.

Так вот, конец или середина:

Имеющему уши музыка говорит больше, чем слова. Она говорит не как медиум и не телепатически, но материальными звуками. Все материальное до некоторой степени детерминировано: причинно или телеологически. Значит, и язык музыки. Швейцер сделал большое дело — он приступил к изучению баховского языка.[23] Он много, правда, напутал, например разделяя ритм и мотив колыбельной, волн и блаженства или объясняя иногда живописно мотив иначе. Но ведь и поэт, когда говорил: «Wie wankend sind meine Schritte»**, имел в виду не какую-либо болезнь ног или плохие протезы, но духовное состояние. Тем более Бах. Что сейчас можно сделать?

Говорить о каком-то точном критерии или принципе классификации музыкальных явлений для перевода их в эмоциональную душевную или духовную область, может быть, и рано, во всяком случае я не знаю такого единого критерия или принципа. Поэтому, мне кажется, не надо бояться сейчас бессистемности или множественности критериев и принципов. Я начну с примера.

После Тайной Вечери в M. P.[24], как ты знаешь, идет ариозо с сопровождением триолей. В тексте же говорится о тихой радости, то есть блаженстве. Для нас эти триоли — колыбельная, или движение волн, или состояние блаженства, а для китайца или индуса, может, это проявление бурной радости, или горя, или чего-либо другого. Так вот, первое, что в результате работы явится последним, — основной принцип или критерий гомилетики — ты извинишь меня за научный термин, я читаю сейчас Хайдеггера — гомилетика — это перетолкование речи. Пусть это будет критерием или основным принципом музыкальной гомилетики. Но это должно выясниться к концу работы, а в начале, как мне кажется, два других, может, несовместных принципа деления:

1. Материальное, душевное, духовное.

Но я сразу же приведу пример, потому что я только дилетант, а определение дашь ты. Возьми Баха — речитативы из Страстей, арии, например мою любимую — теноровую из «Пасхальной оратории» — Todeskummer*. По первому принципу, здесь будет и материальное и духовное одновременно. А честный Бах — рубка леса — как ты определил, ведь здесь ритм сидит в животе — треугольник Вьенера. Как раз в арии из «Пасхальной оратории» в первых тактах уже можно найти некоторое материальное движение мелодии, то есть звуковое, позволяющее определить совместность материального и духовного. И это не случайно. Когда я Стерл⟨игову⟩ показал портрет Кьеркегора, я удивился. Он исключительно духовен, а губы толстые и рот материален. Стерл⟨игов⟩, как художник, сказал, что это часто бывает. А экзистенциалисты — Хайдеггер, Марсель — специально занимаются вопросами о Leiblichkeit**, и Марсель, французский экзистенциалист и католик, считает вообще, что главный вопрос философии о вочеловечении, то есть о совмещении духовности и телесности.

Так вот, материальное с духовным совмещается, но не совмещается душевное с духовным. Душевное — это уже предел, и дальше идти человек не может.

Но снова о музыке. Мне кажется, что «Страсти» Шютца и Стравинский, несмотря на его артистизм, — чисто духовные — ты же и сам говорил, что не чувствуешь у него ⟨Стравинского⟩ плоти и крови. Но я не говорю, хорошо ли это или плохо и что лучше.

2. Эмоциональное и интеллектуально-волевое. Интеллектуальное и волевое объединены, еще по Канту чистый разум — практический, то есть воля. Но может быть, здесь можно вывести и третье — чисто интеллектуальное. Чайковский и Шёнберг — эмоциональны, потому что и страсть относится к эмоциям. Бетховен — интеллектуально-волевое, Веберн — между интеллектуально-волевым и чисто интеллектуальным.

3. Эти деления не строго систематичные и не вполне корректные с философской точки зрения, так как нет единого принципа деления. Сейчас я обращаюсь к одному из подразделений. (2). Я различаю абсолютную субъективность и субъективизм. Абсолютная субъективность —

* Далее продолжается письмо к брату.

** Как нетверда моя поступь (*нем.*) — альтовая ария («Wie furchtsam schwanken meine Schritte») из кантаты BWV 33, № 3.

* Смертная тоска (*нем.*).

** Телесность (*нем.*).

это исключение мира вместе со мною, эмпирическим, остается, как говорит Гуссерль, трансцендентальное ego. Субъективизмом же я называю эмпирический психологизм. Так вот, Шёнберг — это абсолютная субъективность, а Чайковский — субъективизм.

4. Это деление наиболее темное и в то же время субъективно для меня наиболее ясное. Может быть, каждое душевное состояние имеет одну из двух характеристик, назовем их α и β.

Ты уже, очевидно, подозреваешь, что я имею в виду, но мне бы хотелось определить их формально.

Если бы мне кто-либо доказал и убедил бы меня, что М.Р. Баха или «Камерная симфония»[25] Веберна не существует от века и будет существовать вечно, даже когда ни одного человека в нашем мире не останется, если бы меня кто-либо убедил, что Бах не открыл М.Р., а Веберн — «Камерную симфонию», но придумали их или просто передали **свои** психические состояния, то я бы вообще перестал слушать музыку, потому что это была бы самая невероятная, нечестивая и подлая ложь. Так вот это убеждение или характеристика есть β, а абсолютность искусства — α. Это и есть религиозность — α — все или ничего.

Абсолютная субъективность — α, субъективизм — β. Здесь я могу даже привести примеры, но их надо спеть.

Теперь возвращаюсь к началу: быть при деле. Я уже не предлагаю тебе открыть формулу Куперена. Я предлагаю более общую или важную работу. Мне кажется, ты это сможешь сделать; как ты это сделаешь, я не знаю, будут ли это просто заметки, или записи, или статья, или книга, и напечатано или не напечатано — это не важно, но, исполнив эту работу, ты сможешь сказать:

ИСПОЛНЕН ДОЛГ, ЗАВЕЩАННЫЙ ОТ БОГА МНЕ ГРЕШНОМУ

Это и значит до конца быть при деле.

⟨ПРИЛОЖЕНИЕ 1⟩

14 апреля 1953 г. в великую игнавию начинаю переписывать вторую часть этих «Принадлежностей». Я уже не помню, когда была такая игнавия. Посторонние дела отвлекали меня от главного, и я не замечал игнавии. Но сейчас я отбрасываю все, что могло бы отвлечь меня, и остается сама игнавия. Надо писать о ней, но о ней писать нельзя: игнавия и есть то, что уничтожает всякую возможность писать. Вернее, надо думать о ней, но игнавия есть то, что уничтожает мысль. Надо ли вообще думать, ведь мысль — в предельной форме? Если бы воздержание было воздержанием до суждения, а не от суждения, то думать не надо. И еще так: пусть действительно некоторое чувство-ощущение. Не связано ли оно с мыслью? И если скажу: не связано, то и это мысль — мысль об отсутствии мысли. Но что значит отсутствие мысли без мысли об отсутствии мысли? И если игнавия уничтожает мысль, то и это не без мысли: мысль, уничтожающая мысль. Но тогда что же мысль? Словесные формулы-знаки скрывают действительную формулу. Если действительное и абсолютное тожественно своему названию и акту названия и высказывания, то есть обозначения, то само обозначение и акт обозначения и есть его существование. При этом абсолютное и есть название абсолютного и высказывание этого названия, причем сейчас, так как не сейчас оно уже сказано и осталось в воспоминании. Абсолютное как название и акт названия и есть действительная формула. Эту формулу я понимаю так: душа, то есть я сейчас, устраняя себя, называю⟨ет?⟩ абсолютное, и это название абсолютного, тожественное абсолютному, есть творение меня названием и Словом Бога и моим возвращением к Нему. Эта действительная формула и действительное название останутся несказанными, то есть незаписанными, невидимыми, неслышимыми и непонятыми, пусть это будет нечувственным знаком, а то, что осталось как сказанное и может быть записано, видимо, слышимо и понято, то будет чувственным знаком. Значит, к чувственным знакам я отношу и некоторые мысли — например, 7+5=12, также знак, который я присоединяю к непонятному и нечувственному, вернее, его присоединение, так как сам знак — нечувственный. Например, формула, о которой я говорил, или отношение апории — нечувственные знаки, но наз⟨ы⟩вание формулы формулой или отношения апории отношением апории будет чувственным знаком. Пусть это будет чувственный знак первого рода, а чувственный знак второго рода — это слова, звуки и

знаки, которые потеряли связь с тем, что обозначали. Это уже второе непонятное, пусть ниже и было названо способом речи. Но оно может стать и первым непонятным. Если этим знакам, которые уже не обозначают то, что должны обозначать, я придаю новое значение, несвойственное им, то это значение будет уже нечувственным, а присоединение знака, потерявшего связь с первым значением, к новому — чувственным обозначением первого рода. Это относится к стихам Введенского, а может быть, и вообще к искусству, потому что материя искусства — слово, звук, мелодия, линия, цвет получает новое значение. Очень трудно провести это тройное разделение знаков. Оно почти совпадает с разделением действительного, или абсолютного, первого воспоминания, или первой возможности, и второй. Как первая возможность (воспоминание) никогда не бывает тем, что она есть, то есть самим собою, но или действительным, или возможным, так и чувственный знак первого рода⟨,⟩ или действительное⟨,⟩ — действительная формула или остался в воспоминании как знак, присоединяемый к чему-то, чего сейчас нет и что только вспоминается как имеющее отношение к чему-то, и это уже чувственный знак второго рода.

Это тройное разделение, или дважды двойное, я попытаюсь обозначить формулой. Пусть будет три элемента: *a*, *b*, *c*, причем они есть тогда, когда я их имею, каждый из них указывает на другой, я же всегда имею два, и только два. Затем, когда я имею *ab*, то *b* указывает на *c* и у меня остается *ac*, когда же имею *bc*, то *b* указывает на *a* и остается *ac*. Это и будет формулой тройного, или дважды двойного, разделения. Естественно спросить, что же здесь будет первым: *a*, *b* или *c*? Но этот вопрос уже неправильно поставлен, как будто бы один из элементов будет предметом или субстанцией, имеющей свойства. Не будут ли они тогда все независимы или хотя бы равноправны, так, что один заменяет другой? Но и это неверно, здесь субстанционализируется само отношение. Оба этих предположения — отраженные абсолютные. Может быть, отраженное абсолютное — это мысль об абсолютном не сейчас, то есть исключающем сейчас.

Но теперь мне снова придется уклониться, отойти в сторону или, наоборот, подойти к самому главному. Сейчас — вот из чего я исхожу. Все остальное, если это не сейчас, не имеет значения, его просто нет. Но что значит: сейчас? Сейчас я задумался, ушел в воспоминания. Но содержание воспоминания уже не сейчас; оно было только что и относилось к тому, чего сейчас нет, даже не было только что. Но что значит «только что»? Его нет, так же как и того, что было не только что. И расстояние между «только что» и «не только что» меньше, чем между «только что» и с е й ч а с. Между последними вообще нет никакого расстояния, между ними нет ничего общего. Различие между «только что» и «не только что» я называю временны́м, а различие между «только что» и с е й ч а с — это различие между временем вообще и — с е й ч а с. Я не могу определить «сейчас» как не время, потому что «сразу» и «всегда» тоже не время, но и не сейчас, я вообще не могу определить «сейчас», также я могу сказать, что «сейчас» все знают и никто не знает. Я могу сказать, с чем оно связано. Оно связано с сознанием себя, потому что в воспоминании я забываю о себе и отдаюсь воспоминаниям, с е й ч а с же возвращаюсь к себе. Но также я могу сказать, что оно связано с сознанием устранения себя, с действительным устранением себя, если я — мысль о себе. Ведь если я, возвращаясь к себе, думаю о себе, если явилась хоть какая-либо мысль о себе, я уже снова вспоминаю и нет «сейчас». Еще я могу сказать, что «сейчас» свободно, что это и есть моя свобода. Ведь если я думаю о каком-либо доказательстве, то необходимость принуждает и это не сейчас, но или сразу, или в воспоминании, если же вспоминаю, то каждое состояние воспоминания обусловлено другим, значит, не свободно. Но также я могу сказать, что именно сейчас не свободно: в воспоминании я свободно перехожу от одного состояния к другому, в акте «сейчас» я вижу невидимую силу, которая меня принуждает согласиться с доказательством, как это бывает, когда мгновенно блеснет мысль, и я вижу многое как одно. Но также, возвращаясь к себе самому, к самому с е й ч а с, бывает, я вижу принуждение и убедительность, не принуждение к чему-либо и убедительность чего-либо, но само принуждение и саму убедительность как силу и власть, не зависящую от меня.

Что же сейчас? Всякий согласится: если что и есть, то только сейчас. Если не сейчас, то было или будет. Но что же сейчас? Ведь в последнем счете не «сейчас» определяется существующим или чем-либо другим, но все другое определяется этим «сейчас». Я говорю: это есть, так как сейчас. «Сейчас» — критерий действительности, некоторая печать, удостоверяющая подлинность. Что же это за печать? Это не физическое сейчас, физическое сейчас — только точка на мысленной линии — координате времени. Но это и не психическое сейчас, психическое сейчас — некоторая доля секунды, в течение которой я имел наименьшее количество воспоминаний. Не физическое и не психическое и пусть будет непредельным.

Теперь о некоторых предельных понятиях. Один скажет: абсолютное — это то, что не зависит от меня, что есть само как субстанция, смысл, душа или как-либо иначе, что развивается или не развивается, открывается или не открывается, является или не является, но в результате чего — развития или не развития, открывания или не открывания, явления или не явления стал наш мир — ты, я и прочее. Другой скажет: абсолютное — не субстанция, но состояние души или душ, отношение и связь. Снова один субстанционализирует субстанцию, другой — отношение, и это пример предельных понятий. Они названы предельными, так как мысль склонна ставить пределы, противополагать один другому, выбирать один из них, примирять их в третьем. Это свойство само-

16 Зак. 3244

го ума ум выдает за действительное и абсолютное и знание абсолютного. При этом высказывает не абсолютное, но себя самого. Предполагая себя свободным и имеющим силу, придумывает мысленные пределы и затем свободу выбора одного из этих пределов. Эта свобода мнимая. Так как, придумав мысль о свободе выбора, ум уже выбрал эту придуманную свободу, значит, выбрал избрание свободы и, значит, избрание избрания свободы и дальше так же. Таким образом, эта свобода и несвободна, так как я принужден к свободе, и неосуществима, так как в избрании свободы всегда избираю только избрание и никогда не дойду до того, что предполагал выбрать.

Есть абсолютное, но я, придумав мнимую свободу выбора, спрашиваю: есть ли абсолютное и выбираю между абсолютным и неабсолютным. Сам вопрос есть уже отпадение от абсолютного и утверждение себя самого. Цель и намерение предельности — я сам. Поэтому, если я хочу найти действительное сейчас, я не должен подходить к нему с предельными понятиями свободы и необходимости, физического и психического, сознания и отсутствия сознания, надо оставить предельность, предельное мышление. Возможно ли это, если всякая мысль сразу же станет содержанием мысли, содержанием содержания мысли и дальше так же. Это называется объективированием — всякая мысль есть объект или содержание другой мысли и эта — снова объект или содержание другой мысли, и я никогда не дойду до предмета мысли, значит, имею мысль о мысли о мысли... Объективирование, или, как я называю, первоначальный ряд, и свобода выбора — первоначальные противоположения — два первоначальных свойства ума. Они независимы в том смысле, что мы можем построить схему каждого из них независимо от другого. Например, (A), где само A есть (A), будет схемой первоначального ряда. А $A \vee \bar{A} = A_1$; $A_1 \vee \bar{A} = A_2$; ... будет схемой первоначального противоположения. Действительно, если в выражении (A) A=(A), то я получу ((A)), но здесь снова A=(A) и, значит, я имею уже (((A))) и т. д. Здесь A — предмет мысли, который есть только мысль о предмете, мысль о мысли о предмете... В первоначальном противоположении A и $\bar{A}$, например, это и то, а A_1 — одно это и то и оно снова противополагается другому как это тому и дальше так же. Хотя первоначальный ряд и первоначальное противоположение независимы, но в каждом определенном акте ума они неотделимы. Например, в свободе выбора первоначальный ряд имеем в избрании избрания... избрания свободы, а первоначальное противоположение — в придумывании двух избираемых пределов или в противоположении избрания свободы — свободе. Цель и намерение предельности — я **сам**, потому что сама мысль о избрании свободы есть сомнение в абсолютном — отпадение сотворенного от Творца. Также и в самом **я** найду и первоначальное противоположение — сотворенного Творцу, самого — тому, что **само**, и первоначальный ряд: само — само есть само: само само и дальше так же.

Теперь можно определить непредельность: понятия и суждения, которые не создают первоначального ряда и первоначального противоположения, то есть вне первоначального ряда и первоначального противоположения, будут непредельными. Но это определение еще ничего не говорит о возможности таких непредельных понятий и суждений. Определение нуждается в теореме или, в данном случае правильнее будет сказать, постулате существования.

Постулат существования: некоторое сомнение, неполное, незавершенное и недостоверное, ничего не утверждает и ничему не противополагается и будет тожеством двух несовместных и противоречивых суждений. Пояснение. Такое тожество двух несовместных суждений не будет определенным отрицанием одного из них или каждого, но неопределенным отрицанием их противоположения. Их противоположение и определенное отрицание каждого, утверждающее противоположное ему, создает первоначальный ряд и первоначальное противоположение, их неопределенное отрицание уничтожает их. Так как **само** — цель и намерение предельности, то есть первоначального ряда и первоначального противоположения, то постулатом существования устраняется само, то есть некоторое сомнение есть устранение меня самого, устранение самого во мне. Что остается? Некоторое существование, некоторое **что**, которое я обозначаю словом **мое** в отличие от своего и самого. Этим словом я обозначаю действительное *имение.* Я различаю: иметь в понятии, когда между предметом и мною станет мысль о предмете, мысль о мысли о предмете и дальше так же; и действительное имение, когда между мною и тем, что имею, нет ничего среднего. В первом случае я сам отделен от предмета, который я и не имею, но только предполагаю, что имею, само исключает имение и то, что имею, само исключает что. Во втором случае я тожественен тому, что имею, тогда нет меня самого, но есть что, и это я называю мое, потому что оно действительно мое, я его имею, при этом нет меня самого, не меня вообще, но меня самого. Есть мне, есть мое, есть что, но только когда нет меня самого. Если же мое не есть само, то и не останется в себе. К его природе принадлежит не быть самим — тем же самым. Потому что само есть само само — то же самое. И обратно: то же самое есть само, которое есть само. Если же мое не может быть самим, тем, что оно есть, и тем же самым, то что как что уже не есть что, а само. Тогда только как ничто есть что: когда в нем не останется ничего своего и никакого что, о котором можно повторить «что», когда в нем ничего не останется, потому что все может быть повторено и стать собою, оно есть что. Но тогда не свое, а Бога. Само что — ничто и по природе — ничто как ничто — что, что Бога, сотворенное Им. Но тогда уже и не мое. Но я имею его и оно мое — мое не-мое. Я исключаю из себя все, что вначале кажется моим, но что только свое. Когда ничего не останется, когда

я сам пуст и уже нет меня самого, тогда я вижу: только не мое, что никогда и не было моим, — мое, у меня нет ничего моего, кроме Бога. Вот что я вывожу из постулата существования, даже не вывожу — вывод принадлежит к предельной мысли — вот что есть постулат существования: только само, я сам — между мною и Богом, устранив себя самого, я имею Бога.

Когда я имею Бога? С е й ч а с; в воспоминании, в мысли, не сейчас я имею не Бога, но понятие Бога. Когда Бог есть? Тоже сейчас: сейчас, из ничто сотворив что, ставшее в возможности самим, поэтому отпавшее от Него, и сейчас, устранив само, вернувшееся к Нему, сейчас Он есть и сейчас сотворил меня, ставшего самим в воспоминании, значит, не сейчас, а в возможности и действительно вернувшегося к Нему, так как сейчас. Значит, два сейчас: сейчас Бога и сейчас моей души. Они должны быть объединены в формуле; но какое может быть объединение? Оба сейчас — одно сейчас, нет двух сейчас. Формула должна сказать их тожество.

Элементы формулы. Действительное и возможное. Сейчас — действительно, не сейчас — возможно. Сейчас — акт воспоминания, но все, что я вспоминаю, содержание воспоминания — не сейчас, поэтому возможно. Если само — в воспоминании, так же как и выбор и свобода выбора, то само — я сам — только возможны. Обратно: само и свобода выбора и есть только возможность самого и свободы выбора, так как само есть само само, само само само и дальше так же; подобно этому и свобода есть только избрание свободы, избрание избрания свободы, и так как этот ряд никогда не будет закончен, то только возможен, тогда в воспоминании. Действительно же сейчас. Но что сейчас? Акт воспоминания, но не содержание воспоминания — вспоминаемое, это уже не сейчас, но и не **сам** акт, так как сам акт, противополагаемый его содержанию, — предельное понятие и тоже вспоминается. Тогда действителен акт воспоминания, названия, суждения, не противополагаемый его содержанию. Таким будет воздержание от суждения в некотором сомнении. Это воздержание не до суждения, но от суждения; поэтому будет и суждением воздержания от суждения: как воздержание от суждения останется несказанным, как суждение воздержания будет некоторым отношением к тому, от чего судить воздерживаемся, отрицая определенность противоположения в суждениях, отрицая само. Суждение воздержания будет названием и обозначением, тожественным названному и обозначенному.

Обозначение. С е й ч а с — некоторый действительный акт, который не может быть разделен на форму и содержание. Это акт воспоминания и названия, тожественный вспоминаемому и названному. Так как из него не может быть выделено содержание, то названное и есть акт названия. Два соблазна предельной мысли: отделение названного как субстанции, независимой от акта названия; субстанционализирование самого акта названия. В первом случае абсолютное противополагается мне, как некоторый предмет или существо, во втором случае тожество названного и акта названия понимается как уничтожение абсолютного и себя самого делаю абсолютным. В обоих случаях уничтожается сейчас моей души: и абсолютное и я как субстанция уже не сейчас; и даже сам акт, отделенный от содержания, и сама деятельность, или акт как деятельность, не сейчас. Такое понимание тожества я назову предельным: названное я противополагаю акту названия или прямо — разделяя их, или непрямо — понимая отожествление их как устранение одного из них, оставшееся выдаю за тожество обоих. Непредельное тожество: если отказаться от мысли, что названное есть то, **что** названо, то есть его содержание, а акт названия — то, **что** называет другое, что не есть этот акт названия, то есть некоторая форма, то не придется искать тожества названного и акта названия, потому что они и есть одно — тожество различного и того, что не одно: *одно два*. Здесь, устраняя первоначальный ряд, потому что это и есть объективирование, сразу же устраняем и первоначальное противоположение, а с ним и противоположение названного акту названия. Можно и обратно: исходить из устранения первоначального противоположения и предельности — некоторого сомнения, и это сразу же уничтожит и первоначальный ряд. Тогда абсолютное не предмет, противостоящий мне, и не я сам, утверждающий себя абсолютным, и все равно субстанцией ли, бытием, актом или деятельностью — всегда это будет субстанционализацией, но абсолютное — название и обозначение абсолютного душой, устраняющей себя. Акт души, которым душа сейчас, устраняя себя, приходит к Богу, есть абсолютное, действительное, реальное — все равно как назвать его — этот акт моей души с е й ч а с и есть то, что действительно есть сейчас; и «сейчас» здесь не форма или знак чего-либо другого, но «сейчас» и есть моя душа, сейчас устранившая себя, вернувшаяся к Богу. Это и есть непредельное тожество названного и акта названия, этим тожеством устраняется все, что стоит между мною и Богом, так как, кроме меня самого, ничего и нет между душой и Богом. Я называю это *обозначением*, причем действительным, в отличие от возможного и предельного: во-первых, все, что я имею или предполагаю, что имею, я имею как знак или в форме знака; нет чистого восприятия, самое незаинтересованное восприятие что-либо обозначает: я что-либо понимаю в нем. И даже если я ничего не понимаю, я имею знак непонимания и я или понимаю непонятное как непонятное — в этом случае объективирую непонятное, или непонятность есть некоторое понимание — и это необъективирующее некоторое сомнение. Непонимание, которое само есть знак непонимания, желание понять и мучение от непонимания, которые тоже знаки, доказывают, что все для меня есть знак, то есть не только есть, но есть как значащее для меня. Во-вторых,

так как действительно сейчас, то действителен не знак сам по себе, но обозначение, некоторый акт, которым я даю или получаю знак или даю знак, получая его. Различаются два рода знаков и обозначений: предельных, когда знак отделяется от обозначения, обозначаемого и обозначающего, и непредельных, когда этого разделения нет. Но если его нет, как оно может быть сказано? Оно высказывается постулированием несовместных предельных знаков, — и есть некоторое сомнение. Потому что в предельной форме не совмещается и противоречие непонятно. Если предельность и объективирование — только свойства моего ума, скрывающие от меня абсолютное — меня и Бога, — только я сам, ставший между мною и Богом, при этом всякое понимание для меня — предельное, то только некоторое непонимание есть действительное понимание и в этом непонимании-понимании то, что понимается, и есть понимание; некоторое сомнение не есть сомнение в чем-либо, это снова объективировало бы что-либо, некоторое сомнение и есть что-либо — абсолютное, душа, дающая знак, которым Бог сотворил ее. Этот знак — «сейчас»: сейчас моей души, сейчас Бога — один знак.

Знаки. Для построения формулы тожества двух сейчас необходимы знаки. Так как мы рассуждаем в предельной форме и, даже покидая предельность, высказываем это постулированием несовместности предельных знаков, то необходимы знаки, не тожественные обозначению. Я не вывожу здесь необходимости этого знака, только указываю на факт предельности всякого рассуждения. Если же я покидаю предельность и этот акт есть знак и обозначение, то, сказав его, я обозначу: обозначу обозначение. Для действительного знака обозначение и обозначение обозначения — одно, для возможного, то есть записанного, произнесенного, просто отмеченного в мыслях, — два. Двойственность знака: действительный знак — один, но нельзя сказать о нем «и только один». Только одно — само и то же самое. Но нельзя сказать о нем и «два», два — то же само и то же самое. Двойственность знака не в том, что он один или два, а что он один и тот же не один и тот же: действительный знак есть одновременно и возможный: записанный, произнесенный, просто отмеченный предельной мыслью, при этом возможный знак уже не тожественен действительному. Это отношение может быть выражено простой формулой: a есть a и b, их тожество; причем b само по себе уже не есть a; но и a само по себе, уже не есть a, тожественное b, поэтому a есть тожество a и b, а b — их раздельность. Тогда и a, отделенное от b, — не a, а тоже b: два мыслимых предела в b. Это отношение названо было отношением апории: знак, тожественный обозначенному и обозначению, есть сразу же и обозначение обозначения и знак обозначения обозначения. Но тогда уже возможный знак: записанный, произнесенный, отмеченный в мыслях и этот не тожественен действительному знаку. Значит, действительный знак — *одно два*, возможный — два. *Одно два*: действительный знак, который есть действительный и возможный; два: действительный и возможный, причем оба — только мыслимые пределы в возможном, отраженное абсолютное.

Двойственность знака не выводится, так же как и необходимость двойственности. Из того, что мы не может понять его как только один, не следует его двойственность. Он двойственен не потому, что иначе в предельной форме мы будем мыслить его предельным, — все равно в предельной форме он или один, или два. Также мы должны остерегаться приписывать цель этой двойственности. Двойственность знака — непосредственный факт. Увидев этот факт, мы считаем, что иначе и не может быть, что это необходимо для тожества двух сейчас. Но самое большое, что мы можем сказать, — что непосредственный факт двойственности знака делает его непредельным и что этот факт делает возможным или осуществляет тожество двух сейчас. Это условие — достаточное для непредельности знака и тожества двух сейчас, но, утверждая, что оно и необходимо, мы впадаем в предельность, потому что само представление необходимости и его предельного отрицания — целесообразности — предельные понятия. Достаточно же потому, что тожество действительного, то есть несказанного знака и знака, отмеченного в мыслях, и есть тожество двух сейчас. Отмеченное в мыслях — отдельное, вот это. Я и мое — это не то, что есть вообще, но сейчас, вот это, преимущественное и первоначально индивидуальное. Может ли быть вообще иначе или нет, но сейчас первоначально индивидуальное только некоторая мысль — моя, эта и сейчас, связанная сейчас с определенным этим знаком: словом, звуком, поворотом головы, просто некоторым определенным этим обращением внимания. Когда хотят вывести это тожество знака, заранее предполагают, что общее раньше частного. Но если общее есть форма предельной мысли, то это тожество и двойственность раньше общего и именно форма общего должна быть выведена из первоначального знака. Когда же еще выводят необходимость некоторого явления Бога, говоря: иначе не могло бы быть Бога, иначе Бог не был бы живым, иначе Бог был бы или не всемогущ, или зол, то есть выводят теодицею, то еще и Бога подчиняют всеобщности и необходимости — предельной мысли. Поэтому всякая теодицея предельна и, по существу, отрицает Бога: зло не может быть ни оправданно, ни выведено из добра и не может быть никакого сравнения суммы зла с суммой добра, также зло для одного не оправдывается тем, что оно добро для двух, нет и не может быть никакого арифметического подхода к злу и добру; также нельзя рассматривать зло как меньшее добро и зло не есть только отсутствие добра. Все эти предположения предельны: они исходят из предельного понятия всеобщности и необходимости; зло не оправдывается и не выводится, и зло не есть меньшее количество добра, есть положительное радикальное зло, но оно есть только в том,

в чем оно может быть, — в возможном и в воспоминании, сейчас оно не меньшее количество добра и не отсутствие чего-либо, но просто его нет, так как сейчас нет содержания воспоминания, а зло — только в содержании. Я сам — вот первоначально и радикально злое, от самого меня — форма всеобщности и необходимости, от этого же все попытки теодицеи, но ведь сейчас нет меня самого, я сам — только возможен. От субстанционализации меня самого и, значит, от субстанционализации всеобщности и необходимости — солипсизм и неудачные попытки опровержения солипсизма. Солипсизм не может быть опровергнут, потому что само опровержение и доказательство основано на абсолютности всеобщности и необходимости. Но сама эта всеобщность и необходимость есть только результат или способ субстанционализации меня самого. Поэтому всякое опровержение солипсизма только укрепляет его. Не солипсизм нуждается в опровержении, но я сам в доказательстве своего существования, то есть существования самого. Но это неосуществимо, так как именно я сам не существую: само неосуществимо, потому что возможно только как бесконечный ряд, но сейчас бесконечность ряда неосуществима. Также и всякая всеобщность и необходимость есть только намерение всеобщности и необходимости, причем неосуществимое. Сейчас в определенном воспоминании и его содержании, и значит, уже не сейчас, я предполагаю всеобщность и необходимость и вне этой формы всеобщности и необходимости в воспоминании ничего не имею. Но эта всеобщность и необходимость ограничены определенным этим воспоминанием. Две ошибки: первая — предположение, что всеобщность и необходимость сохраняют свое значение вне данного воспоминания; вторая — предположение, что в данном воспоминании я могу представить или понять, что всеобщность и необходимость не сохраняют свое значение вне данного воспоминания, например что 7 + 5 когда-либо будет не равно 12. Сейчас я этого не могу ни сказать, ни понять. Бессмысленно говорить, что 7 + 5 когда-либо может быть не равно 12. Потому что предельность мысли именно в том и состоит, что представляемое представляется в форме всеобщности и необходимости. Но именно поэтому бессмысленно утверждать независимость предельной истины от акта высказывания, потому что она и есть только форма этого акта: в этом определенном акте я утверждаю некоторую всеобщность и необходимость и не могу сомневаться в вечности этой всеобщности и необходимости, потому что форма предельности в том и состоит, что я представляю истинное как вечно истинное, всеобщее и необходимое. Сомнения в всеобщности и необходимости истины — только слова, ничего не обозначающие, потому что я и не могу сомневаться в этом, всеобщность и необходимость истины входит в понятие истины и есть форма представления. Чтобы доказать невечность истины, обычно приводят примеры не вечных и

не всеобщих истин, но тогда это просто не истины. Но так как всеобщность и необходимость есть только форма акта мысли, то она и не существует нигде, кроме как в акте, причем не есть, но возможна, и всеобщая и необходимая система только мыслится как всеобщая и необходимая — это мысль о первоначальном ряде, который, по понятию, бесконечен и завершен, но поэтому неосуществим: я не могу иметь завершенную бесконечность ряда.

Два знака — действительный и возможный, последний — некоторое движение мысли, я не назову это актом мысли, так как в понятии акта мысли я отвлекаюсь от частностей, а некоторое движение мысли — частное, определенное, *вот это вот*, не общее. Не общее — это слово, сейчас сказанное, этот звук, цвет, запах, вкус, тело, поворот головы, положение. Поэтому возможный знак — некоторое движение мысли — я называю чувственным знаком, а действительный — нечувственным. Знак связан с пониманием, тогда и понимание будет чувственным — пониманием отношения чувственных знаков, например суммы 7 и 5 единиц как равной 12 единицам, то есть понимание суммы 7 актов и 5 актов — определенных движений мысли как равной 12 актам. Это чувственное понимание, так как может быть изображено чувственными знаками, например: .... есть .... Или ((((((0)))))) + +((((0))))) = (((((((((((0))))))))))). Здесь вместо *A* = (*A*) в схеме первоначального ряда стоит 0 = (0). Понимание нечувственного знака — нечувственное. Но нечувственный знак — тожество нечувственного и чувственного. Оно должно быть сказано, действительно высказывается и остается несказанным: никакое записанное, произнесенное, как-либо обозначенное движением мысли слово или знак уже не тожественно ему. Но оно действительно высказывается в некотором сомнении, в воздержании от суждения, в постулировании тожества двух несовместных предельных, чувственных знаков. Тогда в предельной форме останется непонятным и нечувственное, непредельное понимание есть предельное непонимание.

Предельное, или чувственное, понимание соединено с чувственными знаками. Тогда чувственные знаки приходится разделить на два рода: понимание некоторого смысла отношения чувственных знаков и понимание порядка и расположения их без понимания смысла, то есть того, на что они указывают, и последнее уже снова непонимание. Например, если я не знаю, что обозначают знаки 7, 5, 12, +, =, но запомнил их фигуры и внешнее расположение знаков в равенстве 7 + 5 = 12, то я понимаю это равенство как рисунок, ничего не обозначающий, то есть не понимаю его. Понимаемые чувственные знаки я отношу к первому роду, непонимаемые — ко второму. Если я понимаю некоторое отношение чувственных знаков, то или я его вполне понимаю, или не вполне. Если не вполне, то в этом отношении или в других, которые имеют к нему отношение, чего-либо я не понимаю. В этом случае понимание

будет отношением понимания к непониманию или понятного к непонятному. Или я вполне понял его, то есть понял и все отношения, с которыми данное связано. Тогда или оно станет пониманием предельных знаков второго рода: непонятное соотношение становится механической формулой, то есть формулой, которую может вычислить и машина; здесь не требуется понимания — машина не понимает. Или, поняв все, я приду к тавтологии: для идеала предельной мысли вся система всеобщей, необходимой и непротиворечивой мысли, если такая и возможна, — тавтология первоначального ряда и первоначального противоположения, как осуществленный ряд и осуществленная система — ничто, здесь нечего понимать, потому что ничего и нет. Или, не поняв этого ничто, не видя завершения системы, я увижу нечувственный знак: чувственное непонимание есть нечувственное понимание. Поэтому чувственный знак первого рода никогда не останется тем, что он есть: или сразу же станет знаком второго рода или тожественен нечувственному. Снова пришли к тройному или дважды двойному разделению знака.

Непонимание — предел понимания. Или при увеличении понимания увеличивается число формул, не требующих понимания, предел — абсолютная формула, не требующая понимания. Или предел — тавтология — ничто, в котором нечего понимать. Или — непонимание, которое и есть действительное понимание, не предел понимания — но понимание. Это и есть некоторое сомнение. Внизу знак второго рода — непонимание как предел понимания, вверху — непонимание, которое не станет и не в пределе, но непосредственно есть понимание. Между нами — понимание — отношение понимания к непониманию. Непонятое пусть будет несуществующим. Это не значит, что его нет, но о нем нельзя сказать: есть, сказав «есть», что-либо уже понимаем. Тогда новое тройное деление: вверху — непонимание-понимание — несуществующее верхнее, внизу — непонимание — предел понимания — несуществующее нижнее. Средняя область — область понимания — того, существующего. Но существующее ищем не в том, о чем говорим: есть, это относится к вспоминаемому, но в том, о чем нельзя сказать ни «есть», ни «не есть», — в несуществующем. Новое тройное деление тоже дважды двойное: несуществующее верхнее будет им только в отношении к средней области, но в отношении к нижнему несуществующему будет только мысленным пределом и оба в отношении друг к другу — только отраженное абсолютное. И также нижнее несуществующее. По отношению же к среднему они обозначают направления: от непонимания-понимания к с е й ч а с Бога и от непонимания — предела к с е й ч а с моей души.

Четыре дважды двойных разделения: действ⟨ительный⟩ знак — предельный первого рода — предельный второго рода. Абсолютное или действительное — первая возможность — вторая возможность. Сейчас — первое воспоминание — второе воспоминание. Верхнее несуще-

ствующее — среднее — нижнее несуществующее. Первые три разделения почти совпадают. Последнее определяет новую особенность абсолютного: его границы. Если некоторое непонимание-понимание, то абсолютное не можем назвать несуществующим, скорее только абсолютное и может быть названо именем существующего. Тогда средним будет абсолютное и действительное, которое есть действительное и возможное — их тожество, а выше и ниже — несуществующее — его пределы. Во-первых, предел понимается как зависимость или независимость абсолютного. Независимостью абсолютного будет уничтожение одного из сейчас, и так как сейчас моей души не может быть устранено, то устраняется сейчас Бога, которое понимается в этом случае только как предельное понятие для освобождения что от самого. Будем называть это утверждением нижнего предела, при этом не утверждается само, оно уже устранено, но не виден предел освобождения что от самого. Ведь если что не есть само, то по необходимости из этого не следует, что оно есть что Бога, то есть чье-либо; если оно не свое, то может быть и ничьим. Так как здесь не может быть необходимого выведения, если необходимость — форма предельности, то не видящий принадлежности что чему-либо признает его независимость. Или что, не будучи собою и своим, есть чье-либо, и значит, Бога. Тогда оно не независимо и в этом случае будем говорить, что утверждается верхний предел. В пределах — то, что хотя и не может быть сказано положительно, но высказывается отрицательно: неопределенным отрицанием некоторых предельных понятий их противоположения и постулированием тожества несовместных предельных значений, хотя положительное содержание этого тожества не может быть сказано. За пределами — то, что не может быть сказано и отрицательно. Утверждая нижний предел, отрицаем верхний, отрицаем возможность принадлежности абсолютного и что чему-либо. При этом возникают некоторые недоумения, которые утверждающие нижний предел считают принадлежностью некоторого сомнения: предельная мысль ставит вопросы, на которые ответить нельзя, непонимание здесь и будет ответом. Но даже если считать, что возникающие здесь недоумения выходят за пределы сомнения, установленного постулатом существования, то все же из необъяснимости чего-либо, правильно говорят утверждающие нижний предел, не следует существование верхнего предела. Утверждая верхний предел, мы не можем отрицать нижний предел — существование знака, ничего не обозначающего, — факт — верхним пределом утверждается независимость абсолютного и принадлежность его другому. В первом случае мы вообще отрицаем принадлежность и оставляем только имение, во втором само имение является только в принадлежности. При этом вводится и третий род имения — *присутствие*. Этим словом я обозначаю веру и то, что дает вера. Я не могу ни понимать, ни знать, что за верхним пределом. В некотором непонимании-понимании я дохожу до верхнего

предела — принадлежности что — Богу, но и сам этот предел есть только присутствие предела, и кто этого присутствия не видит, — не имеет. Но что за этим пределом — я не могу знать ни положительного, ни отрицательного, и здесь нет никакого понимания, ни непонимания-понимания, ни непонимания — предела. Но через присутствие станет и может стать в любой форме и как простое понимание. За этим пределом и сам этот предел — Бог, и Он может стать здесь и у нас как простое присутствие. Значит, между пределами — существующее имение и непонимание-понимание, в верхнем пределе — принадлежность, но для кого станет — станет через присутствие, за этим пределом — несуществующее и здесь через присутствие — начало всякого существования и тогда уже не там, но и у нас: через присутствие сверх всякого понимания, потому в несуществующем, станет и у нас: ты, я и Бог. Во-вторых, предел понимается как ви́дение. Некоторое частное движение мысли, возможное первого рода, что никогда не есть само, но или действительное, или возможное второго рода, есть видение. Само и то, что только само, видит только себя, тогда ничего не видит. Видеть значит видеть другое, выходить из себя. Бог, видя только Себя, так как ничего другого нет, выходит из Себя — творит мир — душу и видит ее. Душа, видя, выходит из себя, видит другое и в конце концов только Бога. Видение — творение: абсолютное творение души Богом и относительное творение: освобождение души от самого. Для Бога — из ничто что. Для души: от самого что через ничто — что Бога. Видение — творение — есть существование двух мест: для Бога — что и ничто. Для души: откуда видно — нижний предел, нижнее несуществующее и где видно — верхний предел, верхнее несуществующее.

Формальные и материальные условия видения. Откуда и где — не видение, но условия видения и пусть будут формальные. Я сам могу видеть, и я вижу, первое — объективирующее видение, второе — непосредственное. В объективирующем видении я сам могу видеть, но, пока могу, не вижу: я сам заслоняю собою видимое. Но это возможность видения: я сам и есть тот, кто должен видеть, я сам и есть видение — обращение внимания, во-первых, на себя и, во-вторых, не на себя. Но, кроме себя самого, само ничего и не видит, не видит и себя самого, потому что само уходит от себя. Непосредственное видение — освобождение души от себя самой, тогда уже нет разделения на видящего и видимое, тогда видимое. Два видения — места: откуда и где, и только предельная мысль разделяет. Я вижу. Кто видит? Когда я спрашиваю, я уже разделил и не вижу. Тогда я необходимо отвечаю: я сам вижу, но уже ничего не вижу. Что вижу? И в этом вопросе я разделил, но и здесь я необходимо отвечаю: если вижу, то Бога. Я вижу не тогда, когда разделяю или отвечаю, но вне разделения и рассуждения, разделяя же, не вижу. Видение — творение и бытие. Я есмь. Кто? Очевидно, я сам. Но само неосуществимо, и меня уже нет. Обратив же внимание не на я, а

на есмь, я найду существование, устранив себя. Душа есть, что же иное? Но я не смогу этого сказать, потому что если сама душа, то ее нет, если же не сама, то кто? Это двухмерность существования, причем устранение первого измерения или места есть тожество обоих мест. Поэтому не двойственность устраняется, но возможность того из двух мест, которое устранило двойственность.

Но так снова нет различия, во-первых, между видением и абсолютным, то есть имением, и, во-вторых, между существующим, которое есть тожество существующего и несуществующего, и нижним и верхним несуществующим. Когда я думаю об этих пределах, я невольно отожествляю их с существующим и несуществующим. Но если есть сдвиг вверх, этого не должно быть.

Вопросы:

1. Могут ли быть два места помимо здесь, то есть в возможности, и там — в абсолютном?

2. Если есть третье место — несуществующее верхнее, то нет ли и четвертого — несуществующего нижнего? Тогда эти места и будут — откуда и где. Но сказанные, так же как и сказанное их тожество, — здесь и там и как сказанное уже здесь

3. Нет ли этих мест и в Боге? Ничто в Боге, где ничего не видно, и ничто перед Богом — созданное им место.

4. Некоторое незавершенное движение мысли не будет ли осуществлением мест, действительным видением, материальным условием видения?

⟨ПРИЛОЖЕНИЕ 2⟩

⟨Вторая половина 1970-х гг.⟩

Я пишу какое-либо исследование. Меня что-то принуждает писать. Бывает даже так, что я написал совсем не то, что хотел написать — что принудило меня записать, сам я ничего не знаю. И вдруг я замечаю: принуждение кончилось, я пишу **сам** — сам от себя: я все знаю, у меня готовы ответы на все вопросы, я могу писать обо всем. Как только появляется такое состояние, все делается как-то плоско, скучно и тоскливо. Ничего нет, действительно ничего нет, я сам — точка, затерявшаяся в бесконечной пустоте. Начинается искушение. И когда оно достигает высшей точки, своего максимума — полного отчаяния, безнадежности, полного сокрушения духа, когда уже ничего не осталось, ничего, кроме как завопить от страха: Эли, Эли, лама собатхани, — Он возвращается ко мне.

Метатеология. Положим, я читаю теологический трактат, все равно интересный или неинтересный. Автор говорит что-либо, что меня заинтересовало. Я думаю об этом, делаю некоторые выводы. А затем задумываюсь: и как он понимал то, что меня заинтересовало: так же, или иначе, или наоборот? В конце концов это уже не теоретический вопрос, а переходит в практический: как и во что верил автор. Ведь трактат теоретический, значит, непосредственно соприкасается с верой. Мое понимание его трактата определяется также и моей верой: ведь бывает, что в книге мы видим не то, что там написано, а то, что мы хотим там найти. И вот я снова перечитываю трактат, стараясь найти между строк не то, что мне хочется найти, а то, что имел в виду сам автор. Конечно полностью это неосуществимо, но я стараюсь читать каждое слово, каждое предложение так, чтобы из способа построения фразы и формулировок, из отдельных предпочитаемых автором слов, из всего словаря его, из отдельных особенностей определить, как и во что он верил. Это я и назвал метатеологией. Возможны ли метафизика, метабиология и т. д.? Я думаю, что возможны. Например, из знаменитого спора Эйнштейна с Бором можно сделать метафизические и даже прямо метатеологические выводы: непрерывность свойственна скорее иудейству, чем христианству. Квантованность — это физическая сублимация скачка (Кьеркегор) от человека к Богу — это радикальное, то есть истинное, евангелическое, христианство. Я не знаю, был ли верующим Бор, но его сокровенный сердца человек, о котором Бор, может быть, и ничего не знал, был ближе к Евангелию, а сокровенный сердца человек Эйнштейна — к Старому завету.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Перед принадлежностями чего-либо» — так назвал Яков Семенович Друскин свои дневники, о которых пишет: «Это вся моя жизнь, принадлежащая не мне, а Богу, зафиксированная в записях на отдельных листках и в тетрадях <и в записных книжках> с 1928 года» *.

«Что-либо — некоторый храм. Перед принадлежностями чего-либо — преддверие храма. <...> Может быть, эти записи и будут Принадлежностями. Они несовершенны, но иными они и не могут быть — преддверие еще не храм». О себе же автор напишет: «Я только исследователь и наблюдатель своих состояний... Я должен быть бесстрастным... чтобы увидеть все сразу... Только отказавшись от своих чувств и пристрастий, я увижу все сразу и, увидев... уже не буду во времени: время — ограничение полного созерцания всех моих состояний. И еще: увидев их... увижу и Того, Кто за ними».

Автор разделил дневниковые записи на две части (периода). В настоящем издании публикуется первая часть — дневники 1933—1962 гг. Им предшествует запись 1928 года, имеющая принципиальное для автора значение.

Тексты перепечатаны с рукописей, хранящихся в архиве Лидии Семеновны Друскиной. Исправлены (без упоминания в примечаниях) явные описки, пропуски букв, устаревшая орфография и транскрипция, знаки препинания и т. д. Сокращенные в рукописи слова по возможности восстановлены, за исключением аббревиатур часто встречающихся имен (аббревиатуры раскрываются в примечаниях при первом упоминании в тексте; см. также именной указатель). Авторские текстовые выделения сохранены и в некоторых случаях дополнены — в целях единообразия и облегчения восприятия текстов. Сохранена также авторская рубрикация, форма записи цифр, дат (за исключением дат-рубрик), исполнения схем.

Часть архива Я. Друскина сдана на хранение в Отдел рукописей (ОР) Российской национальной библиотеки (РНБ), фонд 1232. При описании этих работ указывается номер единицы хранения.

Ссылки на произведения чинарей помечены аббревиатурой *Сб.* и ПСП, соответственно:

«...Сборище друзей, оставленных судьбою»: А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «Чинари» в текстах, документах и исследованиях: В 2 т. — Б. м., б. г. (Русская потаенная литература);

Введенский А. Полное собрание произведений: В 2 т. — М.: Гилея, 1993.

Внутритекстовые пояснения в угловых скобках, подстрочные и затекстовые примечания — от составителя. Текст, заключенный в квадратные скобки, — авторские добавления при переписывании черновиков.

Рубрикация затекстовых примечаний — укрупненная по сравнению с содержанием. Рубрики пронумерованы — для перекрестных ссылок — римскими цифрами в скобках. После каждого примечания курсивом обозначен номер страницы с поясняемым текстом.

Настоящее издание открывается воспоминаниями брата автора М. С. Друскина.

* Здесь и далее в кавычках, без указания источника, — цитаты из записей Я. С. Друскина.

М. С. ДРУСКИН. КАКИМ ЕГО ЗНАЮ

Михаил Семенович Друскин (1905—1991) — известный музыковед, ученый и педагог, автор исследований в различных областях музыкознания (европейская музыкальная клавирная культура XVI—XVIII вв., оперная драматургия, современная музыка Запада, зарубежная историография и источниковедение), монографий, посвященных композиторам XVIII—XX вв. (И. С. Бах, Р. Вагнер, И. Брамс, И. Стравинский), а также многочисленных статей. Доктор искусствоведения, профессор Ленинградской консерватории. Труды, в том числе переведенные на иностранные языки, прочно вошли в педагогический и научный обиход — как в России, так и за рубежом.

Настоящие записи адресованы сестре и не предназначались для печати. Конечно, тогда — в начале 1980-х гг. — не предполагалась возможность публикации произведений Я. Друскина, а следовательно, и воспоминаний о нем, иначе они были бы существенно расширены и дополнены.

[1] См.: Друскина Л. С. Жизнь или житие? // Друскин Я. Избранное: В 2 т. Париж: YMCA-Press, 1999. Т. 1. В печати. *14.*

[2] Сведения о революционной работе родителей содержатся в кн.: Невский В. Материалы для биографического словаря социал-демократов, вступивших в российское рабочее движение за период от 1880 до 1905 года. М. — Л., 1925. Вып. 1. С. 269. *16.*

[3] В Екатеринослав родители выехали в ожидании родов матери. *16.*

[4] В Вологде отец был назначен главным врачом военного госпиталя. *22.*

[5] 190-я Советская единая трудовая школа имени Л. Д. Лентовской. Ныне — средняя школа № 47 Петроградского района. *24.*

[6] Фабрика эксцентрического актера — творческая мастерская, организованная в 1921 г. в Петрограде режиссерами Г. М. Козинцевым и Л. З. Траубергом. Первоначально — театральная молодежная группа. Занятия мастерством актера сочетались с постановкой спектаклей. Существовала до 1926 г. *27.*

[7] Друскін Я. С. Про риторичні прийоми в музиці Й. С. Баха. Київ: Музична Україна, 1972.

Друскин Я. За реторичните похвати в музиката на Й. С. Бах // Информационен бюлетин «Музикалй хоризонти». София; Бр. 11/1987.

Друскин Я. С. О риторических приемах в музыке И. С. Баха. СПб.: Изд-во «Северный олень», 1995.

В этой книге «...с одной стороны, стремление реконструировать теории XVIII века об использовании в музыкальном искусстве приемов риторики, а с другой — их конкретизация в анализе баховских творений с позиции нынешнего уровня знаний, в частности лингвистики. История смыкается здесь с современностью, и исследование музыкальной речи Баха приобретает новый смысловой аспект» (М. Друскин. Из предисловия к болгарскому изданию книги Я. Друскина). *31.*

[8] Швейцер А. Иоганн Себастьян Бах: Пер. с нем. Я. С. Друскина. М.: Музыка, 1964. *31.*

[9] Гамсун К. Трилогия: Бродяги. Август. А жизнь идет. *34.*

[10] Wohltemperierte Klavier — «Хорошо темперированный клавир» И. С. Баха. *36.*

[11] Гульд Г. (1932—1982) — выдающийся канадский пианист. *36.*

[12] Специальными исследованиями творчества Моцарта автор не занимался, однако сделал несколько замечаний в дневниках. Гайдном, по-видимому, не интересовался. *37.*

[13] Друскин Я. Звезда бессмыслицы // *Сб.* Т. 1. С. 549—642. *39.*

(I) 1928. ДУШЕВНЫЙ ПРАЗДНИК

До 1933 г. автор не вел дневниковых записей. Единственное исключение — «Душевный праздник», которым он сам предварил записи 1933 г. Сохранился листок с начальной рубрикацией «Принадлежностей»:

«0) Душевный праздник

1) 1933 г.»

«Впервые письменно я зафиксировал свое разделение в «Душевном празднике», впервые почувствовал в 1911 г. Это начало моего самосознания, с его началом и мое разделение: оно было и тогда в двух формах... радость тайны и страх смерти».

[1] Ср. Мф. 16, 26. *43.*

[2] «Закон и первоначальное» («Первоначальное и закон», «О первоначальном и законе») — ранняя работа (первая половина 1920-х гг.), уничтожена автором. *43.*

[3] Имеется в виду совместная с Л. Липавским (см. (II), примеч. 9) неосуществленная работа по иерографии, принципы которой изложены автором в «Манифесте иерографов» (записан в той же тетради, что и первый вариант «Душевного праздника»):

«1. Метод иерографии — воспоминание: как люди вспоминают свою жизнь, так иерографы вспоминают жизнь др<угих> людей и предметов.

2. Метод иерографии непосредственен.
Иерографы отрицают понятие границы.

3. Метод иерографии релятивистичен.
Иерографы отрицают преимущество одного понятия или состояния перед другим.

4. Метод иерографии элементарен.
Иерогр<афы> отрицают общепринятые признаки разделения на внутр<еннее> и внешнее, матер<иальное> и идеальное, психич<еское> и физич<еское>, общее и частное и ставят на место их отношения первоначальных элементов, основанные на зак<оне> несоответствия и точке зрения.

Таким образом, иерогр<афы> сводят кажущееся богатство видимого мира к нескольким основным элементам и точкам зрения.

а. Объединяя высокое с низким <,>

б. отрицая субъективные признаки деления <,>

в. обнаруживая в разных явлениях один элемент и тем разбивая лживые измышления о красоте и богатстве чувст<венного> мира самого по себе,

иерогр<афы> тем самым расширяют область сверхч<увственного> мира, которого преимущества перед чувственным несомненны».

Во второй половине 1940-х гг. Я. Друскин возвращается к этой теме и вспоминает (записано на отдельном тетрадном листе): «В середине 20-х гг. Леня <Липавский> предложил мне заниматься тем, что он назвал «иерографией». Подробности я не помню. Возможно, что Леня хотел составить смысловой словарь слов, то есть словарь, в котором слова располагались <бы> не по алфавиту, а по смыслу. Корневой словарь? <...>

У Лени были составлены предварительные таблицы родства слов. Мне кажется, из иерографии и возникла «Теория слов» <Л. Липавского>».

См. также запись 1941 г. на стр. 124. *43.*

[4] Автор писал по ночам, ему оставляли второй ужин на кухне. *43.*

[5] Личная примета. Число 4 автор считал благоприятствующим себе. *43.*

[6] Так у них с братом еще в отрочестве определялось все, касающееся пола, — запретное, «стыдное». (Слово *это* в данном значении выделено курсивом в тексте, см., например, с. 22.) Много позже слово **это** — в другом смысле — стало философским термином автора (в тексте выделено полужирным), см. (II), примеч. 3. *44.*

[7] Шура — Александр Иванович Введенский (1904—1941) — поэт, прозаик, драматург, близкий друг автора, участник содружества «Чинари». Слово «чинарь» придумано им, произведено от слова «чин», понимаемого как духовный (в отличие от душевного) ранг. *44.*

[8] Термин автора, встречающийся в записях 1926(?)*—1927 гг.: «...когда проходит новое и вступает в силу суждение: было и нет, — открывается перед тобою новый мир, который был назван вторым миром, если истинный первый, а являющийся нулевой. Когда видишь мир, то не рассуждаешь, а живешь в нем». *45.*

[9] Менжу Адольф — популярный американский киноактер 1920—1930-х гг. («Парижанка» Ч. Чаплина и др.). *45.*

(II) 1933 — ИЮЛЬ 1934

[1] «...Я нашел некоторую погрешность в порядке событий, имеющих ко мне отношение. Эта погрешность и есть начало философствования, стимул всякого человеческого действия и жизни. Именно эта погрешность, а не тщеславие движет творчеством: желание определить свое место в жизни... не эмпирическое, а трансцендентальное» <1966 г.>. *46.*

[2] См.: Друскин Я. Классификация точек // *Сб.* Т. 1. С. 814—817. *46.*

[3] Философские термины автора. Они многозначны. Одно из основных значений: «Есть **это**** — наша эмпирическая жизнь и **то** — другая жизнь, невидимо, а иногда и видимо присутствующая в **этой**. Два пути: видеть **то** как **это** (психологизм) или увидеть в **этом то** (Провидение)». См.: Друскин Я. Трактат Формула Бытия. — В трех частях. — 1944. — ОР РНБ, ед. хр. 11. См. также (IX), примеч. 6. *46.*

[4] См. вступление к примечаниям (стр. 495). Ср. (IX), примеч. 5. *46.*

[5] См. (VI), примеч. 8. Глава «О деревьях». *46.*

[6] То же. Глава «О некотором волнении и некотором спокойствии». *47.*

[7] Термин Л. Липавского (см. примеч. 9). Я. Друскин поясняет: «...Нет двух одинаковых людей. Каждый человек видит тот же самый мир по-своему, у каждого свое представление о мире — свой мир; я могу назвать этот мир соседним моему миру. Могу ли я полностью понять его, войти в этот мир?» См.: Друскин Я. Чинари // Wiener slawistischer Almanach. 1985. Nr. 15. S. 381—404; Аврора. 1989. № 6. С. 103—115; *Сб.* Т. 1. С. 46—64. *47.*

[8] См.: Друскин Я. Окрестности вещей // *Сб.* Т. 1. С. 827—828. *47.*

[9] Липавский Леонид Савельевич (1903—1941) — философ, близкий друг автора, также закончил гимназию им. Л. Д. Лентовской и учился с ним в университете. Участник содружества «Чинари». *49.*

[10] См. примеч. 8. *50.*

[11] Введенский А. (см. (I), примеч. 7). *50.*

[12] Олейников Николай Макарович (1898—1937) — поэт, друг автора, участник содружества «Чинари». *51.*

---

* Здесь и далее вопросы у дат — авторские.

** Здесь и далее выделено составителем.

[13] Ср.: «в жаркий летний день вы идете по лугу.. <...> Вдруг предчувствие непоправимого несчастья охватывает вас... <...> Древние греки тоже знали это чувство... они звали его паническим ужасом. Это страх полдня» (Липавский Л. С. Исследование ужаса // Wiener slawistischer Almanach. 1991. Nr. 27. S. 233—247); *Сб.* Т. 1. С. 76—92. *51.*

[14] То есть «Христово совершеннолетие», по выражению автора. *53.*

[15] Георг Леонид Владимирович (1890—1927) — учитель русского языка и литературы в гимназии имени Л. Д. Лентовской, оказавший сильное влияние на личность автора, а также Л. Липавского и А. Введенского, окончивших эту же гимназию. *53.*

[16] Этот сон указал автору на невозможность построения полной непротиворечивой философской системы, так как смерть не укладывается ни в одну философскую систему. Явился рубежом, за которым начался зрелый период творчества. Первая крупная работа, написанная после этого сна, — «Разговоры вестников». *53.*

[17] «...Пришел Георг, показал мне смерть, и я подумал: что мне до того, что за смертью, это не имеет ко мне отношения. <...> Я хотел думать, что все благополучно и есть бессмертие». *53.*

[18] Заболоцкий Николай Алексеевич (1903—1958) — поэт, переводчик. «Заболоцкий познакомился с содружеством «Чинари» приблизительно в то же время, когда туда вступили Хармс и Олейников. Сначала он был ближе всех с Введенским, однако в 1930 году полностью порвал с ним отношения. С Хармсом встречи продолжаются еще года четыре. С Липавским и Олейниковым отношения сохраняются до конца. После 1930 года у Заболоцкого появляется склонность отделиться от чинарей. <...> В 1930—1934 годах Заболоцкий бывает у меня редко: при общих встречах, если нет Введенского, или вместе с Липавским. Последний раз Н. Заболоцкий был у меня в 1933 или в 1934 году. Тогда он читал «Птицы» (первую редакцию), которые мне не понравились. Липавский сказал о Заболоцком (в «Разговорах»), что он велик, когда смотрит на мир, как человек, впервые приоткрывший глаза. Когда же он делает вид, что открывает их, а это стало после «Столбцов», он жалок. Помимо того, глупо и неприятно в его творчестве до 1933 года постоянные поучения. А потом наступил традиционный трафарет, что нам было абсолютно чуждо: все равно, был ли этот трафарет религиозным или антирелигиозным» (один из вариантов воспоминаний Я. Друскина о чинарях). См. также: Липавский Л. Разговоры // Логос. 1993. № 4. С. 7—69; *Сб.* Т. 1. С. 174—254. *53.*

[19] Пушкин А. С. Похоронная песня Иакинфа Маглановича // Песни западных славян. *53.*

[20] См. (VI), примеч. 8. Главы «О деревьях», «Вестники и их разговоры». *54.*

(III) АВГУСТ 1934 — АВГУСТ 1935. СМЕРТЬ

[1] Отец автора — Семен Львович Друскин. Родился 28 августа 1869 г. Скончался 17 августа 1934 г. на даче в Царском Селе. *55.*

[2] Лидия Семеновна Друскина — сестра автора. *56.*

[3] Город Пушкин (ст. Детское Село) — так именовалось многие годы Царское Село под Санкт-Петербургом. *57.*

[4] То же. *57.*

[5] Тютчев Ф. И. Близнецы. *58.*

[6] Андреев Л. Н. Елеазар. *60.*

[7] Имеется в виду математический факультет университета, который автор окончил экстерном в 1938 г. (Ранее, в 1923 г., окончил философское отделение факультета общественных наук.) *61.*

[8] Ср.: Введенский А. Четыре описания // ПСП. Т. 1. С. 164—172; *Сб.* Т. 1. С. 459—468. Друскина и Введенского интересовали темы смерти и «засмертной жизни» (термин Друскина). Запись в дневнике — отголосок их рассуждений на эти темы. *62.*

[9] То есть катастрофа — смерть отца. *63.*

[10] Автор вводит понятие «душа удовольствия». См. записи ниже, стр. 64, 65. *64.*

[11] См. (VI), примеч. 8. Глава «Вестники и их разговоры». *64.*

(IV) 1936—1937. О БАНКРОТСТВЕ

Состоит из двух частей, обозначенных в рукописи III_1 и III_2. Первая часть записана автором отдельно — в «Коричневой тетради» (философские заметки), названной так по цвету обложки. «Банкротство — главная религиозная категория. Может, всякое большое дело в нашем мире есть крушение и банкротство» (дневник, вторая половина 1960-х гг.).

[1] Философский термин автора, применявшийся им к широкому спектру вопросов. Из них главный — вочеловечение Христа в образе раба ради спасения людей: Человек Христос — небольшая погрешность в Божественном равновесии. *67.*

[2] См. (II), примеч. 7. *67.*

[3] См. (II), примеч. 3. *67.*

[4] См. (II), примеч. 16. *67.*

[5] Друскин Я. Непосредственное и его основание. — 1926? 1927? *68.*

[6] См.: Друскин Я. Щель и грань // *Сб.* Т. 1. С. 680—689. *69.*

[7] См. (II), примеч. 15—17. *69.*

[8] То есть тавтология. *69.*

[9] См. (VI), примеч. 8. Глава «Признаки». *69.*

[10] См.: Друскин Я. Признаки вечности // *Сб.* Т. 1. С. 820—822. *70.*

[11] См.: Друскин Я. Рассуждения преимущественно в низком стиле. — 1952 г. — В двух частях. — ОР РНБ, ед. хр. 11. — Часть I. Рассуждение о трех стилях. Часть II. О некотором сомнении и воздержании от суждения. Глава «О сомнении». *73.*

[12] См. (VI), примеч. 8. Глава «Характеры преобразований». *73.*

[13] Теория среднего принципа — философское правило, согласно которому рассуждение надо начинать со среднего принципа, связывающего частный принцип с общим. *74.*

[14] См. (VI), примеч. 8. Главы «Совершенный трактат об этом и том», «Исследование об этом и том». *74.*

[15] Хармс Даниил Иванович (1905—1942) — поэт, прозаик, драматург, близкий друг автора, участник содружества «Чинари». «С этой ночи <с 20-го на 21-е августа> наша дружба возросла скачком». *75.*

[16] Тамара Александровна Липавская (1903—1982) — до 1931 г. жена А. Введенского, затем — жена Л. Липавского. Преподаватель английского языка. 20 августа — день ее рождения. *75.*

[17] См. (II), примеч. 8. *75.*

[18] См. примеч. 13. *77.*

[19] Этот принцип автор применил впоследствии при написании трактата «Исследование о критерии». *77.*

[20] См.: Друскин Я. О голом человеке // *Сб.* Т. 1. С. 824. — Эссе в форме письма Хармсу. *77.*

[21] См.: Друскин Я. О желании // *Сб.* Т. 1. С. 822—823. — Эссе в форме письма Липавскому. *78.*

[22] См.: Друскин Я. Как меня покинули вестники // *Сб.* Т. 1. С. 811. — Эссе в форме письма Хармсу. Хармс ответил рассказом: О том, как меня посетили вестники // *Сб.* Т. 2. С. 402—403. *82.*

[23] У постели умирающего отца. *82.*

[24] См.: Друскин Я. Разговор о времени // *Сб.* Т. 1. С. 750—751. *82.*

(V) 1939 — ИЮЛЬ 1940

[1] См.: Друскин Я. О конце света // Незамеченная земля: Альманах. М.—СПб.: Ассоциация «Новая литература», 1991. № 81. С. 81—83; Вечерний Петербург. 30 апреля, 1992. *86.*

[2] Гоголь Н. В. Мертвые души. Том I. Гл. III. *88.*

[3] Здесь: главный тон звукоряда, дающий название тональности, ее функциональный центр. *88.*

[4] Ми-мажор (*муз.*). *88.*

[5] См. вступит. ст., примеч. 10. Том I. *88.*

[6] См. выше — «О счастливой жизни» — запись разговоров с Л. Липавским о счастье. *88.*

[7] Выразительность, подчеркнутость (*греч.*). Риторическая фигура, сообщающая непрямой, иносказательный смысл активному центру музыкального произведения. Достигается путем акцента на относительно слабой доле такта или даже на паузе (в отличие от акцента на сильной доле такта — логического акцента, звучащего вполне определенно). *89.*

[8] Ср.: «...закажите ему теперь же сосновый гроб, потому что дубовый будет для него дорог» (Гоголь Н. В. Шинель). *89.*

[9] Савич О. Г. Воображаемый собеседник. *89.*

[10] «Распят» (*лат.*) — хор из мессы h=moll («Высокой») И. С. Баха. *90.*

(VI) АВГУСТ 1940 — СЕНТЯБРЬ 1941

[1] Финское название дачного поселка Комарово под Санкт-Петербургом. *91.*

[2] См.: Друскин Я. Примеры. — Первая редакция — 1937 г., вторая — 1940 г. — В 15 главах. Глава «Рассуждать — не рассуждать» посвящена Хармсу (название придумано им же). Глава «О состояниях жизни» посвящена Т. А. Липавской (см. (IV), примеч. 16).

Опубликованы три главы. См.: *Сб.* Т. 1. С. 844—853. *91.*

[3] Надежда Александровна Друскина (1903—1962) — жена брата, М. С. Друскина, переводчик с английского. Автор жил на даче у брата и его жены. *92.*

[4] Клички, данные братьями двум породистым собакам, которых они встретили в лесу, накормили взятыми с собой бутербродами, привели домой и держали на даче, пока не нашлись хозяева. *92.*

[5] См. (II), примеч. 19. *92.*

[6] Шура, то есть А. Введенский. *92.*

[7] Дачный поселок под Санкт-Петербургом. *93.*

[8] Друскин Я. Разговоры вестников // *Сб.* Т. 1. С. 758—811.

Вестник (ἄγγελος) — буквальный перевод с греческого. Как термин введен Л. Липавским. Неоднократно использован в работах Я. Друскина. *93.*

[9] См. примеч. 2. Глава «О состояниях жизни». *93.*

[10] То есть до сна, в котором покойный Георг указал автору на смерть. См. (II), примеч. 16, 17. *93.*

[11] В детстве летом на даче автор с братом ловили тритонов, держали в банках и наблюдали за ними. *95.*

[12] См. (II), примеч. 13. *96.*

[13] «Второе рождение» автор относит к 1928 году, когда уверовал в Благую весть. *96.*

[14] Друскин Я. Видение невидения // Зазеркалье: Альманах. СПб., 1995. Вып. II. *97.*

[15] Снилась полифоническая музыка. *97.*

[16] Позднее автор применяет равнозначное «мгновению» понятие с е й ч а с. Он пишет: «Я — сейчас моей души... С е й ч а с — не момент времени, но соприкосновение с самим собою». Чтобы понять эту фразу, надо обратиться к открытому автором (1956 г.) принципу *одностороннего синтетического тожества* — применительно к подобным и одновременно различным понятиям, как-то **я** и **я сам**: **я** есть я, тожественный себе самому, но **я сам** не тожествен себе. В жизни человек с рождения **сам**. Лишь в особых (вневременных) состояниях он может оставить себя самого. Это состояние — святость. Человек, достигший такого состояния, уже все совершил в этой жизни, то есть умер. *97.*

[17] Автор полагал, что отношения между людьми не должны строиться на чувстве долга. Тот, на кого оно распространяется, рано или поздно почувствует ущербность этих отношений, так как в них отсутствует любовь. *98.*

[18] Ср. текст фрагмента с черновой записью:

«Смерть придает значение каждому событию. Это создает оттенок и стиль жизни. Но если бы теперь вдруг смерти не стало, при прочих неизменившихся условиях, то жизнь стала бы пустой и бессмысленной.

Единственность, неповторяемость и невозвратимость». *100.*

[19] Дмитрий Дмитриевич Михайлов (1892?—1941) — преподаватель немецкого языка в университете. Принимал участие в беседах чинарей. *101.*

[20] Башилов Александр Алексеевич (?—?) — знакомый Хармса, бывал у автора, который хорошо к нему относился и считал его «нищим духом» — в евангельском смысле этих слов. *102.*

[21] Дзержинский И. И. (1909—1978) — композитор. *102.*

[22] Желобинский В. В. (1913—1946) — композитор. *102.*

[23] Согласно автору два главных события жизни — смерть и мгновение. Мгновение (как термин Я. Друскина) имеет начало — «разрыв непрерывности времени» — и последующее постепенное «истощение». Поэтому при графическом изображении этих событий автор в мгновении четко обозначает начало, в смерти — конец. Если же последний миг перед смертью уподобляется мгновению (согласно Друскину «конец мгновения утерян»), то отсюда автор делает вывод о возможности бессмертия.

Далее проводится параллель между религиозными воззрениями и музыкой Баха.

В то время автор принимал участие в баховском кружке, организованном на Органной кафедре консерватории ее заведующим — профессором Исаией Александровичем Браудо (1896—1970), известным органистом, пианистом, баховедом, — и написал работу «О риторических приемах в музыке И. С. Баха», которая в начале 1970-х гг. была значительно расширена, дополнена и издана. См. вступит. ст., примеч. 7.

Буквами в дневнике обозначены ораторские разделы:

E — Exordium — начало, вступление (*лат.*);

N — Narratio — рассказ, сообщение (*лат.*);

P — Propositio — главное положение (*лат.*);

𝒫 — Peroratio — заключение (*лат.*);

K — Confutatio — опровержение (возможных возражений) (*лат.*).

Раздел confutatio является наиболее важным в музыке Баха, в то же время традиционный перевод этого слова имеет смысл только применительно к речи. Автор дает иной перевод слова confutatio, производя его от глагола confuto, первое значение которого — «сдерживать, останавливать, унимать». Отсюда автор заключает, что confutatio означает сдерживание, останавливание движения и времени. «Метафорический образ его <confutatio> — покой и блаженство, душевный Рай. Ощущение покоя предшествует завершению пьесы (peroratio), а путь к такому полному выдоху пролегает через последовательное наращивание напряжения. Обнаружение confutatio в произведениях Баха — открытие Я. Друскина» (Друскин М. Из предисловия к болгарскому изданию книги Я. Друскина). *103.*

[24] Под тяжелыми усилиями автор понимал службу ради заработка (для него, например, преподавание), отвлекавшую от основного дела. *106.*

[25] Вялость, недостаток энергии, малодушие (лат. ignavia). Автор применяет это слово не в прямом его значении, а как термин, который он ввел в 1945 году — для обозначения особого состояния, когда «не пишется». Это состояние он охарактеризовал как тоску по силе духа. (См. также стр. 257.) Подобные состояния бывали и у Хармса. Автор писал, что типичным примером игнавии является стихотворение Хармса «Я долго смотрел на зеленые деревья». *106.*

[26] Май 1911 г. — первое прикасание к тайне жизни. Осознание ее пришло значительно позже. «Первое чудо: у меня внезапно открылись глаза, я увидел тайну, *непомещающуюся* в моей душе... Я почувствовал, что что-то изменилось, вернее все стало другим, но что случилось, не понимал... это я теперь понимаю — меня призвал Бог». *106.*

[27] То есть в год «второго рождения». См. примеч. 13. *106.*

[28] Увлечение музыкой Баха. Работа в баховском кружке. См. также примеч. 23. *106.*

[29] Закончена вторая редакция «Примеров». *106.*

[30] То есть состояние, в котором автор писал «Щель и грань» (конец 1920-х гг.). *106.*

[31] Слово ignavia как термин (см. примеч. 25) автор впервые ввел в 1945 г. Разговоры же об этом состоянии они вели с Хармсом начиная с 1936 г. *106.*

[32] «Общий вывод, следующий из теоремы Гёделя, — вывод, имеющий громадный философский смысл, — может быть сформулирован так: *мышление человека богаче его дедуктивной формы*» (Налимов В. В. Вероятностная модель языка. М., 1974. С. 92). *107.*

[33] Ср. Отк. 3, 15. *108.*

[34] Мф. 7, 29. *108.*

[35] Мф. 11, 12. *108.*

[36] См. (IV), примеч. 11. *108.*

[37] Ср.: молитва Христа в Гефсимании. *108.*
[38] Мф. 24, 16. *109.*
[39] Лк. 21, 26. *109.*
[40] Ср. Мк. 13, 7. *109.*
[41] Лк. 17, 36. *109.*
[42] Здесь над строкой вписано: «Оказалось не так. 1977, IX». *109.*
[43] В 1977 г. здесь над строкой вписано: «Сейчас могу». *109.*
[44] Друскин Я. Логический трактат о непосредственном умозаключении. — 1941—1952 гг. — В пяти частях. Часть I. О высказывании. Часть II. О простом умозаключении или суждении второго порядка. О переводе одной системы логических форм в другую. О сведении наложения к силлогизмам. Часть III. О логическом наложении и продолжении. Часть IV. О классах непосредственных умозаключений без изменения количества. Часть V. О классах непосредственных умозаключений с изменением количества. — ОР РНБ, ед. хр. 13. *109.*
[45] В 1977 г. здесь над строкой вписано: «А не в 1959 или 1960?» *110.*
[46] Осенью 1941 г. Л. Липавский был призван на фронт. *113.*
[47] Мф. 6, 34 (*церк.-слав.*). *113.*
[48] Лк. 16, 15. *113.*
[49] Я. Друскин жил на Невском проспекте в доме № 150. *114.*
[50] Марина Владимировна Малич (1909?) — жена Хармса. *114.*
[51] Хармс и его жена опасались прихода фининспектора, который из-за невыполнения литдоговора с Детгизом мог описать мебель, находящуюся в комнате Хармса (но не за ее пределами). *114.*
[52] Лк. 9, 62. *115.*

(VII) СЕНТЯБРЬ 1941 — ИЮНЬ 1942. ЛЕНИНГРАД

[1] В 1934 г., после смерти отца. *116.*
[2] Номерами в квадратных скобках автор обозначает особые состояния своей души. Здесь [№ 1] — рождение души. (В записной книжке номера были заключены в рамки. При переписывании автор заменил рамки квадратными скобками.) *117.*
[3] Составитель не помнит, о каких столкновениях с близкими, то есть с матерью, братом и сестрой, пишет автор, но предполагает, что это было связано с «ночными бдениями»: писал он только по ночам, подрывая и без того слабое здоровье, что не могло не тревожить родных. Восприятие же этих «столкновений» усугублялось напряженным состоянием его самого и близких. *117.*
[4] Мф. 5, 11—12. *118.*
[5] Лк. 15, 7. *118.*
[6] Как выяснилось позже, Л. Липавский погиб на фронте осенью 1941 г. *119.*
[7] Михаил Друскин — брат автора. *119.*
[8] Джемс У. Многообразие религиозного опыта. М., 1910. *119.*
[9] ε и ι — этими буквами здесь и далее обозначаются соответственно экстенсивное и интенсивное состояние. «Все душевные состояния человека можно разделить на две категории, которые я назову интенсивными и экстенсивными. Это разделение относится и к характерам разных людей, и к их творчеству: к художественным, философским и научным произведениям... Замечая что-либо в себе или вне себя, я невольно стремлюсь или соединить найденное многообразие, или разделить то, что увидел или почувствовал как единое целое, то есть я явно или неявно склонен соединять разделенное или разделять соединенное». Первое автор называет интенсивным состоянием или взглядом, второе — экстенсивным. *120.*
[10] Манихейство — христологическая ересь, основанная на двух началах: добра и зла или света и тьмы. *120.*
[11] Т. е. встреч с друзьями: Введенским, Липавским, Олейниковым и Хармсом. *121.*
[12] День кончины матери — Друскиной Елены Савельевны (1872—1963). *122.*
[13] Хлебников В. Собрание сочинений. Л., 1930. Т. 4. С. 119. *123.*
[14] Именем Федона (ученика Сократа) назван диалог Платона о бессмертии души. *124.*
[15] Липавский Л. Теория слов // *Сб.* Т. 1. С. 254—320. *124.*
[16] Введенский А. Мне жалко, что я не зверь... // ПСП. Т. 1. С. 183—185; *Сб.* Т. 1. С. 479—482.
Я. Друскин называл это стихотворение «Ковер Гортензия». *124.*
[17] См. примеч. 13. Т. 2. С. 103. *125.*
[18] Анализируется стихотворение В. Хлебникова «В этот день голубых медведей...» См. примеч. 13. Т. 3. С. 29. *125.*
[19] То есть после смерти отца. *126.*
[20] Вера вернулась — вследствие глубоких потрясений, вызванных войной и гибелью друзей. *126.*
[21] Ниже автор рассуждает о степенях веры и неверия. *126.*
[22] См. (VI), примеч. 26. *126.*
[23] Лк. 9, 62. *127.*
[24] То есть логики, основанной на вере. *130.*
[25] Друскин Я. Теория нормальной законности философской системы. — 1942 г., январь—февраль. *131.*
[26] Имеются в виду части «Логического трактата...» См. (VI), примеч. 44. *132.*
[27] То же. *132.*
[28] То же. *132.*
[29] В начале сентября 1941 г. попала бомба в здание наискосок от дома, где жил автор (Невский, 150), в квартире вылетели оконные стекла, жить в ней стало невозможно и автор с матерью и сестрой перебрались в коммунальную квартиру на Гатчинской ул., 5, в двух комнатах которой проживал брат, М. С. Друскин, с женой. Последние же (представилась возможность) переехали в гостиницу «Астория». *132.*
[30] Д. И. Хармс умер в тюремной больнице 2 февраля 1942 года. *132.*
[31] См. (VI), примеч. 19. *133.*
[32] Батюшков К. Н. Ты знаешь, что изрек... (Мельхиседек). *133.*
[33] С наступлением холодов автор с матерью и сестрой ютились в одной комнате, так как вторую нечем было отапливать. *133.*
[34] Одна-две ложечки муки, из которой варился кисель, вернее клей. *133.*
[35] Друскин Я. Тайнопись, дважды сокрытая. — 1942 г., январь — февраль. *133.*
[36] В гостинице «Астория» был открыт стационар для дистрофиков, и с помощью М. С. Друскина удалось поместить туда брата. Это спасло ему жизнь. *133.*
[37] Снисхождение Бога к людям (*греч.*), то есть вочеловечение Бога. *134.*
[38] То есть брата отца — Лазаря Львовича Друскина. *134.*
[39] Татьяна Николаевна Глебова (1900—1985) — художница, ученица П. Н. Филонова. *134.*
[40] Людмила Николаевна Глебова (1918—1990) — сестра Т. Н. Глебовой. *135.*
[41] Всеволод Николаевич Петров (1912—1978) — искусствовед, знакомый чинарей. *135.*

[42] Верховская Ольга Николаевна — родственница М. В. Малич, жены Хармса. *135.*

[43] Софья Николаевна Иванова — сослуживица автора, близкая ему по религиозным убеждениям. *135.*

[44] Автор во второй раз после ареста Хармса приходит в его дом. В первый раз он был там в октябре 1941 г. Тогда М. В. Малич передала ему архив своего мужа. В этот же раз Друскин знал, что Малич в феврале эвакуировалась на Кавказ и в квартире никто не живет, так что попасть в нее нельзя. Это было прощание с Хармсом, с домом, где прошло столько дружеских встреч, и с невозвратно ушедшими годами их (чинарей) молодости. *135.*

[45] В село Чаша Челябинской области, где проживал (был сослан) родственник мужа сестры, Л. С. Друскиной. *136.*

[46] Соученик по гимназии. *136.*

[47] Железнодорожная станция на пути между Свердловском и Курганом. *137.*

(VIII) ИЮЛЬ 1942 — ОКТЯБРЬ 1943. ЧАША

[1] См. (VII), примеч. 45. *138.*

[2] Теплушки с эвакуированными из Ленинграда останавливались не на вокзалах, а в железнодорожных депо, чтобы предотвратить распространение инфекции: ехали грязные, больные, завшивевшие люди. *138.*

[3] То есть 15 июля 1942 г. *139.*

[4] Ироническое замечание. Интереса к путешествиям автор никогда не проявлял. С 1912 до 1942 года не выезжал за пределы Ленинградской области (как, впрочем, и после войны). Он писал: «В чахлом деревце за окном моей комнаты я вижу больше, чем если бы я объехал Крым, Кавказ и другие страны». *139.*

[5] Михаил Семенович и Надежда Александровна Друскины эвакуировались в феврале 1942 г. с Театральным институтом, где он заведовал кафедрой, на Кавказ, откуда вместе с институтом вынуждены были бежать, спасаясь от подступавших немецких войск. Поэтому связь с ними прервалась. *140.*

[6] Математик Г. Мюнц с женой, спасаясь от фашистов, бежали из Германии в Ленинград, где он стал работать в должности профессора на кафедре математики университета. В начале войны они были высланы за пределы страны. *140.*

[7] В стихотворении Ф. И. Тютчева «Цицерон»: «Я поздно встал — и *на* дороге // Застигнут ночью Рима был!» *140.*

[8] Осенью автор с семьей переехал в маленькую старую избу, единственным преимуществом которой было то, что жили одни, без хозяев. *141.*

[9] Пушкин А. С. Воспоминание (Когда для смертного умолкнет шумный день...). *141.*

[10] Студентка консерватории. *142.*

[11] Известная швейцарская фирма. *143.*

[12] См. выше запись 23 ноября 1942 г. *144.*

[13] Автор работал ассистентом кафедры математики в эвакуированном из Ленинграда Технологическом институте молочной промышленности. *145.*

[14] С осени 1941 г. автор не расставался с рукописями Хармса, Введенского, Олейникова, а также и со своими. *146.*

[15] То есть зимой 1941—1942 гг. в блокадном Ленинграде. *147.*

[16] Друскин Я. Политический трактат. — 1942 г., январь. *147.*

[17] С территории ясель, где автор работал сторожем. *148.*

[18] См.: Друскин Я. Сон и явь // Избранное: В 2 т. Париж: YMCA-Press, 1999. Т. 1. В печати.

В главе «Сон»: «...или оттенком оттенка цвета тучи». *149.*

[19] Ср. Мф. 5, 46—47; Лк. 6, 32. *153.*

[20] Ин. 3, 17. *154.*

[21] Так называется краткая молитва из «Добротолюбия». См.: Искатель непрестанной молитвы // Сб. изречений из книг Священного писания и сочинений богомудрых подвижников благочестия о непрестанной молитве. М., 1904. С. 37. *155.*

[22] «...Во славу Божию упорядоченную церковную музыку» — слова И. С. Баха из послания магистрату города Мюльхаузена, 1708 год. См.: Друскин М. С. Иоганн Себастьян Бах. М., 1982. С. 30. *155.*

[23] «Баньщик» — так. См.: Введенский А. Некоторое количество разговоров (или начисто переделанный темник) // ПСП. Т. 1. С. 206—212; *Сб.* Т. 1. С. 494—511. *156.*

[24] См. (VII), примеч. 16. *156.*

[25] Местный техникум молочной промышленности, в здании которого размещался эвакуированный институт, где работал автор. *157.*

[26] Михаил Семенович Друскин, узнав адрес родных, сразу же приехал из Свердловска, где он с женой очутился после бегства с Кавказа, и привез много вещей для обмена на продукты. Впервые после командировки в Германию (1930—1932) он так долго не видел близких и даже ничего не знал об их судьбе. Автор беспокоился, как брат доехал из Чаши в Свердловск. *161.*

[27] Письмо из Чаши брату и его жене в Свердловск. *162.*

[28] В послевоенные годы автор придумал геометрический способ доказательства теорем и ознакомил с ним С. Е. Ляпина, заведующего кафедрой математики в Педагогическом институте имени А. И. Герцена. Тот предложил провести серию показательных уроков в подшефной школе, но автор не захотел тратить время на это и отказался. Работа, к сожалению, пропала. *162.*

[29] Начало, или вступление (*лат.*), — музыкально-риторическая фигура. Далее — также термины музыкальной риторики. См. (VI), примеч. 23. *164.*

[30] Хомяков А. С. В тени садов и стен Ески-Сарая... *165.*

[31] Хомяков А. С. Жаворонок, орел и поэт (Когда проснувшийся светлеет...). *166.*

[32] Автограф рассуждения «Чем я противен» (1936 или 1937 г.) не вернул Михаил Войцеховский (см. (XVI), примеч. 17), несмотря на неоднократные требования автора. Рукопись не была перепечатана. *167.*

[33] Приводимый текст опубликован. См.: Вечерний Петербург, 1992. 20 апреля. *168.*

[34] Дежурство на крыше. Воспоминание о блокадной жизни в Ленинграде. *169.*

[35] В стихотворении А. С. Пушкина «Сон (Отрывок)»: «...прелестный сон, усталости награда...» *170.*

[36] Во время приезда М. С. Друскина в Чашу. *170.*

[37] См. (II), примеч. 7. *171.*

[38] В рукописи — «иррациональная». Впоследствии слово «иррациональный» автор заменит на «арациональный», подразумевая под иррациональным только демоническое начало. *173.*

[39] Нина Ивановна Гагенторн — этнограф, эвакуированная из Ленинграда. *174.*

[40] Намек на свое увлечение марксизмом, продолжавшееся около трех лет. *176.*

[41] См. примеч. 10. *178.*

[42] В 1942 г. в блокадном Ленинграде. *180.*

[43] То есть чинарей. *186.*

[44] В гимназии имени Л. Д. Лентовской. *186.*

[45] Соученица, невеста Л. Липавского. *186.*

[46] Имеющая отношение к автору. *186.*

[47] На квартиру поэта Е. Вигилянского, где состоялась первая встреча автора с Д. И. Хармсом. *187.*

[48] Здесь говорится о том, чего не понимают многие исследователи творчества Хармса: не экстравагантные черты в одежде и разговорах в общественных местах с неблизкими людьми, с которыми он не мог быть откровенным, и не воспоминания о нем этих же людей (имею в виду конечно не все воспоминания о Хармсе) определяют его личность, но общение с друзьями, их творческое взаимовлияние, которое можно оценить лишь при сравнительном анализе произведений чинарей. До сих пор сохраняется неправильное представление о Хармсе и его творчестве, основанное на двухлетнем участии Хармса в ОБЭРИУ (Объединении реального искусства) — экзотерическом сообществе поэтов, объединившихся для осуществления только *внешних* целей: публичных выступлений, постановки спектаклей, совместных публикаций. Разгон ОБЭРИУ как общественной организации привел к прекращению творческих связей между его членами. См. также *Сб. 187.*

[49] Сестра, Л. С. Друскина, уехала на работу в Свердловск, предполагая оформить вызов Якова Семеновича и матери. *187.*

[50] Блок А. А. Сижу за ширмой... *188.*

[51] Автор получил вызов на работу в Уральский индустриальный институт (г. Свердловск) — библиографом в научной библиотеке. *188.*

[52] В главе «Вестники и их разговоры» сочинения «Разговоры вестников» рубрикация, намеченная автором в дневнике, отсутствует. *189.*

[53] Друскин Я. Небо и но. — Первая редакция — до 1932 г. *189.*

[54] Друскин Я. О единице. Третье исследование о непосредственном и его основании. — Первая редакция — до 1932 г., вторая — 1953 г. *189.*

[55] См.: Липавский Л. О телесном сочетании // *Сб.* Т. 1. С. 132—161. *190.*

(IX) ОКТЯБРЬ 1943 — СЕНТЯБРЬ 1944. СВЕРДЛОВСК

[1] Виктория Александровна Каменская — дочь Валентины Ефимовны Гольдиной (см. (XII), примеч. 10). *191.*

[2] См. (VI), примеч. 23. *191.*

[3] Миша (М. С. Друскин), Надя (Н. А. Друскина), Лида (Л. С. Друскина), Тамара (Т. А. Липавская). *191.*

[4] В Свердловске автор получил только койку в общежитии Индустриального института, а сестра с матерью и мужем — комнату в коммунальной квартире. *191.*

[5] Автор делит все виды искусства на две основные группы: искусство **о чем-либо** и искусство **что-либо**.

«**Что-либо** и **о чем-либо**, или высокий и низкий стиль. Высокий стиль — тожество исследования предмету... <...> В высоком стиле то, что написано, не может быть написано иначе. <...> *Сказанное и есть то,* ***что*** *сказано.* В высоком стиле есть ви́дение. В низком стиле одно и то же может быть различно изложено, мысль завершенная, то есть объективированная. Сказано **о чем-либо**, а не **что-либо**. **Что-либо** ушло от названия и от исследователя».

Некоторые, по мнению автора, примеры противоположения двух видов искусства: Чайковский — Бах, Бальзак — Гоголь (или Достоевский, или Кафка), Репин — Рембрандт. *195.*

[6] Так автор назвал три трактата, написанные в Свердловске. При дальнейшей работе над ними (в Ленинграде) последовательно изменял название: «Трактат Формула Мира» и окончательно — «Трактат Формула Бытия». *195.*

[7] В молодости автор пробовал нюхать эфир. *195.*

[8] См.: Друскин Я. Трактат Формула Бытия. *199.*

[9] То же. *199.*

[10] Утверждение автора о тожестве предположения <о предмете> и предмета равносильно его определению «предположение-действительность». См. ниже запись 10 февраля 1944 г. *199.*

[11] *Одно два* — философский термин автора. «Я живу — с е й ч а с имею что-либо и как только имею — **знаю**, что имею. **Имею** значит имею и знаю. Тогда **имею**, которое есть имею и знаю, не одно и не два, а *одно два*» («Трактат Формула Бытия»). *199.*

[12] См. (IV), примеч. 13. *200.*

[13] Пушкин А. С. Пир во время чумы. *200.*

[14] Иванов Вяч. И. Символика эстетических начал // Лик и личины России. М.: Искусство, 1995. С. 62. *201.*

[15] Фет А. А. Измучен жизнью, коварством надежды... *201.*

[16] То есть искусство о **чем-либо**. См. примеч. 5. *201.*

[17] Пушкин А. С. Как с древа сорвался предатель ученик... (Подражание итальянскому). *201.*

[18] То есть искусство **что-либо**. См. примеч. 5. *201.*

[19] Блок А. А. Как часто плачем — вы и я... (Голос из хора). *201.*

[20] См. (VI), примеч. 26. *204.*

[21] Неясно, о чем идет речь, так как понятие «это» у автора многозначно. См., например, (I), примеч. 6 и (II), примеч. 3, но, скорее, автор имеет в виду нечто другое. *205.*

[22] См. записи выше (стр. 64, 65). *205.*

[23] Терентьев И. Г. (1892—1937) — поэт, теоретик футуризма, художник, театральный режиссер. *206.*

[24] *Вот это вот*, или общеиндивидуальное, — философский термин автора. «Общее понятие, а всякое понятие — общее, имеет смысл, если оно применяется к чему-либо единичному. Я назвал это условием отдельного существования. Оно определяет не только ядро, но и поле его значения». *207.*

[25] Термином «свидетельские показания» часто пользовались чинари, оценивая литературное произведение вне зависимости от жанровой принадлежности: свидетельскими показаниями, по их мнению, могут быть мемуары, дневники, но могут быть и романы, повести, поэмы, стихи — проза и поэзия. Причем термин этот никак не связан с художественной оценкой произведения. Смысл — отражение в литературе конкретных жизненных реалий. Я. Друскин, например, относил к свидетельским показаниям «Реквием» А. Ахматовой и «Дневник Анны Франк». См. также высказывания А. Введенского о свидетельских показаниях, записанные в «Разговорах» Л. Липавского (Логос. 1993. № 4. С. 60). В данном случае речь идет о конкретных реалиях жизни автора. *207.*

[26] См. (VIII), примеч. 17. *207.*

[27] См.: Введенский А. Серая тетрадь // ПСП. Т. 2. Приложение. С. 81—84. *208.*

[28] Я и мой коэффициент — возможно, душа и тело? *208.*

[29] Рассуждения, приведенные ниже, связаны с работой над «Логическим трактатом». *209.*

(X) СЕНТЯБРЬ 1944 — МАРТ 1945. ЛЕНИНГРАД

[1] Смоленское кладбище в Санкт-Петербурге, где похоронен отец. *211.*

[2] Иоганн Моисеевич Бронштейн, муж сестры. *211.*

[3] См. (VIII), примеч. 21. *214.*

[4] См. (IX), примеч. 11. *216.*

[5] Следующая страница из записной книжки вырвана, поэтому фраза не закончена. *216.*

[6] См. (IX), примеч. 6. *220.*

[7] См. (I), примеч. 5. *221.*

[8] Это понятие автор ввел в сочинении «Трактат Формула Бытия». *221.*

[9] Ср.: «...самый Далекий и самый Близкий...» (Августин Аврелий. Исповедь. М., 1991. С. 55). *221.*

[10] Чехов А. П. Душечка. *225.*

[11] Знакомая матери. *226.*

[12] Автор надеялся, что Л. Липавский вернется с фронта, хотя пришло извещение «...пропал без вести...». См. (VII), примеч. 6. *226.*

[13] Друскин Я. Симфония, или О состояниях души и пространствах мысли. — 1941 г., октябрь—декабрь. — В двух частях. Часть I. О состояниях души. Часть II. О пространствах мысли. — ОР РНБ, ед. хр. 7. *228.*

[14] Друскин Я. Основы трансцендентального учения о практических постулатах чистого разума. — Первая редакция — конец 1920-х гг., вторая редакция и комментарий — 1944 г. *228.*

[15] Друскин Я. Формула уныния. — 1945—1960 гг. — Так автор назвал все последующие тетради дневника — от первой до восьмой и пронумеровал: ФУ 1, ФУ 2 и т. д., оставив общее название («Перед принадлежностями чего-либо») неизменным. *228.*

[16] Заметки по истории философии. *228.*

1945—1960. ФОРМУЛА УНЫНИЯ (ФУ)

(XI) ФЕВРАЛЬ 1945 — ЯНВАРЬ 1946. ФУ 1

[1] См. запись 20 февраля 1945 г. *234.*

[2] См. также запись выше (стр. 65). *234.*

[3] Лк. 12, 19. *234.*

[4] Ср. Лк. 16, 15. *235.*

[5] Ср. Ин. 1, 1. *235.*

[6] См.: Друскин Я. Трактат Формула Бытия. См. также (IX), примеч. 6. *236.*

[7] См. (IV), примеч. 13. Автор поясняет теорию среднего принципа в философии на примере трех стихов из первой главы Евангелия от Иоанна. *236.*

[8] Отраженное абсолютное — мысли об абсолютном. См. «Трактат Формулы Бытия». *236.*

[9] См. (IX), примеч. 11. *237.*

[10] Друскин Я. Мир перед Богом // *Сб.* Т. 1. С. 740—750.

Приписка 1960-х гг.: «Однажды я стоял летом у открытого окна. И я увидел то, что здесь написано в самом начале. А все, что написано дальше, как бы заключено в этом начале — в том, что я увидел. Поэтому исследование «Мир перед Богом» — исследование о начале...». *237.*

[11] Ср. Ин. 3, 15. *237.*

[12] «С е й ч а с», или мгновение, автор понимает не как момент времени, но как соприкосновение с самим собой, то есть внутреннее соприкосновение, или интенсивное. См. также (VII), примеч. 9. *238.*

[13] Ин. 1, 4. *238.*

[14] Ср. Лк. 9, 62. *238.*

[15] Мф. 5, 3. *238.*

[16] Мф. 9, 36. *240.*

[17] См. (IX), примеч. 24. *240.*

[18] Вероятно, имеется в виду поэма «Кругом возможно Бог». См. ПСП. Т. 1. С. 127—152. *242.*

[19] См. (II), примеч. 15—17. *243.*

[20] Гегель Г. В. Феноменология духа. *243.*

[21] Ср. Мф. 24, 42. *245.*

[22] Образ облака, мелькнувшего перед ничто, закрывшего на мгновение несуществующее ничто, заимствован автором из его же «Формулы несуществования». *246.*

[23] Чистовая тетрадь с текстом, который автор переписал, отредактировал и снабдил своими замечаниями. Названа «желтой» по цвету обложки. *247.*

[24] О законах апории см. в сочинении «Исследование о критерии». *247.*

[25] Русское музыкальное общество, основано М. Ю. Виельгорским и А. Г. Рубинштейном. *249.*

[26] Работа ради заработка. Автор представил экспозиции двух больших выставок для Филармонии: 1. Бетховен — к 175-летию со дня рождения. 2. Симфоническая культура Петербурга — Петрограда 1802—1921 гг.; подготовлен также очерк истории симфонических концертов этого периода. *251.*

[27] Этот сон — предчувствие собственной смерти. «Длинный коридор. Слева — стена, *справа* — комнаты, как номера в гостинице. Из последней комнаты никто никогда не выходит. Меня ведут в одну из этих комнат, говорят: «Здесь ты поправишься», — и запирают. Я думаю: «Здесь я поправлюсь», — и вдруг вспоминаю: «Но ведь это последняя комната, из нее никто никогда не выходит» (из главы «Сон» сочинения «Сон и явь»). 22 января 1980 г. из общей палаты в клинике Первого медицинского института Якова Семеновича перевезли по *длинному коридору* в реанимационное отделение, дверь в которое была *справа*. Оттуда он уже не вышел. *251.*

[28] Композитор Н. А. Римский-Корсаков. *251.*

[29] «Могучая кучка» — творческое содружество (с 1862 г. до середины 1870-х гг.) русских композиторов во главе с М. А. Балакиревым. *251.*

[30] Рассуждение автора об отношении людей к смерти и к убийству хотя бы животного опубликовано в газете «Вечерний Петербург» от 30 апреля 1992 г. *252.*

[31] Это последняя запись в чистовой «Желтой тетради» (см. примеч. 23). Ниже печатаются выдержки из текста, не включенного автором в окончательный вариант «ФУ 1». *253.*

[32] Мф. 6, 34 (*церк.-слав.*). *253.*

[33] Друскин Я. Это и то // *Сб.* Т. 1. С. 811—814. *254.*

[34] О двух гранях см. в сочинении «Щель и грань». *254.*

[35] В обширном комментарии Я. Друскина к Платону законченной работы с таким названием нет. *254.*

[36] «Неслучайная случайность» — термин автора. «В жизни есть события, которые кажутся вначале случайными, а потом, обдумывая их в контексте других событий, обнаруживаешь в них целесообразность, даже преднамеренность, трансцендентную, то есть не зависящую от воли людей. <...> Это ощущение может быть только у верующего — ощущение Провидения». *255.*

[37] Сологуб Ф. К. Мелкий бес. *256.*

[38] Личная примета автора: число 4 и кратные ему (24) — благоприятные; число 9 и кратные ему (1 + 9 + 2 + 6 = 18) — неблагоприятные. *258.*

[39] См.: Друскин Я. Щель и грань // *Сб.* Т. 1. С. 680—689. *259.*

[40] Берлович (?). Кажется, принимал участие в семинаре Н. О. Лосского. *259.*

[41] Рассуждение **о чем** и рассуждение **что**, или **рассуждение-предмет**, аналогичны введенным автором терминам для любого вида искусства: искусства **о чем-либо** и искусства **что-либо** (см. (IX), примеч. 5). *261.*

[42] См. (IX), примеч. 11. *264.*

[43] Третий пункт предыдущих рассуждений. *265.*

[44] По-видимому, в оркестровом вступлении ко второй части. *265.*

(XII) ЯНВАРЬ — ИЮЛЬ 1946. ФУ 2

На обложке тетради «ФУ 2» надпись: «1946 I — VII. Душа и тело 3.III».

[1] То есть не уныние. *267.*

[2] Аверроизм — направление в западно-европейской философии XIII—XV вв., развивавшее идеи Ибн Рушда (Аверроэса) о вечности и несотворенности мира, отвергавшее идею индивидуального бессмертия. *267.*

[3] Во второй части «Исследования о критерии» два вступления. *267.*

[4] Пункты 1—7 — те же темы, что автор обсуждал с Л. Липавским. *268.*

[5] Мф. 7, 1. *270.*

[6] Эта дата и запись отмечены автором на обложке тетради «ФУ 2». См. также записи выше (стр. 64, 65). *273.*

[7] В стихотворении Ф. И. Тютчева «Цицерон»: «*Счастлив*, кто посетил сей мир...» *275.*

[8] См. (IX), примеч. 13. *275.*

[9] Из творений епископа Феофана. Эту фразу часто повторял Хармс в последние годы жизни. См. также (VIII), примеч. 21. *275.*

[10] Валентина Ефимовна Гольдина — знакомая чинарей, приятельница Т. Липавской. *276.*

[11] См. (IX), примеч. 13. *276.*

[12] Чехов А. П. Тоска. *277.*

[13] Исследование о «формуле Баха» не осуществилось таким, как виделось автору. Издана книга «О риторических приемах в музыке И. С. Баха» (см. вступит. ст., примеч. 7), и осталось несколько тетрадей, к сожалению незаконченных, с анализом музыки «Высокой мессы», «Страстей по Матфею» и др. См. также (VI), примеч. 23. *277.*

[14] См. (IV), примеч. 11. *278.*

[15] Мф. 6, 34 (*церк.-слав.*). *279.*

[16] Так А. А. Блок называл Канта. *280.*

[17] Далее автор классифицирует свои состояния. *280.*

[18] Пушкин А. С. Напрасно я бегу к сионским высотам... *281.*

[19] См. (IX), примеч. 17. *281.*

[20] См. выше: «О счастливой жизни», «О банкротстве». *282.*

[21] Здесь М., Е. и следом Г. — одноклассники автора. *282.*

(XIII) АВГУСТ 1946 — АВГУСТ 1948. ФУ 3

[1] В сочинении «Логический трактат о непосредственном умозаключении». *285.*

[2] *S* и *P* — общепринятые обозначения членов дедуктивного умозаключения (силлогизма). Общеутвердительные (*A*), общеотрицательные (*E*), частноутвердительные (*I*), частноотрицательные (*O*) суждения — вершины логического квадрата. *285.*

[3] См. (IX), примеч. 11. *286.*

[4] Друскин Я. Исследование о критерии. — В двух частях с Добавлениями. — Первая редакция («О критерии») — в 1930 или 1931 г. Через 15 лет автор возвращается к этой работе, пишет примерно 10 вариантов и заканчивает в 1953 г. — ОР РНБ, ед. хр. 6. *286.*

[5] Студентка консерватории. *286.*

[6] Фортепьянный цикл Р. Шумана. *286.*

[7] Так называл свое тело Франциск Ассизский. *287.*

[8] В поэме А. Введенского «Кругом возможно Бог»: «Горит бессмыслицы звезда // она одна без дна». «Звезда бессмыслицы» стала символом творчества чинарей. См.: *Сб.* Т. 1. С. 549—642; Театр. 1991. № 11. С. 82—94; Wiener slavistischer Almanach. 1985. Bd. 15. S. 381—403. *288.*

[9] Ниже автор дает перечень того, что изучал и чем увлекался. *289.*

[10] Дхармакирти — средневековый индийский философ (VII—VIII вв.). *289.*

[11] То есть сочинения Фихте 1810 г. *290.*

[12] То есть отрицательное отношение к Зиммелю. *290.*

[13] Деревня в Лужском уезде Петроградской губернии, где автор жил летом 1922 или 1923 г. *290.*

[14] Стерлигов Владимир Васильевич (1904—1973) — художник, ученик К. Малевича, сблизился с автором в 1950-е гг. *291.*

[15] См. (XII), примеч. 18. *293.*

[16] Мф. 6, 34 (*церк.-слав.*). *294.*

[17] Пушкин А. С. Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит... *295.*

[18] См. (VII), примеч. 32. *296.*

[19] Блок А. А. Поздней осенью из гавани... *300.*

(XIV) АВГУСТ 1948 — ДЕКАБРЬ 1950. ФУ 4

На обложке тетради «ФУ 4» надпись: «1948.VIII — 1949.XII — 1950.XI. 1.XII — переход из этого в то — боль; прошлое и будущее. Великая скорбь. 25.II — Жизнь как погрешность».

[1] См. (X), примеч. 1. *303.*

[2] Сравнение двух стихов из Евангелия от Матфея. *304.*

[3] День (годовщина) смерти отца. *304.*

[4] Лк. 16, 15. *307.*

[5] Вверху страницы, которая начинается с этой фразы, написано «кеносис» (см. (VII), примеч. 37). См. также Флп. 4, 12, 13. *307.*

[6] Ср. Мф. 7, 29. *309.*

[7] Мф. 5, 3. *309.*

[8] Отец автора. *309.*

[9] См. (XI), примеч. 26. *310.*

17 Зак. 3244

[10] Мк. 4, 19. *310.*
[11] См. (XII), примеч. 10. *312.*
[12] Далее автор излагает основные интуиции своего религиозно-философского учения. *314.*
[13] См. (IX), примеч. 11. *314.*
[14] Дачный поселок под Санкт-Петербургом. *314.*
[15] О существовании **как** и **что** см. в сочинении «Трактат Формула Бытия». *315.*
[16] Реэвакуация — возвращение в Ленинград. *316.*
[17] См. (XI), примеч. 26. *316.*
[18] Шрейдер Ю. А. Равенство, сходство, порядок. М.: Наука, 1971. *317.*
[19] См. «Логический трактат о непосредственном умозаключении». *319.*
[20] См. (II), примеч. 15—17. *321.*
[21] См. (VII), примеч. 9. *322.*
[22] Мф. 24, 4. *323.*
[23] Мф. 10, 21, 22; 24, 15. *323.*
[24] Ср. Мф. 24, 42. *323.*
[25] См. (IX), примеч. 11. *323.*
[26] См. (V), примеч. 1. Добавление не включено в публикацию. *325.*
[27] Друскин Я. Контрапункт, или Соблазны. — В трех частях. Часть I «Квадрат миров» — 1942 г. (октябрь). Часть II «Числа» — начато в 1943 г. Часть III «Царство» — 1941 г. (октябрь — декабрь) — 1942 г. (январь). — ОР РНБ, ед. хр. 8. *331.*
[28] Внезапная болезнь матери. На «скорой» ее отвезли в больницу, и автор неотлучно находился при ней. *332.*
[29] Лечащий врач матери. *332.*
[30] «Как тогда» — у постели умирающего отца (1934 г.). *332.*
[31] В больничной палате, где лежала мать. *333.*
[32] То есть у советской власти. *337.*
[33] В 1918—1919 гг. у Я. Друскина с Л. Липавским была своего рода игра: они воображали себя властителями некоей олигархии (Друскин, кажется, диктатором), в которой устанавливали свои законы и порядки. В первую очередь — противодействие техническому прогрессу: возвращение к малоэтажным домам, замедление движения транспорта, уменьшение размеров городов, уничтожение новостроек, обезличивающих города. *338.*
[34] Ссылка на запись 1 октября 1949 г. (см. с. 327). *338.*
[35] Гамсун К. Мистерии. *339.*

(XV) ДЕКАБРЬ 1950 — ДЕКАБРЬ 1952. ФУ 5

[1] См. (XIV), примеч. 33. *346.*
[2] В двадцатых годах одним из увлечений автора были немецкие и американские фильмы. *346.*
[3] Автор продолжает писать тетради «ФУ», поэтому даты окончания нет. *346.*
[4] Друскин Я. О понимании // *Сб.* Т. 1. С. 835—841. *346.*
[5] Дата окончания «Исследования о критерии» не проставлена, так как в то время (декабрь 1950 г.) работа над ним продолжалась. *346.*
[6] См.: Друскин Я. Мир перед Богом // *Сб.* Т. 1. С. 740—750. *348.*
[7] Друскин Я. Происхождение животных // *Сб.* Т. 1. С. 824—826. *350.*

[8] Друскин Я. Пути неба. — Первая редакция — 1930-е гг. *351.*
[9] См. (IV), примеч. 5. *351.*
[10] См. главу «Душевный праздник». *352.*
[11] Мф. 9, 12. *352.*
[12] В сочинении «Трактат Формула Бытия». *353.*
[13] Александровский сад, здание Главного Штаба в Санкт-Петербурге. *353.*
[14] Личная примета автора. *353.*
[15] Серию беспредметных картин В. В. Стерлигова (см. (XIII), примеч. 14), объединенных общей идеей, автор предложил назвать «Облака перед несуществующим» — по аналогии с образом из собственного сочинения «Формула несуществования». Художник принял это название. *353.*
[16] См. (IX), примеч. 11. *353.*
[17] Блок А. А. Жизнь моего приятеля. *355.*
[18] Автор добавил десятую (в рукописи) строку, так как число 9 считал для себя несчастливым. *355.*
[19] На даче под Санкт-Петербургом. Станция Разлив и озеро с тем же названием. *355.*
[20] См.: Друскин Я. Теоцентрическая антропология. Рассуждения о душе (Основание феноменологии времени) // *Сб.* Т. 1. С. 863—911. *357.*
[21] Первые буквы восьми начальных слов «умной» молитвы (см. (VIII), примеч. 21), повторенных дважды: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». *357.*
[22] Врач, знакомый семьи. *358.*
[23] Ср.: Введенский А. Элегия // ПСП. Т. 2. С. 68—69; *Сб.* Т. 1. С. 533—535. *360.*
[24] Форкель И. Н. (1749—1818) — первый биограф И. С. Баха, автор книги «О жизни, искусстве и произведениях Иоганна Себастьяна Баха» (1802 г.). *361.*
[25] Мать автора. *361.*
[26] Трактаты «Небо и но», «О единице. Третье исследование о непосредственном и его основании», «Пути неба». *362.*
[27] См. (VIII), примеч. 9. *362.*
[28] Мф. 7, 1. *362.*
[29] Ср. Лк. 22, 42. *364.*
[30] Ср. Лк. 17, 21. *366.*
[31] См. ПСП. Т. 1. С. 73—76; *Сб.* Т. 1. С. 364—368. *367.*
[32] Хармс различал понятия субъективного и объективного отношения к чему-либо в зависимости от того, о чем идет речь, например: субъективно я люблю арбуз, а объективно Гоголь — великий писатель. Формулу Хармса «арбуз — дыня — арбуз» можно интерпретировать так: дыня вкуснее арбуза, но превосходный арбуз вкуснее всякой дыни. Переводя на язык искусства: «Чувство должно пройти через огонь, и то, что не сгорит, подлинное» (Я. Друскин). Объективное отношение у Хармса совпадает с абсолютным у Друскина. *367.*
[33] Мф. 5, 3. *370.*
[34] Продолжение рассуждения, начатого в предыдущей записи (21 ноября). Первый признак — *A*: я могу...; второй — *B*: я не знаю...; третий — *C*: я не могу изменить... *371.*
[35] См.: Кант И. Критика чистого разума. Предисловие к второму изданию. *372.*
[36] Баратынский Е. А. Благословен святое возвестивший!.. *372.*
[37] Лермонтов М. Ю. Элегия. *372.*

(XVI) ДЕКАБРЬ 1952 — ДЕКАБРЬ 1955. ФУ 6

[1] Ср. Лк. 22, 42. *376.*

[2] Ср. Мф. 7, 29. *377.*

[3] Ср. Лк. 16, 15. *377.*

[4] В этой записи автор выделил два слова: «то» и «есть». *378.*

[5] Отк. 3, 15—16. *381.*

[6] См. (XV), примеч. 32. *381.*

[7] То есть после сна о Георге. См. (II), примеч. 15—17. *384.*

[8] Из разговоров Л. Липавского с Я. Друскиным о соседних мирах, в частности о мире амебы. См. также (II), примеч. 7. *385.*

[9] Обозначение нот, в первом случае до — ре — ми — фа, во втором — до — фа — ми — ре (*муз.*). *385.*

[10] Ничто первое — Божье ничто, из которого Бог сотворил мир. См.: Друскин Я. Дьявол в виде ничто — μή ὄν // Арс (б. «Искусство Ленинграда»). 1992. Тематический выпуск «Бездна». С. 148—151. *387.*

[11] «Всякая система, само понятие системности внутренне противоречиво и ложно, ангелы и святые не создают системы и живут вне системы. Но, если я что-то думаю и что-то создаю в философии или в музыке, я не могу это сделать, я все равно остаюсь в системе. И тогда я подумал: моя система — это не система в обычном смысле, это система, отменяющая всякую систему, вообще системность». *389.*

[12] *Система как пример* — философский термин автора. «Эта система действительна только в тот момент, когда я подумал о ней, — мгновенная система... Она необходима только в данный момент для данного мгновения. Но мгновение, то есть с е й ч а с, как только возникло, сразу же и ушло, оно уже не сейчас. Система имеет значение для сознания. Если сознание мгновенно, то и значение системы, то есть сама системность, мгновенна» (из письма к О. Г. Ревзиной). *389.*

[13] «Введенский раз сказал мне: бывает, что приходят на ум две рифмы, хорошая и плохая, и я выбираю плохую: именно она будет правильной. Хармс сказал: главное в искусстве жертва. Смысл тот же. Но высказывание Хармса не только более общее, но и более экзистенциальное, во-первых, в пределах искусства, во-вторых, в жизни: и Отец пожертвовал Сыном». *389.*

[14] См. (XIII), примеч. 7. *390.*

[15] Ин. 1, 14. *390.*

[16] Здесь и в записи 6 марта впервые вводятся понятия «абсолютный факт» и «неисторический факт в истории» — основные в религиозном учении Я. Друскина. *391.*

[17] Войцеховский Михаил, друг художников, братьев Трауготов — Александра Георгиевича и Валерия Георгиевича. *393.*

[18] Вера Павловна Траугот — художница, мать братьев ТраугОтов. *393.*

[19] Эрнест Львович (Леопольдович) Радлов (1854—1928) — директор Петербургской публичной библиотеки (1917—1924), профессор философского факультета университета. *393.*

[20] Александр Георгиевич Траугот, художник. *396.*

[21] См. (VII), примеч. 39. *397.*

[22] Некто, имя которого автор не пожелал раскрыть. См. также записи ниже — 19 сентября 1955 г. (с. 403) и 3 июля 1956 г. (с. 408). *397.*

[23] Дачное место под Санкт-Петербургом. *397.*

[24] День рождения автора. *398.*

[25] Теологический квадрат: Соборность — Индивидуализм
Дух — Буква

[26] См. (VII), примеч. 37. *401.*

[27] Эту работу написал некто К. и дал ее на рецензию Я. Друскину, у которого она вызвала многочисленные возражения и замечания; неприятное для него занятие отняло много времени и, как нередко случалось, привело к игнавии, так как отвлекло от настоящего дела. См. также записи 29 мая 1955 г. (с. 397), 3 июля 1956 г. (с. 408) и 5 апреля 1957 г. (с. 424). *403.*

[28] «150 лет назад кантианец Фриз задал вопрос: Кант написал «Критику чистого разума». Но ведь он писал свою Критику с помощью того же разума, который он критиковал: получается круг.

Фриз разрешает его очень наивно: есть конституирующий разум и наблюдающий разум. Это чисто номинальный ответ, то есть вообще не ответ.

Философы, которых я знаю, или вообще обходят этот вопрос, или дают ответы иногда (редко) интересные, но все же неудовлетворительные. Помимо того, они не замечают, что вопрос здесь вообще значительно шире: это вопрос о фиксации вообще и о том, что я назвал «последним словом» и «листами исписанной бумаги» (из письма Игорю Блажкову, композитору). По-видимому, эта проблема выражена у Я. Друскина словами: «Я пытаюсь поднять самого себя за волосы». *404.*

(XVII) ЯНВАРЬ 1956 — АПРЕЛЬ 1958. ФУ 7

На обложке тетради «ФУ 7» надпись: «1956. I — 1958. IV. Виды откровения».

[1] Ср. Ин. 12, 24. *405.*

[2] Быт. 3, 16. *405.*

[3] Ср. 1 Кор. 15, 22. *405.*

[4] Ср. Лк. 22, 42. *405.*

[5] Мф. 22, 30. *405.*

[6] Ин. 6, 63. *405.*

[7] По большому счету, это то же, что и обращение Савла в Павла. *406.*

[8] Ничто второе — дьявольское ничто. См. также (XVI), примеч. 10. *406.*

[9] Впервые увидел человека в традиционной китайской одежде. *407.*

[10] Ср. Мф. 7, 13—14. *407.*

[11] В стихотворении А. С. Пушкина «Странник»: «Как от безумного, чья речь и *дикий* плач // Докучны и кому суровый нужен врач». *407.*

[12] См. (XVI), примеч. 22, 27. *408.*

[13] Ин. 3, 18. *408.*

[14] Липавский Л. Разговоры // Логос. 1993. № 4. С. 7—69; *Сб.* Т. 1. С. 174—254. *409.*

[15] То есть до сна о Георге. См. (II), примеч. 15—17. *410.*

[16] См. сочинения Я. Друскина «Исследование о критерии» и «Трактат Формула Творения». *411.*

[17] Ин. 3, 16. *411.*

[18] Блок А. А. Роза и Крест. Песнь Гаэтана. *411.*

[19] Во время разговоров в домашней обстановке, обычно после ужина, автор строил на столе неустойчивые конструкции из перечисленных предметов, укладывая их один на другой так, чтобы осуществлялось шаткое равновесие, — до тех пор, пока это сооружение не обрушивалось. Тогда он не говорил, что имел в виду при этом творение что из ничто, невозможное для человека. См.: Друскин Я. Трактат Формула Творения. *411.*

[20] Скорость света. *411.*

[21] Мф. 5, 44. *411.*

[22] То есть кантовская. А. Введенский: «Я посягнул на понятия, на исходные обобщения, что до меня никто не делал. Этим я провел как бы поэтическую критику разума — более основательную, чем та отвлеченная». Из «Разговоров» Л. Липавского. См. примеч. 14. *411.*

[23] См. (XVI), примеч. 18. *412.*

[24] Ср. Мк. 9, 38—39. *412.*

[25] Валерий Георгиевич Траугот — художник, сын В. П. Траугот. *412.*

[26] Ср. 1 Кор. 1, 23. *412.*

[27] См. (V), примеч. 7. *413.*

[28] Друскин Я. Трактат Формула Творения. — 1958—1979 гг. *413.*

[29] «Iohannes Passion» и «Matheus Passion» — «Страсти по Иоанну» и «Страсти по Матфею» И. С. Баха. *413.*

[30] Шостакович Д. Д. Фортепьянный цикл «Танцы кукол». *413.*

[31] Об одностороннем синтетическом тожестве см. Хронограф, с. 553—554. *413.*

[32] Стравинский И. Ф. Четыре русские песни для голоса и фортепьяно на народные тексты. *414.*

[33] См. (XV), примеч. 32. *415.*

[34] Введенский А. Некоторое количество разговоров (или начисто переделанный темник). Разговор об отсутствии поэзии // ПСП. Т. 1. С. 197—198; *Сб.* Т. 1. С. 495—496; Введенский А. Потец // ПСП. Т. 1. С. 189—195; Сб. Т. 1. С. 486—493. *415.*

[35] Ин. 8, 36. *416.*

[36] Мф. 18, 30. *416.*

[37] Ср. Мф. 8, 22. *416.*

[38] Здесь в рукописи изображен «алеф» — первая буква алфавита иврита. См. также записи 5 февраля (с. 421) и 21 апреля (с. 426) 1957 г. *417.*

[39] См. вступит. ст., примеч. 9. *419.*

[40] После прочтения книги М. О. Гершензона «Мудрость Пушкина». См. также запись 6 января 1957 г. *421.*

[41] См. записи 10 января (с. 417) и 21 апреля (с. 426) 1957 г. *421.*

[42] То есть при советской власти. *421.*

[43] Соллертинский И. И. (1902—1944) — известный музыковед, литературовед и театровед. *421.*

[44] См.: Хармс Д. Четыре иллюстрации того, как новая идея огорашивает человека, к ней не подготовленного // *Сб.* Т. 2. С. 364. *421.*

[45] См. (XVI), примеч. 10. *423.*

[46] Мф. 19, 12. *424.*

[47] См. (XVI), примеч. 22. *424.*

[48] 1 Кор. 7, 29—31. *425.*

[49] То есть в день, когда автору исполнилось 30 лет. *425.*

[50] Сон о Георге. См. (II), примеч. 15—17. *425.*

[51] Мф. 7, 1. *425.*

[52] Сочинения В. В. Розанова. *425.*

[53] См. (VIII), примеч. 9. *426.*

[54] Пушкин А. С. Сват Иван, как пить мы станем... *426.*

[55] Введенский А. Мир / ПСП. Т. 1. С. 158—160; Сб. Т. 1. С. 454—456. *426.*

[56] Введенский А. Гость на коне // ПСП. Т. 1. С. 161—163; *Сб.* Т. 1. С. 456—459. *426.*

[57] Записи 5 февраля и 21 апреля 1957 года зашифрованы автором. Ясно, что они касаются одного и того же лица (лиц): обе содержат знак «алеф» и слово «оборотень». Неизвестны ни поступки, ни лица, их совершившие, и без какого-либо комментария приведены (21 апреля) 6 строк из стихотворения А. Введенского «Гость на коне» (см. примеч. 56), которые, возможно, и дают ключ к разгадке ситуации. Об отрывке в 12 строк, начинающемся, так же как в дневнике, со слов «дверь открылась // входит гость...», Друскин писал: «Это поэтическое интуитивное предчувствие физической теории антимира» («Звезда бессмыслицы»).

Обращаю внимание читателя на строку: «Он **обратною** рукою...» (выделено сост.). Анализируя записи, легко установить, что с неким лицом (лицами) автор встречался еще в 1956 году (см. запись 5 февраля) и по крайней мере дважды в 1957: на старый Новый год и в Пасхальную ночь (см. запись 21 апреля). Яков Семенович избегал случайных встреч и пустых разговоров, тем более в Пасхальную ночь. Поэтому можно предположить существование духовного контакта, иначе говоря кто-то был для него в то время **ты** (см. работу «Я и ты. Ноуменальное отношение»). Не являются ли приведенные строки Введенского намеком на то, что автору вследствие каких-то причин открылось: **ты** было на самом деле **анти-ты**? И нельзя ли провести параллель между **«обратною рукою»** и оборотнем? То есть открылась **обратная** сторона души человека, казавшегося близким?

Через несколько лет автор вспомнит об алефах.

После кончины матери (1963 г.) события 1957 года покажутся ему ничтожными по сравнению с этой потерей. «Главное благо <мать> было тогда и единственным и никакого оправдания всем этим глупым историям с алефами найти нельзя». *426.*

[58] Чехов А. П. Жена. *427.*

[59] 1 Кор. 1, 31. *427.*

[60] См. (VI), примеч. 23. *428.*

[61] Лк. 15, 7. *429.*

[62] Зандерлинг К. (р. 1912) — дирижер. Эмигрировал в 1930-х гг. из Германии в Россию, работал в Ленинградской филармонии. В начале 1960-х гг. вернулся в Германию. Друг М. Друскина. *430.*

[63] Далее читаем: «...бегу от... Бетховена и попадаю под Чайковского, бегу от Чайковского и попадаю под Шостаковича...»

Автор считал, что в названных симфониях Бетховена «за смертью ничего нет» (см. запись 7 марта 1958 г.), Чайковский создавал произведения **о чем-либо**, а не **что-либо** (см. (IX), примеч. 5). В произведениях Шостаковича чувствовал неверие и даже бесовское начало. *430.*

[64] Тропарь Пасхи. *430.*

[65] Ин. 8, 36. *431.*

[66] Ср. Мф. 20, 15. *431.*

[67] Ср. Ин. 15, 13. *431.*

[68] Мф. 5, 44. *431.*

[69] Мф. 5, 3. *431.*

(XVIII) АВГУСТ 1958 — СЕНТЯБРЬ 1960. ФУ 8

[1] В Царском Селе. *432.*

[2] Там же. *432.*

[3] Автор отмечает особенность звучания музыки Фрескобальди (как, впрочем, и музыки других композиторов первой половины XVII века), обусловленную сочетанием старого мышления, основанного на церковных ладах, и нового, основанного на современной мажороминорной системе. *433.*

[4] См. (XVII), примеч. 22. *433.*

[5] Основные темы, интересовавшие А. Введенского. *433.*

[6] Проходящие ноты — звук неаккордовый, то есть не входящий в состав аккорда, а движущийся на слабой ритмической доле от одного аккордового звука к другому. Способствует большей подвижности и пластичности музыкальной линии. *434.*

[7] Имеется в виду так называемый несовершенный каданс, то есть заключающий музыкальное произведение (или его часть) гармонический или мелодический оборот, который — в отличие от совершенного каданса — не придает цельности и законченности. *434.*

[8] «Искусство фуги» (*нем.*) — незавершенное сочинение И. С. Баха, начатое им в 1739 г. и датируемое обычно годом смерти (1750). *434.*

[9] Теноровая ария «Sanfte soll mein Todeskummer» — любимая ария автора. *435.*

[10] Так называемые Лейпцигские хоралы И. С. Баха (1750). *435.*

[11] См. вступит. ст., примеч. 10. *435.*

[12] См. (V), примеч. 7. *437.*

[13] См. вступит ст., примеч. 8. *437.*

[14] Термины из сочинения «Трактат Формула Творения». *438.*

[15] Электронная музыка — музыка, создаваемая с помощью электронно-акустической звукозаписывающей и звуковоспроизводящей аппаратуры.

Конкретная музыка — музыка, создаваемая с помощью магнитофонной записи различных искусственных либо естественных звучаний и шумов. Основной метод — монтаж. Родоначальник — французский инженер-акустик П. Шеффер. *438.*

[16] Георгий Николаевич Траугот — художник, муж В. П. Траугот (см. (XVI), примеч. 18). *439.*

[17] См. (XV), примеч. 32. *440.*

[18] Предсмертный (1747—1750) хорал «Пред Твой трон являюсь я» — последний из восемнадцати Лейпцигских хоралов. *440.*

[19] Глоссолалия (от греч. glôssa — язык и laliá — болтовня) — бессмысленное сочетание звуков; близка к зауми. *441.*

[20] См. (IX), примеч. 11. *441.*

[21] См. (XV), примеч. 32. *442.*

[22] Принцип Д'Аламбера. *443.*

[23] Из «Добротолюбия». См. (VIII), примеч. 21. *443.*

[24] См. (VII), примеч. 40. *444.*

[25] См. (IX), примеч. 24. *445.*

[26] Пушкин А. С. Странник. *446.*

[27] Мф. 5, 8. *446.*

[28] Священное песнопение (для тенора и баритона соло, хора и оркестра на латинский текст из Ветхого и Нового Завета). Далее автор называет также это произведение «Священная песнь св. Марку». *448.*

[29] См. примеч. 26. *448.*

[30] Атональная музыка — музыка, основанная на отказе от традиционных функциональных гармонических тяготений, присущих мажороминорной системе; в атональной музыке все звуки и созвучия трактуются как равноправные. *448.*

[31] Один из видов современной композиционной техники, основанный на использовании избранной композитором последовательности всех 12 тонов хроматической гаммы, которые осознаются как некое единство. *448.*

[32] Ср. Мф. 16, 26. *449.*

[33] Ср. Мф. 10, 39. *449.*

[34] Ср. 2 Кор. 4, 10. *449.*

[35] Ср. Гал. 2, 19. *450.*

[36] Концерт для камерного оркестра И. Ф. Стравинского. *450.*

[37] Мф. 5, 9. *450.*

[38] То есть неверующие люди. О душевном человеке см. у апостола Павла (1 Кор. 2, 14). *450.*

[39] Ни в одном из источников не удалось найти упоминания о таком исполнении; также не обнаружена запись в фондах Ленинградского радиокомитета. *451.*

[40] Органная пьеса, в основе которой хоральная мелодия; в протестантском богослужении предшествует хоралу, исполняемому общиной. *451.*

[41] Ср. Мф. 8, 20. *451.*

[42] См. вступит. ст., примеч. 11. *451.*

[43] Ср. Мф. 13, 14. *451.*

[44] См. примеч. 28. *452.*

[45] «Сказки старой бабушки» — фортепьянный цикл С. С. Прокофьева. *452.*

[46] Ин. 14, 6. *452.*

[47] В начале 1920-х гг. Л. Липавский как-то сказал Я. Друскину: «Ты гений или графоман». *452.*

[48] Ср. 1 Кор. 3, 18. *452.*

[49] Послание папы Льва I к Флавиану о двух природах Христа (V век); τòμος — часть рукописи в виде отдельного свитка, том. *453.*

[50] Мф. 7, 7. *453.*

[51] Мф. 11, 12. *453.*

[52] Неоконченная опера А. Шёнберга на собственный текст (начата в 1930-е гг.). *453.*

[53] Сочинение для чтеца, хора и малого оркестра, на текст композитора (1957 г.). *453.*

[54] Ин. 3, 16. *454.*

[55] Мф. 19, 12. *456.*

[56] На даче в Царском Селе, где автор жил с матерью. *456.*

[57] Мать хозяйки дачи. *456.*

[58] Первые три недели одна из снятых комнат была закрыта. *456.*

[59] См. (IX), примеч. 25. *457.*

[60] См. (VIII), примеч. 32. *458.*

[61] Далее — автоцитаты из сочинения «Трактат Формула Творения». *461.*

[62] Веберн А. Симфония для кларнета, бас-кларнета, двух валторн, арфы и смычковых, ор. 21 (1928 г.) *461.*

[63] Иначе — сонористика, соноризм — вид современной композиционной техники, обращающий особое внимание на красочность звучания, — параллель с импрессионизмом. *461.*

[64] Булез П. Молоток без мастера. Сочинение для контральто, альтовой флейты, гитары, вибрафона, ударных, на текст Р. Шара. *461.*

(XIX) 1961—1962. ЗЕЛЕНЫЙ БЛОКНОТ

Так называл автор блокнот с обложкой зеленого цвета, в котором он продолжал дневниковые записи.

[1] Тютчев Ф. И. Mal'aria. *463.*

[2] Трагическая смерть Г. Н. Траугота в дорожной аварии. *464.*

[3] Мф. 25, 2—13. *464.*
[4] Мк. 13, 35. *464.*
[5] Мф. 5, 48. *467.*
[6] М. Д. — Михаилу Друскину. Это, по-видимому, черновик письма или запись предполагаемого разговора с братом, только что пережившим катастрофу — внезапную смерть жены. Желание увлечь работой и тем самым частично облегчить его горе. Смысл предлагаемой работы связан с частными беседами братьев о критерии религиозности музыкального произведения, который, по их мнению, не определяется ни названием (например, «Всенощное бдение», «Литургия»), ни религиозными убеждениями композитора. *467.*
[7] 1 Кор. 7, 29—31. *468.*
[8] Ин. 18, 36. *469.*
[9] Ср. Ин. 14, 30. *469.*
[10] Ср. 1 Ин. 5, 4. *469.*
[11] Ср. Ин. 12, 25. *469.*
[12] Ср. Мф. 19, 17. *469.*
[13] Мф. 18, 20. *469.*
[14] Ср. Ин. 4, 21, 23. *470.*
[15] Ср. Мф. 11, 30. *470.*
[16] Ср. Мф. 5, 48. *470.*
[17] Ср. Лк. 18, 27. *470.*
[18] Ср. Мф. 2, 29. *470.*
[19] Ин. 1, 12. *471.*
[20] Ср. Мф. 26, 39; Лк. 22, 42. *472.*
[21] Ср. Ин. 12, 24—25. *476.*
[22] Елинек Х. (1901—1969) — австрийский композитор, ученик А. Берга, написавший учебник по додекафонной технике. *476.*
[23] См. вступит. ст., примеч. 8. *476.*
[24] См. (XVII), примеч. 29. *476.*
[25] См. (XVIII), примеч. 62. *478.*

Л. Друскина

ХРОНОГРАФ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Я. С. ДРУСКИНА

Я жизнь свою продумал, а мысли пережил.

Яков Друскин

Хронограф составлен главным образом по дневниковым записям, которые Я. Друскин вел с 1928 по 1979 год и назвал «Перед принадлежностями чего-либо».

В графе «Жизнь» изложены события, оказавшие прямое или косвенное влияние на личность, в графе «Творчество» — названия произведений. Датировка последних затруднена тем, что автор обычно не проставлял год, а кроме того, многократно переделывал написанное. Поэтому в одних случаях указана дата начала работы над вещью (по записи на данную тему или по непосредственному упоминанию), в других — дата окончания — точная или со знаком вопроса.

Помимо общепринятых сведений Хронограф содержит фрагменты текстов, поясняющие смысл произведения или упоминаемого термина либо оценивающие важные для автора жизненные ситуации. Источники фрагментов и даты дневниковых записей — в угловых скобках (от составителя).

Автор в течение ряда лет и даже десятилетий возвращается ко многим своим работам: комментирует, пишет новые редакции, либо дополняет. И это также отражено в Хронографе.

Годы	Жизнь	Творчество
1902	15(2) июля. Рождение сына Якова в семье врача Семена Львовича Друскина, в г. Екатеринославе	—
1904	Переезд семьи в Санкт-Петербург	—
1911	Май. Прогулка с отцом и младшим братом Михаилом	—

Некоторые события, решения, поступки были в моей жизни решающими: они изменили мою жизнь. Вспоминая их, я нахожу причины... но непосредственно ощущаю их самопроизвольность. Они все равно появились бы <17.10.56>

Первое чудо <на прогулке>: у меня внезапно открылись глаза, я увидел тайну, *непомещающуюся* в моей душе... <27.08.56>

Я почувствовал, что что-то изменилось, вернее, все стало другим... но что случилось, не понимал... <...> ...Это я теперь понимаю — меня призвал Бог <12.02.65>

1911	Лето. После прочтения рассказа В. Гюго «Восставший раб»	—

Второе чудо... я почувствовал страх смерти. Я думаю, с тех пор у меня появилось самосознание <12.02.65>

1912	Поступление в реальное училище В. П. Кузминой	—
1913	Переход в гимназию имени Л. Д. Лентовской	—
1918	Сближение с Л. С. Липавским	—
1919	Окончание школы и поступление на исторический факультет Педагогического института имени А. И. Герцена	—
1920	Переход в Ленинградский государственный университет на философское отделение факультета общественных наук	—
1920	Доклад о марксизме на семинаре Н. Лосского	—

Что заставило меня обратиться к Марксу? — Тоска по полноте и совершенству, но выраженная в рационалистической и греховной форме: стремление к полной

Годы	Жизнь	Творчество

непротиворечивой системе. Но скоро я увидел, что марксизм очень примитивно удовлетворяет это стремление. Тогда, пытаясь исправить этот примитивизм, пришел к системе, напоминающей (по словам Лосского), марбургскую школу <16—28.08.78>

1922	Сближение с А. И. Введенским	—
1923	Окончание университета	—
1925	Знакомство с Д. И. Хармсом и Н. М. Олейниковым	—
1925	Возникновение литературно-философского содружества «Чинари» (поэты Введенский, Хармс, Олейников, философы Липавский и Друскин)	—
1927—1928	—	Исследования об этом и том <первоначальные варианты глав сочинения «Разговоры вестников»>

Первоначально это трактат о невозможности рассуждения. Затем о возможности рассуждения через перечисление способов невозможности рассуждения. Наконец построение видимости как явления сущности, то есть то же, что потом в трактате «О критерии» <06.12.45>

Исследование о высказывании этого и того. Сказать до того, как сказано, то есть предварение. Высказывание одного возвращается к высказыванию **этого** или **этого** и **того**. Это уже метод: как делить, как называть разделенное и как продолжать разделение. Но в «Исследованиях об этом и том» имеется и о названиях, и о погрешности, и о времени, и о мгновении, и о последовательностях <первая половина 1950-х>

1928	Увлечение музыкой Иоганна Себастьяна Баха, сопутствовавшее всей жизни	—

Только в середине 20-х гг. через музыку — «Страсти <по Матфею>» Баха — я помимо своей воли был полностью увлечен Благой вестью и принял ее полностью своим «сокровенным сердца человеком» <16—28.08.78>

1928	—	Перед принадлежностями чего либо Душевный праздник (1928) Часть первая (1933—1962) Часть вторая (1963—1979)

1928 год был завершением моего второго рождения, начало его — 1911

<table>
<tr><th>Годы</th><th>Жизнь</th><th>Творчество</th></tr>
<tr><td colspan="3">«Принадлежности» — это вся моя жизнь, принадлежащая не мне, а Богу, зафиксированная в записях на отдельных листках и в тетрадях с 1928 г. <«Примеры»>
Что-либо — некоторый храм... Перед принадлежностями чего-либо — это преддверие храма... <26.08.43>
Впервые письменно я зафиксировал свое разделение в «Душевном празднике», впервые почувствовал в 1911 г. Это начало моего самосознания, с его началом и мое разделение; оно было и тогда в двух формах... радость тайны и страх смерти <22.12.67>
...Георг пришел в 1932 г... <см. с. 529> и указал мне на ложь дивергенции — разрыв между тем, что я пишу, и тем, что я есть. И еще до этого, в 1928 г., — «Душевный праздник» — я понял то же самое <08.01.69></td></tr>
<tr><td>1928—1929</td><td>—</td><td>Щель и грань
Соприсутствие
За соприсутствием
Сдох мир
<Эти произведения автор объединил, приложив пояснительную схему и примечание></td></tr>
<tr><td colspan="3">I Грань и соприсутствие
  1. Грань и плоскость
    А. Щель и грань
      а. щель — (2)
      б. грань — (1)
    В.* Плоскость — (3)
  2. Соприсутствие
    А. Соприсутствие — (4)
    Б. За соприсутствием — (5)
II Мир сдох — (6)
7 сфер

Примечание после «Сдох мир»: после <слова> «КОНЕЦ».
Мы исследовали 6 сфер:
1. Грань — абсолютно потусторонний мир первый.
2. Щель — абсолютно потусторонний мир второй.
3. Плоскость — потусторонний мир в этом <нашем> мире или потусторонний мир как этот или в форме этого мира.
4. Соприсутствие — потустороннее этого мира.
5. За соприсутствием — потустороннее в этом мире или этот мир с потусторонним.
6. Сдох мир — этот мир без потустороннего. — Тогда он сдох и готов для 7-й сферы:
7. Грань и снова так же.</td></tr>
</table>

* По-видимому, не В, а Б, так как следом («За соприсутствием») автор исправил В на Б.

<table>
<tr><th>Годы</th><th>Жизнь</th><th>Творчество</th></tr>
<tr><td colspan="3">Таким образом, мы видим, как потусторонний мир тускнеет (1 — 3) и как само потустороннее тускнеет, силы же мира растут (4 — 6), и когда потускнеет, то мир вдруг сдох, и снова открыто место для грани (7) — грань же не тускнеет, и всегда есть <на отдельном листе с пометкой W, приложенном к данным работам>
Абсолютное состояние, термин, ходы мысли — вот, кажется, вся философия... Абсолютное состояние — грань двух столкнувшихся н и ч т о... реальность, требующая некоторой фиксации: действием — святость или термином — философия. Еще может быть фиксация частным образом... искусство. Абсолютное состояние непосредственно не передаваемо, только термином: знаком, словом, звуком, линией, цветом <01.01.46>
Вещь явилась мне сначала как некоторый образ-ощущение: щель и грань — как некоторая пульсация и затем дыра в небе с желтым светом оттуда <22.01.51>
Небольшая погрешность <см. с. 530> явилась мне как страшное и радостное, как совершенство и как соблазн и затем как страх смерти. В 27 лет — как «Щель и грань». И снова это было страшно <21.12.50>
Ты... не сразу открылся мне. Я уже почувствовал Тебя, поверил Тебе и все же блуждал еще около 10 лет, пока Ты, наконец, не открыл мне Своего пути, Свою Благую весть. — Это было в то время, когда я писал «Щель и грань» и «Соприсутствие». Когда я писал «Щель и грань», тогда понял ночь и предпочел дню <13.02.44>
Две грани. Возможно, что это возвращение всех ощущений и чувств в первоначальное недифференцированное ощущение-чувство. При этом я должно было потеряться, так что это было созерцанием и существованием некоторого Абсолютного <06.12.45>
...Не сосредоточиться тоже бывает хорошо, например на берегу моря или когда я лежал на перилах у Невы и смотрел в воду — это было очень давно, когда впервые явились «Щель и грань». Но возможно, что тогда уже был на чем-то сосредоточен, может быть, сосредоточен к рассеянию... <24.12.45>
Недоумение и боль... признак рождения некоторой реальности... Понятие погрешности возникло из боли... Одна мысль: тяжесть и боль бытия. Я не верю в откровения и экстазы Плотина, в них не было боли. Но «Щель и грань» у меня были, кажется, реальным откровением <25.02.49>
До <см. с. 529> Георга я был на внешнем месте... не знал или недостаточно понимал непонимание, еще оставалась вера в понимание, хотя в «Щели и грани» были уже и боль и небольшая погрешность... Поправка: «Щель и грань» — внутреннее место с внешнего. Связь с внутренним местом необходима — это земля, которой я должен коснуться, чтобы, набрав силу, подняться вверх <28.08.56>
Внимание к Его Тишине. Может, это — тихое веяние ветерка, какое-то погружение в себя, очищающее меня от меня самого. Кажется, это бывало и прежде — в 1928 г... плоскость от неба до меня <13.02.64>
О н о, или точка, затерянная в бесконечном пространстве, — это и есть страх ничто или перед ничто... В философии у меня было ничто второе и связанное с ним гипостазирование, но связал ли его со страхом — не помню. В «Щели и грани» и в «Соприсутствии» и еще до этого страх был <13.01.65>
...Я живу Твоим Провидением. С каких пор? Полусознательно, ощупью с 1911 г. Весной 1911 появилась мысль, сознание себя, а за ним еще очень смутное сознание Бога. Затем 1920 г. — после доклада у Лосского, затем конец 20-х гг. — «Щель и грань» и Евангелие — разделение мысли и жизни, дивергенция. С 17.VIII.34 — смерть, банкротство, лестница Иакова — начинается конвергенция мысли и жизни... <1960-е></td></tr>
</table>

Годы	Жизнь	Творчество
1929	Окончание экстерном Ленинградской государственной консерватории по классу рояля	—
1930?	—	Псалом

В жизни было несколько линий, если взять ноуменальные, то две: практически экзистенциальная... но и эта переходила во вторую, теоретически экзистенциальную — то, что я писал, например «Псалом», «Щель и грань» <28.08.56>

Годы	Жизнь	Творчество
1930	—	О критерии

Кажется, в 1930 г. мне впервые явилась мысль, которую впоследствии я назвал *односторонним синтетическим тожеством.* Впервые сформулирована она была в небольшой работе, названной «О критерии». Через 15 лет я снова вернулся к ней... <на отдельном листе, 1972>

Годы	Жизнь	Творчество
1930—1931	—	Исследование о непосредственном и его основании
1930? 1931?	—	Мир перед Богом <4 варианта>

Однажды я стоял ночью у открытого окна. Это было летом 1930 или 1931 г. И я увидел то, что здесь написано в самом начале. А все, что написано дальше, как бы заключено в этом начале — в том, что я увидел. Поэтому исследование «Мир...» — исследование о начале <из вступления к «Миру перед Богом», вторая половина 1960-х>

В «Мире...» — мое отношение к Богу, как к вечному и в то же время живому Богу, Богу — творцу, в имманентной Троице — Божественный ритм **в отличие** от моего несовершенного ритма, в сотериологической и откровенной Троице — Его откровение мне в онтологическом и гносеологическом отношении <16.12.64>

Основная тема «Мира...»: абсолютное и контингентное. Евангелие отожествляет их. Поэтому тема «Мира...» — личный Бог и Его вочеловечение во времени <10.05.67>

«Мир...» — открытое окно вечером, страх выпасть, и затем: а Бог смеется — улыбающееся Лицо, которое я почти видел, снисхождение и любовь <22.01.51>

Два варианта (начала) «Мира...», сочиненные сегодня ночью во время бессонницы <08.12.50>

В *синтетическом одностороннем тожестве* <см. с. 553—554>различать мир перед Богом — *Б*, мир, образ которого проходит, — *П*:

Бог — *Б* — человек $\frac{\text{невинный}}{\text{виновный}}$ — *П* — Христос $\frac{\text{Бог}}{\text{Человек}}$

<26.02.70>

Годы	Жизнь	Творчество
1932	В ночь на 15 июля, когда Я. Друскину исполнилось 30 лет, — сон о Л. В. Георге — учителе словесности в гимназии имени Л. Д. Лентовской	—

В этом сне Георг показал мне смерть. Я не помню ее, помню, что было так страшно, что я сразу же проснулся. Но это была смерть, связанная со страхом Божьим: «К суду я не готов, // И смерть меня страшит» <А. Пушкин. Странник> <14.05.79>

Я никогда не чувствовал себя в жизни как дома... Раньше мне казалось, что причина этому частная, например ФЗУ или что-либо подобное. И каждую весну думал: вот что-то случится, осенью уйду из школы и начнется новая жизнь. Потом понял: ничего не случится, а если бы и случилось, все равно не буду в жизни как дома. Это показал мне Георг в день моего совершеннолетия Христова. Во взгляде покойников, смотревших на смерть, я увидел космическое ноуменальное нечувствование себя как дома <06.04.57>

Когда ночью мне явился Георг и показал смерть, я подумал: я был неискренен, я хотел строить систему, система неосуществима; в системе есть пропуски и противоречия, пропуски я соединял как придется, противоречий делал вид что не замечал. Перед лицом смерти так писать нельзя. Я отказался от системы. Я сказал: вот деревья; я забуду о том, что знал, буду смотреть и думать. И я нашел, что в частном есть особенности, которые выходят за пределы частного, не становясь общим. Я смотрел на вот это, и оно стало любым вот этим. Я понял, что ошибся в обобщении. Если я смотрю на это и вижу только это — ошибки нет, но нет и исследования. Я должен в этом видеть любое это. Но на этом трудно удержаться. Увидев это как любое это, я скажу: все эти. Но как только я обобщил, нет уже ни этого, ни любого этого, есть только понятия, ничему не соответствующие, и страсть к обобщению <«Рассуждения преимущественно в низком стиле»>

Годы	Жизнь	Творчество
1932—1933	—	Разговоры вестников 1. О некотором волнении и некотором спокойствии 2. Признаки 3. О деревьях 4. Вестники и их разговоры Совершенный трактат об этом и том Исследование об этом и том Второе исследование об этом и том Третье исследование об этом и том Характеры преобразований Формула Федона

В ночь, когда мне исполнилось 30 лет, пришел Георг и мне было указано на погрешность. Я стал писать иначе, написал «Разговоры вестников» <21.12.50>

Годы	Жизнь	Творчество

До Георга я был на внешнем месте... еще оставалась вера в понимание. С приходом его я перешел на внутреннее место, понял частичность и приблизительность. Георг — окончательное разоблачение ума <28.08.56>

«Разговоры вестников» — обоснование невозможности всякой системы, даже частной <13.04.49>

Все мои вещи начинались с ви́дения какого-то иероглифа... Только понятие материальности <иероглифа> надо расширить: это может быть и моторное ощущение, например гуляние в Александровском парке, дождь и солнце <третий разговор> — здесь соединены моторные ощущения со зрительными <20.01.69>

Чтобы понять «Вестников», надо знать всю историю философии или, не зная истории философии, воспринимать творчески, в аристотелевом смысле: nus poeticos*.

Если человек может стать соавтором чужой вещи, ему не надо знать истории философии. Введенский, Липавский, Хармс, Олейников были действительно соавторами «Вестников», поэтому Хармс и мог сказать: «Я вестник» <из записной книжки Хармса>

Оригинальные мысли рождаются из ничто, но на определенной исторической почве. Так как из ничто, то не надо знать историю, то есть предшествующее развитие. Так как на определенной исторической почве, то надо знать историю <23.07.67>

В «Вестниках» я писал: меня интересует порядок событий, имеющих ко мне отношение: я нашел некоторую погрешность в порядке событий, имеющих ко мне отношение. Эта погрешность и есть начало философствования, стимул всякого человеческого действия и жизни. Именно эта погрешность, а не тщеславие движет творчеством: желание определить свое место в жизни... не эмпирическое, а трансцендентальное <07.03.66>

В «Вестниках» я понял случайность и контингентность — частный случай и небольшую погрешность в некотором равновесии, поэтому же нетелеологичность некоторых событий в моей жизни <второй и третий разговоры> <06.12.66>

История небольшой погрешности... Непонимание, недоумение, боль нельзя исключать из погрешности... Некоторое непонимание есть понимание. По-видимому, я это понял еще в Александровском парке, когда возникло «О деревьях» <08.10.44>

Что было у меня, когда 35 лет назад я ходил в Александровский парк и у меня возник третий разговор? Это была молитва, хотя я и не произносил слов молитвы. Обычные люди, не монахи и не отшельники, большей частью, может быть, молятся не тогда, когда произносят слова молитвы, а когда не произносят, в некотором состоянии, в некотором строе души <31.01.68>

Если в «Вестниках» я писал о воздержании от суждения, то я действительно видел некоторую абсолютную реальность во внутреннем молчании... то есть не в Selbstbestimmung**, а именно в Nichtselbstbestimmung <12.01.69>

Религиозность *А* и *В*, по определению Кьеркегора: у меня в «Вестниках» скорее *А*-религиозность — постоянный строй души, определяемый моей абсолютной

* Νοῦς ποιητικός — ум творящий (*греч.*).

** Самоизвольность (*философ.*), произвол, самоволие (*нем.*). Nicht — не (*нем.*).

Годы	Жизнь	Творчество

инвариантностью, данной мне от Бога. Это и есть то, что я писал в первом разговоре <19.08.66>

Но именно в «Вестниках» не-суд, не-суждение: некоторое сомнение и воздержание от суждения <28.04.69>

Предполагая какое-либо начало, основание или принцип, я необходимо должен буду предположить другой, более высокий принцип, а ко второму третий и т. д. Начинать надо с среднего, связывающего частный случай с общим принципом, который может остаться неизвестным. В 1-й главе за среднее я взял **то**, потом средним стало некоторое сомнение. Среднее — это случайное и находится случайно <1936>

«О некотором волнении и некотором спокойствии» — третья ступень знания — созерцание, мудрость <26.06.46>

В 1-й и 2-й главах: **то** и не-**то** (их смысл многозначен): 1) логически неопределенное отрицание; 2) различные виды трансцендентности: не-**то** — за **тем**; 3) сомнение; 4) оба одно: *одно два* <02.01.46>

Путь обращения имеет свои стадии... Стадии... во-первых, качественные скачки-повороты (2-я глава), во-вторых, абсолютны <31.12.66>

С е й ч а с имеет начало, конец его утерян. То, что в «Вестниках» я назвал поворотом, и есть возвращение к началу, к с е й ч а с <08.11.75>

«О деревьях» <3-я глава> — возвращение к конкретности. До 1932 г. — небо. С 1932 г. — возвращение на землю и соединение небесного и земного.

«О деревьях» — полное равновесие — мертвое: пустота и ничто. Только в некотором равновесии с небольшой погрешностью есть жизнь <на отдельных листках, 1970-е>

Я ходил в Александровский парк, где 33 или 34 года назад возник третий разговор («О деревьях»), и снова все было почти то же и уже совсем другое. Деревья, люди — все это было совсем вне меня... И тогда была некоторая отрешенность и даже предчувствие жала в плоть: ведь погрешность была именно погрешностью, недостатком... и какая-то удовлетворенность, примиренность и благоговение было и тогда <07.08.66>

У Хайдеггера: Gegend*. У меня в третьем разговоре — окрестность, причем в том же смысле.

У Гуссерля: epoche. У меня то же, но по-русски: воздержание от суждений. И снова в том же смысле... религиозное обращение <13.01.69>

Ночью мне снилось обоснование названия трех рассуждений «Разговорами вестников»... В первом <разговоре> вестник говорит то, что я совершаю. Во втором он говорит о соединении только двух состояний / положений, при этом сохраняется и метаязык и еще вводится метаметаязык, а в третьем еще метаметаметаязык. При этом каждый из метаязыков тожествен объектному языку, только я назвал бы его скорее субъектным, так как язык все же один и пишу я, совершающий и наблюдающий то, что совершается мною. Совершаемое же — метапредмет <25.03.77>

«Характеры преобразований» — о методе <02.01.46>

* Страна, местность (*нем.*).

Годы	Жизнь	Творчество

Частные преобразования необходимо прерываются инвариантными, только так повышается степень частного преобразования <10.07.67>

Почему во множественном числе — «Разговоры вестников»? — Я думаю, в этих вещах есть некоторая полифоничность <26.03.77>

«Вестники» мне и сейчас близки, то есть мне близок тот **я**, который их писал <22.12.67>

Годы	Жизнь	Творчество
1933	—	Термин *небольшая погрешность в некотором равновесии*

В 1933 г. я нашел термин: некоторое равновесие с небольшой погрешностью. Я искал его, кажется, 6 лет. Я чувствовал и тогда его религиозный смысл, полностью ясен он стал позже <07.06.67>

Некоторое равновесие не происходит и не возникает, не нарушается и не восстанавливается, но есть... Я замечаю небольшую погрешность в нем: нарушение и восстановление равновесия. Оно открывается мне в нарушении, когда же восстанавливается... тогда я ничего не вижу <1936—1937>

Определенное, что дала философия за 2000 лет, это только один вопрос: как понимать небольшую погрешность в некотором равновесии? Но ответа не дала. Ответы, которые она дает, например Кант в трансцендентальной дедукции категорий или Аристотель в потенции и акте, недостаточны. Но еще раньше в Библии: «В начале Бог сотворил небо и землю». Один философ отличается от другого только формулировкой этого вопроса, потому что ответ уже заранее предустановлен формулировкой вопроса, часто даже одним термином <1936—1937>

История небольшой погрешности. Раньше небольшая погрешность была действительно недостатком в некотором равновесии и случайно этот недостаток благоприятствовал исследованию. Небольшая погрешность — это уступка, некоторое отступление. Но затем эта погрешность была возведена в достоинство. Небольшая погрешность материализовалась. Философы, делавшие открытия, опровергают естественный материализм, их ученики снова восстанавливают его с помощью терминов учителя, заканчивая его систему. Завершенная система — это материализм <1939>

Последнее слово — этот признак мгновения — не входит в исследование. Ты скажешь: это начало мгновения, частный случай, последнее ощущение, — это небольшая погрешность в некотором равновесии <1940>

Сумерки, ощущение погрешности природы — выход из системы <1940>

Мировые константы в жизни:

1. Жертва — творение.
2. Боль... «Радость — страдание одно» <А. Блок. Роза и Крест>.
3. Некоторое равновесие с небольшой погрешностью.
4. Ничто — что.

Четыре константы — христианские и все связаны с творением из ничто <14.09.56>

Прообраз погрешности — вочеловечение Бога, крест. Погрешность — страдание и боль бытия <07.07.67>

Небольшая погрешность — это неустойчивое равновесие в неравновесии... Я понял совершенство именно в некотором несовершенстве, в недостатке...

Годы	Жизнь	Творчество

Слово нарушило равновесие. Первоначальное Слово нарушило равновесие ничто, создав мир — погрешность к ничто перед Богом.

Вся моя жизнь — небольшая погрешность в некотором равновесии... В этом понимании всей моей жизни, заключенной в моем с е й ч а с, как погрешности я вижу Божественную серию моей атональной жизни — Провидение <18.10.67>

Есть небольшая погрешность в соединении сейчас и сейчас: я стоял перед несуществующим, но с другой стороны тоже ничего не было. <«Об имеющем и отсутствующем»>

Если система устанавливает некоторое равновесие, а что-либо не входит в систему, то есть будет внешним, то равновесие нарушается <1940>

В речитативах Шютца не указана длительность нот. Но это и не надо, в особенности в «Страстях по Иоанну». Длительность указывается произношением, эмфазис же к концу — нарушение плавной речи, и опять здесь не так важен способ нарушения, важно само нарушение <1940>

Существует ли что-либо без погрешности или не существует? И если не существует, ты спросишь: существует ли как часть или как круг? И если как круг, то как несколько кругов и не вполне совпадающих — в этом погрешность <«Примеры»>

В стихах Введенского почти в каждой фразе — главное направление мысли и погрешность к ней — слово, нарушающее смысл <вторая половина 1960-х>

Годы	Жизнь	Творчество
1934	17 августа. Смерть отца	—
1934	—	1. Это и то 2. Классификация точек 3. Движение 4. Признаки вечности 5. О желании 6. Происхождение животных 7. О голом человеке <письмо Хармсу, 1936> <Нумерация работ — авторская>
1936	—	О понимании Окрестности вещей I. Существуют ли первоначально предметы, отделенные от меня? II. О различии мест III. О близости и отдаленности IV. О представлении. О соответствии V. Три погрешности VI. О значении и знаке природы

Годы	Жизнь	Творчество
1930—1936	—	Коричневая тетрадь <Философские заметки> I. Непосредственное то, что стоит передо мною... II. Если я начну с чего-либо, с непосредственного... III. О значении формул IV. Третье несоответствие... V. О знаках VI. Это и то VII. Об этом и том VIII. То и не-то IX. О первой и второй природе Бога X. Формула неопределенного основания Способы тожественного соединения XI. Перед принадлежностями чего-либо XII. О несуществующем XIII. О подлежащем и сказуемом XIV. Об одном одного XV. Об одушевленности других людей К совершенному трактату Исправленное онтологическое доказательство Комментарий к Платону Зима 1936 года (Что меня интересует сейчас?..)
1937	Июль. Арест Н. Олейникова До 22 августа Ноябрь. Расстрел Н. Олейникова	Как меня покинули вестники <Письмо Д. Хармсу>
1939	Работа в баховском кружке под руководством И. А. Браудо	О риторических приемах в музыке И. С. Баха <статья> Месса h-moll Баха <записки> «Страсти по Матфею» Баха <записки>
1939	Окончание экстерном математического факультета Ленинградского государственного университета	—

Годы	Жизнь	Творчество
1939—1940	—	Примеры <15 глав>
«Вместе сорадоваться и вместе бояться сего славного и страшного имени Господа Бога нашего». Когда я прочел Д. И. «Рассуждать — не рассуждать» <гл. 14>, он радовался за меня, как будто бы сам написал это, — сорадовался со мною. У меня сильнее чувство собоязни и сопокаяния <14.08.65>		
1941	—	«Страсти по Матфею» И. С. Баха <брошюра, в соавторстве с М. Друскиным>
1941	Август. Арест Д. Хармса Сентябрь. Арест А. Введенского	—
1941 —1942 (блокада)	Октябрь 1941. Посещение квартиры Д. Хармса после бомбежки его дома на Надеждинской ул. — издалека, с Гатчинской, пешком — чтобы спасти и сохранить архив	—
1941 —1942 (блокада)	—	<Философские заметки> Различные интуиции Пространства мысли <и другие>
1941 — 1942 (блокада)	—	Логический трактат о непосредственном умозаключении <Окончательная редакция — 1952 г.> Вступление I. О высказывании II. О простом умозаключении или суждении второго порядка О переводе одной системы логических форм в другую О сведении наложения к силлогизмам III. О логическом наложении и продолжении IV. О классах непосредственных умозаключений без изменения количества V. О классах непосредственных умозаключений с изменением количества
Подъем и увлечение, каких никогда в жизни не было <до сентября 1941>		

Годы	Жизнь	Творчество

В полном, почти катастрофическом изменении жизни, в непрочности, в неизвестности, что будет завтра, что будет сегодня ночью и, может, через час, в реальных опасностях я реально ощутил характер вечности... То есть я почувствовал полноту и исполнение времен, эсхатологичность моего с е й ч а с <после сентября 1941 г.>

Холод, истощение. Казалось, что уже конец всему... Но все же я уже начал работать, хотя еще не по-настоящему.

«Логический трактат». — Когда я его писал, было так холодно и я так слаб, что больше получаса писать трудно было. Затем мы переехали в одну комнату. Становилось все хуже. Писать перестал <10.02.42>

...Вспомнил, как в Ленинграде в декабре вечером... со страхом думал, успею ли кончить «Логический трактат» к тому времени, когда уже не будет сил работать. И все же... то состояние вспоминаю сейчас со странным чувством: была какая-то страшная радость, то есть было страшно и радостно <30.09.43>

Логические исследования уже несколько лет могли бы быть напечатаны. Но для этого надо... пересмотреть их... куда-то ходить, что-то делать <08.06.69>

1941—1942 (блокада)	—	Контрапункт, или Соблазны Часть III. Царство

...И в философии какие-то тени. И вдруг подъем. Смысл «Царства» — кенозис (Флп. 4,12) <03.05.42>

В январе <1942> в новый мир вошла погрешность. Здесь прибавление через отнимание: я потерял часть себя и пришел соблазн. Как это случилось? Я видел, как слабеют силы, глохнет звук, гаснет свет, умирает ощущение, отпадает чувство. Я видел покойников на улице, смерть, и свою собственную. Я — на границе; и возник соблазн. Появились призраки: люди-призраки и миры-призраки. Они появились в действительности: опухшие или высохшие лица — два способа умирать от голода, жадность, потеря чувств, утренняя полутьма и тени людей. Я был наблюдателем подземного мира, в вечерней же полутьме — ее участником. Тогда я стал писать о призраках и мирах-призраках <03.01.43>

Как я представляю себе мир?.. В одном только мерцании, не в нескольких, только в одном мгновении. <...> В «Царстве» выход или прорыв из существующего, из одного мерцания в то, что выше, то есть к Богу <10.12.45>

«Царство» — полное и окончательное отделение себя <от себя> <10.06.50>

«Царство», кажется, не вполне свободно от мифологического языка «Феноменологии духа» <07.02.68>

1941—1942 (блокада)	—	Симфония, или О состояниях души и пространствах мысли I. О состояниях души 1. Классификация ощущений и состояний души 2. Вторая классификация состояний души 3. Третья классификация состояний души

Годы	Жизнь	Творчество
		4. О простой очевидности II. О пространствах мысли 1. Пространства мысли 2. О степенях мысли 3. О тайнописи

В ноябре—декабре 41 г. — «Трактат о мысли» <Симфония>. Здесь была в самых сложных соотношениях ясность и чистота <03.01.43>

И это одно мерцание <см. с. 536> подобно некоторому ходу мысли, только не отвлеченной, а перенесенной в пространство мысли, то есть получившей существование благодаря новой координате, как об этом сказано в «Симфонии» <10.12.45>

В «Симфонии» я писал об объективировании абсолютных состояний души. Некоторые состояния сами будут своим объектом. Они не направлены на что-либо и не нуждаются ни в чем другом, не отношение чего-либо, вообще не какая-либо форма, но само ч т о <24.12.45>

Мне представилась сама случайность и бесцельность жизни. И сразу же Ты произвел во мне какой-то совсем незначительный, ничтожный сдвиг, как будто две сетки: сетка моей жизни и сетка понимания моей жизни — разошлись, не вполне совпали, а Ты чуть-чуть сдвинул вторую сетку и они совпали: я увидел Твое Провидение в самых ужасных, страшных и непонятных событиях жизни. Это было какое-то мгновенное полное понимание целесообразности всей жизни, всего Твоего домостроительства. Такое полное понимание не могло длиться больше одного мгновения. <...> Как я писал в «Симфонии»: тень мысли на мгновение осветилась и стала действительностью <09.03.66>

1941—1942 (блокада)	—	Тайнопись, дважды сокрытая

Больше всего, может быть, всегда меня интересовала магия. Л. называл мои вещи тайнописью. В Бахе меня интересовали пересечения каких-то линий, давно мне казалась его музыка задачей, которую надо разрешить. Это я и делал в своей работе над Бахом. То же самое я ищу теперь у Хлебникова... Скрытый смысл я искал в «Разговорах» Платона. И то, что я тогда нашел, — тайную жизнь отвлеченных, почти ничего не обозначающих слов-знаков, снова нахожу сейчас, читая «Федона». Такой же тайнописью была и иерография, которой мы занимались с Л. и из которой затем возникли моя тайнопись знаков и «Теория слов» Л.

Может быть, эта магия лежит в основе мысли. Мысль — чудо: бессмысленный знак получил значение. Это по содержанию. При совершении этого чуда рождается душа <конец 1941>

1941—1942 (блокада)	—	Теория нормальной законности философской системы

Из двух различных направлений исходят две системы. Вероятность, что они встретятся и совпадут, ничтожна. Тем не менее они совпали. Это случайность. Эта трансцендентальная случайность — небольшая погрешность в бесконечном несуществовании — есть начало жизни.

Годы	Жизнь	Творчество

Случайное совпадение как закон реализации — ТНЗ <теория нормальной законности>.

Случайное совпадение предохраняет от неразличимости, может, это принцип индивидуализации. Случайное совпадение, в результате которого возникло существование, будет случайным несовпадением для несуществующего <конец 1941>

Теория дихотомического разделения — часть ТНЗ. Каждое деление зависит от интуиции, которую имеет разделяющий. Критерий правильности... один — хотя бы скрытая контрадикторность, а не контрарность, и в основе... coincidentia oppositorum*. Практически же осуществляется различно. Например, интенсивное и экстенсивное: всякое разделение, как сказанное, уже соединено самим высказыванием, поэтому всякое ε-разделение только в намерении и в интенции экстенсивное, как сказанное же стало интенсивным <18.05.67>

1942 (блокада)	Февраль. Смерть Д. И. Хармса	—

3-го или 4-го февраля умер Д. И. Так мне сказали вчера, и если это правда, то ушла часть жизни, часть мира. Ночью несколько раз снилось. Сны ищут оправдания смерти, и этой ночью смерть Д. И. была как-то объяснена, но я не помню как, помню только переломленный пучок прутьев.

В последнее время Д. И. говорил о жертве. Если его смерть жертва, то слишком большая. Сейчас она обязывает... Чтобы она не была такой бессмысленной и ужасной, я снова должен начать писать. Но я надеюсь, может, все же Д. И. жив? <10.02.42>

1942 (блокада)	С 14 марта по 6 апреля. В стационаре для дистрофиков	—
1942 (блокада)	—	Формула чего-либо

Ленинград, май: открыли вторую комнату, вычистили, цветы принес из ясель <работал сторожем при пустых яслях>. И вместе с тем невеселое существование — печаль и обреченность, особенно по вечерам. Тогда писал «Формулу чего-либо» и продолжал «Соблазны» — что-либо, одно и другое <10.01.43>

Некоторые свои вещи или состояния, вызвавшие их, я представляю себе зрительно. Например, начало «Контрапункта», «Формулу чего-либо», «Формулу несуществования» <30.12.50>

Но бывал же я горяч, например в 1941 г.? («Ты ни холоден и ни горяч»). Или это была иллюзия? Я дохожу до нулевой степени, до облаков перед несуществующим, до соседних миров («Формула чего-либо», вступление к «Квадрату миров»), кажется, я бывал горяч. Может быть, так: некоторый ценный металл в чистом виде встречается очень редко, помимо того, суррогаты этого металла часто принимаются за сам металл. Химик нашел слиток, в котором есть следы этого

* Совпадение противоречий (*лат.*).

Годы	Жизнь	Творчество

металла, и пытается отделить его от примесей. Этот химик — я, металл — Бог, слиток — апория, то есть некоторое сомнение. В некотором сомнении я хочу найти Бога. Я не горяч и не холоден, потому что отделение примесей требует большого внимания, осторожности и недоверчивости: не доверять своим чувствам. А может, этот металл именно требует неосторожности и чувств?.. <01.05.53>

Некоторые интуиции, которые у меня есть, удивительным образом объединились в одну. Я думаю о ней формулой. Это формула мира. Я все время пытаюсь записать ее и в «Квадрате миров», и в «Свердловских трактатах» <21.02.45>

1942 (блокада)	18 мая. Посещение дома, в котором жил Д. Хармс	—

На подоконнике против заколоченной квартиры Д. И.

Квартира и все, что с ней связано, — целый мир: распадение, разрушение, обнажение — тела, чувств, мира. Помоги, Господи <18.05.42>

За эти четыре месяца что-то вышло из меня, из нас и теперь... возвращается...

Вышла некоторая конкретность, конкретность связи людей; мы заглянули по ту сторону жизни и, вернувшись в этот <мир>, не может забыть тот, тени с того света уже здесь. Помоги, Господи <19.05.42>

1942	Июнь. Эвакуация из Ленинграда	—

26 июня в 7 часов отошел поезд в Борисову Гриву. Хорошо было в поле. 27-го ночь и утро на берегу Ладоги. Узнал места, где жил 20 лет назад летом. Восход солнца.

Катер — тревога — укачало. После переезда через Ладогу все стало мерзким. Прежде всего поразила быстрота движений, ведь в Ленинграде все мы от истощения ходили медленно.

Узкая насыпь с железнодорожными рельсами на берегу Ладоги, вагонетки, быстрое движение, очереди беженцев, автобусы, пустынная дорога — все это кажется нереальным, как плохой, нудный сон.

В Лаврово нас свалили в пустынном поле. Когда летают немецкие самолеты, милиционеры нас гонят, но куда идти — неизвестно — всюду пусто, деревьев нет. Днем под палящим солнцем, ночью — дождь и комары.

Тихвин. Череповец. Вологда.

Вчера в Вологде пересадка. В вагоне все ссорятся. Мы втроем сидим на вещах, молчим. Полная темнота. Похоже на рассказ, о котором говорил Шура: люди едут на пароходе. Через день-два некоторая тревога. И вдруг вспоминают: они уже умерли, едут на тот свет <01.07.42>

Курган. Ночевали между железнодорожными путями. Чуть не попали под поезд. Целую неделю здесь. Комары. Наконец в настоящем поезде, а не в теплушке едем в Кособродск, где нас будут встречать <17.07.42>

Позавчера вечером приехали в Чашу <село в Челябинской области>. Окончание этой проклятой эвакуации бездарно растягивается, как концы бетховенских симфоний. Два дня в грязи без своего угла в Кособродске. Да и здесь: хаты нет, вещи не разобраны, какая-то унылость во всем <21.07.42>

Годы	Жизнь	Творчество
1942—1943	В селе Чаша Челябинской области	Контрапункт, или Соблазны Часть I. Квадрат миров

Эвакуация выбила меня из колеи, только в конце сентября 1942... начал писать «Квадрат миров» <25.11.42>

Теперь снова жизнь неудобств... Отвлеченность в полном разделении: жизнь неудобств, которая и сама отвлеченна, и «Соблазны», которые пишу. Здесь всегда было разделение, но не такое, не полное, сейчас — полное <10.01.43>

Сейчас мне кажется, и эта отвлеченность была мне полезна... «Соблазн должен войти в мир», и «Соблазны», которые я писал, были именно преодолением соблазнов <из добавления 1967 г.>

Никогда не писал так долго и не думал так много, как сейчас над «Соблазнами», и много раз уже казалось, что не удается. Но сейчас вдруг сдвинулось и каждый день нахожу удивительные и прекрасные соотношения и удивляюсь, как это мне... дано увидеть столь прекрасное. Но что здесь прекрасно, не могу сказать, и то радуюсь и восхищаюсь, то ужасаюсь и отчаиваюсь от открывшейся пустоты. Я вижу некоторую погрешность — небольшую погрешность в некотором равновесии — и в восхищении и ужасе уже не могу сказать, прекрасно ли это или пусто и страшно, потому что не осталось уже ничего моего, не осталось меня <14.10.43>

Как я представляю себе мир?.. В одном только мерцании... Само же это одно мерцание, подобное ходу мысли, — **один** ход мысли в пространстве мысли, но у нас разлагается на ряд ходов, и они изложены в «Квадрате миров». Это существующее <10.12.45>

Пробую заняться «Квадратом миров». Когда дошел до гл. 9, показалось, что в 9-й гл., где начинается главное, — полная неопределенность. Сегодня же понял, что там нет неопределенности. И дальше, кажется, хорошо, во всяком случае термины: мир того же самого, обратный мир, мир взаимного несоответствия и мир другого <01.12.48>

О «Квадрате миров». Кажется, я нашел переход ко второй части — *само и для себя* — и вдруг 3-ю часть: опровержение и восстановление философии, и это было, как внезапное освещение нового, никогда не виденного мира. Это было так интересно и важно, что все другое отпало само собой <23.11.49>

Мне надо закончить «Квадрат миров». Я предполагаю так: опровержение философии, «Формула чего-либо», «Формула несуществования», последние два написаны, но опровержение философии — напишу ли? <29.01.50>

1.II.<1943> закончил «Квадрат миров» и 1-е добавление, через месяц — 2-е. В «Квадрате миров» я строил миры, избавляясь от своей нечистоты. Оставляя одно место пустым, я получал мир. Я сам был в том мире, часть меня отделялась от меня, я весь отделялся от себя, тогда был чист, почти чист. Это отделение было деятельностью моей мысли, это отделение не было полным <10.06.50>

Что я хочу сделать (в 1952 г.): исправить... «Квадрат миров», «Числа»... (31.12.51)

Сейчас я особенно ясно понимаю необходимость оставить свое и, когда пишу, может быть, в писании и оставляю, как я сказал об этом в «Контрапункте» <05.02.53>

Я писал в «Квадрате миров»: я опустошаюсь. Он наполняется. И Он наполняет <29.07.65>

Годы	Жизнь	Творчество

Я всегда чувствовал: я не написал, а только записал, что мне дано было. Заканчивая вещь, я чувствовал: через меня прошло, опустошило, опустошило от всей заполнявшей меня грязи, теперь я пуст, пуст и чист, почти чист — так записал я, закончив «Квадрат миров» <25.11.68>.

1942—1943	—	Формула несуществования

В декабре <1942> написана «Формула несуществования». Она возникла внезапно: наша изба была дырявая, щели мы затыкали ватой, воробьи вытаскивали ее, дверь на двор плотно не закрывалась, дуло, а морозы бывали до 50 градусов. Утром вода в ведре замерзала. Писал я поздно вечером в пальто и шапке — так было холодно. Керосина не было, а на скипидаре коптилка каждую минуту гаснет, спичек же мало. Поэтому на столе стояли две коптилки: гаснет одна, зажигаю от первой вторую. И вот вечером внезапно что-то пришло мне, кажется, написал все сразу. Я долго сам не мог понять «Формулы несуществования», одно я знал твердо: это не нигилизм, совсем наоборот, наиболее сильное утверждение Бога и Его Провидения — это апофатическая теология. И такое же ощущение было у меня, когда я писал: все кругом трудно, страшно и плохо — и это именно хорошо <25.11.42>

«По-видимому, ничего и не останется» — так кончается «Формула несуществования». Как это понимать? Ничего не останется — это можно понимать как уничтожение некоторой внешней реальности — ведь не останется ничего существующего. Затем это можно понимать как призрачность и недостоверность всего существующего. Затем — как бессмысленность существующего. Затем — как бессмысленность моей жизни, отсутствие радости, печаль. Опять некоторый квадрат:

несуществующее — призрачность

бессмысленность — печаль

<...> Это одна реальность: два моря, соединенных проливом. И если во мне жизнь бессмысленна, то и вне меня. Эта бессмысленность жизни ослабляет доверие к ней и делает ее призрачной: я не нахожу в жизни ничего устойчивого. От призрачности жизни я перехожу к несуществующему. Над несуществующим пронеслось облако — на одно мгновение оно закрыло несуществующее и возник призрак жизни. Но вот оно прошло и снова видно: есть одно несуществующее безоблачное и пустое. Это не просто личное ощущение... но абсолютное ощущение реальности, причем пустой, незаполненной, то есть сама реальность, само бытие.

(Реальность, о которой я говорю здесь, абсолютная, полная реальность, тогда — Бог, а реальность несуществующего — Бог несуществующего, потому что в сравнении с Ним все — не-сущее, и смысл — бессмыслица, и жизнь — не жизнь.) <01.03.43>

Мои «Формула чего-либо» и «Формула несуществования» противоречат ли друг другу? И противоречит ли «Формула несуществования» Евангелию? Вот есть мир — некоторая реальность. Но уже, сказав это, я допустил погрешность. Могу ли я утверждать, что есть одна реальность? Поэтому исправлю: есть некоторые реальности. Но и здесь найду погрешность: сказав «некоторые реальности», я

Годы	Жизнь	Творчество

предпочел существующее несуществующему. Тогда скажу: есть что-либо... Я... ищу некоторый частный мир — частную реальность. Найдя какую-либо, я остановлюсь на ней и начну снова... и приду к другой реальности. Противоречат ли они друг другу? Они несравнимы, каждая будет... полной реальностью, но и я сам — одна индивидуальность — нахожу в себе различные состояния, почему же реальности, которые я нахожу, должны быть все одинаковые?

<...> Что значат такие слова, как время, смерть и бессмертие, душа, Бог? Это знаки каких-то наиболее сильных реальностей. Но, может, иногда ко мне приблизятся эти реальности, если вместо «душа», «Бог» я скажу просто — это, то, не то, одно или другое? Может, о душе если говорить прямо, то она ускользает, и, чтобы увидеть Бога, надо найти Ему другие имена, не прямые, и, может быть, самые обыкновенные Ему больше пристали, чем возвышенные. Тогда надо понимать самые простые слова и находить Бога и там, где уже ничего не останется и что называем несуществующим. И где же и является скорее всего Бог, как не там, где уже ничего не осталось?

...Так вот, я не боюсь внешнего противоречия и несовместимости, и, хотя я писал о различном, всегда пишу об одном, и подхожу к нему с разных сторон, и то ужасаюсь, то радуюсь, трепещу, уничтожаюсь, удивляюсь, возвеличиваюсь, прихожу в отчаяние, восхищаюсь. Вижу его величие и пустоту, богатство и бедность, полноту, жизнь, уничтожение, ничтожество, силу и мощь, вижу его как существующее и несуществующее, и за ним — Бог. Относительность ли это, релятивизм? Признавая различные реальности, признаю ли множественность самостоятельных реальностей, какую-то множественность миров? Нет, за тем, что я вижу, — один Бог. Но что мне сказать о Нем прямо? Что надо было сказать прямо — сказано в Евангелии. Поэтому я ищу Его непрямые имена — знаки, приметы, улики Бога — знаки Его знаков. И то, что мне не совместить, я не стану считать несовместным для Бога. Я не могу уже совместить некоторые знания с верой, я не могу совместить Бога с человеком, но тем сильнее я верю в Богочеловека, в этом и сила веры <01.10.43>

<...> Может, мне надо опустошиться... и пройти сквозь страх и ужас к восхищению? И чего пугаюсь? Открывшегося ли передо мною несуществующего или жалко облачка, закрывавшего его, — моей жизни, меня? Может, это несуществующее — несуществующее в сравнении с привычным существованием, может, это вечная жизнь, противоположная смерти — моей жизни, которую жалко <14.10.43>

Отличие высокого стиля от низкого. Если что-либо мне является вдруг, само что-либо, а не предложения о нем, хотя и определенное предложение может стать этим чем-либо, так, что я делаюсь одержимым, как, например, в «Формуле несуществования», то это высокий стиль <31.07.60>

...Снова пробегает облако, закрывающее от меня на время, на очень короткое время, тленность всего земного и ничто — Божье ничто <13.03.68>

Еще Л. и Н. М. сказали, что мои вещи поэтичны. Я бы сказал: музыкальны. <...> Критерием музыкальности я пользуюсь и в самых абстрактных вещах. <...> Музыкальный критерий соответствует материальному пониманию. Поэтому... для понимания моей вещи не всегда обязательно понимание каждой отдельной части: важно понять целое, тогда от понимания целого станет понятной и каждая часть в отдельности.

Годы	Жизнь	Творчество

В «Формуле несуществования» возражения собеседника, кончающиеся вопросом: что доказал ты этим? — хотя и понятны были мне, когда я писал, сейчас непонятны даже мне, и тем лучше, что непонятны. Может быть, там можно вставить все что угодно, и читающий, как в алеоторике, может понимать эти возражения как хочет, даже заменять их своими, хотя бы совершенно бессмысленными, словами, только обязательно кончать словами: что доказал ты этим? Здесь важно, что два человека спорят, не понимая и даже не слушая друг друга. К концу приходят к полному взаимному пониманию-непониманию... К концу они непонятно как соединились.

Так же музыкально и название вещи. К «Формуле несуществования» второе заглавие под первым: «Вступление и разговор» <02.04.72>

Годы	Жизнь	Творчество
1943	—	Контрапункт, или Соблазны Часть II. Числа

Весной и летом стал писать «Числа», но не вышло. Много раз начинал и снова бросал <1943>

Годы	Жизнь	Творчество
1943	Осень. Переезд из села Чаша в Свердловск	—

У нас Бог нужен и есть возможность для Бога: предметность, но Его нет — что-то Его не терпит. Там Он есть, но нет Лица и Он — безличный Бог. Это антиномия Бога. Он нужен и может быть как Лицо, но Его нет. Он не нужен и есть безличный Бог. Это Его природа, надо совместить обе части антиномии. Это — как некоторое сомнение и колебание между тем и другим. Когда же совместится — это уже не Бог, это Его природа и дыхание, Сам Он — за этим <08.12.43>

<Из этой записи, по словам автора, возникли «Свердловские трактаты»>

Годы	Жизнь	Творчество
1943—1944	—	<Философские заметки> Свердловск 1943—44 Свердловск 1944 <рубрики в тетради>
1944	—	Свердловские трактаты <«Трактат Формула Мира», окончательное название — «Трактат Формула Бытия»>

Смысл... «Свердловских трактатов»: только Бог и есть, все другое только придумано, придумывание и есть то, что сотворил Бог. Мир — мысль Бога или Слова. Но это еще не тот мир, в котором, как нам кажется, мы живем. Тот станет через Слово, которое для этого станет нашим словом — мыслью. Слово не сотворено Богом, Слово — это принцип творения. Неясна еще функция третьей Ипостаси. Она не сотворена, как и Слово, и, может, это идея пребывания в принципе творения. Поэтому Слово у нас стало плотью. **То** — не у нас, а Бог дальше... Два смысла моего, и первое пусть будет свое, а второе — мне. Свое — это **само**, предметное, а **мое** — чистое **как** — первый признак реальности. Второй

Годы	Жизнь	Творчество

признак реальности — не-мое. И его надо отличать от не моего во мне, которое отпало от меня при поисках меня. Первое же не-мое — абсолютное <23.12.44>

Закончил «Свердловские трактаты» в конце 1944 г. <08.03.45>

Формула существования: здесь, там, там-здесь и там, там-здесь и там-у нас...

здесь ———— там ———— В начале было Слово
там ———— за тем ———— Слово было у Бога
там-здесь и там ——— там-за тем ———— Слово было Бог
там-у нас ———— за тем-у нас ———— Оно было в начале у Бога

«За тем» не только не-наше, но еще дальше, чем «там». Но «за тем» находим наше и здесь «за тем» и «за тем» через Слово и у нас. То, что дальше трансцендентного и выше высокого, через Слово стало моим.

Иной способ бытия: существующее не в существующем, а за существующим — оно есть не там, где есть, но за тем, причем дважды: первое возвышение — в начале у Бога, второе — у Бога Бог. <...> Творение обращено в две стороны: к нам — в начале было Слово, и к Богу — и Слово было у Бога... То, что не-мое и никогда не было моим, только то и есть мое <14.03.45>

У меня есть некоторая словесная двусмысленность, и даже больше чем двусмысленность. Иногда я называю тем **то**, о чем не могу думать, иногда не-наше, иногда наше, но обычно это видно по смыслу. Двусмысленность вынужденная, так как то и не-то — не что-либо определенное, но смысл смысла <02.01.46>

Планы: «Свердловские трактаты» — хочу их переделать <02.05.46>

...О боли я говорю в конце «Свердловских трактатов»: это вызвано эмпирическими условиями: иногда мы вынуждены сказать в конце то, что есть в начале, в любом сейчас или, вернее, просто сейчас <29.01.49>

О боли. Я не чувствую чужой физической боли, но моральную, ту, о которой я писал в «Свердловских трактатах», то есть «отец не понимает сына» (термин Л.). Можно было бы сказать: никто никого не понимает. Эта боль мне ясна, и я чувствую ее как свою <26.03.50>

Формула существования: это есть то, которое есть это и то.

Затем словами:

1. Существующее, которое есть существующее и несуществующее.
2. Действительное, которое есть тожество действительного и возможного.
3. Существующее, которое есть тожество существующего и способа существования.
4. Что-либо, которое есть тожество чего-либо и его обратной стороны и т. д. <10.12.50>

В этом исследовании упоминались слова: наше и не-наше, у нас: здесь и там. Эти места не в пространстве: здесь или там и не во времени: раньше или потом, но в понимании. Это способ понимания, и способ понимания станет способом существования <16.01.51>

Вещь явилась мне сначала как некоторый образ-ощущение... Конец трактатов — страшное время дня, после пяти часов, в комнате в ожидании лучей заходящего солнца, точка, затерянная в пустом пространстве, непонимание.

Два предела: внизу кровь и мясо — граница дозволенного, вверху чистая формула. Это применимо и к философам: 20 лет назад интуиция у меня была более

Годы	Жизнь	Творчество

чувственной. Последние чувственные интуиции... «Формула несуществования» и «Свердловские трактаты».

Отдельные возвращения к конкретности... боль в «Свердловских трактатах» <24.03.55>

«Свердловские трактаты» — это критерий отвержения ложных, то есть субъективных, критериев.

В «Свердловских трактатах» есть глава о моем и исключении моего: все мое не-я, значит, не-мое <07.01.65>

Душевное — это, долг — другое это, то есть то как это, оба — естественные состояния. Теономная этика — то, то есть тожество этого и того <30.01.65>

Май 1911 — призвание, удивление перед непонятным величием... с тех пор весной и летом в солнечный день время с пяти часов до семи-восьми кажется мне таинственным и страшным. В Свердловске в это же время мне пришел на ум «Уклончивый ответ» <из третьей, заключительной части сочинения «Трактат Формула Бытия»> <12.02.65>

<Просматривая «Свердловские трактаты»> Обычно мистику соединяют с растворением **я** в Боге, вернее в безличном Божестве. Такой мистики у меня не было и нет. Но если философия сводится к утверждению двух несовместных предложений типа $A \wedge A$, то если она экзистенциальная, то есть переживается как полная реальность, то что же это как не мистика? Логически $A \wedge A = 0$, но у меня $A \wedge A = \infty$. Тогда это экзистенциальное личное общение с Богом <04.05.66>

Из «Свердловских трактатов»: есть **это** — наша эмпирическая жизнь и **то** — другая жизнь, невидимо а иногда и видимо присутствующая в этой. Два пути: видеть **то как это** (психологизм) или увидеть в **этом то** (Провидение) <26.06.67>

Духовное открывается в косвенной речи: откровение в сокровении, сокровение в откровении. В терминологии «Трактата Формулы Бытия»: **это и то**. Всякое то, как только то, есть это, то есть тожество этого и того <27.09.67>

...Никакое **что** не может быть абсолютным, абсолютен только **Кто**. Об этом я писал во 2-м или 3-м «Свердловском трактате» <15.04.68>

Вообще бессмысленный наивный антропоморфизм отделять от Бога Его мысли. Ведь это мое разделение, мой грех, что мои мысли только **мои**, иногда я и все же не-я. Вернее, я и не-я. И если мои мысли — только мои, то могут быть и другие — не-мои, хотя и у меня, тогда есть уже разделение. Наивно и глупо переносить это разделение на Бога. Бог и есть то, что Он думает о Себе, — Логос. Моя мысль принадлежит к возможному, тогда возникает и категория необходимости... Но если мысль-предположение и есть реальность, как я писал об этом во 2-м или 3-м «Свердловском трактате», то нет и самой категории возможного и необходимого. Это и значит: «Если Сын освободит вас, то...» <12.05.68>

Я прочел: «Имя, не обладающее признаком, который оно обозначает». Это то, о чем я писал в «Симфонии», — о мысли и ее тени, в «Свердловских трактатах» и в других вещах. Слово, не обозначающее то, что оно обозначает, — вот, может, главное, формально, эйдетически главное, что объединяет мои и Шурины вещи. Ведь и Слово, то есть Бог, стало тем, что Оно не есть, — человеком. Но и в том, что Оно не есть, Оно есть то, что оно есть, — Бог. Тогда: слово, не обозначая то, что оно обозначает, или обозначая то, что оно не обозначает, обозначает то, что оно обозначает; обозначая именно не то, что оно обозначает, оно обозначает то, что оно обозначает. Это обозначение того, что обозначает через обозначение того,

Годы	Жизнь	Творчество

что не обозначает, — предмет лингвистики, логики, гносеологии, теологии и поэзии <22.11.68>

В 3-й части «Трактата Формулы Бытия» я ищу неизвестный ответ на неизвестный вопрос. Я ищу, концентрическими кругами сокращая область, где лежит неизвестный ответ на неизвестный вопрос, и прихожу к области с наименьшим радиусом. Я назвал ее «Уклончивый ответ». И не только ответ, но и вопрос остался несказанным, потому что разум, павший в Адаме, не может даже правильно формулировать и сказать главный для нас вопрос. Но область, где лежит неизвестный ответ на неизвестный вопрос, сократилась до некоторого минимума: я подошел к окрестностям ответа на некоторый вопрос <15.02.69>

Царство Божье в Евангелии упоминается иногда как будущее, иногда как настоящее. Последнее, говорят, в том смысле, что Божья воля неизменна... Но тогда я разделен уже не только в грехе, так как я уже сейчас и здесь и там. Об этом в «Уклончивом ответе»... <23.11.69>

В «Трактате Формуле Бытия» — состояние-свершение: состояние — здесь, свершение — там, и там состояние-свершение, так как **то** есть тожество того и этого <31.10.74>

Я вижу не то, что вижу, и не таким, каким вижу, так как вижу не только глазами: ум вносит греховную, ложную коррекцию в то, что я вижу, поэтому вижу не то, что вижу. Пример с журналом «Курьер Юнеско»: на обложке написано — Рубенс, а видел — Рембрандт <Записано со слов автора в сентябре 1977 г.>

Годы	Жизнь	Творчество
1944	**Сентябрь.** **Реэвакуация в Ленинград**	—

Приехал в Ленинград 20 сентября. Через две недели начал эту записную книжку <«Принадлежности»>, еще через две недели, в середине октября, <продолжил> «Свердловские трактаты», затем «Симфонию». Закончил в конце декабря, а затем уже два с половиной месяца ничего не пишу... Прочел Евангелие с Посланиями и Апокалипсисом. Пытался читать: Больцано, Гуссерль, Флоренский, Шпенглер, Мальбранш, Чичерин («Логика» и т. д.), Франк («Философия и жизнь»), какие-то немецкие книжки. Там: «Эйнштейн и религия». Чуковский: «Люди и книги 60-х гг.». Гершензон: «Ключ веры», «Переписка», «Эпоха Николая I» и многое др., но дочел до конца только «Ключ веры» и «Переписку».

Пытался писать: комментарий к «Исследованию ужаса» Липавского, «Разговоры с Мальбраншем»... Завел две тетради: ФУ <«Формула уныния»> и вторую сегодня — по поводу Куно Фишера <08.03.45>

Годы	Жизнь	Творчество
1944	Сентябрь. В дневниковых записях впервые появляется слово «игнавия».Со второй половины 30-х гг. до октября 1963 <смерть матери> периоды творческой активности сменялись периодами уныния, когда что-то мешало писать. Состояния уныния автор назвал «игнавией» (от лат. ignavia — вялость, недостаток энергии, малодушие)	—

Годы	Жизнь	Творчество

В 1944 г., вернувшись в Ленинград, я начал восьмую тетрадь «Принадлежностей». Через несколько месяцев, не закончив этой тетради, в великую игнавию в феврале 1945 г. завел новую, назвав ее «ФУ» — «Формула уныния». Следующие тетради «Принадлежностей» носят это же имя... <предисловие к «ФУ 1»>

Уныние — это некоторая борьба при очевидном перевесе сил противника. Как побороть его?.. У меня определенная задача: понять игнавию <начало «ФУ 1»>

<Абсолютные состояния> Некоторые состояния сами будут своим объектом. Они не направлены на что-либо и не нуждаются ни в чем другом, не отношение чего-либо, вообще не какая-либо форма, но само **что**... Это и есть философия: что-либо мое, отношение к чему-либо обнаруживается как что-либо, а то, к чему оно первоначально относилось, — как видимость, несуществующее. Так же и игнавия. Материальная игнавия или по содержанию — абсолютное состояние и причина того, что я не пишу. Формальная игнавия — уныние оттого, что я не пишу, вернее оттого, что я не могу освободиться от материальной игнавии. Дело не в том, чтобы писать исследования, игнавия мешает видеть, и от этого я не могу ни писать, ни видеть <24.12.45>

В игнавии надо различать:

1. Некоторое безразличие и пустота, все кажется неинтересным: и свои прежние вещи, и книги, и науки. В этом состоянии я сижу часто часами, ничего не делая и не думая.
2. Попытка что-либо написать, все равно что, что-либо. Но проходят часы, и ничего не пишется.
3. Некоторое томление от отсутствия мыслей.
4. Скрытая игнавия, когда занимаешься ненастоящим делом, как, например, в Свердловске летом 1944 г. — физикой, в 1945 г. — выставкой для Филармонии,* весной 1946 г. — теорией групп, в 1948, осенью, — теорией множеств... томишься, что своего не делаешь <01.02.49>

Два рода игнавии: нулевое состояние, когда ничего не видно и нечего сказать, как у чеховской Душечки между двумя любовниками; другой род, когда знаешь и видишь, но не можешь соединить и нет интуиции целого <22.02.53>

Я хочу понять игнавию, я буду думать о ней. Но как думать о ней, если игнавия и есть то, что уничтожает мысль? Что значит уничтожает мысль или нет мысли? <14.04.53>

Бог дал мне на 4 месяца игнавию, чтобы я обдумал, что «к суду я не готов» <А. Пушкин. Странник> и что на суде меня будут спрашивать не сколько хороших книг я написал, но сколько хороших дел сделал <24.08.59>

Надо ли писать? Почти год я не писал. В августе начал и мне стало стыдно. Я думал, обычная игнавия, даже великая, но потом увидел — нет. «К суду я не готов». Что же важнее, писать или готовиться к суду? Месяц я писал, потом снова не писал. Иногда пробовал, садился, что-то записывал и снова бросал <31.01.60>

Игнавия, которая бывала у меня до 16.X.63, — это невозможность и быть при деле и не быть при деле <25.05.67>

В игнавии именно было желание **быть** при деле, но при главном деле и от этого невозможность быть при всяком другом деле. Но еще не было сознания того, что главное дело — **быть** не при деле. <...> Не иметь, где приклонить голову <11.06.67>

* Подготовка двух больших экспозиций для Ленинградской филармонии — к 175-летию со дня рождения Бетховена и о симфонической культуре Петербурга — Петрограда 1802—1921 гг. — с очерком истории симфонических концертов этого периода.

Годы	Жизнь	Творчество
1944	—	Контрапункт, или Соблазны Часть II. Числа

<Снова начал писать> В Свердловске, в августе, и в Ленинграде, как приехали <11.11.44>

В «Числах» у меня предполагается мир, который проходит через любой другой мир <23.03.45>

В «Числах» это одно мерцание <см. с. 536, 537> должно быть изложено так, как оно кажется, — как система. Тогда как незакрепленная сеть узлов должна распуститься, так и эта система разложится в н и ч т о. Здесь уже пронеслось облако перед несуществующим и открылось ничего не затемненное н и ч т о <10.12.45>

Смысл «Чисел»... возвращение к себе <10.06.50>

«Числа» довел до опровержения системы квадратов, и написанное надо исправлять <19.05.51>

Что я хочу сделать <в 1952 году>: исправить... «Квадрат миров», «Числа»... <31.12.51>

Годы	Жизнь	Творчество
1945	—	Основы трансцендентального учения о практических постулатах чистого разума <вторая редакция и Комментарий; первая — 1926—1929?>

Написал Комментарий и исправил и переписал «Основы...» <08.03.45>

В моих «Основах...» есть некоторое упорство и сила, несмотря на ошибки и некоторую нелогичность, но, может, это и дает силу. Может, сила в непоследовательности и нелогичности, подробное же обоснование и пространный способ рассуждения, устраняя некоторую непоследовательность и нелогичность, ослабляет.

Пусть дана формула. Но осталась жизнь. Формула ясна, жизнь не ясна. Формула есть, существует, жизнь — мнимое существование. Но вот это мнимое существование восстает во мне против формулы. Хотя и восстание его заключено в формулу <21.02.45>

Свобода, необходимость, мотивированная и немотивированная свобода, убежденность, интеллектуальная, нравственная, религиозная необходимость убежденности, определение свободы у Спинозы, категорический императив, моральная необходимость категорического императива, свобода во Христе — удивительно, как до сих пор не сформулированы, то есть просто не обдуманы до конца, все эти понятия. Об этом я писал еще в 1941—42 гг. и раньше — болевой характер системы <12.05.68>

Годы	Жизнь	Творчество
1945	—	Исследование о критерии

Через 15 лет я снова вернулся <к «Исследованию о критерии»> и в 1953 г. закончил последний, кажется, десятый вариант <на отдельном листе, 1972>

Когда я закончил «Критерий», я почувствовал: я достиг некоторого равновесия с небольшой погрешностью. Но погрешность еще слишком велика — надо

Годы	Жизнь	Творчество

ее уменьшить. Я стал писать Добавление (второе). Но затем обнаружил: я не могу замкнуть круг — одностороннее синтетическое тожество — та же апория. Круг остался незамкнутым, я начал второй круг: ◯ ◯ ... <28.03.68>

Когда... первая редакция дополнения к «Критерию» подходила к концу, я заметил, что это не дополнение к «Критерию», а новая редакция того же исследования, но написанная другим языком и в другом плане. Я рассказал это раз В. В. Он сказал, что с ним это тоже бывает в живописи, он назвал это восьмеркой, только в лежачем положении... Я думаю так: ∞.

Я иду дальше, а на самом деле возвращаюсь к началу, но уже в другом плане <из записей В. Вургафтика со слов автора, 1970-е>

Две возможности. Я зафиксировал факт. Фиксация — некоторая схема. Затем я реализую ее. Это первая возможность. Вторая: схема оказалась неудачной или не вполне удачной, но я не бросаю ее, а вношу дополнительные определения и изменения, чтобы возможно было реализовать ее... В «Критерии» я шел по первому пути <07.10.71>

...Абсолютный факт — абсолютная субъективность, в «Критерии» с самого начала сильнее подчеркнута абсолютность, в «ТФТ» — субъективность. Это два взгляда на тот же абсолютный факт, поэтому в последовательности изложения некоторый параллелизм: абсолютный факт (апория) — фактическая возможность — единственный факт (сдвиг апории).

Мне кажется, «Исследование о критерии» выдержало испытание временем...

...Когда я уже отошел от вещи и не живу в ней, а возвращаюсь к ней через 10, 20 или 40 лет, я нахожу, что недостатки, погрешности, может, даже ошибки реализуют ее. Те погрешности, которые меня мучили, когда я писал, исправлял и все же не мог вполне исправить, сейчас я вижу как реальность интуиции, как жизнь интуиции, реализованную в вещи <10.10.71>

...До Георга <до сна о Георге> написал «О критерии», «О единице», «Пути неба», «Небо и но» <15.04.45>

Годы	Жизнь	Творчество
1946	—	О единице. Третье исследование о непосредственном и его основании

С а м о и основание порядка: в «Исследовании о единице», в второй части «Критерия», возможно, в «Числах» <02.01.46>

Пробую переделывать «О единице». Формула существования: это есть то, которое есть это и то. Надо найти различие каждого обозначения: несуществующее, возможное, способ существования, отрицательное существование <10.12.50>

Переделываю «О единице». Кажется, 20 или 25 лет назад я видел больше, но неясно и плохо понимал — это от неясности, а сейчас — яснее и лучше понимаю, но вижу меньше. Тогда жизнь уподобится конусу и в вершине полная ясность: одна точка — смерть <27.01.53>

Так как я думаю... о второй части «Критерия», то мне интересно исправлять... «О единице»... получалось, кажется, неплохо, но бросил <22.02.53>

Зимой, перечитывая и переделывая «О единице», я убедился... вся вещь до конца имеет смысл... Чем больше я читаю свои старые вещи, тем больше мне

Годы	Жизнь	Творчество

кажется, что, может, и стиль их правильный. Например, в «Единице» я снова восстановил «свет из несуществующего»... Вообще в старых вещах рисунок чище, то есть точнее.

Если можно различать границы дозволенного по замыслу и по выполнению, то в старых вещах я ближе подходил к границам дозволенного по замыслу, а сейчас по выполнению. Но это неточно: может, там по интенсивности, а сейчас по экстенсивности я ближе к границам дозволенного <17.06.53>

Годы	Жизнь	Творчество
Конец 1940-х — 1960-е	Увлечение живописью (Феофан Грек, Рембрандт и современность). Сближение с В. В. Стерлиговым (учеником Малевича) и Т. Н. Глебовой (ученицей Филонова). Знакомство с семьей художников Трауготов	—

Однажды Владимир Васильевич <Стерлигов> и я были у художника, назовем его N. Он показывал нам свои картины. В. В. отвечал, рисуя. Почти каждую картину художника N он срисовывал, вернее перерисовывал, **чуть-чуть** изменяя расстояния между людьми и предметами... иногда **чуть-чуть** отодвигая их от края картины. И от этого **чуть-чуть** картина совершенно менялась. Известно, что разница между бездарностью и талантом или гением и заключается в этом **чуть-чуть**. Были мы у N лет 15 или 20 назад, сейчас я уже не помню этих картин, помню только, как интересно было смотреть на это **чуть-чуть**... В. В. Стерлигов был большим, а может, и великим художником (последнее определяет только время, Баха признали великим через 100 лет после смерти), но, помимо того, он, как Шёнберг, был прекрасным учителем и создал... целую школу <на отдельном листке-карточке без даты, 1973?>

Годы	Жизнь	Творчество
1951	—	Пути неба Небо и но

Конец «Путей неба»: я различаю мое и не-мое, наше и не-наше. Я здесь и там, и там осужден быть здесь. Это исследование названо «Пути неба». Что небо? — Судьба: власть не-моего, сила не-нашего, осуждение быть здесь. Если же это название покажется тебе многозначительным, то считай **небо** сокращением: **не**посредственное **б**ез его **о**снования или «Непосредственное и его основание». Погрешность будет небольшая <03.01.51>

В трактат о «Небе и но» я ввел себя исследующего. Я ввел себя как элемент себя, как знак недостатка в непосредственном. Во-первых, должно быть и место меня, место, где я. Во-вторых, это **я** — только знак и место — пустое <14.03.51>

Трактат о «Небе и но» пишу уже 3 или 4 месяца. Почти дошел до конца и снова начал сначала.

В трактате о «Небе и но» я пытался сказать некоторые отношения так, чтобы ни один из членов отношения не стал ни подлежащим, ни существительным <12.02.53>

Годы	Жизнь	Творчество
1952	—	Рассуждения преимущественно **в низком стиле** Часть I Рассуждение о трех стилях Рассуждение о соответствии Приложение: 1, 2 Ответ на вопрос, заданный философу... Часть II О некотором сомнении и воздержании от суждения О высказывании О сомнении О свободе О воздержании от суждения

Сомнение — состояние души, я назову его апорией, обе возможности — сторонами апории <из второй главы части II>

Когда кончу «Исследование о критерии», буду писать «Рассуждение о критерии в низком стиле». Там будет: во-первых, подробное изложение первой апории — исследование, тожественное и не тожественное предмету, без этого все здание на песке... Закончено будет теорией трех стилей <20.03.52>

О стиле. Стиль — проявление внутренней силы, или, лучше, интуиции, или еще лучше — освобождение от своего: **как** я освобождаюсь от своего. Чем больше сила освобождения от своего, тем неподражаемее стиль. Поэтому подражать Евангелию — безвкусица, так как никакой силы не хватит превзойти Евангелие, то есть Его силу.

Стиль — уничтожение старой сетки, наложенной на реальность, то есть прошлого. Сейчас все это не сейчас — прошлое. От этого необходимость нового стиля. Поэтому же нельзя писать под Баха или под Леонардо, так как это не сейчас, а стиль — сейчас: освобождение от своего, то есть определенной сетки и прошлого <23.10.52>

Низкий стиль: мои мысли, чувства, мои состояния, вообще мое.

Средний стиль: мои состояния как не-мои, мое как не-мое.

Высокий стиль: не-мое и в нем, как случайная подробность, мое: мои состояния, я, я **сам**.

В «Квадрате миров» вступление — средний стиль, неудавшаяся средняя часть — высокий стиль, «Формула чего-либо» — высокий стиль, «Формула несуществования» — средний или высокий стиль? <11.06.56>

Отличие высокого стиля от низкого. Если мне легко писать... потому что я имею определенный запас предложений о некотором предмете и мне остается только расположить в придуманном мною порядке, самому придумав план, то это низкий стиль — я пишу о чем-либо, а не что-либо. Если что-либо мне является вдруг, само что-либо, а не предложения о нем, хотя и определенное предложение может быть или стать этим чем-либо, так что я делаюсь одержимым... то это высокий стиль. Здесь я не сочиняю... а непосредственно вижу... Это тожество бытия и мысли...

Годы	Жизнь	Творчество

В творчестве высокого стиля я отказываюсь от себя и отдаюсь исследованию-предмету <31.07.60>

В низком — я пишу, в высоком — записываю то, что только проходит через меня... По-видимому, есть разница как я высказываюсь. Если очищаюсь, то есть радикально высказываюсь, полностью, то это уже... не перед самим собою и не я сам высказываю себя. Я сам грызу себя самого, могу ли я сам освободиться от себя самого? Тогда — перед Богом и Он освобождает меня от меня самого... И когда пишу.. вещь, всегда есть ощущение независимости вещи от меня, ее внутреннего строения, архитектоники, которую мне надо угадать, увидеть...

И в этих тетрадях <«Принадлежностях»> я не пишу, а записываю то, что Бог дает мне увидеть в моей душе, саму мою душу, принадлежащую не мне, а Ему <12.01.69>

Годы	Жизнь	Творчество
1954	Знакомство с трудами Кьеркегора (на немецком языке)	Конспекты, возражения, комментарии

Еще бывает так, что непонимание зависит от разных языков. Так было у меня с Кьеркегором <далее К.>. Когда я читал его раньше, я писал «Критерий» или «ТФТ», поэтому и думал на языке «Критерия» или «ТФТ» и не заметил, что у К. есть и чисто философские утверждения, часто близкие мне. Год назад я нашел ключ к переводу с его языка на мой <10.05.67>

К. искал читателя, который бы его понял и тогда отверг, потому что человек повод, учитель один — Бог. Понять — это значит целиком принять и целиком опровергнуть. Поэтому Хайдеггер, Сартр, Ясперс, Бультман, вообще философы, философствующие ни о чем, не понимают К. Они частично принимают, частично отвергают, дополняют другим: немного тут, немного там, как говорит пророк Исаия. Сейчас, в четвертый раз читая К., я понял его; раньше я только находил удивительные религиозные совпадения. Поэтому могу сказать: я целиком принимаю его и целиком отвергаю.

«Целиком принять», может, потому и равносильно «целиком отвергнуть», что оттенок оттенка моего высказывания моего существования — моя первородная ложь. Целиком принять, целиком сделать своим — целиком отвергнуть себя <02.10.66>

К. прав: главное не Existenzlehre*, а Existenzmitteilung**. Все Священное Писание — Existenzmitteilung. Он прав, он был пророком. И все же не только пророком, но и философом и теологом. Тогда не прав — и у него есть Existenzlehre. Верно, что Existenzmitteilung — высшее, но если к этому не готов, то... гордыня. И не случайно он отверг почти половину Евангелия и был жесток не только в Евангельском смысле, но и в демоническом. Я так спорю с ним, потому что он мне ближе всех, споря с ним, я спорю с собою. А он спорил с собою? Он мучил себя, но спорил ли — не знаю <20.02.69>

К. понял, как трудна вера, сделал ее еще более трудной, настолько трудной, что некоторые маловеры стали сближать его с Ницше. Ее надо сделать еще более

* Экзистенциальное учение (*нем.*).

** Экзистенциальное сообщение (*нем.*).

Годы	Жизнь	Творчество

трудной, невозможной, тогда она будет живой верой — жив Господь, жива душа моя <25.01.70>

К. сказал, что его поймет тот, кто отвергнет его. Я отвергаю К. не потому, что он признал только половину Евангелия, не потому, что его рыцарь веры настолько старается сделать свою веру внутренней, скрытой от других, что скрывает и от самого себя, но потому что я его целиком принял, я стал им, а себя я отвергаю... <06.12.74>

Кьеркегор мне сейчас так интересен, потому что я нахожу много общего между им и моей философией еще до 1954 г., когда я впервые познакомился с ним. Даже не общее, а иногда то же самое, только на разных языках. Исходный пункт один — Благая весть, но он отталкивается от Сократа, я — от Пиррона... У него Schwermut*, у меня игнавия; игнавия лишена эмоционально-психологического оттенка, свойственного Schwermut. Он лиричен, я боюсь лиричности и в жизни, и в своих вещах. Он полемичен, я не выношу полемики. У него демонизм эротически окрашен, у меня скорее — человек из подполья Достоевского. От этого же, должно быть, он обращал особенное внимание на Aneigung**, Existenzmitteilung, я — на Existenzlehre, которую он отрицал, мне кажется, неправильно, тем более, что у него есть Lehre, а не только Mitteilung. У него сохранился романтический и гегелевский жаргон, я полностью освободился от них. У него сохранились еще гегелевские пережитки: синтез, триады, у меня скорее — кантовские. У него триадичность, у меня — дихотомичность. Он идет от теологии к философии, я — от философии к теологии, хотя общая основа — Благая весть — та же. Но если сделать некоторый перевод терминов, суждений, высказываний с его языка на мой, иногда (очень часто) получаются удивительные совпадения <31.08.66>

Годы	Жизнь	Творчество
1955	—	Трактат Формула Творения <работа над первой редакцией>
1956	—	Открытие принципа одностороннего синтетического тожества

По-видимому, это действительно большое открытие: *моя жизнь сейчас есть жизнь и мысль о ней, но мысль о жизни — не жизнь*. До сих пор еще держалась рационалистическая теория двух субстанций или атрибутов — физического и психического: дуализм в случае субстанций, монизм в случае атрибутов. Мне всегда это было непонятно, ведь и физическое я знаю только через психическое. Одностороннее синтетическое тожество заменяет эту надуманную и нерелигиозную теорию <13.11.56>

Я живу сейчас и сразу же знаю, что живу: если сейчас имею что-либо, то знаю, что имею. Я могу ошибаться в содержании моего знания и имения, но не в самом имении. Это знание есть некоторая мысль, значит, моя жизнь сейчас есть

* Тоска, грусть, уныние, меланхолия (*нем.*).

** Присвоение (*нем.*).

Годы	Жизнь	Творчество

жизнь и сразу же мысль о ней. Я не могу ни найти, ни представить себе ни одного состояния моей жизни, когда бы жизнь сейчас не была бы сразу и мыслью о жизни сейчас, простое обращение внимания на что-либо будет уже констатирование чего-либо мыслью и это уже мысль... Но мысль о жизни не есть жизнь: сейчас я думаю о своей жизни, значит, жизнь — другое: то, о чем я думаю. И думаю я сейчас, но содержание моей мысли не сейчас, а хотя бы только что, в прошлом и сейчас вспоминается...

Формулой это выражается так: *А* есть *А*, тожественное *В*; **само** *В* не тожественно *А*. Это тожество синтетическое, так как **само** *В* не тожественно *А*; оно одностороннее, так как *А* тожественно *В*. Одностороннее синтетическое тожество применяется к некоторым вопросам жизни, философии и теологии <1960-ее>

Одностороннее синтетическое тожество — принцип и жизни, и философии, и искусства: то же самое в различном и различное в том же самом <16.08.67>

Отожествление абсолютного и контингентного в вочеловечении Слова — прообраз одностороннего синтетического тожества. В вочеловечении Слова: Бог есть Бог и человек, но тот же человек сам — не Бог. Может, это ключ к совмещению всеведения Христа с эмпирической ограниченностью Его знания <из «Христологии», 1967>

1958	—	Трактат Формула Творения

Закончил первую часть.

Кажется, первый раз в жизни могу сказать: «Закончен труд, завещанный мне, грешному». Я еще не закончил труд и осталось очень много, и вряд ли успею... и даже первую главу не раз буду исправлять и уже знаю, что надо исправить, но это не относится к главному, и в ней нет погрешности, кроме небольшой <25.08.58>

То, что Соловьев, Бердяев, Булгаков, Флоренский, Франк, Лосский, Алексеев-Аскольдов хотели сделать, но не сделали, то, кажется, сделал я: онтологическая и религиозная теория познания. В этом отношении я русский философ. Но им не удалось, потому что им не хватило, во-первых, страстности или зилотизма, они были либералами. Во-вторых, спекулятивного таланта: они не понимали, что схематизм, абстракции, отвлеченность преодолевается схемами же, абстракциями и отвлеченными рассуждениями, а не лирическими излияниями. Зилотизм и спекулятивность — еврейские черты, и в этом отношении я еврей. Но я использовал всю европейскую философскую технику, и прежде всего Платона, Аристотеля, Майстера Экхарта, Канта, Фихте и Спинозы. Поэтому моя философия также продолжение европейской <02.08.58>

1959—1962	—	Трактат Формула Творения <дополнения>
Конец 1950-х	—	Перевод монографии А. Швейцера «Иоганн Себастьян Бах» и составление хронографа жизни и творчества Баха*

* См.: Швейцер А. Иоганн Себастьян Бах: Пер. с нем. Я. С. Друскина / Под ред. М. С. Друскина. М.: Музыка, 1964.

Годы	Жизнь	Творчество
1960	—	Работы по математической логике
Вторая половина 1950-х — 1960-е	Увлечение современной музыкой. «Нововенцы» — Шёнберг, Веберн, отчасти Берг. Стравинский, в особенности «Canticum sacrum». Изучение додекафонной техники. Прослушивание магнитофонных записей	—

Кронекер сказал: Господь Бог создал целые числа, все остальное — дело рук человеческих. Также можно сказать: Господь Бог создал различные звуки, все остальное — дело рук человеческих. Многообразие звуков самих по себе — атональное. Человек вносит в это многообразие порядок: античные лады, церковные, мажороминор. Все это можно назвать тональностью в широком смысле — тяготением-тоникализацией атонального множества звуков. Сочинение в тональном порядке аналогично свободе выбора — как будто бы свободно, но на самом деле детерминировано: формально композитор может выбрать любую тональность, любой лад, но не может писать вне лада, вне тональности; материально детерминирован законами тяготения лада или тональности. В атональной музыке композитор абсолютно свободен, так как свободно сочиняет ряд из созданных Богом звуков. (Темперация, может, только небольшая погрешность.) Абсолютно свободно сочиненный ряд определяет его музыку — тогда это Божественная серия, так как свободна от всякого человеческого тяготения и вне свободы выбора. Ее можно сравнить с Провидением, определяющим человеческую жизнь, не нарушая свободы человека. Атональная серия — свобода даже от мотивирования. Немотивированность и есть свобода от человеческого, то есть душевного (а не духовного), тяготения. Но именно немотивированная серия организует и определяет музыку, создает единство и смысл и в конце концов обнаруживается; так и в истории: эмпирические, большей частью корыстные причины определяют ее ход и все же в конце концов осуществляется воля Божья: Провидение — серия, определяющая ход истории.

Брауэр освободил математику от человеческих тяготений — номинализма и реализма понятий. Номиналист не дерзает принять бесконечный дар Бога. Реалист мнит, что этот дар не сверхъестествен, а естественно, по природе, принадлежит ему. В первом случае не хватает великого дерзновения во Христе, во втором — гордыня. Экзистенциализм концептуализма: путь бессмыслицы, абсурда, парадокса, безумного Божьего.

Начиная с Аристотеля, а может, и раньше физики вводили свое человеческое тяготение в физику и космологию. Эйнштейн разрушил этот антропологический антропоцентризм: десубстанциализация времени и пространства — космологическая атональность. Минковский, Фридман увидели в космологической атональности Божественную серию — творение мира из ничто.

Единство человеческого духа: аналогии атональности в математике, физике, искусстве, теологии. Но не антропоцентрическое единство, как у Майстера Экхарта, Бёме, Гегеля, а теоцентрическое...

Годы	Жизнь	Творчество

Сейчас, подходя к концу, увидел, как удивительно объединяются и сходятся все линии к последней цели — славе Божьей. S. D. g.* <24.07.67>

Годы	Жизнь	Творчество
1960—1961	—	Желтая тетрадь <философские заметки>
1962	12 января. Смерть Надежды Александровны Друскиной, жены брата — Михаила Семеновича	—

Увеличение с возрастом и смертями радиуса жизни до бесконечности и есть атональность жизни: я не чувствую себя в жизни как дома. Но одновременно в этой неуютности жизни на всеобщих развалинах и обломках я вижу некоторую абсолютную твердость и прочность — то, что я писал еще в «Разговорах вестников». Тогда — Божественная атональность жизни <16.06.67>

В детстве я мечтал о невидимом стеклянном корабле; я в нем, он проникает всюду, я все вижу, а меня — никто. Я в стеклянном корабле.

Раньше вещь, которую я писал, была тем стеклянным кораблем, о котором я думал в детстве: я в нем, меня никто не видит, я проникаю всюду, все вижу — Verborgenheit, замкнутость, безопасность. И хотя с 1941 г. мне некому было читать, но пока была лестница Иакова <мать>, удовлетворение от исполнения дела было моим стеклянным кораблем... Правда, когда наступала игнавия... я был вне стеклянного корабля, я терял его.

С 12.I.62 радиус жизни настолько расширился, что от стеклянного корабля осталась только тень его и я не мог писать, но оставалась лестница Иакова <10.01.67; 25.06.67>

Годы	Жизнь	Творчество
1962?	—	Вера не узка, а широка
1963	16 октября. Смерть матери	—

Игра — не внешнее актерство, а соблюдение своего пути в намеренном сокровении откровения и откровении сокровения. В игре может быть различно: творчество важнее жизни или жизнь важнее творчества. Но когда игра кончается, главное — не творчество, а жизнь, главное — Ты, не только как causa finalis**, но и как causa efficiens***, и formalis, и materialis. Главное тогда — строй души, в котором Ты.

1922—1928: первый период игры.

1928: второе <первое в 1911 г.> открывание глаз — «Щель и грань» и Евангелие — разделение мысли и жизни — дивергенция.

1928—1934.VII.: второй период игры, наиболее искусный.

С 17.VIII.34 — смерть, банкротство, лестница Иакова — начинается конвергенция мысли и жизни.

---

* Soli Dei gloria — Единому Богу слава (*лат.*).

** Конечная причина (*лат.*).

*** Действующая причина (*лат.*).

Годы	Жизнь	Творчество

1935—1941: нисходящий путь игры. Игнавия разрушает ее.

1941. VIII — 1946: облачение Тобою.

1946—1948 или 1949. Первое саморазоблачение. Саморазоблачения бывали и раньше, но... недостаточно радикальные. Игры почти нет — ее поглотила игнавия. А играть, хотя бы игнавию, было не с кем: Д. И. не было и остальных не было, я остался один с моей лестницей Иакова и с Тобою.

И все же до 12.1.62 преобладала Existenzlehre.

С 1962 <игра> прекращается навсегда. Второе банкротство и второе саморазоблачение. Затем промежуток до 16.X.63, после чего — третье банкротство и третье саморазоблачение — облачение Тобою через жало в плоть, которое Ты дал мне тогда.

<После 1963> Поиски соборности, то есть ноуменального **ты**, поэтому то, что писал, уже не Existenzlehre, а Existenzmitteilung. И снова банкротство, зафиксированное в «Ви́дении невидения».

Может, всякое большое дело в нашем мире есть крушение и банкротство, удаются же только мелкие дела. И самое большое дело — вочеловечение Бога — было самым большим крушением: Христа распяли, ученики разбежались. Но уже утром третьего дня величайшее крушение оказалось величайшей победой: победой, победившей мир.

Банкротство главная религиозная категория — «Так говорит Всевышний, Святый: Я наверху в Святилище, близ сокрушенного сердцем, смиренного духом, чтобы поднять дух смиренного» <11.05.66; 15.12.66; 19.12.68>

В 1934 г. я думал: у меня был свой круг жизни и свои слова-приметы для целостности круга. Я был заключен в круге... Неприкосновенность круга создает порядок жизни и некоторое благополучие. Теперь черта круга нарушена...

Но через некоторое время образовался новый круг большего радиуса. Весной 1960 г. радиус круга снова увеличился и 12.I.62 круг снова прорвался.

Радиус нового круга был уже очень велик, а счастья еще меньше. Наконец 16.X.63 круг прорвался, радиус стал бесконечным, а счастья земного совсем не осталось. Увеличение радиуса круга — уменьшение примет, обычаев, традиций, земного счастья. Бесконечный радиус — Благая весть, Евангельская свобода. Круг конечного радиуса — это моя греховная загражденность и замкнутость <19.02.66>

Четыре ступени моего отчуждения от жизни:

1. С начала войны — наиболее плодотворный период в моей жизни.
2. С мая 1960 — тогда были написаны дополнения к «ТФТ», разрушившие весь трактат.
3. С 12 января 1962 г.
4. С 16 октября 1963 г. <03.01.64>

...Сейчас я пишу, но стеклянного корабля уже нет, даже тени его. Радиус моей жизни стремится к бесконечности <10.01.67>

Утешением, устоем и стеклянным кораблем стало страдание <11.01.67>

Годы	Жизнь	Творчество
1963	—	Экзистенциализм <эссе>
1964	—	Философские заметки <тетрадь>

Годы	Жизнь	Творчество

...Содержанием <этой тетради> будет брюзжание старика, потерявшего свою eigentliche* Existenz. Впрочем, это не совсем верно. Я нашел свою eigentliche Existenz; новую eigentliche Existenz; я открыл ее в себе в 1911 г., но до 16.X<1963> она была перемешана с моей uneigentlicher Existenz, а сейчас я очистил ее <13.02.64>

Я буду... вести две тетради <с 16 октября автор начинает новую тетрадь «Принадлежностей», которую заново нумерует и ставит на обложке знак креста>, чтобы не потерять свою новую eigentliche Existenz, то есть ясность сознания, или, что то же, — постоянное бдение. Но и в этой, второй тетради я иногда подхожу к ясному сознанию. Например, когда пишу о с е й ч а с. Ведь это не может быть чисто теоретическим рассуждением, тогда потеряется действительное с е й ч а с и останется только дело рук человеческих. Все, что человек делает, формально можно назвать делом рук человеческих. Но если в этом деле, каким бы оно ни было, теоретическим или практическим... если в этом деле не проявляется одновременно и дело рук нечеловеческих, то это дело робота, или, как говорит Екклезиаст, скота. В том, что я сейчас пишу, я все время должен помнить свою eigentliche Existenz, и так как это экзистенция, то сейчас. Например, когда я пишу о прошлом и теперешнем dx времени и об остаточном чувстве, у меня должно быть совершенно определенное dx и совершенно определенное остаточное чувство. Если я забуду его, то в конце концов приду к такой же поверхностной и номинальной идеации, как Гуссерль. Я взял это для примера и себе для памяти: рассуждения надо связывать с определенным с е й ч а с, а не с сейчас вообще, нет сейчас вообще.

Соединятся ли когда-нибудь обе тетради или та поглотит эту? — не знаю. Пока, во всяком случае, я не живу, а нахожусь в пустом промежутке между прошлой жизнью, которая уже кончилась, и будущей жизнью, которая еще не началась. Иногда к чему-то приближаюсь, даже вступаю, и снова плюхаюсь в пустоту <на карточке, вложенной во вторую тетрадь>

Годы	Жизнь	Творчество
1964	—	Экзистенциальная христология
1964	—	Вера, которая не верит

Вдруг мне пришла на ум не моя мысль. Не я подумал, а именно пришла не моя мысль. Ничего подобного я никогда не думал...

Я хотел переделать «Веру, которая не верит». Она плохо написана, но это самое главное, что было со мною после 16.X.63. Она поддерживает меня все время и дает силу жить, когда уже невозможно жить... Так как мне вряд ли удастся ее исправить... то я записываю то, что хотел поместить после цитаты из тетради <«Принадлежностей»> от 21—22.X.64:

...Полпервого ночи вдруг, без всякой подготовки мне пришла на ум не моя мысль — то, о чем, как говорит Исаак Сирианин, и подумать страшно... О чем я буду думать перед сном? Мне не о чем думать, мне нечего думать, ничего нет. И так до конца моих дней: ничего нет. Я упал на колени, стал молиться. Я произнес несколько слов, восклицаний. Они ничего не выражали. Что выражать? что просить? Ничего нет. Это была молитва, может, самая горячая за всю мою жизнь. Это был вопль — в полной тишине, в пустоте, в ничто, абсолютно беспредметный вопль. Потому что не-моя мысль вытеснила меня. Я был не-я. Я ясно видел я — не-я. Я молился... Не-я молился... Сам Дух неизреченными воздыханиями ходатайствовал за меня... И свершилось чудо: Бог вернулся ко мне и вынул из меня не-мою мысль.

Я назвал это состояние верой, которая не верит. Здесь есть разделение: вера и неверие. Здесь нет разделения: вера, которая не верит. Не неверие, а вера, которая не верит...

Я потерял веру вдруг, без всякого предварительного рассуждения или сомнения, без всякого основания или какого-либо повода, вдруг ее не стало и я стал не-я. Не стало? — Нет, была вера, которая не верит, и она сдвинула гору...

В вере, которая не верит, Бога не было. Неверно, был, был небог. Я не знаю даже, как писать это слово: небог или Небог? Волос с головы моей не упадет без Его воли. Неужели такое случилось без Его воли?

Бес шепнул мне не-мою мысль, шепнул и так быстро исчез, что я даже не знал, что это был бес, что надо только сказать: отойди от меня, сатана, ты мне соблазн. Но я этого не знал. Я не могу даже сказать, что просил веры. Я ничего не просил... я вопил.

К кому я завопил? Но к кому можно завопить, когда никого, ничего не осталось, ничего нет? Только к Богу, только тогда и воплю к Нему из ничто, когда все потеряно, ничего не осталось... полное, абсолютное ничто... Я... ужаснулся и отчаялся и в этом ничто заново родился, Бог заново сотворил меня <07.07.67>

Годы	Жизнь	Творчество
1964	—	Тайна креста

«Бог так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную». Тогда главное в жизни — крест, которым я сораспинаюсь Христу, и мое страдание отожествляется с Его. Как Он берет на Себя мой грех, так и мое страдание. Страдание — точка соприкосновения с Богом в Иисусе Христе, поэтому начало всякой веры и всякой теологии <1960-е>

Годы	Жизнь	Творчество
1964	—	Теоцентрическая антропология. Рассуждение о душе (Основание феноменологии времени)

Я бы мог за неделю закончить <рассуждение> о душе, о времени и о свободе, там много нового для меня: грех, древо познания и свобода выбора, четыре трансцендентальных выбора, дыхание и тело, ноуменальное отношение <09.03.64>

1. В четвертом выборе через ноуменальное отношение к **ты** я отвергаю себя. Но кто этот **я**? Чистый **я сам** — полюс интенциального отношения, само начало интенциальности, но также сам свободный выбор. Но не Ты ли между **я** и **ты**, тогда Ты даешь мне силу отвергнуть себя, принять Тебя... В каком отношении **я** абсолютной свободы и **я сам** свободы выбора?

2. **Сам** пугает меня, ведь может быть отречение от себя самого в свободном выборе невыбора. Тогда это снова выбор, только формальный, что еще хуже <17.10.64>

* Подлинный, настоящий, собственный (*нем.*).

Годы	Жизнь	Творчество

<Одна из тем>... больше всего интересующих меня после 16.X.63 <...> Ноуменальные отношения — четыре выбора <14.12.65>

Годы	Жизнь	Творчество
1964?	—	Религиозный радикализм и традиционализм. Индивидуализм и соборность

В церковности и традиционализме есть ε — соблазн несторианства, в антицерковности и нетрадиционализме — ι — соблазн монофизитизма. Потому что церковность и традиция слишком материализуют дух, сама церковь, особенно у католиков, замещает Христа; антицерковность и нетрадиционность абстрагируют дух, лишая его тела: церковь — тело Христово. Монофизитизм — пренебрежение второй заповедью — любви к ближнему, абстрактное преобладание первой <22.10.68>

Протестантские книги и статьи, включая Кьеркегора, дали мне много, и все это все то, что во мне есть, они открыли мне то, что я знал, хотя и не знал, что знал. Псалмы, Иов, Екклезиаст, Пятикнижие Моисеево, которые я знал раньше плохо, а также и Евангелие, которое я и раньше хорошо знал, открыли мне и все время открывают то, чего я не знал и сам узнать не мог, — не мое, а Божье. В этом их боговдохновенность. Но помимо того есть и другое: больше всего, может быть, я ищу сейчас соборности — это то, чего у меня нет и что мне надо.

В прошлом году я прочел много православных книг и статей и, кроме Хомякова и Исаака Сирианина, ничего настоящего; все остальное пелагианизм, открытый синергетизм, неумение думать, а главное — не экзистенциально. Затем, когда я их читаю, особенно католические статьи, создается впечатление, что церковь заменяет православным и особенно католикам Христа. Это уже не церковь, основанная Христом на камне веры, а церковь, заменяющая собою Христа. Конечно, я говорю о самой церкви, а не об отдельных верующих <20.02.65>

Годы	Жизнь	Творчество
1965	—	Грехопадение

Грехопадение нельзя абстрагировать и удалять назад: я пал и унизил себя именно сейчас... Адам создал возможность моего падения, вкусив от древа познания добра и зла. Но создал и возможность спасения и возвышения даже над ангелами, не знающими различия добра и зла <27.01.57>

Грехопадение — благословение, ставшее проклятием <15.02.69>

Годы	Жизнь	Творчество
1965	—	О рабской воле и абсолютной свободе человека

Добавление к «Рабской воле...»: о свободно выбранном и абсолютно свободном отношении к своему ближнему. Конечно, я имел в виду мое отношение к маме и ее ко мне. Тогда я не мог это формулировать, Ты открыл мне смысл и сущность ноуменального отношения, убрав ее от меня. Теперь я знаю его в моем жале в плоть <22.06.65>

Свобода — понятие абсолютно противоречивое и невозможное для разума. С естественной точки зрения, я вообще не могу быть свободен, так как полностью детерминирован наследственностью и воспитанием. Значит, это понятие

Годы	Жизнь	Творчество

не естественное, то есть сверхъестественное. Если свобода дар мне от Бога, дар, даром даваемый, то я свободен только в живой вере, и, когда она есть, я уже не могу не верить, и в молитве, когда уже не я, а Сам Дух неизреченными воздыханиями ходатайствует за меня, моя свобода выражается противоречиво: пусть будет не моя, а Твоя воля... <13.05.67>

А.1. Акт святости или покаяния — абсолютная свобода.
А.2. Состояние праведности — justus peccator*.
Б.1. Акт греха — акт свободного выбора.
Б.2. Состояние в грехе — в рабстве свободного выбора <вторая половина 1960-х>

Годы	Жизнь	Творчество
1965	—	Грех

Структура самого греха: ложь, ее отец — дьявол; слабость духа — небодрствование — духовная сонливость; самооправдывание. Эта антитроица — самосознание греха <19.12.64>

В самооправдывании я завершаю или реализую свой грех — противопоставление себя Богу <21.12.64>

Надо найти не общее, а вполне конкретное экзистенциальное место самого греха, акта греха <26.02.70>

Непонимание греха ведет к деизму, к вере в человека, а не в Бога, и в конце концов к безверию <16.05.70>

Годы	Жизнь	Творчество
1965	—	Я виноват за всех

Я виноват за всех. Это суждение немыслимо, то есть в области предельной мысли противоречиво...

Это внепредельное или внекатегориальное предложение истинно, как единственное, только для меня...

Христос реально взял на Себя вину всех, я же могу — значит, потенциально, и то немногих <15.03.57>

Боль бытия, погрешность творения. Я сам — это боль бытия, погрешность творения, тогда виноват, виноват за всех <16.03.57>

Я есть ты. Если я, видя наготу другого, не вижу в нем своей наготы, то я вообще не вижу и не понимаю наготы, но фарисействую... Прикрыть своей любовью твою наготу, потому что это моя нагота, я виноват за всех — все это одно: **я есть ты** <08.03.58>

Вина моя, грех мой перед Тобою. Но Ты даешь мне понять ее как вину перед... моим ближним... В отношении я — Ты, я — грех и каюсь перед Тобою, а Ты перенес мой грех, мою вину на отношение **я — ты**, тогда я виноват перед моим ближним, каюсь перед ним, виноват за всех <28.10.64>

Закон создал грех. Пока я не подумаю о каком-либо намерении или мысли грех ли это, это еще не грех, вернее не сам грех. Я виноват за всех, понял Митя Карамазов, и я виноват за всё: всякое событие, в котором я принимал участие, стало из-за меня греховным <03.01.65>

* Праведный грешник (*нем.*).

Годы	Жизнь	Творчество

...Когда я беру на себя грех другого, то ведь это реально-ноуменальный акт и я, грешник, беру свободно и добровольно грех моего ближнего на себя, как Христос, безгрешный, взял на Себя грех мира <08.01.65>

Верующий виноват и грешен больше неверующего. Если Христос взял на Себя грех всего мира, если это не слова, не метафора, а действительно реально взял, то Он, безгрешный, — величайший грешник, вся вина всего греха на Нем. Я не Христос, поэтому только потенциально виноват за всех, актуально же — за тех, с кем встретился хоть раз <11.01.66>

...Я непосредственно знаю свою греховность и Selbstheit*. Я думал о конкретных проявлениях в отношении к моим ближним... Но почему же я чувствую, что виноват и за грехи моих ближних? <01.10.66>

1965	—	Испытание и искушение

1. Страдание с утешением — блаженное: блаженны плачущие, ибо они утешатся; страдание без утешения — бесовское.

2. Опытность — сокрушение духа до отчаяния и полной разуверенности в себе самом, в помощи от других людей, в жизни. И тогда Бог дает утешение и радость в страдании.

Временем искушение, временем утешение...

1. Страдание очищает: при печали лица улучшается сердце (Екклезиаст).

2. Человек рождается на страдание, чтобы, как дитя пламени, устремиться вверх (Иов).

3. Разуверенность в себе, опытность.

4. Блаженство надо увидеть со всех сторон... Недостаточно быть только внутри, надо быть иногда и вне. Поэтому временем искушение, временем утешение <3—4.08.65>

Утешение есть утешение, тожественное искушению, но **само** искушение не тожественно утешению, не утешительно <11.02.67>

«Огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь...» — это с религиозной точки зрения, а с философской, гносеологически-онтологической — способ существования иного бытия в нашем <06.05.67>

Когда в искушении или унынии не видишь звезды бессмыслицы <тайны, чуда>**, видишь только один план жизни — естественный, одну плоскость, и жизнь становится плоской, бессмысленной <23.05.67>

<В снах> Экзамен, как и урок, — испытание, к которому я не готов. Я прямо не отказываюсь от него, но прошу: если возможно, пронеси эту чашу мимо меня <23.12.69>

Вообще болезнь — это или грех, или «искушение, для испытания вам посылаемое», или благодать <16.06.78>

Страшно впасть в руки Бога Живого — это испытание бес превращает в искушение и соблазн <15.03.69>

1965	—	Нельзя

* Самость (*нем.*).

** См.: Друскин Я. Звезда бессмыслицы // *Сб.* Т. 1. С. 549—642.

Годы	Жизнь	Творчество

Разум, освещенный верой, говорит мне:

1. Я нахожу в себе что-то, чего я не нахожу в других природных... существах, что-то, заставляющее меня поступать против моих естественных желаний.

...Я нахожу в себе какое-то нельзя, которое не порабощает меня... а освобождает... от моего ума и моей воли, от свободы выбора... Это именно та Истина, которая делает меня свободным.

2. Это нельзя... абсолютно... Есть что-то, что противоречит и природе, и культуре, чья сила и мощь превосходит силу природы, человеческого общества и культуры <13.09.65>

1965	—	О воскресении из мертвых

Вчера написал рассуждение «О воскресении из мертвых», заключение и вступление закончил уже 14.XII <день рождения матери> в два часа ночи.

Два варианта инварианта бессмертия: соборный и индивидуалистический. Может, это необходимая религиозная антиномия? Связь ее с антиномией любви к ближнему:

1. Любить *каждого* ближнего...

2. ...Я один, так и ближний... один, то есть *единственный*.

Антиномия: каждый и единственный. Первое может повести к легализму. Второе — к эгоизму <14.12.65>

Воскресение из мертвых, причем телесное, — это самый сильный камень преткновения для разума. Тот, кто не ощущает непреодолимости этого камня преткновения... у того еще нет живой веры... Вера и есть борьба веры с разумом, неверующим безбожным разумом <02.04.66>

...Моя абсолютная инвариантность есть воскресение к вечной жизни, которая без особого усилия следует из Бога через веру, которую Он дает мне <28.04.66>

1965	—	Чаю воскресения из мертвых

Воскресение Иисуса Христа. Я верю, что Он воскрес, не в смысле бессмертия души, но Воскресения. Воскресли ли жившие до Него и так ли и мы воскреснем? Там нет ни до, ни после. И до Него и после Него воскреснут по вере в Него, это «после» — логическое или по природе. Но, может, я здесь сказал слишком много.

Верю, что Он воскрес, чаю воскресения из мертвых...

Вечная жизнь нужна не после смерти, а именно сейчас... Вечная жизнь — это абсолютная инвариантность моего **я** во временном изменении. Но так как это **абсолютная** инвариантность, то она не ограничена моим временным существованием, то есть временем... Вечная жизнь уже здесь связь с Богом, Который не есть Бог мертвых, но живых <11.09.65>

Синонимы ли три понятия или, вернее, состояния: ощущение непризванности и отвержения, страх будущих адских мук, сомнение в личном воскресении, в воскресении из мертвых? Второе у меня есть только в отрицательной форме, как сомнение в призванности к блаженной вечности. Что касается третьего, то я могу сказать: я не верю в смерть и невоскресение из мертвых... <20.11.67>

«Проходит образ мира сего». — И вот именно это прохождение образа мира сего дает мне какую-то устойчивость... В этом прохождении... в нечувствовании

Годы	Жизнь	Творчество

себя в жизни как дома я вижу саму устойчивость, само непрохождение, то есть мелькает вечность и Бог <1962>

...У меня есть ощущение тожества моей личности во всех моих воспоминаниях. С детства я тот же. Я не так тот же, как Бог, Он не забывает, я забываю — это мой первородный грех, — и все же, подобно Ему, я тот же. Если это не иллюзия, то инвариант меня того же самого в постоянном прехождении... Эта инвариантность не общее понятие, но именно самое индивидуальное, личное, во мне, причем субстанциально-личное...

Снова возвращаюсь к бессмертию. Формально, с точки зрения имманентной герменевтики, авторы Екклезиаста и Иова, может, и не верили в бессмертие. Но прежде чем утверждать это, надо определить бессмертие, найти его сущность, ядро или центр: я верю в абсолютную инвариантность своего **я**. Во-первых, **я** здесь — не **я сам**, не общее понятие и не полюс интенциального отношения, но именно я — я, тожественный себе самому. Определить его я не могу, но непосредственно вижу и имею его: я есть я по Его образу и подобию то же самое: всегда тот же я, тот же в противоречивости, различности и временном прехождении... Поэтому *моя инвариантность, то есть тожественность, не единство или абстрактная форма моего **я**, но именно сущность, форма же — изменчивость*... Во-вторых, непосредственное ощущение моей инвариантности абсолютно и исключает время и временность. Время — только форма моего изменения, прехождения и воспоминания, сущность же, то есть тожественность, вневременна... Я не доказываю и не собираюсь доказывать бессмертие души, оно недоказуемо. Я только утверждаю: если инвариантность моей души не иллюзия, то инвариантность души предполагает ее бессмертие, инвариантность души и есть ее бессмертие. А это решает уже вера: иллюзорность или реальность инварианта бессмертия.

Возвращаюсь к Екклезиасту и Иову. Формально там трудно и, может, с большими натяжками можно найти веру в бессмертие, а экзистенциально — есть, так как на языке того времени сказана абсолютная инвариантность или тожественность моего **я**, а это и есть инвариант бессмертия <16.03.64>

В абсолютной инвариантности моего **я** бессмертие заключено, может быть, не столько в инвариантности, сколько в ее абсолютности: моему изменению и прехождению, внешней оболочке противополагается неизменность моей сущности, ее неслучайность, причастность образу и подобию Божьему, а потому вечности и бессмертию <17.03.64>

Годы	Жизнь	Творчество
1965	—	Душа и тело. Ереси
1965—1966	—	Предопределение и свобода. Обломов. Аллегория <Первоначальный вариант заглавия: «Благодать и свобода»>

В вопросе о предопределении и свободе есть два... полюса, в которых этот вопрос решается полностью: одно решение теоретическое, другое — практическое. Теоретическое: предопределение есть предопределение, тожественное

Годы	Жизнь	Творчество

абсолютной свободе. Абсолютная свобода сама по себе есть рабская свобода выбора. Практическое: вера и Провидение <06.11.65>

Вочеловечение, искупление, снятие с меня вины — акт Бога, значит, с моей стороны абсолютная пассивность. Но этим актом реализуется дар мне абсолютной ответственности, то есть абсолютной свободы и активности. Мне кажется, так реализуется противоречие благодати и свободы, то есть противоречие для разума становится тожеством несовместного <29.06.67>

Что значит не препятствовать... действию благодати? Может, только одно, двойное одно:

1. Не думать, что я могу препятствовать действию благодати.
2. Не думать, что я могу не препятствовать действию благодати.

То есть не думать, что я могу помогать Богу или мешать Ему <17.10.67>

Антиномия предопределения и свободы никогда не будет разрешена: если бы она была окончательно решена до смерти человека, он потерял бы свободу, стал рабом. Поэтому все теории человеческой свободы или недостаточно радикальны, то есть оставляют его рабом психического механизма или хотя бы мотивов, определяющих его волю, или явный или скрытый синергетизм и фарисейство — умаляют всемогущество Божье. Абсолютная свобода именно в неразрешимости этой антиномии и сознании ответственности и вины <05.07.69>

Все, что я совершаю, освобожденный Христом, я совершаю абсолютно свободно. Это ι-взгляд: с е й ч а с, мое с е й ч а с.

Все, что совершается мною, совершается по предопределению Бога: от века предопределено. Это ε-взгляд: з д е с ь, Божье з д е с ь.

Но как написанное — это уже ιε-взгляд.

Годы	Жизнь	Творчество
1965—1966	—	Библейские композиции

Некоторые сомнения о моих «Библейских композициях»

I. Не склеены ли они искусственно?

а. Если их прочтет знаток псалмов в подлиннике, то, может, он и найдет, что соединены в один псалом псалмы, написанные в разное время и разным языком.

Возражение: псалом на русском, вообще европейском, языке — это уже некоторое новое данное...

б. Но, может, все же есть искусственность в соединении строк из разных псалмов, например в Покаянном — из 12 псалмов?

Возражение: некоторая, может быть, кажущаяся искусственность в соединении строк псалма есть и в подлинниках. Если ли у меня искусственность?.. Если говорить о чисто литературной... мне кажется, обычно нет, даже в такой сложной композиции, как Покаянный псалом. Он возник в действительном покаянии и составлен очень быстро, за два часа, хотя строки взяты из 12 псалмов. Утром я проснулся и мне сразу в покаянии пришла и идея покаяния... Религиозно-теологически он очень точно обоснован, получился трактат о покаянии и пронзении грехов в строго ортодоксальном духе: Евангелие — апостол Павел — Лютер.

Возражение мне: не может вещь состоять из одних эмфазисов, а я, составляя композицию, выбирал лучшие места.

Возражение на возражение: в хорошем стихотворении каждая строка хороша...

<table>
<tr><th>Годы</th><th>Жизнь</th><th>Творчество</th></tr>
<tr><td colspan="3">Возражение на мое возражение: В. сказал: иногда мне приходят на ум две рифмы — хорошая и плохая, и я выбираю подчас плохую, она необходима в данном случае.
Вот этого правила я, кажется, не выполнил. Поэтому, так мне кажется, в моих композициях есть некоторая изысканность и она вредит и в религиозном и в эстетическом отношении.
II. Главное сомнение: составляя композиции, я исключал все соблазнительное, что противоречит Евангельской морали или, вернее, нашим сентиментальным представлениям о морали. Поэтому исключены все проклятия и пожелания несчастья и смерти врагам. Но результат для меня получился неожиданный: мои композиции в сравнении с подлинником и в литературном, и в нравственном, и в религиозном смысле потеряли свою живость, конкретность, силу и Urwüchsigkeit*...
Может, я и преувеличиваю, у меня сейчас такое состояние — не утешения, а искушения... <на отдельных листках></td></tr>
<tr><td>1966</td><td>—</td><td>Дьявол в виде ничто — μή ὄν</td></tr>
<tr><td colspan="3">Два ничто — сам дьявол... Не занимая никакого места, стоит передо мною, когда я один, ничто, парализующее всякую возможность действия; и так же непонятно во мне самом другое ничто, так же невыразимо, не занимая места, и так же реально во мне, как и ничто внешнее.
Может, один грех в двух видах... два реальных ничто: ничто вне меня, лишающее меня всех сил, делающее меня рабом, ленивым и неверным; и ничто во мне, замыкающее меня... изгоняющее меня из общения святых, из соборности, из открытости <11.01.60>
Тайна творения мира: синтетическое тожество μή ὄν и οὐχ ὄν. В грехопадении они разделились и μή ὄν стало источником демонизма. Само μή ὄν — дьявол в форме ничто.
В не-моей мысли μή ὄν выдавало себя за οὐχ ὄν — это уже сам дьявол, его последний обман: нет Сущего. Не-моя мысль — последняя ступень нигилизма, неверующий не имеет о ней никакого представления, и здесь же вера — вера, которая не верит, вера, движущая горы <13.01.66></td></tr>
<tr><td>1966</td><td>—</td><td>Сцилла и Харибда</td></tr>
<tr><td colspan="3">«Меня всю жизнь мучил Бог» — Достоевский. Но и он говорит это не от своего имени. <...> Тот, кто это может сказать, экзистенциалист — это какое-то благословение проклятием и мукой. Но и тот, кто это сознает, не говорит прямо, а или в письме, или намеком, например Сцилла и Харибда, ее знал и Якоби: религиозный материализм (традиционализм) и религиозный химеризм; первое скорее в несторианском оттенке, второе — в монофизитском <24.11.71></td></tr>
<tr><td>1966</td><td>—</td><td>Noli me tangere — о бесстыдстве</td></tr>
</table>

* Самобытность (*нем.*).

<table>
<tr><th>Годы</th><th>Жизнь</th><th>Творчество</th></tr>
<tr><td colspan="3">Я очень редко ощущаю удобство жизни, приятность физического существования. Хорошо ли это? Да... ведь это и значит экзистенциально чувствовать, что я иду не долиной веселья, а долиной плача, что многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Небесное, что сила Твоя совершается в немощи, что, когда я немощен, я силен.
Нет. Noli me tangere переходит в мою душевную и духовную загражденность... Это не от стыдливости, сейчас я, скорее, ноуменально бесстыден, может, ноуменальное бесстыдство и есть настоящая экзистенциальность, живая вера... Это не стыдливость, а антисоборность, греховная загражденность, желание душевного комфорта <08.05.66></td></tr>
<tr><td>1966</td><td>—</td><td>Взгляд</td></tr>
<tr><td colspan="3">Во «Взгляде» все же, кажется, есть и ошибка. Труднее всего познать себя самого... Я правильно указал на соблазны... но не до конца понимал отношения любви... не видел ноуменальности отношения <22.12.68></td></tr>
<tr><td>1966</td><td>—</td><td>О молитве</td></tr>
<tr><td colspan="3">Закончил «О молитве». Может, это лучшее, что я написал за последние два с половиной года, но не это меня радует, а то, что Ты дал мне понять Твою ответственность, подаренную мне, все больше приближаешь меня к Себе, даешь мне понять любовь в Твоем гневе, радость пронзения моей души Тобою в пронзении души Твоего Сына, радость страдания, нашу общую бесконечную радость страдания <04.08.67>
Молитва не слова, молитва — строй души. Смиренномудрие, когда оно не слова, а экзистенциально переживается, — молитва. Обычные люди, не монахи и не отшельники, большей частью, может быть, молятся не тогда, когда произносят слова молитвы, а когда не произносят, в некотором состоянии, в некотором строе души <31.01.68></td></tr>
<tr><td>1966</td><td>—</td><td>Три искушения Христа в пустыне</td></tr>
<tr><td colspan="3">Я сейчас много пишу, сразу несколько вещей. Одна из них — «Три искушения Христа в пустыне». В связи с этим думал о возможности — логической и онтологической <21.05.66>
<В «Трех искушениях...»> Я подхожу с ланцетом к своей душе, а не к Христу <07.07.78></td></tr>
<tr><td>1966</td><td>—</td><td>Почему? За что? Зачем?</td></tr>
<tr><td colspan="3">Закон создал грех. Пока я не подумаю о каком-либо намерении или мысли грех ли это, это еще не грех, вернее не сам грех. Но как только подумаю не грех ли, станет грехом... Грех — в нарушении ограничения, поставленного мною же. Но когда я до конца продумаю, я вижу: не я, а Бог поставил ограничение. Бог говорит мне: зачем тебе это? Это лишнее для тебя, это тебе не нужно... <03.01.65></td></tr>
</table>

Годы	Жизнь	Творчество

Может ли вообще не исполняться воля Божья? Если кем-либо она не исполняется, то только потому, что Бог не препятствовал ее неисполнению. Но есть ли разница между непрепятствием Бога неисполнению Его желания и прямым Его желанием, чтобы не исполнялось Его желание?.. Сама мысль оправдать зло сводится к оправданию Бога... это безбожие. Вопрос «почему» мы вообще не должны ставить в отношении к делам Бога. Это «почему» станет над Богом. «Зачем» можно спрашивать, но это не человеческое «зачем», а очень часто теологи придумывают человеческое «затем» <17.06.66>

...Почему у меня отнята та тихая радость? Почему я снова не холоден и не горяч? Почему я снова извергнут из уст Твоих?

Не почему, а за что. И не за что, а зачем <12.09.66>

Почему и зачем — causa finalis: начальная и последняя. Вопрос «почему» в отношении к Богу греховный. Вопрос «зачем» Он Сам повелел задавать...

А в отношении себя? Почему, за что, зачем я снова извергнут из уст Твоих? Потому ли... что стал ни холоден, ни горяч, или потому я ни холоден, ни горяч, что извергнут из уст Твоих? Ответив на первый вопрос: да, я умалю Твое всемогущество; ответив на второй вопрос: да, я нарушу Твое повеление взять на себя бесконечную ответственность, так как этим ответом не признаю себя ответственным.

Если моя жизнь, как и вся история рода человеческого, совершается и сверху — через Провидение, и снизу — как бы от меня, то на оба вопроса я должен ответить: да. Я должен найти свой... конкретный грех, почему я стал ни холоден, ни горяч; и одновременно: зачем Ты изверг меня из уст Твоих. Причем оба ответа должны быть независимы <14.09.66>

За что я извергнут из уст Его? За то, что стал ни холоден, ни горяч.

Зачем (я стал ни холоден, ни горяч? / я извергнут из уст Его?)		Чтобы получить опытность, о которой говорит апостол Павел: скорбь — терпение — опытность — надежда от Бога.

Рассуждая по-человечески, я найду круг в ответах на вопросы «почему» и «зачем». На самом деле нет, но два слоя: в основе (или сверху) — почему и зачем, — это causa finalis начальная и конечная, то есть цель. Во втором слое (или снизу) — как бы от меня: за что <17.09.66>

1966	—	Ви́дение невидения

Когда я писал вешь (часто и сейчас), я должен был перечитывать написанное, прежде чем продолжал писать дальше: в уже написанном заключена идея формы всей вещи, а значит, и еще не написанное продолжение. Я подумал это сейчас, перечитав вторую часть «Видения невидения», чтобы найти продолжение <25.10.66>

Годы	Жизнь	Творчество

Мое «Видение» какое-то роковое. Я никак не могу его закончить, оно расширяется концентрическими слоями <09.11.66>

1. Невидение — это жизнь sub specie mortis*, не жизнь, а смерть. Сама жизнь — смерть.

2. Видение невидения — видение жизни sub specie mortis, и здесь смерть двусторонняя: смерть как вечная смерть и смерть как избавление от вечной смерти, воскресение в вечную жизнь.

3. Видение ви́дения — жизнь sub specie Christi**, вечная жизнь. Во втором возможность перехода к третьему: смертию смерть поправ <12.11.66>

Взгляд <невидящий> не оставляет меня ни теоретически, ни практически. Теоретически: все еще пишу, он разрастается концентрическими слоями. Практически: что будет, когда я кончу писать? <28.11.66>

Онтологичность пустого, невидящего взгляда. Не я смотрю на него — он смотрит на меня <29.11.66>

Кажется, я понял, зачем он смотрит на меня: чтобы я всегда помнил свое жало в плоть, чтобы не успокоился в устойчивом, в автоматизме мысли и повседневности, чтобы жало в плоть не стало повседневным, привычным, чтобы не усохла душа моя <30.11.66>

Взгляд как-то опустошил меня <01.12.60>

Тень невидящего, пустого взгляда все же осталась... <04.12.66>

Путь обращения имеет свои стадии. Стадии пути обращения, во-первых, опустошение... качественными скачками, каким был взгляд 04.X.66 <см. начало «Видения невидения»>. Он освободил меня или опустошил от некоторых земных интересов... от соблазнительности некоторых соблазнов... Во-вторых, это опустошение есть и наполнение. Кого и кем? — Когда-то я написал: я опустошаюсь, Он наполняется, Его слава растет, а я только сосуд Его гнева и Его славы <31.12.66>

Уже два с половиной месяца живу им <«Видением невидения»>. Это соблазн. Неверно, не живу им, а мучаюсь им. «Видение», которое я писал, чтобы преодолеть соблазн опустошенного искушения, уже потерявшего всякую соблазнительность, само стало для меня соблазном: меня интересует сама запись, то есть чтобы было хорошо написано. Поэтому дополняю, исправляю и переписываю <03.01.67>

1966?	—	Знание жизни. Ева Познай себя самого Дьявол
1967	—	Рассуждения о Библейской онтологии, о тайне контингентности, о моем рабстве и моей свободе и об эсхатологии, не вошедшие в «Видение невидения»

* Под знаком смерти (*лат.*).

** Под знаком Христа (*лат.*).

Годы	Жизнь	Творчество

Сегодня продолжал Добавления к «Видению» и все удивительно ясно. Два дня назад все было неясно... Сейчас Ты открыл мне, что и как писать <14.01.67>

Четыре отношения:

1) я → ты } возлюби ближнего своего
2) я ⇄ ты } Субъект в первом отношении не я, а ты. А во втором: мой «сокровенный сердца человек», которого я нахожу через «ты» и в «ты»? (Где двое и трое...)

3) я → Ты. Видение невидения в просьбе, покаянии, вопле } Возлюби Господа
4) Ты → я. Видение видения } Бога твоего

4 вида молитвы: 1) ιε; 2) ει; 3) ιι; 4) εε.

В полной активности (ιι) я именно ничего не делаю, только воплю.

В полной пассивности я именно все делаю, потому что не я, а Христос во мне.

Скрытое за искушением утешение: страдание через мое жало в плоть, ведущее меня к Богу. В страдании я пассивен: Святой Дух неизреченными воздыханиями ходатайствует за меня. В страдании я активен: активен в ничто — в вопле. Я воплю, и этот вопль есть воздыхание Святого Духа, ходатайствующего за меня.

Одна реальность, истинная полная реальность — молитва. Вне молитвы я сплю в невидении, в автоматизме мысли, чувства и повседневности. Только в молитве я абсолютно свободен, я что как ничто. Тогда я живу. Не я живу, Христос живет во мне <12.02.67>

Есть первичная и вторичная ложь человека. О первичной я писал в «Видении» (проявление гипостазирования). Вторичную ложь можно видеть, кажется, только у другого <29.03.67>

Противоречиво... и видение: не только видение, но и видение своего видения. Но видение видения непроизвольно переходит, вернее, замещается видением видения своего видения, то есть рефлексией, тогда становится уже активным невидением — об этом я писал в «Видении» <06.05.67>

Грех открывается только в глубине видения своего невидения <19.09.67>

В «Видении» я писал: понять свою жизнь как некоторую погрешность. То есть вся моя жизнь — небольшая погрешность в некотором равновесии. <...>

В этом понимании всей моей жизни, заключенной в моем с е й ч а с, как погрешности я вижу Божественную серию моей атональной жизни — Провидение <18.10.67>

Самое главное — тот час или два перед сном, когда ничего не делаю и не могу заснуть. В это время были написаны два Заключения к «Видению»: на меня вдруг нашло, охватило и прорвало <07.01.68>

Тень страшного, опустошенного взгляда осталась <8, 14, 28.01; 11.03.68>

«Видение» было мукой творчества. Не потому, что писалось с трудом, — писалось легко, но тяжело.

Тень опустошенного взгляда лишила меня слова <14.09.68>

Есть только муки творчества... не потому, что «Видение» несовершенно... но не было удовлетворения от удовлетворения. Я знал, что написано правильно и хорошо, может, лучшее из всего, что было написано в этом роде и на эту тему со времен Августина, я знал, что сотворил новый мир, но радости от этого не было, не было даже удовлетворения <25.11.68>

Годы	Жизнь	Творчество

Прочел у себя <в записи 13.12.66>: «По-видимому, должен быть фактический контингентный стержень, соединяющий эту жизнь с той, удерживающий меня еще в этой жизни, раз Бог желает, чтобы я был еще здесь. Кажется, это и открыл мне страшный, невидящий, пустой взгляд <11.12.68>

Опустошенный взгляд в «Видении» тоже иероглиф, ведь он был материальный. Я видел его все время два месяца, и именно как материальный он был не материальный <20.01.69>

Я всегда думал и желал: или все, или ничего. В философии я не сделал многого из того, что предполагал сделать. Но зато сделал и то, о чем и не мечтал: начало «Квадрата миров», «Формула чего-либо», «Формула несуществующего», «Видение». Поэтому, кажется, могу сказать: в философии я желал всего или ничего и получил все. И в жизни я желал всего или ничего. В малом мире имел все, в сверхбольшом — может быть, в большом — ничего <26.01.69>

Опустошенный взгляд открыл мне мое космическое одиночество <03.03.69>

Годы	Жизнь	Творчество
1967	—	Тожество и единство, аналитическое и синтетическое

Атональность жизни и Божественная серия ее. Меня интересует сейчас: во-первых, прежде всего Божественная серия моей атональной жизни. Иногда я приближаюсь к ней, чаще теряю ее и в этой потере снова нахожу ее, и, что бывает не часто, полностью живу в ней. Во-вторых, меня интересует теоретически Божественная серия атональной жизни, вернее теоретически-практически. И об этом я пишу. В-третьих, меня интересует это же философски, так как философия — язык теологии. И об этом я писал до 12.1.62 <смерть Н. А. Друскиной>, изредка и сейчас, например в рассуждении о «Тожестве и единстве». В-четвертых, меня интересует это же и в искусстве. Сам термин «атональная жизнь» взят из музыки — Веберн. И то же у В., Х., Л., О. <30.08.67>

Общезначимость не значит всеобщность: не только общие, но и частные и единичные суждения в высказывании предполагаются общезначимыми, то есть обязательными для всех и всегда, именно потому, что они вырваны из сейчас — здесь. И еще: они лишаются личного характера, они внеличны, в отличие от соборности, которая, во-первых, именно личная, во-вторых, прикасается к вечности и в то же время именно с е й ч а с — з д е с ь.

Соборность предполагает связь между личностями, причем именно с е й ч а с — з д е с ь, прикасающуюся к вечности. Сама эта связь предполагается не простым единством, хотя бы синтетическим, но тожеством различного: личности различны в соборной, или ноуменальной, связи, сама связь двух или больше личностей есть тожество различного: «...ибо все вы одно во Христе Иисусе», — говорит апостол Павел (Гал. 3,28). Общезначимость по всем этим четырем пунктам — суррогат соборности:

1. Не личное единство, а внеличное: для всех, а не для каждого в отдельности, то есть ни для кого.
2. Не сейчас — здесь, а всегда, то есть никогда.
3. Не вечность, а абстрактное, вневременное.
4. Не тожество различного, а тожество того же самого.

Продолжение

<table>
<tr><th>Годы</th><th>Жизнь</th><th>Творчество</th></tr>
<tr><td colspan="3">Общезначимость истины и значит: для всех, то есть ни для кого в отдельности, безличность.
Соборность не нивелирует личности, общезначимость нивелирует, то есть уничтожает.
Христос сказал: «Я есмь путь и истина и жизнь», то есть истина субъективна — не в том смысле, что для одного — одна, для другого — другая, но в том, что истина — Человек, Которым стал Бог <на листке-карточке, вложенном в папку «Тожество и единство»></td></tr>
<tr><td>1967</td><td>—</td><td>Тайна</td></tr>
<tr><td colspan="3">Екклезиаст говорит: Бог дал людям трудное занятие — думать, — чтобы так они сами мучили себя. Христос говорит: будьте чисты, как голуби, и мудры, как змии. Апостол Павел говорит: исследуйте Писания, исследуйте самих себя.
Я пытаюсь не раскрыть тайну, а прикоснуться к тайне. Для этого я пытаюсь раскрыть или распутать ту рациональную путаницу, которой грешник, то есть я сам, закрывает от себя тайну. Потому что тайна требует от меня очень многого, а я боюсь этого. Я бесконечно стремлюсь к ней и бесконечно боюсь ее, поэтому закрываю ее... И все же стремлюсь раскрыть рациональную путаницу, чтобы не понять, а прикоснуться к тайне <«Ответ на вопрос Т. Л.», 1974>
Первый подлый вопрос — вопрос змия Еве: «А правда ли Бог сказал...» В новое время подлая мысль явилась под именем мифа: Евангелие — миф (Д. Штраус). В сравнительно-историческом изучении Евангелия тоже есть подлая мысль. Это не значит, что Бультман и др. — подлецы, — они соблазненные бесом маловеры <06.05.67>
Вочеловечение Слова предопределено от вечности, но сроки Его никому не были известны, и также сроки Его второго пришествия — даже Сыну. Это и есть онтологичность контингентности. И здесь обнаруживается — открывается, что то, что для нас causa cognoscendi* Божественной тайны, есть ее causa essendi** — экзистенциальность Божественной тайны <17.07.67></td></tr>
<tr><td>1967</td><td>—</td><td>Недостаток и избыток</td></tr>
<tr><td colspan="3">Часто, а может, и всегда, человек чувствует слабость, недостаток, иногда даже отсутствие именно того, что у него есть в избытке; ему всегда кажется, что мало. Смиренному кажется, что у него мало смирения, доброму, что ему не хватает доброты. Не только кажется, действительно не хватает, потому что смирение, вера бесконечны. Хватает только тому, у которого их нет <07.05.67></td></tr>
<tr><td>1967</td><td>—</td><td>Testimonium Sancti Spiritus***</td></tr>
<tr><td colspan="3">Есть вúдение, есть вера, даже уверенность, но не самоуверенность. Самоуверенность от меня самого, уверенность как и вера, Testimonium Sancti Spiritus. Это совсем другое, не подчинено законам нашей мысли... Здесь действует закон антиномического мышления <06.05.67></td></tr>
</table>

* Причина познания (*лат.*).

** Причина существования (*лат.*).

*** Свидетельство Святого Духа (*лат.*).

Продолжение

<table>
<tr><th>Годы</th><th>Жизнь</th><th>Творчество</th></tr>
<tr><td>1967?</td><td>—</td><td>Творение мира из ничто
Христос умер за всех или только за призванных?</td></tr>
<tr><td>1967?</td><td>—</td><td>Вера, исповедание веры, догмат</td></tr>
<tr><td colspan="3">Я верю, что есть Жизнь вечная и что я к ней причастен или могу быть причастным. Я знаю, что должен заслужить право быть причастным к ней, и эта вера есть для меня критерий моего отношения к людям, книгам, музыке, картинам <28.07.50>
«Верую, Господи, помоги моему неверию». Это тоже символ веры, и в нем сказано противоречивое для моего ума отожествление абсолютной трансцендентности и абсолютной имманентности веры; веры и веры, которая не верит, чуда и прикасания к чуду: созерцания, участия и созерцания своего участия <14.03.67>
Вера — атональное состояние, атональность жизни: между небом и землей... Главное дело — б ы т ь не при деле... Это атональное состояние... бесконечная заинтересованность, страстность, Leidenschaft*. Может, она и создает или <сама> есть додекафонный ряд атональной жизни? <25.05.67>
У меня есть ощущение тожества моей личности во всех моих воспоминаниях. С детства я тот же. Если это не иллюзия, то инвариант меня того же самого в постоянном прехождении... Эта инвариантность... самое личное во мне, причем субстанциально личное <17.03.64>.
Когда я вспоминаю прошлое, мое призвание Тобою в 1911 г. и дальнейшее, мне могут сказать: это ретроспективное воспоминание есть только проекция настоящего на прошлое. На это я отвечаю: а вы знаете, что значит настоящее, что значит прошлое... что значит время, которое прошло, событие, которого уже нет? Я верю и вижу, что то, что было, есть и сейчас, что Ты меня призвал, и если бы даже и нашлись внешние свидетели, которые самыми точными свидетельскими показаниями опровергли то, что я помню, как Ты призвал меня, Твое постоянное руководство, — я бы сказал: всякое эмпирическое свидетельство, всякое эмпирическое знание относительно, а то, что я знаю — верю, вижу и знаю, верю, вижу и знаю в Тебе, в Сыне Твоем Единородном, — абсолютно и никакая мирская мудрость не может поколебать его <28.08.65>
Когда я говорю или думаю — это часто только некоторые опыты или субъективные признания, но в настоящих вещах я записываю то, что приходит независимо от меня, вернее, есть независимо от меня, непомещающееся во мне. Вот это непомещающееся во мне и есть настоящее во мне и, по-видимому, уже не я. Оно не меняется, хотя в разное время я вижу его с разных сторон и сейчас некоторые подробности, непомещающиеся во мне, вижу яснее <27.08.56>
Вера возникает не из страха смерти, а из потребности, из непреодолимого тяготения к непонятному, к тайне, к тому, что превосходит всякое понимание, к Божественному безумию <19.05.70></td></tr>
</table>

* Страсть, страдательность (*нем.*).

Годы	Жизнь	Творчество

Если в XIX в. чрезмерно доверяли науке и всеобщему детерминизму, то сейчас, наоборот, слишком много относят к действию веры. Есть две псевдоверы: одна любое парапсихологическое явление относит к вере, другая и факт веры объясняет как парапсихологическое явление <15.05.79>

Годы	Жизнь	Творчество
1967?	—	Credo <Хотя вера одна...> Грех. Блудный бес
1968	—	О пути обращения <четвертая глава «Рассуждений о Библейской онтологии...»>

Четвертая часть «Добавления к Ви́дению». Она не удавалась мне очень долго, и только в январе прошлого года я неожиданно очень быстро закончил ее. Телеологичность ее — связь с неслучайной случайностью — сейчас мне ясна <22.04.69>

У меня в «Видении» *B*-религиозность <по Кьеркегору>. Но в *B*-религиозности благодарность за страдание и радость страдания, тогда чем же будет благодарность за радость? <28.04.69>

Кроме небольшого заключения в «Добавлении к Видению» — о смиренномудрии — ничего законченного не сделал за это время <08.05.69>

Когда я писал о молитве и смиренномудрии («Добавление IV»), я не знал небольшую вещь Кьеркегора «Am Fuße des Altars», посвященную отцу и дальше о смиренномудрии и молчании <16.05.69>

Помимо «Взгляда» и «Видения» и в других вещах я часто говорю о взгляде и видении. Этот взгляд и это видение не субъективно-психологическое, тем более не чувственное, а онтологическое. Может, поэтому в «Видении» оба объединились в опустошенном взгляде <20.11.69>

После опустошенного взгляда с лета и осени 1967 г. началось истощение творчества... Четвертая часть «Добавления к Видению» — о молитве — прощание с периодом жизни 16.X.63 — XII.67... То, что было, не прошло бесследно, тень опустошенного взгляда осталась... <25.09.70>

В «Добавлении IV»... я ввел ничто первое <15.12.70>

Горе изживается или ослабляется в высказывании другому или себе. «Видение», «Добавление» к которому я написал в январе 1968 г., и было таким высказыванием себе самому. Поэтому, по существу, оно посвящено маме <09.05.75>

В «Видении» я цитирую Ин. 14,26 и 15,26. Если же католики или протестанты скажут, что я отклоняюсь от ортодоксии к восточной схизме, то я отвечу, что отклоняюсь от случайной обмолвки Августина и от придуманной каким-то испанским монахом ереси filioque*, но не от ортодоксальной веры, ясно сказанной апостолом Иоанном: Сын — тот, Кто рожден от Отца, Дух — тот, Кто исходит от Отца. Пусть это будет субординациализмом или чем угодно, но так сказано в Евангелии от Иоанна и в это я верю <29.04.76>

* И от Сына (*лат.*).

Годы	Жизнь	Творчество
1968	—	Сон и явь От автора Душевный праздник Сны Смерть Игнавия I Евангелие. Душа Эвакуация Игнавия II Душа Небольшая погрешность в некотором равновесии Неофициальная мысль Лестница Иакова

Кажется, с 1928 г. я записываю то, что мне приходит на ум, иногда на отдельных листках, иногда в тетрадях, иногда часто, иногда редко. Я назвал эти записи: «Перед Принадлежностями чего-либо». В 1963 г., когда «наступила великая скорбь, которой не было от начала мира и не будет», я хотел понять, что случилось, есть ли в этом смысл? Какой? Зачем я «шел долиной чудной слез, рыдал, страдал, терпел?..» Я думал: можно ли понять то, что произошло? Что значит понять? Понять непонятное как непонятное? Или еще большее понимание — не понять непонятное как непонятное?

Я пытался выбрать из «Принадлежностей» то, что, мне казалось, даст возможность понять или, вернее, не понять непонятное как непонятное <на отдельном листке>

Я всю жизнь искал себя — то, что дальше всего от сна. Мне казалось, что я все время живу во сне. Просыпаюсь же опять во сне. И снова просыпаюсь, и опять это только сон. И вот, я искал наиболее ясного, не сонного состояния <17.03.44>

Давно уже я хотел сделать одну работу и назвать ее «Сон и явь» <02.02.64>

Переделываю «Сон и явь...» <08.07.66>

Снова пытаюсь собрать «Сон и явь». Первая редакция второй части была неудачной: вообще не была видна связь между сном и явью. Связь эта — душа, сон души, просыпание, Провидение: и сон стал явью <07.10.67>

Мне надо... фиксировать в «Яви», как я пришел к «великой скорби, которой не было от начала мира и не будет», как сон стал явью... Что нужно? Найти себя, а за собою Тебя <16.10.67>

...Во сне есть явь и в яви — сон: сон и пробуждение в обеих частях — смысл всего. В заключение первой части я и говорю: душа и есть сон и пробуждение <09.04.69>

Незаконченное «Сон и явь»... посвящено моей лестнице Иакова <матери> <09.05.75>

Годы	Жизнь	Творчество
1968	Перелом в личной жизни: сближение с Тамарой Александровной Липавской	Анализ произведений и составление словаря языка А. Введенского — совместно

Годы	Жизнь	Творчество
		с Т. Липавской Анализ произведений Д. Хармса

Я ищу... слова, чтобы зафиксировать новую ситуацию, в которую меня ввел Бог, понять свое место в новой трансцендентной ситуации... Я сознавал себя в лестнице Иакова. Потеряв ее, я сознавал себя в жале в плоть. Теперь я ищу себя, свое место в жизни, в открывшейся двери в жизнь...

Тень опустошенного взгляда <см. «Видение невидения»> лишила меня слова. Я замолчал.

В моем молчании Бог открыл мне трансцендентную ситуацию, открыл дверь в жизнь... Бог бросил меня к Т.

Но дверь в жизнь стала для меня стеной, защищавшей меня от жизни. Не субъективно, психологически или намеренно, а ноуменально. Значит, и это еще не жизнь, а преддверие жизни. И все же и это преддверие было прикасанием к счастию. Впервые... в жизни другой человек, не моя лестница Иакова, а человек из большого мира <то есть не семейного> стал для меня **ты**. Не есть ли это атом соборности? Не исполняется ли то, что я безуспешно пытался исполнить с 1964 г.: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там буду и Я»? <осень 1968>

Годы	Жизнь	Творчество
1968?	—	Дорогой М. <М. С. Друскину — письмо-рассуждение> Я и ты. Ноуменальное отношение

Я различаю некоторую поверхность жизни и глубину. На поверхности жизни грех не только разделяет, но и объединяет людей, люди солидарны в грехе, в человеческой слабости, в страдании и в сострадании. **Он** и **она** становятся для меня **ты**. Но грех глубже, с поверхности жизни он проникает в самую глубину моей души. Вернее, там он и возникает, он и в глубине моей души и вне меня, в глубине других душ. Это не психологическое, а онтологическое состояние — грех всего мира, который взял на Себя Христос <06.05.69>

«Возлюби Господа Бога твоего...» Предположим, я люблю кого-то, например A, или что-то, например α. Предположим, это... ноуменальное отношение к человеку A или делу α. Предположим, я твердо знаю, что это мое призвание... и что без этой любви к A или к α я — не я.

Антиномия:

1. Я так возлюбил Господа Бога моего, что отрекся ради Него и от A (без вреда для него) и от α. Кто тогда возлюбил Бога — я ли, ноуменальный **я**, или только абстрактный полюс некоторого интенциального отношения? Буду ли тогда я что как ничто? Будет ли тогда любовь к Богу личная?

2. Но ведь любовь к A или к α... ноуменальная, именно в этой любви я отрекаюсь от своих прихотей, от себя самого, именно в этой любви я что как ничто. Но есть ли это полная нищета духа?

Я думаю, оба тезиса истинны и несовместны, истинны и совместны в своей несовместности <23.01.70>

Без ты нет я. Есть ли ты без я? В основе: без Ты нет ни я, ни ты: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там буду и Я». Тогда и я—Ты—я, я—Ты—ты, ты—Ты—я <02.06.70>

Годы	Жизнь	Творчество
1969	—	Исповедь

Я назвал ее: «Исповедь, неудавшаяся, как и моя жизнь и мои писания». Ночью думал: говоря о неудаче, я не имею в виду внешнее положение в жизни, признание, успех, богатство. Я имел в виду то, что сказал апостол Павел: хочу одного, делаю другое... Летом я записал: глупое положение, чудо, иероглиф — все три соединены; они возникают внезапно, разрывая обычный порядок жизни, и неизвестно как исчезают. И вот, вся моя жизнь предстоит передо мною как одно глупое положение, как погрешность, как некоторый иероглиф, как чудо. Да, она была неудачна, я шел и оглядывался назад, я терпел крушения, падал, но именно в падении стоял прочно, потому что Бог держал меня. Моя неудача была удачей, чем чаще я ошибался, тем чаще Бог исправлял мои ошибки, возвращал меня на мой путь. Чем чаще падал, тем прочнее стоял. Потому что это была уже не моя, а Божья прочность. И так же в отношении того, что писал. Я не написал многое из того, что хотел написать, многое написал не так, как хотел. Но почему надо написать то, что хотел написать, написать так, как хотел написать? И не написал ли и то, что и не мечтал написать? И я увидел в несовершенном — совершенство, в неисполнении — исполнение, в неудаче — удачу <25.02.69>

Годы	Жизнь	Творчество
1969	—	Швейцер в своей книге... <О Д.Хармсе и его творчестве> Стадии понимания <О творчестве А. Введенского>
1969	—	Три метода убеждения

Четыре вида убеждения: логическое, наркотическое (теноровая ария из Пасхальной оратории И. С. Баха, хотя там есть и уязвление, И. Стравинский — в значительной степени), деспотически-волевое (например, речитативы Баха из MP и IP) и уязвление <24.03.69>

Годы	Жизнь	Творчество
1960-е	—	<Философские заметки> Психология и философия религии Антиномии веры Вера, доверие, знание Вера Вечность Вечная жизнь Рай и ад Двусторонность чуда <и другие>

Вера — не теология и не догмат, а экзистенциальное и поэтому противоречивое состояние. Теология и философия пытаются только анализировать это состояние и иногда, если это поэтическая теология и философия, дать некоторый намек на неизвестный ответ на неизвестный вопрос, ограничить область, где

19 Зак. 3244

Годы	Жизнь	Творчество

лежит неизвестный ответ на неизвестный вопрос. Одна из окрестностей неизвестного ответа — трансцендентность и имманентность Бога, и обе должны быть радикализированы до последней степени: самое далекое, абсолютно не мое — самое близкое, абсолютно мое <25.03.69>

Годы	Жизнь	Творчество
1970	—	Трактат Формула Творения

Пишу заново седьмой вариант после восьмилетнего перерыва <25.09.70>

Если глубина — субъективное, душевное, плоскость и ряд плоскостей — абсолютное и духовное, то вот погрешность: плоскостная глубина, о которой говорил В. В. «ТФТ» — плоскостная глубина: начало — я и Бог, конец — не я, но Бог <06.01.57>

Абсолютный факт — абсолютная субъективность. В «Критерии» с самого начала сильнее подчеркнута абсолютность, в «ТФТ» — субъективность. Это два взгляда на тот же абсолютный факт, поэтому в последовательности изложения есть некоторый параллелизм: абсолютный факт (апория) — фактическая возможность — единственный факт (сдвиг апории). Мне кажется, «Исследование о критерии» выдержало испытание временем... <10.11.71>

Те погрешности, которые меня мучили, когда я писал, исправлял и все же не мог вполне исправить, сейчас я вижу как реальность интуиции, как жизнь интуиции, реализованной в вещи <10.11.71>

Сразу после окончания <«Критерия»> я стал писать дополнения. Через несколько лет, кажется, в 1956 г., я понял, что это дополнение — новый вариант той же работы, но построенный совершенно иначе. Первая часть ее была закончена в 1958 г. Затем три или четыре года я вносил поправки в нее, которые в конце концов разрушили цельность вещи. Я понял, что надо начинать сначала. Три года тому назад я снова вернулся к ней. Теперь я представляю ее себе так: есть определенная реальность, в существовании которой я не могу сомневаться. Конечно, это не cogito* Декарта. Я назвал эту несомненную реальность абсолютным фактом: сейчас моей души. Общий план работы мне ясен: первый раздел: абсолютный факт как сейчас моей души. Конец первого раздела: абсолютный факт, или сейчас моей души, — только место абсолютного факта, которое заполняет Бог. Об этом писал еще Филон. Второй раздел: Слово стало плотью, и это вочеловечение Бога заполняет опустошенность моей души. В первом разделе две части. В 1930 или 1931 г. я написал небольшую вещь и назвал ее «Мир перед Богом». В Боге начало и конец — одно: вечное с е й ч а с. Для грешника оно разделилось. Бог сотворил меня по Своему образу и подобию. Я в грехе совратил Его образ и подобие. Тогда начало и конец разделились. Еще Кьеркегор сказал: время начинается с грехопадения. <...>

У протестантов есть хорал: In Adam's war der Fall — в Адаме я пал. Это было не когда-то, а сейчас, каждое сейчас есть творение меня по образу и подобию Божьему, и каждое сейчас есть мое падение. Первый раздел чисто философский, только изредка, преимущественно к концу, мне приходится обращаться к

---

* Cogito, ergo sum — мыслю, следовательно, существую (*лат.*).

Годы	Жизнь	Творчество

теологическим вопросам. Второй раздел теологический — заполнение души, оставившей себя <на отдельном листе, 1972>

«ТФТ» идет как-то само по себе, почти независимо, а может, и совсем независимо от меня. Оно <сочинение> имманентно в себе, а для меня трансцендентно... Когда же перечитываю, уже не я живу, а «ТФТ», я здесь ни при чем <07.03.72>

Больше месяца мучаюсь, как перейти ко второй части. Это вопрос не содержания, а формы. Композиция, архитектоника может быть пространственной и временной, последняя в поэзии, прозе и музыке, но преимущественно или первоначально в музыке, потому что стихотворение я могу читать про себя, а в китайской поэзии, записанной иероглифами, существуют даже стихи непроизносимые, потому что нет слов для некоторых комбинаций иероглифов. Музыка же существует в реальном звучании, то есть преимущественно временное искусство. Когда я пишу, я представляю себе вещь, которую пишу, как некоторую музыкальную формулу. Если для меня возникает вопрос или дилемма: музыкальность формулы, то есть формы, или понятность, для меня всегда важнее первое. И сейчас, когда я перечитываю все черновики и варианты, я знаю, что для логической понятности лучше выбрать один вариант и поместить его в Вступление или в крайнем случае в переход ко второй части, а для музыкальности — другой вариант; две группы вариантов, определяемых критерием логической понятности и музыкальности, и в конце концов я остановлюсь, по-видимому, на одном из вариантов второй группы. Критерием музыкальности я пользуюсь и в самых абстрактных вещах, как, например, в «ТФТ», и, может быть, он наиболее важен именно для наиболее абстрактных вещей. Так же и в математике, и не случайно математические способности часто сопровождаются музыкальными... Когда я говорю о логическом понимании, я имею в виду не материальное, а только формальное понимание... Тогда музыкальный критерий соответствует материальному пониманию. Поэтому я и говорю, что для понимания моей вещи не всегда обязательно понимание каждой отдельной части: важно понять целое, тогда от понимания целого станет понятна и каждая часть в отдельности <02.04.72>

В «ТФТ» я писал, что бытие, или ч т о, есть как акт творения что из ничто <31.10.73>

Мою философию поймет только тот, кто, так же как и я, отвергнет ее, чтобы на ее место поставить веру. А для этого он должен принять каждое мое положение от первого до последнего в точности так же, как я утверждаю их... тогда вместе со мною, отвергнув ее трансцендентно, отвергнет себя, как и я отвергаю себя <06.12.74>

«ТФТ» я назову, кажется, «Исследованием о сущем слове» <20.12.74>

Годы	Жизнь	Творчество
1971—1973	—	О риторических приемах в музыке И. С. Баха Звезда бессмыслицы <исследование творчества А. Введенского>

Когда я занимался структурным анализом — Бах, Веберн, Введенский — он никогда не был для меня самоцелью... Целью было найти основную интуицию

Годы	Жизнь	Творчество

музыки Баха, объясняющую и формальное строение вещи, и также у Введенского... понять, как основная интуиция — время, смерть, Бог (с его же собственных слов) — реализовалась в его вещах, тогда и вещи его станут не только понятнее, но их лучше и глубже почувствуют... Только личные встречи с автором, общие цели могут иногда заменить формальный анализ <29.12.68>

Звезда бессмыслицы — арациональна, демоническое — иррационально <20.01.69>

Если бы не было бессмыслицы, жизнь была бы лишенной смысла, бессмысленной, плоской. Введенский — звезда бессмыслицы, Кьеркегор — абсурд, парадокс, апостол Павел — безумное Божие... Кто хочет быть мудрым в мире сем, будь безумным. Это безумие, звезда бессмыслицы — тайна, чудо и создает в жизни несколько планов, тогда жизнь имеет тайный, чудесный смысл <23.05.67>

Когда гаснет звезда бессмыслицы (в искушении), остается одна плоскость и она становится бессмысленной <20.07.67>

Работа, которую мне предназначено выполнить, — это не только исследование абсолютного факта (ТФТ), но и «Логический трактат», и книжка о Бахе <«О риторических приемах в музыке И. С. Баха»>, и «Звезда бессмыслицы». Во всех этих работах общее ядро, хотя прямо, может быть, и не сказано: Soli Dei gloria <06.12.78>

Годы	Жизнь	Творчество
Лето 1972 — 16 января 1973	—	Письма* композитору В. Сильвестрову
1973? 1974?	—	Credo <Бог говорит мне...>
1974?	—	Теология креста и теология славы (о книге У. Голдинга «Шпиль»)
1976	—	Сейчас моей души Сейчас моей души — одно простое состояние...
1976	—	Я внимаю. Чему? Интенсивность и экстенсивность Я — Ты — ты Полное равновесие — мертвое...
1977		О книге священника Д. Дудко «О нашем уповании»

* См.: Из переписки: Яков Друскин — Валентину Сильвестрову // Музыкальная академия. 1995. № 4—5. С. 245—253.

Годы	Жизнь	Творчество
1978—1979	—	Чинари

Я сочиняю мифы о В. и Х., может, и о себе самом — это означает «познай себя самого», потому что миф и есть ноуменальная сущность человека, отношения людей, ситуаций, событий, сказанная в поэтической, то есть образной, форме. Но не в поэтической форме высказывается только мертвая абстракция, не жизнь, а поверхность жизни, плесень на поверхности жизни <11.11.68>

Меня интересует не автобиография, меня интересует тайна моего **я**: прошлого не было, а **есть** с е й ч а с <22.12.67>

И в прошлом и в настоящем надо различать некоторое ноуменальное ядро и его явление. Ноуменальное ядро прошлого открывается с е й ч а с, но в ретроспективном взгляде я вижу его явление, может, и иначе, не таким, каким оно было, но только явление, а не ядро <10.07.66>

Моя жизнь — высказывание моего существования, то есть экзистенциальное фиксирование <10.10.66>

Годы	Жизнь	Творчество
1979	—	Одностороннее синтетическое тожество <развернутая формулировка в четырех формах: ι, ιε, ει, εε> Добавление к «Теологии креста и теологии славы» «Священное Писание написано не для всех...
Вторая половина 1970-х	—	Материализация метафоры в пьесе А. Введенского «Очевидец и крыса» «Серая тетрадь» А. Введенского «Где. Когда» А. Введенского Это ответ не то Лосскому, не то... <о книге сына Н. О. Лосского>
Конец 1970-х	Яков Семенович подолгу и тяжело болен	—

Вообще, болезнь — это или грех, или «искушение, для испытания нам посылаемое», или благодать <16.11.78>

24 января 1980 года в 13 часов 20 минут Якова Семеновича Друскина не стало

Похоронен на Серафимовском кладбище

УКАЗАТЕЛЬ
сочинений Я. Друскина

УКАЗАТЕЛЬ
имен и произведений

* Здесь и в некоторых случаях далее — без инициалов.

БИБЛИОГРАФИЯ* Я. ДРУСКИНА

1. **«Страсти по Матфею» И. С. Баха**. Л.: Ленинградская филармония, 1941. <В соавторстве с М. Друскиным.>

2. **Про риторичні прийоми в музиці Й. С. Баха** / Предисл. М. Друскина. Київ: Музична Україна, 1972.

3. **Комментарии** // Введенский А. Полное собрание сочинений: В 2 т. Анн Арбор: Ардис, 1984. Т. 2.

4. **«Чинари»** // Wiener Slawistischer Almanach. 1985. Bd. 15. S. 381—403.

Там же:

Стадии понимания. S. 405—413.

5. **За реторичните похвати в музиката на Й. С. Бах** / Вступит. ст., публ. М. С. Друскина // Информационен бюлетин "Музикални хоризонти". София. Бр. 11/1987.

6.** **Вблизи вестников** / Сост., ред., предисл. Г.А. Орлова. Washington: H. A. Frager & Co, 1988.

7. **Разговоры вестников** <фрагмент> / Предисл., публ. И. Г. Вишневецкого // Равноденствие. М., 1989. № 1 (2).

8. **«Чинари»** / Предисл., примеч., публ. Л. Друскиной // Аврора. 1989. № 6. С. 100—115.

9. **Сны** / Предисл., публ. Л. Друскиной // Даугава. 1990. № 3. С. 114—121.

10. **О конце света** / Публ. Л. Друскиной // Равноденствие. М., 1990. № 4. С. 54—56.

11. **Учитель из фабзавуча** / Вступит. ст., примеч., публ. Л. Друскиной // Gnosis / Гнозис. N. Y., 1990. N 9. P. 96—105.

12. **Перед принадлежностями чего-либо: Из дневника 1933—1935 гг.** / Вступит. ст., примеч., публ. Л. Друскиной // Незамеченная земля. М.—СПб., 1991. С. 46—74.

Там же:

Учитель из фабзавуча. С. 75—81.

О конце света. С. 81—83.

13. **On Daniil Kharms** // Daniil Kharms and the Poetics of the Absurd; Ed. and transl. by N. Cornwell. 1991.

14. **Credo** <«Бог говорит мне...»> / Вступит. ст., примеч., публ. Л. Друскиной // Искусство Ленинграда. 1991. № 8. С. 48—49.

Там же:

Noli me tangere—о бесстыдстве. С. 49—52.

Дьявол. С. 52—53.

Грех. С. 53—56.

---

* Составлена Л. Друскиной.

** Издание содержит множество опечаток и отступлений от авторского текста. Не сохранен стиль автора.

15. **Коммуникативность в творчестве А. Введенского** / Вступит. ст., примеч., публ. Л. Друскиной // Театр. 1991. № 11. С. 80—84.

16. **О конце света** // «...Просто останавливание движения» / Вступит. ст., примеч., публ. Л. Друскиной // Вечерний Петербург. 1992. № 102 (30 апреля).

Там же:

<Из дневника>.

Сон.

17. **Дьявол в виде ничто — μή ὄν** / Публ., подгот. текста, примеч. Л. Друскиной // Арс. Тематический выпуск "Бездна" . 1992. С. 148—151.

18. **Der Tod. 1934. August** // Schreibheft. Zeitschrift für Literatur. 1992. Nr. 40. S. 23—26.

Там же:

Kennzeichen der Ewigkeit. S. 58—59.

Über den Wunsch. S. 59.

Über den nackten Menschen. S. 59—60.

Wie mich die Boten verlassen haben. S. 60.

Träume 1928—1963. S. 61—66.

19. **Über Daniil Charms** // Daniil Charms. Die Kunst ist ein Schrank. Berlin: Friedenauer Presse, 1992.

20. **Грехопадение** // Предопределение и свобода: Философские эссе. Дневник / Сост., примеч., публ. Л. С. Друскиной. Вступит. ст. В. Н. Сажина. Послесл. А. Г. Машевского // Новый мир. 1993. № 4. С. 206—212.

Там же:

Предопределение и свобода. Обломов: Аллегория. С. 212—213.

Перед принадлежностями чего-либо <фрагменты дневниковых записей>. С. 213—221.

21. **Материалы к поэтике Введенского*** // Введенский А. Полное собрание произведений: В 2 т. М.: Гилея, 1993. Т. 2. С. 164—170.

22. **Недостаток и избыток** / Публ., примеч., послесл. Л. Друскиной // Новый круг. Киев, 1993. Т. III, № 1. С. 260—261.

Там же:

Взгляд. С. 261—269.

23. **Вера, которая не верит** // Мѣра. СПб., 1993. № 1. С. 8—12.

Там же:

Сцилла и Харибда. **Соблазн**. С. 12—15.

24.** **Сейчас моей души** // Мѣра. СПб., 1993. № 2. С. 61—70.

25. **Concerning the End of the World** // Alea. N. Y., 1993. N 3. P. 56—58.

26. **Вестники и их разговоры** // Логос. М., 1993. № 4. С. 91—94.

Там же:

Это и то. С. 94—96.

Классификация точек. С. 97—99.

Движение. С. 99—101.

---

* Произведения с таким названием у автора нет. Текст представляет собой неряшливую компиляцию нескольких исследований со вставками (от составителей), противоречащими взглядам Я. Друскина.

** Напечатано с нарушением авторских прав — без разрешения на публикацию. Многочисленные грубые ошибки искажают смысл произведения.

27. **Я и ты: Ноуменальное отношение** / Вступит. ст., примеч., публ. Л. С. Друскиной // Вопросы философии. 1994. № 9. С. 197—213.

28. **«Швейцер в своей книге...»** / Публ., послесл. Л. Друскиной // Сб. материалов М. К.—Хармсиздат совместно с изд-вом «Арсис». СПб., 1995. С. 47—51.

29. **Видение невидения** // Зазеркалье: Альманах. СПб., 1995. Вып. II. С. 3—110.

Там же:

Рассуждения о Библейской онтологии, о тайне контингентности, о моем рабстве и моей свободе и об эсхатологии, не вошедшие в «Видение невидения». С. 111—171.

30. **О риторических приемах в музыке И. С. Баха**. СПб.: Изд-во «Северный олень», 1995.

31. **Звезда бессмыслицы** // «...Сборище друзей, оставленных судьбою»: А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «Чинари» в текстах, документах и исследованиях: В 2 т. Т. 1: А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин / Ст. А. Л. Дмитренко. Сост., подгот. текстов, примеч. Л. С. Друскиной, А. Г. Машевского, В. Н. Сажина. Ст., науч. ред. В. Н. Сажина. Б. м., 1998. С. 549—642. (Русская потаенная литература).

Там же:

Стадии понимания. С. 642—651.
Душевный праздник. С. 655—658.
Полет души. С. 658—659.
Формула Федона. С. 659—660.
Псалом. С. 660.
Происхождение второго мира в связи с новой теорией времени. С. 660—662.
Четыре слова. С. 662—663.
Соседний <мир>. С. 663.
Окно. С. 664.
Песнь о субботе. С. 665.
Суббота. С. 666.
«Боже дай избавления...» С. 666—667.
«Давно не писал...» С. 668—671.
Рассуждение о двух во всем одинаковых вещах. С. 671—675.
«Одно стоит. Пустая форма—в нем...» С. 675—676.
Простая вещь. С. 677—679.
Щель и грань. С. 680—689.
Сорисутствие. С. 689—692.
За соприсутствием. С. 692—696.
Сдох мир. С. 696—700.
Приложение. С. 701. <К «Сдох мир».>
Заключение к «Сдох мир». С. 701—703.
Перерыв и космогонический трактат о мире. С. 703—705.
Существуют ли другие люди помимо меня. С. 705—725.
«Что будет, когда я умру?..» С. 725—731.
«Выбирал ли свою жизнь?..» С. 731—732.
Пять исследований. С. 732—734.
О неверующем человеке. С. 735.
Почему на Страшном Суде нельзя много говорить. С. 736—737.
«Путь добродетели легок...» С. 737—738.
<Тосветный мир>. С. 738—740.
Мир перед Богом. С. 740—750.

Разговор о времени. С. 750—751.
Учитель из фабзавуча. С. 752—758.
Разговоры вестников. С. 758—811.
Как меня покинули вестники. С. 811.
Это и то. С. 811—814.
Классификация точек. С. 814—817.
Движение. С. 818—820.
Признаки вечности. С. 820—822.
О желании. С. 822—823.
О голом человеке. С. 824.
Происхождение животных. С. 824—826.
Окрестности вещей. С. 826—835.
<О понимании>. С. 835—841.
О пространстве жизни. С. 841—843.
<Из «Примеров»>:
О состояниях жизни. С. 844—848.
Рассуждать не рассуждать. С. 848—852.
«Ты скажешь: существование мгновенно...» С. 852—853.
«1. Система ограничивает область существования...» С. 853—855.
<Сны из книги «Сон и явь»>. С. 855—863.
Теоцентрическая антропология. Рассуждения о душе (Основание феноменологии времени). С. 863—911.
<Из дневников>. С. 911—978.

32. **О молитве** / Вступит. ст. Б. Лежена // Вестник русского христианского движения. Париж—Нью-Йорк—Москва, 1998. Вып. I—II, № 177. С. 155—176.

33. Избранное: В 2 т. /Сост., вступит. ст., примеч. Л. Друскиной. Париж: YMCA-Press, 1999.

Т. 1. Сон и явь. Авторитет бессмыслицы. Три искушения Христа в пустыне. (В печати.).

СОДЕРЖАНИЕ

Я. Друскин

Дневники / Состав, подготовка текста, примеч. Л. С. Друскиной — СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999 — 605 с., илл.

ISBN 5-7331-0149-0

Дневники замечательного русского философа Я. С. Друскина (1902—1980) — уникальное философское произведение. «Я только исследователь и наблюдатель своих состояний», — писал он. Жизнь этого человека — непрерывный духовный труд, отраженный в Дневниках (охватывают период от 1928 до 1962 года), которые представляют собой собрание глубоких и оригинальных философских и богословских эссе, включенных в описание происходящих событий. Особую ценность придают дневниковым записям также воспоминания о творческом содружестве «Чинари» (Петроград—Ленинград, 1920—1930 гг.), о разговорах с друзьями-чинарями — поэтами Д. Хармсом, А. Введенским, Н. Олейниковым и философом Л. Липавским.

Публикация вводит в научный оборот уникальные тексты, позволяющие во многом переоценить некоторые аксиомы истории русской-советской культуры.

Друскин Яков Семенович
ДНЕВНИКИ

Редактор *С. С. Полигнотова*
Художник *Ю. С. Александров*
Художественный редактор *В. Г. Бахтин*
Компьютерная верстка *А. Ю. Шмарцев*

ЛР № 066191 от 27.11.98

Подписано в печать 14.05.1999. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. п. л. 38. Уч. изд. п. л. 46,4
Тираж 2000 экз. Заказ № 3244

Гуманитарное агентство "Академический проект"
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии "Наука" РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

«Это вся моя жизнь, принадлежащая не мне, а Богу»

Дневники замечательного русского философа Я. С. Друскина (1902—1980) — уникальное философское произведение. «Я только исследователь и наблюдатель своих состояний»,— писал он. Жизнь этого человека — непрерывный духовный труд, отраженный в Дневниках (охватывают период от 1928 до 1962 года), которые представляют собой собрание глубоких и оригинальных философских и богословских эссе, включенных в описание происходящих событий. Особую ценность придают дневниковым записям также воспоминания о творческом содружестве «Чинари» (Петроград–Ленинград, 1920—1930 гг.), о разговорах с друзьями-чинарями — поэтами Д. Хармсом, А. Введенским, Н. Олейниковым и философом Л. Липавским.

«Я жил много лет, что-то делал, думал, писал и вдруг увидел: меня не было. Где я? Где моя душа?..
Это так просто: надо подумать о своей душе»

Гуманитарное агентство «Академический проект»